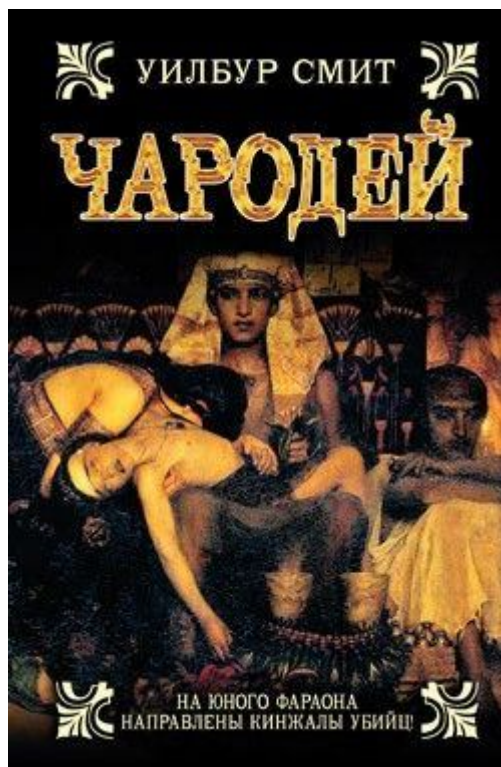

Уилбур Смит Чародей

Древний Египет – 3

*Война, на долгие годы расколовшая землю великого Ра, закончена.
Армия безжалостных варваров-гиксосов отброшена от границ...
В Древнем Египте наконец воцарился мир и покой? Увы, нет.
Во дворце проросли семена заговора. Фараон убит, и теперь кинжалы мятежников
направлены на его наследника, принца Нефера.
У заговорщиков есть власть, сила и золото, а значит, число их сторонников неуклонно
растет.
Но на помощь юному принцу приходит Таита, таинственный чародей, обладающий
умом и хитростью прирожденного царедворца и поразительным даром общения с древними
богами...*

*Той, что снова пробудила во мне любовь, – Мохинисо.
Души Чингисхана и Омара Хайяма воплотились для меня в ней,
озаряющей мир чистейшим сиянием идеального жемчуга.*

*Я прошу читателей помнить, что «Чародей» – художественное
произведение. Многие места, описанные мной, действительно
существуют, но некоторых никогда не было, или, по крайней мере
отдельные, например Аварис, давно потеряны и забыты. Галлала –
именно такой случай. Источник Таиты тысячу лет назад высох, а
затем землетрясение разрушило город до основания.
Точно так же большинство персонажей в книге вымышлены –
даже Таита жил только в моем воображении.*

Подобно развертывающей кольца змее, цепь боевых колесниц, стремительно вилась по дну глубокой долины. Держась за передний щит ведущей колесницы, мальчик смотрел вверх на обступившие их утесы. Отвесная скала, будто сотами, была пронизана зияющими входами в могилы древних. Темные отверстия глядели на него как беспощадные глаза легиона джиннов. Принц Нефер Мемнон содрогнулся и стал смотреть вдаль, украдкой сложив пальцами левой руки знак, отвращающий зло.

Он оглянулся на колонну и увидел, что со следующей колесницы сквозь клубящиеся облака пыли на него смотрит Таита. Пыль тонким слоем покрыла старика и его колесницу, и луч солнечного света, проникший до дна этой глубокой долины, блестел на частицах слюды так, что Таита, казалось, светился, будто воплощение одного из богов. Нефер виновато склонил голову, устыдившись того, что старик заметил его мимолетный суеверный страх. Никому из принцев крови Дома Тамоса не пристало выказывать подобную слабость, особенно ему, сейчас, когда он стоит на пороге зрелости. Однако Таита знал его как никто другой, ведь, наставник Нефера с самого младенчества, он был ближе к принцу, чем родители или кровные братья. Выражение лица Таиты никогда не менялось, но даже издали взгляд его стариковских глаз, проникал Неферу в самую душу. Видящий все, понимающий все.

Нефер опять отвернулся и встал в полный рост рядом с отцом, который щелкал вожжами и подгонял лошадей длинным кнутом. Внезапно долина впереди открылась в большой амфитеатр, где лежали холодные развалины города Галлала. При первом же взгляде на знаменитое поле битвы Нефер затрепетал. Таита еще молодым человеком сражался здесь, когда полубог Тан, господин Харраб, уничтожил темные силы, угрожавшие Египту. Это случилось более шестидесяти лет назад, но Таита поведал принцу о битве во всех подробностях и столь живо, что Нефер будто сам присутствовал там в тот роковой день.

Отец Нефера, бог и фараон Тамос, подвел колесницу к россыпи камней от разрушенных ворот и остановил лошадей. Позади сто колесниц одна за другой в точности повторили маневр, и колесничие спустились с площадок, чтобы напоить лошадей. Когда фараон открыл рот, намереваясь заговорить, пыль, покрывавшая его лицо, стала крошиться на щеках и осыпаться по груди.

– Мой господин!

В ответ фараон приветствовал Великого Льва Египта, господина Нага, командующего его войском и любимого друга.

– Прежде чем солнце коснется вершин, мы должны оказаться далеко отсюда. Я хочу совершить ночной переход к Эль-Габару.

Синяя военная корона на голове Тамоса мерцала от слюдяной пыли, а глаза с крошечными влажными комочками грязи в уголках были налиты кровью, когда он взглянул на Нефера.

– Вас с Таитой я оставлю здесь.

Хотя Нефер знал, что возражать бесполезно, он все-таки решил: попытка не пытка. Войско шло на врага. Замысел фараона Тамоса был таков: двинуться в обход к югу через Большие Барханы и найти путь между горькими натровыми озерами, чтобы напасть на врага с тыла и пробить в центре его войска брешь, в которую могли бы хлынуть египетские легионы, собранные и ожидающие на берегу Нила напротив Абнуба. Тамос объединил бы два войска и, прежде чем враг оправится, погнал бы его мимо Тель эль-Даба и захватил вражескую цитадель Аварис.

Это был смелый, блестящий план; его осуществление позволило бы одним ударом завершить войну с гиксосами, бушевавшую на протяжении жизни двух поколений.

Нефера учили, что смысл его существования на этой земле – сражение и слава. Но даже

в его нынешнем возрасте, четырнадцать лет, и то и другое пока ускользало от него. Он же всей душой стремился мчаться рядом с отцом к победе и бессмертию.

Протест не успел сорваться с губ принца: фараон опередил его.

– Что есть первая обязанность воина? – спросил он мальчика.

Нефер опустил глаза.

– Повиновение, великий, – тихо и неохотно ответил он.

– Всегда помни об этом. – Фараон кивнул и отвернулся.

Нефер чувствовал себя отвергнутым и брошенным. В его глазах была боль, верхняя губа дрожала, но пристальный взгляд Таиты заставил принца взять себя в руки. Мальчик поморгал, прогоняя слезы, глотнул воды из меха, висевшего на поручне сбоку колесницы, и повернулся к старому Магу, бойко тряхнув густыми, покрытыми спекшейся пылью кудрями.

– Покажи мне памятник, Тата, – приказал он.

Странная пара зашагала через скопление колесниц, мужчин и лошадей, запрудивших узкую улицу разрушенного города. Раздетые донага из-за сильной жары, два десятка солдат спустились по глубоким шахтам к древним колодцам и по цепочке передавали на поверхность ведра со скудными остатками горьковатой влаги. Когда-то эти колодцы вдосталь снабжали водой богатый густонаселенный город, безраздельно господствовавший на торговом пути от Нила к Красному морю. Затем, столетия назад, землетрясение разрушило водоносный слой и перекрыло подземный поток. Город Галлала обезлюдел от недостатка воды. Теперь ее едва хватало, чтобы утолить жажду двухсот лошадей и наполнить мехи, прежде чем колодцы иссякнут.

Таита вел Нефера по узким переулкам мимо храмов и дворцов, ныне населенных только ящерицами и скорпионами, пока они не достигли пустынной центральной площади. Посреди этой площади стоял памятник господину Тану и его победе над полчищами разбойников, которые едва не истребили самую богатую и могущественную нацию на земле. Памятник представлял собой внушающую ужас пирамиду из человеческих черепов, скрепленных вместе; перед ней стоял маленький храм из красных каменных плит. Более тысячи черепов, оскалив зубы, глядели на мальчика, когда он читал вслух надпись на каменном портике: «Наши отрубленные головы свидетельствуют о битве, в которой мы пали здесь от меча Тана, господина Харраба. Да прославят деяния этого могущественного повелителя мощь богов и праведных в грядущих поколениях. Так провозглашено в четырнадцатом году правления бога фараона Мамоса».

Сидя на корточках в тени памятника, Таита наблюдал за принцем. Тот двинулся в обход пирамиды и через каждые несколько шагов останавливался, уперев руки в бедра, желая изучить ее со всех сторон. Хотя лицо Таиты оставалось невозмутимым, в его глазах читалась любовь к этому мальчику. Она брала начало в жизнях двух других людей. Первой была Лостра, царица Египта. Таита, евнух, был оскотлен после возмужания и когда-то любил женщину. Из-за увечья любовь Таиты была чиста, и он щедро изливал ее на царицу Лостру, бабушку Нефера. Это была любовь столь всепоглощающая, что и теперь, спустя двадцать лет после смерти Лостры, она составляла основу его существования.

Другим источником любви Таиты к Неферу был Тан, господин Харраб, в честь которого воздвигли этот памятник. Таите он был дороже брата. Лостра и Тан давно умерли, но их кровь щедро смешалась в жилах этого мальчика. От их незаконного союза родился ребенок, который ныне вырос, стал отцом принца Нефера и фараоном Тамосом и теперь вел войско на колесницах, доставивших их сюда.

– Тата, покажи, где вы захватили главаря грабителей. – Голос Нефера срывался от волнения – и оттого, что принц вступил в пору взросления. – Здесь? – Он побежал к разбитой стене на южной стороне площади. – Расскажи мне эту историю еще раз.

– Нет, не здесь. На той стороне. – Таита поднялся и на длинных и тонких, как у аиста, ногах зашагал к восточной стене. Он посмотрел на рассыпающуюся вершину пирамиды. – Негодяя звали Шуфти, и был он одноглазым и уродливым, как бог Сет. Он попытался сбежать с поля боя и полез через стену вон там. – Таита наклонился, поднял из обломков

половинку кирпича и внезапно швырнул ее вперед. Она перелетела через высокую стену. – Я раскроил ему череп, убил одним ударом.

Хотя Нефер знал силу старика не понаслышке, а о мощи и выносливости Таиты ходили легенды, принц дивился тому удару. «Он стар как горы, старше моей бабушки – ведь он и ее растил, – изумился Нефер. – Говорят, он видел двести разливов Нила и лично участвовал в постройке пирамиды». Он громко спросил:

– Ты отрубил ему голову, Тата, и положил ее на ту груду? – Он указал на зловещий памятник.

– Вы знаете эту историю не хуже меня, ведь я рассказывал ее вам сто раз. – Таита притворялся, будто из скромности не хочет расхваливать собственные подвиги.

– Расскажи опять! – потребовал Нефер.

Таита сел на каменный блок, а Нефер в счастливом ожидании устроился у его ног и жадно слушал, пока войска не протрубили в бараньи рога отход и отголоски не затихли в черных утесах.

– Фараон зовет нас, – сказал Таита и встал, чтобы первым идти назад через ворота.

За стенами царили великие суматоха и суета: войско готовилось к отправке в земли барханов. Мехи вновь распирало, солдаты, прежде чем подняться на колесницы, проверяли и подтягивали упряжь.

Когда старик и мальчик появились из ворот, фараон Тамос посмотрел поверх голов советников и кивком подозвал к себе Таиту. Вместе они отошли туда, где их не могли слышать военачальники. Господин Наг хотел было присоединиться к ним, но Таита что-то шепнул фараону, и Тамос повернулся и коротко отослал Нага. Оскорбленный господин Наг вспыхнул от унижения и бросил на Таиту яростный взгляд, разящий, как боевая стрела.

– Ты оскорбил Нага. Однажды меня может не оказаться рядом. Кто тогда защитит тебя?

– Никому нельзя доверять, – возразил Таита. – По крайней мере, пока мы не раздавим голову змее предательства, которая сжимает кольца вокруг опор вашего дворца. До вашего возвращения из северной кампании только мы двое должны знать, куда я беру принца.

– Но Наг! – Фараон протестующе засмеялся. Наг был ему как брат. Они вместе проехали по Красной Дороге.

– Даже Наг. – Таита не сказал больше ни слова. Его подозрения наконец превращались в уверенность, но он еще не собрал все нужные свидетельства, чтобы убедить фараона.

– Принцу известно, зачем вы едете в бесплодную пустыню? – спросил фараон.

– Ему известно только, что мы продолжим изучение тайных знаний и постараемся поймать его божественную птицу.

– Хорошо, Таита, – кивнул фараон. – Ты всегда был скрытен, но верен. Мне нечего больше сказать, ибо все сказано. Теперь ступай, и пусть Гор прострет крылья над тобой и Нефером.

– Будьте осторожны и вы, великий, в эти дни враги стоят позади вас, не только впереди.

Фараон крепко сжал локоть мага. Рука под его пальцами была тонкой, но твердой, как высохшая ветвь акации. Затем он вернулся туда, где возле царской колесницы его ждал Нефер – с оскорбленным видом щенка, которому приказали вернуться в конуру.

– Божественно великий, в войске есть солдаты моложе меня. – Принц предпринял последнее отчаянное усилие убедить отца, что его место – на колесницах. Конечно, фараон знал: мальчик прав. Мерен, внук прославленного полководца Кратаса, был моложе Нефера на три дня, но сегодня ехал с отцом как копьеносец в одной из замыкающих колесниц. – Когда вы позволите мне отправиться с вами на битву, отец?

– Возможно, когда ты проедешь по Красной Дороге. Тогда даже я не стану противиться.

Пустое обещание, они оба знали это. Красная Дорога была тяжелым испытанием в искусстве верховой езды и владении оружием, и немногие воины решались проехать по ней. Дорога доводила до изнурения и часто убивала даже крепкого мужчину в расцвете сил, но доводила его обучение почти до совершенства. Для Нефера этот день должен был наступить

не скоро.

Затем строгое лицо фараона смягчилось, и он сжал плечо сына – единственное проявление любви, которое он мог позволить себе перед войсками.

– А сейчас я повелеваю тебе отправиться с Таитой в пустыню, чтобы поймать божественную птицу и таким образом доказать, что в твоих жилах течет царская кровь и у тебя есть право однажды надеть двойную корону атев.

Нефер и старик бок о бок стояли под разрушенными стенами Галлалы и наблюдали, как колонна пронесется мимо. Ее, обернув поводья вокруг запястий и откинувшись назад, сдерживая рвущихся лошадей, вел Фараон с обнаженным торсом и в льняном набедреннике, хлеставшем по мускулистым ногам; синяя военная корона на голове делала его высоким и подобным богу.

За ним следовал господин Наг, почти такой же высокий, почти такой же красивый, с надменным и гордым лицом, с большим изогнутым луком через плечо. Наг, один из самых могучих воинов Египта, получил свое имя как почетное прозвище: Нагом звалась священная кобра в урее, царской короне. Фараон Тамос даровал ему это прозвание в тот день, когда они вместе прошли испытание Красной Дорогой.

Наг не соизволил взглянуть в сторону Нефера. Колесница фараона въехала в устье темного ущелья прежде, чем последняя колесница в колонне промчалась мимо того места, где стоял Нефер. Мерен, друг и товарищ принца во многих запретных детских забавах, рассмеялся ему в лицо, сделал непристойный жест и насмешливо крикнул, стараясь перекрыть скрип и скрежет колес:

– Я принесу тебе голову Апеги поиграть, – пообещал он, и в этот миг, когда Мерен уносился прочь, Нефер возненавидел приятеля. Апеги был царем гиксосов, а Нефер не нуждался в игрушках: он уже стал мужчиной, пусть даже отец отказывался признать это.

После того как колесница Мерена исчезла и пыль улеглась, старик и мальчик долго молчали. Затем Таита повернулся и без единого слова пошел туда, где были привязаны их лошади. Он поправил удила, поднял набедренник и не по годам проворно вскочил в седло. Оказавшись верхом на голой спине животного, он, казалось, слился с ним воедино. Нефер вспомнил: если верить легенде, Таита первый в Египте освоил искусство верховой езды. Он по-прежнему носил титул «Повелитель десяти тысяч колесниц», дважды дарованный ему вместе с Золотой Похвалой двумя фараонами, правившими отдельно.

И, без сомнения, он был один из тех немногих, кто осмеливались ездить верхом. Большинство египтян чурались этого занятия, считая его так или иначе непристойным и недостойным, а главное, опасным. Нефер не питал таких предубеждений, и стоило ему вскочить на спину любимого жеребца, Звездочета, как его дурное настроение начало таять. Когда они достигли гребня холмов над разрушенным городом, к принцу почти вернулось обычное воодушевление. Он бросил последний завистливый взгляд на клубы пыли, поднятые войском вдаль, у северного горизонта, и решительно повернулся к ним спиной.

– Куда мы едем, Тата? – спросил он. – Ты обещал сказать, как только мы отправимся в путь.

Таита был неизменно сдержан и скрытен, но редко до такой степени, как в том, что касалось конечной цели этой их поездки.

– Мы едем в Гебель-Нагару, – ответил Таита.

Нефер впервые слышал это название, но тихо повторил его. Оно звучало романтично и завораживающе. От волнения и предчувствия затылок принца будто закололо, и мальчик поглядел вперед, в простор пустыни. Бесконечность зазубренных крутых холмов уходила далеко к голубому горизонту в знойном мареве. Окраска скал изумляла: то темно-синие, как грозовые тучи, то желтые, как оперение ткачика, или красные, как раненая плоть, и блестящие, как хрусталь. В жаркой дымке их очертания колебались и дрожали.

Таита оглядывал эти жуткие места с грустью и ощущением, что возвращается домой. Именно в эту дикую местность он удалился после смерти своей возлюбленной царицы

Лостры. Сначала он уполз сюда, подобно раненому животному. Затем, когда прошли годы и боль притупилась, его вновь привело к тайнам и пути великого бога Гора. Он удалился в эту пустыню лекарем и хирургом, сведущим в известных науках. Один в бесплодных песках, он обнаружил ключ к вратам духа, за которые проникали лишь немногие. Он вошел в них человеком, а вышел знакомцем великого бога Гора, посвященным в диковинные тайны, малодоступные человеческому воображению.

Таита вернулся в мир людей лишь тогда, когда царица Лостра посетила его во сне, покуда он спал в своей пещере отшельника в Гебель-Нагаре. Она снова была пятнадцатилетней девушкой, свежей, едва достигшей брачного возраста, розой в первом цветении, с росой на лепестках. Даже во сне его сердце переполнилось любовью и грозило разорвать грудь.

– Дорогой Таита, – прошептала Лостра, коснувшись его щеки и разбудив, – ты был одним из двух мужчин, которых я любила при жизни. Тан теперь со мной, но прежде чем и ты сможешь прийти ко мне, я дам тебе еще одно поручение. Ты никогда не подводил меня. Знаю, не подведешь и теперь, верно, Таита?

– Я к вашим услугам, госпожа. – Собственный голос странно отдавался в его ушах.

– В Фивах, моем городе ста ворот, в эту ночь был рожден ребенок. Он – сын моего сына. Это дитя назовут Нефером, что означает «чистый и совершенный телом и духом». И – увы – он несет мою кровь и кровь Тана к трону Верхнего Египта. Ибо великие и разнообразные опасности уже сгущаются вокруг малыша. Ему не преуспеть без твоей помощи. Только ты в силах защитить и направить его. Последние годы ты провел отшельником в бесплодной пустыне; те навыки и знания, что ты приобрел здесь, предназначены только для одной цели: отправляйся к Неферу. Отправляйся быстро, тотчас, и оставайся с ним, пока твоя служба не будет исполнена. Затем приходи ко мне, возлюбленный Таита. Я буду ждать, а твоя бедная искалеченная мужественность восстановится. Ты будешь здоров и невредим, когда встанешь рядом со мной, рука в моей руке. Не подведи меня, Таита.

– Никогда! – вскричал во сне Таита. – За всю жизнь я ни разу не подвел вас. Не подведу и теперь, после вашей смерти.

– Знаю, что не подведешь. – Лостра улыбнулась милой призрачной улыбкой, и ее образ растаял в ночи пустыни. Таита пробудился с лицом, влажным от слез, и собрал свое скудное имущество. Только у входа в пещеру он задержался, чтобы взглянуть на звезды. Он подсознательно искал яркую, совершенно определенную звезду богини. В семидесятый день после смерти царицы, в ту ночь, когда долгий ритуал ее бальзамирования завершился, эта звезда внезапно появилась в небесах, большая, красная, пылавшая там, где прежде было пусто. Сейчас Таита нашел ее и почтительно ей поклонился. Затем он зашагал на запад, к Нилу и к городу Фивам, прекрасным стовратным Фивам.

Это случилось более четырнадцати лет назад, и теперь Таита жаждал добраться до тихого места в пустыне, ведь только там он мог вновь набрать полную силу, и тогда выполнить поручение Лостры. Только там он мог поделиться этой силой с принцем. Ибо маг знал, что темные силы, о которых предупреждала царица, уже собираются вокруг.

– Вперед! – сказал он мальчику. – Давай поедem и поймем твою божественную птицу.

На третью ночь после отъезда из Галлалы, когда созвездие Диких Ослов стояло в зените в северной части ночного неба, фараон остановил войско, чтобы напоить лошадей и наспех перекусить высушенным на солнце мясом, финиками и холодными лепешками из проса дурра. Затем он приказал подняться на колесницы. Сейчас бараньи рога не гудели сигнал: войско было на территории, где часто проезжали дозорные колесницы гиксосов.

Колонна снова понеслась вперед рысью. По мере их продвижения пейзаж заметно менялся. Наконец египтяне выехали из плохих земель, вернувшись в предгорья над речной долиной. Внизу виднелась полоса густой растительности, далекая и темная в лунном свете; она отмечала русло великой Матери-реки Нила. Далеко обойдя Абнуб, войско вышло в тыл

главного войска гиксосов на реке. Хотя для такого врага, как Апеи, это был крошечный отряд, здесь были собраны искуснейшие колесничие войск Тамоса – он-то и сделал их лучшими в мире. Кроме того, на их стороне была внезапность.

Когда фараон впервые предложил эту стратегию и объявил, что лично возглавит поход, члены военного совета возражали ему со всей страстностью, какую могли себе позволить, перечая богу. Даже старый Кратас, когда-то самый безрассудный и свирепый воин во всех войсках Египта, рвал густую белую бороду и ревел:

– Клянусь истрепанной и гноящейся крайней плотью Сета, я бы и измаранной пеленки вам не сменил, если бы тем самым посылал вас прямо в любящие руки Апеи. – Он, вероятно, единственный смел так говорить с богом-царем. – Пошлите другого на эту черную работу. Ведите колонну прорыва, если вам так угодно, но не удаляйтесь в пустыню, на съедение упырям и джиннам. Вы – Египет. Если Апеи захватит вас, он захватит нас всех.

Из всего совета только Наг поддержал фараона, но Наг всегда был преданным и верным. Теперь они перешли через пустыню и оказались во вражеском тылу. Завтра на рассвете они предпримут отчаянную атаку, которая расколется войско Апеи и позволит еще пяти отрядам фараона, тысяче колесниц, с боем прорваться к ним. Тамос уже чувствовал на языке медовый вкус победы. Еще до следующего полнолуния он будет пировать в залах дворца Апеи в Аварисе.

Вот уже почти два столетия Верхнее и Нижнее Царства Египта были разделены. С тех пор в Северном Царстве правили то египетский узурпатор, то захватчик-чужеземец. Предназначением Тамоса было изгнать гиксосов и объединить обе части страны. Только тогда он мог бы носить атев, двойную корону, по праву и с одобрения всех древних богов.

В лицо ему дохнул ночной ветер, довольно холодный – у Тамоса онемели щеки, а его копьеносец поспешил укрыться за передним щитом колесницы. Были слышны только хруст грубого щебня под колесами, тихий стук копий в ножнах да изредка негромкий предупреждающий окрик: «Берегись! Яма!», – передающийся вдоль колонны.

Внезапно перед ним открылась широкая вади Гебель-Вадун, и фараон Тамос остановил колесницу.

Вади была гладкой как дорога. Она приведет их к плоской береговой равнине у реки. Фараон бросил поводья копьеносцу и спрыгнул на землю. Он потянулся, разминая затекшие и ноющие члены, и, не оборачиваясь, услышал, как сзади подъехала колесница Нага. Раздалась тихая команда – скрип колес замер в тишине, – затем легкие, уверенные шаги: Наг направился в сторону Тамоса.

– Теперь мы здесь, и опасность, что нас обнаружат, велика как никогда, – сказал Наг. – Посмотрите туда. – Он показал длинной мускулистой рукой за плечо фараона. Там, где вади ниже их выходила на равнину, горел огонек, мягкий желтый свет масляной лампы. – Это – деревня Эль-Вадун. Там ждут наши лазутчики; они проведут нас через заставы гиксосов. Я поеду вперед и встречусь с ними, чтобы обезопасить путь. Прошу вас подождать здесь, великий, я скоро вернусь.

– Я поеду с тобой.

– Я прошу вас. Там может быть предательство, Мем. – Он назвал царя детским именем. – Вы – Египет. Вы слишком драгоценны, чтобы рисковать вами.

Фараон обернулся, чтобы взглянуть в любимое лицо, худощавое и красивое. Белые зубы Нага блеснули в звездном свете – он улыбнулся, – и фараон легко коснулся его плеча, с доверием и любовью.

– Иди скорее и скорее возвращайся, – разрешил он.

Наг коснулся рукой груди возле сердца и побежал к своей колеснице. Проезжая мимо того места, где стоял царь, он вновь салютовал. Тамос улыбнулся, салютовал в ответ и стал смотреть, как Наг съезжает по склону вади. Доехав до ровного, твердого песка сухого русла вади, Наг хлестнул лошадей, и те помчались к деревне Эль-Вадун. Колесница, оставляя на серебристом песке колеи, в которых залегли черные тени, исчезла за первым изгибом вади. Когда она уехала, фараон пошел вдоль ожидающей колонны и стал тихо говорить с воинами,

называя многих по имени, негромко смеясь, подбадривая и приветствуя их. Неудивительно, что они любили его и с радостью следовали за ним, куда бы он их ни повел.

Господин Наг ехал осторожно, держась южного берега сухого русла. Время от времени он глядел на гребень холмов и наконец узнал на горизонте скалу, превращенную ветром в чуть скособоченную башню, и, довольный, крикнул. Вскоре он достиг места, где едва заметная тропинка, начинаясь на дне вади, вилась по крутому склону к древней смотровой башне.

Коротко отдав приказ копьеносцу, Наг спрыгнул с подножки и поправил на плече кавалерийский лук. Затем снял привязанный ремнем к поручню колесницы глиняный горшок с огнем и зашагал вверх по тропе. Она была еле видна, так что если бы Наг не запомнил каждый ее изгиб и поворот, то дюжину раз потерял бы ее, прежде чем достичь вершины.

Наконец он вышел к верхнему валу башни. Построенная много столетий назад, сейчас она была разрушена. Наг не приближался к краю, где был крутой обрыв в долину. Вместо этого он нашел спрятанную им заранее в нише стены вязанку сухого хвороста и вытащил ее на открытое место. Он быстро составил небольшую пирамиду для розжига, подул на крупные древесные угли в горшке для огня и, когда они запылали, высыпал на них горсть сухой травы. Угли вспыхнули, и он развел маленький сигнальный костер. Спрятаться он не пытался, наоборот, встал там, где наблюдатель внизу увидел бы его освещенным на башне. Пламя погасло, едва хворост сгорел. Наг сел и стал ждать в темноте.

Некоторое время спустя он услышал скрип камешков на каменистой тропинке под стенами и резко свистнул. Послышался ответный свист, и Наг встал. Он ослабил в ножнах бронзовое лезвие своего изогнутого меча, положил стрелу на тетиву и встал, готовый мигом натянуть лук. Немного погодя резкий голос позвал его на гиксосском языке. Он бегло и правильно ответил на том же наречии, и на каменном валу раздались шаги по меньшей мере двух человек.

Даже фараон не знал, что мать Нага была из народа гиксосов. За десятилетия оккупации захватчики переняли многие египетские обычаи и, поскольку соплеменниц не хватало, нередко брали египетских жен. Через поколения родовые связи размылись.

На вал ступил высокий мужчина в облегающем бронзовом шлеме; в его большую бороду были вплетены разноцветные ленты. Гиксосы очень любили яркие цвета.

Он раскрыл объятия.

– Да благословит тебя Сеует, родич, – проревел он. Наг обнялся с ним.

– Пусть он улыбнется и тебе, родич Трок, однако у нас мало времени, – предупредил Наг, указывая на восточную часть неба: ее уже ласкал легкими перстами рассвет.

– Ты прав, брат. – Гиксосский полководец разомкнул объятие и повернулся, чтобы взять полотняный сверток у своего помощника, стоявшего рядом и чуть позади него. Он передал сверток Нагу. Тот развернул его, предварительно подложив хвороста в костер. При свете пламени Наг осмотрел оказавшийся в свертке колчан со стрелами, вырезанный из легкого твердого дерева и покрытый тонко выделанной и сшитой кожей. Работа была превосходной. Это было снаряжение высокопоставленного военачальника. Наг легко отвернул крышку и вытянул из колчана стрелу. Он быстро осмотрел ее и покрутил древко между пальцами, проверяя баланс и устойчивость.

Гиксосские стрелы были безупречны. Оперение окрашено в яркие цвета отряда лучников, на древке стояло клеймо с его личной печатью. На случай, если выстрел оказывался не смертельным, кремневый наконечник был зазубрен и привязан к древку так, что, попытайся врач вытянуть стрелу из плоти жертвы, наконечник отделился бы от древка и засел глубоко в канале раны, вызывая гниение и приводя к мучительной, нескорой болезненной смерти. Кремень был намного тверже бронзы и не мог погнуться или сплющиться, если ударял в кость.

Наг вложил стрелу обратно в колчан и закрыл крышку. Он опасался приносить эти стрелы-обличители в свою колесницу. Если возница или копьеносец обнаружат их среди его оружия, это запомнится и трудно будет объяснить.

– Есть еще много такого, что нужно обсудить. – Наг сел на корточки и показал Троку, чтобы тот последовал его примеру. Они тихо говорили, пока Наг наконец не поднялся. – Достаточно! Теперь мы оба знаем, что делать. Время действовать настало.

– Пусть боги улыбнутся нашему предприятию. – Трок и Наг снова обнялись, а затем, не сказав больше ни слова, Наг покинул родича, легко сбежал вниз с вала башни и зашагал по узкой тропинке с холма.

Спускаясь, он по дороге нашел, где спрятать колчан. Это была ниша, где скалу широко раскололи корни тернового дерева. Наг положил на колчан камень, размером и формой напоминающий голову лошади. Искривленные верхние ветви дерева образовали легко заметный на фоне ночного неба крест. Он без труда узнал бы это место снова.

Затем он продолжил спуск по тропинке туда, где на дне вادي стояла его колесница.

Фараон Тамос увидел, как колесница вернулась, и по порывистости, с которой Наг правил ей, догадался: что-то случилось. Он спокойно приказал воинам своего отряда подняться на колесницы и стоять, обнажив оружие, готовыми встретить любую неожиданность.

Колесница Нага прогрохотала по склону от дна вادي. В тот миг, когда она поравнялась с местом, где ждал фараон, Наг спрыгнул.

– Что случилось? – спросил Тамос.

– Благословение богов, – ответил Наг, не способный подавить дрожь волнения в голосе. – Они оставили Апепи беззащитным перед нашей мощью.

– Как это возможно?

– Мои шпионы провели меня туда, где расположился лагерь вражеский царь, это недалеко от места, где мы сейчас стоим. Его палатки разбиты прямо за первой грядой холмов, вон там. – Он указал назад обнаженным мечом.

– Ты уверен, что это – Апепи? – Тамосу едва удалось справиться с волнением.

– Я отчетливо разглядел его в свете походного костра. Каждую черту. Большой крючковатый нос и седоватую бороду, освещенную пламенем. Невозможно ошибиться и в росте. Он возвышается над всеми остальными и на голове носит корону с грифом.

– Какие с ним силы? – спросил фараон.

– По его обычному высокомерию при нем нет и пятидесяти охранников. Я посчитал их; половина спит, копья сложены. Он ничего не подозревает, а его костры горят ярко. Быстрое нападение из темноты, и он в наших руках.

– Веди меня туда, где стоит Апепи, – приказал фараон и вскочил на колесницу.

Наг поехал впереди; мягкий серебристый песок вادي глушил звуки колес. Когда в призрачной тишине отряд промчался за последний изгиб, Наг высоко поднял сжатый кулак, приказывая остановиться. Фараон подъехал к его колеснице и наклонился к нему.

– Где же лагерь Апепи?

– За этой горой. Я оставил шпионов наблюдать за ним. – Наг указал на тропу к смотровой башне на гребне. – С другой стороны скрытый оазис. Там есть пресноводный источник и финиковые пальмы. Его палатки стоят среди деревьев.

– Мы возьмем небольшой отряд, чтобы разведать лагерь. Только после этого мы сможем спланировать нападение.

Наг предвидел, какой будет отдан приказ, и несколькими короткими фразами назначил разведывательную партию из пяти солдат. Каждого из них связывала с ним клятва на крови. Они были преданы Нагу телом и душой.

– Обвяжите ножны, – приказал Наг. – Не должно быть слышно ни звука. – Затем, с натянутым луком в левой руке, он ступил на тропу. Фараон шел за ним, почти вплотную. Они быстро поднимались, пока Наг не увидел на предзакатном небе скрещенные ветви тернового дерева. Он резко остановился, поднял правую руку, требуя тишины, и прислушался.

– Что там? – прошептал фараон за его спиной.

– Мне показалось, я услышал на вершине голоса, – ответил Наг. – Говорили на гиксосском. Ждите здесь, великий, а я схожу на разведку. – Фараон и пятеро солдат присели на корточки около тропинки, а Наг бесшумно продолжил подъем. Он обошел большой валун, и его едва заметная фигура исчезла из вида. Минуты тянулись медленно, и фараон начал сердиться. Стремительно надвигался рассвет. Царь гиксосов скоро свернет лагерь и отправится дальше, туда, где его не схватишь. Когда послышался тихий свист, искусное подражание рассветной песне соловья, Тамос нетерпеливо вскочил.

Фараон воздел свой легендарный синий меч.

– Путь свободен, – проговорил он. – Вперед, за мной!

Они продолжили подъем, и наконец фараон дошел до высокого камня, перекрывавшего тропу. Он обошел его и вдруг остановился. Господин Наг стоял лицом к нему на расстоянии двадцати шагов. Они были одни, скрытые камнем от идущих следом солдат. Лук Нага был натянут, стрела нацелена в голую грудь фараона. На замершего Тамоса мгновенно обрушилось полное осознание того, с чем он столкнулся. Именно эту мерзость Таита учуял благодаря своим способностям ясновидца.

Света было довольно, чтобы рассмотреть каждую черточку врага, которого Тамос любил как друга. Тетива лука, до отказа натянутая перед губами Нага, рассекала игравшую на них страшную улыбку, а его глаза цвета золотистого меда, когда он впился взглядом в фараона, смотрели беспощадно, как у охотящегося леопарда. Оперение стрелы было темно-красное, желтое и зеленое, наконечник тоже гиксосский, из острого как бритва кремня, изготовленный так, чтобы пробивать бронзовые шлемы и панцири врагов.

– Желаю вам жить вечно! – тихо вымолвил Наг, словно проклинал, и пустил стрелу. Та со звоном отделилась от тетивы и загудела в воздухе. Казалось, она летела грузно, медленно, точно ядовитое насекомое. Перья вращали древко, и за разделявшие мужчин двадцать шагов стрела сделала один полный оборот. Хотя из-за смертельной опасности, в которой оказался фараон, его зрение и прочие чувства обострились, двигаться он мог только медленно, как в кошмарном сне, чересчур медленно, чтобы уклониться от стрелы. Стрела вонзилась в грудь, туда, где билось в клетке из ребер его царское сердце. Она глухо ткнула, как камешек, упавший с высоты в толстый слой нильского ила, и древко до половины вошло в тело царя. Силой удара фараона развернуло и бросило на красный валун. Мгновение он цеплялся за грубую поверхность скрюченными пальцами. Кремневый наконечник пробил грудь насквозь. Окровавленный зубец высунулся из рассеченных мышц на правом боку царя.

Синий меч выпал из ладони фараона, и тихий крик вырвался из открытого рта. Его приглушил поток ярко-красной крови, хлынувшей из легкого. Ноги Тамоса подогнулись, и он стал оседать на колени, царапая ногтями красный камень.

Наг прыгнул вперед с громким криком:

– Засада! Берегитесь! – и одной рукой обхватил торс фараона ниже торчащей стрелы.

Поддерживая умирающего царя, он рывкнул:

– Охрана, ко мне! – и в ответ на его крик о помощи из-за камня почти мгновенно появились два крепких воина. Они сразу увидели, что фараон ранен, и заметили яркие перья на хвосте стрелы.

– Гиксосы! – завопил один. Они подхватили фараона из рук Нага и понесли в убежище за камнем.

– Несите фараона к его колеснице, а я постараюсь задержать врага, – приказал Наг и, повернувшись, вытянул из колчана другую стрелу и пустил ее вверх по тропинке к пустой вершине, проревев вызов врагу, а затем сам приглушенно ответил себе вызовом на гиксосском языке.

Подобрав синий меч, который выронил Тамос, он отступил по тропинке вниз и догнал маленький отряд, уносящий царя туда, где в вади их ждали колесницы.

– Это была засада, – быстро сказал им Наг. – Вершина кишит врагами. Нужно вынести фараона в безопасное место. – Но по тому, как слабо покачивалась на плечах голова царя, Наг видел, что помочь ему невозможно, и его распирало от торжества. Синяя военная корона

свалилась с головы фараона и ударилась о тропинку. Наг, пробегая мимо, подобрал ее и с трудом подавил искушение надеть на собственную голову.

– Терпение. Еще не время, – тихо успокоил он себя, – но Египет уже мой, со всеми его коронами, богатством и мощью. Я становлюсь Египтом. Становлюсь одним из богов.

Он осторожно держал тяжелую корону под мышкой и громко кричал:

– Быстрее, враг на тропинке сразу за нами. Быстрее! Царь не должен попасть им в руки.

Солдаты внизу слышали громкие крики на склоне, и отрядный хирург уже ждал у колесницы фараона. Его обучил Таита, и, хотя ему недоставало особой магии старика, он был опытным лекарем, способным остановить кровотечение даже из такой страшной раны, как та, что зияла в груди фараона. Однако господин Наг не мог рисковать тем, что его жертва вернется к нему из подземного царства. Он грубо приказал хирургу отойти.

– Враг рядом! Сейчас не до твоего шарлатанства. Необходимо вернуть царя в безопасность, к нашим границам, иначе потеряем последний шанс.

Он осторожно принял царя из рук несших его солдат и уложил на дно своей колесницы. Затем вырвал древко стрелы, торчавшей из груди фараона, и высоко поднял, чтобы увидели все воины.

– Это проклятое оружие сразило фараона. Нашего бога и царя. Да проклянет Сет гиксосскую свинью, пустившую ее, и да горит негодяй в вечном огне тысячи лет. – Солдаты в один голос воинственно взревели. Наг тщательно обернул стрелу льняной тканью и убрал в ящик у боковой стенки колесницы. Ему следует доставить ее совету в Фивах, чтобы подтвердить весть о смерти фараона.

– Толкового воина сюда, поддерживать фараона, – приказал Наг. – Обращайтесь с богоравным осторожно.

Когда вперед вышел копьеносец царя, Наг расстегнул пояс фараона и снял его, вложил синий меч в ножны и осторожно убрал в собственный ящик для оружия.

Копьеносец вскочил на колесницу и приподнял голову Тамоса. Свежая алая кровь пузырилась в уголках царского рта, когда колесница, сделав круг, устремилась обратно вверх по сухой вади вместе со всем отрядом, который с трудом поспевал за ней. Хотя фараона поддерживали сильные руки копьеносца, его немилосердно трясло.

Глядя вперед, так, чтобы никто не видел его лица, Наг тихо смеялся. Смех заглушали скрип колес и удары по мелким валунам, объехать которые он и не пытался. Отряд выехал из вад и мчался к барханам и натровым озерам.

Была середина утра и слепящее белое солнце уже прошло половину пути к зениту, когда Наг позволил колонне остановиться и позвал хирурга обследовать царя. Тому не потребовались специальные навыки, чтобы объявить: дух фараона давно покинул тело и начал путешествие в подземный мир.

– Фараон мертв, – тихо сказал хирург, чьи руки до запястий покрывала царская кровь. Ужасный крик скорби раздался в голове колонны и прокатился до ее последних рядов. Наг позволил воинам показать их горе и послал за старшими военачальниками.

– Государство осталось без головы, – сказал он им. – Египет в страшной опасности. Десять самых быстрых колесниц должны со всей поспешностью доставить тело фараона в Фивы. Я поведу их – возможно, совет пожелает, чтобы я принял обязанности регента при принце Нефере.

Он посеял первые семена и по испуганным лицам воинов понял, что эти семена почти сразу пустили корни. Он продолжал, мрачным и деловитым тоном, уместным в постигших их трагических обстоятельствах:

– Пусть хирург обернет царское тело, прежде чем я отвезу его на родину в погребальный храм. Но сейчас необходимо найти принца Нефера. Он должен узнать о смерти отца и о том, что он – наследник. Это единственное самое срочное дело государства и моего регентства. – Наг преспокойно принял упомянутую должность, и никто не задал ему вопроса, не посмотрел искоса. Он развернул свиток папируса с картой земель от Фив до Мемфиса, расправил его на переднем щите своей колесницы и подробно изучил. – Вы

разделитесь на отряды, общите местность и найдете принца. Полагаю, фараон усил его в пустыню с евнухом, чтобы принц прошел обряд возмужания, поэтому мы сосредоточим поиски здесь, от Галлалы, где его последний раз видели, к югу и востоку. – Глазом опытного полководца Наг выбрал район поиска и приказал раскинуть в нем сеть из колесниц, чтобы отыскать принца.

Отряд, возглавляемый господином Нагом, вернулся к Галлале. Следом прибыла колесница с частично забальзамированным телом фараона. На берегу натрового озера Ваифра хирург вынул царский труп и сделал в его левом боку традиционный разрез. Через него он удалил кишки и внутренние органы. Содержимое желудка и кишечника промыли в густой соленой воде озера. Затем все органы обсыпали белыми кристаллами природной соды, взятыми здесь же, на берегу, и сложили в глиняные фляги для вина. Полость тела царя набили природной содой, затем обернули льняными полосами, намоченными в крепком соляном растворе. Когда отряд достигнет Фив, фараона поместят в собственный погребальный храм и передадут жрецам и бальзамировщикам, чтобы провести ритуал семидесяти дней для подготовки к похоронам. Наг жалел о каждой минуте, потраченной в дороге, поскольку отчаянно торопился вернуться в Фивы – раньше, чем весть о смерти царя опередит его. Однако у ворот разрушенного города он вновь потратил драгоценное время, чтобы дать указания старшим командирам отрядов, которым предстояло искать принца.

– Общайте все дороги на восток. Евнух – хитрый старый лис и заметет следы, но вы должны разнюхать, где он, – приказывал Наг. – В оазисах Сатам и Лакара есть деревни. Расспросите людей. Можете использовать кнут и раскаленное железо, лишь бы убедиться, что они ничего не скрывают. Общайте все укромные уголки пустыни. Найдите принца и евнуха. Не подведите меня, не рискуйте.

Когда наконец старшие командиры вновь наполнили мехи и были готовы вести своих людей в пустыню, он задержал их заключительным приказом, и по его голосу и свирепым желтым глазам они поняли: это самый роковой приказ из всех и невыполнение будет означать смерть.

– Когда найдете принца Нефера, привезите его ко мне. Не передавайте его ни в чьи другие руки.

В отрядах были нубийские разведчики, черные рабы из диких южных земель, ловкие в искусстве выслеживания людей и животных. Они бежали перед колесницами, куда те веером развертывались в пустыне, и господин Наг потратил еще несколько драгоценных минут, наблюдая за ними. Его ликование умеривалось чувством тревоги. Он знал, что старый евнух Таита сведущ в тайных знаниях и наделен странными и чудесными силами. «Если и существует тот единственный, кто может остановить меня теперь, это он. Хотел бы я сам найти их, евнуха и отродье, вместо того чтобы посылать подчиненных бороться с хитростью Чародея. Но судьба зовет меня в Фивы, и мешкать нельзя».

Наг подбежал к своей колеснице и схватил поводья.

– Вперед! – Он сжатым кулаком дал команду двигаться. – Вперед, в Фивы!

Они гнали во весь опор, так что, когда съезжали с откоса восточных холмов на широкую равнину около реки, на вздувающихся лошадиных боках сохла пена, а глаза коней налились кровью и были дикими.

Из войска, стоящего около Абнуба, Наг вывел полный легион Стражи Пта. Он объяснил фараону, что это стратегический резерв, который следует бросить в брешь и предотвратить прорыв гиксосов, если наступление окажется неудачным. Однако Стража Пта была его личным особым отрядом. Командиров связывала с господином Нагом клятва. Следуя тайным приказам Нага, они отступили от Абнуба и теперь ждали его в оазисе Босс, всего в двух лигах от Фив.

Сторожевые заставы Стражи увидели пыль, поднятую приближающимися колесницами, и стояли с оружием, готовые к бою. Командир отряда Асмор и его военачальники вышли встретить господина Нага в полном боевом снаряжении. Легион с

оружием наизготовку был выстроен позади них.

– Господин Асмор! – приветствовал его с колесницы Наг. – Я принес ужасную весть и должен сообщить ее совету в Фивах. Фараон убит гиксосской стрелой.

– Господин Наг, я готов повиноваться вашим приказам.

– Египет – ребенок без отца. – Наг остановил колесницу перед рядами украшенных перьями воинов в сверкающих доспехах. Сейчас его голос звучал громко и хорошо был слышен в задних рядах. – Принц Нефер – еще дитя и не готов править. Египет стоит перед срочной необходимостью назначить регента, который держал бы бразды правления, чтобы гиксосы не использовали наше замешательство в своих интересах. – Он умолк и со значением посмотрел на начальника отряда Асмора. Тот слегка приподнял подбородок в знак признательности за оказанное Нагом доверие. Ему была обещана такая награда, о какой он никогда и не мечтал.

Наг возвысил голос до крика:

– Если фараон пал в битве, войско имеет право назначить регента на поле боя. – Он замолчал и стоял, прижав кулак к груди, с копьем в другой руке.

Асмор шагнул вперед и повернулся к рядам тяжеловооруженных стражей. Театральным жестом он снял шлем. Его лицо было мрачным и суровым. Бледный шрам от меча наискось рассекал с одной стороны нос, бритую голову закрывал заплетенный в косы парик из конского волоса. Асмор нацелил обнаженный меч в небо и закричал голосом, привыкшим перекрывать шум сражения:

– Господин Наг! Да здравствует регент Египта! Да здравствует господин Наг!

Последовало долгое мгновение ошеломленной тишины, а потом легион взревел, словно охотящиеся львы:

– Да здравствует господин Наг, регент Египта.

Приветствия и рев продолжались, пока господин Наг снова не поднял кулак. В наступившей тишине он четко проговорил:

– Вы оказываете мне большую честь! Я принимаю ту ответственность, что вы возлагаете на меня.

– Бак-хер! – кричали солдаты и били мечами и копьями о щиты, так что от прибрежных холмов подобно далекому грому отразилось эхо.

В шуме Наг подзвал Асмора.

– Поставь на всех дорогах заставы. Никто не должен уйти отсюда до моего отъезда. Ни одно из сказанных слов не должно достигнуть Фив прежде меня.

Путь от Галлалы занял три дня быстрой езды. Лошади выбивались из сил, и даже Наг утомился. Однако он позволил себе всего час отдыха, чтобы смыть дорожную пыль и переодеться. Затем, выбрив подбородок и причесав и умастив волосы, поднялся на церемониальную колесницу, приготовленную Асмором и ожидавшую у входа в палатку. Золотой лист, украшавший передний щит колесницы, сиял в солнечном свете.

На Наге был белый льняной набедренник, а на обнаженной мускулистой груди сверкало золотое украшение, покрытое полудрагоценными камнями. На бедре висел легендарный синий меч в золотых ножнах – их Наг снял с мертвого фараона. Лезвие было выковано из какого-то чудесного металла тяжелее, тверже и острее любой бронзы. Во всем Египте не было подобного. Когда-то клинок принадлежал Тану, господину Харрабу, и достался фараону по наследству.

Но самое важное в одеянии Нага меньше всего бросалось в глаза. На правой руке выше локтя простой золотой обруч удерживал синюю печать с соколом. Как и меч, Наг снял ее с тела царя. Регент Египта, Наг теперь имел право носить этот могущественный знак царской власти.

Его личная стража встала вокруг него, а весь легион построился позади. С пятью тысячами солдат за спиной новый регент Египта начал свой поход на Фивы.

Асмор ехал рядом в качестве его копьеносца. Он был чересчур молод, чтобы

командовать целым легионом, но хорошо проявил себя в сражениях с гиксосами и был близким другом Нага. В его жилах текла гиксосская кровь. Когда-то Асмор считал пределом своих притязаний командование легионом, но теперь он познал высоту предгорья, и вдруг перед ним возникли великолепные вершины: высокая должность, огромная власть и – смел ли Асмор хотя бы думать об этом? – дорога в высшие круги знати. Он сделал бы что угодно, охотно пошел бы на любой поступок, сколь угодно подлый или низкий, лишь бы ускорить продвижение своего покровителя господина Нага к трону Египта.

– Что нам предстоит сделать, старый друг? – Наг словно прочитал его мысли, до того уместным был вопрос.

– Желтые Цветы смели с вашего пути всех, кроме одного принца Дома Тамоса, – ответил Асмор и указал копьем за серые илистые воды Нила, на далекие западные холмы. – Они лежат в своих могилах в Долине Знати.

Тремя годами раньше через оба царства пронеслось поветрие Желтых Цветов, названное так из-за ужасной желтой сыпи, покрывавшей лица и тела заразившихся, после чего больные сгорали в лихорадке. Недуг не знал уважения к людям, выбирая себе жертвы во всех слоях и на всех уровнях общества, не щадя ни египтянина, ни гиксосу, ни мужчину, ни женщину, ни ребенка, ни крестьянина и ни принца: болезнь косила всех, как косят серпом просо дурра.

Восемь принцесс и шесть принцев Дома Тамоса умерли. Из всех детей фараона выжили только две девочки и принц Нефер Мемнон. Похоже, боги нарочно расчистили господину Нагу путь к трону Египта.

Были такие, кто клялся, что Нефер и его сестры также умрут, однако старый маг Таита призвал свое волшебство, чтобы спасти детей. Эти трое по сей день ходили с крошечными шрамами на левой руке выше локтя, где он, надрезав кожу, поместил в их кровь волшебное заклятие против Желтых Цветов.

Наг нахмурился. Даже в этот миг своего торжества он продолжал думать о странных силах, которыми владел Маг. Никто не мог отрицать, что тот открыл тайну жизни. Он жил уже так долго, что никто не знал, сколько ему лет; одни говорили сто, другие – двести. Однако он по-прежнему ходил, бегал и управлял колесницей как мужчина в расцвете сил. Никто не мог одолеть его в спорах, никто не мог превзойти его в учении. Несомненно, боги любили его и даровали ему тайну вечной жизни.

Когда он станет фараоном, ему будет недоставать лишь ее. Сможет ли он вырвать эту тайну у Чародея Таиты? Для начала его следует схватить и привезти вместе с принцем Нефером, но вредить ему нельзя. Он слишком ценен. Колесницы, посланные Нагом обыскивать восточные пустыни, доставят ему трон в лице принца Нефера и вечную жизнь в обличье внука Таиты.

Асмор прервал его размышления:

– Наша верная Стража Пта – единственный отряд к югу от Абнуба. Остальное войско развернуто против гиксосов на севере. Фивы защищают горстка мальчишек, калеки и старики. Никто не стоит на вашем пути, регент.

Любые опасения, что вооруженный легион не пустят в город, оказались беспочвенными. Главные ворота открылись настежь, едва часовые узнали синий штандарт, и навстречу воинам выбежали горожане. Они несли пальмовые ветви и гирлянды водяных лилий, поскольку по городу пролетел слух, что господин Наг принес весть о великой победе над царем гиксосов Апеи.

Но приветственные крики и смех вскоре уступили место исступленным воплям скорби: горожане увидели на полу второй колесницы обернутое тканью тело царя и услышали с подъезжающих колесниц крики: «Фараон мертв! Он убит гиксосами. Да живет он вечно».

Стенающие толпы, запрудив улицы, следовали за колесницей, которая везла царское тело к погребальному храму, и в замешательстве никто как будто бы не заметил, что отряды солдат Асмора сменили охрану на главных воротах и живо выставили караульных на каждом углу и на каждой площади.

Колесницу с телом Тамоса сопровождали толпы народа. Остальная часть обычно кишашего людьми города почти опустела, и Наг в своей колеснице галопом промчался по узким кривым улицам к дворцу на берегу реки. Он знал, что, услышав ужасную весть, все члены совета поспешат в палату собрания. Оставив колесницы у входа в сады, Асмор и пятьдесят телохранителей построились вокруг Нага. Они тесным строем прошли через внутренний двор, мимо прудов водного сада, полных гиацинтов и речной рыбы, сверкавшей подобно самоцветам под поверхностью прозрачных водоемов.

Прибытие такого отряда вооруженных воинов застало совет врасплох. Двери в палату не охранялись, и в ней собралось только четверо из членов совета. Наг остановился в дверном проеме и быстро взглянул на них. Менсет и Талла состарились и уже не обладали, как прежде, большими полномочиями; Синка всегда был слаб и нерешителен. Оставался лишь один сильный человек, с которым приходилось считаться.

Кратас был старше любого из них, но походил на дремлющий вулкан. В его одежде царил беспорядок – он несомненно прибыл на совет прямо с ложа, но не поднятый от сна. Поговаривали, будто он до сих пор способен развлекаться с двумя своими молодыми женами и всеми пятью наложницами, в чем Наг не сомневался, ибо рассказов о подвигах Кратаса на поле боя и в любви ходило множество. Свежие влажные пятна на белом льняном набедреннике и сладкий природный аромат женского сладострастия, окутывавший старика, нельзя было не заметить даже с того места, где стоял Наг. Шрамы на руках и обнаженной груди Кратаса напоминали о сотнях битв, в которых он сражался и побеждал на протяжении многих лет. Старик больше не желал носить многочисленные цепи полученных по праву Золотой Доблести и Золотой Похвалы, – такая груда драгоценного металла могла бы придавить и вола.

– Благородные господа! – приветствовал Наг членов совета. – Я прибыл, чтобы сообщить вам страшную весть. – Он шагнул в палату, и Менсет с Таллой отпрянули, будто кролики при виде змеящегося тела приближающейся кобры. – Фараон мертв. Сражен гиксосской стрелой при штурме вражеской крепости близ Эль-Вадуна.

Члены совета оторопело глядели на него в тишине, все, кроме Кратаса. Он первый оправился от потрясения. Его горе могло сравниться только с его гневом. Тяжело поднявшись на ноги, он с негодованием смотрел на Нага и его телохранителя: так старый буйвол с удивлением глядит из грязной лужи на лывят-подростков.

– Сколь велика твоя наглость, изменник, что ты посмел носить печать сокола на своей руке? Наг, сын Тимлата, рожденный из чрева гиксосской потаскухи, ты не достоин пресмыкаться в грязи под ногами мужа, у которого украл этот талисман. Мечом, что висит сейчас на твоём поясе, владели руки куда более благородные, чем твои лапы. – Лысое темя Кратаса побагровело, а худое лицо вздрагивало от ярости.

Наг на мгновение удивленно замер. Откуда это старое пугало узнало, что его мать была гиксосской крови? Это держали в глубокой тайне. Он понял, что перед ним единственный человек, помимо Таиты, в чьих силах и власти вырвать из его рук двойную корону.

Он невольно сделал шаг назад.

– Я – регент царственного принца Нефера. Я ношу синюю печать сокола по праву, – ответил он.

– Нет! – прогремел Кратас. – Ты – нет! Лишь великие и благородные мужи вправе носить печать сокола. Фараон Тамос имел на это право, Тан, господин Харраб, имел на это право, и их предки, могущественные цари до них. А тебе, сучье отродье, оно не принадлежит.

– Меня провозгласили регентом легионы на поле боя. Я – регент принца Нефера.

Кратас направился к нему через палату.

– Ты не воин. У Ластры и Сивы гиксосские родственники-шакалы разгромили тебя. Ты не государственный муж, не философ. Тобой в меру восхищался лишь фараон – и заблуждался. Я предупреждал его о тебе сто раз.

– Назад, старый дурак! – предостерег Наг. – Я теперь вместо фараона. Тронув меня, ты

оскорбишь корону и достоинство Египта.

– Я сорву с тебя печать и этот меч. – Кратас не остановился. – А потом доставлю себе удовольствие, задам тебе трепку.

Асмор справа от Нага прошептал:

– Оскорбление правителя карается смертью.

Наг мгновенно осознал, какая удача идет ему в руки. Он вскинул голову и взглянул во все еще яркие глаза старика.

– Старый хвостун, мешок дерьма, – дерзко сказал он. – Твое время прошло, Кратас, трясущийся старый осел. Ты не осмелишься и пальцем тронуть регента Египта.

Он рассчитал верно – такого оскорбления Кратас не стерпел. Он взревел и последние несколько шагов пробежал. Удивительно проворный для своих лет и сложения, он схватил Нага, приподнял и попытался сорвать печать сокола с его руки.

– Нет у тебя такого права!

Не оглядываясь, Наг негромко велел Асмору, стоявшему в шаге позади с обнаженным серповидным мечом в правой руке:

– Бей! И бей сильнее!

Асмор шагнул в сторону, и бок Кратаса выше набедренника открылся ему для удара в поясницу, в область почки. Удар умелой руки Асмора был силен и точен. Бронзовый клинок легко и бесшумно, как игла в шелк, вонзился в плоть и вошел по самую рукоятку, после чего Асмор прокрутил его, чтобы расширить канал раны.

Все тело Кратаса напряглось, глаза широко открылись. Его руки ослабли, и ступни Нага коснулись земли. Асмор потянул клинок на себя. Лезвие с трудом выходило из сжимавшей его плоти. Блестящую бронзу покрывала темная кровь, медленная струйка бежала вниз, впитываясь в белый льняной набедренник Кратаса. Асмор ударил снова, на сей раз выше, целясь клинком под самое нижнее ребро. Кратас нахмурился и покачал большой, похожей на львиную, головой, словно был раздражен какой-то ребяческой чепухой. Он повернулся и пошел к двери палаты. Асмор побежал за ним и нанес ему третий удар, в спину. Кратас не остановился.

– Мой господин, помогите убить собаку, – пропыхтел Асмор; Наг вынул синий меч и подбежал. Когда Наг рубил и колол, лезвие меча вонзалось глубже, чем любая бронза. Кратас, покачиваясь, вышел через двери палаты во внутренний двор, кровь толчками выплескивалась из дюжины ран. Позади них другие члены совета кричали:

– Убийство! Оставьте благородного Кратаса!

Асмор не менее громко орал:

– Предатель! Он поднял руку на регента Египта! – Он ударил снова, целясь в сердце, но Кратас привалился к стене, которой был обнесен рыбный пруд, и попытался выпрямиться. Однако его ладони, красные и скользкие от его собственной крови, соскользнули с полированного мрамора. Кратас рухнул на низкую плиту парапета и с тяжелым всплеском исчез под поверхностью.

Оба нападавших остановились, прислонясь к стене, чтобы отдышаться, и глядели на розовую от крови старика воду. Вдруг из нее поднялась лысая голова, и Кратас шумно вдохнул.

– Во имя всех богов, когда старый ублюдок умрет? – Голос Асмора был полон удивления и расстройства.

Наг перепрыгнул через стену, окаймлявшую водоем, и по пояс в воде встал над огромным барахтающимся телом. Он поставил ногу Кратасу на горло и глубоко утопил голову старика. Кратас ворочался, пытаясь подняться в розовой от его крови и грязной от взбаламученного ила воде. Наг давил всей тяжестью, удерживая старика под поверхностью.

– Похоже на езду на бегемоте. – Он, задыхаясь, засмеялся, и тотчас Асмор и солдаты, сгрудившиеся у края бассейна, подхватили. Они ревели от смеха и гикали:

– Выпей в последний раз, Кратас, старый пьяница.

– Ты отправишься к Сету чистеньким и пахнущим сладко, как женщина. Бог не узнает

тебя.

Движения старика становились все слабее; наконец последний большой выдох вырвался пузырями на поверхность, и Кратас замер. Наг прошел к краю пруда и выбрался из него. Тело Кратаса медленно поднялось к поверхности и поплыло лицом вниз.

– Достаньте его оттуда! – приказал Наг. – Бальзамировать не отдавайте, а разрубите на части и похороните вместе с другими разбойниками, насильниками и предателями в Долине Шакала. Могилу не отмечайте.

Тем самым Кратаса лишили возможности попасть в рай. Обрекли вечно блуждать в темноте.

Мокрый до пояса Наг вернулся в палату. К этому времени там собрались остальные члены совета. Свидетели участи Кратаса, они сидели сжавшись, бледные и потрясенные, на своих скамьях и ошеломленно глядели на Нага, стоявшего перед ними с окровавленным синим мечом в руке.

– Благородные господа, измену всегда карали смертью. Есть ли среди вас тот, кто подвергнет сомнению справедливость такого наказания? – Он посмотрел на каждого из них по очереди, и каждый отвел глаза: вдоль стен палаты плечом к плечу стояли Стражи Пта, а после смерти Кратаса не осталось никого, кто дал бы совет членам Совета.

– Господин Менсет, – Наг отыскал глазами председателя, – вы подтверждаете справедливость казни предателя Кратаса?

Долгое мгновение казалось, что Менсет возмутится, однако же он вздохнул и устался на свои руки, лежащие на коленях.

– Кара была справедливой, – прошептал он. – Совет утверждает действия господина Нага.

– Утверждает ли Совет также назначение господина Нага регентом Египта? – спросил Наг тихо, но его голос ясно прозвучал в уstraшенной притихшей палате.

Менсет поднял голову и посмотрел на других членов совета, но все отводили глаза.

– Председатель и все члены этого собрания признают нового регента Египта. – Наконец Менсет посмотрел прямо на Нага, но лицо его было столь угрюмым и презрительным, что не оставалось сомнений: еще до следующего полнолуния Менсета найдут мертвым в постели. Однако сейчас Наг просто кивнул.

– Я принимаю долг и тяжелую ответственность, возлагаемую вами на меня. – Он вложил меч в ножны и поднялся на возвышение трона. – Моим первым официальным заявлением в должности регента в Совете станет описание доблестной смерти божественного фараона Тамоса. – Он выдержал значительную паузу и в течение следующего часа подробно изложил свою версию роковой кампании и штурма высоты у Эль-Вадуна. – Так погиб один из самых доблестных царей Египта. Его последними словами мне, несущему его вниз с холма, было: «Побеспокойся о моем единственном оставшемся сыне. Охраняй моего сына Нефера, пока он не возмужает настолько, чтобы носить двойную корону. Возьми под свое крыло моих двух маленьких дочерей и следи, чтобы с ними ничего не случилось».

Правитель Наг мало старался скрыть свое ужасное горе, и ему потребовалось некоторое время, чтобы справиться с чувствами. Потом он твердо продолжил:

– Я не подведу бога, что был моим другом и фараоном. Я уже послал колесницы в пустыню, найти принца Нефера и вернуть его в Фивы. Как только он прибудет, мы посадим его на трон и дадим в руки плеть и скипетр.

Среди членов Совета раздался первый ропот одобрения, и Наг продолжил:

– А теперь пошлите за принцессами. Доставьте их в палату немедленно.

Когда девочки нерешительно вошли через главные двери, Гесерет, старшая, вела за руку младшую сестру, Мерикару. Мерикару оторвали от игры в подачу и бросок с подругами, и ее худенькое тело было в поту. Девочку еще отделяло от зрелости несколько лет, и поэтому ноги у нее были длинными и тонкими, а обнаженная грудь – плоской, как у мальчишки. Длинные черные волосы были уложены локонами, ниспадающими к левому плечу, а чрезвычайно короткая набедренная повязка открывала нижнюю часть маленьких

круглых ягодич. Мери́кара застенчиво улыбнулась этому огромному собранию знаменитых мужей и сильнее сжала руку старшей сестры.

Гесерет уже увидела свою первую красную луну, и на ней были льняной набедренник и парик достигшей брачного возраста женщины. Даже старики смотрели на нее с вожделением, ведь она в полной мере унаследовала прославленную красоту своей бабушки, царицы Лостры – молочно-белую кожу, гладкие и красивые руки и ноги, а ее обнаженные груди были подобны полным лунам. Лицо девушки хранило безмятежное выражение, но уголки рта приподнимала таинственная озорная улыбка, а в огромных темно-зеленых глазах горели загадочные огоньки.

– Подойдите сюда, милые, – позвал Наг, и лишь тогда они узнали того, кто был близким и любимым другом их отца. Они улыбнулись и доверчиво подошли. Наг поднялся с трона, приблизился к ним и положил руки им на плечи; его голос и лицо были печальны. – Крепитесь и помните, что вы – принцессы царского дома, ведь у меня для вас печальная весть. Фараон, ваш отец, умер. – С минуту они, казалось, не понимали, затем Гесерет испустила высокий пронзительный вопль скорби, к которому тут же присоединилась Мери́кара.

Наг нежно обнял девочек и повел, чтобы усадить у трона, где они опустились на колени и прильнули друг к другу, безутешно плача.

– Горе царственных принцесс видят все, – сказал Наг собранию. – Доверие и долг, возложенные на меня фараоном, столь же очевидны. Как я взял под свою опеку принца Нефера Мемнона, так я теперь беру под свою опеку этих двух принцесс, Гесерет и Мери́кару.

– Теперь в его руках все царское потомство. Думаю, что независимо от того, где сейчас в пустыне принц Нефер и каким бы здоровым и сильным он ни казался, он уже смертельно болен, – прошептал Талла своему соседу. – Новый регент Египта совершенно недвусмысленно показал свою манеру править.

Нефер сидел в тени утеса, возвышавшегося над Гебель-Нагарой. Он не двигался с места с тех пор, как солнце едва высунуло краешек из-за гор за долиной. Вначале старания сохранять неподвижность жгли его нервные окончания, отчего кожа зудела, как если бы по ней ползали ядовитые насекомые. Но он знал, что Таита наблюдает за ним, поэтому постепенно подчинил воле своенравное тело и поднялся над его мелким диктатом. Теперь наконец он достиг сосредоточенного осознания, и все его чувства были настроены на восприятие окрестной пустыни.

Он чуял запах воды, пробивающейся из источника, скрытого в расселине утеса. Она вытекала медленными каплями, падала в углубление в скале, ненамного больше его сложенных вместе ладоней, перетекала через край и сочила в следующее углубление, выстланное скользкими зелеными водорослями. Оттуда вода устремлялась вниз, чтобы навсегда исчезнуть в красноватых песках дна долины. Однако эта пресная струйка поддерживала много жизней: бабочка и жук, змея и ящерица, изящная небольшая газель, танцующая подобно дуновениям шафранной пыли на дрожащих в жарком мареве равнинах, пестрые голуби с воротниками из перьев винного цвета, гнездившиеся на высоких уступах – все пило здесь. Именно из-за этих драгоценных углублений Таита привел его сюда ждать божественную птицу.

Сеть они начали плести в день прибытия в Гебель-Нагару. У торговца в Фивах Таита купил шелк. Моток нити стоил столько же, сколько прекрасный жеребец, ведь его привезли из страны, лежащей далеко на восток от реки Инд, за много лет езды от нее. Таита показал Неферу, как плести сеть из тонких нитей. Ячейки сети были крепче, чем из толстых нитей льна или кожаных ремней, но почти невидимы для глаз.

Когда сеть была готова, Таита настоял на том, чтобы мальчик сам добыл приманку.

– Это ваша божественная птица. Вы должны поймать ее без посторонней помощи, – объяснил он. – Тогда ваши притязания на трон получат лучшее подкрепление в глазах

великого бога Гора.

Затем, в палящем свете дня Нефер и Таита изучили на дне долины путь к вершине утеса. Когда стемнело, Таита сел возле маленького костра у подножия утеса и тихо запел заклинания, время от времени бросая в огонь пучки трав. Когда месяц поднялся и рассеял мрак полуночи, Нефер начал рискованный подъем к выступу, где гнездились голуби. Он схватил двух больших трепещущих птиц, пока те еще были сбиты с толку темнотой и заклятием, наложенным на них Таитой, и унес вниз в кожаной переметной суме, закинутой за спину.

Под руководством Таиты Нефер ощипал одно крыло у каждой птицы, так чтобы голуби не могли улететь. Затем выбрали место близ подножия утеса и источника, достаточно открытое, чтобы птиц было ясно видно с неба. Нитью, сплетенной из конского волоса, они привязали голубей за лапки к деревянному колышку, вбитому в твердую землю, растянули паутинно-тонкую сеть и подвесили ее над приманкой на стеблях сухой слоновой травы, которая должна была треснуть и сломаться при падении божественной птицы.

– Немного натяни сеть, – Таита показал, как это сделать, – не слишком сильно и не слишком слабо. Клюв и когти птицы должны пройти сквозь тенета и запутаться в них так, чтобы она не могла двигаться и не поранилась, прежде чем мы освободим ее.

Когда все было устроено, как хотел Таита, началось долгое ожидание. Скоро голуби привыкли к плену и жадно склевывали просо дурра, рассыпанное для них Нефером. Затем они искупались в пыли и, довольные, устроились под шелковой сетью. Но кому могло повезти в этот жаркий, пронизанный солнцем день? И тем не менее, старик и мальчик ждали.

В прохладе вечера они забрали голубей, свернули сеть и отправились на охоту, чтобы добыть себе пропитание. Таита поднялся на вершину утеса и сел, скрестив ноги, на краю, оглядывая длинную долину. Нефер ждал в засаде ниже, но никогда в одном и том же месте, так чтобы добычу можно было застать врасплох, когда та приходила напиться из источника. Таита на своем наблюдательном пункте творил заклятие притяжения, которым редко не удавалось подманить изящную газель на верный выстрел от места, где лежал Нефер с наложенной на натянутую тетиву стрелой. Каждый вечер они жарили над огнем у входа в пещеру мясо газели.

Эта пещера была убежищем Таиты на протяжении всех лет после смерти царицы Лостры, когда он жил здесь отшельником. Это было для него место обретения силы. Хотя Нефер, новичок, плохо понимал тайное искусство старика, он не сомневался – оно есть, потому что каждый день видел его проявления.

Они провели в Гебель-Нагаре много дней, прежде чем Нефер начал сознавать, что они прибыли сюда не только найти божественную птицу: их отлучка не стала перерывом в уроках и упражнениях, которые Таита постоянно проводил с ним сколько себя помнил юный Нефер. Даже долгие часы ожидания около приманок были уроком. Таита учил принца владеть своим телом и существом, учил открывать двери в своем сознании, учил заглядывать внутрь себя, слушать тишину и слышать шепот, к которому другие были глухи.

Привыкнув к тишине, Нефер стал более восприимчив к глубокой мудрости и знаниям, которые Таита намеревался ему передать. По ночам они сидели вместе в пустыне, под вращающимися узорами звезд, вечными, но в то же время эфемерными, как ветры и океанские течения, и Таита рассказывал принцу о чудесах, которые, казалось, ничем нельзя объяснить, но лишь постичь, раскрыв и расширив сознание. Нефер ощущал, что стоит всего-навсего на темной окраине страны этого мистического знания, но чувствовал, как в нем растет великая жажда узнать больше.

Однажды утром, выйдя в сером сумраке рассвета из пещеры, Нефер увидел, что в пустыне за источником Гебель-Нагары сидят несколько темных молчаливых фигур. Он пошел сказать Таите, и старик кивнул.

– Они ждали всю ночь. – Он набросил на плечи шерстяную накидку и вышел к гостям.

Когда сухую фигуру Таиты узнали в полутьме, раздались вопли мольбы. Это были люди племен пустыни, которые принесли ему детей, пораженных Желтыми Цветами,

горящих в лихорадке и покрытых из-за болезни ужасными язвами. Таита лечил их; пустынные стояли лагерем за источником. Никто из детей не умер, и десять дней спустя племя принесло ему дары – просо, соль и высушенные шкуры, – которые оставило у входа в пещеру. Затем эти люди ушли в пустыню. После пришли другие, страдающие от болезней и ран, нанесенных людьми и животными. Таита выходил ко всем и не прогонял никого.

Нефер работал вместе с ним, и то, что мальчик увидел и услышал, многому его научило.

Однако что бы Таита с принцем ни делали – обихаживали больных и страждущих кочевников, или добывали пищу, или занимались обучением и упражнениями, каждое утро они помещали под шелковую сеть приманки и ждали около них.

Вероятно, дикие голуби оказались под успокаивающим влиянием Таиты, поскольку стали спокойными и послушными, как цыплята. Они позволяли брать себя в руки, не выказывая ни малейших признаков страха, и тихо хрипло ворковали, хотя были привязаны за лапки к колышкам, а затем садились, распушив перья.

На двадцатое утро пребывания в пустыне Нефер занял свое место около приманок. Как всегда, и не глядя на Таиту, Нефер остро ощущал его присутствие. Глаза старика были закрыты, и он, казалось, дремал на солнце, как голуби. Его кожа была исчерчена неисчислимыми тонкими морщинками и усыпана возрастными пятнами. Она казалась столь тонкой, что грозила порваться легко, как тонкий лист папируса. На лице Таиты не было волос, ни следа бороды или бровей; лишь тонкие ресницы, бесцветные как стекло, окаймляли глаза. Нефер однажды слышал, как отец сказал: у Таиты не растет борода, а ход времени мало отражается на лице мага из-за того, что он скопец, – но он был уверен, существуют более тайные причины долголетия наставника и стойкости его физической и жизненной силы. Резкий контраст с другими чертами Таиты составляли волосы – волосы густые и сильные, как у здоровой молодой женщины, но цвета яркого блестящего серебра. Таита гордился ими и содержал в чистоте, но заплетал в толстую косу на затылке. Несмотря на ученость и годы, старый Маг не грешил тщеславием.

Эта небольшая человеческая слабость усиливала любовь Нефера к Таите до боли в груди. Принцу хотелось бы придумать, как выразить ее, однако он знал, что Таита и так все понял, ведь Таита знал все.

Он тайком протянул руку, чтобы коснуться руки спящего старика, но внезапно глаза Таиты открылись, внимательные и понимающие. Нефер понял, что Маг вовсе не спал и что все его силы были сосредоточены на подведении божественной птицы к приманкам. Мальчику стало ясно, что каким-то образом блуждание его мысли и его движение повлияли на результат усилий старика, поскольку он ощутил неодобрение Таиты, да так ясно, будто маг выразил его вслух.

Получив порицание, он усилием воли успокоился и снова стал контролировать свои ум и тело так, как научил его Таита. словно проскользнул сквозь потайную дверь туда, где обитала сила. Время шло стремительно, и нельзя было измерить его или сожалеть о нем. Солнце поднялось в зенит и, казалось, надолго замерло там. Внезапно Нефер пережил благословенное, чудесное чувство провидения. Ему мнилось, будто он парил над миром и видел все, что происходило внизу. Он видел Таиту, и себя возле источника Гебель-Нагары, и пустыню, расстилающуюся далеко окрест. Он видел реку, сдерживающую пустыню, подобно крепчайшему барьеру – она отмечала границы Египта. Он видел города и царства, разьединенные страны двойной короны, огромные войска, стоящие в боевом порядке, козни злодеев и самоотверженную борьбу людей справедливых и хороших. В этот миг он так глубоко осознал свое предназначение, что это ошеломило его и едва не сокрушило его храбрость. В тот же миг принц понял, что его божественная птица прилетит сегодня, поскольку он наконец готов взять ее.

– Птица – здесь!

Нефер так ясно услышал эти слова, что на мгновение подумал, будто Таита их сказал, но затем понял, что губы старика не шелохнулись. Таита каким-то таинственным образом

поместил эту мысль в мозг Нефера, чего Нефер не мог ни понять, ни объяснить. Он не усомнился в справедливости этой мысли, а в следующий миг ее истинность подтвердило неистовое хлопанье крыльев подсадных голубей, почуявших в воздухе над собой угрозу.

Нефер ни малейшим движением не показал, что услышал и понял. Он не повернул головы и не поднял к небу глаза. Он не смел поглядеть вверх, чтобы не встревожить птицу или не навлечь на себя гнев Таиты. Но он ощущал присутствие сокола всеми фибрами.

Царский сокол был столь редкой птицей, что немногим довелось видеть его на воле. На протяжении минувшей тысячи лет ловчие каждого фараона искали птиц, заманивали их в западни и сети, чтобы заполнить царские клетки, и даже брали из гнезд птенцов прежде, чем они оперятся. Владеть птицами означало доказать, что фараон правит Египтом с божественного одобрения бога Гора.

Сокол был символом этого бога: Гора изображали с соколиной головой. Фараон сам был богом и потому мог ловить и содержать этих птиц и охотиться на них, но всем прочим это запрещалось под страхом смерти. И вот птица прилетела. Его, Нефера, птица. Казалось, Таита колдовством сотворил ее прямо из неба. Нефер почувствовал, как от волнения сжалось сердце и замерло дыхание, так что грудь грозила разорваться. Но, однако, он не осмеливался поднять голову к небу.

Затем он услышал сокола. Его крик был тихой жалобой, почти затерянной в необъятности неба и пустыни, но он взволновал Нефера до мозга костей, как если бы с ним говорил бог. Мгновение спустя сокол крикнул снова, прямо над ними, более пронзительно и гневно.

Теперь голуби, охваченные ужасом, подпрыгивали, силясь вырваться из удерживавших их возле колышков пут, и били крыльями так, что летели перья; от этого в воздухе вокруг них поднялось бледное облако пыли.

Нефер слышал, как в вышине сокол начал падать на приманку, и ветер, повышая тон, запел под его крыльями. Он понял, что наконец можно без опаски поднять голову, поскольку все внимание сокола сосредоточено на добыче.

Нефер посмотрел вверх и на яркой синеве неба пустыни увидел падающую птицу, птицу божественной красоты. Ее крылья были сложены за спиной, подобно до половины убранному в ножны клинку, голова выставлена вперед. Сила и мощь птицы заставили Нефера громко вздохнуть. Он видел в клетках отца других соколов этой породы, но никогда прежде – подобного этому во всем его диком изяществе и величии. Пока сокол падал туда, где сидел Нефер, он словно бы чудесным образом вырастал, а его оперение становилось более ярким.

Изогнутый клюв был приятного темно-желтого цвета, с черным как обсидиан острым кончиком. Глаза – золотые и жестокие, с похожими на слезу отметинками во внутренних уголках, горло кремовое, в пестринках, точно мех горностая, крылья красновато-коричневые с черным, да и в целом это создание было столь изящным в каждой мелочи, что принц ни на миг не усомнился в том, что перед ним воплощение бога. Он так хотел заполучить этого сокола, что отметал всякие сомнения.

Он приготовился к моменту столкновения, когда сокол ударится о шелковую сеть и запутается в многочисленных складках, и почувствовал, как рядом с ним Таита сделал то же самое. Они были готовы броситься вперед вместе.

Затем случилось нечто невообразимое. Сокол полностью отдался падению; он летел так стремительно, что остановить его мог лишь удар в покрытое мягкими перьями тело голубя. Но вопреки всему сокол совершил невозможное и взлетел снова. Его крылья изменили форму, и мгновение сила ветра грозила оторвать их в местах сочленения с телом. Воздух засвистел в распахнутых крыльях, сокол изменил направление полета, поднялся еще выше, используя собственную скорость, чтобы дугой взмыть в небо, и через секунду превратился в черное пятнышко на синем небе. Его крик еще раз жалобно прозвучал вдалеке, и он исчез.

– Он передумал! – прошептал Нефер. – Почему, Таита, почему?

– Пути богов для нас неисповедимы. – Хотя Таита все эти часы провел в

неподвижности, он поднялся гибким движением тренированного атлета.

– Он не вернется? – спросил Нефер. – Это была моя птица. Я чувствовал это сердцем. Это была моя птица. Он должен вернуться.

– Он – часть божества, – сказал Таита тихо. – Он не принадлежит естественному порядку вещей.

– Но почему он передумал? Должна быть причина, – настаивал Нефер.

Таита не ответил сразу, а пошел выпустить голубей. Прошло столько времени, что перья на крыльях снова отросли, но, когда он освободил лапки птиц от пут из конского волоса, голуби и не подумали улететь. Один из них захлопал крыльями, взлетел и уселся на плечо мага. Таита осторожно взял его обеими руками и подбросил. Только после этого голубь полетел к утесу, к своему гнездовью на высоком уступе.

Старик проводил его глазами, повернулся и пошел назад к входу в пещеру. Нефер медленно поплелся следом, на его сердце давил тяжкий груз разочарования, ноги казались свинцовыми. В сумраке пещеры Таита сел на каменный выступ у задней стены, наклонился вперед и стал разводить дымный костер из терновых веток и конского навоза. Вспыхнуло пламя. С тяжелым сердцем, с растущим предчувствием беды Нефер занял свое привычное место напротив.

Оба долго молчали. Нефер старательно сдерживался, хотя переживал мучительное разочарование из-за потери сокола, словно сунул руку в огонь. Он знал, что Таита заговорит снова только когда будет готов. Наконец Таита вздохнул и сказал тихо, почти печально:

– Мне нужно поработать с Лабиринтами Амона Ра.

Нефер поразился. Такого он не ожидал. За все время, что они провели вместе, Нефер всего дважды видел, как Таита работал с Лабиринтами. Он знал, что самовведение в прорицательский транс равносильно маленькой смерти, иссушающей и изнуряющей старика. Маг решался на страшное путешествие в потустороннее только когда не было иного пути.

Нефер хранил молчание, в страхе наблюдая, как Таита проходил ритуал подготовки к работе с Лабиринтами. Сначала маг растолок в ступке, вырезанной из алебаstra, пестиком травы и отмерил смесь в глиняный горшок. Затем налил туда кипящей воды из медной посуды. Пар, поднявшийся облаком, был настолько едким, что на глазах Нефера выступили слезы.

Пока настой охлаждался, Таита принес из тайника в глубины пещеры мешок из дубленой кожи, в котором хранились Лабиринты. Сидя у огня, он высыпал в ладонь диски из слоновой кости, осторожно потер их пальцами и тотчас запел заклинание Амона Ра.

Лабиринты состояли из десяти дисков слоновой кости, которые Таита вырезал собственноручно. Десять было мистическим числом величайшей силы. На каждом диске с величайшим искусством было вырезано миниатюрное изображение одного из десяти символов силы. Таита пел обращение к богу и тихо поглаживал диски так, чтобы они шелкали между его пальцами. После каждого стиха он дул на диски, наделяя их жизненной силой. Когда они вобрали тепло его тела, он передал их Неферу.

– Возьми и подыши на них, – приказал он, и, когда Нефер повиновался, закачался в ритме магических стихов, которые читал. Его глаза стали словно бы медленно стекленеть: маг вступал в потаенные уголки своего сознания. Он уже был в трансе, когда Нефер сложил Лабиринты двумя горстками перед собой.

Затем одним пальцем Нефер, как научил его Таита, проверил температуру настоя в глиняном горшке. Когда тот остыл достаточно, чтобы не обжечь рот, Нефер встал на колени перед стариком и обеими руками поднес ему горшок.

Таита выпил настой до последней капли, и его освещенное огнем лицо побелело как строительный известняк из карьера в Асуане. Некоторое время старик продолжал читать стихи, но постепенно его голос упал до шепота, а затем наступила тишина. Единственным звуком оставалось хриплое дыхание мага, поскольку зелье подействовало и он впал в транс. Он опустился на пол пещеры и лег, свернувшись будто кот у огня.

Нефер накрыл его шерстяной накидкой и оставался подле, пока Таита не начал

подергиваться и стонать и пот не заструился по его лицу. Глаза мага открылись и закатились в орбитах так, что только белки слепо смотрели в темную тень пещеры.

Нефер знал, что теперь ничем не поможет старику. Тот странствовал далеко, в мрачных местах, куда у Нефера не было доступа. Не в силах дольше терпеть ужасные боль и страдание, которые Лабиринты причиняли Магу, принц тихо поднялся, взял в глубине пещеры свой лук и колчан и, пригнувшись, выглянул наружу. Низко над холмами стояло желтое солнце в пыльной дымке. Нефер стал подниматься на западный бархан, и, когда достиг вершины и оглянулся на долину, на него с такой силой обрушилось разочарование из-за потери птицы, беспокойство о Таите в его муке прорицания и предчувствие того, что Таита узнает в своем трансе, что мальчика обуяло стремление сбежать, удрать, будто от странного хищника. Он спустился с бархана; под ногами шуршал и осыпался песок. Нефер почувствовал, как слезы страха навернулись на его глаза и струйками потекли по щекам, и бросился бежать, и мчался до тех пор, пока по его бокам не заструился пот, а грудь не заходила ходуном и солнце не скатилось к горизонту. Тогда наконец он повернул в сторону Гебель-Нагары, а последнюю милю прошел уже в темноте.

Таита все еще лежал, свернувшись под накидкой у огня, но сейчас его сон был не столь тяжким. Нефер лег рядом и через некоторое время тоже заснул, и его сон тревожили видения и частые кошмары.

Когда он пробудился, за входом в пещеру мерцал рассвет. Таита, сидя у огня, поджаривал на углях куски газельего мяса. Он все еще выглядел бледным и больным, однако наколот один кусок на кончик бронзового кинжала и предложил его Неферу. Мальчик внезапно ощутил сильный голод, сел и вгрызся в сладкое, нежное мясо. Только проглотив третью порцию, он заговорил.

– Что ты видел, Тата? – спросил он. – Почему божественная птица улетела?

– Это было скрыто во мраке, – ответил Таита, и Нефер понял: предзнаменование неблагоприятно, и Таита оберегает его.

Некоторое время они ели в тишине, но теперь Нефер едва ощущал вкус пищи и наконец тихо сказал:

– Ты освободил подсадных голубей. Как же мы поставим сеть завтра?

– Божественная птица больше не прилетит в Гебель-Нагару, – просто ответил Таита.

– Значит, я никогда не стану фараоном вместо отца? – спросил Нефер.

В его голосе звучало глубокое страдание, и Таита смягчил свой ответ.

– Нам необходимо забрать твою птицу из гнезда.

– Мы не знаем, где найти божественную птицу. – Нефер прекратил есть и жалкими глазами уставился на Таиту.

Старик утвердительно склонил голову.

– Я знаю, где гнездо. Это было явлено в Лабиринтах. Но тебе нужно есть, чтобы подкрепить свои силы. Мы уедем завтра до рассвета. Это будет долгая поездка.

– В гнезде неоперившиеся птенцы?

– Да, – ответил Таита. – Соколы вывели потомство. Молодняк почти готов стать на крыло. Мы найдем твою птицу там. – Или бог откроет нам другие тайны, неслышно добавил он про себя.

* * *

В предрассветной тьме они погрузили мехи с водой и переметные сумы на лошадей и вскочили коням на спины. Таита поехал первым, мимо края утеса и затем по легкому пути на холмы. К тому времени, как солнце встало над горизонтом, Гебель-Нагара осталась далеко внизу. Поглядев вперед, Нефер вздрогнул от удивления: там проступал неясный силуэт горы, синей на синем небе, такой далекой, что она казалась иллюзорной и эфемерной, чем-то созданным скорее из тумана и воздуха, чем из земли и камня. У Нефера возникло такое чувство, будто он видел эту гору прежде, и некоторое время он растерянно старался

объяснить это себе. Затем он вдруг понял и сказал:

– Вон та гора. – Он указал на нее. – Мы идем туда, верно, Тата? – Мальчик говорил с такой уверенностью, что Таита оглянулся и посмотрел на него.

– Откуда ты знаешь?

– Я видел ее во сне прошлой ночью, – ответил Нефер.

Таита отвернулся, чтобы мальчик не увидел его лица. Наконец глаза разума Нефера начали открываться, подобно пустынному цветку на рассвете. Он учился проникать за темную завесу, скрывающую от нас будущее. Таита ощутил глубокий смысл своего достижения. Хвала сотне имен Гора, его великие труды были не напрасны.

– Мы идем туда, я знаю, – повторил Нефер с твердой уверенностью.

– Да, – подтвердил наконец Таита. – Мы идем к Бир-Умм-Масаре.

Перед наступлением самой жаркой части дня Таита привел их туда, где в глубокой ложине стояла рощица кривых акаций и терновых деревьев, их корни тянули воду из неведомого источника, залегающего гораздо ниже поверхности. Когда они освободили лошадей от поклажи и напоили их, Нефер быстро обошел вокруг рощи и через несколько минут обнаружил признаки других людей, прошедших этой дорогой. Он взволнованно позвал Таиту и показал ему следы колес, оставленных маленьким отрядом колесниц (по его подсчету их было десять), пепел на месте костра, на котором готовили пищу, и примятую траву там, где воины легли спать поблизости от привязанных к стволам акаций лошадей.

– Гиксосы? – тревожно предположил он, потому что лошадиный навоз в следах колесниц лежал совсем свежий, ему было не больше нескольких дней – сухой снаружи, он оказался все еще влажным, когда Нефер наступил на него.

– Наши. – Таита узнал следы колесниц. В конце концов, много десятилетий назад он сам изготовил первые образцы этих колес со спицами. Он вдруг наклонился и подобрал крошечное бронзовое украшение в виде розетки, упавшее с передней части колесницы и наполовину вдавленное в рыхлую землю. – Один из наших отрядов легкой конницы, вероятно из отряда Пта. Часть под командой господина Нага.

– Что они делают здесь, так далеко от позиций? – озадаченно спросил Нефер, но Таита пожал плечами и отвернулся, чтобы скрыть тревогу.

Старик резко сократил время их отдыха, и они поехали дальше, когда солнце стояло еще высоко. Очертания Бир-Умм-Масары становились все четче и, казалось, заняли полнеба впереди. Скоро стало можно различить неровности и расселины, обрывы и утесы. Едва путники достигли гребней первой линии предгорий, Таита придержал лошадь и оглянулся. Его внимание привлекло движение вдалеке, и он поднял руку, защищая глаза от солнца. Далеко внизу в пустыне он различил крошечный мазок бледной пыли. Маг некоторое время наблюдал за ним и увидел, что облачко двигалось в восточном направлении, к Красному морю. Эту пыль могло поднять стадо ориксов – или колонна боевых колесниц. Он не сказал об этом Неферу, который был так поглощен охотой на царского сокола, что не мог оторвать глаз от горы впереди. Таита ударил пятками в бока лошади и проехал вверх, обогнав мальчика.

Ночью, когда они разбили лагерь на середине склона Бир-Умм-Масары, Таита спокойно сказал:

– Разводить костер не будем.

– Но ведь холодно, – возразил Нефер.

– А мы здесь так открыты, что огонь будет видно на десятки лиг в пустыне.

– Там враги? – Выражение лица Нефера изменилось, и он пристально и с беспокойством поглядел вниз, на темнеющий пейзаж. – Бандиты? Набег кочевников?

– Враги есть всегда, – ответил Таита. – Лучше замерзнуть, чем умереть.

После полуночи ледяной ветер разбудил Нефера и его жеребца Звездочета, который топал ногами и ржал. Принц раскутался из овчинного одеяла и пошел успокоить коня. И увидел, что Таита уже проснулся и сидит чуть в стороне.

– Посмотри! – сказал старик, указывая на равнину. Вдалеке мерцал и вспыхивал свет. –

Походный костер, – сказал Таита.

– Может, это один из наших отрядов. Те, кто оставил следы, которые мы видели вчера.

– Действительно, – согласился Таита, – но, опять же, это могут быть и другие.

После долгой, задумчивой паузы Нефер сказал:

– Я уже выспался. И вообще сейчас слишком холодно. Нужно ехать дальше. Рассвет не должен застать нас здесь, на голом отроге горы.

Они навьючили лошадей и в лунном свете нашли протоптанную дикими козами каменистую тропинку, которая повела их вокруг восточного отрога Бир-Умм-Масары, так что, когда начало светать, они оказались вне поля зрения любых наблюдателей на далекой лагерной стоянке.

Колесница Амона Ра, бога солнца, стремительно ворвалась с востока, и гору залил золотой свет. Ущелья окутывала темная тень, еще более мрачная из-за контраста, а далеко внизу расстилались просторы великой пустыни.

Нефер запрокинул голову, крича от радости: «Посмотри! О, посмотри!» – и указал куда-то за вершину скалы. Таита последил за его пристальным взглядом и увидел два темных пятнышка, описывающих в небе широкие круги. Солнечный свет на миг озарил одно из них, и оно сверкнуло подобно падающей звезде.

– Царские соколы, – улыбнулся Таита. – Родительская пара.

Они сняли поклажу с лошадей и нашли точку, откуда могли наблюдать за кружащими птицами. Даже на этом расстоянии они были так царственны и красивы, что Нефер не находил слов. Затем одна из птиц, та, что поменьше, самец, вдруг нарушила рисунок полета и повернула против ветра, неторопливо машущие крылья сокола неожиданно забили изо всех сил.

– Он что-то заметил, – воскликнул Нефер с волнением и радостью истинного сокольника. – Теперь следи за ним.

Сокол начал падать, да так быстро, что оторвать от него взгляд хоть на мгновение означало потерять его. Самец падал с неба подобно брошенному копью. Одиноким голубь, ничего не подозревая, летел у подножия утеса. Нефер заметил, в какой миг пухлая птица внезапно осознала опасность и попробовала ускользнуть от сокола. Голубь так быстро свернул к убежищу в скалах, что гонимый ужасом, перевернулся в воздухе. На мгновение его живот открылся. Сокол разорвал его всеми когтями, и большая птица, казалось, рассыпалась взрывом красновато-коричневого и синего дыма. Перья полетели длинным облаком, подхваченные утренним ветром, а сокол, удерживая добычу глубоко вонзенными в ее живот когтями, снижался в ущелье. Убийца и его жертва упали на покрытый каменной осыпью склон совсем рядом с тем местом, где стоял Нефер. Тяжелый глухой звук их падения эхом отразился от утеса и полетел в ущелье.

К этому времени Нефер пританцовывал от волнения, и даже Таита, который всегда был любителем ловчих соколов, издал довольный возглас.

– Бак-хер! – воскликнул он, когда сокол закончил ритуал убийства укрытием жертвы: расправил над мертвым голубем великолепно очерченные крылья, закрывая его и объявляя своей добычей.

Самка сокола спустилась по спирали, чтобы присоединиться к нему, и села на скалу около самца. Он сложил крылья, позволяя ей разделить с ним добычу, и вместе они пожрали тело голубя, разрывая и распарывая его острыми как бритвы клювами и делая паузы после каждого удара, чтобы поднять головы и впиться в Нефера взглядом свирепых желтых глаз, глотая кровавые куски мяса с костями и перьями. Они полностью осознавали присутствие людей и лошадей, но терпели их, пока те держались на расстоянии.

Затем, когда от голубя осталось только пятно крови на скале и несколько летающих перьев, а обычно поджарые животы соколов переполнились пищей, пара взлетела. Захлопали крылья, и птицы поднялись к отвесному склону утеса.

– За ними! – Таита подпернул набедренник и побежал по ненадежной опоре, крутой каменной осыпи. – Не потеряй их.

Нефер был проворнее; держа в поле зрения поднимающихся птиц, он бежал по отрогу горы. Ниже вершины от горы отделялись два острых, совершенно одинаковых пика; эти мощные башни из темного камня внушали ужас даже при взгляде снизу. Таита с Нефером наблюдали, как соколы поднимались к вершине этого величественного природного монумента, пока Нефер не догадался, куда они направлялись. Там, где скала нависала, на половине высоты восточной башни, в каменном склоне темнела треугольная расселина. В нее была втиснута площадка из сухих веток и прутьев.

– Гнездо! – закричал Нефер. – Там гнездо!

Они стояли рядом, запрокинув головы. Соколы один за другим сели на край гнезда и теперь приподнимались на лапках, напрягаясь, чтобы оторвать из зобов мясо голубя. Ветер донес до Нефера другой слабый звук, летевший вдоль склона утеса. Это был назойливый хор крикливых молодых птиц, требующих пищи. Со своего места Нефер с Таитой не могли увидеть птенцов сокола, и Нефер подпрыгивал от разочарования.

– Если подняться на западный пик, вон там, – указал он рукой, – то можно посмотреть вниз на гнездо.

– Сначала помоги мне с лошадьми, – велел Таита, и они стреножили коней и оставили пастись среди редких кустиков горной травы, питаемой росами, которые бриз приносит с далекого Красного моря.

Подъем на западный пик занял остаток утра, но даже при том, что Таита безошибочно выбрал самый легкий маршрут в обход дальней стороны пика, обрывы под ними кое-где заставляли Нефера судорожно втягивать воздух и отводить взгляд. Наконец маг и мальчик вышли на узкий карниз прямо под вершиной и присели там на некоторое время, чтобы прийти в себя и полюбоваться великолепием земель и далекого моря. Казалось, все мироздание простерлось под ними. Ветер стонал вокруг, цепляясь за складки набедренника Нефера и ероша завитки волос принца.

– Где гнездо? – спросил принц. Даже в этом опасном месте, высоко над миром, его ум целиком занимала единственная вещь.

– Пойдем! – Таита поднялся и стал боком продвигаться по выступу, носки его сандалий нависали над бездной. Двое обошли выступ, и перед ними медленно появился восточный пик. Они смотрели прямо на вертикальную скалу, находившуюся всего в ста локтях, но отделенную от путников такой пропастью, что у Нефера закружилась голова и он покачнулся.

Они на своей стороне ущелья стояли немного выше гнезда и могли посмотреть на него. Самка сокола сидела на краю, отбрасывая на гнездо тень. Она повернула голову и, как только они обошли выступ пика, безжалостно уставилась на них, взъерошив перья на спине, как рассерженный лев угрожающе поднимает гриву. Затем она испустила пронзительный крик и, бросившись в пропасть, почти неподвижно зависла в потоке ветра, пристально наблюдая за незваными гостями. Она была до того близко, что можно было ясно различить каждое перо в ее крыльях. Улетев, она открыла внутренность расселины, в которой находилось гнездо. Пара молодых птиц сидела в чаше из прутьев и веток, выстланной перьями и шерстью диких коз. Они уже полностью оперились и были почти такого же размера, как их мать. Покуда Нефер с благоговением смотрел на них через пропасть, один из соколят поднялся, расправил широкие крылья и отчаянно забил ими.

– Он прекрасен, – жадно простонал Нефер. – Самая красивая птица, какую я когда-либо видел.

– Он готовится взлететь, – тихо сообщил ему Таита. – Смотри, каким сильным он вырос. Через несколько дней он покинет гнездо.

– Я поднимусь за ними сегодня же, – поклялся Нефер и сделал движение, собираясь вернуться обратно по выступу, но Таита остановил его, положив руку ему на плечо.

– Это не то занятие, за которое можно так легко браться. Следует потратить немного драгоценного времени и тщательно все спланировать. Ну-ка садись рядом со мной.

Когда Нефер прислонился к его плечу, Таита указал на особенности скалы напротив

них.

– Ниже гнезда скала гладкая как стекло. На пятьдесят локтей нет никакой опоры для захвата, никакого выступа, чтобы поставить ногу.

Нефер оторвал взгляд от молодой птицы и посмотрел вниз. У него засосало под ложечкой, но он заставил себя не обращать на это внимания. Таита сказал чистую правду: даже горные барсуки, пушистые, похожие на кролика создания с цепкими лапами, которые сделали эти высоты своим домом, не сумели бы найти опору на том участке отвесной скалы.

– Как мне добраться до гнезда, Тата? Я хочу добыть тех птенцов – хочу очень сильно.

– Посмотри над гнездом, – указал Таита. – Видишь? Расселина продолжается вверх, к самой вершине утеса.

Нефер кивнул – он не мог говорить, разглядывая опасную дорогу, которую Таита показывал ему.

– Мы найдем способ забраться на вершину выше гнезда. Возьмем с собой веревки упряжи. С вершины я спущу тебя вниз по расселине. Если в расселине ты расставишь босые ноги и сжатые кулаки, они будут держать тебя, а я буду поддерживать тебя веревкой.

И все-таки Нефер не мог говорить. Он чувствовал тошноту, думая о том, что предложил Таита. Было совершенно ясно, что ни один смертный не мог спуститься туда и уцелеть. Таита понял, что чувствует мальчик, и не настаивал на ответе.

– Я думаю... – Нефер колеблясь хотел отказаться, замолчал и посмотрел на пару молодых птиц в гнезде. Он знал, что это его судьба. Одна из них была его божественной птицей, и это был единственный способ получить отцовскую корону. Отказавшись сейчас, он отказался бы от всего, для чего его избрали боги. Он должен пойти.

Таита почувствовал, когда мальчик рядом с ним согласился выполнить задачу и таким образом стал мужчиной. В глубине души он обрадовался этому, потому что это решало и его судьбу.

– Я попробую, – просто сказал Нефер и поднялся. – Давай спустимся и подготовимся.

* * *

На следующее утро они еще затемно покинули свой импровизированный лагерь и начали подъем. Каким-то образом Таите удавалось ступать по тропинке, которую не могли различить даже зоркие глаза Нефера. Оба несли по тяжелому мотку веревки, сплетенной из льна и конского волоса и используемой, чтобы привязывать лошадей. Они несли и один из маленьких водяных мехов: Таита предупредил, что, как только солнце поднимется высоко, на башне станет жарко.

К тому времени, как они обошли вокруг дальнего склона восточной башни, начало светать и они стали различать поверхность скалы над ними. Таита потратил целый час, высматривая путь вверх. Наконец он остался доволен.

– Во имя великого Гора, всемогущего, давай начнем, – сказал он и изобразил в воздухе знак раненного глаза бога. Затем он повел Нефера назад к месту, которое выбрал для подъема.

– Я пойду вперед, – сказал он мальчику, обвязывая веревку вокруг пояса. – Вытравливай веревку, пока я буду подниматься. Смотри, что я делаю, и когда крикну тебе, обвяжись веревкой и следуй за мной. Если поскользнешься, я поддержу тебя.

Сначала Нефер поднимался осторожно, следуя маршруту, выбранному Таитой; его лицо и костяшки пальцев белели от напряжения, когда он цеплялся за очередную опору. Таита ободрял его сверху, и уверенность мальчика росла с каждым движением вверх. Он поравнялся с Таитой и усмехнулся.

– Это было легко.

– Дальше будет труднее, – сухо заверил его Таита и повел на следующий уровень скалы. Сейчас Нефер карабкался за ним, будто обезьяна, говорливый от волнения и удовольствия. Они стояли ниже расщелины в сходящейся около вершины скалы в узкую

трещину.

– Эта расщелина походит на ту, по которой тебе нужно спуститься к гнезду, когда мы достигнем вершины. Смотри, как я растопырываю руки и ноги в расщелине. – Таита нырнул в расщелину и стал подниматься, медленно, но без остановки. Когда расщелина сузилась, он продолжал лезть, как человек, поднимающийся по лестнице. Набедренник хлопал по тощим старым ногам, и Неферу был виден под полотном ужасный шрам там, где отсекли его мужественность. Нефер видел его и прежде и настолько привык, что это страшное увечье больше не ужасало его.

Таита позвал его сверху, и на сей раз Нефер взлетел вверх по скале, естественно войдя в ритм подъема.

Почему должно быть иначе? Таита старался удержать свою гордость в разумных границах. В жилах мальчика течет кровь воинов и великих атлетов! Затем он улыбнулся, и его глаза заискрились, как если бы он снова помолодел. И у него был я, чтобы научить его – конечно, он превосходит других.

Солнце было лишь на полпути к зениту, когда они наконец встали рядом на вершине восточного пика.

– Здесь мы немного отдохнем. – Таита снял водяной мех с плеча и сел.

– Я не устал, Тата.

– Тем не менее, мы отдохнем. – Таита передал мех принцу и смотрел, как тот делает дюжину больших глотков. – Спуск к гнезду будет более трудным, – сказал он, когда Нефер остановился, чтобы вдохнуть. – Там не будет никого, чтобы показать тебе путь, и есть одно место, где ты не сможешь видеть свои ноги, спускаясь по склону.

– Со мной ничего не случится, Тата.

– Если позволят боги, – согласился Таита и повернул голову, как будто восхищаясь величественной горой, морем и расстилающейся под ними пустыней, но на самом деле для того, чтобы мальчик не увидел движения его губ, потому что он молился. – Распрости крылья над ним, могущественный Гор, потому что это тот, кого ты избрал. Позаботься о нем, моя госпожа Лостра, ставшая богиней, потому что он плод твоего лона и кровь от твоей крови. Отведи свою руку от него, нечестивый Сет, и не тронь его, потому что тебе не превзойти тех, кто защищает этого ребенка. – Он вздохнул, вспоминая заклинание вызова богу темноты и хаоса, и смягчил свою угрозу маленькой взяткой: – Пройди мимо него, добрый Сет, и я пожертвую тебе быка в твоём храме в Абидосе, когда после поеду той дорогой.

Он поднялся.

– Пришло время рискнуть.

Он первым перешел через вершину горы и встал на дальнем краю, глядя вниз на лагерь и пасущихся лошадей, которые в пропасти казались крошечными, как новорожденные мыши. Самка сокола, кружила над ущельем. Ему почудилось в ее поведении что-то необычное, особенно когда она испустила странный, безнадежный крик, какого он прежде никогда не слышал от царского сокола. Поблизости не было видно самца, хотя он искал его взглядом.

Затем он посмотрел через пропасть на главный пик горы и выступ, где они стояли накануне. Это позволило ему сориентироваться, потому что выпуклость скалы под ним скрывала гнездо. Он медленно двигался по краю, пока не нашел начало трещины, которую опознал как ту, что шла вниз и открывалась в расщелину, где свили гнездо соколы.

Он подобрал камень и бросил его через край. Тот загремел, скатываясь вниз по стене вне поля зрения. Таита надеялся, что камень вспугнет сокола и таким образом подтвердит точное положение гнезда, но сокол так и не появился. Только самка продолжала бесцельно кружить и издавать странные, печальные крики.

Таита подозвал к себе Нефера и обвязал веревку вокруг его талии. Он тщательно проверил узел и затем, сантиметр за сантиметром, протянул всю веревку сквозь пальцы, ища любое перетертое или ослабленное место.

– Тебе следует взять переметную суму, чтобы нести птенца. – Старик проверил узел, которым Нефер привязал ее к своему плечу так, чтобы она не стесняла его движений при лазании.

– Прекрати суетиться, Тата. Мой отец говорит, что иногда ты похож на старуху.

– Твоему отцу следовало бы выказывать больше уважения. Я вытирал ему задницу, когда он был грудным младенцем, так же, как и тебе. – Таита фыркнул и снова проверил узел на талии мальчика, оттягивая роковой момент. Но Нефер подошел к краю и выпрямившись стоял над пропастью без какого-либо признака колебаний.

– Ты готов? – Он оглянулся через плечо и улыбнулся, мелькнули белые зубы и искорки в темно-зеленых глазах. Эти глаза очень живо напомнили Таите царицу Лостру. С острой болью он подумал, что Нефер еще милее, чем его отец в том же возрасте.

– Мы не можем бездельничать здесь весь день, – обронил Нефер барственным тоном одно из любимых выражений отца, старательно копируя царскую манеру говорить.

Таита сел и согнулся так, что мог упереться в трещине пятками, и отклонился назад, чтобы противодействовать натяжению веревки, проходящей через его плечо. Он кивнул Неферу и увидел, что дерзкая ухмылка ушла с лица мальчика, как только тот шагнул за край обрыва. Он вытравливал веревку, пока Нефер спускался.

Нефер достиг выпуклости в стене и, изо всех сил держась обеими руками, опустил ноги, чтобы нащупать точку опоры ниже выступа. Он нашел пальцами ноги трещину, втолкнул в нее босую ступню, повернув лодыжку, чтобы закрепиться, и легко полез ниже. Он последний раз поглядел на Таиту, попробовал улыбнуться, но только скорчил болезненную гримасу и нырнул под нависающую скалу. Не успев найти другую трещину, он почувствовал, как его нога выскользнула из трещины, и его завертело на веревке. Если он потерял опору, то будет беспомощно крутиться и раскачиваться над пропастью. И вряд ли у старика наверху хватит сил вытащить его.

Он отчаянно вцепился в трещину, и вращение остановилось. Нефер протянул другую руку и схватился за следующую опору. Теперь он был с другой стороны выпуклости, но его сердце стучало, как молот, и он шумно дышал.

– У тебя все в порядке? – донесся до него голос Таиты.

– Все в порядке! – выдохнул Нефер. Он посмотрел вниз между коленями и увидел, что трещина в скале расширяется и переходит в вершину расселины выше гнезда. Его руки устали и начинали дрожать. Он вытянул правую ногу вниз и нашел другую точку опоры.

Таита был прав: спускаться оказалось труднее, чем подниматься. Когда принц опустил правую руку, то увидел, что костяшки пальцев уже сбиты и на скале остался маленький кровавый след. Медленно спускаясь, он достиг точки, где трещина расширялась в расселину. Ему снова пришлось протянуть руку через край и искать невидимую опору.

Вчера, когда они с Таитой обсуждали это, сидя бок о бок на другой стороне пропасти, эта точка перехода казалась совсем легкой, но теперь его ноги свободно качались над краем расселины, и пропасть, казалось, всасывала его, подобно чудовищному рту. Он застонал и повис на обеих руках, крепко вцепившись в поверхность скалы. Теперь он боялся, как бы порывы горячего ветра, который толкал его, угрожая сорвать с утеса, не сдули последний остаток храбрости. Он посмотрел вниз, и слезы смешались с потом на его щеках. Пропасть тянула его когтями ужаса, вызывая тошноту.

– Лезь! – донесся до него голос Таиты, слабый, но настойчивый. – Нельзя останавливаться!

Нефер с огромным усилием собрался для следующего шага. Пальцы его босых ног нащупали выступ, казавшийся достаточно широким, чтобы дать ему точку опоры. Он опустился на ноющих, дрожащих руках. Вдруг его нога соскользнула с выступа, и уставшие руки не удержали его. Он, вскрикнув, полетел вниз.

Принц сорвался всего лишь на длину своих вытянутых рук, а затем веревка безжалостно впиалась в его тело, стиснув ребра и выдавливая из груди воздух. Он повис в воздухе; его держала только веревка и старик наверху.

– Нефер, ты слышишь меня? – Голос Таиты звучал хрипло от натуги. Мальчик заскулил как щенок. – Нужно нащупать опору. Не следует висеть там. – Голос Таиты успокоил Нефера. Он, поморгав, согнал слезы с глаз и увидел перед своим лицом скалу, на расстоянии всего лишь вытянутой руки.

– Цепляйся! – подгонял Таита, и Нефер увидел, что висит напротив расселины. Она была достаточно глубокой, чтобы он в ней поместился, а наклонный выступ достаточно широким, чтобы встать на него, если бы только удалось до него достать. Нефер протянул дрожащую руку и коснулся стены кончиками пальцев. Затем начал раскачиваться, чтобы приблизиться к скале.

Казалось, прошла вечность борьбы и огромных усилий, но наконец он качнулся в проем, сумел поставить босые ноги на выступ и согнувшись присел в проеме. Он втиснулся туда, тяжело дыша и хватая ртом воздух.

Таита над ним почувствовал, что натяжение веревки ослабло, и ободряюще крикнул вниз.

– Бак-хер, Нефер, Бак-хер! Где ты?

– В расселине, выше гнезда.

– Что ты видишь? – Таита хотел сосредоточить мысли мальчика на других вещах, чтобы он не думал о пустоте у себя под ногами.

Нефер тыльной стороной руки вытер пот с глаз и поглядел вниз.

– Я вижу край гнезда.

– Далеко?

– Близко.

– Ты сможешь достать до него?

– Попробую. – Нефер уперся согнутой спиной в свод узкой расселины и медленно двинулся вниз по наклонному полу. Под собой ему удалось различить только сухие прутья, торчащие из того места, где находилось гнездо. Он сдвигался ниже, и гнездо медленно, сантиметр за сантиметром, открывалось его взгляду.

Когда он крикнул в следующий раз, его голос был громким и взволнованным.

– Я вижу сокола. Он все еще в гнезде.

– Что он делает? – крикнул Таита в ответ.

– Сидит. Кажется, спит. – Голос Нефера звучал озадаченно. – Я вижу только его спину.

Самец неподвижно лежал на высоком крае неопрятного гнезда. Но как он мог спать и так долго не чувствовать возню над собой, удивился Нефер. Его собственные страхи были теперь забыты от волнения при виде таких близких сокола и гнезда, которое было совсем рядом – кажется, только руку протяни.

Принц двинулся дальше быстрее и более уверенно, так как пол расселины под его ногами выравнился, а потолок позволял подняться во весь рост.

– Вижу его голову. – Сокол лежал распростершись, развернув крылья, как если бы закрывал добычу. «Он прекрасен, – подумал Нефер, – я почти могу коснуться его, и однако он все еще не вызывает никакой опасности».

Внезапно он понял, что может схватить спящую птицу. Он собрался с силами для броска, вжавшись плечом в расселину, чувствуя босыми ногами надежную опору. Он медленно наклонился к соколу, но его рука замерла над птицей.

На красновато-коричневых перьях спины алели крошечные капельки крови. Яркие, как полированные рубины, они мерцали в солнечном свете, и у Нефера внезапно екнуло сердце – он понял, что сокол мертв. Его переполнило ужасное чувство потери, как если бы что-то очень ценное было утрачено навсегда. Казалось, это была не просто смерть сокола. Царская птица представляла нечто большее: символ бога и царя. Пока принц смотрел на нее, тело сокола казалось, преобразилось в мертвое тело самого фараона. Рывок сотрясло Нефера, и он отдернул руку.

Он отодвинулся как раз вовремя, потому что сразу же услышал сухой шуршащий звук и взрывное шипение воздуха. Что-то огромное, черное и блестящее выскочило оттуда, где

мгновение назад была его рука, и ударилось в слой сухих прутьев с такой силой, что все гнездо содрогнулось.

Нефер отпрянул, насколько позволяла тесная расселина, и вгляделся в ужасное существо, которое теперь покачивалось перед его лицом. Его зрение, казалось, обострилось и увеличивало предметы, время текло медленно, как в кошмаре. Он увидел мертвых птенцов, сгрудившихся в чаше гнезда за телом сокола, и толстые блестящие кольца гигантской черной кобры, обвившейся вокруг них. Голова змеи была поднята, капюшон с кричащим черно-белым рисунком распущен.

Между тонкими, усмехающимися губами мелькал скользкий черный язык. Ее глаза были бездонно черны, каждый с пятнышком отраженного света в центре, и они смотрели на Нефера гипнотизирующим взглядом.

Нефер попробовал крикнуть, чтобы предупредить Таиту, но из его горла не вылетело ни звука. Он не мог оторвать взгляд от ужасных глаз кобры. Ее голова тихо покачивалась, а массивные витки, окружавшие гнездо сокола, пульсировали и сжимались. Все полированные чешуйки блестели подобно драгоценным камням и шуршали по прутьям гнезда. Каждый виток был толстым, как рука Нефера, и они медленно двигались по отношению друг к другу.

Голова змеи отклонилась назад, рот открылся, и Нефер увидел бледную внутренность горла. Почти прозрачные клыки торчали почти вертикально из складок мягкой мембраны: на каждой костяной игле висела крошечная бусинка бесцветного яда.

Затем ужасная голова метнулась вперед: кобра бросилась в лицо Неферу.

Нефер с криком шархнулся в сторону, потерял равновесие и вывалился из расселины.

Хотя Таита крепко упирался, чтобы в любой момент принять тяжесть мальчика на веревку, его чуть не сдернуло с позиции на вершине утеса, когда вес Нефера обрушился на веревку. Виток веревки из конского волоса проскользнул сквозь пальцы старика, обжигая кожу, но он держал крепко. Он услышал внизу бессвязный крик мальчика и почувствовал, что тот качается на конце веревки.

Нефер откачнулся от расселины как маятник, а затем его снова качнуло к гнезду сокола. Кобра быстро оправилась после неудавшегося нападения и снова приняла вертикальную стойку. Она пристально уставилась на мальчика и поворачивала голову, чтобы встретить его. В то же самое время из ее горла вырвалось резкое шипение.

Нефер, летя прямо на змею, изо всех сил забил ногами в ее сторону и закричал снова. Таита услышал в этом крике ужас и бросился вытягивать веревку. Он тянул, пока не почувствовал, что его старые мышцы вот-вот лопнут от напряжения.

Кобра инстинктивно ударила Неферу в глаза, как только он оказался в пределах броска, но в этот миг Таита рванул веревку и выдернул Нефера с линии броска. Зияющая пасть змеи пронеслась в сантиметре от его уха, и затем, подобно кнуту с колесницы, тяжелое тело ударило в его плечо. Нефер закричал снова, зная, что получил смертельный укус.

Еще раз откачнувшись над пропастью, он поглядел на то место на своем плече, куда змея вонзила зубы, и увидел бледно-желтый яд, расплескавшийся по толстой кожаной складке переметной сумы. С огромным облегчением Нефер сорвал мешок и, когда опять полетел к тому месту, где все еще угрожающе стояла кобра, держал мешок перед собой, как щит.

В тот миг, когда он снова оказался в пределах броска, кобра опять ударила, но Нефер подставил под удар толстые кожаные складки мешка. Зубы бестии вонзились в кожу и прочно застряли. Когда Нефер качнулся назад, змею потянуло за ним. Ее полностью вытянуло из гнезда, яростно извивающийся клубок колец и блестящих чешуек. Ужасно шипя, она ударилась о ноги Нефера, тяжелый хвост стегал его, из зияющей пасти кобры вылетело облако ядовитых брызг, и яд потек вниз по кожаному мешку. Вес змеи был так велик, что все тело Нефера сотрясло.

Почти не думая, Нефер отшвырнул кожаный мешок как можно дальше. Зубы кобры все еще цеплялись за кожу. Мешок и змея падали вниз вместе, длинное тело продолжало свиваться, извиваться и яростно хлестать. Пронзительное шипение становилось все слабее.

Кажется, кобра падала целую вечность, пока наконец не ударилась о камни далеко внизу. Удар не убил и не оглушил ее, и она яростно хлестала хвостом, когда покатилась по склону каменной осыпи, подпрыгивая на камнях подобно огромному черному шару. Наконец Нефер потерял ее из виду среди серых валунов.

Сквозь туман ужаса, окутавший его мозг, пробился голос Таиты, хриплый от напряжения и беспокойства.

– Говори со мной. Ты слышишь меня?

– Я здесь, Тата, – отозвался Нефер слабым и дрожащим голосом.

– Я вытяну тебя.

Медленно, рывок за рывком, Нефер поднимался вверх. Даже переживая потрясение, Нефер поразился силе старика. Когда стало возможно дотянуться до скалы, он смог уменьшить давление на своего веса на веревку, и дело пошло быстрее. Наконец он обогнул нависающий выступ и с огромным облегчением увидел Таиту, смотревшего на него с вершины, его старое лицо, подобное лицу сфинкса, изборожденное глубокими морщинами от напряжения при вытягивании веревки.

С последним рывком вверх Нефер перекатился на вершину и упал на руки старику. Он лежал, задыхаясь от рыданий, неспособный говорить членораздельно. Таита обнял его. Он тоже дрожал от переживаний и усталости. Постепенно они успокоились и задышали ровнее. Таита поднес к губам Нефера мех с водой, и принц стал пить, кашляя и задыхаясь, пил и не мог напиться. Потом он посмотрел в лицо Таите так жалобно, что старик обнял его покрепче.

– Это было ужасно. – Слова Нефера едва можно было понять. – Она была в гнезде. Она убила соколов, всех. О, Тата, это было ужасно.

– Что случилось, Нефер? – спросил тихо Таита.

– Она убила мою божественную птицу, самца сокола.

– Успокойся. Попей еще. – Он поднес мальчику мех.

Нефер поперхнулся снова и сильно закашлялся. Когда он опять смог говорить, он прохрипел:

– Она попыталась убить и меня. Она была огромная и очень черная.

– Что это было, мальчик? Объясни толком.

– Кобра, огромная черная кобра. Ждала меня в гнезде. Она убила птенцов и сокола и кинулась на меня, как только увидела. Я никогда не думал, что бывают такие большие кобры.

– Ты укушен? – спросил Таита со страхом и поставил Нефера на ноги, чтобы обследовать.

– Нет, Тата. Я использовал мешок как щит. Она не коснулась меня. – Нефер протестовал, но Таита снял с него набедренник и заставил стоять голым, пока осматривал его тело в поисках укусов. Одна из его костяшек на руке и оба колена были сбиты, но в остальном сильное молодое тело было отмечено только картушем фараона на гладкой внутренней поверхности бедра. Таита лично нанес эту татуировку, миниатюрный шедевр, навсегда подтверждавший право Нефера на двойную корону.

– Хвала великому богу, который защитил тебя, – пробормотал Таита. – Этим появлением кобры Гор послал тебе предзнаменование ужасных событий и опасностей. – Его лицо было серьезным и скорбным. – Это была не настоящая змея.

– Нет, Тата. Я видел ее близко. Она была огромна, но это была настоящая змея.

– Тогда как она добралась до гнезда? Кобры не умеют летать, а другого способа подняться на утес нет.

Нефер ошеломленно уставился на него.

– Она убила мою божественную птицу, – прошептал он громко.

– Она убила царского сокола, другую ипостась фараона, – мрачно согласился Таита с печалью в глазах. – Вот что за тайны были открыты нам здесь. Я видел их тени в моем видении, и то, что случилось с тобой сегодня, тому подтверждение. Естественный ход событий нарушен.

– Объясни мне это, Тата, – настаивал Нефер.

Таита вернул ему набедренник.

– Сначала нам нужно спуститься от этой горы и избежать великих опасностей, окружающих нас. Лишь тогда я смогу растолковать предзнаменования.

Он умолк и взглянул в небо, как будто глубоко задумавшись. Затем опустил глаза и посмотрел в лицо Нефера.

– Оденся, – вот все, что он сказал.

Как только Нефер был готов, Таита повел его назад к дальнему краю вершины и они начали спуск. Он завершился быстро, поскольку они знали дорогу, а также из-за заразной поспешности, сквозившей в каждом движении Таиты. Лошади были там, где их оставили, но прежде чем они сели на них, Нефер сказал:

– Место, где кобра ударилась о камни, недалеко отсюда. – Он указал на начало каменной осыпи ниже утеса, на котором все еще виднелось гнездо соколов. – Давай поищем тело. Возможно, если мы найдем ее останки, ты сумеешь придумать какое-нибудь колдовство, чтобы уничтожить ее силу.

– Мы впустую потратим драгоценное время. Там не будет никакого тела. – Таита вскочил на спину кобылы. – Садись на лошадь, Нефер. Кобра вернулась в те темные места, откуда появилась.

Нефер поежился от суеверного страха и взобрался на спину своего жеребца.

Ни один из них не проронил больше ни слова, пока они не спустились с верхней части склона и не выехали на изрезанные лощинами восточные предгорья. Нефер хорошо знал, что, когда Таита в таком настроении, бессмысленно говорить с ним, однако подстегнул свою лошадь и поехал рядом с наставником, тактично заметив:

– Тата, это путь не к Гебель-Нагаре.

– Мы не вернемся туда.

– Почему?

– Кочевники знают, что мы были у источника. Они скажут тем, кто нас ищет, – объяснил Таита.

Нефер был озадачен.

– Кто нас ищет?

Таита повернул голову и посмотрел на мальчика с такой жалостью, что тот замолчал.

– Я объясню, когда мы уедем от этой проклятой горы в безопасное место.

Таита избегал гребней холмов, где их силуэты могли быть заметны на горизонте, и держал путь по ущельям и долинам. Он все время двигался на восток, прочь из Египта и от Нила, к морю.

Солнце стало садиться, когда он вновь натянул поводья и заговорил:

– Главная караванная дорога проходит прямо за следующей грядой холмов. Нам нужно пересечь ее, но там нас могут поджидать враги.

Они оставили лошадей привязанными в скрытом вади, бросив по несколько горстей дробленого проса дурра в их кожаные торбы, чтобы не было голодно, осторожно поднялись на гребень холмов и за грудой красноватого сланца нашли выгодную для наблюдения точку, откуда могли смотреть сверху на караванную дорогу.

– Мы будем лежать здесь до темноты, – объяснил Таита. – Затем перейдем дорогу.

– Я не понимаю, что ты делаешь, Тата. Почему мы едем на восток? Почему мы не возвращаемся в Фивы, под защиту фараона, моего отца?

Таита тихо вздохнул и закрыл глаза. «Как сказать ему это? Я больше не могу скрывать. Ведь он все еще ребенок, и я должен защитить его».

Казалось, Нефер прочитал его мысли – он положил руку на руку Таиты и спокойно сказал:

– Сегодня, на горе, я доказал, что я мужчина. Относись ко мне как к мужчине.

Таита кивнул.

– Действительно, ты доказал это. – Прежде чем продолжить, он бросил еще один взгляд

на хорошо укатанную дорогу под ними и немедленно спрятал голову. – Кто-то едет! – предупредил он.

Нефер распластался за низкой кучей сланца, и они увидели столб пыли, стремительно приближавшийся по караванной дороге с запада. К этому времени долину окутала глубокая тень, а небо было заполнено всеми великолепными оттенками заката.

– Едут быстро. Это не торговцы, это боевые колесницы, – сказал Нефер. – Да, теперь я вижу их. – Его зоркие молодые глаза различили очертания ведущей колесницы. – Это не гиксосы, – продолжил он, когда колесницы приблизились и стали лучше различимы. – Это наши. Отряд из десяти колесниц. Да! Видишь флаг на головной колеснице. – Трепещущий флаг на длинном, гибком бамбуковом пруте двигался выше крутящегося пыльного облака. – Отряд Стражей Пта! Мы в безопасности, Тата!

Нефер вскочил на ноги и замахал над головой обеими руками.

– Сюда! – завопил он. – Сюда, Синие. Я здесь. Я – принц Нефер!

Таита протянул костлявую руку и быстро стащил его вниз.

– Лежи, дуралей. Это прислужники кобры.

Он опять бросил быстрый взгляд поверх кучи и увидел, что ведущий колесничий, должно быть, заметил на горизонте Нефера, потому что перевел упряжку в легкий галоп и помчался по дороге к ним.

– Пойдем! – сказал он Неферу. – Поспеши! Они не должны поймать нас.

Он потянул мальчика с гребня холма и побежал вниз по склону. Несмотря на первоначальное нежелание Нефера, мальчика поспешность Таиты стала подгонять. Он побежал по-настоящему, прыгая с камня на камень, но не мог догнать старика. Длинные тощие ноги Таиты летели, летела за спиной серебристая грива волос. Он добежал до лошадей первым и одним прыжком взлетел на голую спину кобылы.

– Не понимаю, почему мы бежим от наших собственных солдат. – Нефер задыхался. – Что случилось, Тата?

– Садись на лошадь! Сейчас не время говорить. Нужно уносить ноги.

Когда они галопом выехали из устья вади на открытое место, Нефер бросил тоскливый взгляд через плечо. Ведущая колесница быстро въехала на вершину холма, и возница испустил крик, но расстояние и грохот колес заглушили его голос.

Ранее они с Таитой прошли через участок разрушенной вулканической скалы, где не пройти никакой колеснице. Теперь они ехали туда, лошади скакали бок о бок и шаг в шаг.

– Если мы сможем добраться до камней, то за ночь нам удастся оторваться от погони. Осталось совсем немного светлого времени. – Таита взглянул на последний отсвет солнца, уже скрывавшегося за холмами на западе.

– Один всадник всегда может противостоять колеснице, – заявил Нефер с уверенностью, которой в действительности не чувствовал. Но когда он оглянулся через плечо, то увидел, что они поступили верно. Они убегали от отряда подпрыгивающих и трясущихся колесниц.

Прежде чем Нефер и Таита достигли участка разрушенной скалы, колесницы так отстали, что их почти скрыли поднятое ими же облако пыли и густеющий синий сумрак. Как только они достигли края камней, им пришлось перевести лошадей на осторожную рысь, но ехать так опасно, а света было так мало, что они быстро перешли на шаг. В последнем отблеске заката Таита оглянулся и увидел, что темный силуэт ведущей колесницы отряда остановилась на краю неудобья. Он узнал голос возницы, кричавшего им, хотя слышно было слабо.

– Принц Нефер, почему вы бежите? Вам не следует бояться нас. Мы – Стража Пта; вернитесь, и мы проводим вас домой в Фивы.

Нефер сделал движение, будто собираясь повернуть лошадь.

– Это Хилто. Я очень хорошо знаю его голос. Он – хороший человек. Он зовет меня по имени.

Хилто был известным воином, носящим Золото Доблести, но Таита сурово приказал

Неферу ехать вперед.

– Не позволяй себя обмануть. Не доверяй никому.

Нефер покорно поехал по разрушенной скале. Слабые крики позади затихли, заглохли в вечной тишине пустыни. Прежде чем беглецы продвинулись дальше, темнота вынудила их спешиться и пешком пробираться по трудным местам, где извилистая тропинка суживалась и острые столбы черного камня могли бы покалечить неосторожную лошадь или поломать колеса любой колесницы, которая попробовала бы последовать за ними. Наконец им пришлось остановиться, чтобы напоить лошадей и дать им отдых. Они сели близко друг к другу, Таита кинжалом разрезал хлеб из дурры. Они жевали его и тихо переговаривались.

– Расскажи мне о своем видении, Тата. Что ты действительно увидел в Лабиринтах Амона Ра?

– Я говорил тебе. Ничего определенного.

– Я знаю, что это неправда. – Нефер покачал головой. – Ты сказал, что защищаешь меня. – Он дрожал от ночного холода и от страха, который после встречи со злом в гнезде соколов стал его постоянным спутником. – Ты видел какое-то ужасное предзнаменование, я знаю. Вот почему мы теперь бежим. Тебе следует рассказать мне все о своем видении. Мне нужно понять, что происходит.

– Да, ты прав, – согласился наконец Таита. – Пора тебе узнать. – Он тонкой рукой потянул Нефера под свою накидку – мальчика удивила теплота тощего тела старика. Таита, казалось, собирался с мыслями и наконец заговорил.

– В моем видении я видел огромное дерево, растущее на берегу Матери Нила. Это было могучее дерево, с цветами синими, как гиацинты, и на его вершине висела двойная корона Верхнего и Нижнего Царств. В его тени собрались все люди Египта, мужчины и женщины, дети и седовласые старцы, торговцы и крестьяне, писцы, жрецы и воины. Дерево давало им всем защиту, и они процветали и были довольны.

– Хорошее видение. – Нефер нетерпеливо истолковал его, как учил Таита: – Деревом, должно быть, был фараон, мой отец. Цвет Дома Тамоса синий, и мой отец носит двойную корону.

– Я усматриваю это же значение.

– Что ты увидел затем, Тата?

– Увидел в мутных водах реки змею, плывущую туда, где стояло дерево. Это была могучая змея.

– Кобра? – предположил Нефер тихим и испуганным голосом.

– Да, – подтвердил Таита, – большая кобра. Она выползла из вод Нила, влезла на дерево и обвилась вокруг ствола и ветвей, так что стала казаться частью дерева, поддерживая его и давая ему силу.

– Этого я не понимаю, – прошептал Нефер.

– Затем кобра поднялась на верхние ветви дерева, бросилась и вонзила зубы в ствол.

– Милосердный Гор. – Нефер задрожал. – Была ли это та же самая змея, что пыталась укусить меня, как ты думаешь? – Не дожидаясь ответа, он быстро продолжил. – Что ты увидел затем, Тата?

– Увидел, что дерево засохло, упало и разрушилось. Увидел кобру, поднявшуюся торжествующе высоко, но теперь на ее злобной голове была двойная корона. Мертвое дерево начало выбрасывать зеленые побеги, но, едва они появлялись, змея жалила их, и они, также отравленное, умирали.

Нефер молчал. Хотя смысл казался очевидным, он был не в состоянии высказать свое толкование видения.

– Были уничтожены все зеленые побеги разрушенного дерева? – спросил он наконец.

– Остался один побег, который рос в тайне, под поверхностью земли, пока не набрал силу. Затем он пробился из-под земли подобно могучей виноградной лозе и сошелся в схватке с коброй. Хотя кобра напала на него не щадя ни сил, ни яда, он выжил и продолжил расти.

– Чем завершилась борьба, Тата? Кто одержал победу? Кто получил двойную корону?

– Я не видел окончания схватки за дымом и пылью войны.

Нефер молчал так долго, что Таита подумал, будто принц заснул, но мальчик начал сотрясаться, и старик понял, что тот плакал. Наконец Нефер заговорил, с ужасающей определенностью и уверенностью.

– Фараон мертв. Мой отец мертв. Вот что означало твое видение. Отравленное дерево было фараоном. То же знамение было явлено в гнезде соколов. Мертвый сокол – фараон. Мой отец мертв, убит коброй.

Таита ничего не мог ему ответить. Он мог только крепче обнять Нефера за плечи и постараться придать ему сил и утешить.

– А я зеленый побег дерева, – продолжил Нефер. – Ты видел это. Ты знаешь, что кобра ждет, желая уничтожить меня, как моего отца. Именно поэтому ты не позволил солдатам забрать меня в Фивы. Ты знаешь, что кобра ждет меня там.

– Ты прав, Нефер. Мы не можем возвратиться в Фивы, пока ты не будешь достаточно силен, чтобы защититься. Мы должны бежать из Египта. На востоке есть другие страны и могущественные цари. Моя цель – идти к ним и искать союзника, который поможет уничтожить кобру.

– Но кто – кобра? Разве ты не узнал его в видении?

– Мы знаем, что он стоял близко к трону твоего отца, ибо в видении был переплетен с деревом и поддерживал его. – Он помолчал, а затем, будто бы решившись, продолжил: – Имя кобры – Наг.

Нефер уставился на него.

– Наг! – прошептал он. – Наг! Теперь я понимаю, почему нам нельзя вернуться в Фивы. – Он помолчал немного и добавил: – Скитаясь в восточных странах, мы станем изгоями, нищими.

– Видение показало, что ты станешь сильным. Нужно довериться Лабиринтам Амона Ра.

Несмотря на горе из-за смерти отца, Нефер наконец заснул, но Таита разбудил его затемно, перед рассветом. Они снова сели на лошадей и ехали на восток, пока неудобье не осталось позади. Неферу показалось, что он уловил в предрассветном ветре соленый запах моря.

– В порту Сегед мы найдем судно, которое доставит нас в землю гурриев. – Таита, казалось, читал мысли принца. – Саргон, царь Вавилона и Ассирии – это могущественные царства между Тигром и Евфратом, – сатрап твоего отца. Он связан с твоим отцом договором против гиксосов и всех наших общих врагов. Думаю, Саргон будет придерживаться этого договора, поскольку он – благородный человек. Нам следует верить, что он примет нас и поддержит твои притязания на трон объединенного Египта.

Впереди встало пылающее печным жаром солнце, и, одолев следующую высоту, они увидели внизу море, сверкавшее подобно только что выкованному бронзовому военному щиту. Таита оценил расстояние.

– Мы дойдем до берега сегодня до захода солнца. – Потом, прищурившись, он оглянулся. И похолодел, увидев позади на равнине не одно, а четыре пера желтой пыли. – Опять Хилто, – воскликнул он. – Мне следовало догадаться, что старый негодяй не откажется от преследования так просто. – Он подпрыгнул и встал выпрямившись на спине лошади, чтобы лучше видеть: уловка старого наездника. – Он, должно быть, объехал скалистый участок ночью. А теперь бросил кольцо колесниц широким фронтом, чтобы найти наш след. Ему не нужен был прорицатель, чтобы понять, что мы направимся на восток, к побережью.

Таита быстро поглядел по сторонам в поисках укрытия. Хотя открытая каменистая равнина, по которой они ехали, казалось, была лишена неровностей, он выбрал небольшую котловину, которая даст им укрытие, если удастся добраться до нее вовремя.

– Слезай с лошади! – приказал он Неферу. – Нам следует пригнуться как можно ниже и

не поднимать пыли, чтобы они не заметили нас. — Он молча упрекал себя за то, что ночью не потрудился скрыть их следы. Теперь, когда они повернули в сторону и повели лошадей к котловине, он проследил, чтобы они не проходили по участкам мягкой земли, а шли по естественной каменной мостовой, на которой не оставалось никаких следов. Достигнув убежища, они обнаружили, что оно слишком мелкое, чтобы скрыть стоящую лошадь.

Нефер с тревогой оглядывался назад. Самая близкая колонна двигающейся пыли была меньше чем в половине лиги позади и продвигалась быстро. Другие двигались широким полукругом.

— Здесь нет места, чтобы спрятаться, а бежать теперь поздно. Они уже окружили нас. — Таита соскользнул со спины своей кобылы и, тихо говоря с нею, наклонился, чтобы погладить ее передние ноги. Кобыла затопталась и фыркнула, но он настаивал, и она неохотно легла на бок, продолжая протестующе фыркать. Таита снял набедренник и завязал им кобыле глаза, чтобы та не пыталась встать.

Затем он быстро подошел к жеребцу Нефера и проделал то же самое. Когда обе лошади легли, он быстро сказал Неферу:

— Ляг у головы Звездочета и удерживай его, если он попытается встать.

Нефер засмеялся впервые с тех пор, как узнал о смерти отца. То, как Таита обращался с животными, никогда не переставало удивлять его.

— Как ты заставил их сделать это, Тата?

— Если говорить с ними так, чтобы они поняли, они делают то, о чем их просят. Теперь ложись рядом с ним и следи, чтобы он лежал спокойно.

Они лежали позади лошадей и наблюдали за колоннами пыли, двигающимися полукольцом по равнине.

— Они не смогут заметить наши следы на каменистой земле, правда, Тата? — спросил Нефер с надеждой. Таита хмыкнул. Он наблюдал за ближайшей колесницей. В дрожащем мареве та казалась невещественной, дрожала и искажалась, как отражение на воде. Двигалась она довольно медленно, рыская из стороны в сторону, будто выслеживая. Внезапно она покатила вперед более решительно и целеустремленно, и Таита понял, что колесничий заметил их следы и двинулся по ним.

Колесница надвигалась, и они уже более ясно различали солдат в ней. Те перегибались через передний щит, оглядывая землю, по которой ехали. Вдруг Таита расстроено пробормотал:

— Будь проклято вонючее дыхание Сета, они взяли с собой нубийского следопыта.

Высокий черный человек казался еще выше из-за головного убора из перьев цапли. В пятистах локтей от того места, где они лежали в укрытии, нубиец на ходу прыгнул с колесницы и побежал перед лошадьми.

— Они в том месте, где мы повернули в сторону, — прошептал Таита. — Горы скрывают наши следы от того черного дикаря. — Говорили, будто нубийские разведчики могут идти по следу, оставленному ласточкой в воздухе.

Нубиец остановил колесницу повелительным взмахом руки. Там, где беглецы повернули на каменистую землю, он потерял след. Согнувшись почти вдвое, он кружил по голой земле. С такого расстояния он напоминал птицу-секретаря, охотящуюся на змей и грызунов.

— Разве ты не можешь прочесть заклинание, чтобы укрыть нас, Тата? — тревожно прошептал Нефер. Таита часто читал для них заклинания во время охоты на газелей на открытых равнинах и в большинстве случаев заманивал изящных небольших животных в пределы досягаемости стрел, так что газели не замечали охотников. Таита не ответил, но, глянув туда, где тот лежал, Нефер увидел, что старик уже держит в руке свой самый мощный амулет — золотую пятиконечную звезду изящной работы, амулет Лостры. Нефер знал, что запечатано внутри него. Это был локон волос, который Таита срезал с головы царицы Лостры, когда та лежала на столе бальзамировщика перед ее обожествлением. Таита коснулся его губами, безмолвно читая молитву об Укрытии от Глаз Врага.

А на равнине нубиец выпрямился с таким выражением, будто вновь нашел цель, и пристально поглядел прямо в их сторону.

– Он нашел поворот наших следов, – сказал Нефер, и они увидели, как колесница поехала вслед за нубийцем, который направился к ним по каменистой земле.

Таита тихо проговорил:

– Я хорошо знаю этого дьявола. Его зовут Бэй, и он – шаман племени усбак.

Нефер с трепетом наблюдал за продвижением колесницы и человека перед ней. Колесничий стоял высоко на колеснице. Конечно, он мог увидеть их оттуда, с высоты. Но ничто не говорило о том, что он заметил их. Преследователи подъехали еще ближе, и Нефер узнал в колесничем Хилто, разглядев даже белый боевой шрам на его правой щеке. На мгновение показалось, что он смотрит прямо на Нефера острыми как у сокола глазами, но затем его пристальный взгляд скользнул мимо.

– Не шевелись. – Голос Таиты был тих, как легкий ветерок над спокойной равниной.

Теперь Бэй, нубиец, был так близко, что Нефер мог разглядеть каждый амулет в ожерелье на его широкой голой груди. Бэй резко остановился, и его испещренное шрамами лицо нахмурилось, когда он принялся поворачивать голову, медленно оглядывая все вокруг, будто охотничья собака, чующая запах добычи.

– И все-таки он чувствует нас! – прошептал Таита.

Бэй сделал еще несколько медленных шагов, затем снова остановился и поднял руку. Колесница подъехала. Лошади были беспокойны и волновались. Хилто коснулся переднего щита колесницы древком копья. Тихий скребущий звук будто прогремел в тишине.

Теперь Бэй смотрел прямо в лицо Неферу. Нефер попытался выдержать этот темный жестокий взгляд и не моргнуть, но на его глазах от напряжения выступили слезы. Бэй протянул руку и сжал один из амулетов в своем ожерелье. Нефер понял, что это ключичная кость льва-людоеда. У Таиты была такая среди запаса оружия, талисманов и магических амулетов.

Бэй тихо запел мелодичным низким голосом типичного африканца. Затем топнул босой ногой по твердой земле и плюнул в сторону Нефера.

– Он проникает сквозь мою завесу, – расстроено произнес Таита. Вдруг Бэй усмехнулся и указал прямо на них зажатый в кулаке львиным амулетом. Позади него Хилто вскрикнул от удивления и уставился туда, где внезапно появились Таита и Нефер, лежащие на открытой земле всего в ста локтях от них.

– Принц Нефер! Мы искали вас эти тридцать дней. Хвала великим Гору и Осирису, мы наконец нашли вас.

Нефер вздохнул и поднялся на ноги. Хилто подъехал к нему, прыгнул с колесницы и встал на одно колено. Он снял с головы бронзовый шлем и закричал голосом, привыкшим подавать команды на поле боя:

– Фараон Тамос мертв! Да здравствует фараон Нефер Сети. Да живете вы вечно.

Сети было божественным именем принца, одним из пяти имен власти, данных ему при рождении, задолго до того, как было обеспечено его вступление на трон. Никому не позволялось использовать божественное имя до момента провозглашения Нефера фараоном.

– Фараон! Могучий бык! Мы прибыли отвезти вас в Священный Город, дабы вы могли возвыситься в Фивах в своем личной божественном образе как Золотой Гор.

– Что если я решу не ехать с вами, командир отряда Хилто? – спросил Нефер.

Хилто явно обеспокоился.

– При всей моей любви и преданности, фараон, есть строжайший приказ регента Египта доставить вас в Фивы. Я должен повиноваться этому приказу, даже рискуя навлечь на себя ваше недовольство.

Нефер искоса поглядел на Таиту и проговорил уголком рта:

– Что сделать?

– Придется поехать с ними.

Они двинулись обратно в Фивы в сопровождении пятидесяти боевых колесниц, которыми командовал Хилто. Согласно строгому указанию колонна направилась сначала в оазис Босс. Несколько быстрых всадников выслали вперед, в Фивы, и господин Наг, регент Египта, выехал из города в оазис, чтобы встретить молодого фараона Нефера Сети.

На пятый день отряд на колесницах, запыленных и потрепанных за месяцы, проведенные в пустыне, въехал в оазис. Стоило им въехать в тень полого пальмовых рощ, полный отряд Стражи Пта выстроился как на парад, чтобы приветствовать их. Солдаты вложили оружие в ножны, а в руках несли пальмовые листья, которыми махали, распевая гимн своему монарху.

Сети, могучий бык,
Он истинный возлюбленный
Двух богинь, Нехбет и Ваджет,
Огненная змея великой силы,
Золотой Гор, оживляющий сердца,
Он как осока и как пчела,
Сети, сын Ра, бога солнца, живущий всегда и вечно.

Нефер стоял между Хилто и Таитой на площадке головной колесницы. Его одежда была рваной и грязной, а густые локоны покрывала пыль. Солнце поджарило его лицо и руки до цвета зрелого миндаля. Хилто повел колесницу по длинному проходу, образованному солдатами, и Нефер застенчиво улыбался тем в рядах, кого узнавал, а они приветствовали его в ответ. Они любили его отца и теперь любили его. В центре оазиса около источника были поставлены разноцветные шатры. Перед царским шатром, окруженным скопищем придворных, знати и жрецов, стоял господин Наг, ожидающий, чтобы приветствовать царя. Могущественный, благодаря власти и полномочиям регентства, блестящий и прекрасный в золоте и драгоценных камнях, благоухающий сладкими притираниями и ароматными лосьонами.

Слева и справа от него стояли Гесерет и Мерикура, принцессы царского Дома Тамоса. Их лица были жемчужно-белыми от косметики, глаза огромными и темными от краски для век. Даже соски их обнаженных грудей были ало нарумянены и походили на зрелые вишни. Парики из конского волоса были слишком велики для их хорошеньких головок, а набедренники столь тяжелы от жемчуга и золотых нитей, что девочки стояли одеревенело, как резные куклы.

Едва Хилто остановил колесницу перед господином Нагом, как тот выступил вперед и снял с нее грязного мальчика. Нефер не имел возможности купаться начиная с отъезда из Гебель-Нагары, и от него пахло как от козла.

– Как ваш регент я приветствую вас, фараон. Я – ваш слуга и преданный друг. Да живете вы тысячу лет, – громко сказал он, так чтобы в ближайших рядах все могли слышать каждое слово. Господин Наг повел Нефера за руку к помосту совета, вырезанному из драгоценного черного дерева, привезенного из глубины африканского континента и инкрустированному слоновой костью и перламутром. Он усадил мальчика на помост, опустился на колени и без всяких признаков отвращения поцеловал сбитые и грязные ноги Нефера. Ногти на пальцах этих ног были сорваны и покрыты затвердевшей черной грязью.

Наг встал и поднял Нефера на ноги, снял с него порванный набедренник, так что открылась татуировка фараона на его бедре, и медленно повернул мальчика так, чтобы каждый из присутствующих мог ясно видеть ее.

– Приветствую вас, фараон Сети, бог и сын богов. Посмотрите на ваш знак. Рассмотрите эту отметку, все народы земли, и дрожите перед могуществом царя. Склонитесь перед всеилием фараона.

Среди солдат и придворных, столпившихся вокруг помоста, поднялся громкий крик.

– Да здравствует фараон! Да живет он вечно в своей мощи и величии.

Наг вывел вперед принцесс, и они встали на колени перед братом, чтобы принести клятву верности. Их голоса были едва слышны до тех пор, пока Мерикара, младшая, не в силах дольше сдерживаться, прыгнула на помост в вихре украшенных драгоценными камнями юбок. Она бросилась к брату.

– Нефер! – пронзительно закричала она, – я так тосковала о тебе. Я думала, что ты умер. – В ответ Нефер неловко обнял и прижал ее к себе. Наконец она отодвинулась и прошептала: – Ты ужасно пахнешь, – и захихикала.

Господин Наг дал знак одной из царских нянь забрать ребенка, а затем, один за другим, могущественные господа Египта, с членами совета во главе вышли вперед, чтобы дать клятву верности. Был один неловкий миг, когда фараон осмотрел собрание и спросил ясным, громким голосом:

– Где мой добрый дядя Кратас? Из всех моих людей ему следовало здесь приветствовать меня первым.

Талла пробормотал умиротворяющее объяснение.

– Господин Кратас не смог присутствовать. Мы объясним это великому позже. – Талла, старый и слабый, был теперь председателем государственного совета. В качестве креатуры Нага.

Церемония закончилась, когда господин Наг хлопнул в ладоши.

– Фараон прибыл из долгой поездки. Ему нужно отдохнуть, прежде чем он поведет процессию в город.

Он жестом собственника взял Нефера за руку и повел его в царский шатер, где в просторных галереях и залах мог бы разместиться целый отряд охраны. Там служитель гардероба, парфюмеры и цирюльники, хранитель царских драгоценностей, слуги, маникюрши, массажисты и банщицы ждали, чтобы заняться им.

Таита решил оставаться рядом с мальчиком там, где мог защитить его. Он попытался ненавязчиво войти в его окружение, но долговязая фигура и серебряная голова выдавали его; в то же время его слава была такова, что нигде на земле он не мог пройти неприметно. Начальник караула почти немедленно заступил ему дорогу.

– Приветствую, господин Таита. Пусть боги вечно улыбаются вам. – Хотя фараон Тамос возвел его в благородное сословие в тот же день, когда поставил печать на документ о его освобождении от рабства, Таита по сию пору чувствовал себя неловко, когда к нему обращались, используя титул.

– Регент Египта послал за вами. – Он посмотрел на грязную одежду и пыльные старые сандалии Мага. – Было бы неплохо, если бы вы явились к нему в ином платье. Господин Наг терпеть не может грубые запахи и грязную одежду.

Шатер господина Нага был больше, чем шатер фараона, и более роскошно обставлен. Он сидел на троне, вырезанном из черного дерева и слоновой кости, украшенном золотом и еще более редким и драгоценным серебром с изображениями всех главных богов Египта. Песчаный пол был устлан гуррийскими шерстяными коврами замечательных расцветок, в том числе ярко-зелеными, символизирующими зеленые поля, простирающиеся на обоих берегах Нила. Возвысившись до регента, Наг принял этот зеленый цвет как цвет своего Дома.

Он полагал, что приятные ароматы притягивают внимание богов, и в серебряных горшках, подвешенных на цепи к распоркам шатра, курился ладан. На низком столе перед троном стояли открытые стеклянные вазы, наполненные духами. Регент снял парик, и раб удерживал на его бритой макушке конус ароматного воска. Воск таял и стекал по щекам и шее, охлаждая и успокаивая.

В шатре пахло как в саду. Даже высшая знать, послы и просители, которые садились перед троном, были вынуждены купаться и брызгаться духами, прежде чем войти в приемную регента. Таита также последовал совету начальника караула. Его волосы, вымытые и расчесанные, ниспадали серебряным каскадом по плечам, а полотняный

набедренник был выстиран и доведен до чистейшей белизны. У входа в шатер он встал на колени, выражая почтение к трону. Как только он поднялся на ноги, раздался гул замечаний и предположений. Иностранные послы с любопытством разглядывали его, и он слышал, как шептали его имя. Даже воины и жрецы кивали и говорили друг другу на ухо:

– Это – Маг.

– Любимец богов Таита, знаток Лабиринтов.

– Таита, Раненный Глаз Гора.

Господин Наг оторвался от папируса, который просматривал, и улыбнулся. Он был действительно красив, с хорошо вылепленными чертами лица и чувственными губами. Прямой и узкий нос, глаза цвета золотого агата, живые и умные. Обнаженная грудь демонстрировала только мышцы, ни капли жира, а на худых руках играли крепкие мускулы.

Таита быстро осмотрел ряды мужчин, которые теперь сидели ближе всего к трону. За недолгое время, прошедшее после смерти фараона Тамоса, среди придворных и знати произошло перераспределение власти и благоволения. Не было видно многих знакомых лиц, зато много других явились из мрака на свет расположения регента. Не последним из них был Асмор, командир Стражи Пта.

– Пройдите вперед, господин Таита. – Голос у Нага был приятный и низкий. Таита направился к трону, и ряды придворных расступились, освобождая ему проход. Регент улыбнулся. – Знайте, что вы заслуживаете нашей высокой милости. Вы отлично выполнили обязанность, возложенную на вас фараоном Тамосом. Вы обеспечили принца Неферу Мемнону неоценимым обучением и общей подготовкой. – Таита был удивлен теплотой приветствия, но не позволил себе показать это. – Теперь, когда принц стал фараоном Сети, ему еще больше потребуется ваша направляющая рука.

– Пусть он живет вечно, – ответил Таита, и присутствующие повторили за ним:

– Пусть он живет вечно.

Господин Наг жестом показал:

– Сядьте здесь, в тени моего трона. Даже мне будут очень нужны ваши опыт и мудрость, когда потребуется распорядиться делами фараона.

– Царский регент оказывает мне больше чести, чем я заслуживаю. – Таита повернул к господину Нагу кроткое лицо. Самое благоразумное – никогда не позволять вашим тайным врагам проведать о вашей враждебности. Он занял предложенное ему место, но отказался от шелковой подушки и сел на шерстяной коврик, держа спину и плечи очень прямо.

Регент вернулся к своим делам. Делили имущество полководца Кратаса: поскольку его объявили предателем, все, чем он владел, перешло к Короне.

– От предателя Кратаса переходят к храму Хапи и жрецам таинств, – читал Наг с папируса, – все его земли и постройки на восточном берегу реки между Дендерой и Абнубом.

Слушая это, Таита оплакивал своего старейшего друга, но не допустил и тени печали на свое лицо. Во время долгого возвращения из пустыни Хилто поведал ему, как умер Кратас, и добавил:

– Все люди, даже благородные и значительные, ведут себя смиренно при новом регенте Египта. Менсет, председатель государственного совета, мертв. Он умер во сне, но поговаривают, будто ему помогли отправиться в последний путь. Синка мертв, казнен за измену, хотя у него уже не хватало сообразительности даже обманывать свою старую жену. Его имущество конфисковано регентом. Еще пять десятков человек составили компанию славному Кратасу в путешествии в подземный мир. А все члены совета – подпевалы Нага.

Кратас для Таиты был последним осколком тех золотых дней, когда Тан, Лостра и он были молоды. Таита очень любил его.

– От предателя Кратаса к регенту Египта – весь запас проса, записанный на его имя в зернохранилище Атрибиса, – читал господин Наг с папируса.

Пятьдесят полных барж, прикинул Таита, поскольку практичный Кратас свои средства вкладывал в торговлю просом. Господин Наг щедро заплатил себе за тяжелую работу –

убийство.

– Эти запасы будут использованы на общее благо. – Именно так определялась конфискация, но Таита задал себе вопрос – кто определяет общественное благо?

Жрецы и писцы деловито записывали итоги раздела на глиняных табличках, которые будут храниться в архивах храма. Наблюдая и слушая, Таита сдерживал гнев и горе, заперев их в своем сердце.

– А сейчас перейдем к другому важному государственному делу, – сказал господин Наг, когда наследников Кратаса лишили всего их наследства, а сам он стал богаче на три лакха золота. – Я приступаю к рассмотрению благосостояния и статуса принцесс Гесерет и Мерикары. Я тщательно совещался с членами государственного совета. Все согласны, что для их собственного блага я должен взять в жены как принцессу Гесерет, так и принцессу Мерикару. Как мои жены, они окажутся под моей полной защитой. Богиня Исида – покровительница обеих царственных дев. Я приказал жрицам богини истолковать предзнаменования, и они пришли к заключению, что упомянутые браки угодны богине. Церемония пройдет в храме Исиды в Луксоре в день первого полнолуния после похорон фараона Тамоса и коронации его наследника, принца Нефера Сети.

Таита оставался недвижим, бледен, но вокруг после этого заявления послышались шорохи и шепот. Политические последствия такого двойного брака были монументальны. Все присутствующие понимали, что господин Наг намеревался посредством этого брака войти в царский Дом Тамоса и таким образом стать следующим в череде наследования.

Таита почувствовал, что его до самых костей пробрал холод, будто только что с Белой Башни в центре Фив громко прокричали смертный приговор фараону Неферу Сети. Оставалось всего двенадцать дней из требующихся семидесяти для царского бальзамирования мертвого фараона. Немедленно после погребения Тамоса в его могиле в Долине Царей на западном берегу Нила должны состояться коронация его преемника и свадьба его выживших дочерей.

Затем кобра ударит снова. Таита не сомневался в этом. Его пробудило от раздумий об опасностях, окружающих принца, общее движение среди присутствующих, и он догадался, хотя сам не слышал этого, что регент объявил совещание законченным. Он поднялся и вышел за полог в шатре позади трона. Таита поднялся вместе с прочими, чтобы покинуть шатер.

Командир отряда Асмор с улыбкой и учтивым поклоном шагнул вперед, чтобы остановить его.

– Господин Наг, регент Египта, просит вас не уезжать. Он приглашает вас на частную аудиенцию. – Асмор был теперь начальником личной стражи регента и имел почетное звание Лучшего из десяти тысяч. За короткое время он стал сильным и влиятельным человеком. Не было никакого смысла и возможности отказаться от приглашения, и Таита кивнул.

– Я – слуга фараона и его регента. Да живут оба тысячу лет.

Асмор повел его к задней стене шатра и держал занавеску поднятой, пока он не прошел. Таита оказался в пальмовой роще, и Асмор повел его сквозь деревья туда, где одиноко стоял меньший, однокомнатный шатер. Дюжина охранников стояла на страже вокруг шатра, поскольку тот был местом поведения тайного совета, куда без вызова регента не разрешалось приближаться никому. По команде Асмора охранники отступили в сторону, и командир отряда провел Таиту в затененный шатер.

Наг взглянул на него, моя руки в бронзовой чаше.

– Входите, Маг. – Он приветливо улыбнулся и взмахом руки указал на груды подушек в центре покрытого коврами пола. Когда Таита сел, Наг кивнул Асмору, и тот вышел и встал на страже у выхода из шатра, обнажив серповидный меч. Их было только трое в шатре, и беседу никто не мог подслушать.

Наг снял драгоценности и знаки должности. Он держался приветливо и дружелюбно: подошел, чтобы сесть на одну из подушек напротив Таиты; указал на поднос с засахаренными фруктами и шербетом в золотых кубках, который стоял между ними.

– Пожалуйста, угощайтесь.

Чутье подсказывало Таите, что следует отказаться, но он понимал, отказ от регентского гостеприимства объявит о его враждебности и приведет к смертельно опасным действиям Нага.

Пока господину Нагу не следовало знать, что Таита догадался о его намерениях в отношении нового фараона или что он знал о преступлениях Нага и его дальнейших притязаниях. Он склонил голову в знак благодарности и выбрал золотой кубок, стоявший от него дальше прочих. Он ждал, чтобы Наг взял другой кубок шербета. Регент взял его, поднял и выпил без колебаний.

Таита поднес кубок к губам и от души отхлебнул. Он попробовал шербет на языке. Кое-кто бахвалился, что располагает безвкусными, необнаружимыми ядами, но Таита изучил все разъедающие вещества, и даже терпкий плод не мог скрыть от него их вкуса. Напиток не был отравлен, и он проглотил его с удовольствием.

– Спасибо за доверие, – серьезно сказал Наг, и Таита понял, что он имел в виду нечто большее, чем его согласие отведать угощение.

– Я – слуга царя, и значит, его регента.

– Вы для Короны – человек неоценимой важности, – ответил Наг. – Вы верно служили трем фараонам, и все они без сомнений полагались на ваши советы.

– Вы переоцениваете мою важность, господин регент. Я старый и слабый человек.

Наг улыбнулся.

– Старый? Да, вы стары. Я слышал, вам более двухсот лет. – Таита наклонил голову, не подтверждая и не отрицая. – Но не слабый, нет! Вы стары и могучи, как гора. Все знают, что ваша мудрость безгранична. Вам ведомы даже тайны вечной жизни.

Лесть была явной и бессовестной, и Таита искал в ней скрытый смысл. Наг молчал, выжидательно глядя на него. Что он ожидал услышать? Таита посмотрел ему в глаза и настроил свой мозг так, чтобы уловить чужие мысли. Они оказались быстрыми и мимолетными, как стремительные силуэты летучих мышей в пещере на фоне темнеющего закатного неба.

Он поймал целиком одну мысль и вдруг понял, чего хотел от него Наг. Знание дало ему силу, и линия поведения открылась перед ним, подобно воротам взятого города.

– На протяжении тысячи лет каждый царь и каждый ученый искали тайну вечной жизни, – сказал он тихо.

– Возможно, только один человек нашел ее. – Наг нетерпеливо подался вперед, уперев локти в колени.

– Мой господин, ваши вопросы слишком трудны для такого старика, как я. Двести лет – это не вечная жизнь. – Таита протестующе развел руками, но опустил глаза, разрешая Нагу читать в нерешительном опровержении то, что тот хотел услышать. «Двойная корона Египта и вечная жизнь», – подумал он и внутренне улыбнулся, сохраняя серьезное выражение лица. Желания регента были простыми, и их было немного.

Наг выпрямился.

– Мы обсудим эти трудные вопросы в другой раз. – Его желтые глаза торжествующе светились. – Но есть кое-что еще, о чем я хотел бы попросить вас. Это даст вам возможность подтвердить, что мое хорошее мнение о вас совершенно справедливо. Моя благодарность не знала бы границ.

«Он юлит и извивается как угорь, – подумал Таита, – а я считал его тупым солдафоном. Он смог скрыть свет своего фонаря от всех нас». Вслух он сказал только:

– Если это в моих силах, я ни в чем не откажу регенту фараона.

– Вы – знаток Лабиринтов Амона Ра, – сказал Наг с уверенностью, не терпящей никакого опровержения.

Таита еще раз бросил взгляд в темные глубины притязаний этого человека. Не только корона и вечная жизнь! Он также желает, чтобы ему открылось будущее, изумился Таита, но кротно кивнул и ответил:

– Мой господин Наг, всю жизнь я изучал тайны и, возможно, узнал кое-что.
– Да, всю вашу очень долгую жизнь. – Наг поставил особенное ударение в этой фразе. – И узнали очень много.

Таита поклонился и промолчал. «Почему я прежде думал, что он убьет меня? – спросил он себя. – Он будет защищать меня ценой собственной жизни, потому что верит, что я держу в руках ключ к его бессмертию».

– Таита, возлюбленный царями и богами, мне угодно, чтобы вы поработали с Лабиринтами Амона Ра для меня.

– Мой господин, я никогда не работал с Лабиринтами ни для кого, кроме цариц и фараонов или тех, кто был предназначен воссесть на трон Египта.

– Вполне возможно, что как раз один такой человек просит вас об этом сейчас, – сказал господин Наг с глубоким значением в голосе.

«Великий Гор привел его ко мне. Он в моих руках», – подумал Таита и сказал:

– Я склоняюсь перед желанием регента фараона.

– Вы будете работать с Лабиринтами для меня сегодня же? Больше всего я стремлюсь узнать пожелания богов. – Красивое лицо Нага оживилось от волнения и алчности.

– Никто не должен просто входить в Лабиринты, – возразил Таита. – Есть большие опасности, не только для меня, но и для повелителя, запрашивающего предсказание. Потребуется время, чтобы подготовиться к путешествию в будущее.

– Сколько? – Разочарование Нага было очевидно.

Таита прижал руку ко лбу, изображая глубокую задумчивость. «Пусть некоторое время чует приманку, – подумал он. – Нетерпение заставит его побыстрее проглотить крючок». Наконец он сказал:

– В первый день праздника Быка Аписа.

На следующее утро, когда фараон Сети появился из своего большого шатра, это был уже не пыльный и дурно пахнущий маленький бродяга, каким он въехал в оазис Босс накануне.

С царским гневом и пылом, напугав окружающих, он воспротивился попыткам парикмахеров обрить ему голову. Вместо этого его темные кудри были вымыты и расчесаны, и светились в свете раннего утра красновато-коричневым оттенком. На голове красовался урей, золотой обруч, изображающий Нехбет, богиню-стервятника, и Наг, кобру. Их изображения с глазами из красного и синего стекла были переплетены на лбу принца. На подбородке у него была подвязана фальшивая борода царского сана. Его косметика была наложена так умело, что сделала его еще красивее, и густые толпы людей, ждущих перед шатром, со вздохом восхищения и благоговения пали ниц, поклоняясь Сети. Его накладные ногти были из кованого золота, а на ногах золотые сандалии.

На груди Нефера висела одна из самых больших ценностей Короны Египта: грудная пластина Тамоса – украшенное драгоценными камнями изображение бога Гора в виде Сокола. Юный фараон шел слишком величественной для такого молодого человека поступью, неся плеть и скипетр скрещенными над сердцем. Он серьезно смотрел вперед до тех пор, пока краем глаза в переднем ряду толпы не заметил Таиту: он скосил глаза на старика и скорчил озорную гримасу, выражавшую покорность.

На шаг позади шел в облаке духов и в роскошных драгоценностях господин Наг, устрашающий в своей власти. На его бедре висел синий меч, а на правой руке была печать сокола.

За ним шли принцессы, с золотыми перьями богини Исида на головах и с золотыми кольцами на пальцах рук и ног. Вчерашние жесткие от драгоценностей набедренники они сменили на платья, закрывавшие их от горла до лодыжек, но ткань была настолько тонка и прозрачна, что солнечный свет проникал сквозь нее, как сквозь речной туман на рассвете. Руки и ноги у Мерикары были тонкие, а грудь как у мальчика. Очертания тела Гесерет уже приняли соблазнительные изгибы, и сквозь прозрачные складки виднелись ее груди с

розовыми сосками, а ниже живота, там, где сходились бедра, – темный треугольник женственности.

Фараон поднялся на торжественную колесницу и сел на приподнятый трон. Господин Наг встал справа от него, а принцессы сели у его ног.

Группы жрецов от каждого из пятидесяти фиванских храмов пошли вперед, играя на лирах, барабанах и потрясая систрумами, гудя в рога, распевая и выкрикивая хвалу богам и мольбы к ним.

Затем телохранители Асмора заняли свое место в процессии, и за ними двинулись колесницы отряда Хилто, все недавно отполированные и украшенные флагами и цветами. Лошадей вычистили скребницами так, что их шкуры блестели подобно драгоценному металлу, а в гривы были вплетены ленты. Царскую колесницу тянули безупречно белые волю; их массивные горбы украшали букеты лилий и водяных гиацинтов. Их широко расставленные рога и даже копыта были покрыты золотым листом.

Погонщиками были абсолютно нагие рабы-нубийцы. С тел и голов были выщипаны все волосы, что внешне очень подчеркивало размер их гениталий. Нубийцы были с головы до пят обильно натерты маслом, так что блестели на солнце, черные как глаз Сета, в великолепном контрасте со снежно-белыми шкурами волов. Они погнали упряжку вперед, и волю двинулись по пыли. Тысяча воинов Стражи Пта двинулись вслед за ними и грянули единым голосом гимн восхваления. Народ Фив открыл главные ворота города для входа; множество людей сидело на гребнях стен. На милью перед воротами они выстлали пыльную поверхность дороги ветвями пальмы, соломой и цветами.

Все стены, башни и здания Фив были построены из высушенных на солнце земляных кирпичей – каменные блоки предназначались для строительства гробниц и храмов. Дождь в Нильской долине шел редко, оттого эти строения никогда не разрушались; все их недавно побелили и украсили небесно-синими знаменами Дома Тамоса. Процессия прошла через ворота, и толпы танцевали, пели и плакали от радости, заполняя узкие улицы так, что царская колесница ползла как гигантская черепаха. По пути царская колесница надолго останавливалась у каждого храма, и фараон с важным достоинством сходил с нее, чтобы принести жертву богу, обитающему внутри.

На исходе дня они достигли стоянки судов, где фараона и сопровождавших его ожидала царская барка, чтобы перевезти на западный берег к дворцу Мемнона. Как только они взошли на борт, двести гребцов на множестве скамей усердно заработали веслами. Под бой барабана они одновременно разгибались и сгибались, мокрые и блестящие, будто крылья гигантской цапли.

Окруженные флотом галер, фелюг и других мелких судов, они переплыли реку в последних лучах заходящего солнца. Но и когда они достигли западного берега, царские обязанности первого дня юного фараона не были закончены. Другая царская колесница повезла его через толпы народа к погребальному храму его отца, фараона Тамоса.

На мощеную дорогу, освещенную с обеих сторон кострами они въехали затемно. Народ весь день баловал себя пивом и вином, выданными царским казначейством; поднялся оглушительный рев, когда фараон сошел с колесницы у храма Тамоса и стал подниматься по лестнице между рядами гранитных статуй, изображавших его отца и его покровителя бога Гора, во всей сотне его божественных обликов – Гор – кучерявый ребенок Гарпократ с пальцем во рту, сосущий грудь Исиды, или сидящий на корточках на цветке лотоса, или сокологоловый, или крылатый солнечный диск. Казалось, что царь и бог были едины.

Господин Наг и жрецы повели мальчика-фараона через высокие деревянные ворота в Зал Скорби, святое место, где на плите для бальзамирования из черного диорита лежала мумия Тамоса. В отдельном святилище в боковой стене, охраняемые черной статуей Анубиса, бога кладбищ, стояли жемчужные алебастровые каноны, в которых лежали сердце, легкие и внутренности царя.

Во втором святилище, у противоположной стены, стоял покрытый золотом саркофаг, готовый принять тело царя. На крышке гроба была золотая маска фараона, настолько живая,

что сердце Нефера дрогнуло, пронзенное печалью, и на глазах появились слезы. Он сморгнул их и последовал за жрецами туда, где в центре зала лежало тело его отца.

Господин Наг занял свое место напротив него у дальнего конца диоритовой плиты, лицом к Неферу, верховный жрец встал в головах у мертвого царя. Когда все было готово для церемонии Открытия Уст мертвого царя, два жреца совлекли льняное полотно, покрывавшее тело, и, взглянув на отца, Нефер невольно отшатнулся.

В течение всех недель после его смерти, пока Нефер и Таита были в пустыне, бальзамировщики работали над телом царя. Сначала они ввели в ноздрю длинную серебряную ложку и, не повредив головы, вычерпали мягкое вещество его мозга. Они удалили глазные яблоки, которые быстро сгнивали, и заполнили полость черепа и глазные впадины натровыми солями и ароматическими травами. Затем они поместили тело в ванну с высокой концентрацией солей, оставив голову снаружи, и оставили вымачиваться на тридцать дней, ежедневно меняя едкие щелочные жидкости. Жиры выщелачивались, и кожа сходила с тела. Только волосы и кожа головы оставались нетронутыми.

Когда тело наконец достали из натровой ванны, его положили на диоритовую плиту и натерли маслами и травяными настоями. Пустую полость живота заполнили льняной набивкой, пропитанной смолами и воском. Рану от стрелы в груди зашили и поверх положили амулеты из золота и драгоценных камней. Зазубренный наконечник, убивший царя, бальзамировщики удалили из тела фараона. После того как государственный совет осмотрел его, он был запечатан в золотой шкатулке, чтобы лечь в гробницу вместе с телом как могущественный амулет от любого другого зла, что могло встретиться фараону в путешествии в подземный мир.

Затем на оставшиеся сорок дней бальзамирования тело оставили окончательно высохнуть под горячим ветром пустыни, влетающим через открытые двери.

Как только оно стало сухим, как дерево, его можно было бинтовать. На него в сложном порядке наложили льняные полосы, пока хор жрецов пел заклинания богам. Под пелены поместили самые драгоценные талисманы и амулеты, и на каждый слой наносили смолу, высыхающую до металлических твердости и блеска. Лишь голова оставалась открытой, и в течение недели перед церемонией Открытия Уст четверо самых опытных художников из гильдии бальзамировщиков, используя воск и косметику, восстановили черты лица царя до жизнеподобной красоты.

Они заменили отсутствующие глаза их идеально точными копиями из горного хрусталя и обсидиана. Белки были прозрачны, радужная оболочка и зрачки в точности соответствовали естественному цвету глаз царя. Казалось, будто стеклянные шары наделены жизнью и умом, так что теперь Нефер пристально, с трепетом глядел в них, ожидая увидеть, как веки мигнут и зрачки отца расширятся в узнавании. Губы были вылеплены и покрашены так, что в любой момент могли бы улыбнуться, а нарисованная кожа выглядела шелковистой и теплой, как если бы под ней все еще бежала яркая кровь. Волосы фараона вымыли и уложили знакомыми темными локонами, которые Нефер так хорошо помнил.

Господин Наг, верховный жрец и хор во второй раз запели магические заклинания против смерти, но Нефер не мог оторвать взгляд от отца.

Он – отражение, а не зеркало,
Он – музыка, а не лира,
Он – камень, а не долото,
Он будет жить вечно.

Верховный жрец прошел на сторону Нефера и вложил в его руку золотую ложку. Нефер обучался проведению ритуала, но его рука дрожала, когда он положил ложку на губы отца и произнес:

– Я открываю твои губы, чтобы ты снова имел силу говорить. – Он коснулся ложкой носа отца. – Я открываю твои ноздри, чтобы ты снова мог дышать. – Он коснулся каждого из

чудесных глаз. – Я открываю твои глаза, чтобы ты снова мог увидеть величие этого мира и величие мира грядущего.

Когда наконец все было сделано, сопровождавшие царя дождались, пока бальзамировщики обернут голову и покроют ее ароматическими смолами. Когда они возложили золотую маску на слепое лицо, оно вновь засветилось как живое. Вопреки традиции и обычаям для фараона Тамоса изготовили только одну посмертную маску и один золотой саркофаг. Его отец отправился в свою гробницу, закрытый семью масками, в семи саркофагах, один в другом, и каждый следующий был украшен больше, чем предыдущий.

Остаток той ночи Нефер провел около золотого саркофага, молясь и кадя ладаном, упрасывая богов взять его отца к себе и поместить среди пантеона. На рассвете он вышел со жрецами на террасу храма, где ждал главный сокольник его отца. На руке в перчатке он нес царского сокола.

– Нефертем! – прошептал Нефер имя птицы. – Цветок лотоса. – Он взял у сокольничего величественную птицу и высоко поднял ее на руке, чтобы народ, собравшийся под террасой, мог ясно видеть ее. На правой ноге сокола была крошечная золотая бирка на золотой цепочке. На ней был выгравирован царский картуш его отца.

– Это – божественная птица фараона Тамоса Мамоса. Это – дух моего отца. – Он сделал паузу, чтобы восстановить самообладание, потому что был близок к слезам. Затем продолжил: – Я освобождаю божественную птицу моего отца. – Он стянул кожаный клобучок с головы сокола. Жесткие глаза заморгали в свете зари, и птица распушила перья. Нефер развязывал узел на путях у нее на лапках, и птица расправила крылья. – Лети, божественный дух! – закричал Нефер. – Лети высоко для меня и моего отца! – Он подбросил птицу, она поймала рассветный ветер и поднялась ввысь. Затем она сделала два круга в вышине и с частыми неистовыми криками устремилась за Нил.

– Божественная птица летит на запад! – воскликнул верховный жрец.

Каждый член собрания на ступенях храма знал, что это неблагоприятнейшее предзнаменование.

Нефер был так физически и эмоционально истощен, что, увидев, как птица улетела, пошатнулся. Таита успел поддержать его, не дал упасть и увел.

Проводив Нефера в спальню во дворце Мемнона, Таита смешал лекарство и встал на колени около его ложа, чтобы напоить мальчика. Нефер сделал один большой глоток, опустил чашу и спросил:

– Почему у моего отца только один маленький гроб, когда ты говорил мне, что мой дедушка погребен в семи тяжелых золотых саркофагах и что потребовалось двадцать сильных волов, чтобы тянуть его погребальную повозку?

– Твоему деду устроили самые богатые похороны во всей истории нашей земли, и он взял с собой в подземный мир множество погребальных вещей, Нефер, – согласился Таита. – Но на те семь гробов ушло тридцать лакхов чистого золота, что почти разорило страну.

Нефер задумчиво посмотрел в чашу и выпил последние несколько капель лекарства.

– Мой отец заслужил такие же богатые похороны, потому что был могущественным человеком.

– Твой дедушка много думал о своей загробной жизни, – терпеливо объяснил Таита. – Твой отец думал по большей части о своем народе и о благосостоянии Египта.

Нефер некоторое время обдумывал это, вздохнул, устроился на овчинном матраце и закрыл глаза. И открыл их снова.

– Я горжусь отцом, – сказал он просто.

Таита положил руку ему на лоб, благословляя, и прошептал:

– А я знаю, что однажды у твоего отца появится причина гордиться тобой.

Не требовалось плохого предзнаменования в виде полета сокола Нефертема, чтобы предупредить Таиту, что они на пороге самого опасного и рокового периода во всей долгой истории Египта. Когда он вышел из опочивальни Нефера и отправился в пустыню, казалось,

будто звезды замерли на своих путях и все древние боги отшатнулись и покинули юного фараона в самый опасный час.

– Великий Гор, мы нуждаемся теперь в твоём руководстве. Ты держишь Та-мери, эту драгоценную землю, в чаше своих рук. Не дай ей выскользнуть из твоих пальцев и разбиться подобно хрусталу. Не повернись к нам спиной сейчас, когда мы беде. Помоги мне, могучий сокол. Наставь меня. Разъясни мне свои желания, так чтобы я мог следовать твоей воле.

Молясь на ходу, он поднялся на холмы на краю большой пустыни. Постукивание его длинного посоха о камни встревожило желтого шакала, и тот побежал вверх по залитому лунным светом склону. Когда он уверился, что его никто не видит, то повернул вдоль реки и ускорил шаги.

– Гор, ты хорошо знаешь, что мы балансируем на острие меча войны и поражения. Фараон Тамос пал в битве, и нет другого воина, чтобы повести нас. Апеи и его гиксосы на севере стали столь могущественны, что почти непобедимы. Они собираются против нас, и мы не способны противостоять им. Двойную корону двух царств точит червь предательства, и ей не пережить новую тиранию. Открой мои глаза, могущественный бог, и укажи путь, чтобы нам одержать победу над вторгшимися с севера гиксосскими ордами и над ядом, разрушающим нашу кровь.

До конца дня Таита шел по каменистым холмам и тихим местам, молясь и стараясь найти путь впереди. Поздним вечером он повернул к реке и достиг наконец цели своего путешествия. Он мог бы добраться сюда прямо на фелюге, но слишком много глаз заметили бы поездку, и к тому же ему требовалось побыть в одиночестве в пустыне.

В глубокой темноте, когда большинство людей спали, он приблизился к храму Беса на берегу реки. В нише над воротами горел трепещущий факел. Он освещал резную фигуру Беса, охраняющую вход. Бес, уродливый карлик с вываленным из открытого рта языком, был богом пьянства и веселья. В дрожащем свете факела он пьяно ухмыльнулся Таите, когда тот прошел мимо.

Один из служителей храма ожидал Мага, чтобы встретить. Он повел его к каменной келье в глубине храма, где на столе стоял кувшин козьего молока, а рядом – блюдо просяного хлеба и мед в сотах. Они знали, что одной из слабостей Мага был мед с пылью мимозы.

– Три человека уже ожидают вашего прибытия, мой господин, – сказал ему молодой жрец.

– Сначала приведите ко мне Бастета, – приказал Таита.

Бастет был главным писцом номарха Мемфиса и одним из наиболее ценных источников информации для Таиты. Небогатый человек, обремененный двумя симпатичными, но дорого обходящимися женами и выводком детишек. Таита спас его детей, когда Желтые Цветы опустошали землю. Хотя писец мало влиял на положение дел, зато сидел близко к средоточию власти, успешно используя слух и феноменальную память. Он мог рассказать Таите многое о том, что произошло в номе с момента вступления в должность нового регента, и принял вознаграждение с искренней благодарностью.

– Ваше благословение было бы достаточной платой, могучий Маг.

– Детей благословением не накормишь, – ответил Таита и отпустил его.

Затем пришел Обос, верховный жрец храма великого Гора в Фивах. Он был обязан своим назначением Таите, который ходатайствовал о нем перед фараоном Тамосом. Большинство знати прибыло в храм Гора, чтобы поклониться ему и принести жертву, и все они доверяли верховному жрецу. Третьим человеком, с кем следовало поговорить Таите, был Нолро, секретарь войска Севера. Он также был евнухом, а между теми, кто получил такое увечье, существовала связь.

С дней своей юности, когда Таита впервые стал управлять делами государства из тени позади трона, он знал, что для принятия решений абсолютно необходимы безупречные знания. Весь остаток ночи и большую часть следующего дня он слушал этих людей и подробно расспрашивал их, так что, когда был готов вернуться во дворец Мемнона, знал обо

всех важных событиях последнего времени и значительных подводных течениях и политических водоворотах, возникших за дни, проведенных им далеко в пустыне в Гебель-Нагаре.

Вечером он отправился назад во дворец прямой дорогой по берегу реки. Крестьяне, возвращавшиеся с работы в полях, узнавали Мага, делали знак удачи и долгой жизни и просили:

– Помолись за нас Гору, Маг, – поскольку все они знали, что он человек Гора. Многие совали ему в руки маленькие подарки, а один пахарь позвал его разделить с ним обед из просяных лепешек, хрустящей жареной саранчи и теплого, только что из-под козы молока.

Когда настала ночь, Таита поблагодарил дружелюбного крестьянина, простился с ним и оставил его сидеть около очага. Всю ночь он спешил, стремясь не пропустить церемонию царского пробуждения. Дворца он достиг с рассветом и едва успел искупаться и сменить одеяние, перед тем как поспешить к царской опочивальне. В дверях путь ему преградили два стражника, скрестившие копья.

Таита удивился. Такого еще не бывало. Он был царским наставником, назначенным тринадцать лет назад фараоном Тамосом. Он впился взглядом в начальника охраны. Тот опустил глаза, но не пропустил Мага.

– Я не хочу вас оскорбить, могущественный Маг. Это особое распоряжение командира телохранителей, командира отряда Асмора и управляющего дворцом. Никакой человек не может появиться перед царем без одобрения регента.

Сержант был непреклонен, поэтому Таита оставил его и зашагал по террасе туда, где в маленьком кругу своих особых любимцев и льстецов завтракал Наг.

– Господин Наг, вы знаете, что меня назначил наставником и воспитателем фараона его родной отец. Мне было дано право доступа к нему в любое время дня и ночи.

– С тех пор прошло много лет, дорогой Маг, – негромко ответил Наг, поедая очищенный виноград из рук раба, который стоял позади его скамейки и клал виноградины ему в рот. – Тогда это было правильно, но фараон Сети – больше не ребенок. Он больше не нуждается в няньках. – Оскорбление было случайным, но это не делало его менее обидным. – Я – его регент. В будущем он будет обращаться ко мне за советом и руководством.

– Я признаю ваше право и долг в отношении царя, но держать меня вдали от Нефера не нужно и жестоко, – возразил Таита, но Наг небрежно махнул рукой, веля ему замолчать.

– Главное – безопасность царя, – сказал он и встал от стола, желая показать, что прием пищи и разговор закончены. Его телохранители сомкнулись вокруг него, и Таите пришлось отойти назад.

Он смотрел, как Наг и его окружение направились по крытой аркаде к палате совета. Он не последовал за ними немедленно, но повернулся и сел на парапет одного из бассейнов для рыбы, чтобы обдумать положение.

Наг изолировал Нефера. Мальчик стал узником в собственном дворце. Когда придет время, он окажется один в окружении врагов. Таита искал средства защитить его. Он вновь обдумал бегство из Египта: склонить Нефера бежать через пустыню под защиту иностранной власти, пока он не постарел и достаточно силен, чтобы затем вернуться и заявить о своем неотъемлемом праве. Однако Таита был уверен, что Наг не только закрыл дверь в царские покои, но и перекрыл все пути бегства из Фив и Египта.

Здесь не было легкого решения, и через час глубоких раздумий Таита поднялся на ноги. Стражники у двери в палату совета отступили перед ним в сторону, и Таита прошел по проходу и занял свое привычное место на передней скамье.

Нефер восседал на возвышении около регента. На нем была легкая корона хеджет Верхнего Египта, и он выглядел бледным и изможденным. Таита почувствовал вспыхнувшее беспокойство из-за того, стал ли уже он жертвой медленного яда, но не смог обнаружить вокруг мальчика смертельную ауру. Он сосредоточился, посылая ему поток силы и

храбрости, но Нефер холодно и обвиняюще посмотрел на него, наказывая за отсутствие на церемонии царского пробуждения.

Таита перенес внимание на дела совета. Рассматривали последние сообщения с северного фронта, где царь Аепи вновь захватил Абнуб после осады, продолжавшейся три предыдущих года. Этот несчастный город переходил из рук в руки восемь раз, начиная с первого гиксосского вторжения в царствование фараона Мамоса, отца Тамоса.

Если бы фараона Тамоса не сразила гиксосская стрела, его смелая стратегия, возможно, предотвратила бы это трагическое поражение. Вместо того чтобы теперь поневоле заниматься подготовкой к отражению нового гиксосского удара на Фивы, войска Египта могли бы обрушиться на вражескую столицу Аварис.

Таита обнаружил, что в совете нет единства ни по какому вопросу этого кризиса. Все стремились найти виновного в недавнем поражении, когда любому дураку было ясно, что главная причина – безвременная смерть фараона. Он оставил свое войско без головы и сердца. Аепи немедленно воспользовался преимуществом.

Слушая их препирательства, Таита сильнее, чем когда-либо, почувствовал, что эта война – гнойный нарыв на теле Египта. Он в досаде поднялся и тихо покинул палату совета. Здесь он уже ничего не мог сделать – они все еще пререкались, кого назначить командующим северными войсками вместо усопшего фараона Тамоса.

– Теперь, когда он мертв, среди военачальников нет никого, кто мог бы сравниться с Аепи, ни Асмор, ни Терон, ни сам Наг, – пробормотал Таита, направляясь прочь. – Страна и наши войска обескровлены за шестьдесят лет войны. Нам нужно время, чтобы восстановить нашу силу и чтобы из наших рядов появился великий военный вождь. – Он подумал о Нефере, но пройдут годы, прежде чем парень сможет принять эту роль, которую, как узнал Таита после изучения Лабиринтов Амона Ра, уготовила ему судьба.

Мне необходимо выиграть для него это время и уберечь его, пока он не будет готов.

Он отправился в женскую часть дворца. Поскольку он был евнухом, то мог пройти через ворота, закрытые для других мужчин. Прошло три дня с тех пор, как принцессы узнали, что скоро должны стать невестами, и Таита понимал, что ему следует посетить их до того. Они наверняка смущены и обеспокоены и очень нуждаются в его совете и утешении.

Мерикара первая увидела его, когда он вступил во внутренний двор. Она вскочила с того места, где жрица Исиды учила ее с таблицей для письма и щеточкой, и на длинных ногах подлетела к нему, локоны подпрыгивали у нее на плечах. Она обхватила его за талию и крепко прижалась.

– О Таита, где ты был? Я искала тебя все эти дни.

Когда принцесса взглянула на него, Таита увидел, что она недавно плакала: глаза у нее были красные, с темными тенями под ними. Теперь она начала всхлипывать снова, и ее плечи затряслись от рыданий. Таита обнял ее и держал, пока она немного не успокоилась.

– Что случилось, моя маленькая обезьянка? Отчего ты так несчастна?

– Господин Наг собирается забрать меня в тайное место и делать со мной ужасные вещи. Он собирается вставить в меня что-то огромное и острое, оно причинит мне боль, и потечет кровь.

– Кто сказал тебе это? – Таита с трудом сдерживал гнев.

– Магара и Саак. – Мерикара рыдала. – О Таита, разве ты не можешь запретить ему делать это со мной? Пожалуйста, о, пожалуйста.

Таите следовало догадаться, что именно две нубийские девушки-рабыни перепугали принцессу. Обычно они рассказывали про африканских духов и упырей, но сейчас у них появилось кое-что новое, чтобы мучить подопечную. Таита мрачно поклялся наказать обеих потаскушек и принялся успокаивать страхи принцессы. Потребовался весь его такт и мягкость, поскольку Мерикара была сильно напугана.

Он повел ее в беседку в тихом углу сада, сел, и она взобралась ему на колени и прижалась щекой к его груди.

Разумеется, ее страхи не имели под собой оснований. Даже после свадьбы было бы

против природы, закона и традиций, чтобы Наг взял ее на брачное ложе прежде, чем Мерикара увидит свою первую красную луну, а это должно было произойти лишь через несколько лет. Наконец ему удалось успокоить девочку, и он повел ее в царские конюшни, чтобы полюбоваться жеребенком, родившимся этим утром, и погладить его.

Когда она снова разулыбалась и принялась болтать, Таита отвел ее обратно на женскую половину дворца и, чтобы развлечь, показал несколько маленьких чудес. Кувшин нильской воды, опустив в него палец, он превратил в восхитительный шербет, и они выпили его вместе. Затем он подбросил в воздух камешек, и тот превратился в живую канарейку, которая полетела к верхним веткам смоковницы. Там она стала скакать и петь, а девочка внизу прыгала и визжала от восторга.

Он оставил принцессу, пошел искать двух девушек-рабынь, Магару и Саак, и устроил им на словах такой разнос, что скоро они вцепились друг в друга и страдальчески выли. Он знал, что Магара всегда была заводилой в любых подобных проделках, поэтому достал из ее уха живого скорпиона и держал его в паре сантиметров от ее лица. Это довело ее до такого пароксизма страха, что она обмочилась и по ногам потекли маленькие струйки.

Довольный, он пошел искать Гесерет. Как он и ожидал, принцесса сидела на берегу реки со своей лирой. Она взглянула на него с грустной улыбкой, но продолжала играть. Таита сел подле нее, на травянистый берег под нависающими ветвями ивы. Мелодия, которую играла Гесерет, была любимой мелодией ее бабушки. Таита сам научил ее. И вот она запела:

– Мое сердце трепещет подобно раненой перепелке, когда я вижу лицо моего возлюбленного. Мои щеки пылают подобно рассветному небу в свете его улыбки.

Ее голос звучал сладко и искренне, и Таита почувствовал, как на его глазах выступили слезы. Он словно снова услышал Лостры. Он стал подпевать, голос у него был все еще чистым и ровным, без старческого дрожания. На реке гребцы на проходящей галере прекратили грести, восхищенно заслушавшись, поток нес судно мимо того места, где сидели певцы.

Когда песня закончилась, Гесерет отложила лиру и обратилась к Магу:

– Милый Таита, я очень рада, что ты пришел.

– Извини, что заставил тебя ждать, луна всех светлых ночей. – Принцесса слабо улыбнулась, услышав свое прозвище, поскольку всегда была романтической. – Что мне сделать для тебя?

– Ты должен пойти к господину Нагу и передать ему мои искренние извинения: я не могу выйти за него замуж.

Она была вылитая ее бабушку в те же годы! Лостра тоже обременила его невыполнимой задачей, с той же уверенностью и верой в его способность справиться с ней. Гесерет обратила к нему огромные зеленые глаза.

– Видишь ли, я уже обещала Мерену, что буду его женой. – Мерен был внуком Кратаса и закадычным другом принца Нефера.

Таита замечал, что тот смотрит на Гесерет телячьими глазами, но не подозревал, что она ответила на его чувство. Он быстро задался вопросом, как далеко они продвинулись к осуществлению своей страсти, но до той поры отставил эту мысль.

– Гесерет, я объяснял тебе много раз, что ты не такая, как другие девочки. Ты – принцесса. Ты не можешь вступить в брак по легкому девичьему капризу. Твое замужество влечет за собой серьезные политические последствия.

– Ты не понимаешь, Таита, – сказала Гесерет тихо, но с примесью упрямства, которого он опасался. – Я люблю Мерена, люблю его с тех пор, как была маленькой девочкой. Я хочу выйти замуж за него, а не за господина Нага.

– Я не могу отменить постановление регента Египта, – попробовал он объяснить, но Гесерет покачала головой и улыбнулась.

– Ты такой мудрый, Таита. Ты что-нибудь придумашь. Тебе всегда это удавалось, – сказала она, и Маг почувствовал, что его сердце вот-вот разорвется.

– Господин Таита, я отказываюсь обсуждать ваш доступ к фараону или мой предстоящий брак с царскими принцессами. И то, и другое решено мной окончательно. – Чтобы подчеркнуть, что вопрос закрыт, Наг вновь полностью сосредоточился на развернутом перед ним на письменном столе свитке. После этого прошло достаточно времени для того, чтобы стая диких гусей, взлетевшая с болота на восточном берегу, тяжело размахивая крыльями, перелетела широкие серые воды Нила и села в дворцовых садах. Наконец Таита оторвал взгляд от неба и поднялся, чтобы уйти. Как только он поклонился регенту и двинулся обратно, Наг посмотрел на него. – Я не разрешал вам уйти.

– Мой господин, я подумал, что больше не нужен вам.

– Напротив, вы мне очень нужны. – Он впился взглядом в Таиту и жестом показал, чтобы тот снова сел. – Вы злоупотребляете моей добротой и моим к вам расположением. Я знаю, что вы имели обыкновение работать с Лабиринтами для фараона Тамоса всякий раз, как он призывал вас сделать это. Почему вы тянете с этим для меня? Как регент этой страны, я не потерплю никакой дальнейшей задержки. Я прошу об этом не ради собственной пользы, а ради выживания нашего народа в войне с Севером. Я нуждаюсь в руководстве пантеона богов. Вы – единственный, кто может сделать это для меня.

Наг вскочил так внезапно, что стол, стоявший перед ним, опрокинулся и на пол полетели свитки папируса, щетки и терракотовые чернильницы. Он не обратил на это никакого внимания, и его голос сорвался на крик:

– Я приказываю вам всей властью печати сокола... – он коснулся амулета на своей правой руке, – ...поработать для меня с Лабиринтами Амона Ра.

Таита подчеркнуто покорно наклонил голову. Много недель он ждал этого ультиматума и откладывал гадание только для того, чтобы продлить отсрочку, которая давала Неферу относительную защищенность от честолюбивых притязаний регента. Он все еще был убежден, что господин Наг не сделает в отношении Нефера никакого рокового шага, пока ему не дадут разрешения Лабиринты.

– Полнолуние – наиболее благоприятный период для Лабиринтов, – сказал Таита. – Я уже сделал приготовления.

Наг снова сел на табурет.

– Вы хотите провести обряд здесь, в моих покоях? – сказал он.

– Нет, господин регент, это было бы не идеально. – Таита знал, что, если хочет получить влияние на Нага, то должен вывести его из равновесия. – Чем ближе мы будем к влиянию богов, тем точнее будут предсказания. Я договорился со жрецами в храме Осириса в Бусирисе. Там я хочу поработать с Лабиринтами в полночь полнолуния. Я проведу таинство во внутреннем святилище храма. Там хранится хребет бога, джед-столб, отрубленный его братом Сетом. Эта священная реликвия увеличит силу нашего гадания. – Голос Таиты был полон тайного значения. – В святилище будем только мы с вами. Никакой другой смертный не должен услышать то, что боги скажут вам. Один из отрядов Асмора будет охранять подходы к святилищу.

Наг была человеком Осириса, и выражение его лица стало торжественным. Таита знал, что время и место, которые он выбрал, произведут на него впечатление.

– Будь по-вашему, – согласился Наг.

Поездка к Бусирису в царской барке заняла два дня. Отряд Асмора следовал за ней на четырех военных галерах. Они высадились на желтом прибрежном песке под стенами храма, где их ждали жрецы, чтобы приветствовать регента псалмами и подношениями гуммиарабика и мирры. Любовь регента к душистым веществам была уже известна по всей стране.

Гостей провели в приготовленные для них покои. Пока Наг купался, душился и закусывал плодами и шербетом, Таита в обществе верховного жреца посетил святилище и принес жертву великому богу Осирису. Затем, после тонкого намека Таиты, верховный жрец

удалился, оставив Мага одного, чтобы тот подготовил все необходимое на вечер. Господин Наг никогда не присутствовал при работе с Лабиринтами – немногие смертные видели ее. Таита мог организовать для него впечатляющую демонстрацию обряда, но не имел намерения истощать свои силы в мучениях подлинного ритуала.

После заката верховный жрец развлекал регента на небольшом празднестве. Он приказал подать в его честь знаменитое вино с виноградников, окружающих храм. Именно в Бусирисе великий бог Осирис подарил Египту виноград. Когда ароматное вино смягчило регента и остальную часть компании, жрецы разыграли перед ними несколько театральных представлений, рассказывающих историю жизни великого бога. В каждом Осириса изображали с различным цветом кожи: белым после обертывания мумии пеленами, черным для царства мертвых, красным для бога возмездия. Он всегда держал скипетр и плеть, знаки отличия правителя, а ноги плотно сомкнутыми, будто у трупа. В заключительном акте его лицо было окрашено зеленым, что символизировало его значение для природы. Как просо дурра, означавшее жизнь и хлеб насущный, Осириса похоронили в земле, что означало смерть. В темноте нижнего мира он пророс подобно семени проса и затем явился вновь в величественном круговороте вечной жизни.

Во время представления верховный жрец называл имена власти бога: «Глаз Ночи», «Вечно Доброе Существо», «Сын Геба» и «Веннефер, Совершенный в Величии».

Затем, окутанные дымом из горшков с ладаном, под удары гонга и барабана жрецы запели эпическую поэму о борьбе между добром и злом. Легенда повествовала о том, как Сет, завидуя своему добродетельному брату, запер Осириса в сундук и бросил в Нил, желая утопить. Когда его мертвое тело выбросило на берег, Сет разрубил его на части и спрятал их. Здесь, в Бусирисе, он спрятал хребет. Исида, их сестра, отыскала все части тела и вновь соединила их. Затем она совокупилась с Осирисом. В миг соития ее крылья вновь раздули в нем дыхание жизни.

Перед полуночью регент Египта выпил бутылку ароматного крепкого вина и пришел в возбужденное и восприимчивое состояние, а жрецы пробудили в нем религиозный трепет. Когда серебряный луч полной луны проник сквозь точно размещенное в крыше храма отверстие и медленно заскользил по плитам нефа к закрытой двери святилища, верховный жрец дал сигнал, и все жрецы вышли шествием, оставив господина Нага и Таиту одних.

Когда пение отбывающих жрецов затихло вдали и в помещении повисла тяжелая тишина, Таита взял регента за руку и повел по залитому лунным светом нефу к дверям святилища. Как только они приблизились, большие покрытые бронзой двери сами собой распахнулись. Господин Наг вздрогнул, и его рука задрожала в руке Таиты. Он хотел отойти, но Маг повел его вперед.

Святилище освещалось четырьмя жаровнями, по одной в каждом углу маленькой комнаты. В центре покрытого плиткой пола стоял низкий табурет. Таита подвел Нага к нему и жестом показал, чтобы он сел. Едва он сделал это, двери позади них захлопнулись и Наг испуганно оглянулся на них. Он снова хотел встать, но Таита положил руку ему на плечо, чтобы удержать.

– Независимо от того, что вы увидите и услышите, не двигайтесь. Не говорите ни слова. Если вам дорога ваша жизнь, ничего не делайте. И ничего говорите.

Таита оставил его сидеть и торжественно приблизился к статуе бога. Он поднял руки, и внезапно в них оказался золотой кубок на длинной ножке. Он высоко поднял его и обратился к Осирису, чтобы тот благословил его содержимое, затем вернулся к Нагу и приказал ему выпить. Вязкая как мед жидкость вкусом напоминала дробленый миндаль, лепестки розы и грибы. Таита хлопнул в ладоши, и кубок исчез.

Он простер пустые руки и сделал перед лицом Нага таинственный пасс вперед и назад, и в мгновение ока его сложенные чашей руки заполнили Лабиринты Амона Ра. Эти пластинки из слоновой кости Наг узнал по причудливым рассказам о ритуале, которые он слышал. Таита попросил его взять пластинки в руки, пока сам обращался к Амону Ра и хозяину пантеона.

– Величественный в свете и пламени, яростный в божественном величии, приди и выслушай наши просьбы.

Наг заерзал на табурете, потому что Лабиринты стали жечь ему руки, и с облегчением передал их обратно Таите. Он сильно вспотел, наблюдая, как старик пронес их через святилище и положил к ногам гигантской статуи Осириса. Маг встал на колени и склонился над ними. Некоторое время в комнате не было слышно ни звука, кроме шипения огня, не было никакого движения, кроме пляски теней, отбрасываемых на каменные стены мерцающим светом жаровен.

Затем вдруг ужасный бестелесный вопль заполнил святилище. Словно злой брат вновь отрезал богу детородный орган. Наг тихо застонал и закрыл голову накидкой.

Снова наступила тишина, но внезапно пламя в жаровнях вспыхнуло, вытянулось до потолка и стало меняться от желтого до ярких оттенков зеленого и фиолетового, темно-красного и синего. Большие облака дыма поднялись от них и заполнили комнату. Наг вдохнул и закашлялся. Он почувствовал, что задыхается, и его чувства померкли. Ему казалось, что собственное дыхание отдается где-то у него в голове.

Таита медленно повернулся к нему, и Наг задрожал от ужаса, ибо Маг преобразился. Его лицо светилось зеленым, подобно лицу возродившегося бога. Зеленая пена вскипала в открытом рту и лилась на грудь, а глаза были слепыми шарами, отражающими в свете жаровен серебряные лучи. Не двигая ногами, он заскользил к тому месту, где сидел Наг, и из его открытого, полного пены рта вырвались голоса дикой толпы демонов и джиннов, ужасный хор криков и стонов, шипения и хрюканья, рвоты и безумного смеха.

Господин Наг хотел подняться, но звуки и дым, казалось, заполнили его голову, и темнота сокрушила его. Ноги под ним ослабли, и он в полном беспамятстве ничком свалился с табурета на плитки пола.

Когда регент Египта очнулся, солнце стояло высоко, искрясь на водах реки. Он лежал на шелковом матраце на кормовой палубе царской барки, под желтым навесом.

Он посмотрел вокруг мутным взглядом и увидел паруса галер сопровождения, белые, как крылья белой цапли, на фоне пышный зелени речных берегов. Солнечный свет слепил, и он снова закрыл глаза. Очень хотелось пить, а в горле саднило, как если бы он проглотил горсть острых осколков камня, и в голове тяжело стучало, будто все демоны из его видений были заключены в ней. Он стонал, дрожал, и его обильно рвало в ковш, который держал перед ним раб.

Таита подошел к Нагу, приподнял его голову и дал выпить глоток какого-то чудесного прохладного зелья, вскоре ослабившего стук в голове и позволившего выйти газам, запертым в раздутом животе. Они с треском вырвались снизу порывом дурно пахнущего ветра. Оправившись достаточно, чтобы снова говорить, регент прошептал:

– Расскажите мне все, Таита. Я ничего не помню. Что открыли Лабиринты?

Прежде чем ответить, Таита отослал всю команду и рабов за пределы слышимости. Затем он встал на колени около матраца. Наг положил дрожащую ладонь на его руку и жалобно прошептал:

– Я не помню ничего после... – Он заколебался, поскольку страхи предыдущей ночи вернулись, и задрожал.

– Мы почти доплыли до Себеннитоса, великий, – сказал Таита. – Мы прибудем в Фивы до сумерек.

– Что случилось, Таита? – Наг потряс его руку. – Что открыли Лабиринты?

– Великие чудеса, великий. – Голос Таиты дрожал от волнения.

– Чудеса? – Интерес Нага усилился, и он из последних сил попытался сесть. – Почему вы называете меня «великий»? Я – не фараон.

– Это – часть того, что было явлено.

– Расскажите! Расскажите мне все!

– Разве вы не помните, как крыша храма раскрылась, подобно лепесткам лотоса, и

широкая дорога опустилась к нам с ночного неба?

Наг покачал головой и неуверенно кивнул.

– Да, кажется, помню. Дорога была лестницей из золота?

– Вы действительно помните, – похвалил его Таита.

– Мы поднялись по золотой лестнице. – Наг посмотрел на него, ожидая подтверждения.

– Нас вознесли на спинах двух крылатых львов, – кивнул Таита.

– Да, я помню львов, но после них все смутно и неопределенно.

– Такие мистерии ошеломляют мозг и затуманивают непривычные к ним глаза. Даже меня, адепта седьмой и заключительной степени, поразило то, что мы пережили, – любезно объяснил Таита. – Но не отчаивайтесь, поскольку боги приказали, чтобы я объяснил вам увиденное.

– Говорите, добрый Маг, и не упускайте ни одной мелочи.

– На спинах крылатых львов мы полетели высоко над темным океаном и вершинами белых гор, и все царства земли и неба простирались под нами.

Наг страстно кивнул.

– Продолжайте!

– Наконец мы прибыли в твердыню, где живут боги. Ее основания достигают глубин нижнего мира, а столбы поддерживают небо и все звезды. Амон Ра ехал над нами в пламенном величии, а прочие боги пантеона сидели на тронах из серебра и золота, из огня, хрусталя и сапфира.

Наг моргал, сиюсь разглядеть его.

– Да. Теперь, когда вы рассказали, я вспоминаю. Троны из сапфиров и алмазов. – Отчаянная потребность верить горела внутри него огнем. – Затем бог говорил? – предположил он. – Говорил со мной, ведь так?

– Да, голосом, подобным грохоту рушащейся горы. Великий бог Осирис сказал так: «Дорогой Наг, ты всегда был тверд в своей преданности мне. За это ты будешь вознагражден».

– Что он имел в виду? Он объяснил, Таита?

Таита торжественно кивнул.

– Да, великий.

– Вы опять используете этот титул. Скажите почему.

– Как прикажете, великий. Я передам вам каждое слово. Великий Осирис поднялся во всем своем ужасном великолепии, снял вас со спины крылатого льва и поставил около своего трона из огня и золота. Он коснулся вашего рта и вашего сердца и приветствовал вас как божественного брата.

– Он назвал меня божественным братом? Что он имел в виду?

Таита подавил приступ раздражения. Наг всегда был человеком острого ума и проницательным. Обычно он не нуждался в столь подробном описании каждой детали. Действие эссенции из волшебного гриба, которую Таита дал ему прошлой ночью, и одурманивающего дыма жаровен еще не совсем прошло. Возможно, он снова начнет думать ясно лишь через несколько дней. Нужно использовать широкую кисть, решил он и продолжил:

– Я также был озадачен его словами. Их значение не было ясно мне, но затем великий бог заговорил снова: «Приветствую тебя в небесном пантеоне, божественный брат».

Лицо Нага прояснилось и стало гордым и торжествующим.

– Разве он не обожестил меня, Таита? Конечно, не может быть никакого другого объяснения, кроме этого.

– Если и были сомнения, они немедленно рассеялись, поскольку Осирис взял двойную корону Верхнего и Нижнего Египта, надел ее на вашу голову и заговорил снова. «Приветствую тебя, божественный брат! Приветствую тебя, будущий фараон».

Теперь Наг молчал, но пристально смотрел на Таиту блестящими глазами. После долгой тишины Таита продолжил:

– С короной на голове ваша божественность стала очевидной. Я преклонил перед вами колени и поклонился вам и другим богам.

Наг и не пытался скрыть свои чувства. Он был в восторге и так уязвим, будто переживал оргазм. Таита воспользовался моментом.

– Затем Осирис заговорил снова: «В этих удивительных делах твоим проводником должен стать Маг Таита, поскольку он – знаток всех тайн и мастер Лабиринтов. Уверенно следуй его советам, и все награды, что я обещал, достанутся тебе».

Он наблюдал за реакцией Нага. «Не слишком ли резко я это сделал?» – спрашивал он себя, но у регента, похоже, услышанное не вызвало возмущения.

– Что еще, Таита? Что еще великий бог сказал мне?

– Вам, моему господину, ничего больше, но затем он заговорил прямо со мной. Его слова до глубины пронзили мою душу, ибо он поставил предо мной трудную задачу. Вот его точные слова, каждое выжжено огнем в моем сердце. «Таита, мастер Лабиринтов, отныне у тебя нет никакой иной любви, преданности, долга. Ты – слуга моего царственного и божественного брата, Нага. Твоя единственная забота – помочь ему исполнить его предназначение. Тебе не следует останавливаться, пока ты не увидишь двойную корону Верхнего и Нижнего Египта на его голове».

«Никакой иной преданности или любви», – тихо повторил Наг. Казалось, он наконец преодолел большую часть неприятных последствий своего испытания. Сила возвращалась к нему, и знакомый хитрый огонек все ярче мерцал в желтых глазах.

– А вы приняли обязанность, которую великий Осирис назначил вам, Маг? Скажите честно и прямо – сейчас вы мой человек, или вы пренебрежете велением великого отца?

– Как я могу перечить великому богу? – спросил Таита просто. Он опустил голову и припал лбом к настилу палубы. Обими руками он взял босую правую ногу Нага и поставил ее себе на голову. – Я принимаю обязанность, которую боги назначили мне. Я – ваш человек, божественно великий. Сердцем, головой и душой я принадлежу вам.

– А ваши другие обязанности? Как насчет присяги верности, которую вы принесли фараону Неферу Сети при его рождении и потом при коронации?

– Великий, бог Осирис освободил меня от всего, что было прежде. Для меня не имеет значения никакая присяга кроме той, которую я сейчас приношу вам.

Наг поднял Мага и внимательно посмотрел ему в глаза, ища малейший след обмана или хитрости. Таита ответил ему ясным взглядом. Он ощущал, как в голове регента, как живые крысы в корзине, предназначенные на корм соколам в царских клетках, роятся сомнения, надежды и подозрения. «Желание – отец поступка», – подумал Таита. Он позволит себе поверить, потому что очень хочет, чтобы было так.

Он увидел, как сомнения покинули желтые глаза, и Наг обнял его.

– Я верю вам. Когда я надену двойную корону, вы получите награду, о какой и не мечтали.

* * *

В течение следующих дней Наг держал Таиту при себе, и старик использовал это новое доверие, чтобы изменить некоторые из необъявленных намерений регента. По требованию Нага Таита провел еще одно исследование предзнаменований. Он зарезал овцу и исследовал ее внутренности, затем выпустил сокола из царских клеток и наблюдал за его полетом. По ним он смог определить, что бог не одобряет брака Нага с принцессами по крайней мере до начала следующего разлива нильских вод – или разлива совершенно точно не будет. Это стало бы таким бедствием, что даже Наг не мог рисковать. От разливов великой реки зависела жизнь всего Египта. Этим пророчеством Таита отсрочил опасность, грозящую Неферу, и мучения обеих принцесс.

Наг возражал и спорил, но с той ужасной ночи в Бусирисе он обнаружил, что почти невозможно противиться предсказаниям Таиты. А посему стал более восприимчивым к

зловещим новостям с северного фронта. Египтяне по распоряжению Нага и вопреки совету Таиты начали отчаянное контрнаступление, пытаясь вернуть Абнуб. Они потерпели неудачу, потеряв триста колесниц и почти целый отряд пехоты в ужасной битве под городом. Теперь Апеги, казалось, был готов нанести сокрушительный удар по деморализованным и ослабленным египетским отрядам и пойти на штурм Фив. Неподходящее время для свадьбы, что признал даже Наг, – и безопасность Неферу была обеспечена еще на некоторое время.

Из Фив по дорогам и по реке на юг шел уже постоянный поток беженцев. Количество торговых караванов с востока тревожно упало: торговцы выжидали, желая видеть результат неизбежного гиксосского наступления. Возникла нехватка всех предметов первой необходимости, и цены подскочили.

– Единственный способ, которым вы можете предотвратить сокрушительное поражение от рук Апеги, – переговоры о перемирии, – советовал Таита регенту.

Он собирался смягчить свой совет, добавив, что перемирие ни при каких обстоятельствах не будет поражением и что они просто используют отсрочку, чтобы усилить свои военные позиции, но Наг не дал ему возможности уточнить.

– Я тоже так считаю, Маг, – согласился он нетерпеливо. – Я часто пробовал убедить моего любимого друга, фараона Тамоса, в мудрости такой политики. Но он никогда не слушал меня.

– Нам нужно время, – объяснил Таита, но Наг махнул рукой, требуя замолчать.

– Конечно, вы правы. – Нага взволновала эта неожиданная поддержка. Он пробовал – без успеха – убедить членов совета согласиться на мир с гиксосами, но ни один, даже Синка, не поддержал его. Даже преданный Асмор рисковал навлечь на себя его гнев, клянясь упасть на собственный меч, но не сдаться Апеги. Было утешительно вдруг обнаружить процветание чувства чести на такой неподходящей почве и узнать, что даже в качестве регента он может продать через совет далеко не все.

Мир с гиксосами был краеугольным камнем мечты Нага, в которой эти два царства воссоединялись под управлением одного фараона. Только фараон, который был отчасти египтянином и отчасти гиксосом, мог надеяться достигнуть этого, и он несколько не сомневался, что именно это боги обещали ему через Лабиринты.

Он искренне продолжил:

– Мне следовало знать, что вы, Таита, тот, кто не позволит предубеждению ослепить себя. Все другие кричат: «Никакой сдачи» и «Лучше смерть, чем позор». – Он покачал головой. – Мы с вами понимаем, что если нельзя достичь чего-либо силой оружия, можно достичь цели более мягким способом. Прожив шестьдесят лет в Нильской долине, гиксосы стали больше египтянами, чем азиатами. Их соблазнили наши боги, наша философия и наши женщины. Их дикую кровь смягчила и сдобрила наша. Их дикие нравы умилили наши благородные манеры.

Регент дал на его пробное предложение столь энергичный ответ, что это озадачило Таиту. Здесь крылось куда больше, чем он подозревал. Чтобы выиграть время и обдумать это, а заодно получить какой-нибудь намек на истинные намерения Нага, он пробормотал:

– Вашими устами говорит сама мудрость. Как мы можем надеяться заключить подобное, господин регент?

Наг был рад объяснить.

– Я знаю, что среди гиксосов много таких, кто согласен со мной. Требуется самая малость для того, чтобы они присоединились к нам. Тогда мы наконец принесем мир и единство двум царствам.

Завеса начала раздвигаться. Таите внезапно вспомнилось отвергнутое когда-то подозрение.

– Кто эти сочувствующие гиксосы? – спросил он. – Высокого ли они положения? Близки ли к Апеги?

– Конечно, они из знати. Один из них член военного совета Апеги. – Наг, казалось, собирался рассказать больше, но с явным усилием остановился.

Этого Таите было достаточно. Слабые слухи о гиксосских связях Нага, должно быть, имели основания, и, если так, все прочее аккуратно становилось на места. Он еще раз поразился размаху и широте амбиций Нага.

– Возможно ли встретиться с этими знатными людьми и поговорить с ними? – осторожно спросил Таита.

– Да, – подтвердил Наг. – Мы можем встретиться с ними через несколько дней.

Для Таиты значение этого спокойного утверждения было огромно. У регента Египта были тайные союзники в рядах традиционного врага. Какие его секреты следует выведать? Куда еще проникли его жадные пальцы? По спине Таиты пробежал холодок, серебристые волосы на затылке встали дыбом.

Этот любимый друг фараона был рядом с Тамосом, когда тот пал. Он – единственный свидетель гибели фараона. И это безгранично честлюбивое, волевое и жестокое существо признается в том, что он доверенное лицо знатных гиксосов, и при этом фараона убила гиксосская стрела. Как глубоко простирается этот заговор?

Он не позволил этим раздумьям отразиться на своем лице, но глубокомысленно кивнул, и Наг быстро продолжил:

– Я уверен, что мы можем достигнуть соглашения с гиксосами, и предусматриваю совместное регентство, мое и Апепи, при объединенном государственном совете. Следовательно, понадобится ваше влияние, чтобы убедить членов нашего совета ратифицировать его. Возможно, вы могли бы вновь посоветоваться с Лабиринтами и узнать, что угодно богам.

Наг заподозрил, что его предсказание – обман. Может быть, он заподозрил, что в действительности произошло в Бусирисе? Таита так не думал и сразу отверг эту идею. Его лицо стало строгим.

– В любом вопросе, касающемся Лабиринтов, тщетное использование слова или имени бога Амона Ра или ложное истолкование его оракула вызовет ужасное возмездие.

Наг быстро передумал.

– Я не предлагаю ничего столь непочтительного, ведь боги уже показали мне свое одобрение через Лабиринты.

– Апепи может посчитать, что его военные позиции неприступны, и отказаться встретиться с нами. Несмотря на любые наши мирные предложения, он может решить вести войну до последнего.

– Не думаю. Я дам вам имена наших союзников с другой стороны. Вам нужно отправиться к ним тайно, Таита. Вас знают и уважают даже среди гиксосов, а я дам вам талисман, который подтвердит, что вы прибыли от меня. Вы – лучший лазутчик для нашего дела. Они выслушают вас.

Таита еще немного посидел в раздумье. Он пробовал просчитать, сумеет ли добиться еще какого-либо преимущества для Нефера и принцесс в этих обстоятельствах, но на этой стадии не смог ничего придумать. Что бы ни случилось, Нефер по-прежнему останется в смертельной опасности.

Для Таиты, если он хотел обеспечить выживание Нефера, был открыт только один определенный путь. Ему следует вывезти мальчика из Египта, пока Наг еще у власти. Возможно ли сделать это сейчас? Наг предлагал ему безопасно достичь границы. Сможет ли он воспользоваться этим, чтобы взять Нефера с собой? Через несколько секунд он понял, что не сможет. Его контакты с мальчиком-фараоном все еще строго ограничивал Наг. Ему никогда не разрешали оставаться с ним наедине. Не разрешали даже сидеть рядом с ним на заседаниях совета или обмениваться даже самыми невинными сообщениями. За несколько минувших недель ему позволили быть рядом с мальчиком единственный раз, когда Нефер заболел мучительным воспалением горла. Тогда Таиту допустили в царскую опочивальню, чтобы лечить, но при этом присутствовали Наг и Асмор, наблюдая за всем, что происходило, слушая каждое сказанное слово. Из-за болезни Нефер мог говорить лишь шепотом, но не сводил с Таиты глаз, и сильно сжал ему руку, когда им пришлось расстаться. Это было

почти десять дней назад.

Таита узнал, что Наг подобрал наставников ему на замену, а Асмор предоставил преподавателей из Синей Стражи, чтобы продолжить обучение Нефера искусству верховой езды и управления колесницей, искусству фехтования и стрельбы из лука. Никому из его старых друзей не позволялось посещать его. Даже его ближайшему другу Мерену было приказано не входить в покои фараона.

Если бы он попытался вывезти Нефера и это не удалось, он не только потерял бы доверие Нага, но и подверг Нефера страшной опасности. Нет, он мог использовать эту вылазку через линию фронта на гиксосскую территорию только для того, чтобы принять более осторожные и надежные меры для обеспечения безопасности молодого фараона.

– Мой долг, возложенный на меня богами, – помогать вам во всем. Я выполняю это поручение, – проговорил Таита. – Каков для меня самый безопасный путь через гиксосские позиции? Вы говорите, что я хорошо им известен и что меня узнают.

Наг предвидел этот вопрос.

– Вам нужно воспользоваться старой дорогой для колесниц через барханы и вдоль вад у Гебель-Вадун. Мои друзья с другой стороны держат дорогу под наблюдением.

Таита кивнул.

– Это та дорога, на которой фараон Тамос встретил свою смерть. Я никогда не забирался дальше Галлалы. Мне понадобится проводник, чтобы он показал мне остаток пути.

– Я пошлю своего собственного копьеносца и отряд Синих, чтобы перевезти вас, – пообещал Наг. – Но дорога длинна и трудна. Следует отправиться тотчас же. Каждый день, каждый час могут иметь значение.

* * *

Таита вел колесницу всю дорогу от разрушенного города Галлала лишь с четырьмя остановками. Они проделали это путь за половину дня, быстрее, чем Наг и Тамос, когда ехали тем же маршрутом, и его лошади меньше устали.

Солдаты на девяти колесницах, следующих за ним, трепетали перед славой Мага. Они знали его как отца конных войск, поскольку он был тем самым египтянином, что когда-то построил первую колесницу и запряг в нее лошадей. Его знаменитая поездка от Фив до Элефантины, чтобы принести новость о победе фараона Тамоса над гиксосами, стала легендой. Теперь, следуя за его колесницей через барханы, они узнали, что легенда имела правдивую основу. Выносливость старика поражала, а его сосредоточенность никогда не ослабевала. Его нежные, но крепкие руки, державшие поводья, никогда не уставали, пока он час за часом вынуждал лошадей показывать все, на что они способны. Он произвел впечатление на каждого в войске и не в последнюю очередь на того, кто ехал рядом с ним в колеснице.

Гил был копьеносцем Нага. У него было грубое, потемневшее от солнца лицо, он был поджарым, что желательно для колесничего, но также крепким и обладал веселым нравом. Должно быть, он был одним из лучших, кого можно было выбрать для колесницы командующего.

В самое жаркое время года они ехали в прохладе ночи при прибывающей луне. Теперь, на рассвете, они остановились отдохнуть. Напоил лошадей, Гил подошел туда, где на валуне, оглядывая вад Гебель-Вадун, сидел Таита, и подал ему глиняный кувшин с водой. Таита, не выказывая отвращения, втянул из носика и проглотил горькую воду, которую они везли с собой из Галлалы. Со времени их последней остановки в полночь он пил воду впервые.

«Старый черт крепок, как налетчик из кочевников», – подумал Гил с восхищением и сел на корточки на почтительном расстоянии, ожидая приказов Таиты.

– Где именно был сражен фараон? – наконец спросил Таита.

Гил прикрыл ладонью глаза от яркого света восходящего солнца и указал вдоль вад туда, где сухое русло реки выходило на равнину.

– Там, мой господин. Около той дальней гряды холмов.

В первый раз Таита приступил к Гилу с расспросами перед советом, когда копьеносец дал свидетельства об обстоятельствах смерти фараона. Всех, кто мог знать об этом хоть что-то, совет вызвал свидетельствовать при расследовании. Таита помнил, что свидетельство Гила было понятным и убедительным. У него не вызвало страха величие совета и его прославленных членов, и он высказался честно и просто, как честный простой солдат. Он узнал показанную ему гиксосскую стрелу, сразившую фараона Тамоса. Древко было разломлено на две части. Господин Наг разломил ее, чтобы ослабить боль, причиняемую раной.

Тогда была их первая встреча. Они коротко говорили один или два раза после отъезда из Фив, но возможность для долгой беседы до сих пор не представлялась.

– Есть ли здесь кто-нибудь из тех, что были с тобой в тот день? – спросил теперь Таита.

– Только Самос, но он ждал с колесницами в вади, когда на нас напали, – ответил Гил.

– Я хочу, чтобы ты указал мне точное место, отвел туда, где был бой, – сказал ему Таита.

Гил пожал плечами.

– Там не было никакого боя, только перестрелка. Там не на что будет смотреть. Это бесплодное место. Однако я выполню приказ могущественного Мага.

Отряд поднялся на колесницы и колонной съехал по крутому склону вади. Сотни лет здесь не проливалось ни капли дождя, и ветер пустыни уже стер следы колесниц фараона, которые до сих пор были хорошо видны на равнине. Когда они достигли дна вади, Таита упорно держался этих следов, его колесница катила по глубоким колеям, которые оставили колесницы Тамоса.

Они были готовы к засаде гиксосов и наблюдали за обоими берегами вади, но видели лишь пустые скалы, дрожащие в жарком мареве, и никаких признаков врага.

– Вон сторожевая башня. – Гил указал вперед, и Таита увидел расплывшийся силуэт, пьяно склонившийся на фоне чистого бледно-синего неба.

Они пронеслись вдоль очередного изгиба речного русла, и даже с двухсот шагов Таита смог разглядеть участок дна, изъезженный колесницами войска фараона там, где они остановились и развернулись и где много людей спускались и вновь садились на колесницы на мягком песке дна вади. Таита дал сигнал своему маленькому отряду сбавить ход, и они поехали медленно.

– Здесь фараон спешился, и мы с господином Нагом пошли разведать лагерь Апепи, – указал Гил через передний щит колесницы.

Таита остановил колесницу и дал сигнал, чтобы другие тоже остановились.

– Ждите меня здесь, – приказал он сержанту следующей колесницы, затем повернулся к Гилу. – Пойдем со мной. Покажи мне поле боя.

Гил пошел впереди по неровной тропе. Сначала он шел медленно, из уважения к старику, но скоро понял, что Таита идет с ним шаг в шаг, и пошел быстрее. Чем выше они поднимались, тем больше был наклон и неровнее тропа. Даже Гил дышал тяжело, когда наконец они достигли завала из больших валунов на полпути вверх, почти перекрывавшего тропу.

– Я дошел только досюда, – объяснил Гил.

– Так где же пал фараон? – Таита оглядел крутой, но открытый склон. – Где скрывался гиксосский отряд? Откуда была пущена смертельная стрела?

– Не могу сказать, господин. – Гил покачал головой. – Мне и остальным солдатам приказали ждать здесь, в то время как господин Наг пошел вперед за завал из валунов.

– Где был фараон? Пошел вперед с Нагом?

– Нет. Не сразу. Царь ждал вместе с нами. Господин Наг услышал что-то впереди, пошел разведать и скрылся из наших глаз.

– Не понимаю. В каком месте на вас напали?

– Мы ждали здесь. Я видел, что фараон теряет терпение. Через некоторое время

господин Наг свистнул из-за камней. Фараон вскочил. «Вперед, парни!» – сказал он нам и пошел вверх по тропинке.

– Ты шел сразу за ним?

– Нет, в конце колонны.

– Ты видел, что случилось потом?

– Фараон исчез за валунами. Потом раздались крики и звуки боя. Я слышал голоса гиксосов и удары стрел и копий о камни. Я побежал вперед, но тропинка была заполнена нашими солдатами, которые пытались обойти валуны, чтобы вступить в бой.

Гил побежал вперед, чтобы показать ему, как сузилась тропинка, и обогнул самый высокий валун.

– Я дошел досюда. Затем господин Наг закричал, что фараон упал. Солдаты впереди меня повернули и вдруг вытащили царя туда, где я стоял. Думаю, он был мертв уже тогда.

– Как близко были гиксосы? Сколько их было? Это была конница или пехота? Вы узнали их отряды? – спросил Таита. Все гиксосы носили пять определенных регалий, которые египетские отряды знали хорошо.

– Они были очень близко, – ответил ему Гил, – и их было много. По меньшей мере отряд.

– Какое именно войско? – настаивал Таита. – Вы выбрали их перья?

Впервые Гил растерялся и слегка смутился.

– Мой господин, я почти не видел врага. Они были там за камнями.

– Тогда откуда ты знаешь, сколько их было? – Таита глядел на него нахмурившись.

– Господин Наг кричал... – Гил замолчал и опустил глаза.

– Кто-нибудь кроме Нага видел врага?

– Не знаю, благородный Маг. Поймите, господин Наг приказал нам отступать вниз по тропе к колесницам. Мы видели, что царь смертельно ранен, вероятно уже мертв. И пали духом.

– Должно быть, вы обсуждали это впоследствии с товарищами. Кто-нибудь из них говорил тебе, что сражался с врагом? Что поразил кого-либо из гиксосов стрелой или копьем?

Гил с сомнением покачал головой.

– Не помню. Нет, мне про такое неизвестно.

– Кроме царя, был ли кто-то еще ранен?

– Никто.

– Почему ты не сказал этого совету? Почему не сказал им, что вы не видели врага? – Теперь Таита сердился.

– Господин Наг приказал нам отвечать на вопросы просто и не занимать попусту время совета праздным хвастовством и длинными рассказами о своем участии в бое. – Гил в замешательстве ссутулился. – Я думаю, никто из нас не хотел признаться, что мы бежали без боя.

– Не вини себя, Гил. Ты выполнял приказ, – сказал ему Таита более дружелюбно. – А сейчас влезь на скалу, туда, и гляди в оба. Мы все-таки в глубине гиксосской территории. Я не задержусь надолго.

Таита медленно отправился вперед и обошел вокруг валуна, перекрывающего тропинку. Он остановился и осмотрел землю впереди. Отсюда он мог разглядеть только вершину разрушенной сторожевой башни. Тропинка виляя поднималась к ней. Затем она исчезала за гребнем склона, довольно открытого, где было мало места для гиксосской засады, лишь несколько каменных глыб и опаленных солнцем терновых деревьев. Затем он вспомнил, что это случилось ночью. Но что-то тревожило его. Таита ощущал неопределенное присутствие зла, как будто за ним следила мощная злая сила.

Это ощущение так усилилось, что он замер в солнечном свете и закрыл глаза. Он открыл свой ум и душу, превратившись в сухую губку, чтобы впитать любое влияние из окружающего воздуха. Почти сразу это чувство еще усилилось: здесь случилось страшное,

но средоточие зла было где-то впереди, неподалеку. Он открыл глаза и медленно пошел туда. Он не замечал ничего, кроме опаленного солнцем камня и терновника, но слышал в горячем воздухе запах зла, слабый, но отвратительный, подобный дыханию питающегося падалью дикого животного.

Он остановился и принюхался, точно охотничий пес, и воздух немедленно стал сухим и пыльным, но чистым. Это доказало Таите, что неуловимое зловоние было чем-то вне законов природы. Он улавливал слабое эхо зла, совершенного в этом месте, но, когда попробовал точно определить его, оно исчезло. Таита шагнул вперед, затем еще, и снова на него повеяло отвратительным зловонием. Еще шаг, и к запаху присоединилось чувство великого горя, как если бы он потерял что-то бесконечно ценное, невозполнимое.

Ему следует принудить себя сделать следующий шаг вверх по скалистой тропе... и в этот миг что-то ударило Таиту с такой силой, что дух вон. У него вырвался мучительный крик, и он упал на колени, сжимая грудь, неспособную дышать. Боль была огромной, болью смерти, и он боролся с ней, будто со змеей, обвинившей его. Он сумел броситься назад по тропинке, и боль немедленно исчезла.

Гил услышал его крик и быстро взбежал по тропинке. Он подхватил Таиту и помог ему подняться на ноги.

– Что случилось? Что вас беспокоит, мой господин?

Таита оттолкнул его.

– Уйди! Оставь меня! Тебе опасно быть здесь. Это дело не людей, а богов и демонов. Иди! Жди меня у подножия холма.

Гил заколебался, но наткнулся на взгляд блестящих глаз и отскочил, будто от призрака.

– Иди! – сказал Таита таким голосом, какой Гил не хотел бы слышать снова, и Гил убежал.

После того, как он ушел, Таита долго, отчаянно пытался вновь обрести власть над своим телом и разумом, чтобы достойно противостоять силам, ополчившимся против него. Он дотянулся до мешочка на поясе и достал амулет Лостры. Сжав его в правой руке, снова пошел вперед.

Когда он подошел к определенному месту на тропе, боль вновь поразила его, с еще более дикой силой, будто стрела с кремневым наконечником ударила в грудь, и Таита едва удержался от крика, отшатнувшись, и боль пропала, как и раньше.

Тяжело дыша, он вгляделся в каменистую землю. Сначала казалось, что это место ничем не отличается от любой другой точки неровной тропы, по которой он прошел. Затем на земле появилась маленькая призрачная тень. Он продолжал смотреть, и она изменилась, превратилась в мерцающую темно-багровую лужу. Он медленно встал на колени.

– Кровь из сердца царя и бога, – прошептал он. – Здесь, на этом самом месте умер фараон Тамос.

Он собрался с духом и тихим, но твердым голосом прочитал обращение к Гору, столь могучего действия, что только адепт седьмой степени смел произнести его. Повторяя его в седьмой раз, он слышал шелест невидимых крыльев, колышущих воздух пустыни вокруг него.

– Бог – здесь, – прошептал он и начал молиться. Он молился о фараоне и своем друге, умоляя Гору уменьшить его страдание и избавить от этой пытки.

– Позволь ему покинуть это ужасное место, – молил он бога. – Должно быть, это было убийство его души, попавшей здесь в ловушку.

Совершая молитву, он делал знаки для изгнания силы зла. У него на глазах лужа крови начала уменьшаться, как если бы впитывалась в сухую землю. Когда исчезла последняя капля, Таита услышал тихий бестелесный звук, подобный плачу сонного ребенка, и ужасное бремя потери и горя, давившее на него, свалилось с его плеч. Поднявшись на ноги, он ощутил огромное облегчение. Он шагнул вперед на то место, где только что была лужа крови. Даже когда его обутые в сандалии ноги твердо встали туда, он не почувствовал никакой боли и его самочувствие не изменилось.

– Иди с миром, мой друг и царь, и живи вечно, – громко сказал он и сделал знак долголетия и счастья.

Он отвернулся и собрался спуститься с холма туда, где ждали колесницы, но что-то остановило его. Он поднял голову и снова проверил воздух. И снова ощутил слабое дуновение зла, едва ощутимый след. Он осторожно поднялся по склону, прошел то место, где умер фараон, и двинулся дальше. С каждым шагом зловоние зла становилось сильнее, пока он не почувствовал отвращение. Он вновь понял, что это – нечто противное естественным законам. Таита продолжал идти, и через двадцать шагов запах начал слабеть. Он остановился и повернул назад. Зловоние немедленно стало усиливаться. Он ходил вперед и назад, пока не нашел место, где запах был сильнее всего. Здесь он сошел с тропинки, и запах сделался еще гуще, стал почти удушающим.

Таита стоял под сплетением ветвей тернового дерева, росшего у тропинки. Подняв голову, он увидел, что ветви образовали странный абрис, как если бы человеческая рука выложила из них настоящий крест, выделявшийся на синем небе. Он посмотрел вниз, и его внимание привлек камень, размером и формой напоминающий лошадиную голову. Его недавно поднимали, а затем положили обратно. Таита поднял камень из углубления, в котором тот лежал, и увидел, что он закрывает нишу между корнями тернового дерева. Он отложил его в сторону и оглядел нишу. В ней что-то было, и он осторожно протянул руку – это было убежище, способное скрывать змею или скорпиона.

В его руках оказался великолепно вырезанный и покрытый узорами предмет. Таита мгновение разглядывал его, прежде чем понял, что это колчан. Его происхождение не вызывало сомнений, поскольку он был сделан в гиксосском геральдическом стиле, а на кожаной поверхности было вытиснено изображение Сеуета, крокодилоподобного бога войны, почитаемого гиксосскими воинами.

Таита открутил крышку и увидел в колчане пять военных стрел, оперенных зеленым и красным. Он вытянул часть древка одной из них, и его сердце отчаянно забилося, потому что он узнал его. Не могло быть никакой ошибки. Он тщательно осмотрел сломанное, покрытое запекшейся кровью древко, которое Наг представил совету. Эта стрела была в точности такой же, как та, что убила фараона.

Он повернул ее к свету и внимательно рассмотрел печать, вырезанную на окрашенном древке. Это была стилизованная голова леопарда, держащая в челюстях иератическую букву Т. Такую же он видел на роковой стреле. Они были похожи как близнецы. Таита крутил и крутил ее в руках, как будто стараясь вытянуть из нее последнее зерно сведений. Он поднес стрелу к носу и понюхал, но ощутил только запах древесины, краски и перьев. Отвратительный запах, приведший его к тайнику, исчез.

Для чего убийца фараона мог спрятать здесь свой колчан? После боя гиксосы остались на месте. У них было достаточно времени, чтобы отыскать оружие. Это – красивый и ценный предмет. Никакой воин не оставил бы его добровольно, думал Таита.

В течение следующего часа он обследовал склон, но не нашел больше ничего интересного и не почувствовал вновь сверхъестественного запаха гниения и зла. Спускаясь туда, где на песке вади его ожидали колесницы, он нес с собой колчан, пряча его под передником.

Скрытые в вади, они дождались темноты. Затем смазали бараньим жиром втулки колес, чтобы не скрипели, надели кожаные чехлы на копыта лошадей и тщательно обмотали тканью все незакрепленное оружие и другие предметы и под руководством Гила поехали в глубь гиксосской территории.

Копьеносец хорошо знал этот район, и хотя Таита не сделал никакого замечания, он задавался вопросом, как часто этот солдат путешествовал со своим хозяином по этому пути и какие еще свидания они имели с врагом.

Сейчас они находились на заливаемой иногда Нилом равнине. Дважды они были вынуждены съезжать с дороги и пережидать, пока группы неизвестных вооруженных людей

проедут в темноте мимо их убежища. После полуночи они прибыли в покинутый храм какого-то забытого бога, вырытый в склоне низкого глиняного холма. Пещера была достаточно велика, чтобы приютить весь отряд – колесницы, лошадей и людей. Немедленно стало ясно, что ее и прежде использовали для этой цели: лампы и амфора с маслом были спрятаны позади разрушенного алтаря, а тюки с кормом для лошадей сложены в святилище.

После того как солдаты сняли упряжь с лошадей и накормили их, они поели сами, затем устроились на тюфяках, набитых сухой соломой, и скоро захрапели. Тем временем Гил переоделся из своей военной формы конника в типичное одеяние крестьянина.

– Я не могу ехать верхом, – объяснил он Таите. – Это привлекло бы слишком большое внимание. Мне потребуется половина дня, чтобы дойти пешком до лагеря в Бубасти. Не ждите меня назад до завтрашнего вечера. – Он выскользнул из пещеры и исчез в ночи.

«Честный Гил – не такой простой грубый солдат, каким кажется», – подумал Таита, устроившись ожидать ответа союзников господина Нага на сообщение, которое передаст им Гил.

Едва рассвело, он поставил часового наверху холма, куда выходила воздушная шахта из подземного храма. Перед самым полуднем тихий свист у верха шахты предупредил их об опасности, и Таита поднялся наверх, чтобы присоединиться к часовому. С востока прямо ко входу в храм направлялся караван тяжело груженных ослов, и Таита предположил, что именно эти торговцы использовали храм как импровизированный караван-сарай. Почти наверняка именно они оставили склад фуража в святилище. Он сполз вниз с холма, держась вне поля зрения приближающегося каравана. На середине дороги он выложил рисунок из белых кусочков кварца, одновременно прочитав три стиха из ассирийской Книги Злой Горы. И удалился, чтобы ждать прибытия каравана.

Первый осел шел в пятидесяти локтях впереди остальной колонны. Животное определенно знало о храме и удовольствиях, которые там ждали, поскольку не нуждалось ни в каком понукании со стороны погонщика, чтобы перейти на рысь. Как только осел достиг белых камней на дороге, он рванул в сторону так неистово, что груз сполз с его спины и повис под животом. Осел начал брыкаться и скакать и пустился через равнину прочь от храма, только замелькали копыта. Его хриплый рев и крики взбудоражили и остальных животных в колонне, и вскоре и они вставали на дыбы и мотали головами, сопротивляясь натянутым поводьям, лягали погонщиков и бегали кругами, как если бы на них напал рой пчел.

Половину остатка дня погонщики каравана ловили и снова собирали беглецов и успокаивали испуганных животных, после чего караван снова направился к храму. На сей раз впереди шел тучный, богато одетый главный погонщик, тянувший за собой на длинном поводке упирающегося осла. Он увидел камни посреди дороги и остановился. Колонна столпилась позади него, и другие погонщики вышли вперед. Они громкими голосами держали импровизированный совет, размахивая руками. Их голоса доносились туда, где, укрывшись среди олив на склоне, сидел Таита.

Наконец главный погонщик оставил других и пошел один. Сначала его шаг был смел и уверен, но скоро замедлился и стал робким, и наконец погонщик неловко встал, рассматривая издали рисунок из кварца. Затем он плюнул в сторону камней и отскочил, будто ожидал, что те ответят на оскорбление. Наконец он сделал знак против сглаза, повернулся и рысцой побежал обратно, желая присоединиться к своим товарищам, крича и махая им руками. Других не понадобилось долго убеждать. Скоро весь караван отступал по дороге, по которой пришел. Таита спустился с холма и разбросал камни, что позволило рассеяться влияниям, которые они содержали, и открыть путь для других посетителей, которых он ожидал.

Те приехали, когда наступили короткие летние сумерки: двадцать вооруженных мужчин, скачущих во весь опор. Гил вел их, восседая на одолженном коне. Они пронеслись мимо разбросанных камней к входу в храм, где спешили, лязгая оружием. Вожак был высоким, широким в плечах, с тяжело нависшим лбом и мясистым крючковатым носом. Его

тяжелые черные усы свисали на грудь, а в бороду были вплетены цветные ленты.

– Ты – чародей. Да? – сказал он с сильным акцентом.

Таита не считал уместным дать им знать, что говорит по-гиксосски не хуже любого из них, поэтому скромно ответил на египетском, не подтверждая и не отрицая своих магических способностей.

– Мое имя – Таита, я слуга великого бога Гора. Да пребудет на вас его благословение. Я вижу, что вы – могущественный человек, но не знаю вашего имени.

– Мое имя – Трок, я – Главный Вождь Рода Леопарда и командующий севера в войсках царя Апепи. У тебя есть для меня знак, Чародей?

Таита разжал правую руку и показал ему верхнюю половину крошечной дарственной статуи бога Сеута, изготовленную из синего глазурованного фарфора. Трок бегло осмотрел ее, достал из мешочка на портупее другой фарфоровый фрагмент и соединил обе части вместе. Сломанные края точно сошлись, и он удовлетворенно проворчал:

– Пойдем со мной, чародей.

Трок шел в сгущающейся ночи, Таита рядом с ним. Они в тишине поднялись на холм и в звездном свете сели на корточки лицом друг к другу. Трок зажал ножны между коленями и держался за рукоятку своего тяжелого серповидного меча. Скорее по привычке, чем из подозрительности Таита подумал, что военный вождь – человек, с которым следует считаться.

– Ты принес мне новости с юга, – сказал Трок, скорее утверждая, чем спрашивая.

– Мой господин, вы слышали о смерти фараона Тамоса?

– Мы узнали о смерти фиванского претендента от захваченных пленных, когда взяли город Абнуб. – Трок был осторожен, чтобы словом или предположением не признать власть египетского фараона. Для гиксосов единственным правителем в обоих этих царствах был Апепи. – Мы слышали также, что сейчас на трон Верхнего Египта претендует ребенок.

– Фараону Неферу Сети всего четырнадцать лет, – подтвердил Таита, не менее осторожно, желая своим ответом подчеркнуть титул фараона. – До его совершеннолетия еще несколько лет. До тех пор господин Наг будет его регентом.

Трок внезапно с интересом наклонился вперед.

Таита про себя улыбнулся. Гиксосская разведка действительно работала скверно, если они не знали о делах Верхнего Царства даже этого. Затем ему вспомнилась кампания, которую как раз перед смертью царя они с фараоном Тамосом провели против гиксосских шпионов и информаторов в Фивах. Тогда выявили и арестовали более пятидесяти лазутчиков. После допроса под пыткой всех их казнили. Таита почувствовал самодовольство, убедившись, что они перекрыли поток сведений к врагу.

– Следовательно, вы прибыли к нам по велению регента юга. – Таита заметил странное выражение торжества на лице у Трока, когда тот спросил:

– Какое сообщение вы принесли мне от Нага?

– Господин Наг хочет, чтобы я донес его предложение непосредственно Апепи, – уклонился от ответа Таита. Он не хотел дать Троку больше информации, чем было необходимо.

Трок немедленно обиделся.

– Наг – мой двоюродный брат, – сказал он холодно. – Он не станет возражать против того, чтобы я услышал какое бы то ни было из посланных им слов.

Таита так хорошо владел собой, что не выказал ни малейшего удивления, хотя Трок допустил большую оплошность. Его подозрения по поводу происхождения регента подтвердились, но голос не дрогнул, когда он ответил:

– Да, мой господин, я знаю это. Однако есть то, что я должен сказать именно Апепи.

– Вы недооцениваете меня, Маг. Я пользуюсь полным доверием вашего регента. – Голос Трока звучал резко от досады. – Мне прекрасно известно, что вы прибыли предложить Апепи перемирие и договориться с ним о длительном мире.

– Я больше ничего не могу вам сказать, мой господин. – «Этот Трок, может, и воин, но

он никакой не заговорщик», – подумал Таита, однако его голос и манера не изменились, когда он добавил: – Я могу передать мое сообщение только Вождю Пастухов, Апеги. – Так гиксосского правителя называли в Верхнем Египте. – Вы можете отвести меня к нему?

– Как пожелаете, Чародей. Держите рот на замке, если угодно, хотя в этом нет никакого смысла. – Трок сердито поднялся. – Царь Апеги – в Бубасти. Мы отправимся туда немедленно.

В напряженной тишине они возвратились к подземному храму, где Таита подозвал к себе Гила и сержанта телохранителей.

– Вы поработали на славу, – сказал он им, – но теперь вам следует вернуться в Фивы так же тайно, как вы прибыли сюда.

– Вы вернетесь с нами? – спросил Гил с тревогой. Было ясно, что он чувствовал себя ответственным за старика.

– Нет. – Таита покачал головой. – Я остаюсь. Когда будете докладывать регенту, скажите ему, что я отправился на встречу с Апеги.

В тусклом свете масляных ламп лошадей привязали к колесницам, и через короткое время они были готовы ехать. Гил принес кожаные переметные сумы Таиты и подал ему. Затем с уважением сказал:

– Это была великая честь – ехать с вами, мой господин. Когда я был ребенком, отец рассказывал мне много раз о ваших приключениях. Он ехал в вашем отряде в Асьюте. Был старшим командиром левого крыла.

– Как его звали? – спросил Таита.

– Ласо, мой господин.

– Да, – кивнул Таита. – Я хорошо его помню. Он потерял в сражении левый глаз.

Гил посмотрел на него с трепетом и удивлением.

– Это было сорок лет назад, и тем не менее вы помните.

– Тридцать семь, – поправил Таита. – Езжай, молодой Гил. Вчера вечером я составил твой гороскоп. Ты проживешь долгую жизнь и достигнешь высокого звания.

Копьеносец взял поводья и поехал в ночь, онемев от гордости и благодарности.

К тому времени отряд господина Трока также сел на лошадей и был готов ехать. Таите дали лошадь, на которой Гил возвратился к храму. Маг перебросил переметные сумы через холку лошади и вскочил на нее позади них. Гиксосы не имели предубеждений относительно езды верхом, как египтяне, и, простучав копытами у выхода из пещеры, лошади направились на запад, в сторону, противоположную движению колонны колесниц.

Таита ехал в центре группы тяжеловооруженных гиксосов. Трок вел их, но не пригласил Таиту ехать рядом с ним. С тех пор, как Таита отказался передать ему слова Нага, он держался отчужденно и равнодушно. Таита был доволен этим пренебрежением, потому что ему нужно было многое обдумать. В особенности о раскрытии тайны смешанной крови Нага, что обещало множество интересных возможностей.

Они ехали сквозь ночь, направляясь на запад, к реке и главной вражеской базе в Бубасти. Хотя время было еще ночное, движение на дороге становилось все более оживленным. Они видели тяжело груженных военными запасами длинные вереницы крытых повозок и телег, которые двигались в ту же сторону, что и они. В Аварис и Мемфис возвращалось столько же пустых повозок, выгрузивших свою кладь.

Когда они подъехали ближе к реке, Таита увидел костры гиксосских отрядов, стоявших лагерем вокруг Бубасти. Это было поле мерцающего света, протянувшееся на много миль в обе стороны вдоль берега реки, огромное скопление людей и в животных, невидимых в темноте.

На земле нет ничего, подобного запаху стоящего лагерем войска. По мере их приближения он становился все сильнее, пока не стал почти невыносимым. Это была смесь многих запахов: запаха конницы, навоза и дыма горящего кизяка, кожи и заплесневелого зерна. На него наслаивался запах немытого тела и гниющих ран, готовящейся пищи и бродящего пива, неубранного мусора и грязи, аммиачной вони от выгребных ям и куч

экскрементов и еще более ужасное зловоние непогребенных тел.

В этой тошнотворной мешанине запахов Таита учуял еще одну отвратительную примесь. Ему показалось, что он узнал ее, но только когда один из страдальцев, пьяно покачиваясь, вышел наперерез его лошади, вынудив Таиту резко натянуть поводья, тот увидел розовые пятна на бледном лице и обрел уверенность.

Теперь он знал, почему Апепи был пока не в состоянии развить свою победу в Абнубе и почему он еще не послал колесницы прорваться на юг к Фивам, где египетское войско было изрядно потрепано. Таита подстегнул лошадь и, догнав Трока, спокойно спросил:

– Мой господин, как давно чума поразила ваши войска?

Трок так резко натянул поводья, что его лошадь затанцевала и закружилась под ним.

– Кто сказал вам это, Чародей? – спросил он. – Эта проклятая болезнь – результат вашего колдовства? Это вы наслали на нас мор? – Он сердито прищипорил коня и поскакал, не дожидаясь опровержения. Таита последовал за ним в благоразумном отдалении, но его глаза замечали каждую подробность того, что происходило вокруг.

К этому времени рассвело, но слабое солнце едва виднелось сквозь густую завесу тумана и древесного дыма, закрывающую землю и рассветное небо. Она придавала этим местам сверхъестественный, неземной вид, сходство с подземным миром. Люди и животные превратились из-за нее в темные демонические фигуры, а грязь от последнего разлива под копытами их лошадей казалась черной и клейкой.

Они миновали первую похоронную телегу, и солдаты вокруг Таиты прикрыли накидками рты и носы, спасаясь от зловония и злых духов, витающих над высокой горой голых, раздутых тел, лежащей на телеге. Трок прищипорил лошадь, чтобы быстрее проехать мимо, но впереди было много повозок с таким же грузом, которые почти перекрывали дорогу.

Затем они оставили позади одно из полей кремации, где с еще большего количества телег снимали их ужасный груз. Дров в этой земле не хватало, и огонь был недостаточно сильным, чтобы поглотить груды тел. Они трещали и вспыхивали, когда жир вытапливался из гниющей плоти, и от них поднимались облака черного жирного дыма, проникающего с каждым вдохом в рот и горло живых.

«Какая часть мертвых – жертвы чумы? – задался вопросом Таита. – И какая часть – жертвы войны с нашими войсками?» Чума походила на мрачный призрак, который шел в ногу с любым войском. Войска Апепи много лет стояли здесь, в Бубасти, в лагерях, кишевших крысами, стервятниками и падальщиками-аистами марабу. Его солдаты ютились среди собственной грязи, страдали от блох и вшей, ели гнилую пищу и пили воду из оросительных каналов, куда просачивалась вода из могил и с куч фекалий. Это были те условия, при которых чума процветала.

Ближе к Бубасти лагерные стоянки стали более многочисленными, шатры, хижины и лачуги тесными рядами подступали прямо к стенам и канавам, окружающим военный лагерь. Более удачливые из жертв чумы лежали под ветхими крышами из пальмовых листьев – скудной защитой от жаркого утреннего солнца. Другие лежали на растоптанных в грязь полях, оставленные жажде и стихиям. Мертвые соседствовали с умирающими, раненные в бою лежали рядом со страдающими кровавым поносом.

Хотя Таита обладал чутьем целителя, он ничем не хотел помочь им. Они были приговорены собственным числом: как один мог помочь столь многим? Более того, они были врагами Египта, и Таита не сомневался – мор послан богами. Если бы он излечил хоть одного-единственного гиксосу, это означало бы, что еще один солдат отправится маршем на Фивы и предаст его любимый город огню и разграблению.

Они въехали в крепость, и обнаружилось, что положение в ее стенах ненамного лучше. Жертвы чумы лежали там, где их сразила болезнь; крысы с бродячими собаками грызли тела и нападали даже на тех, кто все еще был жив, но слишком слаб, чтобы защититься.

Главным зданием в Бубасти был штаб Апепи – массивный и длинный дворец из земляных кирпичей, крытый соломой, стоящий в центре города. Конюхи у ворот приняли их

лошадей, и один из них понес переметные сумы Таиты. Господин Трок повел Таиту через внутренние дворы и темные, с закрытыми ставнями залы, где в бронзовых жаровнях горели ладан и сандаловое дерево, чтобы скрыть зловоние чумы, доносившееся из города и с лагерных стоянок вокруг, но их пылающее пламя делало жаркий воздух вокруг едва выносимым. Даже здесь, в главном штабе, комнаты оглашали жуткие стоны жертв чумы и в темных углах лежали груды тел.

Часовые остановили приехавших перед запертой бронзовой дверью в самой глубине здания, но, как только узнали громадную фигуру Трока, расступились и позволили им пройти. Эта часть была личными покоями Апепи. Стены были увешаны великолепными коврами, мебель – из драгоценного дерева, слоновой кости и перламутра. Большей частью она была награблена во дворцах и храмах Египта.

Трок провел Таиту в маленькую, но роскошно обставленную комнату и оставил его там. Женщины-рабыни принесли кувшин шербета и блюдо зрелых фиников и гранатов. Таита потягивал напиток, но съел лишь несколько плодов. Он был всегда умерен в еде.

Ожидание затянулось. Солнечный луч, проникавший через единственное высокое окно, постепенно перемещался по противоположной стене, отмеряя ход времени. Лежа на одном из ковров и используя переметные сумы как подушку, он задремал, но в глубокий сон не провалился и мигом пробуждался при каждом шорохе. Время от времени он слышал далекий плач женщин и скорбные вопли – плач по покойнику – где-то за массивными стенами.

Наконец в проходе наружу послышались тяжелые шаги, и занавески на двери резко раздвинулись. В дверях стоял большой человек. Он был одет лишь в темно-красный льняной набедренник, подвязанный ниже большого живота золотой цепью. Его грудь покрывали седеющие кудри, жесткие как медвежий мех. На ногах были тяжелые сандалии, а голени закрывали жесткие ножные латы из выделанной кожи. Но у него не было меча или другого оружия. Его руки и ноги были массивными, как столбы храма, и покрыты боевыми шрамами, одни из которых были белыми и шелковистыми, давно залеченными, другие – недавними, багровыми и воспаленными. Его борода и плотный куст волос на голове также были тронуты сединой, и в них не хватало обычных лент и кос. Они не были смазаны маслом и расчесаны, а пребывали в небрежном беспорядке. Темные глаза смотрели возбужденно и растерянno, а толстые губы под большим крючковатым носом кривились, словно от боли.

– Вы – Таита, врач, – сказал он. В его мощном голосе не чувствовалось акцента: Апепи родился в Аварисе и многое взял из египетской культуры и образа жизни.

Таита хорошо знал его: для него Апепи был захватчиком, кровожадным варваром, смертельным врагом его страны и фараона. Ему потребовалось собрать все самообладание, чтобы сохранить нейтральное выражение лица и спокойный голос, когда он ответил:

– Я – Таита.

– Наслышан о вашем искусстве, – сказали Апепи. – Сейчас я нуждаюсь в нем. Идите со мной.

Таита перебросил переметную суму через плечо и прошел за царем в крытую аркаду. Господин Трок ждал там с эскортом вооруженных солдат. Они окружили Таиту, шедшего за гиксосским царем глубже во дворец. Плач впереди становился все громче, пока Апепи не отбросил в стороны тяжелые занавеси, закрывающие другой дверной проем. Он взял Таиту за руку и втянул его внутрь.

В переполненной палате больше всего было жрецов храма Исиды в Аварисе. Таита презрительно скривил губы, как только узнал их по головным уборам из перьев белой цапли. Они пели и качали систрумами над жаровней в углу, на которой лежали раскаленные докрасна клещи для прижигания.

Профессиональная вражда Таиты с этими шарлатанами длилась уже два поколения.

Кроме целителей, вокруг постели больного в центре комнаты собрались еще два десятка людей – придворные, военачальники, писцы и другие должностные лица. Вид у всех был мрачный и похоронный. Большинство женщин стояли на коленях на полу, вопя и причитая. Только одна из них пыталась ухаживать за мальчиком, лежавшим на кушетке. Она,

казалось, была не намного старше своего пациента, вероятно тринадцати или четырнадцати лет, и при помощи губки обтирала его нагретой ароматной водой из медной чаши.

С первого взгляда Таита понял, что это очень красивая девочка, с решительным и умным лицом. Ее беспокойство о пациенте было очевидно. Лицо выражало любовь, а руки двигались быстро и умело.

Таита переключил внимание на мальчика. Его голое тело было таким же ладным, но поражено болезнью. Кожу покрывали характерные пятна чумы и обильный пот. На груди виднелись свежие и воспаленные раны там, где ему пускали кровь и прижигали кожу жрецы Исиды. Таита видел, что он в заключительной стадии болезни. Густые темные волосы мальчика промокли от пота и спадали ему на глаза, открытые и блестящие от лихорадки, но не видящие и глубоко провалившиеся в темно-синие впадины.

– Это – Хиан, мой самый младший сын, – Апепи подошел к кровати и беспомощно посмотрел на ребенка. – Чума заберет его, если вы не сможете спасти его, Маг.

Хиан простонал и перекатился набок, в муке подтянув колени к своей растерзанной груди. Смесь жидкого кала и яркой крови с громким треском вырвалась струей между его похудевшими ягодицами на грязное постельное белье. Девочка, ухаживавшая за ним, сразу очистила его заднюю часть тканью и без всякого отвращения вытерла грязь с простыней. В углу целители возобновили пение; верховный жрец поднял горячие клещи с углей жаровни и подошел к кровати.

Таита шагнул вперед, загородив путь человеку с длинным посохом.

– Уходите! – сказал он тихо. – Вы и ваши мясники уже достаточно навредили здесь.

– Мне необходимо выжечь лихорадку из его тела, – возразил жрец.

– Вон! – повторил Таита мрачно, затем приказал всем прочим, кто заполнял палату: – Вон, все вы!

– Я хорошо тебя знаю, Таита. Ты – богохульник, друг демонов и злых духов. – Жрец стоял на месте и угрожающе размахивал пылающим бронзовым инструментом. – Я не боюсь твоего волшебства. Ты не имеешь здесь власти. Я отвечаю за принца.

Таита шагнул назад и бросил свой посох к ногам жреца. Тот завизжал и отпрыгнул, поскольку прут из дерева тамбути начал извиваться, шипеть – и вот уже к жрецу по плиткам пола поползла змея. Внезапно она высоко подняла голову, ее раздвоенный язык мелькал между тонкими усмехающимися губами, черные глаза сверкали как бусинки.

Все тотчас с воплем бросились к двери. Придворные и жрецы, солдаты и служащие в панике руками и локтями прокладывали себе путь в давке, чтобы удрать первыми. Спеша убежать, верховный жрец опрокинул жаровню и с криком прыгал босиком на рассыпавшихся углях.

Через несколько секунд в палате не осталось никого, кроме Апепи, который не двинулся с места, и девочки у постели больного. Таита наклонился и подобрал извивающуюся змею за хвост. Она мгновенно стала в его руке прямой, твердой и деревянной. Он указал восстановленным посохом на девочку у кровати.

– Кто ты? – спросил он.

– Я – Минтака. Это – мой брат. – Она покровительственным жестом положила руку на влажные от пота кудри мальчика и с вызовом выпятила подбородок. – Сделайте худшее, Маг, но я не оставлю его. – Ее губы дрожали, темные глаза стали огромными от страха. Она явно была напугана его славой и змеиным посохом, которым Таита указывал на нее. – Я не боюсь вас, – сказала она, обошла вокруг кровати и оказалась между ними.

– Хорошо, – сказал Таита быстро. – Тогда от тебя будет больше пользы. Когда мальчик пил в последний раз?

Ей потребовалась минута, чтобы сосредоточиться.

– Он не пил с самого утра.

– Разве те шарлатаны не видели, что он умирает не столько от болезни, сколько от жажды? Он потел и потерял большую часть воды из своего тела, – проворчал Таита и поднял стоявший около кровати медный кувшин, чтобы понюхать его содержимое.

– Он загрязнен ядом жрецов и духами чумы. – Он швырнул кувшин о стену. – Иди на кухню и найди другой кувшин. Удостоверься, что он чистый. Наполни его колодезной, а не речной водой. Пospеши, девочка. – Она убежала, и Таита открыл свой мешок.

Минтака почти немедленно возвратилась с кувшином, полным до краев чистой воды. Таита приготовил снадобье из трав и нагрел его на жаровне.

– Помоги мне дать ему это, – приказал он девочке, когда зелье вскипело. Он показал ей, как положить голову брата и поглаживать горло, пока он по капле будет лить воду ему в рот. Скоро Хиан глотал свободно.

– Что мне сделать, чтобы помочь вам? – спросил царь.

– Мой господин, вам здесь ничего не нужно делать. Вы более подходите для разрушения, чем для лечения. – Таита отпустил его, не отрывая взгляда от пациента. Последовала долгая тишина, затем раздались тяжелые шаги подбитых бронзовыми гвоздями сандалий Апепи, покидающего палату.

Минтака скоро потеряла страх перед Магом и в роли помощницы оказалась проворной и усердной. Она, казалось, была способна предвидеть пожелания Таиты. Она заставила брата пить, пока Таита готовил на жаровне другую чашу лекарства из содержимого своего мешка. Вместе им удалось влить лекарство ему в горло, не разлив ни капли. Она помогла Таите смазать успокаивающей мазью волдыри, покрывавшие грудь мальчика. Затем они вместе обернули Хиана льняными простынями и хорошо их смочили колодезной водой, чтобы охладить его горящее в жару тело.

Когда она подошла, чтобы сесть рядом с Таитой и немного отдохнуть, тот взял ее за руку и повернул эту руку ладонью вверх. Он осмотрел красные вздутия на внутренней части ее запястья, но Минтака попыталась вырвать руку.

– Это не чумные пятна. – Она вспыхнула от смущения. – Всего лишь укусы блох. Дворец кишит блохами.

– Где кусает блоха, туда следует чума, – сказал ей Таита. – Сними сорочку.

Она встала и без колебания сбросила сорочку. Та упала к ногам. Голое тело Минтаки, хотя и стройное и созревшее, было также атлетически сильным. Ее груди были первыми бутонами, дерзкие соски торчали подобно созревающим тутовым ягодам. Между длинными красивыми ногами укрылся треугольник мягких волос.

Блоха прыгнула с ее бледного живота. Таита ловко поймал насекомое в воздухе и раздавил между ногтями. Блоха оставила цепочку розовых пятен вокруг аккуратно сморщенного пупка принцессы.

– Повернись, – приказал Маг, и Минтака повиновалась. Еще одно отвратительное насекомое побежало вниз по ее спине к глубокой расселине между упругими круглыми ягодицами. Таита сжал блоху между пальцами и раздавил ее блестящее тело. Хрустнув, оно превратилось в кровавое пятно. – Ты станешь следующим пациентом, если мы не избавимся от этих ваших маленьких домашних животных, – сказал он ей и послал принести с кухни чашу воды. Он вскипятил на жаровне высушенные фиолетовые цветы персидской ромашки и вымыл девочку отваром с ног до головы. Он поймал на ее мокрой коже еще четыре или пять блох, пытавшихся избежать едкого душа.

После этого Минтака сидела около него, пока обсыхало ее голое тело, и беззаботно болтала. Тем временем они тщательно обыскивали ее одежду, удаляя из швов и складок последних блох и их яйца. Старик и девочка быстро становились хорошими друзьями.

Перед сумерками кишечник Хиана опорожнился еще раз, но скудно, и в стуле не было крови. Таита понюхал кал и отметил, что зловоние духов чумы умерилось. Он приготовил более сильный отвар из трав, и они вместе заставили Хиана выпить еще один полный кувшин колодезной воды. К утру лихорадка спала, и Хиан лежал более спокойно. Он наконец помочился, что Таита объявил хорошим признаком, даже при том, что моча была темно-желтая и едкая. Час спустя мальчик выпустил больше мочи, более светлой и не такой пахучей.

– Посмотрите, мой господин, – воскликнула Минтака, поглаживая щеку брата, –

красные пятна исчезают, и кожа стала более прохладной.

– У тебя исцеляющее прикосновение райской нимфы, – сказал ей Таита, – но не забывай о кувшине для воды. Он пуст.

Она побежала на кухню и почти сразу вернулась с полным до краев кувшином. Когда она стала поить брата, то запела гиксосскую колыбельную, и Таита был восхищен сладостью и ясностью ее голоса:

Слушай ветер в траве, мой дорогой.
Спи, спи, спи.
Слушай звук реки, мой малыш,
Смотри сны, смотри сны, смотри сны.

Таита изучал ее лицо. Оно было гиксосское: чуть слишком широкое, скулы чересчур выдавались. Большой рот, губы полные, нос с длинной переносицей. Ни одна из этих черт не была совершенна сама по себе, но каждая пребывала в идеальном равновесии со всеми прочими. Шея была длинная и изящная. Миндалевидные глаза были действительно прекрасны под арками черных бровей, лицо – живое и смышенное. «Здесь другой вид красоты, – подумал он, – но тем не менее это красота».

– Посмотрите! – Она прервала песню и засмеялась. – Он очнулся.

Глаза Хиана были открыты, и он смотрел на нее.

– Ты вернулся к нам, страшный звереныш. – Она засмеялась; зубы у нее были ровными и очень белыми в свете ламп. – Мы так волновались. Больше так не делай, никогда. – Она обняла брата, чтобы скрыть слезы радости и облегчения, которые внезапно блеснули в ее глазах.

Таита посмотрел за спины детям на кровати и увидел в дверном проеме крупную фигуру Апепи. Таита не знал, сколько времени царь стоял там, но сейчас он без улыбки кивнул Таите, повернулся и исчез.

К вечеру Хиан сумел сесть (с небольшой помощью сестры) и выпил бульон из чашки, которую она держала у его губ. Два дня спустя сыпь на его теле исчезла.

Три или четыре раза в день Апепи заходил в палату. Хиан все еще был слишком слаб, чтобы подняться, но как только появился отец, он коснулся сердца и губ в знак уважения.

На пятый день он, шатаясь, встал с ложа и попробовал пасть ниц перед царем, но Апепи остановил его и, подняв, уложил обратно на подушки. Даже при том, что его чувства к мальчику были очевидны, Апепи был немногословен и снова почти сразу вышел, но в дверном проеме оглянулся и коротким наклоном головы приказал Таите следовать за ним.

Они стояли одни на вершине самой высокой башни дворца. Они поднялись на двести ступеней, чтобы достичь этой высоты, и отсюда оглядывали реку вверх по течению до захваченной цитадели Абнуб в десяти милях от них. От Фив ее отделяло меньше ста миль.

Апепи приказал часовым спуститься и оставить их одних на этой высоте, чтобы за ними не шпионили или не подслушали. Он стоял, пристально глядя на юг вдоль великой серой реки. Он был в полном военном обмундировании, в жестких кожаных ножных латах и нагруднике, в портуpee, усыпанной золотыми розетками, и в его бороду были вплетены темно-красные ленты под цвет его церемониального передника. С ними не вязался надетый на плотные, подернутые серебром кудри золотой урей, корона со стервятником и коброй. Таиту привело в бешенство то, что этот захватчик и грабитель считал себя фараоном всего Египта и носил священные символы власти, но его лицо осталось безмятежным. Он настроил свой мозг так, чтобы уловить мысли Апепи. Они оказались таким запутанным клубком, настолько густым и заплетенным, что даже Таита не мог различить их ясно, но он смог ощутить в них силу, которая делала Апепи столь ужасным противником.

– По крайней мере кое-какие слухи о вас оказались верными, Маг, – нарушил Апепи долгую тишину. – Вы – великий врач. – Таита молчал.

– Вы можете чарами излечить чуму в моем войске, как вы сделали это с моим сыном? – спросил Апепи. – Я заплачу бы вам лакх золота. Столько золота, сколько смогут унести десять сильных лошадей.

Таита холодно улыбнулся.

– Мой господин, если бы я мог наводить такие чары, то наколдовал бы сто лакхов из чистого воздуха, не тратя сил на лечение ваших головорезов.

Апепи повернул голову и улыбнулся в ответ, но в его улыбке не было ни веселья, ни доброжелательности.

– Сколько вам лет, Чародей? Трок говорит, больше двухсот. Это верно?

Таита не подавал виду, что слышит, и Апепи продолжил:

– Какова ваша цена, Чародей? Если не золото, то что я могу предложить вам? – Вопрос был риторический, и он не стал ждать ответа, а отошел к северному парапету башни и встал, оперев кулаки в бедра. Он смотрел вниз на лагерные стоянки своего войска и на поля кремации за ними. Костры продолжали гореть, и ветер нес дым низко над зелеными водами реки в пустыню за ней.

– Вы одержали победу, мой господин, – тихо сказал Таита, – но вы думаете о погребальных кострах, сжигающих ваших мертвых. Фараон усилит и перегруппирует свои силы прежде, чем закончится чума, и ваши солдаты должны будут воевать снова.

Апепи встряхнулся с раздражением, как лев, сгоняющий мух.

– Ваше упорство раздражает меня, Чародей.

– Нет, господин, это не я, а правда и логика раздражают вас.

– Нефер Сети – ребенок. Я победили его однажды и желаю сделать это снова. Что еще более невыгодно для вас, в его войске нет никакой чумы. Ваши шпионы скажут вам, что у фараона есть еще пять легионов в Асуане и еще два в Асьюте. Они уже на реке, плывут на север по течению. И будут здесь до новолуния.

Апепи тихо зарычал, но не ответил. Таита неумолимо продолжал:

– Шестидесят лет войны вконец обескровили оба царства. Вы будете продолжать наследственное дело Салитиса, вашего отца, – шестидесят лет кровопролития? Это вы оставите в наследство сыновьям?

Апепи повернулся к нему, нахмурившись.

– Не дави на меня слишком сильно, старик. Не оскорбляй моего отца, богоравного Салитиса. – После долгого перерыва, достаточного, чтобы выразить свое неодобрение, Апепи заговорил снова. – Сколько времени вам потребуется, чтобы устроить переговоры с этим так называемым регентом Верхнего Царства, этим Нагом?

– Если вы дадите мне охранное свидетельство для прохода через ваши позиции и быструю галеру, я могу оказаться в Фивах через три дня. Возвращение по течению пройдет еще быстрее.

– Я пошлю с вами Трока, чтобы он благополучно провел вас через позиции. Скажите Нагу, что я встречу с ним в храме Хатор на западном берегу, в Перре у Абнуба. Вы знаете это место?

– Знаю хорошо, мой господин, – ответил Таита.

– Мы сможем поговорить там, – сказал Апепи. – Но скажите ему, чтобы он не ждал от меня слишком больших уступок. Я – победитель, а он побежденный. Теперь вы можете идти.

Таита остался на месте.

– Можете идти, Чародей. – Апепи отпустил его во второй раз.

– Фараон Нефер Сети почти одних лет с вашей дочерью, Минтакой, – сказал Таита упрямо. – Вы могли бы привезти ее с вами в Перру.

– С какой целью? – Апепи посмотрел на него подозрительно.

– Союз между вашей династией и династией фараонов Тамоса мог бы скрепить длительный мир в двух царствах.

Апепи погладил ленты в бороде, чтобы скрыть улыбку.

– Клянусь Сеуетом, вы интригуете так же ловко, как смешиваете зелья, Чародей. А

теперь убирайтесь, прежде чем вы рассердите меня так, что мое терпение лопнет.

* * *

Храм Хатор был выкопан в скалистом склоне над рекой в царствование фараона Сехертави сотни лет тому назад, но с тех пор достраивался каждым фараоном. Его жрицы были богаты и влиятельны и как-то умудрялись выживать в течение долгих гражданских войн между царствами и даже процветать в трудные времена.

Одетые в желтые мантии, они собрались во внутреннем дворе храма, между двумя массивными статуями богини. Одна из них изображала Хатор в виде пегой коровы с золотыми рогами, а другая ее человеческое воплощение – высокую, красивую даму в короне из рогов и золотого солнечного диска.

Жрицы пели и гремели систрумом, когда свита фараона Нефера Сети вышла во внутренний двор из восточного крыла, а придворные царя Апеги появились из западной колоннады. Порядок прибытия на переговоры был предметом таких горячих споров, что переговоры едва не расстроились, не начавшись. Прибыть первым означало бы возвыситься над соперником с позиции силы, в то время как прибыть вторым значило бы явиться просителем, умоляющим о мире. Ни одна сторона не желала отказаться от преимущества.

Именно Таита подчеркнул целесообразность одновременного прибытия. Он также тактично уладил тоже вызывающий беспокойство вопрос о символах власти, которые будут надеты двумя главными действующими лицами. Обоим следует воздержаться от двойной короны. Апеги надлежало надеть красную корону дешрет Нижнего Египта, тогда как Нефер Сети ограничился бы белой короной хеджет Верхнего Египта.

Окружение обоих правителей заполнило просторный внутренний двор, глядя друг на друга мрачно и без улыбок. Физически их разделяло лишь несколько шагов, но ожесточение и ненависть шестидесятилетней войны воздвигли между ними непреодолимую преграду.

Враждебную тишину нарушили громкие фанфары из бараньих рогов и удары бронзовых гонгов – сигнал для царей и прибывших с ними выйти из противоположных крыльев храма.

Господин Наг и фараон Нефер Сети торжественно появились и заняли свои места на тронах с высокими спинками; обе принцессы, Гесерет и Мерикара, смиренно следовали за ними и заняли места в изножье трона Нага, поскольку были обручены с регентом. На лицах обеих девочек было так много косметики, что они ничего не выражали, как лицо изваяния Хатор, в чьей тени они сидели.

Одновременно из противоположного крыла храма появилось гиксосское царское семейство. Их вел царь Апеги, внушительная, воинственная фигура в полном доспехе. Он пристально глядел через внутренний двор на фараона – мальчика. Восемь из его сыновей следовали за ним; только Хиан, самый молодой, недостаточно оправился от чумы, чтобы совершить поездку вверх по реке.

Подобно отцу, они были вооружены и защищены доспехами, держались напыщенно и демонстративно бравировали.

«Ужасная шайка кровожадных головорезов», – подумал Таита, глядя на них с того места у трона Нефера, где он стоял.

Апеги привез с собой лишь одну из своих многочисленных дочерей, Минтаку. Она была подобна розе пустыни в чаще колючих кактусов, и ее отличие от братьев подчеркивало сияние ее красоты. Она нашла в толпе напротив высокую долговязую фигуру Таиты с серебряными волосами, и ее лицо осветила такая сияющая улыбка, что на мгновение показалось, будто сквозь навесы, натянутые над внутренним двором, пробилось солнце. Никто из египтян не видел ее прежде, и по их рядам пронеслись приглушенный шум и шепот. Они не были готовы увидеть принцессу. Согласно легендам, все гиксосские женщины были сложены так же тяжело, как и их мужчины, и вдвое уродливее. Фараон Нефер Сети наклонился чуть вперед и, несмотря на торжественность случая, потянул себя за

мочку уха белой короной бутылочной формы. С этой привычкой Таита пытался бороться, но Нефер делал так только когда сильно заинтересовывался чем-то или был рассеян. Таита не видел Нефера более двух месяцев – Наг не давал им увидеться с момента возвращения из штаба Апепи в Бубасти – и однако он так хорошо знал мальчика, был так настроен на его ум, что все еще легко мог читать его мысли. Он ощутил, что Нефер – в смятении от восторга и волнения, таком сильном, будто только что заметил газель,двигающуюся в пределах полета стрелы, или собрался сесть на необъезженного жеребца, или пустил сокола на цаплю и смотрит, как тот падает на нее.

Таита никогда не видел, чтобы принц подобным образом откликнулся на присутствие лица противоположного пола. Нефер всегда смотрел на всех женщин, включая сестер, с царским презрением. Однако прошло менее года с тех пор, как он вступил в беспокойные воды возраста половой зрелости, и большую часть этого времени провел с Таитой в уединении пустыни в Гебель-Нагаре, где не было никого, кто приковал бы его внимание так, как сейчас Минтака.

Таита чувствовал самодовольство – вот чего он достиг ценой столь малых усилий! Если бы Нефер ощутил к гиксосской девочке сильную неприязнь, это усложнило бы все планы Таиты и увеличило опасность, в которой они оказались. Если бы эта пара поженилась, Нефер стал бы зятем Апепи и оказался бы под его защитой. Даже Нагу следовало бы хорошенько подумать, прежде чем нанести обиду такому могущественному и опасному человеку. Минтака могла бы невольно спасти Нефера от махинаций и амбиций регента. По крайней мере, именно это имел в виду Таита, поощряя этот союз.

В течение короткого времени, пока они ухаживали за ее братом, Таиту и Минтаку связала крепкая дружба. Теперь Таита почти незаметно кивнул и улыбнулся ей в ответ. Затем взгляд Минтаки переместился за него. Она с интересом смотрела на благородных египетских женщин напротив. Она много слышала о них, но увидела впервые. Очень быстро она выделила Гесерет. Уверенным женским чутьем она определила ту, что была не менее привлекательна, чем она сама, возможно, будущую соперницу. Гесерет реагировала на нее точно так же, и они обменялись короткими, но надменными и взаимно враждебными взглядами. Затем Минтака подняла глаза на внушительную фигуру господина Нага и стала завороченно его разглядывать.

Он выглядел так великолепно, так отличался от ее собственных отца и братьев! Он сверкал золотом и драгоценными камнями, а его одежда была ослепительно чиста. Несмотря на разделявшее их расстояние, она ощущала исходящий от него аромат, подобный аромату поля диких цветов. Его лицо было маской из косметики, кожа почти светилась, подведенные глаза были увеличены краской для век. Все же она решила, что это – губительная красота змеи или ядовитого насекомого. Она поежилась и обратила глаза к фигуре на троне около регента.

Фараон Нефер Сети разглядывал ее так внимательно, что она затаила дыхание. Глаза у него были невероятно зеленые – вот первое, что поразило принцессу, и ей захотелось отвести взгляд, но она обнаружила, что не может этого сделать. Вместо этого она залилась краской.

Фараон Нефер Сети в белой короне, с фальшивой узкой бородой на подбородке выглядел так величественно и божественно, что она взволновалась. Затем фараон вдруг улыбнулся ей, тепло и заговорщицки. Его лицо сразу же стало мальчишеским и привлекательным, и Минтака невольно задышала быстрее и покраснела еще сильнее. С усилием она отвела глаза и принялась очень внимательно рассматривать статую богини – коровы Хатор.

Ей потребовалось некоторое время, чтобы вернуть самообладание, а затем заговорил господин Наг, регент Верхнего Египта. Взвешенными словами он приветствовал Апепи, дипломатично именуя его царем гиксосов, но избегая любого намека на его притязания на египетскую территорию. Минтака внимательно смотрела на губы Нага, и, чувствуя на себе Нефера, решила не смотреть на принца.

Голос господина Нага был звучен и утомителен, и наконец она больше не могла

сдерживаться. Она украдкой бросила быстрый косой взгляд на Нефера, намереваясь тотчас вновь отвести глаза, но он все так же продолжал смотреть на нее. В его глазах мелькнул беззвучный смех, и это пленило Минтаку. Она была не робкого десятка, но в этот раз улыбнулась застенчиво и нерешительно и снова почувствовала, что краснеет. Она потупилась и стала рассматривать свои руки на коленях, сжимая пальцы, пока не поняла, что играет ими, и остановила себя. Она держала руки неподвижно, но теперь сердилась на Нефера из-за того, что он нарушил ее спокойствие. Он – всего лишь богатый египетский щеголь. Любой из моих братьев больше мужчина, чем он, и вдвое красивее. Он просто старается выставить меня душой, так невоспитанно глаза на меня. Не буду больше смотреть на него. Как будто его тут нет, решила она, и ее решимость тянулась до тех пор, пока господин Наг не прекратил говорить, и ее отец не встал, чтобы ответить ему.

Она бросила на Нефера еще один быстрый взгляд из-под густых темных ресниц. Фараон пристально глядел на ее отца, но в тот миг, когда взгляд Минтаки коснулся его лица, его глаза обратились к ней. Она попробовала придать своему лицу серьезное и неприступное выражение, но, едва Нефер улыбнулся, на ее губах проскользнула симпатия. Он действительно красив, как некоторые из моих братьев, признала она и еще раз быстро взглянула. Или, может быть, как любой из них. Она снова уставилась себе в колени, думая об этом. Затем взглянула снова, просто чтобы убедиться. Пожалуй, даже красивее любого из них, даже Руги. Она тотчас почувствовала, что предала самого старшего брата, и уточнила свое мнение: но по-другому, конечно.

Она покосилась на Ругу – с вплетенными в бороду лентами и хмурым лицом, тот был настоящим воином. «Руга – красавец», – подумала она преданно.

В рядах напротив Таита, казалось, не смотрел на нее, однако не пропустил ни одного нюанса тайных обменов взглядами между Нефером и Минтакой. Он видел больше. Господин Трок, двоюродный брат Нага, стоял за самым тронем Апепи – Минтака могла бы дотянуться до него. Его руки, украшенные рельефными браслетами из чистого золота, были сложены на груди. На одном плече висел тяжелый выгнутый лук, на другом колчан, покрытый золотым листом. На шее висели золотые цепи доблести и похвалы. Гиксосы приняли египетские военные почести и знаки отличия вместе с верованиями и обычаями. Трок смотрел на гиксосскую принцессу с непонятным выражением.

Последовал еще один беглый обмен взглядами между Минтакой и Нефером. За ним мрачно и задумчиво наблюдал Трок; Таита ощутил его гнев и ревность. Как если бы горячее и тяжелое облако хамсина, ужасной песчаной бури в Сахаре, выросло на горизонте пустыни. Я не предвидел этого. Интерес Трока к Минтаке романтический или политический? – задался он вопросом. Он вожделеет ее или видит в ней просто лестницу к власти? В любом случае это опасно, и это еще одно, что нам следует принять во внимание.

Приветственные речи подходили к концу, но не было сказано ничего значительного: переговоры о перемирии должны были начаться на следующий день, на тайном совещании. Обе стороны встали с тронов и обменялись поклонами и приветствиями. Снова зазвенели гонги и зазвучали бараньи рога: правители покидали собрание.

Таита бросил последний взгляд на ряды гиксосов. Апепи и его сыновья вышли через ворота, охраняемые высокими гранитными колоннами с одинаковыми коровьими головами богини наверху. Оглянувшись в последний раз, Минтака последовала за отцом и братьями. Господин Трок шел вплотную за ней и, тоже оглянувшись, бросил последний взгляд на фараона Нефера Сети. Затем и он прошел между колоннами. Когда он шел, стрелы в его колчане тихо стучали, и взгляд Таиты заметил их цветное оперение. В отличие от обыденного кожаного военного колчана с крышкой, предотвращающей выпадение стрел, этот церемониальный колчан был покрыт золотым листом и не закрывался, так что оперенные концы стрел торчали над краем. Перья были красные и зеленые, и какое-то злодеяние всплыло в памяти Таиты. Трок прошел в ворота, а Таита продолжал пристально глядеть ему вслед.

Таита вернулся в каменную келью во флигеле храма, отведенном ему на время переговоров о мире. Он выпил немного шербета, поскольку во внутреннем дворе было жарко, и подошел к окну в толстой каменной стене. Стая ярких ткачиков и синиц прыгала и щебетала на подоконнике и на покрытой плитами террасе внизу. Когда он кормил их дробленым просом дурра, они садились ему на плечи и клевали из сложенных чашей рук; Таита думал о событиях утра, начиная сопоставлять все несопоставимые впечатления, полученные на церемонии открытия. Мысли о том, как его порадовало и позабавило то, что произошло между Минтакой и Нефером, забылись, едва он вспомнил о Троке. Он обдумывал отношение этого человека к гиксосской принцессе и осложнения, к которым могла бы привести его попытка ускорить осуществление своих планов относительно молодой пары.

Ход его мыслей прервался, когда он заметил крадущуюся тень, ползущую по краю террасы за окном. Это был один из храмовых котов, худой, покрытый шрамами и в лишаях. Он подкрадывался к птицам, которые прыгали по плитам за окном, подбирая рассыпанное проса.

Светлые глаза Таиты прищурились: он сосредоточился на коте. Старый ободранный кот остановился и с подозрением огляделся. Вдруг, выгнув спину дугой и взъерошив шерсть, он уставился на пустое место на каменных плитах перед собой. Издав вопль неприязни, кот развернулся и помчался по террасе прочь, к пальме. Он взлетел по высокому стволу, достиг листьев наверху и отчаянно вцепился в них когтями. Таита бросил птицам новую горстку зерна и собрался с мыслями.

В течение всей их долгой совместной поездки Трок держал свой боевой колчан крепко закрытым, и Таите не пришло в голову сравнить одну из стрел, лежащих в нем, с теми, которые он нашел на месте убийства фараона. У скольких еще гиксосских командиров были стрелы с красным и зеленым оперением, он мог только предполагать, но, вероятно, таких было много, хотя каждому из них полагалась свое отдельное оформление. Был лишь один способ связать Трока со смертью фараона Тамоса и через него вовлечь в это его брата Нага. Изучить одну из его стрел. «Как сделать это, не пробудив в нем подозрений?» – задался он вопросом.

Его снова отвлекли от раздумий. В коридоре около двери его кельи раздались голоса. Один был молодой и чистый, Таита узнал его сразу. Другие, грубые, упрашивали и протестовали.

– Господин Асмор дал особые распоряжения.

– Разве я не фараон? Разве вы не должны повиноваться мне? Я желаю посетить Мага, и не смейте мешать. Отойдите в сторону, оба. – Нефер говорил громко, повелительно. Неуверенный тембр полового созревания ушел из его голоса, теперь это был голос мужчины.

«Молодой сокол расправляет крылья и показывает когти», – подумал Таита и, стряхивая с рук просяную пыль, повернулся от окна, чтобы приветствовать своего царя.

Нефер отдернул занавес, закрывавший дверной проем, и вошел. Два вооруженных телохранителя беспомощно последовали за ним, встав в дверях позади. Нефер, не обращая на них внимания, встал перед Таитой, уперев руки в бедра.

– Таита, я очень сердит на тебя, – сказал Нефер.

– Мне безумно жаль. – Таита низко поклонился. – Каким образом я оскорбил вас?

– Ты избегал меня. Всякий раз, когда я посылал за тобой, мне заявляли, что ты отправился с секретным заданием к гиксосам, или вернулся в пустыню, или какую-нибудь другую небылицу, – хмурился Нефер, чтобы скрыть восторг от встречи со стариком. – Затем вдруг ты выскакиваешь ниоткуда, как если бы никуда не уезжал, но все равно словно не видишь меня. Ты даже не смотрел в мою сторону во время церемонии. Где ты был?

– Великий, вокруг длинные уши. – Таита поглядел на ждущих стражников.

Нефер тотчас гневно обернулся к ним.

– Я не один раз приказал, чтобы вы ушли. Если вы сейчас же не уйдете, я велю удавить вас обоих.

Они с несчастным видом ушли, но не слишком далеко. Таита все еще слышал их шепот

и звон оружия: стражники ждали в проходе за занавесом. Он кивком указал на окно и прошептал:

– У меня есть лодка у причала. Великий, не угодно ли вам отправиться на рыбную ловлю? – Не дожидаясь ответа, Таита подобрал полы хитона и вспрыгнул на подоконник. Он оглянулся. Нефер забыл про гнев и, улыбаясь от удовольствия, пробежал по келье, чтобы присоединиться к нему. Таита спрыгнул на террасу снаружи, и Нефер проворно последовал за ним. Подобно прогульщикам-школьникам, они прокрались через террасу и дальше мимо финиковых пальм к реке.

У причала дежурили стражники, но у них не было приказа не пускать молодого фараона. Они приветствовали его и с уважением отошли в сторону, когда эта пара забралась в маленькую рыбацкую лодку. Каждый взял весло, и они оттолкнулись. Таита правил в один из узких проходов в зарослях колышущегося папируса, и через несколько минут они были одни на болотистой воде, скрытые от берегов в лабиринте потайных водных путей.

– Где ты был, Таита? – Нефер отбросил царственность. – Я так скучал без тебя.

– Я все тебе расскажу, – заверил его Таита, – но сначала ты должен рассказать мне обо всем, что случилось с тобой.

Они нашли спокойное место для причала в крошечной окруженной папирусом лагуне, и Нефер поведал обо всем, что произошло с ним с тех пор, как они последний раз имели возможность поговорить наедине. По приказу Нага его содержали в позолоченной тюрьме, лишив возможности видеть старых друзей, даже Мерена или сестер. Его единственными развлечениями были изучение свитков из библиотеки дворца, упражнения в езде на колеснице и с оружием под руководством старого воина Хилто.

– Наг не позволяет мне даже охотиться с соколом или ловить рыбу без того, чтобы Асмор не следил за мной, – горько жаловался он.

Нефер не знал, что Таита будет на церемонии приветствия во внутреннем дворе храма, пока не увидел его там. Он полагал, что тот в Гебель-Нагаре. При первой возможности, когда Наг и Асмор были заняты на тайных переговорах о перемирии с Апепи, Троком и другими гиксосскими военачальниками, он запугал своих стражников и с угрозами вырвался из покоев, где был заперт, чтобы прийти к Таите.

– Жизнь так скучна без тебя, Таита. Я думал, что умру от скуки. Наг должен позволить нам снова быть вместе. Тебе надлежит наложить на него заклятие.

– Это мы можем обсудить, – Таита ловко избежал прямого ответа, – но сейчас у нас мало времени. Наг пошлет целое войско, чтобы найти нас, как только узнает, что нас нет в храме. Мне нужно поведать тебе мои собственные новости. – Быстро и схематично он описал Неферу, что с ним произошло со времени их последней встречи. Он поведал об отношениях между Нагом и Троком, описал, как посетил место смерти фараона Тамоса, и сообщил о сделанном там открытии.

Нефер слушал не перебивая, но, когда Таита заговорил о смерти отца, его глаза наполнились слезами. Он отвернулся, закашлялся и вытер глаза тыльной стороной руки.

– Теперь ты можешь оценить грозящую тебе опасность, – сказал Таита. – Я уверен, что Наг имеет прямое отношение к убийству фараона, и чем ближе мы будем к тому, чтобы доказать это, тем больше будет опасность.

– Однажды я отомщу за отца, – поклялся Нефер, и его голос прозвучал холодно и твердо.

– А я помогу тебе сделать это, – пообещал Таита, – но сейчас нам нужно защитить тебя от преступного намерения Нага.

– Как ты полагаешь сделать это, Таита? Мы можем бежать из Египта, как собирались раньше?

– Нет. – Таита покачал головой. – Конечно, я обдумал этот путь, но Наг слишком надежно заточил нас здесь. Попробуйся мы снова бежать к границе – тысяча колесниц поспешит нам вослед.

– Что же мы можем сделать? Ты тоже в опасности.

– Нет. Я убедил Нага, что ему не преуспеть без моей помощи. – Маг описал ложную церемонию предсказания в храме Осириса и упомянул, что Наг полагает, будто Таита может поделиться с ним тайной вечной жизни.

Нефер улыбнулся хитрости Мага.

– Так что ты решил?

– Нужно дождаться подходящего случая, чтобы или бежать, или избавить мир от злого присутствия Нага. А до тех пор я буду защищать тебя, как только смогу.

– Как?

– Наг послал меня к Апепи, чтобы устроить эти мирные переговоры.

– Да, я знаю, что ты ездил в Аварис. Мне сказали, когда я потребовал встречи с тобой.

– Не в Аварис, а в боевой штаб Апепи в Бубасти. Как только Апепи согласился на встречу с Нагом, мне удалось убедить его, что они должны скрепить соглашение твоим браком с дочерью Апепи. Стоит тебе оказаться под защитой гиксосского царя, и нож Нага притупится. Он не рискнет вновь погрузить страну в гражданскую войну, нарушив соглашение.

– Апепи собирается выдать за меня дочь? – Нефер удивленно глядел на него. – Ту, в красном платье, которую я утром видел на церемонии?

– Да, – подтвердил Таита. – Ее имя – Минтака.

– Я знаю это имя, – страстно заверил его Нефер. – Ее называли в честь крошечной звезды в поясе созвездия Охотника.

– Да, ее так зовут, – кивнул Таита. – Минтака, уродливая девушка с большим носом и смешным ртом.

– Она не уродлива! – вспыхнул Нефер и вскочил на ноги, чуть не опрокинув лодку и не вывалив их в грязь лагуны. – Она самая красивая... – Увидев выражение лица Таиты, он замолчал. – Я имею в виду, у нее весьма приятная внешность. – Он печально усмехнулся. – Ты всегда умеешь подловить меня. Но признайся, она красива, Таита.

– Если тебе нравятся большие носы и смешные рты.

Нефер подобрал со дна лодки снулую рыбу и бросил Магу в голову. Таита увернулся.

– Когда я смогу поговорить с ней? – спросил фараон, стараясь говорить так, будто в действительности это было для него совершенно не важно. – Она говорит по-египетски, не так ли?

– Она говорит по-египетски так же, как ты, – заверил Таита.

– Когда же я могу встретиться с ней? Ты можешь устроить это для меня.

Таита ожидал этого вопроса.

– Ты мог бы пригласить принцессу и ее свиту поохотиться здесь в болотах, возможно с последующим завтраком.

– Я сегодня же пошлю Асмора с приглашением, – решил Нефер, но Таита покачал головой.

– Сначала он пойдет к регенту, и Наг немедленно увидит опасность. Он никогда не позволит этого, а если насторожится, то сделает все, что в его власти, чтобы не позволить вам встретиться.

– Что же тогда делать? – Нефер выглядел взволнованно.

– Я пойду к ней сам, – пообещал Таита, и в этот миг с разных сторон вокруг них в папирусных болотах раздались тихие крики и всплески весел. – Асмор узнал, что тебя нет, и послал за тобой своих собак, – сказал Таита. – Это доказывает, как трудно будет ускользнуть от него. Теперь слушай внимательно, потому что очень скоро нас разделят снова.

Они быстро договорились, как обмениваться сообщениями в любом срочном случае и выполнить другие планы, а крики и плеск весел звучали все громче, приближаясь. Через несколько минут легкая боевая галера, наполненная вооруженными солдатами, прорвалась сквозь завесу папируса, толкаемая вперед двадцатью веслами. С командной палубы раздался крик:

– Фараон здесь! Правьте к лодке!

Гиксосы устроили учебное поле на заливной равнине, примыкающей к папирусному болоту у реки. Когда Таита спустился от храма, два батальона стражников Апепи упражнялись с оружием под безоблачным небом, с которого светило утреннее солнце. Двести полностью вооруженных солдат бежали кросс через болото, пробираясь по пояс в грязи, в то время как отряды колесниц выполняли сложные маневры на равнине, перестраиваясь из четырех колонн в одну и затем развертываясь в широкую линию. Пыль клубилась позади крутящихся колес, наконечники копий отражали солнечные лучи, яркие цветные флаги трепетали на ветру.

Таита остановился у стрельбища, чтобы посмотреть, как строй из пятидесяти лучников стрелял с расстояния в сто локтей. Каждый солдат быстро выпускал пять стрел, затем все бежали вперед, к соломенным мишеням в форме человека, забирали свои стрелы, и снова стреляли по следующей линии мишеней в двухстах локтях дальше. Бич инструктора тяжело падал на спину всякого солдата, который не спешил бежать через открытое место или промахивался, когда стрелял. Бронзовые заклепки на кожаных плетях оставляли пятна яркой крови там, где прокусывали льняные туники.

Таита шел, и его никто не окликнул. Когда он проходил мимо стоящих парами копейщиков, которые с воинственными криками отработывали обычные выпады и блоки, они остановились и затихли, провожая его почтительными взглядами.

Его слава внушала страх. Только после того, как он прошел, они вновь стали сражаться друг с другом.

В дальнем конце поля, на короткой зеленой траве около болота, мимо вех и целей неслась одинокая колесница. Это была одна из разведывательных колесниц, вмещавшая двух солдат, с колесами на спицах и корпусом из плетеного бамбука, очень быстрая и достаточно легкая.

Ее везла пара великолепных гнедых кобыл из личного табуна царя Апепи. Их копыта вырывали комья дерна, когда они объезжали вехи в конце дорожки и возвращались полным галопом, с подпрыгивающей и рыскающей позади них легкой колесницей.

Ею управлял господин Трок – подавшись вперед, обернув поводья вокруг кистей. Его борода трепетала на ветру, усы и цветные ленты развевались за плечами, и он громкими криками подгонял лошадей.

Таита был вынужден отдать должное его мастерству: даже на такой скорости он удерживал пару лошадей под полным контролем, проезжая точно между вехами, давая лучнику на площадке рядом с ним наилучший шанс попасть в цель, когда они проносились мимо мишеней.

Таита оперся на посох, увидев подъезжающую на полном галопе колесницу. Не было никакой ошибки: прямая стройная фигура и царские манеры. Минтака была одета в темно-красный плиссированный набедренник, оставляющий голыми колени. Ремни ее сандалий перекрещиваясь высоко обнимали ее красивые икры. На ней был жесткий кожаный панцирь, пригнанный по форме ее маленьких круглых грудей, а на левом запястье – кожаный защитный щиток. Кожа защищала ее чуткие соски от удара тетивы, когда она пускала стрелы по проносившимся мимо мишеням.

Минтака узнала Таиту, прокричала приветствие и помахала луком над головой. Ее темные волосы, убранные в тонкую сетку, подпрыгивали на плечах при каждом толчке колесницы.

На ней не было никакой косметики, но ветер и упражнения разругали ее щеки и зажгли искорки в глазах. Таита не мог бы вообразить Гесерет в качестве копыеносца в военной колеснице, но у гиксосов было другое отношение к женщинам.

– Пусть Хатор улыбнется вам, Маг! – Она засмеялась, когда Трок остановил колесницу бортом прямо перед ним. Он знал, что Минтака приняла как покровительницу добрую богиню, а не одно из чудовищных гиксосских божеств.

– Пусть Гор всегда любит вас, принцесса Минтака, – ответил Таита на ее

благословение. То, что он обратился к ней как к особе царской крови, свидетельствовало о его отношении к ней, хотя он не признавал ее отца царем.

Она спрыгнула в облаке пыли, подбежала обнять его и обхватила за шею так, что твердый край ее панциря врезался Таите в ребра. Она почувствовала, что он вздрогнул, и отстранилась.

– Я только что попала прямо в пять голов, – похвасталась она.

– Ваше воинское мастерство превосходит только ваша красота. – Он улыбнулся.

– Вы не верите, – с вызовом сказала она. – Вы думаете, если я девушка, я не умею натягивать лук. – Она не стала ждать его опровержения, а подбежала к колеснице и прыгнула на площадку. – Поехали, господин Трок, – приказала она. – Еще один круг. На вашей лучшей скорости.

Трок встряхнул поводья и повернул колесницу так резко, что внутреннее колесо осталось неподвижным. Затем, окончив разворот, он закричал: «Ха! Ха!» – и они умчались по дорожке.

Каждая мишень была установлена на вершине короткого шеста, на уровне глаз лучника – вырезанные из дерева «человеческие головы». Невозможно было ошибиться относительно их национальности. Каждая голова была карикатурой на египетского воина, дополненной шлемом и знаками отличия отрядов, а их раскрашенные лица были страшными, как у людоедов.

Нет сомнения в том, что думает о нас художник, скривившись подумал Таита.

Минтака вытянула из коробки на переднем щите стрелу, положила ее на тетиву и натянула лук. Она прицелилась; ярко-желтое оперение касалось ее сжатых губ, будто в поцелуе. Трок подвел колесницу к первой мишени, стараясь обеспечить Минтаке удачный выстрел, но земля была неровная. И хотя девушка сгибала колени при толчках, она качалась вместе с колесницей.

Когда мишень промелькнула мимо и Минтака выстрелила, Таита обнаружил, что затаил дыхание. Ему не следовало волноваться: с легким луком она обращалась с совершенным изяществом. Стрела ударила в левый глаз куклы и, воткнувшись, задрожала желтым оперением в ярком солнечном свете.

– Бак-хер! – Таита захлопал в ладоши, и она засмеялась от удовольствия. Колесница продолжала мчаться. Принцесса выстрелила еще дважды. Одна стрела вонзилась глубоко в лоб, другая в рот мишени. Превосходные выстрелы даже для ветерана-колесничего, не говоря уж о худенькой девушке.

Трок повернул колесницу у дальней вежи, и они помчались обратно. Уши лошадей были прижаты, гривы развевались. Минтака выстрелила снова, попав прямо в кончик огромного носа куклы.

– Клянусь Гором! – удивленно проговорил Таита. – Она стреляет как джинн!

Последняя цель подлетала быстро; Минтака изящно удерживала равновесие, ее щеки пылали; когда она прикусила губы, чтобы сосредоточиться, засверкали белые зубы. Она выстрелила, и стрела пролетела на ладонь выше и правее головы.

– Трок, неуклюжий чурбан! Вы въехали прямо в яму, когда я выстрелила! – закричала она.

Она спрыгнула от колесницы, когда та все еще двигалась, и накинулась на Трока:

– Вы сделали это нарочно, чтобы выставить меня душой перед Магом!

– Ваше высочество, я уязвлен своей неуклюжестью. – Перед лицом ее гнева могущественный Трок вел себя неловко, будто маленький мальчик. Таита увидел, что его чувства к ней так горячи, как он и подозревал.

– Я вас не прощу. Я навсегда лишаю вас чести возить меня. Навсегда.

Таита не видел, чтобы она демонстрировала такой характер прежде, и это вместе с ее недавней демонстрацией меткой стрельбы еще улучшило его и без того хорошее мнение о ней. Вот подходящая жена для любого, даже фараона династии Тамосов, решил он, но был осторожен, чтобы не выказать никакого признака легкомыслия, иначе Минтака могла

обрушить свой гнев на него. Хотя ему не следовало волноваться: как только она обернулась к нему, ее улыбка расцвела снова.

– Четыре из пяти достаточно хорошо для воина Красной Дороги, ваше высочество, – уверил ее Таита, – и вам действительно помешала предательская яма.

– Должно быть, вы хотите пить, Таита. Я хочу. – Она взяла его за руку и повела туда, где на берегу реки ее служанки расстелили тканый шерстяной ковер и расставили блюда с засахаренными фруктами и кувшины шербета.

– Мне так много нужно спросить у вас, Таита, – сказала она, после того как устроилась на овчинном коврике подле него. – Я не видела вас с тех пор, как вы оставили Бубасти.

– Как ваш брат, Хиан? – Он опередил ее вопрос.

– Как обычно, – засмеялась она, – разве что стал еще более непослушным, чем прежде. Отец приказал, чтобы он присоединился к нам здесь, как только полностью оправится. Отец хочет, чтобы все его семейство было вокруг него, когда будет подписано перемирие. – Они еще некоторое время поболтали о разных мелочах, но Минтака была рассеянна. Таита ждал, когда она начнет разговор о том, что больше всего занимало ее ум. Она удивила его, внезапно обернувшись к Троку, стоявшему поблизости с виноватым видом.

– Вы можете оставить нас теперь, господин, – сказала она ему прохладно.

– Вы поедете со мной снова завтра утром, принцесса? – Трок почти умолял.

– Завтра я, вероятно, буду занята другими делами.

– Тогда на другой день? – Даже его усы казалось, жалобно обвисли.

– Прежде чем уйдете, принесите мне мой лук и колчан, – приказала она, словно не услышав его вопрос. Он принес их с рабской покорностью и положил рядом с ее рукой.

– Прощайте, мой господин. – Она снова повернулась к Таите. Трок постоял еще несколько минут, затем пошел к своей колеснице.

Когда он уехал, Таита проговорил:

– Как давно Трок влюблен в вас?

Она поразилась, затем очаровательно рассмеялась.

– Трок влюблен в меня? Это же смешно! Трок старый, как пирамиды в Гизе – ему почти тридцать! У него три жены и Хатор знает сколько любовниц!

Таита вытянул из великолепно украшенного колчана одну из ее стрел и небрежно осмотрел. Оперение было синего и желтого цвета. Он коснулся крошечной вырезанной печати на древке.

– Три звезды из пояса Охотника, – заметил он, – и самая яркая – Минтака.

– Синий и желтый – мои любимые цвета, – кивнула она. – Все мои стрелы сделал для меня Гриппа. Он – самый известный мастер по изготовлению стрел в Аварисе. Все стрелы, что он делает, совершенно прямые и сбалансированные и летят точно в цель. Его украшения и печати – произведения искусства. Посмотрите, как он вырезал и раскрасил мою звезду. – Таита долго крутил стрелу в пальцах и восхищался ею, прежде чем положить обратно в колчан.

– А какая печать на стрелах Трока? – спросил он как бы между прочим.

Она досадливо пожала плечами.

– Я не знаю. Скорее всего, дикий кабан или бык. С меня достаточно Трока на сегодня и на многие следующие дни. – Она налила шербета в чашу Таиты. – Я знаю, как вы любите мед. – Минтака нарочито сменила тему разговора, и Таита ждал, когда она выберет следующую.

– Теперь мне нужно обсудить с вами некоторые деликатные вещи, – призналась она застенчиво. Она сорвала в траве, на которой они сидели, дикий цветок и начала скручивать его в начало гирлянды, все еще не глядя на Таиту, но ее щеки, утратившие розовый цвет от упражнений, снова порозовели.

– Фараону Неферу Сети – четырнадцать лет и пять месяцев, он почти на год старше вас. Он был рожден под знаком Козла, который прекрасно подходит к вашему знаку Кота.

Таита предвосхитил ее вопрос, и она взглянула на него с удивлением.

– Как вы узнали, о чем я собиралась спросить? – Она хлопнула в ладоши. – Конечно, вы знали. Вы ведь Маг.

– Кстати о фараоне. Я прибыл, чтобы доставить вам сообщение от великого, – сказал ей Таита.

Все ее внимание немедленно было направлено на него.

– Сообщение? Он даже знает, что я существую?

– Очень хорошо знает. – Таита потягивал шербет. – Сюда нужно еще немного меда. – Он налил немного в чашу и размешал.

– Не дразните меня, Чародей, – прикрикнула на него. – Передайте мне сообщение сейчас же.

– Фараон приглашает завтра на рассвете вас и вашу свиту на утиную охоту в болотах и последующий завтрак на острове Маленького Голубя.

Рассветное небо было пылающей тенью клинка, который только что достали из углей горна. Под ним вершины зарослей папируса образовали абсолютно черную стену. В этот час перед восходом ни одно дуновение воздуха не колыхало их, не было слышно ни одного звука.

Две охотничьи лодки были пришвартованы в противоположных концах маленькой лагуны, вплотную к стене тростника, окружавшего открытую воду. Их разделяло менее пятидесяти локтей. Царские охотники нагнули высокие стебли папируса, чтобы получилась крыша, закрывавшая людей.

Поверхность лагуны, спокойная и гладкая, отражала небо, подобно полированному бронзовому зеркалу. Нефер без труда различал изящную фигуру Минтаки в другой лодке. Лук лежал у нее на коленях, а сама она сидела неподвижно, как изваяние богини Хатор. Любая другая девушка, которую он мог вспомнить, и в особенности его собственные сестры Гесерет и Мерикара, прыгали бы вокруг подобно канарейкам на насесте и щебетали в два раза громче.

Он медленно вспоминал их краткую утреннюю встречу. Было темно, не показался еще ни один самый слабый луч рассвета, и звездное величие, висящее над миром, не успело потускнеть, все звезды были такие большие и яркие, что казалось, протяни руку и сорвешь их, как зрелые фиги с дерева. Минтака спустилась по тропе от храма; путь ей освещали факельщики, служанки следовали за ней по пятам. На голове у нее был шерстяной капюшон, защита от речного холода, и как бы Нефер ни вглядывался, ее лицо оставалось в темноте.

– Да живет фараон тысячу лет.

Первые слова, услышанные им от нее. Ее голос был приятнее, чем музыка любой лютни, как если бы призрачные пальцы погладили его затылок. Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы заговорить.

– Пусть Хатор любит вас всю вечность. – Он посоветовался с Таитой относительно формы приветствия, которое ему следует использовать, и повторял его, пока не выучил наизуток. Ему показалось, будто он увидел блеск ее зубов – она улыбнулась под капюшоном – и он решился добавить кое-что еще, чего Таита не предлагал. Оно явилось к нему во вспышке вдохновения. Нефер указал на яркое звездное небо. – Взгляните! Вон там ваша звезда. – Минтака подняла голову, чтобы посмотреть на созвездие Охотника. Звездный свет упал на ее лицо, и Нефер увидел его впервые с тех пор, как она спустилась по тропе. Он затаил дыхание. Ее лицо было серьезным, но он подумал, что никогда не видел ничего более очаровательного. – Боги поместили ее туда специально для вас, – соскользнул с его языка комплимент.

Ее лицо немедленно просветлело, и она стала еще красивее.

– Фараон столь же галантен, сколь и добр. – Она легко, чуть насмешливо поклонилась и вошла в ожидавшую лодку. И не оглянулась, когда царские охотники ударили веслами и лодка поплыла к болоту.

Сейчас он повторял про себя ее слова, как молитву:

– Фараон столь же галантен, сколь и добр.

На болоте прокричала цапля. Словно по сигналу воздух внезапно наполнился хлопанием крыльев. Нефер почти забыл причину, по которой они оказались на воде, что говорило о мере его рассеянности, потому что охоту он любил с особенной страстью. Он оторвал глаза от изящной фигурки в лодке вдалеке и потянулся за битами.

Он решил использовать биты, а не лук, поскольку не сомневался, что у нее нет ни силы, ни навыка, чтобы обращаться с более тяжелым оружием. Это дало бы ему явное преимущество. Умело брошенная вращающаяся бита сбивает вернее, чем стрела. Ее попадание с большей вероятностью собьет птицу, чем стрела с тупым наконечником, которую может отклонить плотное оперение водоплавающей птицы. Нефер был настроен произвести на Минтаку впечатление охотничьим мастерством.

Первая стая уток стремительно вылетела из рассветных сумерек. Они летели низко – черно-белые, лоснящиеся, каждая с характерным расширением на конце клюва. Ведущая птица отклонилась в сторону, уводя других из зоны досягаемости. В этот момент призывно закричали подсадные утки. Это были пойманные и прирученные птицы, которых охотники посадили на открытую воду лагуны. Их удерживали там обмотанные вокруг лап шнуры, которые были привязаны к камням, брошенным на илистое дно.

Дикие утки развернулись широким кругом, начали снижаться и выстраиваться для посадки на открытую воду рядом с подсадными. Они складывали крылья и стремительно теряли высоту, направляясь прямо на лодку Нефера. Фараон точно вычислил этот миг и встал с поднятой битой, готовый к броску. Он ждал, когда мелькнет ведущая птица, чтобы бросить крутящуюся биту вверх. Утка увидела летящий снаряд и опустила крыло, чтобы уклониться. На мгновение показалось, что это ей удалось, но затем послышался глухой стук, полетели перья, и утка упала – со сломанным крылом. Она с тяжелым всплеском ударилась о воду, но почти сразу оправилась и нырнула.

– Быстрее! За ней! – закричал Нефер. Четыре голых мальчика-раба держались в воде рядом, торчали только их головы. Они цеплялись за борта лодки занемевшими пальцами, уже стуча от холода зубами.

Двое поплыли, чтобы достать упавшую птицу, но Нефер знал, что это напрасный труд. С одним только сломанным крылом, утка могла бесконечно долго нырять и уплывать от искавших.

«Потерянная птица», – подумал он горько, но прежде чем успел бросить вторую биту, направление полета уток через лагуну изменилось, и они понеслись прямо к лодке Минтаки. Они все еще держались низко, в отличие от чирка, который тут же взлетел бы почти вертикально. Однако летели они очень быстро, и ветер свистел в их похожих на лезвия крыльях.

Нефер почти не принимал в расчет охотницу в другой лодке. На такой высоте, при такой скорости эту цель мог поразить лишь самый опытный лучник. В быстрой последовательности две стрелы взлетели и врезались в беспорядочную стаю уток. Над лагуной отчетливо послышались два удара. Затем две птицы стали падать, с особым неподвижным видом; их крылья свободно трепетали, головы болтались, они были явно сбиты в воздухе в одно и то же время и совершенно мертвы. Они шлепнулись в воду и неподвижно плавали там. Пловцы легко подобрали их и поплыли назад к лодке Минтаки, зажав тушки в зубах.

– Два удачных выстрела, – высказал свое мнение Нефер.

На носу лодки Таита добавил без улыбки:

– Две неудачливых утки.

Теперь небо заполнилось птицами: они стали подниматься темными тучами, когда первые лучи солнца ударили в воду. Стаи были такими плотными, что издали казалось, будто заросли тростника горели, извергая облака темного дыма.

Нефер приказал, чтобы двадцать легких галер и столько же меньших лодок патрулировали все открытые воды в пределах трех миль от храма Хатор и поднимали в

воздух всех водоплавающих, что садились на воду. Крылатые множества не редели. В воздухе были не только дюжина разновидностей уток и гусей, но и ибисы и цапли, белые цапли и колпицы. Они летели над колышущимися верхушками папируса на всех уровнях, на самой разной высоте. Они летали кругами, темными стаями или мчались низко, клином, быстро взмахивая крыльями. Они пронзительно кричали, гоготали, крякали, пищали и вопили.

В промежутках между птичьим гамом звучали взрывы мелодичного смеха и ликующий девичий визг, когда девушки-рабыни Минтаки вдохновляли ее на новые достижения.

Ее легкий лук очень хорошо подходил для этой цели. Его можно было быстро выровнять и натянуть без чрезмерного напряжения сил. Она пускала не традиционные стрелы с тупым наконечником, а пользовалась вместо них стрелами с острыми металлическими наконечниками, специально выкованными для нее Гриппой, известным оружейником. Острые как иглы острия пробивали плотный слой оперения и проникали до костей. Она без слов поняла, что Нефер вознамерился превратить охоту в состязание, и доказывала, что ее соревновательные инстинкты так же сильны, как у него.

Нефер был донельзя смущен и своей первой неудачей, и неожиданным мастерством Минтаки в обращении с луком. Вместо того чтобы сосредоточиться на собственной задаче, он отвлекался на то, что происходило в другой лодке. Каждый раз, когда он смотрел в ту сторону, ему казалось, что мертвые птицы сыплются с неба. Это будоражило его еще сильнее. Рассудительность покинула его, и он начал швырять биты слишком рано или с опозданием. Стараясь искупить это, он напрягался и начал дергать рукой при броске, вместо того чтобы использовать все тело, запуская дубинку. Его правая рука быстро утомилась, поэтому он невольно сокращал дугу замаха при броске и сгибал локоть и в результате почти растянул связки запястья.

Обычно он мог рассчитывать на шесть попаданий из десяти бросков, но сейчас промахивался чаще чем в половине случаев. И огорчился еще больше. Многие из сбитых им птиц, были только оглушены или ранены и ускользали от его мальчиков-рабов, ныряя под воду и уплывая в густые заросли папируса, не показываясь из-под ковра из корней и стеблей. Число мертвых птиц, сваленных на дне лодки, росло ужасно медленно. В противоположность этому радостные крики из другой лодки раздавались почти без перерыва.

Нефер в отчаянии отказался от изогнутых бит и схватил тяжелый военный лук, но было поздно. Его правая рука почти обессилела, бросая биты. Он с трудом натягивал лук и стрелял вслед более быстрым птицам и перед более медленными. Таита наблюдал, как фараон все глубже увязает в западне, которую сам себе устроил. Небольшое унижение не причинит ему никакого вреда, подумал он.

Несколькими словами совета он мог бы исправить ошибки Нефера: почти пятьдесят лет назад Таита написал руководства не только об управлении колесницей и тактике, но также и о стрельбе из лука. Однако на сей раз его симпатии были не полностью на стороне мальчика, и он скрытно улыбнулся, увидев, что Нефер вновь промахнулся, а Минтака сбила двух птиц из той же стаи, пролетавшей над ее головой.

Однако он ощутил жалость к царю, когда одна из рабынь Минтаки переплыла лагуну и ухватилась за борт лодки Нефера.

— Ее царское высочество принцесса Минтака надеется, что могучий фараон будет наслаждаться благоухающими жасмином днями и звездными ночами, наполненными песнями соловья. Однако ее лодка начинает тонуть под тяжестью ее мешка, и она желает получить завтрак, который, по ее уверениям, был обещан ей несколько часов назад.

«Несвоевременная острота!» — подумал Таита, в то время как Нефер сердито нахмурился, услышав эту дерзость.

— Благодарю любого бога, которому ты поклоняешься, рабыня, хоть бога обезьян, хоть бога злых собак, за то, что я сострадательный человек. Иначе я своеручно отрубил бы твою уродливую голову и послал твоей хозяйке, чтобы ответить на эту шутку.

Пришла пора Таите гладко вмешаться:

– Фараон приносит извинения за свою неосмотрительность, но он так наслаждался этим развлечением, что забыл про бег времени. Пожалуйста, скажите вашей хозяйке, что мы все немедленно отправляемся завтракать.

Нефер с негодованием посмотрел на наставника, но положил лук и не попытался отменить решение Таиты. Две маленькие лодки поплыли назад к острову близко друг к другу, так, чтобы легко можно было сравнить груды уток на дне каждой. Командой каждой лодки не было сказано ни слова, но все понимали, каков итог утренней охоты.

– Великий, – крикнула Минтака Неферу, – не могу не поблагодарить вас за поистине увлекательное утро. Не могу припомнить, когда в последний раз так наслаждалась. – Ее голос был весел, и она ангельски улыбалась.

– Вы слишком добры и снисходительны. – Нефер без улыбки сделал царственный жест несогласия. – Я думал, что это было довольно скучно.

Он наполовину отвернулся от нее и задумчиво смотрел на горизонт из тростника и воды. Минтака не выказала ни малейшего расстройств из-за подчеркнутого пренебрежения, а повернулась к девушкам-рабыням.

– Что ж, давайте споем фараону несколько куплетов из «Обезьяны и осла». – Одна из служанок подала ей лютню, она тронула пальцами струны и запела первый куплет глупой детской песни. Служанки дружно присоединились к ней, безудержно веселясь и имитируя хриплые крики животных.

Губы Нефера дрогнули от смеха, но он не мог отказаться от выбранной им позы холодного достоинства. Таита видел, что юноше очень хотелось присоединиться к веселью, но он снова угодил в собственную ловушку.

«Первая любовь – это такая радость», – подумал Таита с сочувственной иронией и, к восторгу всех девушек в другой лодке, с ходу придумал новую версию того, что обезьяна сказала ослу, намного забавнее любой предыдущей. В лодке снова завизжали и восхищенно захлопали в ладоши. Нефер продолжал чувствовать себя исключенным из веселья и хмурился для вида.

С песнями они подъехали к месту высадки на остров. Берег круто обрывался, грязь под ним была черная и липкая. Лодочник прыгнул через борт, уйдя по колено в жижу, и удерживал лодку, пока рабы переносили принцессу и ее служанок через ил на твердую землю на высоком берегу.

Как только их благополучно переправили на берег, подошла царская лодка, и рабы приготовились перенести Нефера к Минтаке на высокий берег. Взмахом руки он властно отстранил их. Он вытерпел достаточно оскорблений для одного утра и не собирался дольше уязвлять свое достоинство, цепляясь для поддержки за пару полуголых мокрых рабов. Он легко балансировал на плоском срезе кормы лодки, и вся компания смотрела на него с уважением, поскольку выглядел он великолепно. Минтака старалась не выдать своих чувств, но подумала, что никого красивее она никогда не видела, его стройное и гладкое мальчишечье тело только начинало обретать крепкие мужественные формы. Даже его надменное, угрюмое лицо приводило ее в восторг.

Он из того теста, из которого слеплены герои и великие фараоны, думала она в безудержном романтическом восторге. Жаль, что я так рассердила его. Шутка была злая, но прежде чем закончится этот день, я заставлю его засмеяться снова, Хатор тому свидетельница.

Нефер перескочил зазор между лодкой и сушей подобно молодому леопарду, прыгающему с ветки дерева акации. Он грациозно приземлился на высоком берегу почти на расстоянии вытянутой руки от того места, где стояла Минтака, и замер, ощущающая на себе все взгляды.

Затем берег под ним рухнул. Участок сухой рыхлой глины, на которой стоял Нефер, провалился у него под ногами. Мгновение мальчик махал руками, пытаясь сохранить равновесие, – и свалился в болото.

Все смотрели на него с ужасом, потрясенные видом царя Египта, с испуганным лицом сидящего по пояс в липкой черной нильской грязи.

Долгие мгновения никто не двигался и не говорил. Затем Минтака засмеялась. Она не хотела этого, но больше не могла сдерживаться и, как только рассмеялась, то уже не могла остановиться. Это был чарующий, заразительный смех, и ни одна из ее служанок не устояла. Они разразились веселым визгом и хихиканьем, оттеняющими серьезность охотников и лодочников. Даже Таита присоединился к ним, хохоча без удержу.

Мгновение казалось, что Нефер готов разрыдаться, но затем гнев, который он так долго обуздывал, вырвался наружу. Он зачерпнул горсть густой черной грязи и швырнул ее в смеющуюся принцессу. Унижение придало силу и меткость его руке, в то время как Минтака была совершенно беззащитна в своем веселье и не сумела уклониться ни вниз, ни в сторону. Вся грязь ударила ей в лицо. Смех оборвался, и она уставилась на Нефера огромными глазами из-под стекающей по лицу черной маски.

Настала очередь Нефера смеяться. Все еще сидя в болоте, он запрокинул голову и дал выход своему расстройству и обиде во взрыве насмешливого смеха. Когда фараон смеется, весь мир смеется с ним. Рабы, лодочники и охотники удвоили веселые крики.

Минтака быстро оправилась от неожиданности и внезапно бросилась в атаку с берега. Она обрушилась на Нефера всем своим весом. Нападение было столь неожиданным, что он, не успев даже вдохнуть, полностью скрылся под водой, а Минтака уселась ему на голову.

Он барахтался под поверхностью, пытаясь упереться в грязное дно, но тяжесть принцессы придавила его. Минтака обеими руками обхватила его за шею. Он пытался сбросить девочку, но она была ловкой и скользкой, как угорь, покрытый грязью. С огромным усилием он поднял ее, но успел только высунуть голову и быстро вдохнуть воздух, и она снова утопила его. Ему удалось перевернуться, и он оказался сверху, но требовались огромные усилия, чтобы удерживать ее. Минтака извивалась и пиналась с удивительной силой. Ее туника собралась складками вокруг талии, обнажив гладкие ноги. Принцесса зацепила ногой его ногу и удерживала ее. Молодые люди оказались лицом к лицу, и он почувствовал сквозь скользкую грязь тепло ее тела.

Их грязные лица разделяло всего несколько сантиметров, волосы Минтаки падали ей на глаза, и Нефер поразился, поняв, что она улыбается под маской скользкой грязи. Он улыбнулся в ответ, и оба рассмеялись. Но никто не хотел признавать поражение, и они продолжили борьбу.

Нефер был обнажен до пояса, а рубашка у принцессы настолько влажная и тонкая, будто ее вообще не было. Голые ноги Минтаки по-прежнему обхватывали его. Он протянул руку, чтобы освободиться от их цепкого захвата. Его правая рука нечаянно натолкнулась на упругую круглую ягодицу, двигавшуюся очень энергично.

Нефера охватило странное приятное чувство, заполнившее, казалось, все его тело, и решимость безотлагательно победить принцессу куда-то пропала. Он был доволен тем, что держит ее, позволяя бороться с ним, пока сам наслаждается этим новым и необычным чувством.

Она резко оборвала смех, поскольку в свою очередь сделала важное открытие. Между нижними частями их тел выросла выпуклость, которой чуть раньше там не было. Такая упругая и большая, что Минтака не могла не заметить ее раньше. Девочка толкнула бедра вниз, чтобы определить, что это такое, но всякий раз, как она делала это, выпуклость становилась тверже и больше. Это выходило за пределы ее опыта, и в пылу первооткрывательства Минтака повторила движение.

Она и не заметила, что Нефер прекратил отчаянные усилия сдвинуть ее с места и обвил ее левой рукой. Ладонь его правой руки обхватила ее зад, и когда она снова толкнула бедрами вниз, чтобы исследовать выпуклость, Нефер повторил ее движение, скользнув навстречу, и его ладонь подтянула ее еще ближе. Выпуклость тыкалась в Минтаку, словно какое-то маленькое животное, живущее собственной жизнью.

Чувство, охватившее принцессу, явилось для нее полной неожиданностью. Внезапно

таинственное существо приобрело такую важность, о которой она до сих пор и не думала. Всю ее переполнило сонное, приятное тепло. Она невольно протянула вниз руку, чтобы схватить зверюшку, поймать, точно котенка или щенка.

Затем ее словно ударили под дых: она вспомнила жуткие рассказы девушек-рабынь об этой вещи и что мужчины ею делали. Во многих случаях ей описывали это в пугающих подробностях. Но до этой минуты она считала эти описания чистыми измышлениями, поскольку они не имели никакого сходства с маленькими отростками, висевшими у ее младших братьев под животами.

В особенности ей вспомнились слова Саак, нумидийской девушки-рабыни: «Вы перестанете попусту тратить время в молитвах Хатор, едва увидите одноглазого бога, когда он сердит».

Минтака вырвалась из объятий Нефера и села в грязи, испуганно глядя на него. Нефер перевернулся, сел и смущенно уставился на нее. Оба задыхались, как если бы закончили изнурительную гонку.

Хохот и смех на высоком берегу медленно стихли – зрители заметили, что происходит что-то не то, – и повисла неловкая тишина. Таита ловко нашел выход:

– Великий, если вы еще немного поплаваете, то сможете предложить прекрасный завтрак любому проплывающему крокодилу.

Нефер вскочил и с хлюпаньем шагнул туда, где сидела Минтака. Он поднял ее на ноги так осторожно, будто она была сделана из тончайшего стекла.

Покрытую илом и мокрую от нильской воды, с грязными спутанными волосами, свисающими на лицо и плечи, служанки увели принцессу, чтобы найти залив с чистой водой, хорошо закрытый тростниками. Некоторое время спустя она вновь появилась, начисто отмытая от малейших следов ила и тины. Служанки принесли с собой смену одежды, поэтому Минтака была великолепна в чистом сухом переднике, вышитом шелком и мелким жемчугом, на ее руках блестели золотые браслеты, а шею украшало ожерелье из бирюзы и цветного стекла. Ее волосы, все еще влажные, были расчесаны и аккуратно заплетены.

Нефер поспешил встретить ее и повел к гигантскому дереву кигелии, где в тени раскидистых ветвей был накрыт роскошный завтрак. Вначале молодая пара держалась скованно и застенчиво, все еще под впечатлением совместно сделанного важного открытия, но скоро их естественное хорошее настроение вновь заявило о себе, и они принялись шутить и болтать, хотя их глаза продолжали встречаться и почти каждое слово, произнесенное ими, было нацелено на другого.

Минтака любила загадывать загадки и вызвала его на состязание. Она усложнила его для Нефера, излагая их на гиксосском языке.

– У меня один глаз и острый нос. Я вновь и вновь прохожу сквозь свою жертву, но от меня нет крови. Что я такое?

– Это легко! – торжествующе засмеялся Нефер. – Швейная игла. – И Минтака подняла руки сдаваясь.

– Фант – закричали девушки-рабыни. – Фараон прав. Фант!

– Песню! – потребовал Нефер. – Но не про обезьяну. Мы достаточно наслушались про нее для одного дня.

– Я спою вам «Песню Нила», – согласилась принцесса, а когда закончила, Нефер потребовал еще одну. – Только если вы поможете мне, великий.

У него был сильный тенор, и всякий раз, когда принц фальшивил, Минтака скрывала его ошибку, и поэтому его голос звучал намного лучше, чем был.

Конечно, Нефер принес с собой свою доску и камни для игры в бао. Таита приучил его любить эту игру, и он стал опытным игроком. Устав от пения, он вовлек Минтаку в игру.

– Вы должны быть со мной терпеливы. Я новичок, – предупредила она, когда он установил доску. Бао была египетская игра, и на сей раз он не сомневался, что превзойдет принцессу.

– Не бойтесь, – подбодрил Нефер. – Я научу вас.

Таита улыбнулся, потому что они с Минтакой несколько часов развлекались игрой в бао во дворце в Бубасти, когда выхаживали ее младшего брата. Через восемнадцать ходов ее красные камни доминировали над западным замком и угрожали его центру.

– Я все сделала правильно? – ласково спросила она.

Нефера спасли крики с берега реки. Взглянув туда, он увидел, как по протоке стремительно движется галера с развевающимся флагом регента.

– Как жаль. Как раз когда игра становилась интересной. – Он начал проворно упаковывать доску.

– Разве нельзя скрыться от них? – спросила Минтака, но Нефер покачал головой.

– Нас уже увидели. – Он ожидал этого приезда все утро. Рано или поздно регент должен был услышать об этой незаконной прогулке и послать Асмора, чтобы привезти назад его сбежавшего подопечного.

Галера зарылась носом в берег ниже того места, где они сидели. Асмор прыгнул на берег и направился к ним.

– Регент очень недоволен вашим отсутствием. Он велит вам тотчас вернуться в храм, где вашего внимания ожидают государственные дела.

– А я, господин Асмор, очень недоволен вашей невоспитанностью. – Нефер пытался сохранить часть своего уязвленного достоинства. – Я – не конюх и не слуга, чтобы ко мне обращались в такой манере, а вдобавок вы не выказали уважения принцессе Минтаке. – Но с ним обращались как с ребенком, и с этим ничего нельзя было поделать.

Однако он попробовал сделать хорошую мину при плохой игре и пригласил Минтаку плыть обратно вместе с ним; ее служанки следовали за ними на втором судне. Таита тактично держался на носу, поскольку это была первая возможность молодых людей поговорить наедине. Не совсем уверенный, чего ожидать, Нефер изумился, когда вместо того, чтобы беспокоиться о вежливых любезностях, она немедленно начала обсуждение возможного успеха или провала мирных переговоров между их противостоящими сторонами. Скоро она произвела на него впечатление своей сообразительностью в политике и определенностью мнений.

– Если бы только нам, женщинам, разрешили управлять этим миром, здесь вообще никогда не было бы дурацкой войны, – подвела она итог, но он не мог не возразить. Они оживленно спорили всю обратную дорогу к храму. С точки зрения Нефера, поездка была слишком коротка и, когда они подошли к причалу, он взял принцессу за руку.

– Я хотел бы увидеть вас снова.

– Я тоже хотела бы этого, – ответила она, не отнимая руки.

– Скоро, – настаивал он.

– Достаточно скоро. – Она улыбнулась и мягко отобрала руку. Глядя, как она идет к храму, он чувствовал себя странно, будто лишился чего-то.

– Мой господин, вы присутствовали на предсказании Лабиринтов Амона Ра. Вы знаете о тяжелой задаче, порученной мне богами. Вы знаете, что я никогда не смогу презреть их особое желание и поэтому предан вашим интересам. У меня была серьезная причина помочь мальчику в том, что, в конце концов, было только безопасным приключением.

Но Нага было не так легко успокоить. Он был все еще разъярен тем, что Нефер ускользнул от Асмора и сумел провести утро в болотах с гиксосской принцессой.

– Как я могу верить этому, когда вы помогали Неферу? Нет! Вы толкнули его на это безумие.

– Господин регент, вы должны понять, сколь важно для нашего предприятия, чтобы я сохранял полное доверие молодого фараона. Если окажется, что я противоречу вашим распоряжениям, это заставит мальчика думать, будто я – все еще его человек. И трудная задача, возложенная на меня Лабиринтами, упростится.

Таита дипломатично отклонял все обвинения регента, пока тот не прекратил возмущаться и только желчно ворчал.

– Этого не должно повториться, Маг. Конечно, я верю в вашу преданность. Вы были бы истинным глупцом, выступив против точно выраженных желаний богов. Однако в будущем всякий раз, когда Нефер захочет покинуть свои палаты, его должны сопровождать Асмор и охрана. Я не могу позволить себе потерять его.

– Мой господин, как идут переговоры с Вождем Пастухов? Не мог бы я чем-нибудь помочь вам обеспечить успех в этом деле? – Таита ловко пустил собак по другому следу, и Наг последовал за ними.

– Апепи нездоров. Утром у него был столь сильный приступ кашля, что показалась кровь и ему пришлось покинуть палату переговоров. Но хотя он и не может присутствовать лично, он не позволяет никому другому говорить от его имени, даже господину Троку, которому обычно доверяет. Лишь боги знают, сколько времени пройдет, прежде чем этот огромный медведь вернется на переговоры. Возможно, нас вынудят потратить впустую не один день или даже не одну неделю.

– Чем болен Апепи? – спросил Таита.

– Не знаю... – Наг осекся на полуслове, поскольку его осенило. – Почему я не подумал об этом прежде? С вашим искусством вы сможете вылечить его от чего угодно. Сейчас же ступайте к нему, Маг, и сделайте все, что в ваших силах.

Подходя к палатам царя, Таита услышал во внутреннем дворе голос Апепи. Он походил на рычание черногривого льва, пойманного в западню, и стал еще громче, когда Таита вошел. Когда он переступал порог, его чуть не сбили три жреца Осириса, в страхе убегающие от царя; тяжелая бронзовая чаша врезалась в пол. Ее бросил через комнату гиксосский царь, сидевший голым посреди палаты на куче мехов и скомканных простыней.

– Где вы были, Чародей? – проревел он, едва завидев Таиту. – Я перед рассветом послал Трока найти вас. Почему вы явились спасти меня от этих адских жрецов с их воняющими ядами и горячими клещами только в середине дня?

– Я не видел Трока, – объяснил Таита, – но прибыл, как только господин Наг сказал мне, что вы нездоровы.

– Нездоров? Нездоров! Чародей, я на грани смерти.

– Позвольте посмотреть, что можно сделать для вашего спасения.

Апепи перевернулся на волосатый живот, и Таита увидел у него на спине ужасную фиолетовую опухоль размером с два царских кулака. Когда Маг легонько коснулся ее кончиком пальца, Апепи снова взревел и облился потом.

– Легче, Таита. Вы так же ужасны, как все жрецы Египта вместе взятые.

– Как она появилась? – Таита сделал шаг назад. – Какие были симптомы?

– Началось с ужасной боли в груди. – Апепи показал. – Потом я начал кашлять, и боль стала острее. Я чувствовал, как что-то двигается здесь, а потом боль, казалось, переместилась в спину и там вылезла эта шишка. – Он протянул руку через плечо, коснулся опухоли и снова застонал.

Прежде чем продолжить, Таита приготовил настой из красного шепенна, сонного цветка. Этот настой свалил бы и слоненка, но хотя взгляд Апепи поплыл, а речь стала нечленораздельной, он все еще оставался в сознании. Таита вновь ощупал опухоль, и царь застонал, но больше не сделал ничего.

– Глубоко в вашем теле находится какое-то инородное тело, мой господин, – заявил он наконец.

– Не удивительно, Чародей. Злые люди, большинство из них египтяне, втыкали инородные тела в мою плоть, с тех пор как я последний раз высосал жидкую кашу, данную мне няней.

– Я бы подумал, что это наконечник стрелы или лезвие, но нет никакой входной раны, – размышлял Таита.

– Открой глаза, парень. Я покрыт ими. – Волосатое тело царя действительно было сплошь покрыто старыми боевыми шрамами.

– Я собираюсь разрезать ее, – предупредил его Таита.

Апепи зарычал:

– Сделайте это, Чародей, и прекратите твякать.

Пока Таита выбирал в своем ящике бронзовый скальпель, Апепи поднял с пола толстый кожаный пояс и сложил вдвое. Он сжал его зубами и приготовился к ножу.

– Сюда! – позвал Таита стражников от двери. – Подойдите и держите царя.

– Убирайтесь, ослы! – отменил Апепи приказ. – Мне пока никто не нужен, чтобы держать меня.

Таита встал над ним, вычислил угол и глубину разреза, затем сделал одно быстрое и глубокое рассечение. Апепи испустил сквозь зубы приглушенный рев, но не шелохнулся. Таита отступил: из раны вырвался фонтан темной крови и густого желтого гноя. Тошнотворное зловоние наполнило палату. Таита отложил скальпель и вставил указательный палец глубоко в рану. Кровь пузырилась вокруг него, но он почувствовал на дне разреза что-то твердое и острое. Он взял щипцы из слоновой кости, которые ранее положил под рукой, и стал опускать их в разрез, пока не почувствовал, что конец задел что-то твердое.

Апепи перестал стонать и лежал без движения, только мышцы его спины непроизвольно подрагивали. Он с громким сопением и хрипом дышал через нос. С третьей попытки Таита захватил объект щипцами и тянул, пока не почувствовал, что тот тронулся. Тогда он начал вытягивать его к поверхности. Предмет вышел наружу – последний дюйм с потоком гноя и осколков, – и Таита повернул его так, чтобы на него упал свет из окна.

– Наконечник стрелы, – объявил он, – и находился там долгое время. Поразительно, что он не убил вас много лет назад.

Апепи выплюнул пояс и сел, посмеиваясь.

– Клянусь волосатыми яичками Сеуета, я узнаю эту маленькую игрушку. Один из ваших разбойников всадил ее в меня в Абнубе десять лет назад. Тогда мои хирурги сказали, что она так близко к сердцу, что ее не достать, поэтому оставили ее внутри, и я носил ее с тех пор.

Он взял кремневый треугольник из окровавленных пальцев Таиты и собственнически улыбнулся.

– Я чувствую себя будто мать с первенцем. Я прикажу сделать из него амулет и буду носить его на шее на золотой цепи. Вы можете наложить на него заклятие? Это отведет от меня другие стрелы. Как вы думаете, Чародей?

– Я уверен, он будет очень действенным, мой господин. – Таита набрал в рот горячего вина с медом из чаши, которую приготовил, и при помощи полой медной трубки промыл рану от гноя и крови, впрыскивая вино глубоко в разрез.

– Какая трата хорошего вина, – сказал Апепи, поднял чашу обеими руками и осушил остаток содержимого. Он швырнул чашу в дальнюю стену и рыгнул. – А сейчас, в награду за услуги, я расскажу вам забавную историю, Чародей, – она вернет нас к нашей последней беседе на вершине башни в Бубасти.

– С предельным вниманием ловлю каждое ваше слово. – Таита склонился над ним, перевязывая открытую рану полосами льняной ткани, бормоча при этом заклинание на закрытие ран:

Я перевязываю тебя, творение Сета.

Я закрываю твой красный рот, творение великого зла.

Апепи вдруг перебил:

– Трок предложил мне лакх золота в качестве брачного выкупа за Минтаку.

Руки Таиты замерли. Он стоял с полосой ткани, наполовину обмотанной вокруг бочкообразной груди Апепи.

– Что вы ответили на это, великий?

Он так встревожился, что царский титул сорвался с его уст прежде, чем он сумел

сдержаться. События принимали опасный и непредвиденный оборот.

– Я сказал ему, что выкуп за невесту составляет пять лакхов. – Апепи усмехнулся. – Этот пес так хочет мою маленькую сучку, что его зуб, восстав, застит ему глаза и ослепляет, но, несмотря на все, что он украл у меня за эти годы, даже ему никогда не набрать пяти лакхов. – Он снова рыгнул. – Не волнуйтесь, Чародей, Минтака слишком ценна, чтобы бросить ее впустую кому-то вроде Трока, когда я могу с ее помощью привязать как цепью к моему царству вашего маленького фараона.

Он встал и поднял плотную мускулистую руку, пытаясь заглянуть под нее и увидеть свою перевязанную спину, будто старый петух, сунувший голову под крыло.

– Вы превратили меня в мумию прежде времени, – засмеялся он, – но это – хорошая работа. Идите и скажите своему регенту, что я готов рискнуть и снова вдохнуть запах его духов и что через час я встречу с ним в палате переговоров.

Нага смягчил успех Таиты и его сообщение от Апепи. Любое подозрение насчет вероломности Таиты, которое у него, возможно, возникло, было зачеркнуто.

– Этот старый негодяй Апепи почти созрел, – злорадствовал Наг. – Он готов сделать даже больше уступок, чем сознает, вот почему я так сердился, когда он прервал переговоры и удалился к своему ложу. – Он так восхищался собой, что не мог усидеть на месте, вскочил и начал мерить шагами каменный пол. – Как он, Маг? Вы дали ему какое-нибудь зелье, которое в силах затуманить его разум?

– Я дал ему столько, что это свалило бы с ног дикого быка, – заверил Таита. Наг прошел к своему косметическому ящику, налил из зеленого стеклянного пузырька в ладонь духов и провел ей по затылку. – Что ж, я использую это в полной мере. – Он пошел к двери, затем оглянулся через плечо. – Идите со мной, – приказал он. – Возможно, ваши способности мне понадобятся прежде, чем я закончу с Апепи.

Добиться от Апепи подписания договора оказалось не столь легкой задачей, как мнилось Нагу. Не было заметно никакого неблагоприятного воздействия ни раны, ни лекарства, и он разглагольствовал, крича и ударяя сжатым кулаком по столу еще долго после того, как сторож на стене храма криком возвестил полночь.

Никакой компромисс, предлагаемый Нагом, не казался ему подходящим, и наконец даже Таиту утомила его непримиримость. Наг отложил переговоры и под крики петухов во внутреннем дворе отправился спать.

На следующий день, когда в полдень они снова встретились, Апепи не стал более податливым для доводов, и переговоры пошли еще более бурно. Таита использовал все свое влияние, чтобы успокоить его, но Апепи очень медленно поддавался уговорам. Поэтому лишь на пятый день писцы смогли начать записывать условия договора на табличках из глины иератическим письмом и иероглифами, на египетском языке и в переводе на гиксосский. Они трудились до поздней ночи.

До тех пор Наг не допускал фараона Нефера Сети на тайные совещания. Он продолжал заниматься своими обычными делами: уроками с наставниками, занятиями с оружием, встречами с послами и делегациями торговцев и жрецов, которые все просили уступок или жертвований. В конце концов Нефер взбунтовался, и тогда Наг отправил его охотиться с соколом и без него с младшими сыновьями Апепи. Эти вылазки оказались не самыми приятными, и первый день закончился громким спором о добыче, чуть не приведшим к драке.

На второй день по предложению Таиты к группе охотников с соколом присоединилась принцесса Минтака, чтобы играть роль миротворца между двумя партиями. Даже ее старшие братья относились к ней с немалым уважением и подчинялись ей, когда в другом случае могли бы выхватить оружие и броситься громить египтян. Подобным же образом, когда Минтака ехала рядом с Нефером в его охотничьей колеснице, его воинственные инстинкты засыпали. Он обращал мало внимания на угрозы и хвастовство ее неотесанных братьев и наслаждался остроумием и эрудицией принцессы, не говоря уже о ее близком присутствии.

В ограниченном пространстве колесницы, когда та подскакивала на неровной земле, преследуя убегающие стада газелей, их часто бросало друг на друга. Иногда Минтака хваталась и держалась за него, даже когда непосредственная опасность исчезала.

Вернувшись в храм после первой охоты, Нефер послал за Таитой, якобы желая описать ему дневное развлечение, но был рассеян и отвлечен. Даже когда Таита спросил его о работе его любимого сокола, Нефер не выказал никакого воодушевления. Пока внезапно не заметил мечтательно:

– Разве тебя не удивляет, Таита, до чего девушки мягкие и теплые?

К утру шестого дня писцы закончили работу; пятьдесят таблиц договора были готовы для подписания. Теперь Наг послал за фараоном, чтобы тот принял участие в заседании. Точно так же на церемонии должно было присутствовать все потомство Апепи, включая Минтаку.

Снова внутренний двор храма заполнило блестящее собрание царственных и благородных особ, и наконец царский герольд громоподобным голосом начал зачитывать текст договора. Нефер был тотчас поглощен его содержанием. Они с Минтакой подробно обсуждали его в течение нескольких дней, проведенных вместе, и обменивались многозначительными взглядами всякий раз, когда думали, что обнаружили недостаток или оплошность в условиях. Однако их было немного, и Нефер был уверен, что заметил во многих частях длинного документа тайное влияние Таиты.

Наконец пришло время прикреплять печати. Затрубили в бараньи рога, и Нефер прижал свой картуш к влажной глине. Апепи сделал то же самое. Нефера разозлило то, что гиксосский царь присвоил полномочия фараона, приняв священный картуш.

Наг с загадочным выражением лица под толстым слоем косметики наблюдал, как новые соправители двух царств обнялись. Апепи по-медвежьи облапил стройную фигуру Нефера, и собравшиеся разразились громкими криками: «Бак-хер! Бак-хер!» Солдаты гремели оружием о щиты или ударяли концами пик и копий о каменные плиты.

Нефер едва не задохнулся: от Апепи сильно пахло немытым телом. Одним из египетских обычаев, отвергнутых гиксосами, было поддержание личной гигиены. Нефер утешал себя мыслью, что если ему запах противен, то Нага, когда царь выразит свою любовь ему, должно ожидать потрясение. Он мягко освободился из рук своего соправителя, но Апепи, заботливо глядя на фараона сияющим взглядом, положил волосатую лапу на его плечо. Затем он повернулся к переполненному внутреннему двору.

– Подданные могущественной страны, которая вновь объединилась, я заверяю вас в моих почтении и любви к родине. В залог этого я предлагаю руку моей дочери, принцессы Минтаки, фараону Неферу Сети, моему соправителю по Египту. Фараон Нефер Сети, делящий со мной двойную корону Верхнего и Нижнего Царств, должен стать моим сыном, а его сыновья станут моими внуками!

Все присутствующие во внутреннем дворе на долгое мгновение замерли, осознавая это потрясающее заявление. Затем разразились еще более восторженными криками одобрения, грохот оружия и топот сандалий стали оглушительными.

Выражение лица фараона Нефера Сети у любого другого смертного назвали бы глупой ухмылкой. Он пристально смотрел через внутренний двор на Минтаку. Она замерла, одной рукой прикрыв рот, как если бы не дала себе вскрикнуть или завизжать, и широко открытыми от удивления глазами пристально глядела на отца. Темный румянец медленно залил ее лицо и, застенчиво глянув в сторону Нефера, она встретила с ним глазами. Они пристально смотрели друг на друга, будто в переполненном внутреннем дворе не было никого больше.

Таита наблюдал за всем этим от подножия трона фараона. Он понял, что Апепи мастерски выбрал время для своего заявления. Теперь никто – Наг, Трок или кто-нибудь другой – никак не могли бы встать на пути брака.

Таита стоял близко к трону Нага. Под своей косметикой регент явно был в глубоком замешательстве, ясно сознавая собственное затруднительное положение. Если Нефер

женится на принцессе, он окажется вне досягаемости Нага. Регент видел, как двойная корона выскальзывает у него из рук. Наг, должно быть ощутил взгляд Таиты, поскольку поглядел в его сторону. Мгновение Таита глядел ему в душу, и это было все равно что смотреть в сухой колодец, заполненный живыми кобрами, в честь которых называли регента. Затем Наг отвел жестокие желтые глаза, прохладно улыбнулся и кивнул в знак согласия и одобрения, но Таита знал, что тот яростно соображает. Однако мысли регента были настолько быстры и сложны, что даже он не мог следовать за ними.

Таита повернул голову и поискал в рядах гиксосов напротив крупную фигуру господина Трока. В отличие от регента, Трок не старался скрыть свои чувства. Его обуревал яростный гнев. Его борода словно бы встопорщилась, а лицо налилось кровью. Он открыл рот, будто хотел выкрикнуть оскорбление или протест, затем закрыл его, положил руку на рукоять меча и сдавил ее так, что костяшки пальцев побелели. На мгновение Таите показалось, что он сейчас вытянет его и бросится через внутренний двор к стройной фигуре Нефера. С огромным усилием он вернул самообладание, пригладил бороду, затем резко повернулся и стал проталкиваться прочь из внутреннего двора. Вокруг царила такая суматоха, что почти никто не заметил его ухода. Только Апепи наблюдал за ним с циничной улыбкой.

Когда Трок скрылся за высокими гранитными столбами Хатор, Апепи убрал руку с плеча Нефера и направился к трону Нага. Он легко поднял регента с подушек и обнял даже энергичнее, чем фараона. Прижав губы к уху Нага, он тихо прошептал:

– Больше никаких египетских хитростей, мой душистый цветок, или я затолкаю их в твою задницу так глубоко, насколько достанет моя рука.

Он усадил Нага обратно на подушки, а сам сел на трон, который поставили рядом, для него. Наг побледнел и поднес к носу льняную подушечку, пропитанную духами, собираясь с мыслями. Волна за волной по внутреннему двору проносились аплодисменты. Когда они замерли, Апепи хлопнул огромными лапами по подлокотникам трона, чтобы поощрить всех к новым усилиям, и приветствия зазвучали снова – без конца. Он наслаждался чрезвычайно и поддерживал их, пока все почти не обессилели.

С короной дешрет Нижнего Египта на голове его фигура была здесь главной. Рядом с ним Нефер, даже в высокой короне хеджет, казался простым подростком. В конце концов, когда затихла последняя вспышка рукоплесканий, Наг поднялся и поднял вверх обе руки. Наконец опустилась благодарная тишина.

– Пусть выйдет святая дева! – Верховная жрица вывела из-за резного алтаря процессию служительниц и направилась к двойному трону. Перед нею две жрицы несли короны пшент двойного царства. Хор храма пел восхваление богине, а почтенная старуха тем временем сняла короны с голов соправителей и заменила их двойными коронами, что означало воссоединение Египта. Затем дрожащим голосом она произнесла благословение двум фараонам и новой стране и удалилась в глубины храма. Последовало короткое колебание – ведь церемония воссоединения происходила впервые в длинной истории Египта и не было никаких установленных протоколов, чтобы им следовать.

Наг ловко воспользовался этой возможностью. Он снова поднялся и встал перед Апепи.

– В этот благоприятный и счастливый день мы радуемся не только воссоединению двух царств, но и помолвке фараона Нефера Сети и прекрасной принцессы Минтаки. Да будет известно повсюду в двух царствах, что их бракосочетание состоится в этом храме в тот день, когда фараон Нефер Сети отпразднует свое совершеннолетие или выполнит одно из условий, подтверждающих его притязания на корону и собственное единоличное правление без регента, который бы защищал его и советовал ему.

Апепи нахмурился, и лицо Нефера выразило тревогу, но было слишком поздно. Это объявление было сделано публично, и, как регент, Наг говорил от лица обоих коронованных особ. Если Нефер не поймает собственную божественную птицу или не преуспее на Красной Дороге, таким образом подтвердив свои притязания на трон, то Наг успешно отодвинет заключение брака на много лет.

«Мастерский удар», – горько подумал Таита, одновременно восхищаясь политической сообразительностью Нага. Регент молниеносным размышлением и своевременным вмешательством отвел от себя бедствие. Сейчас, когда его противники были выведены из равновесия, он пошел еще дальше.

– Точно так же я счастлив объявить, что приглашаю фараона Аепи и фараона Нефера Сети отпраздновать мой собственный брак с принцессами Гесерет и Мерикарой. Эта радостная церемония состоится через десять дней от этого дня, в первый день праздника Исиды Восходящей в храме Исиды в городе Фивы.

«Таким образом, через десять дней господин Наг станет членом царского семейства Тамосов и следующим в порядке престолонаследия после фараона Нефера Сети, – подумал Таита мрачно. – Теперь мы точно знаем, кто был коброй в гнезде царского сокола на утесах Бир-Умм-Масары».

В соответствии с условиями договора Хатор местопребывание Аепи сохранялось в Аварисе, а Нефера Сети в Фивах. Каждый управлял своим прежним царством, но как соправитель. Дважды в год, в начале и конце разлива Нила, обоим царям следовало собирать в Мемфисе объединенное царское судебное разбирательство, где бы рассматривались все дела, касающиеся двух царств, принимались новые законы и подавались прошения.

Однако прежде чем оба фараона должны были расстаться, чтобы отправиться в соответствующие столицы, Аепи и его свите следовало проплыть вверх по реке в компании с флотом Нефера Сети к Фивам, чтобы посетить двойную свадьбу господина Нага.

Одновременная посадка обеих свит на причале ниже храма оказалась сложным и запутанным делом, занявшим большую часть утра. Таита смешался с толпой лодочников и грузчиков, рабов и важных пассажиров. Даже его поразили горы личного багажа и прочих вещей, сложенные на берегу в ожидании погрузки на легкие суда, фелюги и галеры. Вместо того чтобы ехать обратно по долгой и неровной дороге вниз по реке, солдаты и Фив, и Авариса разобрали свои колесницы на части и грузили их и лошадей на легкие суда. Это усугубляло беспорядок на берегу реки.

На этот раз Таита не был центром внимания: работа полностью занимала всех. Иногда кто-нибудь отрывался от своего занятия, узнавал его и просил благословения, или женщина приносила ему больного ребенка, полечить. Однако он постепенно продвигался по берегу, незаметно высматривая колесницы и снаряжение отряда господина Трока. Он узнал их по зеленым и красными флагам и, когда приблизился, увидел среди солдат фигуру Трока, которую ни с кем нельзя было спутать. Таита подошел ближе и увидел, что тот, стоя у груды снаряжения и оружия, отчитывает своего копьеносца:

– Глупый бабуин, как ты упаковал мой набор оружия? Вон мой любимый лук, лежит там брошенный. Какой-нибудь чурбан проедет по нему на лошади. – Его настроение не улучшилось со вчерашнего дня, и он зашагал вдоль причала, хлеща кнутом любого, кому не посчастливилось попасться ему на пути. Таита видел, как Трок остановился, чтобы поговорить с одним из своих сержантов, а затем пошел по дорожке к храму.

Как только он скрылся, Таита подошел к его копьеносцу. Солдат, раздетый до набедренной повязки и сандалий, нагнулся над одним из ящиков со снаряжением Трока, поднял его и пошатываясь понес к ожидавшему судну. Таита четко различил на его голой спине круглую сыпь стригущего лишая. Копьеносец передал ящик лодочнику на палубе галеры и пошел обратно. Только тогда он заметил Таиту, стоявшего поблизости, и коснулся груди сжатым кулаком, с уважением приветствуя его.

– Подойди сюда, солдат, – окликнул его Таита. – Давно у тебя зудит спина?

Парень инстинктивно завел руку за спину и почесал между лопатками так энергично, что появилась кровь.

– Эта проклятая штука беспокоит меня с тех пор, как мы захватили Абнуб. Думаю, это подарок от одной из грязных египетских шлюх... – Он виновато замолчал. Таита понял, что он имеет в виду женщину, которую изнасиловал после захвата города. – Простите меня,

Чародей, мы теперь – союзники и соотечественники.

– Именно поэтому я позабочусь о твоей беде, солдат. Пойди в храм, попроси на кухне кувшин сала и принеси его мне. Я смешаю для тебя мазь. – Таита сел на грудку багажа и снаряжения Трока, а копьеносца поспешно ушел по песку. Среди багажа были три военных лука – Трок был несправедлив в своих обвинениях, потому что тетива с каждого лука была снята, и все они были тщательно обернуты куском кожи.

Таита сидел на сложенных деревянных ящиках – не случайно, поскольку он увидел на верхнем ящике печать Гриппы, мастера по изготовлению луков и стрел из Авариса, делающего стрелы для всех высших гиксосских военачальников. Таита помнил, как обсуждал работу Гриппы с Минтакой. Он вынул из ножен под своим хитом маленький кинжал, разрезал шнур, которым была привязана крышка, и поднял ее. Слой сухой соломы покрывал стрелы, лежавшие под ней попеременно, кремневый наконечник одной рядом с яркими красными и зелеными перьями другой. Таита взял одну из них и покрутил в пальцах.

Ему в глаза бросилась вырезанная печать – стилизованная голова леопарда с иероглифической буквой Т в рычащих челюстях. Стрела была идентична тем, что он нашел в колчане на месте убийства фараона. Это была последняя нить в ткани измены и предательства. Наг и Трок были неразрывно связаны кровавым заговором, о котором он пока мог еще только строить предположения.

Таита спрятал обвиняющую стрелу в складках своего хитона и закрыл крышку ящика. Затем снова ловко привязал шнур и стал ждать возвращения копьеносца.

Старый солдат многословно благодарил Таиту за лечение, а затем стал умолять о следующей милости:

– У моего друга египетская язва в тайном месте, Маг. Как ему помочь? – Таиту всегда забавляло, что гиксосы называли эту болезнь египетской язвой, а египтяне – наоборот. Всегда оказывалось, что никто никогда не болел ею сам, но имел друга, страдающего от болезни.

Свадебная церемония и пир в честь брака господина Нага и двух принцесс дома Тамоса были невиданно щедрыми. Таита решил, что блеском они далеко превосходят любые из прежних, например фараона Тамоса или его отца, фараона Мамоса, божественных сыновей Ра, да живут они вечно.

Обычным жителям Фив господин Наг выдал пятьсот голов лучших быков, два судна проса из государственных зернохранилищ и пять тысяч больших глиняных горшков лучшего пива. Пиршество продолжалось неделю, но даже голодные рты Фив не смогли поглотить такое количество еды за столь короткое время. Остатки проса и мяса, которое они закоптили, чтобы сохранить, кормили потом город в течение многих месяцев. Пиво, однако, было другое дело: его выпили в первую неделю.

Свадьбу отпраздновали в храме Исида в присутствии обоих фараонов, шестисот жрецов и четырех тысяч приглашенных гостей. Когда вошли в храм, каждый гость получил в подарок памятный резной драгоценный камень или слоновую кость, аметист, коралл или какой-нибудь другой драгоценный камень с именем гостя, выгравированным на нем между именами регента и его невест.

Обе невесты прибыли на встречу с женихом в парадной повозке, которую тянули священные белые горбатые волы, управляемые голыми погонщиками-нубийцами. Дорога была усыпана пальмовыми листьями и цветами, а перед свадебной повозкой ехала колесница, с которой разбрасывали серебряные и медные кольца безумно счастливым толпам, стоявшим вдоль дороги. Их восторженность в немалой степени была следствием щедрости господина Нага в отношении пива.

Девочки были одеты в тончайшую, белую как облако льняную ткань; младшая, Мерикара, почти сгибалась под грузом золота и драгоценностей, покрывавших ее маленькое тело. Слезы прорезали канавки в сурьме и краске для век. Гесерет сильно сжимала ее руку, пытаясь успокоить.

Когда они достигли храма и вышли из парадной повозки, их встретили оба фараона. Нефер прошептал Мерикаре, когда повел ее в неф храма:

– Не плачь, котенок. Никто не причинит тебе вреда. Ты вернешься в детскую раньше, чем придет пора ложиться спать.

Чтобы заявить протест против брака сестер, Нефер попробовал уклониться от обязанности вести младшую сестру в святилище, но Таита отговорил его.

– Мы тут бессильны, хотя ты знаешь, как мы старались. Наг настроен решительно. Будет жестоко с твоей стороны, если тебя не окажешься там, чтобы успокоить малышку в этот самый устрашающий миг ее короткой жизни. – Нефер неохотно согласился.

Сразу за ними Апепи вел Гесерет. В своих снежно-белых одеждах и блестящих драгоценностях она была прекрасна, как райская нимфа. Месяцы назад она примирилась с участью, которую боги назначили ей, и ее первоначальная тревога и ужас медленно уступили место любопытству и тайному ожиданию. Господин Наг так великолепно выглядел, и ее няни, служанки и подружки жадно и подробно обсуждали его, бесконечно указывая на его видимые достоинства и с тихим хихиканьем рассуждая о скрытых одеждой срамных частях.

Возможно, вследствие этих обсуждений Гесерет недавно начала видеть странные сны. В одном из них она бежала нагишом через пышный сад на берегу реки, преследуемая регентом. Когда она оглянулась, то увидела, что он тоже наг, но человек только до пояса. Ниже он был лошадью, точно как любимый жеребец Нефера, Звездочет. Когда Звездочет был с кобылами, она часто видела его в таком же удивительном состоянии, какое сейчас демонстрировал регент, и ее всегда странно трогало это зрелище. Однако когда регент догнал ее и протянул покрытую драгоценностями руку, чтобы схватить, сон резко прервался, и она обнаружила, что сидит, вытянув ноги, на матрасе. Неосознанно она протянула руку и коснулась себя внизу. Пальцы стали влажными и скользкими. Она так встревожилась, что не смогла снова уснуть и вернуться в сон, в то место, где он прервался, хотя изо всех сил старалась сделать это.

Она хотела узнать, чем закончится этот захватывающий сон. Наутро она была беспокойной и раздражительной и обрушила свое плохое настроение на всех вокруг. С этого времени ее девичий интерес к Мерену начал слабеть. Все равно она редко видела его в эти дни: после гибели дедушки Мерена от рук господина Нага его состояние было конфисковано и семейство попало в немилость. Она поняла, что он стал бедняком, рядовым солдатом без покровительства и перспектив. Общественное положение господина Нага почти соответствовало ее положению, а его состояние значительно превосходило ее собственное.

Сейчас, когда Апепи вел ее по длинной гипостильной галерее храма к святилищу, она держалась скромно и целомудренно. Господин Наг ждал там невесту, и хотя он был окружен придворными и боевыми командирами в прекрасных нарядах и великолепных форменных костюмах, Гесерет глядела только на него одного.

На нем был головной убор из перьев страуса в подражание богу Осирису, и он был выше даже Асмора и господина Трока, стоявших по краям. Приблизившись к нему, Гесерет ощутила запах его духов. Это была смесь цветочных эссенций из страны, лежащей за Индией, также содержащая драгоценную амбру, которую очень редко находили на побережье как знак щедрости богов океанских глубин. Аромат взволновал ее, и она взялась за руку, которую Наг без колебания предложил ей, и взглянула в его обворожительные желтые глаза.

Когда Наг предложил другую руку Мерикаре, та громко разрыдалась, Неферу больше от нее ничего не удалось добиться, несмотря на то, что он успокаивал ее. В течение долгой церемонии, последовавшей затем, она время от времени тихо плакала.

Когда наконец господин Наг разбил кувшины с нильской водой, отмечая кульминацию церемонии, толпа изумленно вздохнула: вода великой реки, на берегу которой стоял храм, приобрела ярко-синий цвет. За первым изгибом реки Наг приказал поставить на якорь от берега до берега цепь барок, и по сигналу, переданному с крыши храма, с них опрокинули в воду кувшины с краской. Эффект был потрясающий, потому что синий был цветом династии

Тамос. Наг объявлял миру о своей новой связи с фараонами.

Наблюдая с крыши западной части храма, Таита увидел, как река изменила цвет, и вздрогнул от предчувствия беды. Ему показалось, что на мгновение солнце в высоком египетском небе померкло, и в тот же миг синие воды реки окрасились в цвет крови. Но когда он взглянул вверх, там не оказалось ни облака, ни стаи птиц, которые могли бы затенить солнечные лучи, а когда он посмотрел вниз, вода в реке снова была лазурно-синей.

Теперь Наг породнился с царской кровью, и Нефер лишен даже этой защиты. Я – его единственный щит, но я – один и стар. Хватит ли мне сил отогнать кобру от неоперившегося сокола? Дай мне твою силу, божественный Гор. Ты был моим щитом и моим копьем все эти годы. Не оставь меня сейчас, могущественный бог.

* * *

Господин Наг и две его новые жены в царственном великолепии ехали обратно к воротам дворца по священной дороге, охраняемой рядами гранитных львов. Там они сошли с повозки и двинулись во главе процессии через сады к пиршественному залу. Большинство гостей прибыли раньше и пробовали вино из виноградников храма Осириса. Когда свадебная процессия вошла, шум стал оглушителен. Наг вел под руки обеих своих молодых жен. Трио с достоинством проследовало через толпу и бегло осмотрело соответствующие такому важному случаю груды подарков, сложенных посреди пиршественного зала. Аепи прислал колесницу, покрытую золотым листом. Она так блестела, что даже в слабо освещенном зале было трудно смотреть на нее прямо. Из Вавилона царь Саргон прислал сто рабов, и каждый из них держал ларец из сандалового дерева, наполненный ювелирными изделиями, драгоценными камнями, или золотыми сосудами. Рабы преклонили колени перед регентом и сложили к его ногам свою ношу. Наг коснулся каждого ящика в знак того, что дар принят. Фараон Нефер Сети по предложению господина Нага передал своему шурину пять обширных поместий на берегу реки.

Писцы вычислили, что все эти сокровища стоили более трех лакхов чистого золота. Регент теперь был почти так же богат, как его фараон.

Когда супружеское трио заняло свои места во главе свадебного стола, дворцовые повара накрыли для них и их гостей пиршественный стол, на который тысяча рабов поставила сорок различных блюд. Там были хоботы слонов, языки буйволов и филе нубийской горной козы, мясо дикого кабана и бородавочника, газели и нубийского каменного козла, варана и питона, крокодила и гиппопотама, волов и овец. Были поданы все виды нильской рыбы, от усатого сома, чья плоть истекала густым желтым жиром, до белогомясого окуня и леща. С северного моря быстрой речной галерой из дельты были доставлены тунец, акула, группер, лангуст и краб. Птиц воздуха, среди них и лебедей-шипунцов, три вида гусей, многочисленные разновидности уток, а также жаворонков, дрофы, куропаток и перепелов зажарили, испекли или зажарили на решетке, замариновали в вине или диком меде, или начинили травами и специями с Востока. Ароматный дым и запахи готовящейся пищи вдыхали толпы нищих и простых людей у ворот дворца и те, кто столпился на противоположном берегу реки или заполнял фелюги на середине реки, соперничая за возможность поглядеть на празднество поближе.

Для увеселения гостей позвали музыкантов и жонглеров, акробатов и дрессировщиков. Взбешенный шумом, один из огромных бурых медведей порвал цепь и убежал. Группа гиксосской знати во главе с господином Троком преследовала его через сады с пьяными криками и убила испуганное животное на берегу реки.

Царя Аепи до того возбудили гибкость и атлетизм двух ассирийских женщин-акробаток, что он схватил обеих под мышку и унес, pinaющихся и визжащих, с площадки для танцев в свои палаты. Вернувшись, он поведал Таите:

– Одна из них, та симпатичная с длинными кудрями, оказалась мальчиком. Я так удивился, когда обнаружил, что на самом деле у него между ног, что чуть не позволил ему

убежать. – Он громко захохотал. – К счастью, ему не удалось сбежать, поскольку он оказался аппетитнее подружки.

К вечеру большинство гостей напились или так набили живот, что немногие могли держаться на ногах, когда господин Наг и его невесты удалились. Как только они вошли в жилую часть дворца, Наг приказал, чтобы няни увели Мерикару в ее палату.

– Обращайтесь с ней поласковее, – предупредил он. – Бедный ребенок спит на ходу.

Затем он взял Гесерет за руку и повел в свои роскошные палаты, окнами выходившие на реку. Темные воды Нила были усыпаны отражениями золотых звезд.

Едва они вошли в палату, служанки Гесерет увели ее за бамбуковую ширму, чтобы снять с нее свадебное платье и драгоценности.

Брачное ложе было покрыто овчиной, выбеленной до чистейшего цвета. Господин Наг тщательно осмотрел ее и, убедившись в ее чистоте, вышел на террасу и глубоко вдохнул прохладный речной воздух. Раб принес ему чашу вина с пряностями, и он благодарно потягивал его. Это была первая чаша, которую он позволил себе за весь вечер. Наг знал, что одна из самых важных тайн выживания состоит в том, чтобы в присутствии врагов держать ум ясным. Он наблюдал, как все прочие гости напивались до жалкого состояния. Даже Трок, к которому он питал такое большое доверие, уступил своей животной природе – последний раз, когда Наг видел родича, того обильно рвало в чашу, которую держала перед ним симпатичная ливийская девушка-рабыня. Закончил, Трок вытер рот набедренником девушки, затем задрал его рабыне на голову, повалил девушку на травяной газон и оседлал сзади. Утонченная натура Нага была оскорблена этим зрелищем.

Он вернулся в палату, когда в нее вошли два раба, с трудом несшие котел горячей воды, в котором плавали лепестки лотоса. Наг поставил винную чашу и пошел искупаться. Один из рабов вытер и заплел его волосы, другой принес ему чистую белую одежду. Наг отпустил их и вернулся к брачному ложу. Затем он лег на него, вытянув длинные, изящные руки и ноги, и положил голову на инкрустированный золотом подголовник из слоновой кости.

В дальнем конце палаты слышался шелест одежды и женский шепот. Он узнал хихиканье Гесерет, и это возбудило его. Приподнявшись на локте, он посмотрел на бамбуковую ширму.

Вырезы в ней были достаточно велики, так что он мог видеть дразнящие проблески бледной гладкой кожи.

Власть и политические устремления были главными причинами этого брака, но не единственными. Хотя Наг по складу характера был воином и авантюристом, он был сладострастен и чувственен по природе. В течение многих лет он тайно наблюдал за Гесерет, и его интерес к ней возрастал с каждым этапом ее движения к женственности; с раннего детства до застенчивого девичества и затем в тот дразнящий период, когда ее маленькие груди увеличились и детский жир стаял, оставив ее тело тонким и изящным. Изменился и ее запах: всякий раз, когда она была близко, он ощущал слабый сладкий мускусный запах женственности, который приводил его в восторг.

Однажды во время охоты с соколом Наг наткнулся на Гесерет и двух ее подруг, собиравших цветы лотоса, чтобы сплести из них гирлянды. Она взглянула на него, когда он стоял над ними на берегу реки; ее влажный набедренник лип к ногам, так что кожа просвечивала сквозь тонкое полотно. Гесерет отвела волосы со щек невинным жестом, который, однако, был чрезвычайно эротичным. Хотя ее лицо оставалась серьезным и целомудренным, потупленные глаза намекали на скрытое в ней сладострастие, которое очаровала его. Это длилось всего мгновение; затем она позвала подруг и с плеском побежала к берегу и дальше через травяной луг к дворцу. Он смотрел на ее мелькающие длинные, мокрые ноги, на круглые ягодицы, подрагивающие и меняющие форму под льняным набедренником, и внезапно его дыхание стало неглубоким и частым.

При этом воспоминании его поясница дернулась. Он страстно желал, чтобы она вышла из-за ширмы, но извращенно хотел задержать этот момент, так, чтобы до конца насладиться

ожиданием. Наконец это случилось. Две служанки вывели Гесерет и тихо скрылись, оставив ее одну стоять посередине палаты.

Ее ночное платье ниспадало от горла до лодыжек. Оно было сшито из редкого драгоценного шелка из восточных стран, цвета сливок и такого тонкого, что, казалось, он плыл вокруг девушки подобно речному туману, колыхущемуся с каждым ее вдохом. В углу позади Гесерет стояла масляная лампа на треноге, и мягкий желтый свет пронизывал шелк, подчеркивая округлости бедер и плеч невесты, так что они мягко светились, как полированная слоновая кость. Ее голые ступни и кисти рук были окрашены хной, а косметика – начисто смыта с лица, и молодая кровь под безупречной кожей нежно румянила щеки, а губы дрожали, будто Гесерет собиралась заплакать. Она опустила голову в трогательной девичьей манере и взглянула на него из-под опущенных ресниц. У нее были зеленые глаза, и его кровь снова взволновалась, когда он заметил в них тот же озорной блеск, который когда-то так заинтересовал его.

– Повернись, – сказал он тихо, но в горле у него пересохло, будто он поел зеленой хурмы. Она повиновалась, но двигалась медленно, как во сне, покачивая бедрами; ее живот слегка просвечивал сквозь шелк. Ее ягодицы покачивались, круглые и блестящие как яйца страуса, и блестящие локоны колыхались.

– Ты красива. – У него перехватило горло.

Теперь как будто бы улыбка приподняла уголки ее губ, и девушка облизала их кончиком языка, розовым, как у котенка.

– Я рада, что мой господин регент находит меня красивой.

Он поднялся с ложа и подошел к ней. Затем взял ее за руку – та в его руке оказалась теплой и мягкой. Он повел Гесерет к ложу, и она пошла за ним без колебания. Она встала на колени на белой овчине и свесила голову так, что волосы закрыли ей лицо. Наг встал над ней и наклонился вперед, так что его губы коснулись ее волос. Она источала неуловимый аромат здоровой молодой женщины в первом приливе физического возбуждения. Он погладил ее по волосам, и она взглянула на него сквозь темную завесу волос. Затем он развел локоны и одной рукой взял ее за подбородок. Медленно, дразня себя, он поднял ее лицо.

– У вас глаза как у Иконы, – прошептала она. Иконой звали его ручного леопарда: животное всегда пугало и завораживало ее. Сейчас она ощущала то же, поскольку Наг с его желтыми безжалостными глазами был гладким и вальяжным, как большой кот. Чутьем женщины она угадывала в них жестокость и беспощадность, которые вызывали в ней никогда прежде не испытанные чувства. – Вы также красивы, – прошептала она, и это было верно. В этот миг она поняла, что он – самое красивое существо, какое она когда-либо знала.

Он поцеловал Гесерет, и его рот поразил ее. У него был вкус спелого плода, какого она никогда не ела прежде, и весьма естественно она тоже открыла рот, чтобы насладиться этим вкусом. Его язык двигался быстро, как у змеи, но это не остановило ее. Гесерет закрыла глаза и коснулась его своим языком. Затем Наг положил одну руку ей на затылок и крепче прижался ртом к ее рту. Она настолько потерялась в его поцелуе, что, когда рука накрыла ее грудь, оказалась не готова к этому. Ее глаза широко открылись, она глубоко вдохнула и попыталась отстраниться, но он держал ее и теперь ласкал нежными, но умелыми движениями, и это успокоило ее опасения. Он сжимал ее сосок, и вызванное этим чувство потекло по ее телу, струясь по рукам, доходя до кончиков пальцев ног. Она почувствовала острое разочарование, когда Наг убрал руку. Он поднял Гесерет на ноги, и теперь она стояла на овчине выше его, а ее груди были на уровне его лица.

Одним движением он сорвал с нее шелковую рубашку, и та упала на пол. Затем глубоко вобрал ее набухший сосок в рот, и она громко вскрикнула. В то же самое время его рука прошла между ее бедрами и прижалась к покрытому мягкими волосами лону.

Она не имела ни малейшего намерения противиться тому, что он делал с ней. Вместо этого она полностью отдалась ему. Из-за рассказов девушек-рабынь она боялась, что он может причинить ей боль, но его руки, пусть быстрые и сильные, были нежны. Казалось, он знал ее тело лучше, чем она сама, и играл на нем с таким искусством, что девушка все

глубже, быстрее погружалась и тонула в этом море новых ощущений.

Она вынырнула только один раз, когда внезапно открыла глаза и обнаружила, что на нем тоже нет одежды и он стоит перед ней голый. Она вспомнила сон, в котором у него была внизу такая же вещь, как у жеребца Звездочета. Она с трепетом посмотрела вниз, но эта вещь была не как во сне: она была гладкой и розовой и, однако, твердой как кость, совершенной и чистой по форме, точно колонна в храме. Ее опасения исчезли, и она снова отдалась его рукам и рту. Был только один острый момент жгучей боли, но это случилось намного позже, и он был мимолетен и почти сразу сменился непривычным, но замечательным чувством наполненности. Затем, еще позже, она услышала, как Наг вскрикнул над ней. Этот звук породил что-то и в ее собственном теле, превращая почти невыносимое удовольствие в особый вид боли; она изо всех сил обхватила его руками и ногами и закричала с ним вместе.

Еще два раза в течение этой чересчур короткой волшебной ночи он вынуждал ее кричать в таком же безумии удовольствия, и когда рассвет залил палату розовым и серебряным светом, она лежала неподвижно в его объятиях. Она чувствовала, что жизненные силы словно вытекли из нее, а кости стали мягкими и пластичными, как речная глина. Глубоко в животе она ощущала легкую боль и наслаждалась ей.

Он выскользнул из ее рук, и ей хватило сил только чтобы запротестовать:

– Не уходите. О! Пожалуйста не уходите, мой господин. Мой прекрасный господин.

– Я не надолго, – прошептал он и осторожно вытянул из-под нее овчину. Она увидела на снежно-белой овечьей шерсти пятна крови, яркие как лепестки розы. Она испытала только краткую боль, когда он пронзил ее женственность.

Наг вынес овечью шкуру на террасу; она наблюдала за ним через дверной проем, когда он вешал ее на парапет. Далеко внизу слышались тихие приветствия – ожидавшие внизу люди увидели это несомненное доказательство ее девственности. Ее совсем не заботило одобрение толп земледельцев, но она смотрела на голую спину мужа и чувствовала, как ее грудь и чрево набухают от любви к нему. Когда он вернулся, она протянула к нему обе руки.

– Вы великолепны, – прошептала она и заснула в его объятиях. Намного позже она стала постепенно просыпаться и обнаружила, что все ее существо наполнено такой легкостью и чувством радости, каких она никогда не знала прежде. Сначала она не была уверена относительно источника своего благополучия. Затем ощутила движение его крепкого мускулистого тела в своих руках.

Когда она раскрыла глаза, он смотрел на нее странными желтыми глазами и мягко улыбался.

– Какая прекрасная царица получилась бы из тебя, – сказал он тихо. Он искренне думал так. В течение ночи он обнаружил у нее качества, о которых прежде не подозревал. Он ощутил, что нашел в ней ту, чьи желания и инстинкты находились в совершенной гармонии с его собственными.

– И каким прекрасным фараоном были бы вы для Египта, – улыбнулась она ему в ответ и чувственно потянулась. Затем тихо засмеялась, протянула руку и коснулась его щеки. – Но это невозможно. – Улыбка исчезла, и она тихо и серьезно спросила: – Или возможно?

– Есть только одно препятствие на нашем пути, – ответил он. Ему не нужно было говорить ничего больше – он увидел хитрое, жадное выражение, появившееся в ее глазах. Она была всецело с ним.

– Вы – кинжал, а я буду ножнами. Неважно, что вы попросите у меня, я никогда не подведу вас, моего прекрасного господина.

Он приложил палец к ее губам, воспаленным и распухшим от его поцелуев.

– Я ясно вижу, что нам не нужно много слов, ведь наши сердца бьются в одном ритме.

Свита царя Апепи почти месяц после свадьбы оставалась в Фивах. Они были гостями фараона Нефера Сети и его регента и развлекались по-царски. Таита поощрял эту задержку. Он был уверен, что Наг не предпримет никаких действий против Нефера, пока Апепи и его дочь будут в Фивах. Царские гости проводили дни, охотясь с соколами и без них, посещая

многочисленные храмы на обоих берегах реки, посвященные всем богам Египта, или состязания между отрядами Северного и Южного царств – гонки на колесницах, состязания в стрельбе из лука и в беге, даже состязания в плавании, на которых отобранные претенденты переплывали Нил ради приза, золотой статуэтки Гора.

В пустыне они охотились с мчащихся колесниц на газелей и сернобыков ориксов, или, с быстрыми соколами, на больших дроф. В клетках дворца не осталось царских соколов – их по обычаю выпустили на волю во время похорон отца Нефера.

На берегу реки гости охотились с соколом на цапель и уток и били гарпунами усатых сомов на мелководе. Они охотились также на «водяных лошадей», могучих гиппопотамов, с флота боевых галер, и Нефер лично стоял у рулевого весла собственной галеры под названием «Глаз Гора».

Принцесса Минтака стояла около него и взвизгивала от волнения, когда огромные животные выныривали на поверхность и в их спины вонзалось множество копий, а вода розовела от крови.

В эти дни Минтака часто была рядом с Нефером. Она ехала в его колеснице, когда они охотились, и подавала ему копье, когда они подъезжали близко к мчащимся галопом сернобыкам. Она несла на руке собственного сокола, когда они обследовали тростниковые заросли в поисках цапель. Во время вылазок на охоту в пустыне она сидела рядом с ним и готовила ему вкусное угощение. Выбирала самые сладкие виноградины, очищала их длинными, заостренными пальцами и клала ему в рот.

Каждый вечер во дворце давали пиры, и там она также сидела рядом с Нефером, на традиционном женском месте, слева – чтобы не блокировать руку с мечом своего мужа. Она заставляла его смеяться своим хитроумным шуткам и изумительно подражала Гесерет, жеманничая, поводя глазами и упоминая о «моем муже, регенте Египта» точно таким тоном, каким сейчас говорила Гесерет.

Хотя они старались, но никогда не могли остаться совсем одни. Наг и Апепи следили за этим. Когда Нефер обратился за помощью к Таите, даже он не смог организовать им тайную встречу. Неферу не пришло в голову, что Таита и не старался это сделать, потому что был так же настроен сохранить их невинность, как и другие. Давным-давно Таита устроил свидание Тану и его возлюбленной Лостры, и эхо этой встречи, подобно грому, не затихало долгие годы. Когда Нефер и Минтака играли в бао, рядом всегда были девушки-рабыни, а поблизости – придворные и вездесущий господин Асмор.

Нефер изучил сильные стороны невесты и узнал некоторые слабые: она всегда чересчур тщательно защищала свой домашний замок, и если Нефер наступал в том секторе не слишком рьяно, – иногда открывала свои фланги. Дважды он воспользовался этим и разбил ее защиту, но в третий раз чересчур поздно обнаружил, что Минтака предвидела его уловку и устроила западню. Едва Нефер открыл свой западный замок, она ударила фалангой в брешь и так очаровательно смеялась, вынудив его сдаться, что он почти, но не совсем, простил ее.

Их игра становилась все более состязательной, и скоро накал соперничества достиг огромной силы, так что даже Таита целыми часами наблюдал за ними и иногда кивал в знак одобрения или улыбался бледной старческой улыбкой.

Их любовь была так очевидна, что озаряла всех вокруг, и везде, где они появлялись вместе, вспыхивали улыбки и звучал смех. Когда колесница Нефера мчалась по улицам Фив с Минтакой на площадке в роли его копьеносца и ее темные волосы развевались на ветру подобно знамени, женщины выбегали из домов, а мужчины бросали работу, чтобы прокричать приветствия и добрые пожелания. Даже Наг мягко улыбался, глядя на них, и никто не замечал, как глубоко его возмущало то, что внимание народа отвлекают от его собственного бракосочетания и невест.

Только господин Трок был мрачен и на охотничьих вылазках, и на завтраках на природе, и на пирах во дворце.

Время, которое они проводили вместе, пролетало слишком быстро.

– Вокруг нас всегда столько людей, – шептал Нефер над доской для игры в бао. – Как я хочу остаться наедине с вами хотя бы на несколько минут. Всего через три дня вам пора будет вернуться в Аварис вместе с отцом. Возможно, пройдут месяцы или даже годы, прежде чем мы встретимся снова, а я столько хочу вам сказать – но без всех этих глаз и ушей, нацеленных на нас, будто стрелы на тетиве.

Она кивнула, затем протянула руку и передвинула камень, который он не заметил по рассеянности. Он поглядел вниз и придал ее ходу мало значения, пока не понял, что его западный замок сейчас – под двойной атакой. Тремя ходами позже она прорвала его фронт. Он какое-то время продолжал вести сражение, но его силы были в беспорядке, и проигрыш был неизбежен.

– Вы поймали меня, когда я отвлекся, – проворчал он. – Как все женщины.

– Великий, я и не отказываюсь от того, что я женщина. – Минтака произнесла его титул с иронией, которая колола, как украшенный драгоценными камнями кинжал, что она носила на поясе. Затем она наклонилась ближе и прошептала: – Если я останусь наедине с вами, вы обещаете уважать мое целомудрие?

– Клянусь раненым глазом великого бога Гора, что пока жив, никогда не опозорю вас, – сказал ей искренне.

Она улыбнулась.

– Мои братья были бы не очень довольны, услышав это. Им подошел бы любой предлог, чтобы перерезать вам горло. – Она скосила на него великолепные темные глаза. – А если не горло, то подошла бы любая другая часть вашего тела.

Им повезло на следующий день. Один из царских охотников спустился с холмов над деревней Дабба и сообщил, что из восточной пустыни вышел лев и ночью совершил набег на загон с рогатым скотом. Он перепрыгнул через частокол и убил восемь испуганных животных. На рассвете толпа сельских жителей, размахивая горящими факелами, трубя в рога, гремя в барабаны и громко крича, прогнала его.

– Когда это случилось? – спросил Наг.

– Три ночи тому назад, ваша милость. – Человек пал ниц перед троном. – Я отправился вверх по реке, сразу как смог, но течение было очень сильное, а ветер – встречный.

– А что со зверем? – нетерпеливо перебил царь Апеги.

– Он вернулся в холмы, но я послал за ним двух своих лучших нубийских следопытов.

– Кто-нибудь видел его? Большой он? Лев или львица?

– Деревенские жители говорят, что это крупный самец с большой гривой, густой и черной.

На протяжении шестидесяти последних лет в приречных землях о львах почти не слышали. Они были царской добычей, и все фараоны безжалостно охотились на них, не только из-за ущерба, причиняемого домашнему скоту крестьян, но также и потому, что львы были самым желанным трофеем царской охоты.

В ходе долгих, ожесточенных войн с гиксосами фараоны обоих царств были заняты боевыми действиями и на львов охотились редко. Кроме того, человеческие тела, остававшиеся на полях сражений, были для львиных прайдов источником легкой добычи. Несколько минувших десятилетий звери процветали, и их число увеличилось во много крат – как и их смелость.

– Я сейчас же прикажу погрузить на корабли колесницы, – решил Апеги. – Если плыть по течению реки, мы сможем прибыть в Даббу завтра рано утром. – Он усмехнулся и ударил кулаком по жесткой ладони своей удерживающей в боях меч руки. – Клянусь Сеуетом, я хотел бы воспользоваться случаем и поохотиться на этого старого льва с черной гривой. С тех пор как мне пришлось отказаться от убийства египтян, я истосковался по настоящим развлечениям.

Наг нахмурился, услышав эту остроту.

– Великий, вы послезавтра утром собирались отплыть обратно в Аварис.

– Вы правы, регент. Однако большая часть нашего багажа уже погружена, и флот готов отплыть. Кроме того, Дабба – по дороге. Я могу позволить себе потратить день или два, чтобы поучаствовать в охоте.

Наг колебался. Он не настолько увлекался охотой, чтобы пренебречь многочисленными государственными делами, ждущими его внимания. Он с нетерпением ожидал отъезда Апеги, чье необузданное, грубое поведение в Фивах давно ему надоело. Он также вынашивал и другие планы, к осуществлению которых можно было приступить только, когда Апеги оставит Фивы. И все же он не мог допустить, чтобы гиксосский фараон охотился в Верхнем Царстве один. Было бы не только невежливо, но и нецелесообразно позволить Апеги находиться в Южном царстве, как если бы он имел на то естественное право.

– Великий, – вмешался Нефер, прежде чем Наг придумал подходящий отказ, – мы с величайшим удовольствием присоединимся к охоте. – Он увидел возможность великолепно развлечься, поскольку никогда раньше не имел случая охотиться за львом на колеснице и не проверял свою храбрость в таком деле. Но в сто раз важнее было другое: охота могла бы задержать нежелательный отъезд Минтаки. Это счастливое обстоятельство могло бы даже обеспечить им возможность, пока ускользавшую от них, провести короткое время наедине. Прежде чем Наг смог воспротивиться, Нефер обратился к охотнику, все еще лежавшему ниц, прижав лоб к покрытому плиткой полу. – Ты правильно поступил. Управляющий дворцом даст тебе за работу золотое кольцо. Возвращайся в Даббу сейчас же, на самой быстрой фелюге нашего флота. Подготовься к нашему прибытию. Мы отправимся охотиться на этого зверя все вместе.

Нефер сожалел лишь об одном: во время его первой охоты на льва Таиты не будет с ним, чтобы поддержать советом. Старик удалился в пустыню, в очередной из своих периодических таинственных походов, и никто не знал, когда он вернется.

Ранним утром следующего дня группа охотников высадилась на берегу реки ниже деревни Дабба. Затем с небольшой группы легких судов и галер выгрузили лошадей и двадцать колесниц. Копьеносцы тем временем острили лезвия копий, заново натягивали охотничьи луки и проверяли баланс и прямизну стрел. Пока поили, кормили и чистили лошадей, охотники от души позавтракали продуктами, принесенными жителями деревни.

Настроение у всех было приподнятое, и Апеги послал за следопытом, который принес весть с холмов.

– Это очень большой лев. Самый большой, какого я видел к востоку от реки, – сказал следопыт, и их волнение усилилось.

– Ты действительно видел его? – спросил Нефер. – Или только его следы?

– Я видел его ясно, но только издалека. Он высокий, как лошадь, и ступает важно, как царь. Его грива развевается на ветру как сноп проса дурра.

– Клянусь Сетом, этот парень – поэт, – презрительно усмехнулся Наг. – Придерживайся фактов и избегай красивых слов, плут.

Охотник коснулся кулаком сердца, чтобы показать раскаяние, и продолжил рассказ в приземленном тоне.

– Вчера он залег в лесистом вади в двух лигах отсюда, но с наступлением ночи ушел оттуда искать добычу. Прошло четыре дня, с тех пор как он кормился, и он голоден и опять охотится. Ночью он попытался напасть на сернобыка, но тот лягнул его и убежал.

– Где ты надеешься найти его сегодня? – спросил Нефер более добрым голосом, чем Наг. – Если он охотился, то хочет не только есть, но и пить. Где он будет пить?

Охотник посмотрел на него с уважением, не только из-за его царского положения, но и из-за продемонстрированного им знания повадок диких животных.

– После попытки убить сернобыка он ушел на каменистые земли, где мы не смогли найти его следы. – Апеги сделал жест досады, и охотник поспешил продолжить. – Но я думаю, этим утром он пил в маленьком оазисе. Это неприметное место знают почти одни

только кочевники.

– Сколько времени займет путь туда? – спросил Нефер, и охотник описал рукой часть дуги, обозначая перемещение солнца в течение трех часов.

– Тогда не стоит попусту терять время. – Нефер улыбнулся ему и, обернувшись, крикнул командиру отряда колесниц: – Сколько еще ждать, солдат?

– Все готово, великий.

– Трубите посадку, – приказал Нефер. Взревели бараньи рога, и охотники разошлись по ждущим их колесницам. Минтака шла рядом с Нефером. В этой неофициальной обстановке всякое царское достоинство было забыто, и они стали просто юношей и девушкой на захватывающей охотничьей вылазке. Господин Трок разрушил иллюзию. Запрыгнув в колесницу и взяв поводья, он крикнул царю Апепи:

– Великий, принцессе ни к чему ехать с неопытным юношей. Сейчас мы охотимся не на газелей.

Нефер остановился и с возмущением посмотрел на Трока. Минтака положила маленькую ладонь на его обнаженное предплечье.

– Не дразните его. Он отличный боец с ужасным характером, и если вы бросите ему вызов, даже ваше положение не защитит вас.

Нефер яростно сбросил ее руку.

– Честь не позволяет мне оставить такое оскорбление безнаказанным.

– Пожалуйста, сердце мое, ради меня, не придавайте этому значения. – Она впервые использовала такое обращение и сделала это преднамеренно, зная, какое впечатление это должно произвести на него: Минтака уже училась управлять его переменчивым настроением и характером с помощью чутья любящей женщины, далеко превосходившего ее возраст и опыт. Нефер моментально забыл Трока и свою замаранную честь.

– Как вы назвали меня? – спросил он хрипло.

– Вы не глухой, мой дорогой. – Он моргнул, во второй раз услышав проявление нежности. – Вы все хорошо слышали. – И она улыбнулась ему.

Апепи крикнул в тишине:

– Не волнуйся, Трок. Я посылаю свою дочь, чтобы она позаботилась о фараоне. Он будет в полной безопасности. – Он фыркнул от смеха и тряхнул поводьями. Когда его колесница рванулась вперед, он снова крикнул:

– Мы потеряли здесь впустую половину утра. Охотники, в погоню за зверем!

Нефер пристроил свою колесницу позади колесницы Апепи, круто подрезав повозку господина Трока. Проезжая мимо, он холодно посмотрел на Трока и сказал:

– Вы дерзки. Будьте уверены, что это не конец. Мы поговорим позже, господин Трок.

– Боюсь, теперь он ваш враг, Нефер, – проговорила Минтака. – У Трока скверная репутация и еще более скверный характер.

Во главе с царским охотником, ехавшим без седла верхом на худой, но крепкой маленькой лошади, колонна поднималась в голые каменистые холмы. Они перешли на рысь, щадя лошадей, и давали им отдышаться после каждого крутого подъема. Через час им встретился один из нубийских следопытов, ожидавший их на вершине холма; он сбежал вниз поговорить с царским охотником. Они серьезно побеседовали, после чего охотник рысью вернулся к группе царственных охотников с известием:

– Нубийцы обследовали холмы, но вновь не нашли следов. Они уверены, что лев будет пить у источника, но, не желая тревожить его, ждали нас.

– Веди нас к воде, – приказал Апепи, и они поехали дальше.

Перед полуднем охота спустилась в мелкую ложину. Они были недалеко от реки, но казалось, что далеко в пустыне, безводной и угрожающей. Охотник подскакал к колеснице Апепи и сказал:

– Источник в начале этой долины. Зверь, вероятно, лежит поблизости.

Само собой старый воин Апепи принял командование, и Нефер не оспаривал это его право.

– Разделимся на три группы и окружим оазис. Если мы обнаружим, где укрывается зверь, он окажется в кольце. Господин регент, вы возьмете левое крыло. Фараон Нефер Сети, возьмите центр. Я возьму правый фланг. – Он размахивал над головой тяжелым военным луком. – Кто прольет первую кровь, тот получит трофей.

Все они были опытными колесничими и стремительно и без задержек разделились на три отряда. Раскинули широкую сеть, чтобы окружить источник. Лук Нефера висел у него на плече, и он размотал с запястий поводья, чтобы в любой момент бросить их и освободить обе руки для лука. Минтака прижалась к его боку. Она держала наготове длинное копьё, чтобы подать Неферу. За прошлые недели они отработали эту замену оружия, и он не сомневался, что она вложит копьё в его ладонь именно в тот миг, когда оно понадобится.

Они приближались к оазису шагом, постепенно смыкаясь. Лошади чувствовали напряжение ездовых, и, возможно, чуяли запах льва. Они подергивали головами, вращали глазами и фыркали, высоко и нервно поднимая ноги.

Линия колесниц медленно смыкалась вокруг участка пустыни, покрытого низким кустарником и густой травой, скрывавшими источник. Когда кольцо замкнулось, Апепи поднял руку над головой, веля остановиться. Царский охотник спешил и пошел вперед, ведя свою лошадь. Он осторожно приблизился к редкому коричневому кустарнику.

– Если бы лев был здесь, мы, конечно, уже увидели бы такое большое животное. – Голос Минтаки дрожал, и Нефер любил ее еще больше за это маленькое проявление страха.

– Лев может прильнуть к земле так плотно, что сольется с ней – вы пройдете рядом, едва не задев его, не подозревая, что он рядом, – сказал Нефер.

Охотник делал несколько шагов вперед и останавливался, чтобы прислушаться и осмотреть каждый куст и каждый пучок густой травы на своем пути. На краю зарослей кустарника он наклонился и поднял горстку мелких камней, после чего начал бросать их во все возможные места укрытия.

– Что он делает? – прошептала Минтака.

– Лев перед нападением рычит. Он пытается заставить его выдать себя.

Тишину нарушали лишь стук падавшей гальки, фыркание лошадей и беспокойное переступание их копыт. Все охотники положили стрелу на тетиву, готовые в мгновение ока натянуть ее. Внезапно в траве раздался пронзительный крик и топот. Все сразу подняли луки, копьеносцы тоже подняли свое оружие. Но тут же расслабились и растерянно смотрели, как темно-коричневый аист марабу поднялся в воздух и полетел по долине к реке.

Охотник постоял минуту, чтобы прийти в себя, и двинулся глубже в заросли, останавливаясь после каждого шага, пока не достиг источника. Солоноватая вода медленно сочилась, заполняя мелкое углубление в скалистой земле, едва пригодное для утоления жажды крупного хищника. Охотник опустился на одно колено, чтобы осмотреть края углубления в поисках следов, покачал головой и встал. Он быстро прошел обратно через кустарник, сел на лошадь и поскакал к колеснице Апепи. Другие охотники тоже подъехали, чтобы услышать новости, но охотник удрученно сказал Апепи:

– Великий, я ошибся в своих предположениях. Лев не приходил сюда.

– И что теперь, парень? – Апепи даже не старался скрыть разочарование и раздражение.

– Здесь мы скорее всего могли бы найти его, но есть и другие места. Он мог уйти с того места, где мы видели его последний раз, пересечь долину или, может, залечь где-нибудь неподалеку и ждать темноты, чтобы напиться. Дальше внизу есть заросли. – Он указал назад, на каменистые склоны.

– Где еще? – задал вопрос Апепи.

– Есть еще один источник в следующей долине, но там расположились кочевники. Возможно, они спугнули зверя. Другой маленький источник – под теми холмами на западе. – Он указал на низкую гряду крутых красноватых холмов на горизонте. – Лев может быть в любом из этих мест или ни в одном, – признался охотник. – Он также мог вернуться и быть сейчас на краю равнины, где много воды. Возможно, его привлек запах рогатого скота и коз, не только жажда.

– Ты не имеешь ни малейшего представления о том, где он скрывается, не так ли? – спросил господин Наг. – Нужно отменить охоту и вернуться на лодки.

– Нет! – вмешался Нефер. – Мы едва начали. Как можно так скоро отказаться?

– Парень прав, – согласился Апепи. – Следует продолжить, но нужно осмотреть большую территорию. – Он помолчал немного, затем решил: – Нужно разделить и обыскать каждый район отдельно. – Он посмотрел на Нага. – Господин регент, отправляйтесь с вашим отрядом к стоянке кочевников. Если они видели зверя, то укажут вам, где он. Я поеду к источнику ниже холмов. – Он обратился к Троку. – Возьми три колесницы и поезжай в нижнюю часть долины. Один из следопытов поедет с тобой, чтобы искать следы.

Асмору он сказал:

– Возьмите три колесницы и вернитесь к краю равнины к Даббе, на случай если он вернулся туда, где в последний раз убил добычу. – Затем он взглянул на Нефера. – Фараон, отправляйтесь в противоположную сторону, на север, к Ахмиму.

Нефер понял, что ему дали обследовать самый малообещающий участок, но не стал возражать. Этот новый план подразумевал, что впервые они с Минтакой окажутся далеко от прямого наблюдения его опекунов. Нага, Асмора и Трока посылали в разных направлениях. Он ожидал, что кто-нибудь укажет на это, но все были до того заняты охотой, что никто, казалось, не понимал значения этого шага. Кроме Нага.

Регент твердо посмотрел на Нефера. Возможно, он прикидывал, нельзя ли отменить распоряжения Апепи, но в конце концов, должно быть, понял, что это было бы неблагоразумно, и заключил, что пустыня охраняется Нефера так же надежно, как и Асмор. Ему некуда было бежать, а если бы он втянул Минтаку в какие-нибудь дикие приключения, то войска обоих царств бросились бы преследовать его, подобно роям диких пчел.

Наг отвернулся от фараона, когда Апепи стал назначать сборный пункт и давать заключительные распоряжения. Наконец бараньи рога прогудели сигнал подняться на колесницы и ехать, и пять колонн двинулись прочь из долины. На ровном дне долины они разделились на пять отдельных отрядов и отправились в противоположные стороны.

Когда последний из других отрядов исчез среди холмов, Минтака наклонилась еще ближе Неферу и проговорила:

– Наконец Хатор сжалилась над нами.

– Я полагаю, это Гор оказал нам свое покровительство, – Нефер улыбнулся ей в ответ, – но я приму эту благосклонность, от кого бы она не исходила.

В отряде Нефера было еще две колесницы; ими командовал полководец Хилто, старый воин, нашедший его и Таиту, когда они пытались бежать из Египта. Он служил отцу Нефера и был предан до смерти: Нефер знал, что может безоговорочно доверять ему.

Нефер вел отряд быстро, желая максимально использовать остаток светлого времени, и через час езды под ними открылась обширная перспектива речной равнины. Он остановился на несколько минут, чтобы полюбоваться. Река была изумрудом, лежащим в оправе сочной зелени полей и плантаций на обоих берегах.

– Как красиво, Нефер. – Минтака говорила почти мечтательно. – Даже когда мы поженимся, нам следует всегда помнить, что эта земля владеет нами, а не мы владеем ей.

Иногда Нефер забывал, что она рождена в Аварисе и имеет такие же большие притязания на эту землю, как и он. Он почувствовал, как его сердце наполняется гордостью от того, что она любит эту землю так же, как он, и тоже сознает свой патриотический долг.

– Я никогда не забуду этого, особенно пока вы рядом со мной. – Она повернула к нему лицо, ее губы были чуть приоткрыты. Нефер ощущал ее сладкое дыхание, и желание коснуться ее губ своими стало почти непреодолимым. Затем он почувствовал направленный на них пристальный взгляд Хилто и других солдат и краем глаза увидел его понимающую улыбку. Он отодвинулся, прохладно посмотрел на Хилто и отдал приказ, который репетировал с тех пор, как они отделились от остальных охотников. – Если лев здесь, он, вероятно, лежит где-нибудь на склоне холмов ниже нас. – Он указал направление взмахом

руки. – Я хочу, чтобы мы выстроились цепью. Левый фланг должен быть на краю равнины, а нам следует быть справа отсюда на гребне холмов. Будем двигаться на север. – Он сделал широкий жест, но Хилто смотрел с сомнением и почесывал шрам на щеке.

– Это широкий фронт, великий. До дна долины почти половина лиги. Иногда мы будем терять друг друга из вида.

Нефер видел, что растягивать свой фронт так широко – против всех его военных инстинктов, и быстро продолжил, чтобы успокоить воина:

– Если мы действительно разделимся, то вновь соберемся на третьем от нас горном хребте, вон там, под тем маленьким пригорком. Он будет для нас хорошим ориентиром. – Он указал на приметную скалу в четырех милях впереди. – Если кто-нибудь из нас опоздает на встречу, другие должны ждать, пока солнце не встанет под этим углом, и только потом вернуться на поиски отсутствующей колесницы.

Он дал себе несколько часов до того, как они начнут искать его и Минтаку. Однако Хилто по-прежнему колебался.

– Прошу прощения у великого, но господин Наг отдал мне очень строгий приказ.

Нефер резко перебил с холодным выражением на лице:

– Ты позволяешь себе спорить с фараоном?

– Никогда, великий! – Хилто был потрясен обвинением.

– Тогда выполняй свой долг.

Хилто с глубоким уважением приветствовал его и поспешил к собственной колеснице, выкрикивая на бегу срочные приказы своим солдатам. Когда отряд поехал вниз по склону, Минтака подтолкнула Нефера и улыбнулась.

– Выполняй свой долг! – Она точно воспроизвела его надменный тон и рассмеялась. – Пожалуйста, никогда не смотрите на меня так и не говорите со мной таким тоном, великий. Я уверена, что умру от испуга.

– У нас совсем мало времени, – ответил он. – Нам нужно использовать его с наибольшим толком и найти место, где мы сможем быть одни.

Он повернул колесницу назад, и вскоре их больше нельзя было видеть из речной долины или с колесниц ниже по склону. Мчась вперед, оба нетерпеливо вытягивали шеи.

– Взгляните вон туда. – Минтака указала направо. Небольшая рощица терновых деревьев была почти скрыта во впадине, виднелись только тускло-зеленые вершины. Нефер повернул к ней, и они обнаружили узкое ущелье, которое ветер и редкие ливни тысячелетиями вырезали в склоне. Там, должно быть, под землей текла вода: терновые деревья были крепкие. Их густая листва предлагала тень и уединение в этот горячий полдень. Нефер поехал вниз по склону в тень. Как только он остановился, Минтака прыгнула с площадки.

– Ослабьте упряжь и дайте лошадям отдохнуть, – предложила она.

Нефер поколебался, затем покачал головой. Это противоречило тому, чему его обучили: на отдельной позиции вроде этой и без поддержки ему следовало иметь колесницу, готовую к езде по любой внезапной тревоге. Он прыгнул и пошел наполнить ведро из мехов, чтобы напоить лошадей. Минтака пошла помочь ему. Они работали рядом в тишине.

Теперь, когда миг, о котором они мечтали, наступил, их одолела застенчивость, и они ничего не могли сказать друг другу. Внезапно они повернулись друг к другу и одновременно заговорили.

– Я хотел сказать вам... – произнес Нефер.

– Я думаю, мы должны... – проговорила Минтака.

Они остановились и застенчиво засмеялись, стоя близко друг к другу в тени. Минтака покраснела и смотрела вниз, на свои ноги, а Нефер гладил голову своего жеребца.

– Что вы хотели сказать?

– Ничего. Ничего важного. – Она покачала головой, и Нефер увидел, что она покраснела. Ему ужасно понравилось смотреть на ее покрасневшие щеки. Она по-прежнему не глядела на него, и ее голос звучал так тихо, что Нефер едва расслышал, когда она в свою

очередь спросила: – А что вы хотели сказать?

– Когда я думаю о том, что уже через несколько дней вы уедете, мне кажется, будто мою правую руку отрезают, и я хочу умереть.

– О Нефер. – Она взглянула на фараона, ее глаза были огромными и влажными от замешательства и восторга первой любви. – Я люблю вас. Я действительно люблю вас.

В тот же миг они устремились друг к другу и со щелчком ударились зубами. Его нижняя губа попала между ними, и из ранки вытекла капля крови, так что их поцелуй был приправлен солью. Их объятие было неопытным и неправильным, неуклюжим и безумным. Оно разбудило в обоих дикие, безудержные чувства. Стискивая друг друга, они застонали от силы своих новых ощущений. Хотя тело принцессы было целиком прижато к его телу, Нефер пытался притянуть ее еще ближе, а Минтака прижималась все сильнее, будто хотела слиться с ним в единую плоть, подобно гончарной глине. Она протянула руки, погрузила пальцы в его густые пыльные кудри и дрожащим голосом произнесла:

– О! О!

– Я не хочу потерять вас. – Он прервал поцелуй. – И никогда не захочу.

– Я не хочу покидать вас никогда – никогда! – Минтака задыхалась, и они поцеловались снова, пожалуй, даже неистовее прежнего. С этой минуты они оказались в неизведанных царствах ума и тела. Они мчались на колеснице, которой не управляли и которую несли закусившие удила лошади любви и желания.

Прижавшись друг к другу, они опустили на мягкий белый песок дна вادي и вцепились друг в друга, как если бы были врагами. Их глаза смотрели дико и незряче, дыхание было судорожным и прерывистым. Полотно набедренного Минтаки разорвалось в его руках подобно папирусу, и он сунул руку в разрыв. Принцесса застонала, словно в смертельной муке, но развела бедра и стала гибкой и податливой. Никто из них не подозревал, к чему это вело. Нефер всем существом хотел чувствовать, как его голая кожа прижимается к ее гладкому телу. Потребность в этом была столь глубока, что, казалось, от этого зависела сама его жизнь. Он разорвал свой передник, и они прижались друг к другу; оба были поглощены восторженным ощущением ее теплой молодой плоти, прижатой к его крепкому телу. Затем он бессознательно начал совершать движения в ее сторону, ритмично качаясь, и она принимала его движения, как если бы мчалась в колеснице по неровной дороге.

Затем вдруг она почувствовала, как что-то твердое властно надало на самые врата ее женственности, и испытала почти непреодолимое стремление встречать толчок толчком, чтобы помочь ему прорваться и впустить его в свои мягкие, тайные места.

Затем действительность вернулась к ней. Она стала отчаянно брыкаться, выгибая спину и сопротивляясь с вновь обретенной силой, подобно газели в зубах гепарда. Она оторвала рот от его рта и закричала:

– Нет, Нефер! Вы обещали! Вы клялись раненным глазом Гора!

Он отпрянул, будто его стегнули кнутом, и уставился на нее широко открытыми испуганными глазами. Он дышал так, будто долго и быстро бежал, его голос был хриплым.

– Минтака, моя любовь, моя дорогая. Не знаю, что на меня нашло. Это было безумие. Я не хотел этого. – Он сделал отчаянный жест. – Я скорее умру, чем нарушу мою клятву и принесу вам бесчестье.

Минтака дышала так тяжело, что не смогла ответить ему сразу. Она отвела глаза от его обнаженного тела, и он жалобно продолжил:

– Пожалуйста, не презирайте меня. Не знаю, что на меня нашло.

– Я не презираю вас, Нефер. И никогда не смогу презирать вас. – Его отчаяние было невыносимо, и ей хотелось вновь броситься к нему в объятия, успокоить. Но она знала, как это опасно. Держась за колесо, она поднялась на ноги. – Я виновата, как и вы. Мне не следовало допускать такого. – Ноги у нее дрожали; она попыталась обеими руками откинуть волосы назад с лица.

Нефер виновато встал, сделал к ней шаг, но когда она отпрянула, сразу остановился.

– Я порвал ваш набедренник, – сказал он. – Я не хотел.

Минтака посмотрела вниз и увидела, что совсем не одета – она была почти такой же голой, как он. Она торопливо стянула вместе разорванные края набедренника и отступила подальше.

– Вам нужно одеться, – прошептала она и невольно посмотрела на него. Он был прекрасен; она почувствовала, как желание поднялось в ней, и заставила себя смотреть в другую сторону. Он быстро наклонился, подобрал сброшенный хитон и повязал его через пояс.

Они стояли в виноватой, неловкой тишине. Минтака отчаянно искала слова, чтобы отвлечь их обоих от этого ужасного момента. Тело помогло ей. Она ощутила давящую наполненность мочевого пузыря.

– Я должна уйти!

– Нет, – умоляюще произнес он. – Я не хотел этого. Простите. Это не повторится. Оставайтесь со мной. Не оставляйте меня.

Она неуверенно улыбнулась.

– Нет. Вы не понимаете. Я лишь ненадолго отлучусь. – Она сделала понятный жест руками, придерживавшими края ее порванного набедренника. – Я ненадолго.

Его облегчение было почти трогательно.

– Ах, я понимаю. Я подготавливаю колесницу. – Он повернулся к лошадям, и Минтака оставила его и углубилась в рощу терновых деревьев.

Лев наблюдал, как она идет между деревьями туда, где он лежал. Он прижал уши к голове и плотнее приник к каменистой земле. Это был старый зверь, миновавший свой расцвет. В его темной косматой гриве белели седые волосы. Спина когда-то отливала сизым, но сейчас побелела от возраста. Изношенные зубы были в пятнах, один из длинных клыков был сломан близко к десне. Хотя лев все еще мог тащить взрослого вола и убить его одним ударом огромной лапы, когти были истерты и притупились, так что ему было трудно цеплять более проворную добычу.

Прошлой ночью он упустил сернобыка, и голод тупой, настойчивой болью поселился в животе.

Он следил за человеком желтыми глазами, и его верхняя губа поднялась в немом рычании. Когда он был львенком, мать научила его питаться мертвой плотью людей, которых они находили на полях битв. У него не было того естественного отвращения, которое питает к вкусу человеческой плоти большинство других плотоядных. Многие годы он убивал людей и поедал их мясо всякий раз, когда представлялась возможность. Существо, приближавшееся к нему через низкий кустарник, он рассматривал как естественную добычу.

Минтака остановилась в пятидесяти шагах от того места, где он лежал и смотрел на кусты вокруг нее. Инстинкт льва повелевал ему во время охоты избегать прямого взгляда на добычу. Он прижал голову к самой земле и сузил глаза в щелки. Миг не подходил для нападения, и он держал хвост низко и неподвижно.

Минтака зашла за ствол одного из деревьев, присела и опорожнила мочевой пузырь. Морда льва собралась глубокими складками: он учуял острый запах ее мочи. Это подстегнуло его интерес. Минтака встала, и порванный набедренник снова укрыл ее бедра. Она отвернулась от льва и направилась назад к тому месту, где ждал Нефер.

Лев начал бить хвостом, и это было началом нападения. Он поднял голову; хвост с черной кистью хлестал его по бокам.

Минтака услышала ритмичный шум и глухой стук хвоста, остановилась и удивленно оглянулась назад. Она увидела устремленный на нее пристальный взгляд желтых глаз животного и пронзительно завизжала. Этот крик ударил по сердцу Нефера. Он обернулся и тотчас оценил положение: девушка и готовый к прыжку зверь перед ней.

– Не беги! – прокричал он. Он знал, что если она побежит, у льва сработает кошачий инстинкт преследования. – Я иду! – Он схватил лук и колчан с полки на переднем щите и

побежал к Минтаке, накладывая стрелу на тетиву.

– Не беги! – повторил он в отчаянье, но тут лев зарычал. Это был ужасающий звук, который, казалось, вибрировал в костях Минтаки и сотряс землю у нее под ногами. Она не могла справиться со страхом, переполнявшим ее. Повернувшись, она не разбирая дороги побежала в сторону Нефера, всхлипывая с каждым шагом.

Львиная грива немедленно вздыбилась, окружив голову зверя темным облаком, и он темной, желтовато-коричневой полосой бросился за жертвой сквозь деревья. Он догнал ее, как если бы она не двинулась с места.

Нефер остановился, бросил колчан, чтобы освободить обе руки, и вскинул лук. Он дотянул оперение до своих губ и навел лук на массивную вздымающуюся грудь зверя. Хотя расстояние было невелико, это был трудный выстрел. Зверь двигался наискось, отклонение было критическое, а Минтака находилась на линии выстрела. Вдобавок ко всему он знал, что стрела не спасет Минтаку. Чтобы остановить льва и дать ей шанс спастись, ему надо нацелить стрелу в жизненно важные органы животного. Однако для точного определения нужной точки совсем не было времени: лев почти настиг ее принцессу.

Он бежал, рыча с каждым прыжком, комя земли и камни летели из-под его огромных лап. Желтые глаза были ужасны. Нефер сдвинул лук чуть вперед, делая поправку в ладонь на время полета стрелы, и закричал со всей настойчивостью, на какую был способен:

– Ложись, Минтака! Уйди с линии выстрела!

За те недели, в течение которых охотились вместе, они выработали такую согласованность, что Минтака привыкла безоговорочно доверять ему. Даже несмотря на охвативший ее страх, он сумел докричаться до нее. Без колебаний она на бегу плашмя бросилась на каменистую землю почти рядом с пастью бегущего льва.

Едва она упала, Нефер отпустил тетиву. Стрела вылетела из его лука. Испуганному до безумия Неферу казалось, что она преодолевает разделявшее их пространство неторопливо, точно насытившаяся хищная птица. Стрела пролетела над тем местом, где лежала Минтака, уже начиная снижаться, и казалась крошечной, медленной и слишком слабой для такого массивного животного. Затем она беззвучно ударила в цель, и Нефер замер: вот сейчас тонкое древко сломается, пренебрежительно отброшенное в сторону рычащим скачущим зверем.

В тот миг, когда пасть льва широко раскрылась, демонстрируя полный набор неровных, покрытых пятнами клыков, кремневый наконечник стрелы вошел в густую темную шерсть, покрывавшую грудь зверя. Удара не было слышно, но тонкое прямое древко стрелы вошло в тело льва, и снаружи остался торчать только конец с ярким оперением длиной в ладонь.

Нефер подумал, что попал в сердце. Лев высоко подпрыгнул в ужасной конвульсии, и его рычание сменилось непрерывным ревом, который сбросил с веток тернового дерева над его головой облако сухих листьев. Затем зверь закружился, кусая собственную грудь и разгрызая в щепки торчащий конец стрелы. Минтака лежала почти под его когтистыми быстро переступающими лапами.

– Уходи от него! – закричал Нефер. – Беги!

Он наклонился и, выхватив вторую стрелу из колчана у своих ног, побежал вперед, накладывая ее на тетиву. Минтака вскочила. К ней вернулось достаточно сообразительности, и, чтобы не мешать прицеливанию, она не бросилась прямо к нему в поисках защиты, а спряталась за стволом ближайшего тернового дерева.

Этого движения оказалось достаточно, чтобы снова привлечь к ней внимание раненного льва. Теперь его терзали боль и ярость, а не голод, и он бросился к ней. Кривые желтые когти сорвали кусок влажной коры со ствола дерева, за которым спряталась Минтака.

– Сюда! Я здесь! Иди ко мне! – громко закричал Нефер, пробуя отвлечь от нее льва. Тот повернул огромную голову с косматой гривой к нему, и Нефер одним отчаянным движением натянул лук и выпустил следующую стрелу. Руки у него дрожали, а цель быстро двигалась. Стрела улетела слишком далеко назад, вонзилась льву глубоко в живот, и зверь

закашлялся. Он оставил Минтаку и бросился к Неферу. И хотя он был смертельно ранен и уже двигался медленно, у Нефера не было никакого шанса уклониться от этой новой атаки. Он пустил последнюю стрелу, а колчан лежал на твердой земле далеко от него. Протянув руку вниз, он вытянул из ножен на поясе кинжал.

Это было слабым оружием против разъяренного животного. Тонкое бронзовое лезвие было недостаточно длинным, чтобы нанести удар в сердце, но Нефер слышал, как царский охотник рассказывал истории об удивительном спасении из точно такого же смертельно опасного положения. Когда лев бросился в предвещающем смертоносное нападение прыжке, Нефер упал назад, даже не пытаясь сопротивляться удару тяжелого животного. Он оказался между его передними лапами, и лев широко открыл пасть и нагнул голову, чтобы раздробить череп Нефера ужасными клыками. Его дыхание было так отвратительно, со зловонием гнилого мяса и разрытых могил, что Нефер почувствовал сильный позыв к рвоте. Мгновение он лежал неподвижно, затем ударил кинжалом, зажатым в правой руке, глубоко в открытую пасть. Лев инстинктивно сомкнул челюсти.

Нефер крепко держал кинжал, направляя лезвие вертикально вверх, и, когда челюсти льва сомкнулись, острое бронзового кинжала пробило ему небо. Нефер вытянул руку, прежде чем клыки успели сломать кости его запястья, потому что челюстям льва мешал сомкнуться кинжал, зажатый между ними, и он не мог укусить.

Лев рвал фараона обеими передними лапами с полностью выпущенными когтями. Нефер извивался и корчился под тяжелым телом, уклоняясь от некоторых ударов когтей, но его передник был разорван, и он чувствовал, как костяные крючья рвут его плоть. Он понимал, что долго не продержится. Не сознавая этого, он кричал льву над собой:

– Уйди от меня, грязное существо! Убирайся прочь!

Лев продолжал реветь, кровь из пронзенного неба летела из пасти тучей темно-красных брызг, смешанных со зловонным дыханием и горячей слюной, в лицо Неферу.

Его крики привели в чувство Минтаку, и, когда она выглянула из-за ствола тернового дерева, Нефер лежал залитый кровью под тушей льва, истерзанный до смерти. Минтака забыла о своем страхе.

Лук Нефера лежал под его телом, а без него полный стрел колчан был бесполезен. Она выпрыгнула из-за дерева и бросилась к колеснице. Крики и рев позади подгоняли ее, и она бежала, пока ей не начало казаться, что ее сердце вот-вот разорвется.

Лошади впереди были напуганы запахом зверя и его ревом. Они вставали на дыбы, мотали головами и лягались. Они бы давно убежали, если бы Нефер не закрепил на одном колесе запирающий тормоз, так что они могли только поворачивать на месте в правую сторону, описывая узкое кольцо. Минтака пробежала мимо их мелькающих копыт и вскочила на площадку. Она схватила лежащие поводья и крикнула лошадям:

– Эй, там, Звездочет! Стой, Молот!

На их предыдущих прогулках Нефер часто позволял ей править, так что лошади помнили ее голос и узнали натяжение поводьев. Она быстро подчинила их, но ей показалось, что прошла вечность, поскольку крики Нефера и оглушительный рев льва не смолкали. В тот миг, когда ей удалось успокоить пару лошадей, она перегнулась через борт и ударом выбила тормоз. Она круто развернула колесницу влево и направила ее вперед прямо ко льву и его жертве.

Молот упирался, но Звездочет слушался поводьев. Минтака схватила кнут, которым Нефер никогда их не бил, и стегнула по блестящим бедрам Молота, оставив рубец толщиной с ее большой палец.

– Ха! – закричала она. – Тяни, проклятый Молот!

Испуганный Молот рванулся вперед, и они тяжело поскакали ко льву. Все внимание зверя было сосредоточено на кричащей, корчащейся между его передними лапами жертве, и он не взглянул на колесницу, приближавшуюся к нему.

Минтака бросила кнут и выхватила из крепления длинное копьё. Она держала его для Нефера долгие часы во время охоты, и сейчас оно легко и знакомо легло в ее правую руку.

Правя бегущей упряжкой поводьями, зажатыми в левой руке, она сильно перегнулась через боковой щит и высоко подняла копье. Когда они проезжали мимо лежащего льва, его голова была опущена, а шея полностью открыта. Место соединения спинного хребта и черепа на его шее покрывала плотная черная грива, но принцесса угадала это место и ударила копьем вниз, вложив в удар всю силу своего страха и любви к Неферу.

Ее копье уже приобрело скорость мчащейся колесницы. К ее изумлению, оно легко пронзило плотную шкуру и глубоко, на всю длину вошло в шею животного. Минтака почувствовала слабый щелчок в руке, когда острое ударило в место соединения между позвонками и прошло дальше, обрубая хребет.

Когда колесница промчалась мимо, древко копья вырвалось из ее рук. Но лев обрушился на Нефера обмякшей, неподвижной горой. Он больше не шевелился, убитый в одно мгновение. Лишь через пятьдесят локтей принцесса сумела заставить перепуганных лошадей остановиться, развернула колесницу и погнала их туда, где под огромным телом лежал Нефер.

Ей хватило присутствия духа, чтобы сперва набросить тормоз на колеса, и только потом спрыгнуть с колесницы.

Было очевидно, как ужасны раны Нефера. Из-за того, что он был обильно покрыт кровью, она подумала, что он, наверное, уже мертв. Она упала на колени возле него.

– Нефер, поговорите со мной. Вы слышите меня?

К ее огромному облегчению, он повернул к ней голову, его глаза были открыты и смотрели на нее.

– Вы вернулись, – выдохнул он. – Бак-хер, Минтака, бак-хер.

– Я сниму его с вас. – Она видела, что огромный вес мертвого зверя выдавливал воздух из его легких. Она поднялась и потащила зверя за голову.

– Хвост, – с болью прошептал Нефер сквозь маску струящейся крови. – Перекатите его за хвост.

Она быстро послушалась, ухватила длинный, с кистью, хвост и потащила вверх изо всех сил. Задняя часть медленно начала поворачиваться, затем перевернулось все тело, и Нефер оказался свободен.

Минтака встала на колени рядом с ним и помогла ему сесть, но он покачнулся как пьяный и протянул к ней руку в поисках поддержки.

– Помогите мне, Хатор, – взмолилась она. – Вы очень сильно ранены. Здесь так много крови.

– Она не вся моя, – пробормотал он, но из его правого бедра в том месте, где когти разорвали кровеносный сосуд, толчками бил темно-красный фонтан. Таита долго и серьезно учил его лечению боевых ран, и теперь он вставил большой палец в разорванную плоть и нажимал до тех пор, пока струя не прекратила течь.

– Принесите водяные мехи, – сказал он, и Минтака побежала к колеснице и принесла их. Она держала их перед Нефером, пока он жадно пил, а затем осторожно смыла кровь и грязь с его лица, с облегчением увидев, что оно не повреждено. Однако, осмотрев другие его раны, она едва скрыла потрясение – настолько они были серьезны.

– Моя постель в колеснице. – Его голос слабел. Когда принцесса принесла ее, он попросил развязать узел, и там она нашла сверток с принадлежностями для шитья. Она достала оттуда иглу и шелковую нить. Он показал ей, как перевязать кровеносный сосуд, из которого била кровь. Это далось ей легко, и она не колебалась и не страшилась. Ее руки были до запястий в крови, когда ловкими пальцами она затянула нить вокруг разорванной артерии, затем закрыла самые глубокие раны в его теле. Все еще под его руководством полосами, оторванными от его изодранного хитона, она перевязала раны. Это была грубая, примитивная хирургия, но ее хватило, чтобы остановить самое сильное кровотечение.

– Это все, что мы можем сейчас. Я помогу вам сесть в колесницу и доставлю туда, где хирург сможет сделать остальное. О, если бы Таита был здесь... – Минтака побежала к Звездочету и привела лошадей туда, где лежал Нефер. Он, приподнявшись на одном локте, с

тоской глядел на тело льва, лежавшее рядом с ним.

– Мой первый лев, – прошептал он горестно. – Если мы не снимем с него шкуру, трофей будет испорчен. Шерсть осыплется.

В пылу переживаний в ужасном беспокойстве о нем она вышла из себя.

– В жизни не слышала такой дурацкой «мужской» чуши! Вы хотели бы рискнуть жизнью ради зловонного куска меха? – Она сердито подошла, чтобы помочь ему встать на ноги. Им обоим потребовались невероятные усилия, чтобы поднять его. Опираясь на нее всем своим весом, Нефер, прихрамывая, добрал до колесницы и обессилено упал на площадку.

Минтака постелила овчину, чтобы уложить его как можно удобнее, поднялась на колесницу и встала над ним с поводьями в руках.

– Куда мы едем? – спросила она.

– Остальная часть отряда сейчас должна быть высоко над долиной и ехать слишком быстро, чтобы мы могли их догнать. К тому же они едут в другую сторону, – сказал он.

– Другие охотники рассеяны по пустыне. Мы можем искать их весь день – и не найти.

– Нужно вернуться туда, где стоит флот, к Даббе. На кораблях есть хирург, – пришла она к единственно правильному заключению, и Нефер кивнул. Минтака пустила лошадей шагом, и колесница покинула рошу и въехала на высоту, снова направляясь на юг.

– До Даббы три часа пути, а то и больше, – сказала Минтака.

– Меньше, если ехать поперек излучины реки, – ответил он. – Можно сократить путь по меньшей мере на четыре лиги.

Минтака заколебалась и посмотрела на восток, в сторону дикой пустыни, куда он убеждал ее направиться.

– Я могу там заблудиться, – проговорила она со страхом.

– Я буду показывать дорогу, – ответил он, уверенный в себе, потому что Таита научил его путешествовать в пустыне.

– Это – наш лучший шанс. – Она повернула упряжку влево, отметив голубоватый сланцевый пригорок в той стороне, куда указал Нефер.

Когда они были сильны и здоровы, им обоим чрезвычайно нравилось ехать в колеснице по неровной земле, и они пружинили на подъемах и спусках молодыми ногами. Но сейчас, даже при том, что Минтака вела лошадей шагом или рысью, столкновение с каждым камнем или выступом, толчок от каждой ямы передавались через твердые колеса, в истерзанном теле Нефера. Он морщился и обливался потом, но пытался скрыть свою боль. И все же с течением времени его раны воспалились, и боль стала невыносимой.

Он громко застонал при особенно сильном толчке и внезапно потерял сознание.

Минтака немедленно остановила лошадей и попробовала привести его в чувство. Она намочила в воде комок льняной ваты и выжала несколько капель в просвет между его губами. Затем протерла бледное, потное лицо Нефера. Но когда она попыталась повторно перевязать раны, то обнаружила, что глубокая рана в бедре вновь кровоточит. Она попыталась остановить кровь, но добилась только того, что кровь стала течь медленнее.

– С тобой все будет хорошо, мой дорогой, – сказала она ему с уверенностью, которой не чувствовала. Она нежно обняла его, поцеловала в запыленную, покрытую засохшей кровью голову, в темя, и снова взяла поводья.

Час спустя она отдала Неферу и лошадям последнюю воду и не пила сама. Затем встала вытянувшись в струнку на переднем щите колесницы и принялась оглядывать холмы из гравия и сланца, колеблющиеся и дрожащие в жарком мареве. Она поняла, что заблудилась. «Я проехала слишком далеко на восток?» – задавалась она вопросом, глядя на солнце и пробуя вычислить его угол. У ее ног шевелился и стонал Нефер, и она посмотрела вниз с храбрым выражением на лице и улыбнулась.

– Мы не поедem дальше, сердце мое. Со следующего гребня мы должны увидеть реку.

Она поправила овчину под его головой, встала, взяла поводья и постаралась успокоиться. Внезапно она поняла, как устала: каждая мышца в ее теле болела, глаза

воспалились и были красные от яркого солнца и пыли. Она с усилием тронула упряжку с места.

Скоро появились признаки утомления лошадей. Они прекратили потеть, и их спины покрыл белый иней высохшей соли. Она попробовала пустить их рысью, но животные не могли бежать, поэтому она спустилась, взяла жеребца под уздцы и повела упряжку. Теперь и она пошатывалась, но наконец наткнулась на следы колесницы на песчаном дне долины и повеселела.

— Они ведут на запад, — прошептала она губами, которые начинали раздуваться и трескаться. — Они приведут нас назад к реке. — Она пошла дальше по следам колес, но через некоторое время остановилась в замешательстве, поскольку обнаружила перед собой собственные следы. Ей потребовалось время, чтобы понять, что она, должно быть, шла по кругу по своей колее.

В конце концов ее охватило отчаяние. Она опустилась на колени, беспомощная и потерянная, и прошептала Неферу, по-прежнему лежавшему без сознания:

— Прости, мой дорогой. Я подвела тебя. — Минтака сдвинула спутанные волосы с его лица, посмотрела на вершину низкого холма на востоке и заморгала. Она потрясла головой, чтобы лучше видеть, посмотрела вдаль, чтобы дать отдохнуть своим воспаленным глазам, и снова поглядела туда. Она почувствовала, как ее настроение снова улучшается, но все-таки не могла быть уверена, что увиденное не иллюзия, а действительность.

На гребне холмов над ними, на фоне неба, опершись о длинный посох, стояла худошава фигура. Серебристые волосы сияли подобно облаку, и легкий жаркий ветер из пустыни хлопал набедренником по тонким как у цапли ногам. Человек глядел на них.

— О, Хатор и все богини, этого не может быть, — прошептала она.

Нефер открыл глаза.

— Таита — рядом, — пробормотал он. — Я чувствую, что он близко.

— Да. Таита — здесь. — Ее голос был еле слышен, и она схватилась за горло от потрясения.

— Но как он узнал, где нас найти?

— Он узнал. Таита знает как, — ответил Нефер, закрыл глаза и снова потерял сознание.

Старик уже шагал к ним вниз по неровному склону, и Минтака с трудом поднялась на ноги и, пошатываясь, пошла ему навстречу. Ее усталость стремительно убывала, и она замахала руками и закричала ему приветственные слова, почти обезумев от радости.

Таита вел колесницу вниз по откосу к реке и деревне Даббе. Лошади не артачились, чуя его руку, и двигались легко, что было хорошо для раненного мальчика на площадке колесницы. Некое глубинное чутье подсказывало Таите, какие лекарства и перевязочные материалы понадобятся Неферу, и он принес их с собой. Сменив повязки на ранах, он повел лошадей к скрытому источнику поблизости, где горьковатая вода восстановила их силы. Он поднял Минтаку на площадку и безошибочно повернул лошадей к Даббе и реке.

Стоя рядом с ним, Минтака почти со слезами умоляла его объяснить, как он узнал, что они нуждаются в нем и где их найти. Таита мягко улыбнулся и крикнул лошадям:

— Потихе теперь, Молот! Спокойно, Звездочет.

На площадке колесницы Нефер лежал в глубоком сне под действием красного шепенна; его раны, очищенные и перевязанные льняными полосами, больше не кровоточили. Яростный красный закат над Нилом начал бледнеть, будто затухающий лесной пожар. В меркнувшем свете, будто детские игрушки, виднелись корабли, все так же стоявшие на якорях в речном потоке.

Из деревни Дабба им навстречу выехали Апепи и Наг. Господин Наг был очень взволнован, а Апепи, как только они оказались в пределах слышимости его бычьего голоса, проревел дочери:

— Где вы были, глупая девчонка? Половина войска ищет вас. — Волнение господина Нага уменьшилось, как только он подъехал достаточно близко и увидел перевязанного

Нефера, лежащего без сознания на дне колесницы. Он стал почти жизнерадостным, когда Таита объяснил ему, сколь тяжки раны фараона.

Несколько лодочников вынесли бесчувственного Нефера на носилках на берег реки и осторожно подняли на борт одной из галер.

– Я хочу, чтобы фараона как можно скорее доставили в Фивы, – сказал Таита Нагу, – пусть даже это будет ночная поездка. Очень велика опасность того, что раны загноятся. Так бывает с ранами, полученными от больших кошек. Будто их клыки и когти пропитаны сильным ядом.

– Вы можете приказать, чтобы галера отплыла тотчас, – ответил Наг во всеуслышание, но затем взял Таиту за руку и отвел его чуть дальше по берегу реки туда, где их не могли подслушать.

– Помните о задаче, возложенной на вас богами, Маг. Я ясно вижу в этом чрезвычайном происшествии их божественное вмешательство. Если фараон умрет от ран, никто в обоих царствах не усомнится в том, что его смерть была естественной. – Он не сказал ничего больше, но пристально поглядел в лицо Таиты пронизывающими желтыми глазами.

– Воля богов победит все, – спокойно, но загадочно согласился Таита.

Наг усмотрел в его ответе то, что хотел услышать.

– Между нами царит согласие, Таита. Я надеюсь на вас. Идите с миром. Я последую за вами в Фивы после того, как позабочусь об Апеи. – Это последнее замечание показалось Таите необычным, но он был слишком озабочен, чтобы обдумать это. Наг загадочно улыбнулся и продолжил: – Кто знает? Может быть, когда мы встретимся снова, у нас будут важные новости друг для друга.

Когда Таита поспешил вернуться на борт галеры и вошел в маленькую каюту на палубе, где лежал Нефер, он увидел там Минтаку, в слезах стоявшую на коленях около носилок.

– Что такое, моя дорогая? – спросил он ее мягко. – Вы были храброй как львица. Боролись как воин. Как вы можете впасть в отчаяние сейчас?

– Мой отец заберет меня утром в Аварис, а я должна быть с Нефером. Я обручена с ним. Он нуждается во мне. Мы нужны друг другу. – Она жалобно глядела на него. Таита видел, что она физически и эмоционально истощена. Она схватила его за руку.

– О Маг! Вы не можете пойти к моему отцу и попросить позволения мне вернуться в Фивы, чтобы помочь вам заботиться о Нефере? Мой отец послушает вас.

Но Апеи фыркнул от смеха, когда Таита попытался уговорить его.

– Поместить моего ягненка в загон Нага? – Он весело покачал головой. – Я доверяю Нагу не больше чем скорпиону. Кто знает, на какие хитрости он может пуститься, если заполучит её? Что касается этого молодого щенка, Нефера, он окажется возле ее набедренного быстро, как сокол на дрофе, хотя, может быть, он уже путешествовал по той дороге. – Он снова засмеялся.

– Я не хочу снизить цену ее девственности. Нет, Чародей, Минтака до дня своей свадьбы вернется под мое крыло в Аварис. И ни одно из ваших волшебных заклинаний не заставит меня передумать.

Минтака печально отправилась прощаться с Нефером. Он был едва в сознании, слабый от потери крови и дурманящего лекарства. Но когда она поцеловала его, он открыл глаза. Она говорила тихо, заверяя его в своей любви, а он смотрел в ее глаза, пока она говорила. Прежде чем подняться, чтобы оставить его, она сняла с шеи золотой медальон.

– Здесь локон моих волос. Это – моя душа, и я отдаю ее вам. – Она вложила медальон Неферу в руку, и он сильно сжал его пальцами.

Минтака одиноко стояла на берегу Нила, когда быстрая галера, несущая Нефера и Таиту, разрешила поток. С двадцатью гребцами у каждого борта и белым буруном под носом она направилась вверх по течению к Фивам. Минтака не помахала рукой высокой фигуре Таиты на корме и лишь печально смотрела на него.

На следующее утро на борту гиксосской царской барки состоялась последняя встреча между Апеги и регентом, господином Нагом. На ней присутствовали все девять сыновей Апеги, а Минтаку посадили рядом с ее отцом. С предыдущего вечера, когда уплыл корабль, несущий фараона Нефера Сети, Апеги держал ее на коротком поводке. Он достаточно хорошо изучил свою упорную дочь, чтобы не доверять ни ее суждениям, ни ее чувству дочернего долга и повиновения, если она становилась на путь действия.

Прощальная церемония на палубе галеры Апеги началась с заявлений о взаимном доверии и преданности миру.

– Пусть он продлится тысячу лет! – произнес Наг, когда даровал Апеги Золото Вечности, награду, которую придумал для этого подходящего случая.

– Тысячу раз тысячу, – ответил Апеги так же серьезно, когда инкрустированную драгоценными и полудрагоценными камнями цепь повесили ему на плечи. Регент и царь обнялись как братья, и Нага повезли на лодке к его собственной галере. Два флота разделились – один чтобы вернуться в Фивы, другой чтобы плыть вниз по течению сотни лиг к Мемфису и Аварису – и команды кораблей выкрикивали приветствия друг другу, пока не скрылись из вида. Поверхность широкой реки покрывали гирлянды и венки из пальмовых листьев и цветов, брошенные с одного корабля к другому.

Путешествие царя Апеги не было срочным, и не требовалось, чтобы его флот плыл в темноте безлунной ночи, поэтому вечером он бросил якоря в Баласфура, напротив храма Хапи, полугиппопотама, двуполого бога Нила. Царь и его семейство сошли на берег и у алтаря святилища принесли в жертву вола чисто-белого цвета. Верховный жрец разрезал ревущему животному живот, и у еще живого вытащил и осмотрел внутренности, чтобы прочитать предзнаменования для царя. И испугался, обнаружив, что кишки животного наполнены зловонными белыми червями, высыпавшимися на пол храма шевелящейся массой. Он попытался скрыть от царя это отвратительное зрелище, расправив накидку и начав молоть какую-то лживую чепуху, но Апеги отодвинул его плечом в сторону и уставился на жуткое зрелище. Даже он был заметно потрясен и выглядел подавленным, когда покидали храм и спускались на берег реки, где Трок и его военачальники устроили ужин и развлечения для него.

Даже священные черные петухи храма отказались клевать нечистые внутренности жертвы. Жрецы бросили ужасное месиво в огонь храма, но вместо того, чтобы сгореть, оно погасило огонь, плававший с древних времен. Более зловещих предзнаменований быть не могло, но верховный жрец приказал захоронить внутренности и снова зажечь огонь.

– Я никогда не видел такого трагического предзнаменования, – сказал он своим служителям. – Такой знак от бога Хапи может предвещать только ужасное событие, вроде войны или смерти фараона. Нам следует молиться в течение всей этой ночи об исцелении фараона Нефера Сети от ран.

На берегу реки, чтобы принять царское семейство, господин Трок установил павильоны, увешанные яркими красными, желтыми и зелеными драпировками. Целые вола жарились над ямами с пылающими углями, амфоры отборных вин охлаждались в речной воде. Рабы пошатывались под их тяжестью, вынося их на берег по мере того, как одну за другой их осушали пирующие и Апеги громко требовал нести все новые кувшины.

Мрачное настроение царя рассеивалось с каждой выпитой им чашей, и вскоре он поощрял своих сыновей присоединиться к нему в пении грубых военных походных песен. Некоторые были столь грубы, что Минтака, сославшись на усталость и головную боль, встала вместе со своими девушками-рабынями, чтобы удалиться на царскую барку, поставленную на якорь на некотором расстоянии от берега. Она хотела взять с собой своего самого младшего брата, Хиана, но вмешался Апеги. Хорошее вино помогло ему забыть предчувствия, навеянные предсказанием в храме.

– Оставь мальчика, где он сидит, маленькая лисица. Пусть учится ценить хорошую музыку. – От избытка нежности он прижал мальчика к себе и поднес винную чашу к его

губам.

– Выпей глоток. Это позволит тебе пить слаще, мой маленький принц.

Хиан обожал отца, и такое прилюдное выражение товарищества вызвало в нем прилив гордости и благоговения. Наконец то его отец обращался с ним как с мужчиной и воином. Даже при том, что вином он давился, он сумел осушить одну чашу, и компания под руководством господина Трока приветствовала его громкими возгласами, как если бы он убил своего первого врага в сражении.

Минтака колебалась. Она ощущала почти материнское беспокойство за младшего брата, но она поняла, что отца не убедить. Со всем достоинством она увела своих служанок вниз к берегу реки, и под иронические и пьяные выкрики компании они поднялись на борт барки.

Минтака лежала на матрасе и прислушивалась к звукам кутежа. Она пробовала уснуть, но Нефер занимал все ее мысли. Чувство утраты, которое она подавляла весь день, и ее тревога из-за ранений Нефера вернулись, и хотя она пыталась сдержаться, слезы хлынули из глаз. Она глушила рыдания в подушках.

Наконец она погрузилась в черный сон без сновидений, от которого с трудом пробудилась. Она выпила совсем мало вина, но чувствовала себя одурманенной, и голова у нее болела. Минтака задалась вопросом, что ее разбудило. Затем она услышала сквозь борт хриплые голоса, и барка качнулась под ней, когда на нее вскарабкались люди. Слышались пьяный смех и голоса и тяжелые шаги по палубе над головой. Из разговоров стало понятно, что на барку принесли ее отца и братьев. Мужчины в ее семействе частенько напивались до такого состояния, но она волновалась о маленьком Хиане.

Минтака с усилием поднялась с ложа и начала одеваться, но чувствовала себя странно вялой и оглушенной. Она покачивалась, когда поднималась на палубу.

Первым человеком, кто встретился ей, был господин Трок. Он давал указания солдатам, несшим ее отца. Потребовалось шесть человек, чтобы нести его огромное неподвижное тело. Ее старшие братья были не в лучшем состоянии. Она почувствовала гнев и стыд за них.

Затем она увидела, как лодочник несет Хиана, и побежала к нему. «Теперь они добрались и до Хиана, – подумала она с горечью. – Они не остановятся, пока и его не превратят в пьяницу».

Она приказала лодочнику отнести Хиана вниз на тюфяк в каюте отца и там раздела его и влила в рот настой трав, восстанавливающих силы. Это зелье было лекарством от всех болезней, которое смешал для нее Таита, и оно, кажется, подействовало. Хиан наконец пробормотал что-то и открыл глаза, а затем сразу снова погрузился в сон, глубокий, но естественный.

– Надеюсь, это будет ему уроком, – сказала она себе. Больше она ничего не могла сделать для него, только позволить выспаться. Кроме того, она все еще чувствовала себя сонной, а голова невыносимо болела. Она вернулась к себе в каюту и, не потрудившись раздеться, упала на матрас и почти сразу снова заснула.

В следующий раз, когда она пробудилась, ей показалось, что ей снится кошмар: она слышала крики и задыхалась в облаках густого дыма, обжигающего горло. Не успела Минтака окончательно проснуться, как почувствовала, что ее схватили с кровати, завернули в меховое одеяло и вынесли на палубу. Она сопротивлялась, но была беспомощна как младенец в сильных руках. На палубе безлунную ночь озаряли скачущие языки пламени. Они ревели в открытом переднем люке царской барки, поднимались на мачты и вихрились адским оранжевым потоком. Она никогда прежде не видела горящий деревянный корабль, и проворство и свирепость огня ужаснули ее.

Ей не дали долго смотреть на это, поскольку быстро понесли по палубе и через борт в ожидавшую фелюгу. Вдруг, опомнившись, она снова начала биться и кричать.

– Отец! Братья! Хиан! Где они? – Фелюга отошла от берега, и теперь она отчаянно боролась, чтобы освободиться, но руки, державшие ее, были безжалостны. Ей удалось

высунуть голову и увидеть лицо человека, державшего ее.

– Трок! – Она была возмущена его дерзостью, тем как он обращался с ней и не обращал внимания на ее крики. – Отпустите меня! Я приказываю!

Трок не отвечал. Он без труда удерживал ее и смотрел на горящую галеру со спокойным, равнодушным выражением.

– Вернитесь! – кричала она ему. – Моя семья! Вернитесь и вынесите их!

Его единственным ответом был короткий приказ гребцам:

– Весла на воду! – Они опустили весла, и фелюга закачалась посреди реки. Команда зачарованно смотрела на горящий корабль. Там слышались страшные крики попавших в ловушку в трюме под палубой.

Вдруг часть юта обрушилась, подняв столб пламени и искр. Швартовочные канаты сгорели, и галера медленно закружилась в потоке и поплыла вниз по течению.

– Пожалуйста! – Минтака сменила тон. – Пожалуйста, господин Трок, там моя семья! Вы не можете позволить им сгореть.

Теперь крики внутри корпуса затихли, и их сменил низкий гул огня. Слезы лились по щекам Минтаки и капали с подбородка, но она была все так же беспомощна в руках Трока.

Внезапно главный люк на горящей палубе откинулся, и команда фелюги вздохнула от ужаса, когда из него появилась фигура. Руки господина Трока стиснули Минтаку, и ей показалось, что он сломает ей ребра.

– Этого не может быть! – проговорил он с досадой.

Сквозь дым и пламя фигура эта походила на призрак из тени подземного мира. Голый, волосатый, пузатый, Апепи шел к борту барки. Он нес на руках тело своего самого младшего сына и широко открытым ртом хватал воздух в бушующем пламени.

– Чудовище трудно убить. – К гневу Трока примешивался страх. Даже в своем горе Минтака поняла смысл его слов.

– Вы, Трок! – прошептала она. – Это сделали с ними вы. – Трок никак не откликнулся на ее обвинение.

Волосы на теле Апепи опалило, и в дуновении пламени они сгорели, на мгновение оставив его голым и черным. Затем его кожа начала покрываться пузырями и отпадать лохмотьями. Густая борода и волосы на голове ярко вспыхнули, будто пропитанный смолой факел. Он больше не двигался вперед, а стоял, широко расставив ноги и держа Хиана высоко над головой.

Мальчик был обожжен так же, как отец, и там, где его кожа сгорела, открытая плоть была красной и влажной.

Возможно, Апепи хотел швырнуть его за борт, в реку, чтобы спасти от огня, но силы наконец оставили его, и он стоял, подобно колоссу, с головой в огне, неспособный собрать последние силы, чтобы бросить сына в спасительные прохладные воды Нила.

Минтака оцепенела и онемела от ужаса. Ей казалось, что все это длилось целую вечность, но вдруг палуба под ногами Апепи провалилась. Он и его сын упали вниз и исчезли внутри в высоком фонтане пламени, искр и дыма.

– Кончено. – Голос Трока звучал безучастно и равнодушно. Он отпустил Минтаку так внезапно, что она упала на дно фелюги, и оглядел свою напуганную команду.

– Гребите к моей галере, – приказал он.

– Это вы сделали это с моей семьей, – повторила Минтака, лежа у его ног. – Вы заплатите за это. Я вам в этом клянусь. Я заставлю вас заплатить.

Но она чувствовала себя оцепенелой и избитой, будто ее исхлестали узловатыми кожаными ремнями бича.

Ее отец, фигура, занимавшая в ее жизни огромное место, тот, кого она слегка ненавидела и сильно любила, погиб. Ее семейство погибло, все ее братья, даже маленький Хиан, который был для нее больше сыном, чем братом. Она видела, как он горел, и знала, что ужас этого зрелища останется с ней на всю жизнь.

Фелюга подошла к галере господина Трока, и Минтака не протестовала, когда он

поднял ее, как куклу, и понес на борт, а затем вниз, в главную каюту. Он положил ее на тюфяк с неожиданной осторожностью.

– Ваши девушки-рабыни в безопасности. Я пришлю их к вам, – сказал Трок и вышел. Она услышала, как за дверью опустили засов, затем звуки его шагов – вверх по трапу и по палубе над ее головой.

– Что же, я в тюрьме? – прошептала она, но это показалось ей несущественным после только что пережитого. Она уткнулась лицом в подушки, пропахшие несвежим потом Трока, и заплакала, и продолжала плакать, пока не иссякли слезы. Тогда она уснула.

Горящий корпус царской барки Апепи прибило течением к берегу рядом с храмом Хапи. В рассветных сумерках дым высоко поднимался в неподвижный воздух. Он отвратительно пах сгоревшей плотью. Когда Минтака проснулась, омерзительная вонь проникла в каюту. Дым, казалось, послужил маяком, поскольку солнце еще едва показалось над восточными холмами, а флот господина Нага уже прибыл, выплывал из-за изгиба реки.

Девушки-рабыни принесли новости Минтаке.

– Господин Наг прибыл во всей красе, – сказали они ей взволнованно. – Вчера он оставил нас, чтобы вернуться в Фивы. Не странно ли, что он смог приплыть сюда так быстро, когда ему следовало быть в двадцати лигах вверх по реке?

– Чрезвычайно странно, – мрачно согласилась Минтака. – Мне нужно одеться и быть готовой к любому новому злодеянию, ожидающему меня теперь.

Все ее вещи сгорели в огне пожара на царской барке, но служанки позаимствовали одежду у других благородных дам, находившихся на кораблях. Они вымыли и завили ей волосы, одели в простую льняную одежду, золотой пояс и сандалии.

К полудню вооруженный эскорт прибыл на борт галеры, и Минтака поднялась с ним на палубу. Ее взгляд обратился вначале к лежавшим на далеком берегу почерневшим останкам царской барки, сгоревшей до ватерлинии. Никто не потрудился извлечь тела из обломков. Это был погребальный костер ее семьи. Гиксосская традиция требовала кремации, а не бальзамирования и сложных процедур и церемоний погребения.

Минтака знала, что ее отец одобрил бы такой способ ухода, и немного утешилась. Затем она подумала о Хиане и отвела глаза.

Ей потребовалось усилие, чтобы сдержать слезы, когда она спустилась в ожидавшую фелюгу и была затем переправлена на берег ниже храма Хапи.

Господин Наг со всей своей свитой ждал, чтобы встретить ее. Когда он обнял Минтаку, она осталась отчужденной и бледной.

– Это тяжелое время для всех нас, принцесса, – сказал он. – Ваш отец, царь Апепи, был могучим воином и могущественным правителем. Ввиду недавнего договора между двумя царствами и объединения Египта в одно священное целое он оставил опасную пустоту. Для всеобщей пользы ее следует немедленно заполнить.

Он взял принцессу за руку и повел к павильону, что прошлым вечером был местом пира и веселья, а теперь в нем собрались для серьезного совещания большая часть знати и чиновников обоих царств.

Впереди этой толпы она увидела Трока, поразительную фигуру в полном боевом облачении. На покрытом золотыми заклепками поясе висел меч, а на плече – боевой лук. Позади него плотными рядами стояли все его военачальники, мрачные, с холодными угрожающими глазами, несмотря на яркие пестрые ленты, вплетенные в их бороды. Они глядели на Минтаку без улыбки, и она с горечью осознала, что она – последняя из потомков Апепи, покинутая и незащищенная.

Она задавалась вопросом, к кому могла бы обратиться и чьей преданностью все еще могла бы воспользоваться. Она поискала в толпе дружественные знакомые лица. Все были там, члены совета ее отца и его советники, его военачальники и боевые товарищи. Затем она увидела, что они прячут глаза. Ни один не улыбнулся ей, не ответил на ее взгляд. Никогда в жизни принцесса не чувствовала себя такой одинокой.

Наг подвел ее к стоявшему у стены павильона табурету с подушкой. Когда Минтака села, Наг и его штаб образовали вокруг нее заслон, скрыв от глаз окружающих. Она была уверена, что это устроено преднамеренно.

Господин Наг открыл совещание сожалением о трагической смерти царя Апепи и его сыновей. Затем он начал хвалебную речь в честь мертвого фараона. Он перечислял его многочисленные военные триумфы и государственные деяния, самым славным из которых стало его участие в заключении договора Хатор, принесшего мир двум царствам, раздираемым десятилетиями междоусобной войны.

Без царя Апепи или сильного фараона, который бы вел дела Нижнего Царства и правил совместно с фараоном Нефером Сети и его регентом в Фивах, договору Хатор угрожала опасность. Невозможно было думать о возвращении к ужасам войны прошедших до заключения договора шестидесяти лет.

Господин Трок ударил мечом в ножнах о бронзовый щит и закричал:

– Бак-хер! Бак-хер!

Немедленно все военачальники позади него последовали его примеру, и стук медленно распространился по рядам, пока не превратился в оглушительный грохот.

Наг некоторое время слушал, затем поднял обе руки. Когда наступила тишина, он продолжил:

– Из-за трагических обстоятельств своей смерти царь Апепи не оставил Короне наследника мужского пола. – Он гладко избежал всякого упоминания о Минтаке. – Я безотлагательно посоветовался со старшими членами совета и номархами обоих царств. Их выбор нового фараона был единодушен. Они единогласно просили, чтобы господин Трок из Мемфиса поднял бразды власти, надел двойную корону и стал править народом согласно благородной традиции, установленной царем Апепи.

Тишина, последовавшая за этим объявлением, была долгой и глубокой. Люди переглядывались, удивленные до крайности, и только затем замечали, что, пока они внимали речам господина Нага, два отряда северного войска, которым командовал Трок и которое было преданно ему, тихо вышли из пальмовой рощи и окружили собрание. Их мечи были вложены в ножны, но все руки в перчатках лежали на рукоятках. Им потребовалось бы всего мгновение, чтобы выхватить бронзовые клинки. На лицах всех присутствовавших отразились тревога и испуг. Минтака воспользовалась этим моментом. Она вскочила с табурета, на котором ее не было видно, и закричала:

– Господа, верные подданные Египта...

Ей не удалось продолжить. Четверо самых высоких гиксосских воинов обступили ее, чтобы закрыть от других. Они загремели обнаженными мечами о щиты и закричали в один голос:

– Да здравствует фараон Трок Урук. – Крик подхватила остальная часть войска. В радостном шуме, следовавшем за этим, сильные руки взяли Минтаку и потащили прочь сквозь ликующую толпу. Она безуспешно сопротивлялась, ее движения были скованы и голос не слышен в громе приветствий. На берегу реки она вывернулась в руках своих конвоиров и оглянулась. Через головы толпы она увидела господина Нага, поднимающего двойную корону над головой нового фараона.

Затем ее повели вниз с берега, к ожидавшей фелюге, и назад в запертую и охраняемую каюту на галере господина Трока.

Минтака сидела со своими девушками-рабынями в тесной маленькой каюте и ждала, чтобы узнать, какова будет ее судьба, когда новый фараон вернется на борт. Ее девушки были так же напуганы и обескуражены, как она сама. Однако она пыталась успокоить их. Когда они немного успокоились, она приказала им играть в их любимые игры. Скоро это надоело, поэтому она приказала принести лютню. Ее собственная лютня осталась на барке ее отца, но они позаимствовали другую у стражника.

Минтака устроила соревнование, заставив девушек по очереди танцевать в

ограниченном пространстве маленькой каюты. Они смеялись и хлопали в ладоши, когда слышали, как новый фараон вернулся на борт. Девушки притихли, но Минтака заставила их продолжать, и скоро они шумели, как прежде.

Минтака не участвовала в веселье. Еще раньше она тщательно обследовала все вокруг. К ее главной каюте примыкала еще одна маленькая каюта, меньше кухонного шкафа, служившая уборной. В ней стояла большая глиняная туалетная чаша с крышкой и около нее – кувшин с водой для мытья. Переборка, отделявшая чулан от следующей каюты, была очень тонкой. Строители лодки старались уменьшить вес. Минтака бывала на борту этой галеры в более счастливые времена, когда они с отцом были гостями господина Трока. Она знала, что за этой переборкой – главная каюта.

Минтака скользнула в уборную. Даже сквозь шум, который подняли ее девушки, она слышала мужские голоса за перегородкой. Она узнала четкий командный голос Нага и грубый голос Трока. Принцесса осторожно приложила ухо к доскам переборки, и голоса сразу стали слышны яснее, а слова понятнее.

Наг отпустил стражников, сопровождавших его на борт. Минтака слышала, как они ушли, и наступила долгая тишина. Такая долгая, что она подумала, будто Наг остался в каюте один. Затем она услышала, как с бульканьем полилось в чашу вино, и Наг с сильным сарказмом произнес:

– Великий, разве вы еще недостаточно освежились?

Раздался хорошо знакомый смех Трока, и когда он ответил на насмешку Нага, Минтака по его нетвердой речи услышала, что он действительно уже пьян:

– Ну, брат, не будь таким строгим. Выпей со мной. Давай выпьем за успешный исход всех наших предприятий. Выпей за корону на моей голове и за другую корону, которая скоро благословит твою голову.

Тон Нага немного смягчился.

– Год назад, когда мы только замыслили это, все это казалось невозможным, невероятно далеким. Тогда нас унижали и не замечали, и мы были так же далеко от трона, как луна от солнца, и, однако, сейчас мы здесь, два фараона, вместе владеющие всем Египтом.

– И перед нами умерли два фараона, – присоединился Трок, – Тамос, получивший твою стрелу в сердце, и Апеи, огромный боров, зажаренный в собственном сале вместе со всеми его поросятами, – закричал он с торжествующим смехом.

– Умоляю, не так громко. Ты неосторожен, пусть даже мы одни, – мягко упрекнул его Наг. – Будет лучше, если мы навсегда забудем об этом. Пусть наши маленькие тайны уйдут с Тамосом в его гробницу в Долине Царей и с Апеи на дно реки.

– Ну давай! – настаивал Трок. – Выпей со мной за все, чего мы достигли.

– За все, чего мы достигли, – согласился Наг.

– И за все, чего достигнем.

– Сегодня Египет, а завтра сокровища и богатства Ассирии, Вавилона и остального мира! Ничто не может встать на нашем пути.

Минтака услышала громкие глотки Трока. Затем что-то грохнуло о переборку на уровне ее уха. Это испугало ее, и она отскочила, но затем поняла, что Трок швырнул в стену пустую чашу, разбив ее вдребезги. Он громко рыгнул и продолжил:

– И все же осталась одна мелочь. Щенок Тамоса все еще носит на голове твою корону.

Услышав это, Минтака оказалась в водовороте чувств, который увлекал ее то в одну сторону, то в другую, и кружил, пока все не закружилось у нее перед глазами. Она в ужасе слушала, как они беспристрастно обсуждали убийство ее отца, братьев и фараона Тамоса, однако оказалась не готова к тому, что они сказали о Нефере.

– Это ненадолго, – сказал Наг.

– Я позабочусь об этом, как только вернусь в Фивы. Все уже подготовлено.

Минтака прижала руки к губам, чтобы не закричать. Они собирались убить Нефера, так же хладнокровно, как и всех других. Ее сердце, казалось, сжалось в груди, и она

почувствовала свою беспомощность. Она была пленницей и без друзей. Она попыталась придумать какой-нибудь способ послать предупреждение Неферу, потому что лишь в этот миг поняла всю силу своей любви к нему: она бы сделала все, что было в ее власти, только бы спасти его.

– Жаль, что лев не сделал за тебя эту работу, – сказал Трок, – а только поцарапал его немного.

– Зверь хорошо подготовил почву. Нужен лишь маленький толчок – и я устрою Неферу похороны еще более роскошные, чем его отцу.

– Ты всегда был щедрым, – захохотал Трок пьяно.

– Сейчас мы говорим об отроде Тамоса, но давай поговорим и о том, что осталось от потомства Апепи, – вкрадчиво предложил Наг.

– Маленькая принцесса должна была сгореть со всеми остальными, разве мы не договаривались об этом?

– Я передумал. – Голос Трока стал мрачным. Минтака услышала, как он опять наполнил чашу вином.

– Опасно оставлять несжатым любую поросль от семени Апепи, – предупредил Наг. – Минтака легко может стать номинальной главой царства на годы вперед и быть объединяющей фигурой для бунтов и восстаний. Избавься от нее, брат, и поскорее.

– Почему ты не сделал того же с девочками Тамоса? Почему они все еще живы? – защищаясь, упрекнул Трок.

– Я женился на них, – напомнил Наг, – и Гесерет уже влюблена в меня до безумия. Она сделает все, о чем я ни попрошу. У нас одни надежды и цели. Она желает увидеть похороны ее брата Нефера не меньше, чем я. И жаждет, чтобы мне достались корона и царский скипетр.

– Едва Минтака почувствует мою медовую пчелу в своем маленьком розовом цветке лотоса, она станет такой же, – заявил Трок.

Минтака покрылась гусиной кожей. Ее снова бросило в водоворот чувств. Ее так потрясла картина, нарисованная хвастливым Троком, что она чуть не пропустила следующее замечание Нага.

– Значит, она держит тебя за яйца, брат, – проговорил Наг, но без удивления. – На мой вкус, она слишком смела и непокорна, но мне угодно, чтобы ты наслаждался ею. Будь осторожен с ней, Трок, в ней есть необузданность. Возможно, укрощать ее придется гораздо дольше, чем ты думаешь.

– Я женюсь на ней немедленно и очень быстро обрюхачу ее, – уверил его Трок. – С ребенком в животе она станет более послушной. Много лет она разжигала в моих чреслах огонь, который не погасить ничем, кроме ее сладкого молодого сока.

– Тебе следует больше пользоваться головой и меньше зубцом, брат, – смирившись, проговорил Наг.

– Будем надеяться, что мы не пожалеем об этой своей страсти. – Минтака услышала скрип палубы под ногами Нага, когда тот встал.

– Итак, пусть боги любят и защищают тебя, брат. – Наг уходил.

– Нас обоих ждут серьезные дела. Завтра нам следует расстаться, но давай встретимся, как уже решили, в Мемфисе к исходу разлива Нила.

До окончания поездки вниз по реке от Баласфура Минтаку держали на галере Трока. Пока они плыли, ей позволяли выходить на палубу, но при стоянках на якоре или швартовках запирали в каюте, и у двери ставили стражника.

Это случалось часто, потому что Трок выходил на берег у каждого храма, чтобы принести жертву и поблагодарить местного бога или богиню за свое возвышение к трону Египта. Хотя никто еще не знал, что Трок заодно давал понять этим богам, что скоро присоединится к ним в пантеоне на равных.

Несмотря на эти ограничения, Трок настойчиво пытался снискать расположение

Минтаки, хотя ему и доставало тонкости. Каждый день он дарил ей по меньшей мере один необыкновенный подарок. Один раз это была пара белых жеребцов, которых она отдала капитану галеры. На следующий день принцесса получила позолоченную и украшенную драгоценными камнями колесницу, захваченную ее отцом у царя Ливии. Она отдала ее командиру дворцовой стражи, стойкому приверженцу Апеи. В другой раз ей преподнесли рулон великолепного шелка с востока, а потом – серебряную шкатулку, полную драгоценных камней, которые она раздала своим девушкам-рабыням. После того как они надели эти украшения, Минтака провела их перед Троком.

– Эти безвкусовые украшения недурно выглядят на рабынях, но не на благородных дамах, – сказала она под конец.

Это не остановило нового фараона, и когда они проплывали мимо Асьюта в Нижнее Царство, он указал на процветающее и плодородное имение, простиравшееся почти на лигу вдоль восточного берега.

– Оно теперь ваше, ваше высочество, это мой подарок. Вот документ на право собственности. – Трок вручил его Минтаке, напыщенно, самодовольно ухмыляясь.

Она в тот же день послала за писцами и приказала им составить документ об освобождении всех рабов, относящихся к имению, и второй документ, передающий имение целиком жрицам храма Хатор в Мемфисе.

Когда Минтака, желая забыть горе и скорбь и развлечься со своими девушками на юте в танцах и пении, в игре бао и разгадывании загадок, Трок вздумал принять участие в забаве. Он заставил двух девушек станцевать с ним танец «Полет трех ласточек», а затем повернулся к Минтаке.

– Загадайте мне загадку, принцесса, – попросил он.

– Что пахнет как бык, похоже на быка и, когда скачет с газелями, делает это с изяществом быка? – спросила она ласково. Девушки захихикали, а Трок нахмурился и покраснел.

– Простите меня, ваше высочество, для меня это чересчур трудная загадка, – ответил он и гордо ушел к своим военачальникам.

На следующий день он простил оскорбление, но не забыл его. Когда бросили якорь у деревни Самалут, он приказал труппе странствующих артистов, акробатов и музыкантов подняться на борт галеры, чтобы развлечь Минтаку. Один из фокусников был красивым парнем, с забавным говором. Однако набор его фокусов устарел, и он показывал их недостаточно ловко. Однако едва Минтака узнала, что труппа, используя к своей выгоде мир, наступивший по договору Хатор, продвигалась вверх по реке к Фивам, где надеялась выступить перед двором южного фараона, ее сразу увлекло их представление, особенно выступление фокусника по имени Ласо. После представления она пригласила артистов к себе, чтобы вместе попить шербета и поесть сладких фиников, и жестом приказала фокуснику сесть на подушку у ее ног. Он скоро преодолел свой страх перед принцессой и развлекал ее несколькими историями, над которыми она весело смеялась.

Под прикрытием болтовни и хихиканья девушек Минтака попросила Ласо, когда он прибудет в Фивы, доставить сообщение известному Магу, Таите. Почти очарованный ее снисходительностью, Ласо с готовностью согласился. Сначала она внушила ему мысль о тайне и деликатности поручения, затем вложила в его руку маленький свиток папируса, который он спрятал под хитон.

Минтака с огромным облегчением глядела, как артисты сходят на берег. Она отчаянно искала средства предупредить Таиту и Нефера. Папирус содержал заверения в ее любви к Неферу и предостережение насчет убийственных намерений Нага и насчет того, что сестре Нефера Гесерет больше нельзя доверять, поскольку она примкнула к их врагам. Далее следовал рассказ об истинных обстоятельствах смерти ее отца и братьев. В конце она поведала о том, что Трок планирует взять ее в жены, несмотря на ее помолвку с Нефером, и просила Нефера вмешаться, используя всю его власть, и не допустить этого.

Она прикинула, что труппе могло потребоваться дней десять или больше, чтобы

достичь Фив, и пала ниц на палубе, умоляя Хатор о том, чтобы предостережение не прибыло слишком поздно. Той ночью впервые с ужасных событий в Баласфура она спала спокойно. Утром она была почти весела, и ее девушки заметили, как она красива. Трок настоял, чтобы Минтака позавтракала вместе с ним на передней палубе. Его повара приготовили щедрый стол. Было двадцать других гостей, и Трок сел рядом с Минтакой. Она решила, что не позволит даже этой неприятности испортить ей настроение. Она подчеркнуто не обращала внимания на Трока и направила все свое очарование и остроумие на боевых командиров его войска, составлявших большую часть присутствовавших.

В конце завтрака Трок хлопнул в ладоши, требуя внимания, и был вознагражден подобострастной тишиной.

– У меня есть подарок для принцессы Минтаки.

– О нет! – Минтака передернула плечами. – Что мне делать с вашим подарком?

– Я полагаю, этот подарок придется вашему высочеству более по вкусу, чем мои другие бедные дары. – Трок выглядел таким довольным собой, что она почувствовала себя неловко.

– Ваша щедрость неуместна, мой господин. – Она ни за что не назвала бы его ни одним из его многочисленных новых царских титулов. – Тысячи ваших подданных, жертвы войны и чумы, голодают и находятся в большей нужде, чем я.

– Это нечто особенное, ценное только для вас, – заверил он.

Она подняла руки в знак покорности.

– Я – всего лишь одна из ваших верноподданных. – Минтака нисколько не старалась скрыть свой сарказм. – Если вы настаиваете, я далека от того, чтобы отказать вам.

Трок снова хлопнул ладонями, и с носа корабля на палубу спустились двое его стражников, неся с двух сторон большой мешок из сыромятной кожи. От него шел сильный неприятный запах. Некоторые из девушек вскрикнули от омерзения, но лицо Минтаки не изменило выражения, когда солдаты остановились перед ней.

Трок кивнул им, и они ослабили шнурок, перетягивавший горловину мешка, а затем вывалили его содержимое на палубу. Девушки пронзительно закричали от ужаса, и даже кое-кто из мужчин вздрогнул и вскрикнул от отвращения.

Отрубленная человеческая голова покатила по доскам к ногам Минтаки и замерла, глядя на нее широко открытыми испуганными глазами. Длинные темные локоны заскорузли от засохшей черной крови.

– Ласо! – прошептала Минтака имя фокусника-неумехи, которому поручила передать сообщение в Фивы.

– Ах! Вы помните его имя. – Трок улыбнулся. – Его фокусы, должно быть, произвели на вас впечатление – так же, как на меня.

В летней жаре голова начала разлагаться, и запах от нее шел сильный. Немедленно налетели мухи и стали ползать по широко открытым глазам. Минтака ощутила тошноту и с трудом сглотнула. Она увидела, что между фиолетовыми губами Ласо высывался смятый папирус.

– Увы, кажется, его последний фокус оказался самым забавным. – Трок наклонился и достал испачканный кровью папирус. Он повернул его так, чтобы Минтака убедилась – письмо запечатано ее собственным картушем, – и бросил папирус в жаровню с древесным углем, на которой жарили нарезанную на куски ягнятину. Папирус быстро сгорел, в воздухе закружился серый пепел.

Трок знаком велел убрать голову. Один из солдат поднял ее за волосы, положил обратно в мешок и унес. Потрясенные гости долго сидели в тишине, только одна из девушек тихо всхлипывала.

– Ваше царское высочество, вашего славной памяти божественного отца, должно быть, посещали некоторые предчувствия ожидавшей его судьбы, – серьезно обратился к ней Трок. Минтака была слишком потрясена, чтобы ответить. – Перед своей трагической смертью он говорил со мной. Он отдал вас под мою защиту. Я присягнул ему и принял это как священное поручение. Вам не нужно обращаться за защитой ни к кому другому. Я, фараон

Трок Урук, верен клятве. – Он положил правую руку на ее склоненную голову, а второй рукой поднял другой свиток папируса.

– Вот мой царский указ, отменяющий помолвку принцессы Минтаки из Дома Апепи с фараоном Нефером Сети из Дома Тамоса. Кроме того, он содержит указ о заключении брака принцессы Минтаки с фараоном Троком Уруком. Указ утвержден картушем господина Нага, принявшего и подтвердившего его от имени фараона Нефера Сети. – Он передал свиток своему управляющему дворцом с кратким приказом: – Снимите сто копий с этого указа, и пусть их выставят на обозрение в каждом городе и каждом номе Египта.

Затем обеими руками он поднял Минтаку на ноги.

– Вы больше не будете одна. Мы с вами станем мужем и женой еще до восхода луны Осириса.

Три дня спустя фараон Трок Урук прибыл в Аварис, свою военную столицу в Нижнем Царстве, и с неутомимой энергией сразу же погрузился в обеспечение своего влияния на все государственные дела и органы власти.

Народ очень обрадовали новость о договоре Хатор и перспектива мира и процветания в грядущие годы. Однако возникло некоторое замешательство и тревога, когда одним из первых деяний нового фараона стал очередной массовый набор в войска. Скоро стало ясно, что он намерен удвоить число пехотных отрядов и построить еще две тысячи боевых колесниц.

Задавали вопрос (но не в лицо Троку), где же он найдет нового врага теперь, когда Египет вновь объединен и в стране воцарился мир. Недостаток работников на полях проса и пастбищах, вызванный призывом в войска, привел к нехватке продовольствия и резкому росту цен на рынках. Расходы на новые колесницы, оружие и военное снаряжение потребовали увеличения налогов. Теперь шептались, что Апепи, несмотря на свою воинственность, тяжелые налоги и презрение к богам, был не таким уж плохим правителем, каким его считали.

Через несколько недель Трок приказал начать значительное расширение и ремонт дворца в Аварисе, куда он намеревался въехать со своей невестой, принцессой Минтакой. Архитекторы оценили стоимость этих работ в два с лишним лакха золота. Шепот становился все громче.

Хорошо зная о росте недовольства, Трок ответил на него указом о собственной божественности и вхождении в пантеон. Через неделю должна была начаться работа по строительству его храма на лучшем месте, рядом с великолепным храмом Сеуета в Аварисе. Трок решил, что его храм превзойдет великолепием храм его божественного брата. Архитекторы объявили, что для возведения подобного храма потребуется по меньшей мере пять тысяч работников, пять лет и еще два лакха золота.

Восстание началось в дельте, где отряд пеших воинов, которым не платили более года, убив своих военачальников, пошел на Аварис, призывая население восстать против тирана и присоединиться к ним. Трок с тремя сотнями колесниц встретил их около Манаши и в первой же атаке порубил на куски.

Он оскопил и посадил на кол пятьсот мятежников. Подобно жуткому лесу, они на пол-лиги украсили обочины дороги за деревней Манаши. Главарей восстания привязали веревками к задним щитам колесниц и притащили в Аварис, чтобы они заявили о своих обидах. К сожалению, ни один из плененных не пережил поездку: ко времени прибытия их едва можно было узнать, поскольку кожа и большая часть плоти были содраны, когда их тащили по неровной дороге. Оторванные части плоти и осколки костей были рассеяны на двадцать с лишним лиг по дороге, к радости собак, шакалов и черных ворон.

Несколько сотен мятежников избежали резни и бежали в пустыню. Трок не стал преследовать их за восточной границей, поскольку этот мелкий вопрос уже чересчур занял его внимание и на месяцы задержал его свадьбу. Он поспешил обратно в Аварис, в яростном нетерпении загнав три пары лошадей.

Пока Трок был далеко, Минтака еще дважды пыталась послать сообщение Таите в Фивы. Первым из ее посыльных стал один из евнухов гарема, толстый, добрый чернокожий, которого она знала всю жизнь. Между евнухами обоих царств существовала особая связь, которая была выше расы или страны. Даже в те годы, когда царства были разделены, Сот, так звали евнуха, поддерживал эту особую связь с Таитой и оставался его другом и доверенным лицом.

Однако шпионы Трока были бдительны и вездесущи. Сот не добрался до Асьюта и был привезен назад едва живой в кожаном мешке. Он умер, когда его голову погрузили в котел с кипящей водой. Затем с его черепа удалили сварившуюся плоть, кость обесцветили и отполировали, а в глазницы вставили шары из лазурита. В таком виде череп Сота преподнесли Минтаке в качестве особого подарка от фараона Трока.

После этого Минтака не решалась привлечь другого посыльного и таким образом обрекать его или ее на ужасную смерть. Однако одна из ее ливийских девушек-рабынь, Тана, знавшая о глубине любви своей госпожи, вызвалась отнести ее сообщение. Она была не самой симпатичной из девушек – один глаз косил, нос был большой – но была преданной, любящей и верной. По ее предложению Минтака продала ее торговцу, отправлявшемуся на следующий день в Фивы. Он взял Тану с собой, но три дня спустя она вернулась в Аварис, привязанная за запястья и лодыжки к боковой раме колесницы пограничной стражи.

Трок расправился с Таной после возвращения из Манаши: он осудил ее на смерть от любви, и ее отдали отряду, который вел бой у Манаши. Более четырехсот солдат получили с ней удовольствие, а на закате третьего дня она умерла от кровотечения. Три дня без перерыва Минтака оплакивала ее.

Свадьбу фараона Трока Урука и принцессы Минтаки Апепи сыграли по старой гиксосской традиции, зародившейся на тысячу лет раньше и на тысячу лиг восточнее, в обширной безлесной степи за горами Ассирии, откуда их предки отправились на завоевание Египта.

На рассвете в день свадьбы группа из двухсот родственников и членов племени принцессы Минтаки ворвалась в царские палаты, где с возвращения в Аварис ее держали пленницей. Стражники, ожидавшие этого налета, не оказали никакого сопротивления. Родичи увели Минтаку и поехали на восток плотным строем, с принцессой посередине, выкрикивая дерзости и размахивая дубинками и палками. Клинковое оружие любого вида было запрещено в связи с празднеством.

Похитителям невесты дали фору, а потом жених повел в погоню своих родичей, племя леопардов. Беглецы не выказывали никакого намерения ехать быстрее и как только позади показались преследователи, повернули обратно и радостно кинулись в драку. Даже при том что мечи и кинжалы были запрещены, два человека получили переломы рук и ног и было несколько треснувших черепов. Даже жених не избежал синяков и ушибов.

В конце концов Трок потребовал свою добычу. Он обхватил Минтаку рукой за талию и поставил в свою колесницу. Сопротивление Минтаки было совсем не наигранным – она глубоко расцарапала правую сторону лица Трока, чуть не задев глаз, и капающая кровь испортила красочный блеск его костюма.

– Она подарит вам много воинственных сыновей! – кричали его сторонники, восхищаясь свирепостью сопротивления Минтаки.

С довольной ухмылкой, вызванной воинственным нравом невесты, Трок торжествующе повез ее к своему храму, где недавно назначенные жрецы ждали его приказа, чтобы провести заключительные ритуалы.

Храм пока еще представлял собой всего-навсего открытые траншеи фундамента и высокие груды каменных строительных блоков, но это не умаляло ни удовольствия гостей, ни удовлетворения жениха, стоявших под навесом из плетеного тростника, пока верховный жрец связывал Минтаку и Трока ремнем от лошадиной упряжи.

В завершение церемонии Трок перерезал горло своему любимому боевому коню,

красивому каштановому жеребцу, в знак того, что ценит свою невесту более высоко, чем эту драгоценную собственность. Как только животное упало, дергая ногами – из разрезанной сонной артерии струей била кровь – все одобрительно закричали, подняли новобрачных и поставили на украшенную цветами колесницу.

Трок повез невесту ко дворцу, одной рукой продолжая крепко обнимать ее, чтобы не дать ей бежать снова. Все войско выстроилось вдоль дороги; солдаты протискивались к колеснице, чтобы бросить в нее подарки – приносящие удачу амулеты. Другие, когда колесница проезжала мимо, подавали Троку чаши с вином, и он осушал их, проливая большую часть вина на тунику, где оно смешивалось с кровью из его расцарапанной щеки. К тому времени, как они достигли дворца, Трок вымок в крови и красном вине, потный и покрытый пылью от езды и драки за невесту, безрассудный от вина и с полным похоти взглядом.

Он пронес Минтаку через толпу в их новые палаты, и стражники у дверей, обнажив мечи, погнались прочь свадебных гостей. Однако те не разошлись, а окружили дворец, выкрикивая слова ободрения жениху и грубые советы невесте.

В спальне Трок бросил Минтаку на белую овчину, покрывавшую матрац, и обеими руками стал снимать португую, пытаясь ослабить ее и грязно ругаясь, потому что она не поддавалась. Минтака оттолкнулась от кровати и соскочила с нее будто кролик, выпрыгивающий из норы от хорька.

Она побежала к двери на террасу и рванула, чтобы открыть. Однако по распоряжению Трока с внешней стороны был поставлен засов. Она в отчаянье попыталась оторвать дверную панель ногтями, но дверь, твердая и толстая, даже не дрогнула от ее натиска.

Позади нее Трок наконец избавился от португеи, и ножны с грохотом упали на мозаичные плитки пола. Он подошел к ней сзади, покачиваясь.

– Сопровствляйся сколько хочешь, красавица, – проговорил он заплетающимся языком. – Когда ты пинаешься и кричишь, мой зубец воспламеняется.

Он одной рукой обхватил ее талию, другой – одну из ее грудей.

– Клянусь Сеуетом, какой зрелый и сочный плод. – Он сильно сжал грудь пальцами, мозолистыми от рукоятки меча и поводьев колесницы. От боли Минтака закричала и извернулась в его руках, пытаясь снова дотянуться до глаз. Он перехватил ее запястье.

– Второй раз не получится. – Он поднял ее и понес на кровать.

– Бабуин! – кричала она. – Ты вонючая волосатая обезьяна. Ты грязное животное.

Он снова бросил Минтаку на кровать и на сей раз придавил ей грудь огромной мускулистой рукой. Его лицо было в нескольких сантиметрах от ее лица, его борода колола ей щеки, а дыхание пахло кислым вином. Она отвернулась. Он засмеялся, засунул палец за край ее платья у шеи и разорвал шелк до талии.

Обхватив ее груди, он принялся сжимать их по очереди так сильно, что на нежной коже оставались красные следы пальцев. Он сжимал ее соски и оттягивал их, пока они не потемнели, затем провел правой рукой по ее животу, игриво вставил толстый палец в ее пупок, а затем попробовал втиснуть руку между ее бедрами. Минтака сжала ноги, скрестив их, чтобы не пустить его.

Внезапно он поднялся и, расставив ноги, всей тяжестью уселся на нижнюю часть ее тела, так, чтобы она не могла сопротивляться, и сорвал с себя тунику. Больше на нем ничего не было. Его тело было закалено войной, охотой и грубыми играми, и хотя Минтака от боли, слез и страха видела окружающее нечетко, на нее произвели впечатление его широкие плечи и выпирающие мускулы, плотные мускулистые руки и ноги, крепкие как ветви ливанского кедра.

Продолжая придавливать ее собой, он пригнулся так, что его живот прижался к ее животу, а грубые волосы, покрывавшие грудь, – к ее груди. С растущим ужасом Минтака почувствовала, как его массивный член уперся в ее тело.

Она боролась не только за свое достоинство и честь, но будто за саму жизнь. Она попыталась укунить его за лицо, но маленькие острые зубы наткнулись на бороду. Она

царапала ногтями спину Трока, и его кожа набилась ей под ногти, но он, казалось, не чувствовал этого.

Он попробовал просунуть колено между ее бедрами, но она держала их сжатыми вместе, перекинув одну ногу через другую. Все мышцы в нижней части ее тела окоченели от ужаса и отвращения и стали твердыми, точно гранит статуи богини.

Оба потели, он – сильнее. Пот лился с его тела, смазывая их кожу, так что огромный член скользил по ее животу и толкался в место соединения ее бедер.

Внезапно он приподнялся и сильно хлестнул Минтаку по лицу раскрытой ладонью. Ее стиснутые зубы разошлись от удара, губы и нос были разбиты. Она почувствовала, как кровь потекла в рот, и темнота заполнила ее голову.

– Откройся, сука! – выдохнул над ней Трок. – Открой свою горячую маленькую щелку ипусти меня. – Он сильно толкал ее бедрами, и она чувствовала, как отвратительная вещь скользит по ней. Несмотря на боль и темноту после удара, она сумела не пустить его, но понимала, что не сможет сопротивляться долго. Он был слишком тяжелым и слишком сильным.

– Хатор, помоги! – Закрыв глаза, она стала молиться. – Милая богиня, не дай этому случиться!

Она услышала, как застонал над ней Трок, и открыла глаза. Его лицо раздулось и потемнело от прилива крови. Минтака почувствовала, что он выгнул спину и застонал, будто от боли. Его выпученные глаза с кровавыми прожилками ничего не видели, а рот открылся ужасным отверстием.

Минтака не понимала, что произошло. У нее промелькнула мысль, что богиня, должно быть, услышала ее мольбу и поразила его в сердце божественной стрелой. Затем она почувствовала, как ей на живот брызнула горячая жидкость, такая горячая, что казалось, будто она ошпарит кожу. Принцесса попыталась извернуться, чтобы уклониться, но Трок был слишком тяжелый и слишком сильный. Наконец отвратительный поток иссяк. Внезапно Трок снова застонал и упал на нее сверху. Он лежал неподвижно, и Минтака не осмеливалась двинуться, чтобы не подстегнуть его к дальнейшим усилиям. Они лежали так долго, до тех пор пока не услышали в тихой палате непристойные крики толпы, ждущей за стенами дворца. Трок очнулся и посмотрел на нее.

– Ты опозорила меня, маленькая шлюха. Заставила напрасно пролить семя.

Прежде чем она сообразила, в чем дело, он схватил ее за затылок и прижал лицом к белой овчине.

– Не беспокойся, я использую кровь из твоего носа, если не смог получить ее из твоего горшочка с медом.

Он откатил ее в сторону и с мрачным удовлетворением осмотрел темно-красное пятно от ее окровавленного лица на чистой белой шерсти. Затем вскочил на ноги и совершенно голый пошел к ставням. Сильным толчком он с грохотом отворил их и исчез в ярком дневном свете.

Складкой постельного белья Минтака вытерла отвратительную слизь, которая разлилась по ее гладкому как слонобая кость животу. На ее грудях и на руках и ногах были болезненные красные отметины. Ее страх превратился в ярость.

Портупей Трока лежала там, где он ее бросил. Она тихо соскользнула с кровати и вытянула из ножен полированный бронзовый клинок. Затем подкралась к двери, ведущей на террасу, и прильнула к косяку.

Снаружи Трок принимал рукоплескания толпы и размахивал запятнанной овчиной так, чтобы все ее видели.

– Ей понравилось! – ответил он на чей-то выкрик. – Когда я закончил, она была широкой и влажной, как болота дельты, и горячее, как пустыня Сахара.

Минтака крепче сжала рукоятку тяжелого меча и приготовилась.

– Прощайте, друзья, – кричал Трок. – Я возвращаюсь, чтобы еще раз вкусить сладких фиг.

Она услышала, как его босые ноги зашуршали по плиткам пола, когда он пошел назад, а затем на пол у двери упала его тень. Обеими руками она отвела назад меч и подняла острие на высоту живота.

Как только Трок шагнул в палату, она собралась и изо всех сил ткнула в него мечом, целясь между ямкой пупка и густыми черными волосами, из которых свисали тяжелые гениталии.

Однажды, очень давно, на охоте, она наблюдала, как отец целился в огромного самца леопарда, который не знал об их присутствии. Огромный кот был встревожен резким звуком и гулом тетивы и мгновенно отпрыгнул в сторону, так что стрела не достигла цели. Трок обладал таким же диким чутьем на опасность и чувством самосохранения.

Меч еще рассекал воздух, когда Трок быстро отклонился в сторону от бронзового острия. Меч пролетел на палец от его волосатого живота, не порезав, не пролив ни капли крови. Затем он огромной лапищей сжал оба запястья Минтаки, и продолжал сжимать, пока она не почувствовала, что ее кости вот-вот сломаются, и поневоле выпустила меч, который с грохотом упал на пол.

Он смеялся, когда тащил ее через комнату, но это был страшный смех. Он бросил ее на разбросанную и пропитанную потом постель.

– Теперь ты моя жена, – сказал он, встав над ней. – Ты принадлежишь мне, как племенная кобыла или сука. Тебе следует научиться повиноваться и уважать меня.

Минтака лежала ничком, вжавшись лицом в испачканное полотно, и отказывалась смотреть на Трока. Он поднял с пола около кровати ножны.

– Этот урок повиновения послужит к твоей же пользе. Немного боли сейчас избавит нас обоих от больших несчастий и страданий в дальнейшем.

Он взвесил в правой руке ножны, изготовленные из полированной кожи, обвязанной полосками из золота и электрума с металлическими розетками, и ударил ее по спине и голым ногам. Ножны хлопнули по белой коже Минтаки и оставили полосу с ярко-красным следом от розетки, так внезапно, что она невольно вскрикнула.

Трок засмеялся над ее болью и снова занес ножны. Она попыталась откатиться, но следующий удар обрушился на ее поднятую правую руку, а потом – на плечо. Она сдержала вскрик и попыталась скрыть страдание, зло улыбаясь и шипя, будто рысь. Это привело Трока в бешенство, и он ударил еще сильнее.

Он сбросил Минтаку с кровати и шел за ней, ползущей по полу. Он бил ее по спине, а когда она свернулась в клубок, принялся стегать ее также по плечам и ягодицам. Размеренно нанося удары, он говорил с нею, перемежая слова с выдохом от усилия при ударах.

– Ты никогда больше не поднимешь на меня руку, ха! В следующий раз я приду к тебе, ха! Ты будешь вести себя как любящая жена, ха! Или я прикажу четырём моим солдатам держать тебя, ха! А потом оседлаю, ха! А после того, как закончу, ха! Побью тебя снова, ха! Как сейчас, ха!

Она сжимала зубы, когда удары сыпались на нее, но наконец больше не могла сопротивляться, однако он, к счастью, отошел, тяжело дыша.

Он надел покрытую пятнами и пылью тунику, потом портупею, вложил меч в ножны, покрытые кровью Минтаки, и направился к двери палаты. Там он остановился и оглянулся.

– Запомни одну вещь, жена. Либо я укрощаю моих кобыл, – сказал он, – либо, клянусь Сеуетом, они умирают подо мной. – Он повернулся и ушел.

Минтака медленно подняла голову и посмотрела ему вслед. Говорить она не могла. Вместо этого она собрала во рту слюну и плюнула в сторону двери. Слюна, смешанная с кровью из разбитых губ, упала на плитки пола.

Прошло много времени после убывания луны Исиды, прежде чем с ран Минтаки отпали струпья, а синяки на ее гладкой желтовато-белой коже побледнели до зеленовато-желтых пятен. Намеренно или по счастливому случаю, Трок не выбил ей ни одного зуба, не сломал ни одной кости и не оставил шрамов на лице.

После страшного дня свадьбы он оставил ее в покое. Большую часть времени он провел в кампании на юге. Даже возвращаясь на короткое время в Аварис, он избегал ее. Возможно, его отталкивали ее неприглядные синяки, или он был пристыжен своей неспособностью осуществить на деле их брак. Минтака не слишком задумывалась о причинах, но радовалась тому, что некоторое время была свободна от его жестокого внимания.

На юге царства вспыхнуло серьезное восстание. Трок ответил жестоко. Он напал на повстанцев, вырезал тех, кто выступал против него, захватил их собственность и продал их семейства в рабство. Господин Наг прислал два отряда, чтобы помочь в этих операциях против мятежников, поддержав своего брата и фараона и в то же время разделив с ним добычу.

Минтака знала, что три дня назад Трок с триумфом вернулся в Аварис, но все еще не видела его. Она благодарила за это богиню, но, как оказалось, преждевременно. На четвертый день от него поступил вызов. Минтаке следовало посетить чрезвычайное заседание государственного совета. Дело было столь срочное, что ей дали лишь час, чтобы подготовиться. В своем сообщении он предупредил, что, если она решит проигнорировать вызов, он пошлет своих телохранителей и ее притащат на совещание. У нее не было выбора, и девушки одели ее.

Это был первый случай с дня свадьбы, когда Минтака появилась на людях. С тщательно нанесенной косметикой, такая же прекрасная, как прежде, она заняла свое место на троне царицы, который был ниже трона фараона, во вновь богато украшенном зале собрания во дворце. Она попыталась придать своему лицу отчужденное выражение и не участвовать в слушаниях, но ее сдержанность исчезла, когда она узнала царского вестника, который вошел и пал ниц перед двойным тронem. Она внимательно наклонилась вперед.

Трок признал вестника и приказал ему подняться и сообщить новости совету. Когда тот поднялся на ноги, Минтака увидела, что он во власти глубокого переживания. Он был вынужден несколько раз откашляться, прежде чем сумел произнести хоть слово, а затем наконец заговорил таким дрожащим голосом, что вначале Минтака не понимала, что он говорит. Она слышала слова, но не могла заставить себя понять их.

– Священновеликий фараон Трок Урук, царица Минтака Апеи Урук, благородные члены государственного совета, жители Авариса, братья и соотечественники воссоединенного Египта, я принес с юга трагические вести. Я бы предпочел погибнуть в бою, один против ста, чем сказать вам это. – Он умолк и снова закашлялся. Затем его голос окреп и зазвучал яснее:

– Я прибыл на быстрой галере по реке из Фив. Я плыл днем и ночью, останавливаясь только чтобы заменить гребцов, и потратил двенадцать дней, чтобы достичь Авариса.

Он снова умолк и развел руки в жесте отчаяния.

– В прошлом месяце, накануне праздника Хапи, молодой фараон Нефер Сети, которого все мы любили и на которого так надеялись, скончался от ужасных ран, полученных в Даббе во время охоты на льва, совершившего набег на скот.

Последовал общий вздох отчаяния. Один из членов совета закрыл глаза и тихо заплакал.

Вестник говорил в тишине:

– Регент Верхнего Царства, господин Наг, принадлежащий к царскому семейству Тамоса ввиду брачных уз и следующий по очереди наследования, возведен на трон вместо умершего фараона. Он очищает землю под именем Киафан, он стремится к вечности под именем Наг и сеет по всему миру страх перед именем фараон Наг Киафан.

Скорбные крики по мертвому фараону и выкрики одобрения его преемника наполнили зал.

Под шумок Минтака разглядывала вестника. Она под косметикой побледнела как полотно, а ее глаза без всякой краски для век сделались огромными и трагическими. Казалось, мир вокруг нее потемнел, и она покачнулась на седалище. Зная, что смерть Нефера замыслена и неминуема, она убедила себя, что это не случится. Она заставила себя

поверить, что даже без ее предупреждения Нефер с помощью Таиты как-нибудь избежит сетей зла, сплетенных Нагом и Троком.

Трок наблюдал за ней с хитрой, злорадной улыбкой, и она знала, что он упивается ее болью. Ей было уже все равно. Нефер умер, и с ним умерли ее воля и смысл сопротивляться и продолжать жить. Она встала с трона и, будто сомнамбула, вышла из зала. Она ожидала, что муж прикажет ей вернуться, но он не сделал этого. В общем испуге и сожалениях немногие из присутствующих заметили ее уход. Те, кто заметил, не усомнились в ее ужасном горе. Они вспомнили, что она была обручена с умершим фараоном, и простили ей нарушение этикета и протокола.

Три дня и три ночи Минтака провела с своих палатах отказываясь от пищи. Она только понемногу пила вино, смешанное с водой. По ее приказу все оставили ее, даже ее девушки. Она не хотела видеть никого, даже врача, присланного Троком.

На четвертый день она попросила прийти верховную жрицу храма Хатор. Они провели наедине все утро, а когда старуха покинула дворец, Минтака покрыла свою обриту голову белым платком в знак траура.

На следующее утро жрица вернулась с двумя служительницами, принесшими большую корзину из пальмовых листьев. Поставив корзину перед Минтакой, служительницы покрыли головы и отошли.

Жрица опустила на колени рядом с Минтакой и тихо спросила:

– Вы действительно уверены, что желаете пойти путем богини, дочь моя?

– У меня не осталось ничего, ради чего мне стоило бы жить, – просто ответила Минтака.

Накануне жрица много часов пыталась отговорить ее и сейчас сделала последнюю попытку.

– Вы еще молоды...

Минтака подняла тонкую руку.

– Мать, я прожила немного лет, но за это короткое время испытала больше боли, чем большинство в течение долгой жизни.

Жрица наклонила голову и сказала:

– Давайте помолимся богине.

Минтака закрыла глаза и начала молитву:

– Благословенная госпожа, могучая небесная корова, владычица музыки и любви, всевидящая, всесильная, услышь молитву своих любящих дочерей.

В корзине перед ними что-то зашевелилось, и послышался слабый шорох, будто речной ветерок неожиданно прошелестел в зарослях папируса. Минтака ощутила холод в животе и поняла, что это первый холод смерти. Она слушала молитву, но думала о Нефере. Она ярко вспоминала очень многое из того, что они делали вместе, и перед ней возник его образ, как если бы он все еще был жив. Она вновь увидела его улыбку и то, как красиво он держал голову на сильной, прямой шее. Она задалась вопросом, какого места он достиг в своем жутком путешествии по подземному миру, и стала молиться о его безопасности. Она молилась о том, чтобы он достиг зеленых холмов рая, и о том, чтобы вскоре воссоединиться там с ним. «Я скоро последую за тобой, сердце мое», – пообещала она ему.

– Твоя возлюбленная дочь Минтака, жена божественного фараона Трока Урука, просит помощи, которую ты обещаешь тем, кто слишком страдал в этом мире. Позволь ей встретить твоего мрачного посланца, чтобы с его помощью обрести покой на твоей груди, могущественная Хатор.

Жрица окончила молитву и стала ждать. Следующий шаг следовало сделать самой Минтаке. Девушка открыла глаза и внимательно осмотрела корзину, как если бы видела ее впервые. Она медленно протянула обе руки и подняла крышку. В корзине было темно, но внутри что-то двигалось, тяжело, медленно свиваясь и развиваясь, поблескивая в темноте черным, будто масло, пролитое на воду в глубоком колодце.

Минтака наклонилась вперед, желая лучше разглядеть, что внутри, и навстречу ей

медленно поднялась чешуйчатая голова. Едва она появилась на свет, ее капюшон начал раздуваться и наконец стал широким, как женский веер, черный, украшенный узором цвета слоновой кости. Глаза змеи походили на блестящие стеклянные бусины. Тонкие губы изгибались в сардонической улыбке, между ними мелькал раздвоенный черный язык, пробуя воздух и запах девушки, сидевшей перед корзиной.

Они смотрели друг на друга, девушка и кобра, в течение ста медленных ударов сердца Минтаки. Вот змея качнулась назад, будто собираясь ударить, но снова медленно вернулась в вертикальное положение, будто смертельно опасный цветок на длинном стебле.

– Почему она не сделала свое дело? – спросила Минтака; ее губы были так близко от губ кобры, что можно было обменяться поцелуем. Она протянула руку, и змея повернула голову, глядя, как пальцы приближаются к ней. Минтака не выказала ни тени страха. Она мягко погладила сзади широко раздутый капюшон кобры. Вместо того чтобы ударить, кобра отвернулась от нее, почти как кот, подставляющий голову, чтобы ее погладили.

– Заставьте ее сделать то, что надлежит, – попросила Минтака жрицу, но старуха в замешательстве покачала головой.

– Я никогда не видела такого прежде, – прошептала она. – Вам следует ударить посланца рукой. Это точно вынудит его доставить дар богини.

Минтака отвела назад руку с открытой ладонью и раздвинутыми пальцами. Она нацелилась на голову змеи и уже собиралась ударить, но вздрогнула от неожиданности и опустила руку. Она озадаченно оглядела сумрачную палату, заглянула в темные углы и посмотрела прямо на жрицу.

– Вы что-то сказали? – спросила она.

– Не сказала ничего.

Минтака снова подняла руку, но на сей раз голос прозвучал ближе и яснее. Она узнала его в порыве суеверного страха и почувствовала, как волосы у нее на затылке поднялись.

– Таита? – прошептала она, оглянувшись. Она ожидала, что увидит его за своим плечом, но в палате не было никого, кроме нее и жрицы, стоящих на коленях перед корзиной.

– Да! – произнесла Минтака, будто отвечая на вопрос или приказ. Она слушала тишину и дважды кивнула, затем тихо сказала: – О да!

Жрица не слышала ничего, но поняла: произошло какое-то таинственное вмешательство. Она не удивилась, когда кобра медленно погрузилась в глубину корзины, вернула крышку на место и встала.

– Простите, Мать, – тихо сказала Минтака, – я не пойду по пути богини. Мне еще много нужно сделать в этом мире.

Жрица подняла корзину и сказала девушке:

– Пусть богиня благословит вас и подарит вам вечную жизнь. – Она двинулась в обратном направлении к двери палаты, оставив Минтаку сидеть в темноте. Казалось, девушка все еще слушала голос, который старуха не могла услышать.

В Фивы из Даббы Таита привез Нефера, погруженного в глубокий сон под действием красного шепенна. Как только их галера пришвартовалась к каменному причалу ниже дворца, Таита приказал вынести юношу на берег в носилках, закрытых от взглядов простых людей. Было бы неблагоразумно разгласить в городе весть о критическом состоянии фараона. Прежде смерть царя порой погружала город и все государство в полное отчаяние и вызывала разрушительную спекуляцию просом, бунты, грабежи, общее падение нравов и всех обычаев общества. Нефер был благополучно устроен в его царских палатах во дворце, и Таита получил возможность лечить его в безопасном уединении. Прежде всего требовалось заново исследовать ужасные рваные раны на ногах мальчика спереди и в нижней части живота и оценить, не произошли ли какие-либо болезненные изменения.

Больше всего Таита опасался того, что внутренности проколоты, и их содержимое просочилось в брюшную полость. Если бы это произошло, от его мастерства было бы мало

толку. Он размотал полосу ткани, осторожно исследовал открытые раны, понюхал вытекающий гной, стараясь уловить запах фекалий, и ощутил большое облегчение, не обнаружив и следа этого запаха. Самые глубокие раны он промыл при помощи трубки смесью уксуса и восточных пряностей. Затем он как можно лучше зашил их и перевязал, касаясь их золотым амулетом Лостры и поручая ее внука богине с каждым оборотом льняной полосы.

В последующие дни Таита постепенно уменьшал дозу красного шепенна и был вознагражден, когда Нефер пришел в сознание и улыбнулся ему.

– Таита, я знал, что ты был со мной. – Затем он поглядел вокруг, все еще одурманенный лекарством.

– Где Минтака?

Когда Таита объяснил ее отсутствие, разочарование Нефера было почти ощутимо; он был слишком слаб, чтобы скрыть его. Таита попробовал утешить его, утверждая, что их разлука была лишь временной и что скоро он будет в силах уехать на север и посетить Аварис.

– Мы найдем для Нага подходящую причину для такой твоей поездки, – уверил его Таита.

Некоторое время Нефер шел на поправку. На следующий день он сидел и с аппетитом ел хлеб из дурры и суп из нута. Еще через день он сделал несколько шагов на костылях, которые вырезал для него Таита, и попросил мяса. Чтобы не горячить его кровь, Таита запретил ему красное мясо, но позволил есть рыбу и домашнюю птицу.

На другой день Мерикара навестила брата и провела с ним большую часть дня. Ее веселый смех и детский лепет ободрили его. Нефер спросил о Гесерет и захотел узнать, почему она не пришла. Мерикара ответила уклончиво и пригласила его сыграть еще одну партию в бао. На этот раз он преднамеренно открыл свой центральный замок, чтобы позволить ей победить.

Назавтра ужасная весть о трагедии в Баласфура достигла Фив. В первых сообщениях говорилось, что все семейство, включая Минтаку, погибло в огне. Нефер снова был сражен, на сей раз горем. Таите пришлось опять смешать для него снадобье из красного шепенна, но через несколько часов раны в ноге мальчика загноились. В следующие несколько дней его состояние ухудшалось, и скоро он очутился на грани смерти. Таита сидел рядом и смотрел, как Нефер мечется в бреду и бледно-алые щупальца болезни ползут как огненные реки по его рукам, ногам и животу.

Затем из Нижнего Царства пришла весть, что Минтака пережила трагедию, унесшую жизни всей ее семьи. Когда Таита шепнул эту замечательную новость на ухо Неферу, тот, казалось, понял и ответил. На следующий день он был слаб, но в ясном сознании, и попробовал убедить Таиту, что достаточно силен, чтобы совершить долгую поездку и поддержать Минтаку в ее тяжелой утрате. Таита мягко отговорил его, но пообещал, что как только Нефер достаточно поправится, он использует все свое влияние, чтобы убедить господина Нага позволить ему поехать. Обретя цель, к которой требовалось стремиться, Нефер вновь собрался с силами. Таита видел, что он явно подчинил лихорадку и злых духов в своей крови силе воли.

Господин Наг вернулся с севера, и через несколько часов Нефера навестила Гесерет – впервые после того, как его ранил лев. Она принесла ему в подарок засахаренные фрукты, крынку дикого меда в сотах и великолепную доску для игры в бао, сделанную из цветного агата, с вставками из резной слоновой кости и черного коралла. Она была мила, очень нежна, озабочена его страданием просила прещения за то, что пренебрегала братом.

– Мой милый муж, регент Верхнего Царства, прославленный господин Наг, все эти недели был далеко отсюда, – объяснила она, – и я так тосковала о нем, что не могла составить компанию кому-то столь тяжело больному, как вы. Я боялась, что моя печаль плохо повлияет на вас, мой бедный дорогой Нефер. – Она осталась на час, пела для него и поведала о некоторых событиях при дворе, большей частью скандальных. Наконец она извинилась:

– Мой муж, регент Верхнего Царства, не любит, когда я надолго оставляю его. Мы так любим друг друга, Нефер. Он замечательный человек, чрезвычайно добрый и преданный вам и Египту. Вы должны научиться безоговорочно доверять ему, как я. – Она поднялась и затем, как если бы это была запоздавшая мысль, вскользь заметила: – Вы, должно быть, с облегчением услышали о том, что фараон Трок Урук и мой дорогой муж, регент Верхнего Египта, по государственным соображениям согласились отменить вашу помолвку с той маленькой гиксосской варваркой, Минтакой. Я так жалела вас, когда услышала, на какой позорный брак вас толкнули. Мой муж, регент Верхнего Египта, был против с самого начала, как и я.

Она ушла. Нефер обессиленно откинулся на подушку и закрыл глаза. Когда чуть позже пришел Таита, он удивился тому, что состояние юноши вновь ухудшилось. Сняв полосы ткани, он увидел, что в ранах вновь вспыхнуло воспаление, и из самой глубокой сочился зловонный гной, густой и желтый. Он оставался с Нефером всю ночь, используя все свое мастерство и силы, чтобы отогнать тени зла, окружившие молодого фараона.

На рассвете Нефер впал в бесчувствие. Таиту по-настоящему встревожило его состояние. Его нельзя было полностью объяснить только горем мальчика. Внезапно его напугала и рассердила суматоха у двери. Он собирался призвать к тишине, когда услышал повелительный голос господина Нага, приказывающий стражникам отойти в сторону. Регент шагнул в палату и, не приветствуя Таиту, наклонился к неподвижному телу Нефера и поглядел на его бледное, осунувшееся лицо. Немного погодя он выпрямился и сделал Таите знак следовать за ним на террасу.

Когда Таита вышел за регентом, тот пристально глядел за реку. На далеком другом берегу отряд на колесницах занимался перестроениями, меняя строй на полном галопе. Странно, но после подписания договора Хатор наблюдались активные приготовления к войне.

– Вы желали говорить со мной, мой господин? – спросил Таита.

Наг повернулся к нему. Его лицо было мрачным.

– Вы разочаровали меня, старик, – сказал он. Таита склонил голову, но не ответил. – Я надеялся, что моя судьба, предсказанная богами, мой путь вперед к настоящему времени будет очищен от препятствия. – Он холодно смотрел на Таиту. – Однако, кажется, вы препятствуете этому и делаете все, что в вашей власти.

– Это было притворство. Я напоказ лечил моего пациента, в действительности преследуя ваши интересы. Как вы можете убедиться лично, фараон висит у края пропасти. – Таита указал в сторону палаты, где лежал Нефер.

– Вы, безусловно, можете ощутить тени, все плотнее сгущающиеся вокруг него. Мой господин, мы почти достигли цели. Через несколько дней путь вперед будет чист.

Наг испытывал сомнения.

– Предел моему терпению близок, – предупредил он и удалился с террасы. Он прошел через палату, не взглянув на неподвижное тело на кровати.

В течение дня Нефер то впадал в глубокое забытие, то мучился приступами непрекращающимися потами и безумным бредом. Когда стало ясно, что его сильно мучила нога, Таита снял полосы льняной ткани и обнаружил, что бедро фараона сильно раздулось. Стежки, скреплявшие края раны, натянулись и глубоко врезались в горячую фиолетовую плоть. Таита знал, что нельзя перемещать мальчика, пока его жизнь висит на волоске. Планы, так тщательно подготавливаемые в течение прошлых недель, невозможно было осуществить, если не предпринять решительных действий. Вскрыть такую рану значило рисковать фатальным гнилокровием, но Наг не видел иного выхода. Он вынул свои инструменты и облил всю ногу разведенным уксусом. Затем влил в рот Неферу еще одну большую дозу красного шепенна и, ожидая начала действия лекарства, помолился Гору и богине Лостре о защите. Затем поднял скальпель и разрезал один из стежков, скреплявших края раны.

К его удивлению, плоть расступилась и из нее хлынула струя желтого гноя. Таита золотой ложкой очистил рану и, когда почувствовал, как металл ударился о какой-то

твердый предмет в глубине раны, вставил в нее щипцы из слоновой кости и захватил ими предмет. Наконец он вытянул его и, поднеся к свету из дверного проема, увидел, что это неровный обломок львиного когтя размером в половину мизинца, отломившийся, должно быть, когда зверь рвал когтями Нефера.

Он вставил в рану золотую трубку, чтобы из нее вытекал гной, и повторно перевязал ее. К вечеру состояние Нефера поразительно улучшилось. Утром он был слаб, но жар в его крови уменьшился. Таита дал мальчику укрепляющее средство и поместил на его ногу амулет Лостры. В полдень, когда он сидел около Нефера, выбирая решение, в ставни кто-то тихо поскребся. Когда он приоткрыл их, в палату проскользнула Мерикура; обезумев от горя, она плакала. Бросившись к Таите, она обняла его ноги.

– Мне запретили приходить сюда, – прошептала она, и ей не надо было объяснять, кто это сделал, – но я знаю стражников на террасе, и они позволили мне пройти.

– Успокойся, дитя мое. – Таита погладил ее по волосам. – Не расстраивайся так.

– Таита, они собираются убить его.

– Кто – они?

– Они оба. – Мерикура опять расплакалась, и ее объяснение было едва понятно. – Они думали, я сплю или не пойму, что они обсуждают. Они не называли имя, но я знаю, что они говорили о Нефере.

– Что говорили?

– Они хотят послать за тобой. Ты оставишь Нефера одного, и тогда... они сказали, что для этого не требуется много времени. – Она всхлипнула и сдержала рыдание. – Это так ужасно, Таита! Наша родная сестра и тот ужасный человек, то чудовище.

– Когда? – Таита тихонько потряс ее, чтобы она взяла себя в руки.

– Скоро. Очень скоро. – Ее голос выровнялся.

– Они говорили – как, принцесса?

– Нум, хирург из Вавилона. Наг сказал, что он протолкнет тонкую иглу через ноздрю Нефера в его мозг. Не будет ни кровотечения, ни других признаков. – Таита хорошо знал Нума: они спорили друг с другом в библиотеке Фив, обсуждая правильное лечение переломов. Нум ушел, уязвленный глубиной знаний и ударами красноречия Таиты. Он сильно завидовал славе и силе Таиты, соперник и ожесточенный враг.

– Боги вознаградят тебя, Мерикура, за то, что ты осмелилась прийти и предупредить нас. Но сейчас тебе следует вернуться, прежде чем они узнают, что ты была здесь. Если тебя заподозрят, то обойдутся с тобой так же, как собираются поступить с Нефером.

Когда девочка ушла, Таита сел и некоторое время собирался с мыслями, обдумывая свои планы. Он не мог осуществить их один, и следовало положиться на других, но он выбрал лучших и самых надежных. Они были готовы действовать и ждали его слова. Больше он не мог откладывать.

* * *

По его приказу рабы принесли котлы с горячей водой, и Таита тщательно вымыл Нефера с головы до ног и сменил полосы ткани на его ранах, поместив на зияющую рану на его бедре, откуда еще выходил гной, прокладку из шерсти ягненка.

Закончив перевязку, он приказал стражникам никого не пускать и закрыл все входы в палату. Некоторое время он молился, затем бросил ладан на жаровню и в синем ароматном дыме произнес древнюю, сильную магическую формулу обращения к Анубису, богу смерти и кладбищ.

Только после этого он приготовил эликсир Анубиса в новой и неиспользованной раньше масляной лампе. Он нагревал смесь на жаровне, пока она не достигла температуры крови, и отнес ее к кровати, где спокойно спал Нефер. Затем Таита осторожно повернул его голову набок и вставил носик лампы ему в ухо. Он стал лить эликсир по одной тяжелой вязкой капле. После этого тщательно вытер излишек, стараясь не коснуться снадобья. Затем

вставил в ухо Неферу маленький шарик шерсти и протолкнул его в слуховой проход, так чтобы его никто не смог обнаружить, кроме как при тщательном осмотре.

Таита вылил остатки эликсира на угли жаровни, и тот вспыхнул, выпустив клуб едкого пара. Затем Маг наполнил лампу маслом, зажег фитиль и поставил ее рядом с другими лампами в углу палаты.

Вернувшись к кровати, он сел около нее на корточки. Он смотрел, как поднималась и опускалась грудь Нефера. Вдохи становились все более медленными и интервалы между ними – все более долгими. Наконец дыхание прекратилось совсем. Он прижал два пальца к шее Нефера под ухом и почувствовал медленное, неторопливое биение жизненной силы. Постепенно оно тоже ослабло, и остался только легкий трепет, похожий на порхание крыльев крошечного насекомого. Таите потребовались все его мастерство и опыт, чтобы обнаружить его. Прижав пальцы левой руки к шее Нефера, он считал биение жизненной силы в собственной шее и сравнивал.

Наконец соотношение достигло трехсот его собственных биений к единственному едва заметному толчку в шее Нефера. Он осторожно закрыл глаза мальчика и положил на веки амулет, выполняя традиционный ритуал подготовки тела умершего. Затем он обвязал глаза полосой полотна, а другой полосой подвязал Неферу челюсть, чтобы не открылся рот. Он работал быстро, потому что для Нефера, пока он находился под влиянием эликсира, была опасна каждая минута. Наконец Маг подошел к двери и отодвинул засов.

– Пошлите весть регенту Верхнего Царства. Он немедленно должен прийти, чтобы услышать ужасную новость о фараоне.

Господин Наг прибыл на удивление быстро. Принцесса Гесерет явилась вместе с ним, их сопровождала толпа приспешников, среди них и господин Асмор, ассирийский врач Нум и большинство членов совета.

Наг приказал остальным ждать в коридоре за пределами царских палат, и они с Гесерет вошли в палату. Таита встал у ложа, чтобы приветствовать их.

Гесерет притворно плакала, закрывая глаза вышитым льняным платком. Наг поглядел на крепкое перевязанное тело, вытянутое на ложе, и взглянул на Таиту с вопросом в глазах. В ответ Таита чуть склонил голову. Наг постарался скрыть мелькнувшее в его глазах торжество и опустился на колени у ложа. Он положил руку на грудь Нефера и почувствовал, как тепло медленно уходит, чтобы смениться разливающимся холодом. Наг громко помолился Гору, богу-покровителю умершего фараона. Снова поднявшись на ноги, он крепко сжал руку Таиты выше локтя.

– Утешьтесь, Маг, вы сделали все, что от вас требовалось. Вы получите хорошую награду. – Он хлопнул в ладоши и, когда стражник поспешно появился в двери, приказал: – Позови членов совета.

Они вошли в комнату по одному, скорбной процессией, и столпились вокруг кровати в три ряда.

– Пропустите вперед доброго врача Нума, – приказал Наг. – Пусть он подтвердит заявление Мага о смерти фараона.

Ряды расступились, и ассириец приблизился к ложу. Его длинные волосы, завитые горячими клещами, свисали на плечи. Борода также была завита по вавилонскому обычаю. Одежда украшенная вышитыми образами чужих богов и магическими рисунками, доставала до пола. Он встал на колени возле ложа с покойным и начал обследование тела. Он понюхал губы Нефера огромным крючковатым носом с торчащими из ноздрей пучками черных волос. Затем прижал ухо к груди Нефера и слушал в течение ста ударов обеспокоенного сердца Таиты. Маг очень надеялся на неумелость ассирийца.

Затем Нум вынул из кромки одежды длинную серебряную булавку и раскрыл мягкую руку Нефера. Он вонзил булавку глубоко под ноготь, чтобы проверить мышечную реакцию или увидеть появление капли крови.

Наконец он медленно встал, и Таите показалось, что в искривившихся губах Нума и мрачном выражении лица, когда он покачал головой, заметно глубокое разочарование. Таита

вспомнил, что врачу конечно предложили определенную награду за использование серебряной булавки для другой цели.

– Фараон мертв, – объявил ассириец, и все вокруг ложа сделали знак против сглаза и гнева богов.

Господин Наг закинул голову и издал первый крик плача. Гесерет рядом с ним подхватила красивым высоким голосом.

Таита, скрывая нетерпение, ждал, пока скорбящие вереницей пройдут мимо ложа и один за другим покинут палату. Когда в палате остались только Наг, Гесерет, Нум и главы номов Верхнего Царства, Таита вновь выступил вперед.

– Господин Наг, я прошу вашей милости. Вы знаете, что я был наставником и слугой фараона Нефера Сети с его рождения. Мне следует оказывать ему уважение даже сейчас, после его смерти. Я прошу вас одарить меня. Позвольте мне быть тем, кто передаст его тело в Зал Скорби и там сделает разрез, чтобы удалить сердце и внутренние органы. Я приму это как самую великую честь, какую вы можете даровать мне.

Господин Наг подумал и кивнул.

– Вы заслужили эту честь. Я возлагаю на вас обязанность передать священное тело фараона в погребальный храм и сделать первый разрез для бальзамирования.

* * *

Старый воин Хилто быстро прибыл по вызову Таиты. Он ожидал в комнате стражи у ворот дворца. С собой он привел нубийского шамана Бэя и четырех его самых верных воинов. Одним из них был Мерен, друг детства Нефера. Сейчас это был красивый младший командир стражников, высокий, с ясными глазами. Таита специально попросил его принять участие в задуманном.

Они принесли длинную плетеную корзину, в какой бальзамировщики обычно переносили трупы в погребальный храм. Пустая корзина казалась более тяжелой, чем следовало.

Таита впустил их в покои умершего и прошептал Хилто:

– Поспешите! Дорог каждый миг.

Он уже завернул Нефера в длинное белое полотно, так что свободный конец полотна закрывал лицо. Носильщики поставили корзину около ложа и почтительно уложили в нее фараона. Таита разместил вокруг тела подголовные валики, чтобы смягчить удары при движении, закрыл крышку и кивнул.

– В храм, – распорядился он.

– Все готово.

Таита доверил свою сумку Мерену, и они быстро пошли по коридорам и внутренним дворам дворца. Крики скорби и плач летели им вслед. Стражники опускали вниз острия оружия и преклоняли колени, когда мимо проносили мертвого фараона. Женщины закрывали лица и причитали. Все лампы были погашены, и огонь в кухнях был притушен так, чтобы дым не поднимался из труб.

В имеющем въезд внутреннем дворе ждал отряд Хилто с лошадьми, запряженными в колесницы. Носильщики поставили длинную корзину на площадку ведущей колесницы и закрепили кожаными ремнями. Мерен положил кожаную сумку с инструментами Таиты в другую колесницу, Таита поднялся на нее и взял поводья. Траурно затрубили бараньи рога, и колонна медленно выехала за ворота.

Весть о смерти фараона распространялась по городу подобно чуме. Горожане толпились вокруг ворот, вопя и причитая, когда колонна ехала мимо. Толпы стояли вдоль дороги по берегу реки. Женщины, стenea от горя, выбегали вперед и бросали на корзину цветки священного лотоса.

Таита пустил лошадей трусцой, затем легким галопом. Он старался как можно быстрее доставить корзину в святилище погребального храма. Храм отца Нефера еще не был

разрушен, хотя фараона Тамоса уже несколько месяцев как поместили в гробницу в каменистых холмах на западе. Храм для Нефера еще не был построен: фараон был совсем юным, и все ожидали, что его жизнь продлится еще очень долго. Его безвременная смерть не оставляла никакого выбора, кроме как использовать здание, приготовленное для его отца.

Высокие стены из розового гранита и портик храма были возведены на небольшом возвышении, над зеленой рекой. Спешно собранные жрецы ждали, чтобы приветствовать колонну. Их головы были недавно обриты и смазаны маслом. Барабаны и сistrумы забили в медленном ритме, когда Таита подъехал по широкой мощеной дороге и остановил колесницу у подножия лестницы, поднимавшейся к Залу Скорби.

Хилто и его воины подняли корзину и, неся ее на плечах, стали подниматься по лестнице. Жрецы шли следом и пели траурный гимн. Перед распахнутыми деревянными дверями Зала Скорби носильщики остановились, и Таита обернулся к жрецам.

– Милостью и волей регента Египта мне, Таите, поручено изъять внутренние органы фараона. – Он глядел на верховного жреца гипнотическим взглядом. – Пока я буду выполнять это священное поручение, всем остальным ждать снаружи.

Испуганный гул пронесся по рядам служителей Анубиса. Это было неправильно, нарушало традиции и подрывало их власть. Однако Таита стойко выдержал взгляд жреца и медленно поднял правую руку, в которой держал амулет Лостры. Жрец знал по устрашающим слухам силу этой реликвии.

– Мы повинемся указу регента Египта, – сдался он. – Мы будем молиться снаружи, пока Маг исполняет свой долг.

Таита повел Хилто и носильщиков через дверь, и они торжественно опустили корзину на пол около черной диоритовой плиты в центре Зала Скорби. Таита поглядел на Хилто, и сидящий старый воин с большим достоинством прошел к дверям и закрыл их перед носом у собравшихся жрецов. Затем он поспешил назад к Таите. Они вместе открыли корзину, вынули завернутое тело Нефера и положили его на черную плиту.

Таита отвернул складку ткани, закрывавшей лицо Нефера. Фараон был бледен и прекрасен, как вырезанное из слоновой кости изваяние молодого бога Гора. Таита осторожно повернул его голову набок и кивнул Бэю, который поставил возле его правой руки кожаную сумку с инструментами и открыл ее. Таита вынул щипцы из слоновой кости, вставил их в ухо Неферу и вытянул шерстяную затычку. Затем он набрал в рот темно-рубиновую жидкость из стеклянного кувшина и через золотую трубку тщательно вымыл этой жидкостью остатки эликсира Анубиса из ушей Нефера. Затем он поглядел в глубину ушного прохода и с облегчением увидел, что там нет воспаления. Затем он ввел в ушное отверстие успокаивающую мазь и вновь вставил затычку. Бэй держал наготове противоядие к эликсиру, в другой склянке. Когда он вынул пробку, разнесся резкий запах камфоры и серы. Хилто помог им посадить Нефера, и Таита влил ему в рот все содержимое склянки.

Мерен и другие наблюдали за всем этим, ничего не понимая. Внезапно Нефер резко закашлялся, и они в суеверном страхе отпрыгнули от плиты и сделали знак против зла. Таита стал растирать голую спину Нефера, тот снова закашлялся, и его вырвало небольшим количеством желчи. Пока Таита продолжал работать над воскрешением фараона, Хилто приказал своим солдатам встать на колени и заставил их поклясться ужасной клятвой, что они будут держать в тайне все, что увидят. Потрясенные и бледные, они поклялись своими жизнями.

Таита прижал ухо к спине Нефера, некоторое время послушал и кивнул. Он снова принялся растирать его и опять послушал. По его указу Бэй достал из мешка пучок высушенных трав и зажег его с одной стороны от одной из ламп храма. Затем он поднес травы к носу Нефера. Мальчик чихнул и попытался отвести голову. Наконец удовлетворенный, Таита снова обернул его льняным полотном и сделал следующий знак Бэю и Хилто.

Втроем они вернулись к корзине. Остальные разинули от удивления рты, когда Таита вынул ложное дно и все увидели еще одно тело, лежавшее под ним. Это тело было также

обернуто белым льняным полотном.

– Подойдите! – приказал Хилто. – Достаньте его!

Под острым взглядом Таиты и повинаясь строгим приказам Хилто, они поменяли местами эти два тела. Нефера положили в тайное отделение на дне корзины, но пока не клали обратно ложное дно. Бэй сел на корточки около корзины, чтобы наблюдать за Нефером и проверять его состояние. Остальные положили другое тело на диоритовую плиту.

Таита отбросил обертывающее полотно, и показалось тело молодого человека примерно одних с Нефером пропорций. У него были такие же густые темные волосы. Хилто отвечал за то, чтобы раздобыть такое тело. В существующем в стране климате это было не трудно. В более бедных отдаленных частях нома все еще процветала чума. Кроме того, после каждой ночи на улицах и в переулках города находили жертв разбоя, ссор и преступных убийств.

Хилто обдумал все возможные источники. Однако в конце концов, в обстоятельствах столь подходящих для поиска, что это не могло быть простым совпадением, он нашел превосходную замену молодому фараону. Городские судебные приставы арестовали этого парня, когда он разрезал кошелек одного из самых влиятельных торговцев просом в Фивах, и судьи не колеблясь приговорили его к смерти через удушение. Осужденный так походил телом и лицом на Нефера, что можно было принять его за брата фараона. Кроме того, он был хорошо сложен и здоров, не в пример жертвам чумы и голода. Хилто поговорил с начальником городской стражи, которому было поручено совершить казнь, и в результате дружеского обмена три тяжелых золотых кольца нашли дорогу в кошелек этого почтенного человека. Договорились, что удушение будет отложено до тех пор, пока Хилто не даст «добро», и что при этом жертве причинят такие незначительные повреждения, какие только сможет обеспечить навык палача. Заключенного казнили утром, и его тело еще не остыло.

Канопы стояли в маленьком святилище в конце зала. Таита приказал Мерену принести их и открыть крышки, приготовив к заполнению. Покуда он занимался этим, Таита перекатил тело и сделал широкий разрез в его левом боку. Щеголять изяществом хирургу было некогда. Он погрузил руку в отверстие и потащил потроха наружу. Затем, работая обеими руками, просунул скальпель глубоко внутрь тела. Сначала он разрезал диафрагму, чтобы получить доступ к грудной полости, затем прошел глубже, минуя легкие, печень и селезенку, пока не сумел обрезать трахею выше ее соединения с легкими. Наконец он перекатил тело, приказал Мерену раздвинуть его ягодицы и уверенными ударами обрезал мышцы сфинктера заднего прохода. Теперь все содержимое грудной полости и живота было не закреплено.

Он вытащил внутренности на диоритовую плиту единой массой. Мерен побледнел, покачнулся и зажал рукой рот.

– Не на пол, в слив, – резко приказал Таита. Мерен сражался с отрядами Апепи на севере. Он убивал людей, и на него не действовала резня на поле битвы, но сейчас он побежал к каменной чаше в углу, и его шумно вырвало в нее.

В крови по локоть, Таита начал отделять печень, легкие, желудок и кишки друг от друга. Как только это было сделано, он положил кишки и желудок в слив, куда уже внес свою лепту Мерен. Таита промыл разрезанный желудок и кишки и положил их в кувшины. Затем наполнил каждый кувшин натровыми солями и запечатал крышки. После этого он вымыл руки и орудия в бронзовых чашах, наполненных водой специально для этой цели.

Таита вопросительно поглядел на Бэя, и нубиец кивнул бритой, покрытой шрамами головой, заверяя, что Нефер в нормальном состоянии. Работая с управляемой поспешностью, Таита зашил разрез в животе. Затем он стал обвязывать голову льняными полосами, пока не скрылись черты лица. Когда это было сделано, они с Хилто перенесли тело к большой натровой ванне и опустили его в едкую щелочную смесь, так что на воздухе осталась только обвязанная полосами голова. Телу с замотанной льняной тканью головой предстояло оставаться в ванне следующие шестьдесят дней. После этого жрецам надлежало снять полосы и они обнаружить подмену. Однако к тому времени Таита и Нефер будут уже далеко.

Потребовалось еще немного времени, чтобы обмыть плиту водой из кожаных ведер и убрать инструменты Таиты. Теперь они были готовы уехать. Таита опустился на колени около корзины, в которой лежал Нефер, и положил руку на его голую грудь, чтобы почувствовать теплоту кожи и проверить дыхание. Оно было медленным и ровным. Маг оттянул одно веко вниз и увидел, что зрачок реагирует на свет. Удовлетворенный, он поднялся и сделал знак Хилто и Бэю закрыть потайное отделение. Когда это было сделано и они начали закрывать крышку корзины, Таита остановил их.

– Оставьте ее открытой, – приказал он. – Пусть жрецы увидят, что она пустая.

Носильщики подняли корзину за ручки, и Таита повел их к дверям. Когда они подошли, Хилто резко открыл их, и собрание жрецов вытянуло шеи. Они бросили на пустую корзину, когда ее выносили, только поверхностный взгляд, а затем с почти неприличной поспешностью ринулись в Зал Скорби, чтобы принять отнятые у них обязанности.

Незаметно для толп, собравшихся у храма, люди Таиты погрузили корзину на ведущую колесницу и колонной поехали обратно в город.

Въехав в главные ворота города, они обнаружили, что узкие улицы почти пусты. Народ или стекался к погребальному храму, чтобы молиться о молодом фараоне, или поспешил к дворцу ждать, кого объявят его преемником, хотя мало кто сомневался, к кому теперь перейдет трон Верхнего Царства.

Хилто привел колесницу к баракам стражников около восточных ворот, и корзину через черный ход внесли в его частную квартиру. Здесь все было готово, чтобы позаботиться о Нефере. Его вынули из нижнего отделения, и Таита с Бэем, который помогал ему, занялись полным оживлением Нефера. Через несколько часов он чувствовал себя уже достаточно хорошо, чтобы съесть немного просяного хлеба и выпить чашу теплого кобыльего молока с медом.

Наконец Таита решил, что можно оставить его на некоторое время под присмотром Бэя, и поехал по узким пустым улицам. Вдруг впереди он услышал громкий шум приветствий. Подъехав к окрестностям дворца, он угодил в густую толпу горожан, празднующих восхождение на трон нового фараона.

– Вечная жизнь священновеликому фараону Нагу Киафану! – кричали они с преданным усердием и передавали друг другу винные кувшины.

Толпа была такой густой, что Таите пришлось оставить колесницу с Мереном и пройти остаток пути пешком. Стражники в воротах дворца узнали его и древками копий расчистили ему дорогу. Оказавшись во дворце, он тотчас поспешил в большой зал и там обнаружил еще одну толпу подобострастных людей. Все военачальники, придворные и государственные сановники ждали своей очереди, чтобы принести клятву преданности и верности новому фараону, но репутация Таиты и его беспокоящий взгляд раздвигали толпу, и он продвинулся в передние ряды.

Фараон Наг Киафан и его царица находились в частном покое за дверями в конце зала, но Таите пришлось ждать совсем немного, прежде чем ему предоставили доступ к царю.

К своему удивлению он обнаружил, что Наг уже надел двойную корону и держит плетень и скипетр скрещенными на груди. Рядом с ним царица Гесерет, казалось, цвела, будто роза пустыни под ласкающим дождем. Она была такой же красивой, какой Таита всегда знал, бледной и безмятежной под ее косметикой, с глазами, умело увеличенными краской для век.

Когда Таита вошел, Наг отослал прочь стоявших вокруг него, и скоро они остались втроем. Это само по себе было признаком высокого расположения. После этого Наг отложил в сторону плетень и скипетр и подошел, чтобы обнять Таиту.

– Маг, мне не следовало сомневаться в вас, – сказал он голосом еще более звучным и повелительным, чем прежде. – Вы заслужили мою благодарность. – Он снял с правой руки великолепное золотое кольцо с рубинами и надел его на правый указательный палец Таиты.

– Это лишь ничтожный знак моей благосклонности. – Таита удивился, что Наг дал ему в руки такой мощный талисман: только локон волос Нага или обрезки его ногтей могли быть более мощными.

Гесерет подошла и поцеловала его.

– Дражайший Таита, вы всегда были преданы моему семейству. Вы получите больше золота, земли и влияния, чем когда-либо желали.

За столько лет она так мало знала о нем...

– Ваше великодушие уступает только вашей красоте, – сказал он, и Гесерет жеманно улыбнулась. Затем он вновь повернулся к Нагу.

– Я сделал то, чего потребовали от меня боги, ваша милость. Но это дорого мне стоило. Не легко и не просто идти против чувства долга и воли собственного сердца. Вы знаете, что я любил Нефера. Теперь у меня такой же долг перед вами и такая же любовь. Но мне нужно время, чтобы оплакать Нефера и помириться с его тенью.

– Было бы действительно странно, если бы вы не сочувствовали умершему фараону, – согласился Наг. – Чего вы хотите от меня, Маг? Только скажите.

– Ваша милость, я испрашиваю разрешения уйти в пустыню и уединиться там на какое-то время.

– Надолго? – спросил Наг, и Таита увидел, как его встревожила мысль о потере ключа к вечной жизни, который, как он действительно верил, Таита держал в своих руках.

– Не слишком, великий, – заверил его Таита. Наг обдумал это. Он никогда не принимал поспешных решений. Наконец он вздохнул и подошел к низкому столу, на котором лежали перо и папирус, быстро написал охранную грамоту и запечатал царским картушем. Было ясно, что печать вырезана давно, в ожидании его воцарения. Дожидаясь, чтобы высохли чернила, Наг сказал: – Можете отсутствовать до начала следующего разлива Нила, но затем вы должны вернуться ко мне. Эта охранная грамота позволит вам путешествовать свободно и пользоваться любым продовольствием и снаряжением, в котором вы будете нуждаться, из царских складов в любом из моих владений.

Таита пал ниц, благодаря, но Наг поднял его на ноги в еще одном необычайном проявлении снисходительности.

– Идите, Маг! Но возвращайтесь к нам в назначенный день, чтобы получить награду, которую вы безусловно заслужили.

Сжимая в руке свиток папируса, Таита попятился к двери, делая знаки благословения.

Наутро ни свет ни заря, пока большая часть города все еще спала и даже стражники в восточных воротах зевали и смотрели устало, они покинули Фивы.

Нефера положили в задней части крытой повозки, которую тянула упряжка из четырех лошадей. Этих тягловых лошадей тщательно отбирал Хилто. Они были сильными и здоровыми, но не блистали ничем, что могло бы возбудить зависть или отложиться в памяти. Повозка была загружена продовольствием и снаряжением, которое могло им понадобиться, когда они покинут речную долину. Хилто оделся как богатый крестьянин, Мерен как его сын, а Бэй как их раб.

Нефер лежал на соломенном тюфяке на дне повозки, за занавеской из дубленой кожи. Сейчас он был в полном сознании и понимал все, что Таита должен был ему сказать. Несмотря на царскую охранную грамоту, сержант стражи был придирчив. Он не узнал Таиту под его капюшоном, поэтому поднялся в крытую повозку, чтобы осмотреть содержимое. Когда он отодвинул занавеску и увидел изможденное, бледное лицо Нефера, усыпанное изображенными Таитой алыми пятнами чумы, которые ни с чем нельзя было спутать, он в ужасе выругался и спрыгнул с повозки, столь энергично творя знаки против зла, что уронил лампу, и та разбилась у его ног.

– Уезжайте! – отчаянно закричал он Хилто, держащему поводья. – Увозите этого грязного чумного негодяя из города.

Еще дважды в течение дней, ушедших на то, чтобы пересечь прибрежную равнину и достичь холмов, отмечавших границу возделываемой земли и пустыни, их останавливали военные дозоры. Каждый раз царского свитка и жертвы чумы было достаточно, чтобы снова продолжить свой путь после самой короткой остановки.

По поведению дозоров было ясно, что в Фивах подмена тел не обнаружена и тревога еще не поднята. И все же Таита почувствовал облегчение, когда они поднялись на холмы в пустыню и по старому торговому пути направились на восток, в сторону Красного моря.

Теперь Нефер мог спускаться со своей постели в повозке и недолгое время хромя идти рядом с повозкой. Сразу стало ясно, что, несмотря на все его опровержения, нога у него болела, но вскоре он зашагал легче и шел дальше.

Три дня они отдыхали в древнем разрушенном городе Галлала. Они вновь наполнили мехи из скудного и горького источника и дали лошадям отдохнуть от суровой и трудной каменистой дороги. Бэй и Таита полечили их сухожилия и копыта. Когда стало возможно продолжить поездку, они отвернули в сторону от главного пути: в прохладе ночи выбрали тропу, известную только Таите, которая вела к Гебель-Нагаре. Бэй и Хилто замели следы от колесниц и скрыли все признаки того, что они там проехали.

В середине ночи, при свете ярких звезд они достигли пещеры. В маленьком источнике не доставало воды, чтобы напоить столько людей и лошадей, и, едва повозка была разгружена, Хилто и Бэй отправились обратно, оставив в помощь Таите и Неферу только Мерена. Хилто покинул свой отряд под предлогом плохого здоровья, поэтому был свободен и мог каждое полнолуние вместе с Бэем приезжать и привозить из Фив продовольствие, лекарства и новости.

Первый месяц в Гебель-Нагаре пролетел быстро. В чистом и сухом воздухе пустыни раны Нефера закрылись без дальнейших осложнений, и скоро он хромя ходил по пустыне, охотясь вместе с Мереном. Они вспугивали пустынных зайцев и поражали их метательными дубинками, или Таита, усевшись на скалистом склоне над источником, наводил укрывающие чары, чтобы заманить стада газелей в пределы досягаемости стрел.

В конце месяца Хилто вернулся из Фив вместе с Бэем. Они принесли весть о том, что подмену Таиты еще не обнаружили и фараон Наг Киафан вместе со всем народом по-прежнему полагает, что тело Нефера просаливалось в Зале Скорби.

Они также принесли новости о восстании в Нижнем Царстве и зверствах фараона Трока в Манаши. Волнения возникли и в Верхнем Царстве, где Наг, подобно Троку, увеличил налогообложение и приказал набирать войска.

– Люди рассержены тем, что войска так увеличиваются, когда в стране мир, – сообщил Хилто.

– Думаю, что вооруженные восстания скоро распространятся и в Верхнем Царстве, где Наг ведет себя так же любезно, как Трок на севере. Те, кто приветствовал воцарение этих двух фараонов, скоро обретут причины сожалеть об этом.

– Какие еще есть новости из Нижнего Царства? – взволнованно спросил Нефер.

Хилто пустился в долгое перечисление торговых новостей и цен на просо, сообщил о прибытии во дворец фараона Трока особого посланника из Ассирии. Нефер слушал нетерпеливо и, когда Хилто закончил, спросил:

– Какие новости о принцессе Минтаке?

Хилто поглядел озадаченно.

– Никаких, насколько я знаю. Думаю, она в Аварисе, но не уверен.

По пути сюда Хилто пересек следы большого стада сернобыков и теперь попросил у Таиты разрешения последовать за ними, чтобы поохотиться. Высушенное мясо пополнило бы их запасы, и Таита легко согласился. Но заявил, что Нефер еще недостаточно силен, чтобы присоединиться к группе охотников. Странно, но это, казалось, не расстроило Нефера: он предложил Таите отправиться с охотниками и использовать свои силы, чтобы отыскать добычу и скрыть охотников, когда те приблизятся к животным.

Стоило Неферу остаться в пещере одному, как он распаковал маленький ларец из кедра с чистыми свитками папируса и письменными принадлежностями, который принес ему Хилто, и начал составлять письмо Минтаке. Он был совершенно уверен, что к настоящему времени весть о его смерти уже получена в Аварисе. Помня собственные ужасные страдания после того, как он услышал ложное сообщение о гибели Минтаке вместе со всем ее

семейством в Баласфура, он хотел избавить ее от такой же муки. Он хотел также объяснить, что именно Наг и Трок отменили их помолвку, но сам он, Нефер, все так же любит ее больше собственной надежды на вечную жизнь и ни за что не успокоится, пока она не станет его женой.

Все это следовало изложить таким языком, который, если свиток попадет не в те руки, оказался бы непонятен никому, кроме Минтаки.

В начале он приветствовал ее как «Первую Звезду». Ей следовало вспомнить, как они обсуждали происхождение ее имени и она сказала:

– Меня зовут как третью звезду в поясе небесного Охотника.

А он ответил:

– Нет, не третью. Самую первую на всем небесном своде.

Он выводил иератические знаки с великим усердием – он всегда превосходно писал. И подписался «Дурак из Даббы», уверенный, что она узнает намек на ошибку, которую он совершил, когда они были одни в пустыне.

Вечером, когда охотники вернулись и все наслаждались свежим жареным мясом сернобыка, Нефер ждал возможности поговорить с Хилто наедине. Она представилась, когда Таита вышел из круга около костра, чтобы немного походить по ночной пустыне. Вместе с грузом продовольствия Хилто привез из Фив несколько больших кувшинов пива, и Таита с наслаждением выпивал чашу или две, но одним из немногих признаков, указывавших на его возраст, была скорость, с которой жидкость выходила наружу.

Как только Маг ушел за пределы слышимости, Нефер наклонился поближе к Хилто и зашептал:

– У меня есть особое поручение, которое ты должен выполнить для меня.

– Для меня это будет великой честью, великий.

Нефер передал ему крошечный свиток папируса.

– Сохрани его ценой своей жизни, – приказал он, и когда Хилто спрятал его в свою накидку, Нефер приказал ему доставить папирус принцессе в Аварис. Закончил он предостережением:

– Не говори об этом никому. Даже Магу. Помни о священной присяге!

На другой день на закате, когда воздух начал остывать, Хилто и Бэй покинули Гебель-Нагару. Они почтительно поклонились Неферу, испросили у Таиты благословение и защитные чары и направились в освещенную звездами пустыню. Лошади поднялись на первый склон холма по россыпи серебристых в лунном свете камешков, которые потрескивали, охлаждаясь во тьме ночи.

Бэй шел впереди лошадей и вдруг отскочил назад, испуганно вскрикнув на своем диком языке, и схватился за амулет в виде кости льва на своем ожерелье. Он указал на странную фигуру, появившуюся из тени, отбрасываемой скалой.

Хилто взволновался еще более:

– Отойди в сторону, злая тень, – закричал он, щелкнул кнутом и сделал знак против зла, а затем пробормотал заклинание против всех призраков и злых духов.

– Спокойно, Хилто! – наконец проговорил призрак. Луна светила так ярко, что фигура отбрасывала на твердый сланец под ногами длинную тень, а голова ее светилась, будто расплавленное серебро в тигле.

– Это я, Маг Таита.

– Не может быть! – крикнул Хилто. – Я оставил Таиту в Гебель-Нагаре на закате. Я знаю тебя. Ты – ужасная тень из нижнего мира, притворившаяся Магом.

Таита шагнул вперед и схватил Хилто за правую руку.

– Почувствуй тепло моей плоти, – сказал он и поднес руку Хилто к своему лицу. – Пощупай мое лицо и послушай мой голос.

Однако лишь после того, как Бэй коснулся груди Таиты костью льва, понюхал, нет ли в его дыхании зловония могилы, и объявил, что он тот, кем представился, старому воину пришлось согласиться с этим.

– Но как вы попали сюда, опередив нас? – спросил он горестно.

– Это пути посвященного, – сказал ему загадочно Бэй. – Лучше никогда не задавать такой вопрос.

– Хилто, у тебя на теле есть что-то, что подвергает всех нас смертельной опасности. – Таита отбросил подробности. – Оно источает запах смятения и смерти.

– Я не знаю, что это может быть, – неловко сказал Хилто.

– Это что-то доверил тебе сам Египет, – настаивал Таита, – и ты хорошо знаешь об этом.

– Сам Египет. – Хилто почесал бороду и покачал головой.

Таита протянул руку, и Хилто, вздохнув, сдался без дальнейшего сопротивления. Он полез в кожаную сумку на своем поясе и достал папирус. Таита забрал у него свиток.

– Ничего не говори об этом, – предупредил его Таита, – никому, даже самому фараону. Слышишь, Хилто?

– Слышу, Маг.

Таита взял папирус в правую руку и стал сосредоточенно смотреть на него. Через несколько мгновений на свитке появилось крошечное горящее пятнышко, в ночной воздух поднялся легкий дымок, а затем вдруг весь папирус охватило пламя.

Таита, не отдернув пальцы от высокой температуры, держал его, пока он не сгорел, и затем растер остатки в пыль.

– Это волшебство, – выдохнул Хилто.

– Всего лишь ловкость, – пробормотал Бэй. – Такое может даже ученик.

Таита поднял правую руку в благословении.

– Пусть боги хранят вас во время вашей поездки, – сказал он и после посмотрел, как повозка отъехала и слилась с мраком.

Когда Таита снова очутился около маленького горящего очага в пещере Гебель-Нагары и стоял, отогревая старые кости от холода пустыни, он смотрел на спящего у задней стены Нефера, укрытого овчиной.

Его не рассердила жалкая попытка мальчика обмануть его. Возраст не иссушил его человеческие чувства, не затуманил воспоминания о мучениях страсти, и он сочувствовал желанию Нефера уменьшить страхи и страдания Минтаки. К этому добавлялась глубокая, граничащая с любовью привязанность, которую он испытывал к Минтаке.

Он не стал распекать Нефера из-за возможных последствий этого порыва сострадания. Он дал ему опиум веры в то, что Минтака скоро узнает – он все еще жив.

Он присел на корточки около Нефера и, не притрагиваясь к нему, осторожно проник во внутреннюю сущность мальчика. Благодаря большому опыту при работе со своим пациентом он легко достиг этого. Нефер метался, стонал и бормотал что-то бессвязное. Даже в глубоком сне сила Таиты, брошенная на него будто сеть, затронула его и чуть не разбудила.

Его тело быстро следовало по пути к полному восстановлению. Таита опустил его глубже. Дух мальчика был силен, и он ничего не потерял в испытании, через которое прошел.

Совсем скоро мы сможем приступить к нашему следующему делу.

Он вернулся к очагу и положил в огонь еще несколько веток акации. Затем лег, но не для того, чтобы спать, поскольку в его годы нуждаются лишь в нескольких часах сна за ночь, а чтобы открыть свой ум потокам, вызванным событиями, часть которых произошла давно, а другие намного позже. Он позволил им кружиться в водовороте вокруг него, как если бы он был скалой в потоке существования.

Следующая луна прошла еще быстрее, чем предыдущая, поскольку Нефер становился все более сильным и неутомимым. С каждым днем его хромота становилась менее заметной и наконец исчезла. Скоро он бегал вместе с Мереном от дна долины до гребня холмов. Эти

соревнования стали обычной частью их жизни в оазисе. Первое Мерен выиграл легко, но вскоре все изменилось.

На рассвете двадцатого дня после отъезда Хилто они начали бег от входа в пещеру и помчались через каменное дно долины плечом к плечу, но когда стали подниматься на холм, Нефер вырвался вперед. На полпути он внезапно сделал мощный рывок вперед и оставил Мерена позади. На гребне холма он обернулся и засмеялся над Мереном, торжествующим жестом положив руки на бедра. На рассветном ветру его длинные густые локоны развевались за плечами. Позади него вставало раннее солнце, и золотые лучи образовали нимб вокруг его головы.

Таита наблюдал все это снизу и уже собирался вернуться в пещеру, когда устрашающий звук, разнесшийся в тишине пустыни, остановил его. Он поднял лицо к небу и, увидев темное пятнышко, описывающее круг высоко в синеве, ощутил близкое божественное присутствие. Крик прозвучал снова, тихий и слабый, но он пронзал до сердца: незабываемый крик царского сокола.

На гребне бархана Нефер также услышал его и завертел головой, чтобы найти его источник. Он разглядел крошечную фигурку и поднял к ней обе руки. Как если бы жест был командой, сокол перешел в стремительное падение и, казалось, стал увеличиваться. Ветер шумел в его изогнутых крыльях; он падал прямо на Нефера. Если бы на такой скорости он ударил, то разорвал бы плоть мальчика и сломал кости, но Нефер не уклонился, когда птица приблизилась прямо к его запрокинутому лицу.

В самый последний миг сокол прервал падение и воспарил над головой мальчика. Нефер протянул руку и почти коснулся гладкого, красивого оперения на его груди. На мгновение Таита показалось, что птица позволит схватить себя, но она забила крыльями и взмыла ввысь. Еще раз издала свой страдальческий прекрасный крик, затем устремилась к солнцу и, как показалось, исчезла в пылающем шаре.

В свое последнее посещение Гебель-Нагары Хилто привез с собой военный лук полного размера. Под руководством Таиты Нефер занимался с ним каждый день, тренируя мускулы на спине и плечах, пока не развил достаточную силу, чтобы вскинуть оружие, натянуть тетиву до конца и удерживать цель так, чтобы руки не начинали утомляться и дрожать. Затем по команде Таиты он посылал стрелу вверх по высокой дуге, чтобы поразить цель на расстоянии в двести локтей.

В роще, спрятанной у подножия холмов, Нефер вырезал себе из акации тяжелый деревянный посох и подрезал, точил и полировал его, пока он не приобрел совершенные длину и баланс в его руках. В прохладе рассвета они с Таитой сражались традиционным способом. В начале Нефер сдерживался из уважения к возрасту Таиты, но Маг раскровенил ему голени и поставил шишку на голове. Разъяренный и оскорбленный Нефер напал всерьез, но старик был быстр и ловок. Он прыгал как раз вне досягаемости рубящего посоха Нефера, а затем бросался вперед и наносил болезненные удары в незащищенные локоть или колено.

Таита почти не утратил навыки обращения с клинком. Хилто привез им полную стойку тяжелых серповидных мечей, и когда Таита решил, что они имеют уже достаточную практику сражения на посохах, он вынес мечи и провел Нефера и Мерена через полный набор ударов, уколов и парирований. Он заставлял их повторять каждый прием пятьдесят раз, а затем начинать снова. К тому времени, как он объявил перерыв на ужин, по телам Нефера и Мерена катился пот, как если бы они погрузились в воды Нила. Кожа Таиты, однако, была сухой и прохладной. Когда Мерен с завистью упомянул об этом, он усмехнулся.

– Последняя капля пота стекла с меня еще до вашего рождения.

В другие вечера Нефер и Мерен раздевались донага, смазывали тела маслом и боролись, а Таита оценивал их броски и выкрикивал советы и указания. Хотя Мерен был выше на ширину руки и тяжелее в плечах, руках и ногах, Нефер обладал естественной устойчивостью, и Таита научил его, как использовать вес противника против него самого.

Они были равны друг другу во всем.

По вечерам и поздно ночью Таита и Нефер сидели у огня и обсуждали разные темы, от медицины и политики до войны и религии. Часто Таита описывал что-нибудь, а затем просил Нефера найти изъяны в его утверждениях и аргументах. Во время этих уроков он расставлял скрытые ловушки и противоречия, и Нефер все чаще и с растущим рвением раскрывал их и подвергал сомнению. Кроме того, рядом всегда была доска для игры в бао, чтобы поломать голову в попытке распутать законы и бесконечные возможности ходов и схем движения камней.

– Если ты сможешь понять все, что нужно знать о камнях бао, то узнаешь все, что нужно знать о самой жизни, – сказал ему Таита. – Тонкости игры настраивают и заостряют ум, готовя его к постижению тайн более великих.

Месяц пролетел так стремительно, что Нефер даже слегка удивился, когда, мчась по пустыне за смертельно раненной газелью, вдруг заметил на горизонте, искаженном миражем, крошечное облако желтой пыли и под ним далекие очертания возвращающейся из речной долины крытой повозки. Он тотчас забыл о газели, за которой гнался, и побежал, чтобы встретить Хилто. Хилто привык к выдающимся демонстрациям физического мастерства своих солдат, но и на него произвела впечатление скорость, с какой Нефер неся по земле в колеблющемся жарком мареве.

– Хилто! – прокричал Нефер еще издали, ничуть не запыхавшись. – Пусть боги любят тебя и даруют тебе вечную жизнь! Что нового? Что нового?

Хилто притворился, что не понял вопроса, и, когда Нефер пошел рядом с повозкой, начал многословно и подробно описывать политические и общественные события в царствах.

– Еще одно восстание на севере. В этот раз Трок подавил его с большим трудом. За три дня тяжелых боев он потерял четыреста солдат, и половина мятежников избежала его гнева.

– Хилто, ты знаешь, что я хотел бы от тебя услышать другое.

Хилто кивнул в сторону Бэя.

– Возможно, сейчас не время затрагивать некоторые вопросы, – предположил он тактично. – Великий, может быть, мы поговорим позже и наедине?

Неферу пришлось обуздать нетерпение.

Когда они сели вечером у костра в пещере, для Нефера было мукой слушать Хилто, долго и подробно рассказывавшего Таите новости, самой важной из которых была весть о том, что подмена тел обнаружилась, когда жрецы Анубиса в Зале Скорби сняли льняные полосы с головы умершего. Фараон Наг Киафан постарался на славу, утаить эту новость и предотвратить ее распространение в народе, ибо устои его трона были бы подорваны, если бы народ заподозрил, что Нефер жив. Однако невозможно было сохранить в тайне такое чрезвычайное событие, когда многие люди, жрецы и придворные были посвящены в него. Хилто сообщил, что слухи об этом распространились по улицам и рынкам Фив и отдаленных городов и деревень.

Отчасти по причине этих слухов, в обоих царствах шире распространились и стали более согласованными волнения. Мятежники называли себя Синее Движение. Синий был цветом династии Тамоса; Наг выбрал в качестве собственного царского цвета зеленый, а цвет Трока был красный.

Вдобавок неприятности назревали на востоке. Египетские фараоны отослали гуррийского посла назад к его хозяину, царю Саргону Вавилонскому, чье могущественное царство лежит между Тигром и Евфратом, с требованием увеличить ежегодную дань Саргона до двадцати лакхов золота, непосильного количества, на которое Саргон никогда не согласится.

– Итак, это объясняет наращивание войск в обоих царствах, – сказал Таита, когда Хилто окончил свой рассказ. – Наконец стало ясно, что эти два фараона жаждут богатств Месопотамии и намерены их завоевать. После Вавилона они обратятся к Ливии и Халдее. И не остановятся, пока весь мир не попадет под их пята.

Хилто глядел с удивлением.

– Я не думал об этом, но вы, должно быть, правы.

– Они хитры, как два старых бабуина, совершающих набег на крестьянские поля на берегу реки. Они знают, что война – стимул для объединения. Если они отправятся в поход на Месопотамию, народ сплотится вокруг них в патриотическом безумии. Войскам придется по вкусу обещание добычи и славы. Торговцам – возможность расширить торговлю и увеличить прибыль. Прекрасный способ отвлечь людей от их недовольства.

– Да, – кивнул Хилто. – Сейчас я это вижу.

– Конечно, это – в наших интересах, – размышлял Таита. – Я искал нам приют. Если Саргон будет воевать с Троком и Нагом, то он примет нас у себя.

– Мы уедем из Египта? – воскликнул Хилто.

Таита объяснил:

– Теперь, когда Наг и Трок знают, что Нефер жив, они станут искать нас. Дорога на восток – единственная открытая для нас. Уехать придется ненадолго, пока мы не соберем собственные силы, не найдем поддержку в двух царствах и сами не сделаемся мощными союзниками. Затем мы вернемся, чтобы заявить о неотъемлемом праве фараона Нефера.

Они молча смотрели на Таиту, пытаясь опомниться от потрясения, вызванного этим планом. Они не заглядывали так далеко вперед, и им никогда не приходило в голову, что придется покинуть родную землю.

И тут Нефер нарушил тишину.

– Мы не можем сделать этого, – сказал он. – Я не могу оставить Египет.

Таита поглядел на остальных и кивком приказал всем выйти. Хилто, Бэй и Мерен покорно встали и гуськом вышли из пещеры.

Таита предвидел такой поворот событий. Он знал, потребуется вся его хитрость, чтобы разобраться, поскольку лицо Нефера выражало упорство и свое заявление он сделал упрямым тоном, хорошо знакомым Таите. Он знал, что трудно будет переубедить Нефера. Мальчик смотрел в огонь, и Таита понял, что нужно вынудить его нарушить тишину. Если он сделает это, позиция Таиты укрепитя.

– Тебе следовало обсудить этот план со мной, – сказал наконец Нефер. – Я больше не ребенок, Таита. Я – мужчина и фараон.

– Я рассказал вам о моих намерениях, – спокойно заметил Таита.

Они снова сидели в тишине, глядя на языки пламени, и Таита ощущал, как в решимости Нефера появляются трещины.

Наконец Нефер заговорил снова.

– Видишь ли, здесь Минтака.

Таита опять ничего не сказал. Чутье подсказало ему, что они приближаются к кризису в их отношениях. Это когда-нибудь должно было случиться, и он не старался избежать его.

– Я послал письмо Минтаке, – сказал Нефер. – Я сказал ей, что люблю ее, и поклялся своей жизнью и вечным духом, что не покину ее.

Теперь Таита нарушил тишину.

– Ты уверен, что Минтака получила эту твою безрассудную клятву, которая подвергла тебя, ее и все твоё окружение смертельной опасности?

– Да, конечно. Хилто... – Нефер осекся, и выражение его лица изменилось, когда он поглядел на Таиту через пламя костра. Внезапно он вскочил и направился ко входу в пещеру. Он шел не как мальчик, а как мужчина, рассерженный мужчина. За несколько этих последних коротких месяцев он полностью изменился. Таита испытал глубокое удовлетворение. Путь впереди ждал трудный, Неферу потребуется вся его новооткрытая сила и решительность.

– Хилто! – крикнул Нефер в темноту. – Подойди ко мне. – Вероятно, Хилто услышал новую властность в его голосе, потому что быстро пришел и опустился на одно колено перед Нефером.

– Великий? – спросил он.

– Ты доставил сообщение, которое я доверил тебе? – спросил Нефер.
Хилто поглядел на Таиту около огня.

– Не смотри на него, – выпалил Нефер. – Я задаю тебе вопрос. Отвечай.

– Нет, не доставил сообщение, – ответил Хилто. – Желаете знать причину?

– Я достаточно хорошо знаю эту причину, – зловеще проговорил Нефер. – Но послушай вот что. Если когда-либо впредь ты преднамеренно не повинешься мне, то заплатишься за это в полной мере.

– Я понимаю, – бесстрастно сказал Хилто.

– Если когда-либо снова возникнет выбор между фараоном и вмешивающимся стариком, ты выберешь фараона. Ясно?

– Ясно, как полуденное солнце. – Хилто покаянно понурил голову, но улыбнулся в бороду.

– Ты уклонился от моих вопросов, Хилто. Итак, какие новости у тебя есть о принцессе?

Хилто прекратил улыбаться, затем открыл и закрыл рот, пробуя собраться с духом и сообщить ему страшную весть.

– Говори! – приказал Нефер. – Ты так быстро забыл свой долг?

– Милостивый великий, эта новость не порадует вас. Шесть недель назад принцессу Минтака выдали в Аварисе замуж за фараона Трока Урука.

Нефер замер, будто превратился в гранитную статую. Долгое время единственным звуком в пещере было потрескивание бревен акации в огне. Затем, не говоря ни слова, Нефер прошел мимо Хилто и вышел в ночную пустыню.

Когда он вернулся, в восточной части неба слабо тлел алый рассвет. Хилто и Мерен спали, завернувшись в овчины в глубине пещеры, но Таита сидел в том же положении, в каком Нефер оставил его. На мгновение ему показалось, что старик тоже спит. Но Таита поднял голову и посмотрел на него глазами, которые в свете костра смотрели ясно и бдительно.

– Я ошибался, а ты был прав. Ты нужен мне теперь как никогда, старый друг, – сказал Нефер. – Ты не оставишь меня?

– Ты мог бы не спрашивать, – ответил Таита тихо.

– Я не могу оставить ее с Троком, – сказал Нефер. «Нет».

Нефер вернулся на свое место напротив Таиты. Тот медленно и глубоко вздохнул. Буря кончилась. Они снова были вместе.

Нефер поднял обугленное полено и сунул его глубже в огонь. Затем снова поглядел на Таиту.

– Ты пытался научить меня видеть далеко, – сказал он. – Мне не удавалось получить это дар. До этой ночи. Там, в темноте и полной тишине, я постарался увидеть Минтаку. На этот раз я что-то увидел, Таита, но смутно, и не понял, что это было.

– Любовь к ней сделала тебя чувствительным к ее ауре, – объяснил Таита. – Что ты видел?

– Лишь тени, но почувствовал страшную печаль и горе. Я ощутил такое невыносимое отчаяние, что мне самому захотелось умереть. Я знаю, что это были чувства Минтаки, а не мои собственные.

Таита с неизменившимся лицом смотрел на огонь, и Нефер продолжил:

– Ты должен посмотреть на нее ради меня. Там творится какая-то ужасная несправедливость. Только ты в силах помочь ей сейчас, Таита.

Рука Нефера поднялась к его ожерелью. Он коснулся крошечного золотого медальона, висевшего в середине цепи.

– Это – моя самая большая драгоценность.

Таита протянул руку над огнем:

– Дайте его мне.

Нефер колебался, затем сжал амулет в кулаке.

– Кроме моих пальцев, только ее пальцы касались его. В нем лежит локон ее волос.

– Тогда этот амулет имеет очень большую силу. Он содержит ее сущность. Дай его мне, если хочешь, чтобы я помог ей.

Нефер передал ему медальон.

– Жди здесь, – Таита встал. Хотя в течение всех этих часов он сидел на корточках, согнув ноги, в его движениях не было ни следа одеревенелости, как у молодого зрелого мужчины. Он вышел в рассвет и поднялся на гребень холма, затем подобрал полы хитона вокруг тощих ног и сел на корточки на песок лицом к рассвету.

Он прижал амулет Минтаки ко лбу, закрыл глаза и начал легонько раскачиваться из стороны в сторону. Солнце поднялось из-за горизонта и ударило прямо ему в лицо.

Амулет в правой руке Таиты, казалось, жил собственной странной жизнью. Таита чувствовал, как он мягко пульсирует в ритме его собственного сердцебиения. Он открыл сознание и позволил потокам существования свободно войти в него и протекать подобно мощному речному течению. Его собственный дух вырвался на свободу из тела и взмыл вверх. Будто уносясь на крыльях какой-то гигантской птицы, он видел далеко внизу мимолетные, размытые образы стран и городов, лесов, равнин и пустынь. Он видел войска на марше, отряды колесниц, вздымающие огромные тучи желтой пыли, в которых блестели острия копий. Он видел корабли в морях, терзаемые волнами и ветром. Он видел горящие разграбляемые города, и слышал в своей голове странные голоса, и знал, что они из прошлого и из будущего. Он видел лица давно умерших и еще не рожденных.

Он уносился дальше, его дух залетал далеко, но амулет служил в качестве магнита. Он мысленно позвал: «Минтака!» – и почувствовал, как амулет начал теплеть и наконец стал обжигающе горячим в его руке.

Образы медленно обрели четкость, и он услышал, как ее милый голос ответил:

– Я здесь. Кто зовет меня?

– Минтака, это Таита, – ответил он и тут же уверился, что неведомое зло вмешалось и разрушило поток между ними. Минтака исчезла, и вместо нее он ощутил присутствие чего-то страшного. Он сосредоточил все свои силы, пытаясь развеять темные тучи. Они словно бы уплотнились и приняли форму поднявшей голову кобры, того же мрачного воздействия, с которым Таита и Нефер столкнулись в гнезде царского сокола на утесах Бир-Умм-Масары.

Он мысленно вступил в борьбу с коброй, напрягая силы, чтобы отогнать ее, но вместо того, чтобы уступить, образ змеи обрел большую четкость и стал более угрожающим. Внезапно Таита понял, что это не психическое явление, а прямая и смертельная угроза, нависшая над Минтакой. Он удвоил усилия, чтобы прорваться сквозь завесу зла и добраться до принцессы, но между ними стояло так много боли и печали, что это был непроницаемый барьер.

Затем вдруг Таита увидел руку, стройную и изящную, протянутую к зловещей чешуйчатой голове. Он понял, что это рука Минтаки: кольцо с синим лазуритом на указательном пальце было гравировано ее картушем. Он удерживал ядовитую змею под контролем, напрягая все свои жизненные силы, и не дал ей ударить в руку Минтаки, когда та погладила сзади раздутый капюшон. Кобра наполовину отвернулась от нее, почти как кот, подставляющий голову, чтобы его погладили.

– Заставьте ее сделать то, что надлежит, – услышал Таита голос Минтаки, и другой голос, который он узнал, ответил:

– Я никогда не видела такого прежде. Вы должны ударить посланца собственной рукой. Это заставит его доставить дар богини. – Это был голос верховной жрицы храма Хатор в Аварисе, и Таита понял. Минтака, сраженная горем, собиралась пойти по пути богини.

– Минтака! – Он напряг силы, чтобы дотянуться до нее, и наконец преуспел.

– Таита? – прошептала она, и из-за того, что Минтака наконец услышала его, поле зрения Таиты расширилось так, что он смог все видеть ясно.

Минтака была в спальне с каменными стенами. Она стояла на коленях перед корзиной.

Рядом была жрица, а перед Минтакой подняла голову ядовитая змея.

– Ты не должна идти по этой дороге, – приказал Таита. – Она не для тебя. Боги избрали для тебя другую участь. Слышишь?

– Да! – Минтака повернула к нему голову, как если бы видела его лицо.

– Нефер жив. Нефер жив. Слышишь?

– Да! О да.

– Крепись, Минтака. Мы придем за тобой. Нефер и я придем за тобой.

Сосредоточенность Таиты была такова, что он до того глубоко вдавил ногти в ладони, что выступила кровь, – но он не мог дольше удерживать контакт с Минтакой. Она начала ускользать от него, ее образ размылся, побледнел и исчез, но прежде чем она исчезла, он увидел ее прекрасную улыбку, полную любви и возрожденной надежды.

– Крепись! – убеждал он ее. – Крепись, Минтака! – Эхо собственного голоса вернулось к нему будто издалека.

Нефер ждал его у подножия бархана. Когда Таита был еще на полпути вниз, мальчик понял, что произошло что-то важное.

– Ты видел ее! – прокричал он, и это не был вопрос. – Что с ней? – Он побежал вперед навстречу Таите.

– Мы ей нужны, – сказал Таита и положил руку Неферу на плечо. Он не мог рассказать мальчику ни о крайнем горе и отчаянии, в котором застал Минтаку, ни о судьбе, которую она выбрала. Нефер мог не перенести этого и легко решиться на какой-нибудь безумный поступок, который погубил бы обоих влюбленных.

– Ты был прав, – продолжил Таита. – С мыслью оставить эту страну и найти убежище на востоке нужно повременить. Мы должны поехать к Минтаке. Я обещал ей.

– Да! – согласился Нефер. – Когда мы можем поехать в Аварис?

Таита ответил:

– Следует очень поспешить. Мы уезжаем сейчас же.

* * *

Им потребовалось пятнадцать дней трудного путешествия, чтобы достичь крошечного военного лагеря и станции смены лошадей Тане, стоящей в дне пути к югу от Авариса. По дороге они меняли лошадей четырежды – Таита использовал данную ему Нагом охранную грамоту, чтобы заменить уставших животных и пополнять запасы продовольствия в военных лагерях, мимо которых они проезжали.

С тех пор как они покинули Гебель-Нагару, они бесконечно обсуждали свои планы, зная, что противостоят мощи фараона Трока Урука. По оценке военачальников, с которыми они говорили в военных лагерях, у Трока сейчас было в распоряжении двадцать семь полностью обученных и оснащенных отрядов и почти три тысячи колесниц. Чтобы противостать этому множеству, они располагали потрепанной старой повозкой с задним колесом, склонным отваливаться в самое неподходящее время, и кузовом, скрепленным бечевкой и кожаными ремнями. Их было всего четверо: Нефер и Мерен, Хилто и Бэй. Зато пятым был Таита.

– Маг стоит по меньшей мере двадцати семи отрядов, – сказал Хилто, – так что у нас с Троком силы равны. – Хилто знал боевого командира, отвечающего за лагерь в Тане, покрытого шрамами, сидящего старого воина по имени Сокко. Давным-давно они вместе проехали по Красной Дороге. Они вместе сражались, гуляли и развратничали. После того, как они битый час вспоминали былое и выпили горшок кислого пива, Хилто вручил ему свиток указа. Сокко держал его вверх тормашками на расстоянии вытянутой руки, сделав умное лицо.

– Видишь картуш фараона? – Хилто коснулся печати.

– Насколько я тебя вообще знаю, Хилто – а клянусь Гором, я тебя знаю, – ты, наверное,

сам нарисовал эту красивую картинку. – Сокко вернул свиток.

– Что тебе нужно, старый плут?

Они выбрали свежих лошадей из резервного табуна в несколько сотен голов, и Таита прошел вдоль рядов колесниц на стоянке лагеря, только что присланных от изготовителей в Аварисе. Он выбрал три колесницы, и они запрягли свежих лошадей.

Когда они покидали Тане, Таита вел старую крытую повозку, а Мерен, Хилто и Нефер каждый правили колесницей, в то время как Бэй в тылу вел двадцать запасных лошадей. Они направились не прямо к Аварису, а решили объехать город с востока.

На краю пустыни был маленький оазис, используемый кочевниками и торговыми караванами, идущими на восток и возвращающимися оттуда.

Пока его спутники разгружали фураж, который везли из Тане в повозке, стреноживали лошадей и смазывали жиром ступицы колес новых колесниц, Таита отправился торговаться с хозяином ассирийского каравана, стоявшего поблизости. Он купил кипу грязной, изорванной одежды и двадцать шерстяных ковров, которые ткали в земле на берегу Дальнего Моря. Ковры были скверного качества, но ему пришлось заплатить за них грабительскую цену.

– Эта ассирийская обезьяна – головорез и разбойник, – пробормотал он, когда они грузили ковры на повозку.

– Зачем они нам? – поинтересовался Нефер, но Таита притворился, будто не расслышал вопрос.

В ту ночь Таита покрасил свою серебристую гриву настойкой на коре мимозы, что поразительно изменило его внешность. В темноте раннего утра они оставили Бэя присматривать за лошадьми и колесницами, поднялись в обветшалую крытую повозку и, сидя на высокой груде пыльных ковров, направились на запад, к Аварису, одетые в обноски, которые им дал Таита. Сам Таита был в длинной мантии с поясом, а нижнюю часть лица закрыл по обычаю уроженцев Ура Халдейского. Из-за покрашенных темных волос в нем невозможно было узнать Мага.

Был вечер, когда они достигли столицы Северного Царства. У ее стен вечно устраивали себе пристанище несколько тысяч человек, главным образом нищих, странствующих актеров, иностранных торговцев и прочего сброда. Они встали лагерем среди них и на следующий день ранним утром, оставив Мерена караулить повозку, отправились, чтобы присоединиться к толпе, ждущей у городской стены восхода солнца, когда открывали ворота.

Как только они миновали городского стражника, Хилто отправился обходить таверны и бордели в узких улицах старого квартала, где он надеялся найти приятелей и товарищей по оружию и узнать у них последние новости. Таита взял Нефера с собой, и они стали пробираться по людным улицам пробуждающегося города к воротам дворца. Там они присоединились к нищим, торговцам и просителям. Таита не старался войти во дворец, и они потратили утро, слушая разговоры вокруг и болтая с другими бездельниками.

Наконец Таита завязал беседу с торговцем из Вавилона, который представился как Нинтура, одетым так же, как Маг. Сам Таита выбрал именно эту маскировку, поскольку говорил на аккадском языке как уроженец Месопотамии. Они вдвоем выпили горшок кофе, сваренный из редких и дорогих зерен, привезенных из Эфиопии, и Таита использовал все свои хитрости, чтобы очаровать Нинтуру, который прошедшие десять дней ждал у стен дворца своей очереди, чтобы показать свой товар новой невесте Трока. Он уже дал управителю дворца непомерную взятку, чтобы ему разрешили войти в палаты молодой супруги, но перед ним было много других.

– Говорят, молодая жена жестоко обходится с Троком. Не пускает его на свое ложе. – Нинтура захихикал. – Он без ума от нее, как олень во время гона, но она держит ноги скрещенными, а дверь палаты закрытой. Трок пытается завоевать ее благосклонность дорогими подарками. Говорят, он не отказывает ей ни в чем. А она покупает все, что ей предлагают, а потом назло ему немедленно перепродает за ничтожную долю того, что ему пришлось заплатить, и раздает вырученные деньги городским беднякам. – Он хлопнул себе

по колену и загоготал. – Говорят, она покупает одну и ту же вещь много раз, а Трок все платит.

– А где Трок? – спросил Таита.

– Ведет кампанию на юге, – ответил Нинтура. – Он гасит огонь восстания, но едва отвернется, как тот снова вспыхивает у него за спиной.

– К кому мне следует подойти, чтобы войти в палаты этой царицы Минтаки?

– К управляющему дворцом. Его зовут Солет, это жирный безобразный скопец. – Нинтура не заметил физического состояния самого Таиты.

Таита знал Солета лишь по слухам, но тот был одним из тайного братства евнухов.

– Где найти его? – спросил Таита.

– Вам придется заплатить золотое кольцо только за то, чтобы подойти к нему, – предупредил Нинтура.

Солет сидел около пруда с лотосами в собственном окруженном стенами саду. Он не поднялся, когда один из работников женской части дворца привел к нему Таиту.

Гиксосы так далеко отошли от своих древних обычаев и приняли египетские, что больше не держали жен запертыми в женской части дома. Евнухи по-прежнему в значительной степени сохраняли свою прежнюю власть над царскими женщинами, но при надлежащем сопровождении их подопечным предоставлялась большая свобода. Они могли ходить за пределами дворца, плавать ради удовольствия на барках по реке, принимать торговцев, чтобы те показывали им свои товары, а также обедать, петь, танцевать и играть вместе с подругами.

Таита с достоинством приветствовал Солета, поскольку представился ему вымышленным именем. Затем изобразил опознавательный знак братства, согнув и сдвинув мизинцы. Солет заморгал от неожиданности и пробежал глазами по худой фигуре гостя: ни сложением, ни внешностью тот не походил на евнуха. Однако он махнул Таите, чтобы тот сел на подушки напротив него. Таита принял чашу шербета, которую поднес раб, и они некоторое время говорили, казалось бы, о пустяках, но на самом деле за это время Солет быстро удостоверился в искренности Таиты, и они вспомнили общих знакомых в пределах братства. Солет исподтишка задумчиво изучал черты Таиты, глядя под завесу окрашенных волос. В его глазах медленно появилось узнавание, и наконец он мягко спросил:

– В своих странствиях вы, возможно, встречали знаменитого Мага, известного в обоих царствах и за их пределами как Таита?

– Я хорошо знаю Таиту, – подтвердил Таита.

– Как самого себя? – спросил Солет.

– По меньшей мере, – подтвердил Таита, и полное лицо Солета сморщилось в улыбке.

– Больше ни слова. Какую услугу я вам могу оказать? Вам достаточно только попросить.

В тот вечер Нефер, Мерен и Хилто сели на стопку ковров, и Таита привел скрипящую повозку, с неисправным задним колесом, вихляющим из стороны в сторону, к одним из боковых ворот дворца, где в бедном узком переулке пряталась стайка оборванных мальчишек. Таита дал одному из них медное кольцо, чтобы они охраняли повозку, и постучал в ворота концом посоха. Те распахнулись сразу, но на пришедших смотрел ряд копий. Вход в женскую часть дворца усиленно охранялся: Трок хорошо стерег свою молодую жену.

Солет не пришел туда приветствовать его – очевидно, не хотел, чтобы у него рыльце было в пушку – но прислал одного из своих подчиненных, старого черного раба, провести Таиту мимо стражников и служить проводником. Хотя у Таиты был свиток папируса, который дал ему Солет, начальник стражи настоял на том, чтобы обыскать их, прежде чем позволил им пройти. Он приказал Хилто развернуть ковры и проткнул каждую складку концом копья. Наконец удовлетворенный, он махнул рукой: проходите.

Старый раб хромал впереди, ведя их через лабиринт узких проходов. Они шли, и

обстановка становилась все более роскошной. Наконец они остановились перед искусно вырезанной дверью из сандалового дерева, охраняемой двумя огромными евнухами. Стражники пошептались со старым рабом и отошли в стороны, и Таита повел остальных в большую просторную комнату, благоухающую цветами, духами и дразнящим ароматом молодой женственности. Комната выходила на широкую террасу, с которой доносились звуки лютни и женские голоса.

Старый раб вышел на террасу.

– Великая, – сказал он дрожащим голосом, – пришел торговец с прекрасными шелковыми коврами из Самарканда, и он ждет вашу милость.

– Я видела достаточно хлама для одного дня, – ответил женский голос, и Нефер затрепетал от этих знакомых и любимых интонаций, так что его дыхание участилось. – Отошли их прочь.

Провожатый оглянулся на Таиту и с печальным лицом беспомощно развел руками. Нефер сбросил с плеча свернутый ковер, глухо ударивший о каменные плитки пола, шагнул к выходу на террасу и остановился. Он был одет в лохмотья, шея обернута грязной тканью, закрывавшей нижнюю часть лица. Виднелись только его глаза.

Минтака сидела на стенке парапета, а у ее ног сидели две девушки-рабыни. Она не взглянула в его сторону, а снова начала петь. Это была песня об обезьяне и осле, и Нефер чувствовал, как каждое слово сжимало его сердце, а сам глядел на милую округлость щек и наполовину отвернутого от него лица и на густые темные локоны, спадающие на спину.

Минтака вдруг оборвала пение и с раздражением посмотрела на него.

– Нечего стоять и глазеть на меня, наглый чурбан, – выпалила она. – Забирайте свой товар и уходите.

– Простите меня, великая, – он развел руки в мольбе, – я – всего лишь бедный дурак из Даббы.

Минтака вскрикнула и уронила лютню, затем прикрыла рот обеими руками. На ее щеках выступили ярко-красные пятна, и она уставилась в его зеленые глаза. Черный раб вынул кинжал и, пошатываясь, пошел к Неферу, чтобы напасть, но Минтака быстро опомнилась.

– Нет, оставь его. – Она подняла правую руку, чтобы подкрепить приказ. – Оставь нас. Я хочу поговорить с этим дураком.

Было видно, что раб колеблется, обнаженный кинжал все так же неуверенно целился в живот Нефера.

– Делай, что я велю, – прорычала Минтака, будто самка леопарда. – Уходи, болван. Уходи!

Старик в замешательстве вложил кинжал в ножны и двинулся обратно. Минтака все так же смотрела на Нефера огромными темными глазами. Ее девушки не могли понять, что ее беспокоило. Они только поняли, назревает что-то странное. Раб вышел, и занавески на входе упали на место. Нефер сбросил ткань, закрывавшую его голову, и кудри упали ему на плечи.

Минтака снова вскрикнула.

– О, милосердная Хатор, это вы. Это действительно вы! Я думала, что вы никогда не придете. – Она бросилась к нему, и он побежал навстречу, чтобы заключить ее в объятия. Они обнялись, оба говоря одновременно, бессвязно пытаясь рассказать друг другу о своей любви и о том, как скучали. Девушки-рабыни, опомнившись от удивления, танцевали вокруг них, хлопая в ладоши и плача от радости и волнения, пока Таита не заставил их замолчать несколькими хорошо нацеленными тычками посоха.

– Прекратите бессмысленный визг. Иначе через минуту здесь появится стража. – Уняв их, он тотчас повернулся к Хилто и Мерену. По его приказу они раскатали на полу самый большой ковер.

– Минтака, послушай! Для этого будет время позже.

Она повернула к нему лицо, не выпуская шеи Нефера.

– Это вы позвали меня, правда, Таита? Я слышала ваш голос очень ясно. Не останавливайте меня, я бы...

– Я думал, ты разумнее. Как можно стоять здесь и болтать, когда столько под угрозой, – оборвал ее Таита. – Мы хотим спрятать тебя в ковре и вынести из дворца. Поспешите.

– У меня есть время, чтобы принести...

– Нет, – сказал Таита. – У тебя есть время только повиноваться мне.

Она еще раз поцеловала Нефера, обняла его, затем вбежала в палату и бросилась во весь рост на ковер. Она поглядела на девушек, которые удивленно стояли в дверях.

– Сделайте все, что велит Таита.

– Вы не можете оставить нас, госпожа, – запричитала ее любимица, Тиния. – Без вас мы ничто.

– Это не надолго, – сказала Минтака. – Обещаю, что пошлю за вами, Тиния, но до тех пор крепитесь и не подведите меня.

Нефер помог Хилто и Мерену закатать Минтаку в узорчатый красный ковер и вставил ей между губами один конец длинного полого стебля тростника. Другой конец на несколько сантиметров выставлялся из тяжелых складок, что позволяло ей дышать.

Тем временем Таита приказал плачущим девушкам-рабыням:

– Тиния, иди в спальню и запри дверь. Накройся покрывалом на постели, как если бы ты была госпожой. Все остальные останутся здесь, в передней. Не открывайте дверь ни на какие требования. Говорите любому, кто просит, что ваша госпожа больна лунной болезнью и не может никого видеть. Понятно? – Убитая горем Тиния кивнула, боясь заговорить. – Задерживайте их, сколько возможно, но когда все откроется и больше нельзя будет ничего скрывать, скажите им то, что они захотят узнать. Не старайтесь молчать под пыткой. Ваша смерть или увечья ни к чему не приведут, лишь заставят вашу хозяйку испытывать муки совести.

– Разве я не могу пойти с царицей? – выпалила Тиния. – Я не могу жить без нее.

– Ты слышала обещание твоей госпожи. Едва она окажется в безопасности, она пошлет за вами. А сейчас запри за нами дверь.

Когда они вынесли на плечах скатанный ковер, старый раб ждал в коридоре.

– Сожалею. Я старался для вас, как приказал Солет. Царица Минтака была когда-то доброй и счастливой девушкой, – сказал он. – Но это прошло. Выйдя замуж, она стала грустной и сердитой. – Он коварно велел им следовать за ним и повел их обратно через лабиринт женской половины. Наконец они достигли маленьких боковых ворот, где снова столкнулись с начальником стражи.

– Разверните ковры! – грубо приказал он.

Таита подошел к нему поближе и посмотрел в глаза. Враждебное выражение исчезло с лица воина. Он казался немного смущенным.

– Вижу, вы довольны и счастливы, – сказал Таита мягко, и по уродливому морщинистому лицу воина медленно расплылась улыбка.

– Очень счастливы, – сказал Таита и мягко положил руку ему на плечо.

– Очень счастлив, – повторил воин.

– Вы уже обыскали ковры. Вы ведь не хотите тратить впустую свое драгоценное время. Верно?

– Я не хочу тратить впустую свое время, – заявил тот, как если бы это была его собственная мысль.

– Вы хотите, чтобы мы прошли.

– Проходите! – сказал стражник. – Я хочу, чтобы вы прошли. – И он отошел в сторону. Один из его подчиненных поднял засов и выпустил их в переулок. Перед тем как дверь закрылась, они еще раз увидели начальника караула: тот мягко улыбался им.

Их повозка стояла там, где ее оставили под охраной мальчишек. Они осторожно положили ковер на дно повозки, и Нефер тихо позвал в отверстие в середине:

– Минтака, сердце мое, с вами все в порядке?

– Здесь жарко и душно, но это ничтожная цена знания, что вы рядом. – Ее голос звучал приглушенно, и, сунув руку в трубу, образованную ковром, Нефер коснулся макушки царицы.

– Вы храбры, как львица, – сказал он и вскарабкался в крытую повозку позади Таиты, который уже трогал с места.

Таита подстегнул лошадей.

– Городские ворота скоро закроют на ночь. Когда побег Минтаки обнаружат, первым делом закроют город и обыщут каждое здание и колесницу, допросят каждого чужака внутри стен.

Они мчались галопом по широкой улице, ведущей к восточным воротам. Приблизившись, они увидели, что путь перекрыт другими повозками и колесницами, выстроившимися в ряд перед воротами. На этот день пришлось религиозный праздник и шествие, и это теперь почитатели культа и гуляки возвращались в дальние деревни в окрестностях Авариса. Они продвигались вперед мучительно медленно.

Смеркалось – солнце уже ушло за стены, – а перед ними все еще было две повозки, когда начальник стражников вышел из привратного дома и закричал:

– Хватит! Солнце село. Закройте ворота!

Послышались крики протеста всех путешественников, все еще надеющихся пройти.

– У меня больной ребенок. Мне нужно отвезти ее домой.

– Я заплачу пошлину, позвольте мне проехать. У меня груз рыбы, она протухнет.

Одна из меньших повозок нарочно выехала вперед и помешала усилиям стражников закрыть ворота. Вспыхнул маленький бунт: стражники кричали, размахивая дубинками, разъяренные люди орали на них, испуганные лошади, ржали и вставали на дыбы. Внезапно за стенами тоже поднялась суматоха. Крики протестующих путешественников и стражников перекрыли более громкие голоса.

– Освободите путь для фараона! Очистите дорогу для фараона Трока Урука!

Грохот военного барабана усиливал настоятельность приказа. Стражники бросили попытки закрыть ворота и, впопыхах чуть не падая друг на друга, вновь кинулись открывать их для стоявшего за ними отряда боевых колесниц. Над ведущей колесницей развевался красный флаг с леопардом. На ее площадке стоял фараон Трок Урук в бронзовом блестящем шлеме, с переброшенной через плечо бородой со вплетенными лентами, с кнутом и вожжами в руках в перчатках.

Как только ворота широко открылись, Трок погнал четверку лошадей прямо в гущу людей и повозок на дороге, без разбора стегая кнутом всех, кто стоял на его пути. Его воины бежали перед ним, опрокидывая любую повозку, которая перекрывала дорогу, и оттаскивали ее в сторону, рассыпая груз – влажную скользкую рыбу и овощи – в сточные канавы.

– Дорогу фараону! – ревели они, перекрывая голоса людей, попавших в неразбериху. Поравнявшись с повозкой Таиты, они взялись опрокидывать его, чтобы расчистить путь для Трока. Таита встал и принялся стегать их кнутом, но его удары приходились на шлемы и бронзовые наплечники. Смеясь над ним, воины подняли повозку, и она опрокинулась. Ковер поехал по дну повозки и грозил упасть под опрокидывающуюся колесницу.

– Помогите мне! – закричал Нефер и прыгнул назад, чтобы удержать свернутый ковер и смягчить падение. Хилто схватил один конец, а Бэй другой. Когда крытая повозка под треск ломающегося дерева упала на бок, они унесли Минтаку, все еще лежавшую в ковре, в безопасное место под стеной ближайшего здания.

Фараон Трок проехал на своей колеснице мимо перевернутых повозок и рассыпанных грузов, щелкая кнутом над головами лошадей упряжки и выкрикивая:

– Бей! Бей!

Лошади были обучены для боя и по приказу фараона поднимались на дыбы и били подкованными бронзой копытами любого на своем пути. Нефер увидел старуху, бегущую прямо под летящие копыта. Одно копыто ударило ее прямо в лицо. Голова старухи

раскололась надвое, и зубы вылетели изо рта, будто горсть белых градин. Они со стуком рассыпались по булыжникам, а старуха растянулась перед колесницей Трока.

Колеса в бронзовых ободьях подпрыгнули на ее теле, когда Трок проехал так близко к тому месту, где, согнувшись над завернутой в ковер Минтакой, присел Нефер, что на мгновение они взглянули друг другу в глаза. Трок не узнал его в лохмотьях и с повязкой вокруг головы, но с обычной жестокостью ударил кнутом Нефера по плечу. Металлические наконечники кнута пробили ткань, и на плече юноши появилась цепочка ярких кровавых пятен.

– Прочь с моего пути, простолюдин! – прорычал Трок, и Неферу очень захотелось запрыгнуть на площадку колесницы и стащить с нее Трока за бороду. Это животное осквернило Минтаку – и яростный гнев застлал Неферу глаза.

Таита схватил его за руку, чтобы остановить.

– Пусть проедет. Выноси ковер за ворота, дурак. Иначе мы окажемся в ловушке. – Нефер хотел вырвать руку, и Таита встряхнул его. – Ты хочешь так быстро потерять ее вновь?

Нефер сдержал гнев. Он наклонился, чтобы взяться за конец ковра; остальные помогли. Они побежали с ковром к воротам, но отряд на колесницах уже проехал, и стражники снова начали закрывать тяжелые деревянные ворота. Таита кинулся вперед и посохом разогнал стражников. Когда один из часовых занес над его головой дубинку, Таита повернулся к нему и посмотрел ему в лицо гипнотизирующими глазами. Стражник отскочил, будто столкнулся с людоедом.

Неся скатанный ковер, они протиснулись в узкий зазор между закрывающимися створками ворот и побежали к лагерю у городских стен. Хотя вслед им неслись сердитые крики, в наступающей темноте они скрылись у стражников из вида среди кожаных шатров и лачуг. За изгородью загона для коз они опустили свой груз на землю и развернули ковер. Растрепанная и вспотевшая Минтака села и улыбнулась, увидев Нефера, стоявшего на коленях перед ней. Они потянулись друг к другу и обнялись под взглядами остальных.

Таита вернул их к действительности.

– Неожиданно вернулся Трок, – сказал он Минтаке. – Очень скоро он обнаружит, что тебя нет. – Он поднял Минтаку на ноги. – Мы лишились повозки. Нам предстоит долгий путь пешком. Если выйти сейчас, мы достигнем оазиса, где оставили колесницы, завтра к рассвету.

Минтака тотчас опомнилась.

– Я готова, – сказала она.

Таита поглядел на ее хрупкие золотые сандалии, украшенные бирюзовыми вставками, и ушел к хижинам. Он вернулся через несколько минут, следом шла неряшливая старуха. В руках он нес пару поношенных, но крепких крестьянских сандалий.

– Я обменял их на твои, – сказал он.

Минтака не колеблясь сбросила прекрасные сандалии и отдала их старухе, которая поскорее сбежала, пока их у нее не отобрали.

Минтака встала.

– Я готова, – сказала она. – Куда идти, Маг?

Нефер взял ее за руку, и они пошли следом за Таитой, который направился в пустыню.

Трок проехал через ворота дворца и остановил покрытых пылью, взмыленных лошадей в переднем внутреннем дворе перед своими великолепными палатами. Два командира отрядов его конницы, оба – из клана леопарда и его особенно близкие друзья, вошли вслед за ним в пиршественный зал, гремя оружием и щитами. Рабы накрыли стол, чтобы отпраздновать возвращение фараона. Трок осушил чашу сладкого красного вина и схватил вареную заднюю ногу дикого кабана.

– Есть кое-что, что нужно мне больше еды и питья. – Он подмигнул товарищам, которые громко засмеялись и подтолкнули друг другу. Трок знал, что о его брачной неудаче

сплетничает все войско, и то, как новая жена обращалась с ним, подрывало его репутацию. Несмотря на победы над мятежниками на юге и суровое возмездие, которое он обрушил на них, его престиж мужчины страдал. Он решил исправить ситуацию в эту же самую ночь.

– Здесь больше еды, чем можете съесть даже вы, два быка, и достаточно вина, чтобы утопить гиппопотама. – Трок махнул на ломящийся от яств стол. – Ешьте вволю и не ждите, что я присоединюсь к вам до утра. У меня есть поле, чтобы вспахать, и норовистая кобыла, которую я должен объездить.

Он пошел из зала, обгрызая зажатую в руке кость и глотая на ходу куски жирной свинины. Два раба с горящими факелами бежали перед ним, чтобы освещать мрачные проходы на женскую половину дворца. Перед дверями в палаты Минтаки стражи-евнухи услышали его приближение. Они взмахнули оружием и крест-накрест прижали его к своим жирным грудям в приветствии.

– Откройте! – приказал Трок. Он отшвырнул кабанью кость и вытер сальные руки о подол туники.

– Великий, – один из стражников снова нервно салютовал ему, – двери закрыты.

– Кто приказал? – взбешенно спросил Трок.

– Приказ ее величества царицы Минтаки.

– Клянусь Сеуетом, я этого не потерплю! Наглая потаскушка знает, что я здесь, – проревел Трок, выхватил меч и заколотил в дверь бронзовой головкой рукояти. Не получив ответа, он постучал снова. Удары эхом отразились в тихих проходах, но за дверями все так же не подавали никаких признаков жизни. Он отошел и ударил в дверь плечом. Дверь задрожала, но не уступила. Он вырвал из рук ближайшего стражника копье и ударил им в дверь.

Брызнули щепки; еще несколько ударов – и он прорубил отверстие, достаточно широкое, чтобы просунуть в него руку и отодвинуть засов с другой стороны. Он пинком распахнул дверь и вошел. Девушки-рабыни испуганно сгрудились у противоположной стены.

– Где ваша госпожа?

Они бормотали что-то бессвязное, но их взгляды притягивала дверь спальни. Трок пошел к ней, и девушки сразу закричали:

– Она больна.

– Она не может видеть вас.

– Пришла ее луна.

Трок засмеялся.

– Она слишком часто пользовалась этим оправданием. – Он громко постучал в дверь. – Если есть кровь, то пусть будет река крови – больше, чем я пролил на поле у Манаши. Клянусь Сеуетом, я пройду по ней вброд, чтобы дойти до счастливых дверей.

Он пнул двери спальни.

– Открывай, маленькая ведьма! Твой муж пришел выполнить свой долг и выказать тебе уважение.

Следующий пинок – и дверь отлетела в сторону, сорванная с кожаных петель, и Трок важно вошел в нее. Ложе было вырезано из африканского черного дерева и украшено серебром и перламутром. Под грудой полотняных простыней лежала женщина, наружу высывалась только маленькая ступня. Трок сбросил на пол португепу и воскликнул:

– Ты тосковала без меня, моя маленькая лилия? Ты не скучала по моим любящим рукам?

Он схватил девушку за голую ногу и вытащил из-под простыней.

– Иди ко мне, мой сладкий ягненок. У меня опять есть для тебя подарок, такой длинный и твердый, что ты не сможешь продать или отдать его... – Он осекся и уставился на испуганную хнычущую девушку.

– Тиния, грязная маленькая шлюха, что ты делаешь в кровати твоей госпожи? – Он не ждал ответа, а бросил ее на пол и в ярости заметался по комнате, срывая занавески и стенные

драпировки.

– Где ты? – Он пнул дверь в туалет. – Выходи! Эта ребячливость тебе не поможет.

Ему потребовалась всего минута, чтобы удостовериться, что Минтака не прячется. Тогда он бросился назад к Тинии, схватил ее за волосы и потащил по полу.

– Где она? – Он пнул девушку в живот. Она закричала и попыталась откатиться от его подкованной металлом ноги. – Я выбью это из тебя, сниму каждый ноготь кожи с твоего убогого тела.

– Ее здесь нет! – закричала Тиния. – Она ушла!

– Куда? – Трок опять пнул ее. Его походные сандалии были подбиты бронзовыми гвоздями, врезавшимися в ее нежную плоть будто ножи.

– Куда?

– Не знаю, – рыдала девушка. – Пришли какие-то люди и забрали ее.

– Какие люди? – Он снова пнул, и Тиния свернулась в комок, воя и дрожа. – Я не знаю. – Несмотря на указание Таиты, она не предала свою любимую госпожу. – Чужие люди. Я никогда не видела их раньше. Они закатали ее в ковер и унесли.

Трок последний раз жестоко пнул ее и пошел к двери. Оттуда он крикнул евнухам-стражам:

– Найдите Солета. Немедленно приведите сюда этого жирного слизняка.

Солет пришел, съежившись от страха и ломая свои гладкие, пухлые руки.

– Божественный фараон! Величайший из богов! Мощь Египта! – Он бросился в ноги Троку.

Трок с размаха пнул его бронированной сандалией.

– Кто были те люди, которым ты позволил войти на женскую половину?

– По вашему приказу, милостивый фараон, я позволяю всем торговцам красивыми товарами показывать их царице.

– Кто был продавец ковров? Последний входивший в эти палаты.

– Продавец ковров? – Солет, казалось, обдумывал вопрос.

Трок пнул его снова.

– Да, Солет, ковров! Как его имя?

– Вспомнил! Торговец коврами был из Ура. Имя я забыл.

– Я помогу тебе вспомнить. – Трок подозвал евнухов-стражников.

– На кровать его – и держать.

Солета потащили к разоренному ложу и прижали к нему вниз лицом. Трок подобрал брошенную портупею и вытащил меч.

– Поднимите его одежду. – Один из стражников поднял набедренник Солета и оголил его полные ягодицы.

– Я знаю, что половина дворцовых стражников прошли по этому пути, – Трок коснулся его заднего прохода острием меча, – но ничего столь твердого и острого, как это, там не бывало. Теперь скажи мне, кто был торговец коврами?

– Клянусь хлебом и нильской водой, что никогда прежде не видел его.

– Очень печально, – сказал Трок и на длину указательного пальца вонзил острие меча в прямую кишку Солета. Солет завопил высоким, дрожащим от боли голосом.

– Это был только кончик, – предупредил его Трок. – Если тебе это так нравится, я могу вставить тебе еще локоть бронзы, прямо до глотки.

– Это был Таита, – завизжал Солет, и из него брызнула кровь. – Таита забрал ее.

– Таита! – воскликнул удивленный Трок и выдернул лезвие. – Таита, Маг. – В его голосе мелькнул суеверный страх. Затем он надолго замолчал. Наконец он приказал евнухам, все еще державшим Солета: – Отпустите его.

Солет со стоном сел. От этого движения газ из его кишок с долгим булькающим шумом устремился наружу через разрезанное отверстие.

– Куда он повез ее? – Трок не обратил внимания на звук и омерзительный запах кала, заполнивший палату.

– Он не сказал. – Солет с мукой на лице скомкал льняную простыню и втолкнул ее себе между ног, чтобы остановить кровотечение. Трок поднял меч и коснулся его острием одной из голых отвисших грудей евнуха.

Солет захныкал и снова выпустил газы.

– Он не сказал, но мы говорили о земле между двумя реками, Тигром и Евфратом. Возможно, он намеревался увезти царицу туда.

Трок коротко обдумал услышанное. Это было логично. Сейчас Таита мог знать о напряженных отношениях между Египтом и восточными царствами. И понимать, что найдет там убежище и защиту, если ему удастся бежать так далеко.

Но зачем он похитил Минтаку? Конечно, не ради выкупа. Таита был известен презрением к золоту и богатству. И не из-за плотского желания. Как старый евнух, Таита был чужд сладострастия. Может быть, из-за дружбы, возникшей между стариком и девушкой? Возможно, она обратилась к нему за помощью, чтобы бежать из Авариса и спастись от ненавистного брака? Конечно, скорее всего, она ушла с ним охотно и с радостью. То, как девушки-рабыни пытались скрыть ее побег, ясно доказывало, что она не протестовала: это слышали бы часовые.

На время он отодвинул в сторону эти соображения. Главной заботой сейчас было организовать преследование и схватить Минтаку и Мага, прежде чем они достигнут берегов Красного моря и перейдут в земли, подвластные Саргону Вавилонскому. Он улыбнулся Солету.

– Надеюсь, твоим любовникам понравятся изменения, сделанные мной в твоих вратах радости. Я разберусь с тобой позже, когда вернусь. Надо покормить голодных гиен и стервятников.

Два командира отрядов все еще сидели в пиршественной палате, обжираясь и обпиваясь, но они пили не так долго, чтобы напиться до беспамятства.

– Сколько колесниц мы сможем снарядить и отправить на восток до полуночи? – спросил Трок. Они удивились, но они были воинами и быстро отреагировали на его гневное настроение.

Командир отряда Толма выплюнул вино, которого набрал полный рот, собираясь проглотить, и вскочил на ноги лишь чуть пошатнувшись.

– У меня будет на дороге пятьдесят колесниц через два часа, – выпалил он.

– Пусть будет сто, – потребовал Трок.

– Под моей командой до полуночи будет сто колесниц.

Командир отряда Зандр вскочил, стремясь, чтобы его не превзошли.

– И еще сотня будет готова выехать на восток до рассвета.

* * *

Таита вел их в ночи под почти полной луной. Его посох звонко постукивал по каменистой тропинке, его тень мелькала перед ним, будто огромная черная летучая мышь. Остальным приходилось шагать шире, чтобы держать его в поле зрения.

После полуночи Минтака начала сдавать. Она сильно хромала и постоянно отставала. Нефер умерил шаг, чтобы держаться рядом с ней. Он не ожидал от нее этого: раньше она была так же сильна, как любой парень, которого он знал, и могла обогнать большинство их. Он сказал ей слова ободрения, но не очень громко, чтобы не услышал Таита. Он не хотел, чтобы Маг заметил слабость Минтаки и пристыдил ее при всех.

– Теперь уже недалеко, – сказал он ей и взял за руку, чтобы повести быстрее. – Бэй будет держать для нас наготове лошадей. Мы проедем остаток пути до Вавилона по-царски. – Она засмеялась, но это был усталый, болезненный смех. Только тогда Нефер понял, что с ней что-то не в порядке.

– Что вас беспокоит? – спросил он.

– Ничего, – ответила Минтака, – я слишком долго была заперта во дворце. Мои ноги

стали слабыми.

Он не принял это объяснение. Взяв Минтаку за руку, он заставил ее сесть на камень около тропинки, приподнял ее маленькую ногу и развязал ремни сандалии. Стянув ее, он воскликнул:

– Милосердный Гор, как вам удалось сделать хоть шаг? – Грубая не по размеру сандалия сильно натерла ей ногу. В лунном свете кровь казалась черной и блестящей. Он поднял другую ногу и осторожно снял с нее сандалию. Вместе с ней отделились кусочки кожи и плоти.

– Простите, – прошептала Минтака, – но не волнуйтесь, я смогу идти босиком.

Он гневно швырнул окровавленную обувь на камни.

– Вам следовало предупредить меня об этом раньше. – Он встал, поднял ее на ноги, повернулся к ней спиной и приготовился поднять.

– Обнимите меня за шею и подпрыгните. – После этого он отправился вслед другим, которые к тому времени стали всего лишь темными теньями,двигающимися по залитой лунным светом пустыне далеко впереди.

Ее губы оказались возле его уха, и она, пытаясь отвлечь и подбодрить, шептала ему о том, как тосковала и как не хотела жить без него, когда услышала о его смерти.

– Я хотела умереть, чтобы снова быть вместе с вами. – Затем она рассказала ему о жрице Хатор, и как та принесла ей змею. Нефер был так потрясен этим, что опустил ее на землю и сердито отругал.

– Это было глупо. – В своем волнении он сильно встряхнул Минтаку. – Никогда больше не думайте об этом снова, что бы ни случилось в будущем.

– Вы не знаете, как я вас люблю, мой дорогой. Вы не можете представить то опустошение, которое я чувствовала при мысли, что вы умерли.

– Нам нужно договориться. Начиная с этого дня, мы должны жить друг для друга. Мы никогда больше не должны думать о смерти, пока она нежданно не придет к нам. Поклянитесь мне в этом!

– Клянусь. Отныне я буду жить только для вас, – сказала она и поцеловала его, чтобы скрепить договор. Он снова поднял ее на плечи, и они продолжили путь.

Ее тяжесть, казалось, увеличивалась с каждым шагом Нефера. Там, где дорога была песчаной и мягкой, он опустил ее, и она, прихрамывая и опираясь на него, пошла вперед на своих стертых кровоточащих ногах. Когда земля стала жесткой и каменистой, он снова взвалил ее на плечи и побрел вперед. Она рассказала ему о том, как Таита увидел ее и спас от решения умереть.

– Это было необычайное чувство, – сказала она, – будто он стоял рядом и говорил со мной громким ясным голосом. Он сказал мне, что вы живы. Как далеко отсюда вы были, когда он увидел меня?

– В Гебель-Нагаре на юге, это в пятнадцати днях пути от Авариса.

– Он смог достать так далеко? – спросила она недоверчиво. – Есть ли предел его силе?

Когда они остановились еще раз, чтобы отдохнуть в темноте, она прижалась к его плечу и прошептала:

– Я хочу рассказать вам еще кое-что. О брачной ночи с Троком...

– Нет! – горячо возразил он. – Не хочу слышать об этом. Вы думаете, что я не терзался каждый день мыслями об этом?

– Да выслушайте же меня, сердце мое. Я так и не стала ему женой. Хотя он пытался принудить меня, я сумела дать отпор. Моя любовь к вам дала мне силы не уступить.

– Я слышал, что он показал на стене дворца запятнанную красным овчину. – Ему было больно произносить эти слова, и он отвернулся.

– Да, это была моя кровь, – подтвердила Минтака, и он попытался вырваться из ее объятий, но она удержала его. – Но не моя девственная кровь. Это была кровь из моих носа и рта – он ударил меня, принуждая подчиниться. Клянусь богиней, что люблю вас и надеюсь выносить ваших сыновей и что я все еще девственница и останусь ей, пока вы не примете от

меня мою девственность в доказательство моей любви.

Нефер обнял ее и поцеловал со слезами облегчения и радости, и она заплакала вместе с ним.

Через некоторое время он снова встал и поднял Минтаку на спину. Казалось, будто ее клятва дала ему новые силы, и они пошли более уверенно.

Только после полуночи остальные поняли, что с молодыми людьми что-то случилось, и вернулись их искать. Таита перевязал Минтаке ноги, и после этого Хилто и Мерен тоже по очереди несли ее. Они пошли быстрее, но звезды уже меркли и рассветные сумерки редели, когда они наконец достигли оазиса, где Бэй ждал их с лошадьми.

К тому времени все они устали, но Таита не позволил им отдохнуть. Они в последний раз напоили лошадей и снова наполнили мехи, чтобы те стали тугими и блестящими, с каплями влаги, просачивающимися из них.

Пока они занимались этим, Таита до половины наполнил ведро водой из источника, вымыл свои покрашенные волосы, используя какую-то пенящуюся мазь, и они снова засветились серебром.

– Почему он моет голову в такое время? – удивился Мерен.

– Возможно, это восстановит ту часть его силы, которую он потерял, когда покрасил их, – предположила Минтака, и никто не подверг это сомнению.

Когда они были готовы уезжать, Таита заставил их еще раз напиться из источника, заполнить животы таким количеством воды, какое они могли проглотить, не вызвав рвоты. Пока они пили, Таита спокойно говорил с Бэем.

– Чувствуешь?

Бэй нахмурился и кивнул.

– Это разлито в воздухе, и я чувствую его дрожь подошвами своих ног. Они приближаются.

Несмотря на спешку и опасную близость врага, Таита использовал последнюю возможность подлечить ноги Минтаки. Он смазал потертости и ушибы бальзамом и снова перевязал. Затем наконец приказал садиться на колесницы.

Таита взял Мерена на ведущую колесницу копыеносцем. Нефер следовал за ними с Минтакой, цепляющейся за передний щит, чтобы перенести на него вес с подошв. Хилто и Бэй ехали замыкающими в последней колеснице.

Ассирийский купец, продавший им ковры, приглядывал за своими слугами и рабами, которые грузили товары на его повозки и вьючных животных. Он повернулся, проводил путников взглядом и громко пожелал Таите доброго пути. Но его интерес возрос, когда во второй колеснице он увидел девушку. Даже пыльная одежда и спутанные волосы не могли скрыть ее поразительную внешность. Он продолжал смотреть им вслед, когда они перевалили через последнюю возвышенность и исчезли в пустыне, направляясь на восток по караванной дороге, которая в конечном счете вела к берегам Красного моря.

Нетерпеливо ожидая, пока его отряды соберутся перед городскими воротами, Трок приказал, чтобы командир отряда Толма послал солдат обыскать лагерь нищих и чужеземцев за стенами Авариса.

– Проверьте каждую лачугу. Удостоверьтесь, что царица Минтака не прячется ни в одной из них. Ищите Мага Таиту. Приводите ко мне любого высокого, худого старика, какого найдете. Я допрошу его сам.

Среди хижин раздались вопли и крики, звуки ломающихся дверей и разрушаемых тонких стен, когда солдаты Толмы взялись выполнять его приказ. Через короткое время двое солдат притащили туда, где стоял около своей колесницы Трок, старую грязную каргу из племени кочевников. Женщина истерично выкрикивала ругательства своим пленителям, брыкаясь и вырываясь из их рук.

– Что это, солдат? – спросил Трок, когда женщину бросили к его ногам. Солдат протянул пару блестящих в свете факела тонких золотых сандалий, украшенных

бирюзовыми вставками.

– Великий, мы нашли это в ее хижине.

Лицо Трока потемнело от ярости, когда он узнал сандалии, и он пнул женщину в живот.

– Где ты украла их, старая грязная обезьяна?

– Я никогда ничего не крада, божественный фараон, – захныкала она. – Он сам их мне подарил.

– Кто это был? Отвечай – да не ври, не то я затолкаю твою голову тебе же в дыру и ты утонешь в собственном вонючем соке.

– Старик. Он дал их мне.

– Опиши мне его.

– Он был высокий и тощий.

– Какого возраста?

– Старый, как камни пустыни. Он дал их мне.

– Была ли с ним девушка?

– С ним было еще трое мужчин и хорошенькая маленькая шлюшка, прекрасно одетая, с краской на лице и с лентами в волосах.

Трок рывком поставил старуху на ноги и закричал в ее испуганное лицо:

– Куда они поехали? В какую сторону?

Трясущимся пальцем женщина указала на дорогу, ведущую в холмы и пустыню за ними.

– Когда? – не успокаивался Трок.

– Вот такую часть лунного пути тому назад, – сказала она, показывая дугу неба, соответствующую четырем или пяти часам движения луны.

– Сколько лошадей у них было? – прорычал Трок. – Колесниц? Повозок? Как они ехали?

– Не было никаких лошадей, – ответила она. – Они шли пешком, но в большой спешке.

Трок оттолкнул ее. Он усмехался Толме, стоявшему рядом.

– Пешком они далеко не уйдут. Мы догоним их сразу, как только ты поднимешь со спальных ковриков своих бездельничающих головорезов и они заберутся на колесницы.

Горячее солнце прошло половину пути в небе, когда Трок поднялся на холмы над оазисом на границе пустыни. Двести колесниц следовали за ним колонной по четыре. В пяти милях позади них – облако пыли было ясно видно в ярком солнечном свете – ехал Зандр, тоже с двумя сотнями колесниц. Каждая колесница несла двух тяжеловооруженных солдат и была загружена мехами с водой и чехлами с запасными копьями и стрелами.

Внизу они увидели ассирийского торговца, поднимающегося по склону от источника во главе своего каравана. Трок выехал вперед, чтобы встретить его, и приветствовал издалека:

– Приветствую тебя, незнакомец. Откуда ты прибыл и чем занимаешься?

Торговец с трепетом смотрел на воинственного властелина, не зная, чего ожидать. Дружелюбное приветствие Трока мало что значило. На длинной дороге из Месопотамии он уже встречал грабителей, бандитов и военачальников.

Трок остановил свою колесницу перед ним.

– Я – божественновеликий фараон Трок Урук. Добро пожаловать в Нижнее Царство. Не бойся. Ты под моей защитой.

Торговец упал на колени и поклонился. В этот раз Трок проявил нетерпение в отношении почестей, воздаваемых ему, и прервал торговца.

– Встань и говори, храбрец. Если ты будешь честен со мной и расскажешь, что мне следует знать, я дам тебе дозволение торговать в моем царстве всюду без всякого налога и пошлю десять колесниц проводить тебя к воротам Авариса.

Торговец поднялся и начал изъявления глубокой благодарности, хотя по долговому

опыту знал, что такая царская снисходительность обычно обходится дорого. Трок оборвал его:

– Я преследую шайку беглых преступников. Ты видел их?

– По дороге я встретил множество путешественников, – осторожно ответил ассириец. – Не может ли божественно великий описать мне этих злодеев? Я сделаю все, чтобы направить вас по их следам.

– Вероятно, их пятеро или шестеро. Они должны направляться на восток. Одна молодая женщина, остальные мужчины. Их вожак – старый жулик. Высокий и тощий. Возможно, он покрасил волосы в черный или каштановый цвет.

Троку не потребовалось продолжать описание, потому что ассириец взволнованно воскликнул:

– Великий, я хорошо их знаю. Несколько дней тому назад старик с окрашенными волосами купил у меня ковры и старую одежду. Тогда с ним не было женщины. Он оставил лошадей и три колесницы в оазисе, вон там, под охраной уродливого черного головореза. Вместе с прочими в старой крытой повозке, загруженной коврами, которые я продал ему, он поехал в сторону Авариса по дороге, на которой мы стоим.

Трок торжествующе ухмыльнулся.

– Это – то, что я хотел услышать. Ты видел его после этого? Он вернулся, чтобы забрать колесницы?

– Он и трое других вернулись сегодня рано утром, пешком, со стороны Авариса. С ними была молодая женщина, о которой вы спрашивали. Кажется, она была ранена, поскольку они несли ее.

– Куда они поехали? Какой дорогой? – нетерпеливо спросил Трок, но ассириец не спешил.

– Женщина была молода. Хотя она была ранена и шла с трудом, на ней была прекрасная одежда. Она была явно из знати и красивая, с длинными темными волосами.

– Достаточно. Я хорошо знаю эту женщину и без твоего описания. Покинув оазис, по какому пути они поехали?

– Они запрягли лошадей в эти три колесницы и сразу уехали.

– Куда же? В какую сторону?

– На восток по караванной дороге. – Ассириец указал на извилистый след, поднимавшийся на низкие холмы к покрытым барханами землям. – Но волосы старика больше не были окрашены. Когда я в последний раз видел его, они сияли, будто облако в летнем небе.

– Когда они уехали?

– Спустя час после восхода солнца, великий.

– В каком состоянии были их лошади?

– Хорошо напоенные и отдохнувшие. Они стояли в оазисе три дня, и привезли собой груз фуража. Когда они уезжали этим утром, их мехи были наполнены из источника и они, кажется, приготовились к долгой поездке к морю.

– Тогда они лишь на несколько часов опережают нас, – ликовал Трок. – Молодец! Ты заработал мою благодарность. Мои писцы выдадут тебе позволение торговать, а командир отряда Толма назначит тебе сопровождение до Авариса. Когда я вернусь в город с беглецами в оковах, ты получишь еще награду. Отличное место в переднем ряду зрителей на их казни. А до тех пор желаю тебе хорошей поездки и много прибыли в моем царстве.

Он отвернулся и начал отдавать приказы Толме, ехавшему сразу за ним во второй колеснице колонны.

– Выдайте этому молодцу позволение торговать и дайте сопровождение до Авариса. Наполните доверху мехи из источника и дайте лошадям напиться вволю. Но быстро, Толма. Будьте снова готовы ехать до полудня. А пока пришлите ко мне ваших колдунов и жрецов.

Солдаты повели лошадей к источнику партиями по двадцать. Солдаты, не занятые этой работой, растянулись в тени собственных колесниц, чтобы отдохнуть и скромно перекусить

просыным хлебом и вяленным мясом – основным питанием конницы.

Трок нашел под искривленным тамарином рядом с источником клочок тени. Колдуны и священники прибыли в ответ на его вызов и расселись вокруг на корточках. Их было четверо: два бритых жреца Сеуета в черных одеждах, нубийский шаман, увешанный ожерельями, браслетами с амулетами и костями, и колдун с востока, Иштар Мидиец. У Иштара был один закатившийся глаз, а лицо покрывала татуировка, фиолетовые и красные изгибающиеся линии и круги.

– Человек, которого мы преследуем – знаток тайных искусств, – предупредил их Трок. – Он приложит все силы, чтобы помешать нам. Говорят, он может произнести укрывающее заклинание и наколдовать образы, способные привести в ужас наши легионы. Вам придется применить собственные заклинания, чтобы отразить его силу.

– Кто этот шарлатан? – спросил Иштар Мидиец. – Не сомневайтесь, он не превзойдет нашу объединенную силу.

– Его зовут Таита, – ответил Трок, и только Иштар не выказал никакой тревоги, узнав имя их противника.

– Я знаю Таиту только по слухам, – сказал он, – но долго искал возможность помериться с ним силой.

– Беритесь за дело, – приказал им Трок.

Жрецы Сеуета отошли чуть в сторону, разложили на песке свое снаряжение и таинственные принадлежности и начали тихо петь и трясти над ними трещотками.

Нубиец что-то искал среди камней вокруг источника, пока не нашел под одним из них ядовитую рогатую змею. Он отрубил ей голову и накапал ее крови на лицо. С бегущей по щекам и капающей с кончика носа кровью он стал прыгать по кругу, будто огромная черная жаба. В миг завершения каждого круга он обильно плевал на восток, где находился Таита.

Иштар развел рядом с источником маленький костер и сел на корточки рядом с ним, раскачиваясь на пятках и бормоча молитвы Мардуку, самому могущественному из всех двух тысяч десяти богов Месопотамии.

Отдав приказы Толме, Трок немедленно подошел понаблюдать за его работой.

– Какое волшебство ты творишь? – спросил он наконец, когда Иштар разрезал вену на запястье и уронил в костер несколько капель своей крови, которые зашипели в огне.

– Это колдовство огня и крови. Я ставлю препоны на пути Таиты. – Иштар не поднял головы. – И путаю сознание его спутников.

Трок скептически хмыкнул, однако в глубине души это произвело на него впечатление. Он видел работу Иштара прежде. Он немного прошел по дороге и впился взглядом в линию восточных холмов. Ему не терпелось пуститься в погоню, и он был недоволен задержкой. С другой стороны, будучи полководцем, он все-таки понимал настоятельную необходимость дать отдых лошадям и напоить их после долгой ночной езды.

Он хорошо знал природу земли впереди. Молодым старшим командиром колесниц он патрулировал там много раз. Он пересекал сланцевые поля, которые резали копыта и сухожилия лошадей, будто кремневые ножи, и переносил ужасную жару и жажду в барханах.

Он пошел обратно, туда, где оставил свою колесницу, но был вынужден остановиться и повернуться спиной к внезапно налетевшему смерчу, пылевому вихрю, который неся над желтой равниной, поднимаясь на несколько сотен локтей в знойный воздух. Вихрь налетел на него. Воздух был горячим, как дыхание печи для плавки бронзы, и Троку пришлось закрыть глаза и нос своей накидкой и дышать через ткань, чтобы задержать летящий песок. Он пронесся мимо и полетел над горячей землей с изяществом танцовщицы из женской половины дворца, оставив его кашлять и вытирать глаза.

Близился полдень, и они только что закончили поить лошадей, когда вторая колонна под руководством командира отряда Зандра догнала их и съехала вниз по склону к источнику. Прибывшим была нужна вода, так же как и первой колонне, и теперь возникла опасность перенаселенности оазиса. Вода была уже почти вычерпана и замутилась. Им пришлось бы обратиться к драгоценным мехам, чтобы напоить лошадей второй колонны.

Трок провел короткое совещание с Зандром и Толмой, объяснив свой план действий и как именно он хотел воспрепятствовать Таите выскользнуть из сети, развертываемой для него.

– Предупредите командиров отрядов: пусть будут готовы к любым колдовским ловушкам, которые Таита расставит, чтобы запутать нас, – закончил он. – Иштар Мидиец навел мощные чары. Я очень доверяю ему. Он никогда не подводил меня прежде. Если мы будем ясно понимать уловки Чародей, у нас все получится. В конце концов, как он может победить такое множество? – Взмахом руки он указал на огромное количество колесниц, лошадей и отборных солдат. – Нет! Клянусь дыханием Сеуета, завтра в это время я буду тащить Таиту и Минтаку позади моей колесницы назад в Аварис.

Он приказал головной колонне взойти на колесницы. Строем длиной в половину лиги по четыре колесницы в ряд они выехали в пустыню. На мягкой песчаной почве впереди были ясно видны следы колес беглецов.

Таита знаком велел двум следующим за ним колесницам остановиться. Они встали в фиолетовой тени, отбрасываемой на песок высокого осыпающегося бархана, похожего на изящную гигантскую витую морскую раковину.

Лошади уже проявляли признаки усталости. Они опускали головы и раздували бока, тяжело дыша. Пот на их пропыленных шкурах высох, превратившись в соленый белый иней.

Они тщательно отмеряли порции воды из мехов в кожаные ведра, и лошади нетерпеливо пили. Таита осмотрел ноги Минтаки и почувствовал облегчение, не найдя никаких признаков омертвления ран. Вновь обвязав ноги полосами ткани, он отвел Бэя за пределы слышимости остальных.

– На нас смотрят, – сказал он убежденно. – Нас медленно окутывает злое влияние.

– Я тоже почувствовал это, – согласился Бэй, – и начал сопротивляться. Но оно очень сильно.

– Нам быстрее удастся разрушить его, если мы объединим наши силы против него.

– Нам нужно следить за другими. Они более уязвимы.

– Я предупрежу, чтобы они были настороже.

Таита пошел назад, туда, где остальные только заканчивали поить лошадей.

– Будьте готовы продолжить поездку, – сказал он Неферу. – Мы с Бэем пойдем вперед на разведку, посмотрим землю. Мы скоро вернемся.

Два адепта пошли вперед и исчезли за изогнутой стеной осыпающегося песка. Когда колесницы скрылись из вида, они остановились.

– Ты знаешь, кто у Трока может навести такие сильные чары?

– Во всех его отрядах есть жрецы и колдуны, но самый сильный из них – Иштар Мидиец.

– Я знаю о нем, – кивнул Таита. – Он работает с огнем и кровью. Нужно попытаться обернуть его силу на него.

Набрав высохшего лошадиного навоза, Бэй развел маленький костер, и когда тот разгорелся, они укололи кончики больших пальцев и выдавили в огонь несколько красных капель. В воздухе повеяло сгоревшей кровью, и они столкнулись с врагом и почувствовали, что влияние шло с запада, с той стороны, откуда они приехали. Они напрягли свои объединенные силы и через некоторое время почувствовали, что оно начало уменьшаться и рассеялось, будто дым затухающего костра.

Когда они закончили ритуал и тушили костер песком, Бэй тихо произнес:

– Оно все еще там.

– Да, – сказал Таита. – Мы ослабили его, но оно все еще опасно, особенно для тех, кто не знает, как ему противостоять.

– Самые молодые будут более восприимчивы, – предположил Бэй. – Эти два мальчика, фараон и Мерен, и девушка.

Они вернулись туда, где ждали колесницы. Прежде чем вновь подняться на колесницы,

Таита поговорил с остальными. Он знал, что они испугаются, если он назовет истинную причину своего беспокойства, поэтому сказал:

– Мы въезжаем в самую неприветливую и опасную область земли барханов. Я знаю, что все утомлены и измучены жаждой, измотаны суровыми условиями поездки, но неосторожность для любого из вас может стать гибельной. Следите за лошадьми и землей впереди. Не позволяйте себе отвлекаться на странные звуки или необычные виды, на птиц или животных. – Он остановился и посмотрел прямо на Нефера. – В особенности это относится к вам, великий. Будьте всегда настороже.

Нефер кивнул и на этот раз не спорил. Остальные также были серьезны, понимая, что у Таиты была какая-то особая причина предостерегать их.

Когда они вновь покатали вперед по долинам между высокими барханами, им показалось, что с каждым поворотом колес колесницы зной усиливается. Рыхлые песчаные стены, поднимавшиеся с обеих сторон, пестрели яркими цветами, лимонно-желтыми и золотистыми, сине-лиловыми, фиолетовыми и сизыми как цапля, рыжими как лиса и желтовато-коричневыми, как шкура льва. Кое-где барханы были пронизаны полосками похожего на иней талька или разрисованы узорами из черного песка, похожего на сажу от масляной лампы.

Небо над головой стало бронзовым и страшным. Свет изменился, стал желтым и неземным и искажал расстояния. Нефер щурил глаза в ярком мерцающем свете медного неба. Оно казалось таким близким, что его можно было коснуться концом кнута. В то же самое время силуэт колесницы Таиты, ехавшей всего в пятидесяти локтях впереди словно бы отодвинулся к размытому далекому горизонту.

Зной опалял незащищенную кожу лица и тела. Нефер чувствовал, как его охватывает непонятный страх. Для этого не было никакой причины, но он не мог от него избавиться.

Когда Минтака рядом с ним задрожала и схватила его за правую руку, он понял, что и она ощущает тот же страх. Великое зло витало в воздухе. Он хотел позвать Таиту, чтобы попросить у него совета, чтобы тот успокоил его, но его горло, забитое пылью, пересохшее от жары, не исторгло ни звука.

Внезапно он почувствовал, что Минтака напряглась и ее пальцы больно впились в мякоть его правой руки. Он взглянул ей в лицо и увидел, что девушка напугана. Свободной рукой она отчаянно указывала на гребень бархана, который, казалось, нависал над ними.

Что-то огромное и темное отделилось от вершины и начало падать по направлению к ним. Нефер никогда не видел ничего подобного: тяжелое, бесформенное, будто огромные водяные мехи, но такой величины, что полностью закрыло склон бархана и могло бы накрыть и раздавить не только три колесницы внизу, но и целый отряд. Скатываясь по крутому склону, оно разгонялось, шло волнами, дрожало и, беззвучно подпрыгивая, надвигалось на них столь стремительно, что закрыло желтое небо пустыни. Внезапно жаркий воздух вытеснила исходящая от этого «бурдюка» холодная волна, от которой у них захватило дух, будто они погрузились в ледяную воду горной реки.

Лошади тоже увидели это: они в панике бросились от темного «мешка», свернули с песчаной дороги и помчались поперек дна долины, пытаясь убежать от ужасающего явления. Впереди расстиралось поле острых черных камней из застывшей лавы, и они мчались прямо к нему. Нефер осознал опасность и раз их, но кони не слушались. Он боролся с поводьями, рядом кричала Минтака.

Уверенный, что темная масса скоро поглотит их, Нефер оглянулся через плечо. Он думал, что она нависла над ними, поскольку чувствовал затылком ее холодное дыхание, но позади ничего не было. Только чистый, гладкий и тихий склон бархана и желтое небо над ней, пустое и яркое. Две другие колесницы остановились под склоном, лошади были спокойны и послушны. Таита и другие удивленно глядели на Нефера с Минтакой.

– Стойте! – кричал Нефер понесшим лошадям и, налегая всем своим весом, натянул поводья, но лошади не остановились. На полном скаку они вылетели на поле лавовых камней, волоча за собой подсакивающую и рыскающую колесницу.

– Стойте! – закричал он снова. – Остановитесь, будьте вы прокляты, остановитесь!

Лошади обезумели от страха, и обуздать их не представлялось возможным. Они выгнули шеи, сопротивляясь натяжению поводьев, и хрипя бежали размашистыми шагами.

– Держитесь крепче, Минтака! – крикнул Нефер и одной рукой обхватил ее за плечи, чтобы защитит. – Сейчас мы ударимся!

Ветер с песком вырезал из черных полуразрушенных камней странные фигуры. Одни были размером с голову человека, другие – большими, как колесница. Неферу удалось отвернуть обезумевших лошадей от первого камня, но они ринулись в промежуток между двумя самыми большими валунами, слишком узкий, чтобы им проехать: правое колесо с громким треском ударилось и рассыпалось. В воздух полетели сломанные спицы и части обода. Колесница упала на ось, потянув вниз лошадь, которую бросило на следующий камень. Нефер услышал, как ее передние ноги щелкнули по лаве, будто по огниву, хотя их с Минтакой выбросило из колесницы.

Они упали на мягкий песок, едва избежав столкновения с камнем, который покалечил лошадь. Когда они замерли, Нефер продолжал держать Минтаку в объятиях. Это смягчило ее падение, и теперь он спросил, затаив дыхание:

– С вами все в порядке? Вы не ранены?

– Нет, – ответила она сразу. – А вы?

Нефер встал на колени и с ужасом посмотрел на разбитую колесницу и покалеченных лошадей.

– Милосердный Гор! – воскликнул он.

– Все кончено. – Колесница была безнадежно разбита. Одной лошади никогда уже было не встать: обе ее передние ноги были сломаны. Другая стояла, все еще в упряжи, привязанная к единственной оглобле колесницы, но одна ее нога свободно качалась, выбитая из плечевого сустава.

Он неуверенно поднялся и потянул вверх Минтаку. Они стояли, прильнув друг к другу. Таита подъехал на своей колеснице к краю лавового поля, бросил поводья Мерену и спрыгнул на землю. Он быстро подошел к ним:

– Что случилось? Почему лошади понесли?

– Разве вы не видели? – спросил Нефер, все еще потрясенный и сбитый с толку.

– Что это было? – настаивал Таита.

– Что-то... Темное и огромное, как гора. Оно катилось на нас с бархана. – Нефер подбирая слова, чтобы описать увиденное.

– Большое, как храм Хатор, – поддержала его Минтака.

– Ужасное. Вы тоже должны были увидеть его.

– Нет, – ответил Таита. – Это был обман зрения. Чары наших врагов.

– Колдовство? – Нефер был ошеломлен. – Но лошади тоже видели это.

Таита отвернулся от них и крикнул Хилто, когда тот подъехал:

– Убей этих бедных животных. – Он указал на искалеченных лошадей. – Помоги ему, Нефер. – Таита хотел отвлечь его от катастрофы и ее последствий.

С тяжелым сердцем Нефер держал голову упавшей лошади. Он погладил ей лоб и закрыл ей глаза своим головным платком так, чтобы она не видела приближающуюся смерть.

Хилто, старый солдат, выполнял эту печальную работу на многих полях битв. Он приставил острие кинжала за ухо животного и одним ударом вонзил его в мозг. Лошадь напряглась, задрожала, обмякла. Они пошли ко второй лошади. Та упала сразу после удара Хилто и лежала не шевелясь.

Таита и Бэй стояли рядом, наблюдая этот ужасный акт милосердия, и Бэй тихо сказал:

– Мидиец сильнее, чем я думал. Он выбрал среди нас наиболее уязвимых и направил свою силу на них.

– Он использует других колдунов Трока, чтобы усилить свое влияние. С этого момента нам придется следить также за Хилто и Мереном, – согласился Таита. – Пока я не соберу

собственную силу, чтобы противостоять Иштару, мы в большой опасности.

Он отошел от Бэя. Других могло встревожить их тайное совещание. Было очень важно не дать им упасть духом.

– Принесите мехи, – приказал Таита. Один мех разорвался при крушении, а другие два были заполнены только наполовину, но они привязали их к оставшимся колесницам.

– Отсюда Мерен поедет с Хилто и Бэем. Я возьму их светлостей к себе.

Теперь с мехами и весом дополнительных пассажиров колесницы были перегружены. Ценой тяжких усилий лошадей они двинулись вперед в яростной жаре, под бледным солнцем, почти скрытым странной желтой пеленой.

Таита держал в правой руке золотой амулет Лостры и тихо пел заклинания, отражая сгущавшееся вокруг них зло. В следующей колеснице пел Бэй, монотонно повторяя слова.

Они подъехали к отрезку дороги, где ветер замел следы других караванов и путешественников. Не было никаких указаний, куда ехать, лишь через равные промежутки стояли маленькие пирамиды из камней. В конечном счете исчезли и они, и путники покатали по песку без дороги, положившись на опыт Таиты, его знание пустыни и глубинное чутье.

Наконец они подъехали к плоскому участку между двумя грядами высоких барханов. Песок здесь был гладкий и ровный, но Таита остановился на краю участка и тщательно осмотрел его. Он спустился с колесницы и позвал Бэя. Черный человек подошел к нему, и они вместе исследовали безопасную поверхность земли.

– Мне это совсем не нравится, – сказал Таита. – Нужно поискать объезд. Здесь что-то есть.

Бэй прошел вперед по твердому ровному песку и понюхал горячий воздух. Дважды плюнул и изучил форму своих плевков. Затем вернулся к Таите.

– Я не нахожу здесь ничего тревожного. Если искать объездной путь, это может стоить нам часов или даже дней. Погоня недалеко. Нужно решить, что более рискованно.

– Там что-то есть, – повторил Таита. – Как и ты, я тоже чувствую желание проехать здесь. Но – чересчур сильное и нелогичное. Эту мысль поместил в наши умы Мидиец.

– Могущественный Маг, – покачал головой Бэй, – в этом случае я не могу согласиться с вами. Следует рискнуть и проехать по этой долине. Иначе Трок догонит нас еще до сумерек.

Таита взял его за плечи и посмотрел в черные глаза. Он увидел, что их взгляд немного расфокусирован, как если бы Бэй курил листья дикой конопли.

– Мидиец проник сквозь твою броню, – сказал он и приставил ко лбу Бэя свой амулет. Бэй заморгал и широко открыл глаза. Таита видел, что он изо всех сил старается отразить колдовское влияние, и постарался помочь ему.

Наконец Бэй задрожал и его взгляд просветлел.

– Вы правы, – прошептал он. – Иштар глядел на меня. В этом месте скрыта большая опасность.

Они посмотрели на узкую долину. Это была река желтого песка без начала и конца. Противоположный берег виделся близко, в каких-нибудь трех сотнях локтей в самом узком месте, однако мог оказаться и в двухстах лигах от них, а отряды Трока догоняли беглецов.

– На юг или на север? – спросил Бэй. – Я не вижу объезда.

Таита закрыл глаза и напряг все силы. Вдруг в ужасающей тишине раздался звук. Слабый высокий крик. Все поглядели вверх и увидели крошечный силуэт царского сокола, кружащего высоко в яростном желтом небе. Он сделал два круга, полетел над долиной на юг и исчез в дымке.

– Юг, – решил Таита. – Последуем за соколом.

Их так увлекло это обсуждение, что никто не заметил, как Хилто подвел свою колесницу к тому месту, где они стояли. Они с Мереном перегнулись через передний щит и слушали разговор магов. Хилто нетерпеливо хмурился. Внезапно он воскликнул:

– Достаточно! Путь впереди чист. Мы не можем позволить себе ни малейшей задержки. Вы поедете следом, если Хилто поедет впереди?

Он хлестнул упряжку, и испуганные лошади рванулись вперед. Мерена, застигнутого

врасплох, чуть не выбросило, но он схватился за поручень и сумел удержаться в мчащейся колеснице.

Таита закричал вслед Хилто:

– Вернись! Ты околдован! Ты не знаешь, что делаешь!

Бэй прыгнул, чтобы схватиться за упряжь лошади сбоку, но опоздал: колесница промчалась мимо к ровной земле. Она набирала скорость. До них донесся смех Хилто:

– Путь открыт. Он ровный и годится для быстрой езды.

Нефер схватил поводья стоящей колесницы и крикнул:

– Я остановлю его или верну.

– Нет! – возразил Таита, в отчаянье подняв руку: «стой!». – Туда нельзя. Там опасно. Остановись, Нефер!

Но Нефер не обратил внимания на его крики. С Минтакой рядом, он хлестнул кнутом упряжку, и колеса закричали по гладкому твердому песку. Он быстро догнал Хилто.

– О, милосердный Гор! – простонал Таита. – Посмотри на колеса.

За крутящимися колесами колесницы Хилто начало подниматься тонкое облачко серебристого песка. Затем они с ужасом увидели, как облачко превратилось в густое облако желтого песка, из которого полетели комья грязи. Лошади замедлили бег, по колено увязая в мягкой земле, а комья грязи из-под их копыт взлетали так высоко, что летели над головой Хилто. Тот не сделал никакой попытки остановиться или повернуть назад, а гнал упряжку все глубже в топь.

– Зыбучие пески! – с горечью воскликнул Таита. – Работа Мидийца! Он скрыл от нас истинную дорогу и привел в западню.

Упряжка Хилто вдруг провалилась сквозь корку в предательское болото. Когда колеса полностью провалились, колесница остановилась так внезапно, что Хилто и Мерена выбросило через передний щит. Они покатались по якобы надежной поверхности, но, когда остановились и попытались встать, их тела были покрыты липкой желтой грязью, в которую они немедленно провалились по колени.

Лошади почти полностью утонули в трясине. Только их головы и плечи были на поверхности, но кони ржали и погружались все глубже.

Ошеломленный Нефер слишком медленно отозвался на бедствие, происходящее у него на глазах. Наконец он попытался повернуть назад, но было поздно. Через десять локтей его колеса провалились в грязь выше ступицы, а обе лошади погрузились по брюхо. Он спрыгнул, чтобы помочь им, пытаясь распрячь их и отвести назад, но мгновенно увяз в липкой грязи, провалившись сначала по колени, затем по пояс.

– Не стойте, – отчаянно предупредила Минтака. – Оно проглотит вас. Распластайтесь и плывите.

Она бросилась вперед с тонущей колесницы и распласталась на дрожащей грязи.

– Вот так, Нефер. Делайте, как я.

К нему вернулась сообразительность, и он распростерся на поверхности. Делая неуклюжие движения, будто ребенок, учась плавать по-собачьи, он достиг колесницы прежде, чем она ушла под поверхность. Кинжалом он разрезал кожаные ремни, скрепляющие доски пола, в отчаянной спешке вырвал их и положил рядом. Они поплыли по поверхности смертельного зыбучего песка, а тяжело груженная колесница неумолимо погружалась и тянула за собой лошадей. Через несколько минут на серовато-коричневой поверхности осталось только более светлое пятно, отмечающее их могилу.

Колесницу Хилто также утянуло вместе с лошадьми в трясину. Они с Мереном барахтались в грязи, вопя от страха. Им удавалось удерживать над поверхностью только измазанные грязью головы и плечи.

Нефер подтолкнул одну из досок к Минтаке.

– Используй ее! – приказал он, и она вползла на доску.

Сам он вполз на другую доску, которая выдержала его вес. Буксируя еще две доски за кожаные ремни, он стал продвигаться по болоту. Оказавшись достаточно близко от Хилто и

Мерена, он бросил им доски. Они вылезли из клейких объятий грязи. Все четверо усердно поплыли обратно к тому месту, где Таита и Бэй в ужасе смотрели на них с твердой земли.

Таита вдруг замахал руками и закричал:

– Вы уже на полпути. Не возвращайтесь сюда. Двигайтесь дальше. На другую сторону.

Нефер сразу увидел в этом смысл. Они повернули к дальнему берегу. Это далось нелегко – грязь сильно липла к рукам, ногам и нижним поверхностям досок. Относительно малый вес Минтаки скоро сказался, и она обогнала остальных и первая достигла твердой земли, вырвавшись из объятий зыбучих песков. Наконец Нефер, Хилто и Мерен последовали за ней. Усталые до изнеможения, они упали у подножия восточных барханов.

Пока они пересекали топь, у Таиты было время обдумать затруднительное положение, в котором они оказались. Оно казалось безнадежным. Их разделило на две группы топь шириной в двести локтей. Они потеряли всех лошадей и колесницы, оружие и снаряжение, но хуже всего была потеря драгоценных мехов с водой.

Вдруг Бэй коснулся его руки и прошептал:

– Слушайте!

В воздухе, где-то далеко возник легкий шорох, иногда исчезающий, потом снова становящийся громче, дальше эхо, отражающееся от барханов. Хотя и тихий, это несомненно был звук колонны колесниц на марше.

Три измазанных грязью человека на другой стороне долины тоже услышали его и поднялись на ноги. Глядя в барханы, все они слушали звук быстрого продвижения Трока и его солдат.

Внезапно Минтака бросилась к краю болота, где они оставили доски, которые помогли им переправиться. Нефер глядел на нее, стараясь понять, что она задумала. Минтака собрала доски и пошла по колено в грязи, таща за собой доски за кожаные ремни.

Нефер вдруг понял, что у нее на уме, но уже не успевал остановить ее. Минтака бросилась плашмя на одну из досок и заскользила по желтой грязи. И была вне его досягаемости, когда он наконец был вынужден остановиться по пояс в грязи.

– Вернитесь, – кричал он ей вслед. – Я пойду сам.

– Я легче и быстрее вас, – крикнула она в ответ, и, несмотря на его мольбы, усиленно дыша, заскользила вперед.

Звук колесниц становился все громче и подталкивал Минтаку к большим усилиям. У глядящего на нее Нефера сердце разрывалось от страха за нее и от гнева из-за ее непреклонности, но еще сильнее он гордился ее храбростью.

– У нее сердце воина и царицы, – прошептал он, когда Минтака приближалась к далекому берегу.

Теперь они слышали голоса преследователей, стук колес и звон оружия, усиленные отражающей поверхностью барханов.

Таита заткнул посох за пояс, чтобы освободить руки, и они с Бэем побрели по грязи навстречу Минтаке. Оба взяли у нее по доске и бросились на ненадежную поверхность. Втроем они поплыли к восточному берегу.

Из-за барханов позади них показалась головные колесницы преследователей. Безошибочно узнаваемая фигура Трока виднелась в ведущей колеснице, и его грубый голос торжествующе заревел, отражаясь эхом от барханов:

– Вперед! В атаку!

Ведущая четверка колесниц перешла на полный галоп и примчалась к краю зыбучих песков. Три беглеца в желтой трясине отчаянно гребли. Позади них вопли колесничих становились все громче.

Вес Трока вдавливал колеса его колесницы в рыхлый песок глубже, чем у других колесниц, и, хотя его лошади напрягли свои силы под кнутом, он отстал от первого ряда атаки.

Три другие ведущие колесницы колонны целиком въехали в зыбучие пески и были поглощены так же быстро, как и предыдущие. Таким образом, Трок получил

предупреждение об опасности. Он сумел справиться со своей упряжкой и отвести ее от болота.

Выхватив из стойки короткий выгнутый лук, он спрыгнул вниз. Позади него множество других колесниц устремилось в атаку.

– Луки! – крикнул Трок. – Всем стрелять. Не дайте им уйти. Подстрелите их.

Лучники с полными колчанами на спинах выбежали вперед, встали в четыре ряда у края болота и туго натянули тетивы.

Минтака снова опередила своих спутников. Она проделала половину пути, и хотя Таита и Бэй гребли изо всех сил, они все больше отставали.

Трок расхаживал вдоль рядов солдат, отдавая приказы.

– Лучники, стрелы на тетиву! – Сто пятьдесят солдат положили стрелы на тетиву.

– Лучники, натянуть луки и прицелиться! – Они подняли луки и туго натянули их, целя в низкое желтое небо.

– Стреляйте! – крикнул Трок, и они дали общий залп. Стрелы поднялись темным облаком. Они достигли высшей точки полета и стали падать к трем маленьким фигурам на болоте.

Таита услышал их приближение и поглядел в небо. Смертоносное облако спускалось к ним, тихо свистя, будто крылья диких гусей в полете.

– В грязь! – быстро крикнул Таита, и все трое соскользнули с досок и по шее погрузились в густую грязь. Стрелы осыпали их густо как град. Одна глубоко вонзилась в доску, на которой несколько мгновений назад лежала Минтака.

– Вперед! – приказал Таита, и они взобрались обратно на доски и снова погребли вперед, но успели продвинуться всего на несколько ярдов: воздух снова наполнился гулом падающих стрел, и они опять бросились под защиту желтой грязи.

Еще трижды им пришлось нырять с досок, но с каждым разом расстояние до лучников становилось все больше, а залпы – все менее точными. Минтака продвигалась вперед быстрее прежнего и скоро оказалась вне досягаемости стрел.

Трок ревел от ярости и разочарования, подгоняя своих стрелков. Стрелы сыпались в грязь вокруг беглецов, но все менее кучно.

Таита повернул голову, чтобы посмотреть на Бэя. Огромная, покрытая шрамами голова нубийца блестела от грязи и пота. Налитые кровью глаза лезли их орбит, рот был широко открыт, так что виднелись сточенные, острые как у акулы зубы.

– Крепись, Бэй! – крикнул Таита.

– Мы почти у берега. – Едва сказав это, он понял, что эти слова – прямой вызов богам.

На берегу позади них Трок смотрел, как они медленно выскальзывают из его рук. Его солдаты использовали короткие и не столь мощные луки, предназначенные для стрельбы с едущей колесницы. Двести локтей были пределом дальности их стрельбы. Трок повернулся и поглядел на своего копыеносца, сдерживавшего лошадей его колесницы.

– Принеси мой боевой лук, – крикнул он. Трок единственный в отряде возил в колеснице длинный лук: он решил, что для остальных в его войске длинные боевые луки неудобны, несмотря на бульшую силу и дальнотойность.

Однако огромная сила Трока и величина его длинных рук ставили его выше ограничений, которым были вынуждены подчиняться люди не столь богатырского сложения.

В большинстве случаев он использовал короткий выгнутый лук. Однако приказал сделать сбоку в своей колеснице особую полку, чтобы поместить туда более мощное, но более длинное и громоздкое оружие.

Копыеносец подбежал к нему и подал большой лук. Он принес также колчан, наполненный особыми с рисунком головы леопарда стрелами для длинного лука.

Трок протолкнулся в передний ряд лучников, и его пропустили. Он положил на тетиву длинную стрелу и прищурившись измерил расстояние.

Головы плывущих были двумя крошечными пятнами на желтой поверхности. Солдаты вокруг него продолжали быстро стрелять, но их стрелы не долетали, без пользы падая в

грязь. Он мысленно рассчитал угол выстрела и встал в позицию для стрельбы, выдвинув вперед левую ногу. Глубоко вдохнув, он натянул лук до полностью выпрямленной левой руки, и тетива коснулась кончика его крючковатого носа. Лук был тугим даже для него. Мышцы на голых руках Трока вздулись, лицо исказилось от усилий. Мгновение он медлил, прицеливаясь еще точнее, потом отпустил тетиву. Большой лук распрямился, дернувшись в его руках будто живое существо.

Длинная стрела мелькнула в воздухе, поднявшись выше облака меньших стрел, и без труда опередила их. Она достигла высшей точки и устремилась вниз, будто сокол к добыче.

Таита в грязи услышал ее более высокий и пронзительный свист и посмотрел вверх. Он увидел, что стрела летит прямо в него, но у него не было ни секунды, чтобы упасть с примитивного судна или даже пригнуться.

Он невольно закрыл глаза. Стрела пролетела так близко от его головы, что он ощутил, как волосы пошевелил поднятый ею ветер. Затем он услышал сильный удар.

Он открыл глаза и повернул голову на звук. Длинная стрела ударила в середину голой спины Бэя. Она пробила его тело, и кремневый наконечник вонзился в доску, на которой лежал нубиец, пригвоздив его к дереву, точно блестящего черного жука.

Лицо Бэя было на расстоянии вытянутой руки от его собственного. Таита посмотрел в глубокие черные глаза и увидел в них вспышку смертельной муки. Бэй открыл рот, чтобы что-то крикнуть или сказать, но хлынувшая изо рта яркая кровь заглушила звук. Он невероятным усилием дотянулся до ожерелья, стянул его со своей шеи и протянул Таите, предлагая ему, как свой последний дар, бесценную реликвию, зажатую в его скрюченных пальцах.

Таита осторожно вынул ожерелье из окостеневших пальцев и надел. Он почувствовал, как сущность умирающего шамана перетекает в его тело, подкрепляя его силы.

Голова Бэя упала, но стрела не дала ему соскользнуть с доски. Таита узнал рисунок леопарда на древке стрелы и понял, кто пустил ее. Он протянул руку, поместил два пальца на горло Бэя и почувствовал: друг ушел. Бэй умер, и никакие усилия мага не могли спасти его. Таита оставил его и поплыл вперед, туда, где на далеком берегу стояли Нефер и Минтака, выкрикивая слова поддержки. Еще четыре длинные стрелы упали рядом с ним, но ни одна не задела его, и он медленно выплыл из предела их досягаемости.

Нефер встретил его и помог встать на ноги в густой грязи. Таита, помогая себе посохом, выбрался на твердую землю и опустился на нее, ловя ртом воздух. Уже через минуту он снова сел и посмотрел через зыбучие пески туда, где на далеком берегу подбоченясь стоял Трок; каждая линия его тела, каждая его черта выдавали его ярость и недовольство. Затем Трок приложил ладони ко рту и прокричал:

– Не воображай, что сбежал от меня, колдун. Я поймаю тебя и получу обратно свою сучку. Поймаю вас обоих. Настигну. Я не потеряю след.

Минтака вышла вперед, насколько удалось пройти. Она точно знала, где его самое уязвимое место и как больнее всего унижить его в присутствии его солдат.

– Дорогой муж, ваши угрозы так же бессильны и пусты, как ваши чресла. – Ее высокий мелодичный голос прозвучал очень ясно, и двести гиксосских воинов расслышали каждое слово. Последовала потрясенная тишина, а затем в их рядах раздался оглушительный смех. Даже солдаты Трока ненавидели его так, что наслаждались его унижением.

Трок в бессильном гневе размахивал луком над головой и топал ногами. Наконец он с рычанием повернулся к солдатам, и те затихли, смущенные своим безрассудством.

В тишине Трок крикнул:

– Иштар! Иштар Мидиец, выйди вперед!

Иштар встал на краю зыбучего песка напротив маленькой группы на противоположном берегу. Его лицо покрывал узор татуировок, глаза были окружены фиолетовыми завитками; один косящий глаз сиял, будто серебряный диск. Вдоль длинного носа шел двойной ряд красных точек. Подбородок и щеки покрывали похожие на листья папоротника линии. Его

волосы при помощи красного шеллака были склеены в длинные жесткие шипы. Он развязал свою одежду, и та упала на песок.

Он стоял совершенно голый. Его спина и плечи были покрыты пятнами, как у леопарда. На животе была вытатуирована огромная красная звезда, а лобковые волосы сбриты, что подчеркивало величину огромного повисшего члена. В его крайнюю плоть были вставлены на крючках крошечные колокольчики из золота и серебра. Он уставился на Таиту, и Маг шагнул вперед, чтобы противостоять ему. Когда они стали глядеть друг на друга, расстояние между ними словно бы сжалось.

Член Иштар стал медленно раздуваться, отчего колокольчики зазвенели, напрягся и полностью выпрямился. Он двинул бедрами вперед, направив раздувшуюся красную головку на Таиту. Это был прямой вызов, подчеркивающий скопчество Таиты и превосходство мужественности Иштар над ним.

Таита поднял посох и наставил на пах Мидийца. Долгое время никто из них не двигался, бросив все силы друг против друга, будто копья.

Вдруг Иштар застонал и сильной струей в песок изверг семя. Его член съезжился и стал маленьким, морщинистым и незаметным. Иштар опустил на колени и поспешно стал натягивать одежду, чтобы скрыть свое унижение. Он проиграл первую прямую схватку с Чародеем. Повернувшись спиной к Таите, он побрел туда, где сидели на корточках два жреца Сеуета и шаман-нубиец. Он присоединился к ним, они взяли за руки и запели.

– Что они делают? – спросил нервно Нефер.

– Думаю, пытаются определить путь в обход зыбучего песка, – прошептала Минтака.

– Таита остановит их, – сказал Нефер с уверенностью, которой не чувствовал.

Внезапно Иштар вскочил на ноги с новой энергией. Он испустил крик, подобный хриплому карканью ворона, и указал на юг вдоль песчаной долины.

– Он выбрал тот путь, что показал нам сокол, – сказала Таита спокойно. – Мы еще не в безопасности.

Отряды Трока садились на колесницы. С Иштаром, едущим около Трока в ведущей колеснице, они понеслись на юг вдоль извилистой реки гибельной грязи. Проезжая мимо, солдаты выкрикивали угрозы маленькой группе на противоположном берегу.

Пыль улеглась, и они увидели, что Трок, желая держать их под наблюдением, оставил маленький отряд из пяти колесниц и десяти солдат, разбивших лагерь под барханами на том берегу. Скоро последняя колесница колонны преследователей исчезла в желтом знойном мареве, скрывшись за изгибом долины.

– До сумерек Трок найдет путь через зыбучий песок на нашу сторону, – предрек Таита.

– Что мы можем сделать? – спросил Нефер.

Таита повернулся к нему.

– Вы – фараон. Вы – повелитель десяти тысяч колесниц. Приказывайте, великий.

Нефер уставился на него, онемев от такой насмешки. Разумеется, Таита насмехался! Затем он взглянул в старые выцветшие глаза и не увидел в них ни тени насмешки. Гнев подкатил к горлу вместе с горьким вкусом желчи.

Он уже хотел возразить, напомнить, что они потеряли все, и колесницы, и воду, и что впереди – раскаленная пустыня, а позади неумолимое войско преследователей, но Минтака коснулась его руки, и это успокоило его. Он посмотрел в глаза Таите, и к нему пришло вдохновение.

Он изложил им свой план и еще не успел закончить, а Хилто уже стал усмехаться и кивать, а Мерен засмеялся и стал потирать руки. Минтака, гордо выпрямившись, встала ближе к Неферу.

Когда он отдал приказы, Таита кивнул.

– Вот замысел истинного фараона, – сказал он голосом ровным, без эмоций, но в глазах горела искра одобрения. Наконец он уверился, что поручение, данное ему Лострой, скоро будет выполнено. Нефер был почти готов принять ответственность за свою судьбу.

Они проехали всего несколько лиг, как вдруг Иштар указал вперед. Трок остановил колонну и напряг глаза в странном желтом свете и мерцающей жаркой дымке. Впереди долина зыбучих песков резко сужалась.

– Что это? – спросил Трок. Казалось, какое-то извивающееся морское чудовище переплывает долину. Гребень его спинного плавника выступал из желтой грязи, черный и острый.

– Это – наш мост, – ответил Иштар, – хребет из сланца, идущий от одного берега до другого. Здесь мы перейдем.

Трок послал двух лучших солдат на сланцевый мост пешком, на разведку. Они легко перебежали по мосту на другую сторону, не замочив сандалий. Они кричали и махали руками Троку, и, хлестнув лошадей кнутом, он последовал за ними на другую сторону. Остальные одной колонной поехали за ним.

Как только все благополучно переехали на другой берег, Трок повернул на север, назад по долине, туда, где они последний раз видели беглеца Таиту с его спутниками.

Но они не проехали и половины расстояния, когда затянутое облаками небо превратилось в желтый туман, нависшие испарения, преждевременно принешие ночь. В считанные минуты последний свет погас, и полная темнота вынудила колонну остановиться.

– Лошади устали. – Трок попытался оправдать решение остановиться на ночь, когда командиры собрались вокруг него в темноте, чтобы получить его приказы.

– Напоите их и дайте им и солдатам отдохнуть. В путь тронемся на рассвете. Пешком и без воды далеко не уйдет даже Маг. Мы догоним их завтра до полудня.

Таита разбинтовал ноги Минтаки и, довольный, кивнул. Затем он смочил их сильно соленой влагой из зыбучих песков и снова перевязал. Несмотря на протесты, Нефер обул ее в собственные сандалии. Они были ей великоваты, но из-за бинтов сидели на ногах плотно.

У них не было ничего, что нужно было нести: ни воды или продовольствия, ни оружия, ни багажа, ничего, кроме досок от днищ затонувших колесниц. Под любопытными взглядами гиксосских солдат на другом берегу Нефер повел своих спутников вверх по склону высокого бархана на восток. Гребня бархана они достигли задыхаясь. Их уже яростно мучила жажда.

Нефер бросил последний взгляд через зыбучие пески. Солдаты Трока на другом берегу распрягли лошадей, поставили колесницы по краю лагеря и развели костры. Нефер иронически отсалютовал им и последовал за остальной частью группы вниз по противоположному склону бархана. Едва скрывшись от наблюдателей, они устроили привал.

– Каждое усилие будет нам дорого стоить, – предупредил Нефер. – Еще много часов у нас не будет ни капли воды.

Пока они лежали, тяжело дыша на жаре, они с тревогой прислушивались, боясь услышать голоса людей и движение колесниц. Минтака выразила вслух общие опасения:

– Молитесь всем богам, чтобы Трок не нашел переправу и не вернулся к нам засветло.

Когда они отдохнули, Нефер повел их под прикрытием бархана, тянувшегося параллельно долине зыбучих песков. Они прошли совсем немного, но на жаре и это далось им нелегко. Они снова сели, чтобы отдохнуть в обессиливающем желтом тумане. Им не пришлось долго ждать темноты.

Ночь принесла малое облегчение от зноя. Они вновь взобрались на вершину бархана и увидели внизу солдатские костры на противоположной стороне долины. Огонь горел достаточно ярко, чтобы они поняли, где лагерь гиксосов.

Вражеские колесницы стояли квадратом с пространством внутри, головы лошадей были привязаны поводьями к колесам. Двое часовых сидели около костров, а остальные солдаты лежали на спальных ковриках внутри лагеря.

– Они видели, как мы пошли на восток. Нужно надеяться, что они думают, будто мы все еще идем в том направлении и им не надо ни за кем наблюдать, – сказал Нефер и повел их, скользя и скатываясь, вниз по склону бархана. Они достигли дна долины в нескольких сотнях локтей от лагеря, достаточно далеко, чтобы скрыть их движение и приглушить любые

звуки, которые они могли породить.

Используя как ориентир свет костров и взявшись за руки, чтобы никто не заблудился в темноте, они ощупью пошли к краю зыбучих песков.

Положив в грязь деревянные доски, они принялись грести через топь. Они уже привыкли к такому способу передвижения и вскоре достигли берега.

Держась близко друг к другу, они подползли к лагерю и присели вне круга света от костров. За исключением двух часовых, вражеский лагерь казался спящим. Лошади были спокойны, тишину нарушало лишь тихое потрескивание огня. Вдруг один из часовых встал и пошел туда, где сидел его товарищ. Они тихо заговорили. Нефер волновался из-за задержки и хотел уже просить помощи у Таиты, но старик опередил его. Он наставил посох на две темные фигуры. Через несколько минут их голоса зазвучали сонно, и наконец один из часовых встал, потянулся и зевнул. Он медленно вернулся к своему костру и сел около него с мечом на коленях.

Таита продолжал направлять на него посох, и голова солдата медленно опустилась, подбородок уперся в грудь. От другого костра доносился тихий храп. Оба солдата крепко спали.

Нефер тронул Хилто и Мерена. Каждый знал свое дело. Они снова поползли вперед, оставив Таиту и Минтаку на краю круга света.

Нефер подошел сзади к ближнему часовому. Меч соскользнул с его коленей и лежал рядом с ним на песке. Нефер подобрал его и, продолжая движение, ударил солдата бронзовой головкой рукояти меча в висок. Часовой без звука упал и растянулся в полный рост около костра.

С мечом в руке Нефер поглядел на другой костер. Хилто и Мерен занимались часовым, который лежал, свернувшись, будто спящая собака. Хилто подобрал его меч. Все трое побежали к самой ближней колеснице. В боковых стойках все еще оставались копья.

Нефер схватил одно. Оно тяжело и успокаивающе легло в его руку. Мерен тоже вооружился. Внезапно одна из лошадей тихо заржала и топнула копытом. Нефер замер. На мгновение он подумал, что их все-таки не обнаружат. Затем сонный голос позвал изнутри квадрата колесниц.

– Нуса, ты? Ты не спишь?

Солдат, пошатываясь, вошел в круг света от костра, еще толком не проснувшись; из одежды на нем была только набедренная повязка. В правой руке он держал меч.

Он остановился и уставился на Нефера.

– Ты кто? – Его голос прозвучал громко и тревожно.

Мерен бросил копье. Оно ударило солдата в грудь. Он вскинул руку и тяжело упал на песок. Мерен прыгнул вперед и подобрал меч, который он выронил. Воя как взбесившиеся джинны, все трое перепрыгнули через оглобли и бросились внутрь квадрата колесниц. Их вопли привели пробуждающихся солдат в полное замешательство. Некоторые даже не выхватили оружие, и отнятые у них мечи поднимались и падали в убийственном ритме. Их лезвия потемнели от крови.

Только один из врагов справился с собой и бросился на врага. Это был грубый здоровяк, он отбивался, ревя будто раненный лев. Он нацелил удар Неферу в голову, и хотя Нефер отбил его, высоко подняв меч, рука от этого онемела по плечо. Бронзовый клинок отломился у гарды.

Нефер был обезоружен, и его противник замахнулся мечом, целясь в голову, чтобы убить. Позади него из темноты вышел Таита и ударил его по голове посохом. Солдат рухнул, а Нефер выхватил меч из его обессиленных рук прежде, чем тот упал на землю.

Бой закончился. Пятеро из оставшихся в живых стояли на коленях, подняв руки над головами, а Хилто и Мерен стояли рядом с ними. Минтака и Таита подбросили дров в костры, и при свете пламени они увидели, что три солдата мертвы, а два других серьезно ранены.

Пока Таита лечил их раны, остальные при помощи запасной упряжи для колесниц

связали пленников по рукам и ногам. Только после этого они смогли напиться из мехов, поесть хлеба и отрезать пласты сушеного мяса из найденного ими запаса продуктов.

К тому времени, как они поели и напились, стал разгораться новый день. Пришел еще один грозный багровый рассвет, и жара уже была удушающей. Нефер выбрал три колесницы и лучших лошадей, тянуть их. Они сняли с выбранных колесниц все ненужное снаряжение, например личный багаж солдат и оружие сверх необходимого им. Нефер отпустил лишних лошадей и прогнал их галопом в пустыню, махнув одеялом перед их мордами.

Красный свет этой страшной зари разгорался с каждой минутой, и они поспешно поднялись на колесницы. Когда они были готовы уехать, Нефер подошел к связанным пленникам.

– Вы – египтяне, как и мы. Мне очень больно, что мы убили и ранили нескольких ваших товарищей. Мы не хотели этого, и это не доставило нам удовольствия. Узурпатор Трок заставил нас.

Он присел на корточки рядом со здоровяком, который чуть не убил его.

– Ты храбрец. Я хотел бы, чтобы когда-нибудь мы могли сражаться вместе против общего врага.

Подол передника Нефера приподнялся, когда он сел, и взгляд пленника скользнул по гладким мускулам его правого бедра. Солдат разинул рот.

– Фараон Нефер Сети мертв. Почему вы носите царский картуш? – спросил он.

Нефер коснулся татуировки, давным-давно нанесенной Таитой.

– Я ношу его по праву, – сказал он. – Ибо я – фараон Нефер Сети.

– Нет! Нет! – Пленник был взволнован и испуган, вероятно сильнее, чем на поле боя.

Минтака прыгнула с колесницы, подошла к ним и дружески заговорила с солдатом:

– Вы знаете, кто я?

– Ее светлость царица Минтака. Ваш отец был моим богом и командиром. Я любил его. Поэтому люблю и уважаю вас.

Минтака достала кинжал из ножен и разрезала его путы.

– Да, – сказала она. – Я – Минтака, а это – фараон Нефер Сети, с которым я обручена. Однажды мы вернемся в Египет, чтобы заявить о нашем неотъемлемом праве и править в мире и справедливости.

Нефер и Минтака встали, и она продолжила:

– Передайте это вашим товарищам по оружию. Скажите людям, что мы живы и вернемся в Египет.

Солдат прополз вперед на коленях и поцеловал ее ноги, затем подполз к Неферу, поднял его ногу и поставил себе на голову.

– Я – ваш, – сказал он. – Я буду нести ваше сообщение людям. Возвращайтесь к нам скорее, божественный фараон.

Другие пленники присоединились к нему в выражении преданной любви.

– Да здравствует фараон! Живите и правьте тысячу лет!

Нефер и Минтака поднялись на захваченную колесницу, и освобожденные пленники закричали:

– Бак-хер! Бак-хер!

Три колесницы выехали из разрушенного лагеря. Таита ехал один, в повозке, потому что лучше других был способен противостоять уловкам Иштара Мидийца и находить истинную дорогу, скрытую от них. Нефер и Минтака ехали сразу за ним, а Хилто и Мерен замыкали колонну. Они направлялись обратно по тому пути, каким приехали сюда.

Они отъехали совсем недалеко – долина зыбучих песков и лагерь все еще были в поле зрения – когда Таита остановился и оглянулся. Две другие колесницы остановились позади него.

– Что случилось? – спросил Нефер, и Таита поднял руку. В тишине они услышали отдаленный звук движения колонны Трока, едущей по противоположному берегу. Затем в свете тусклой красной зари они вдруг увидели, как из-за далеких барханов появилась голова

колонны.

Трок резко остановил ведущую колесницу и закричал на Иштара:

– Клянусь кровью и семенем Сеуета, Маг снова перехитрил тебя. Разве ты не предвидел, что они перейдут обратно и захватят колесницы нашей заставы?

– А почему вы не предвидели это? – сердито проворчал Иштар. – Вы – великий полководец.

Трок поднял кнут, намереваясь хлестнуть его по татуированному лицу за такую дерзость, но, поглядев в темные глаза Мидийца, передумал и опустил кнут.

– Что теперь, Иштар? Ты позволишь им скрыться?

– Для них есть только одна дорога назад, и по ней движется Зандр с двумя сотнями колесниц. Вы все еще держите их между двумя жерновами, – мрачно напомнил Иштар. Лицо Трока осветила свирепая улыбка. От ярости он чуть не забыл про Зандра.

– Солнце едва взошло. У вас впереди весь долгий день, чтобы переехать по сланцевому мосту обратно и последовать за ними, – продолжил Иштар. – Я чую их запах. Я расставляю сеть, чтобы поймать их ловушку, и, как преданный пес, приведу вас к добыче.

Трок стегнул лошадей и по твердому песку подъехал к краю болота, прямо напротив трех колесниц на другом берегу. Ему удалось почти убедительно улыбнуться и засмеяться.

– Я наслаждаюсь этим больше, чем вы, друзья мои. Месть – это блюдо, которое лучше есть холодным! Клянусь Сеуетом, мне понравится ее вкус.

– Чтобы поджарить кролика, нужно сначала поймать его, – крикнула в ответ Минтака.

– Поймаю! Не сомневайтесь, у меня еще остались кое-какие сюрпризы, чтобы развлечь вас.

Его улыбка исчезла, когда три колесницы покатили в барханы и Минтака весело помахала гиксосам рукой. Хотя Трок знал, что она нарочно злит его, это уязвило его так сильно, что от гнева он почувствовал жжение в желудке и кислый вкус во рту.

– Назад! – крикнул он своим солдатам. – Назад через мост.

Они ехали, и Таита все чаще смотрел на небо. Его лицо было мрачным и задумчивым: облака цвета самородной серы опускались все ниже к земле.

– Я никогда не видел такого неба, – сказал Хилто, когда в середине утра они остановились напоить лошадей.

– Боги разгневаны.

Истинную дорогу они нашли до странного просто. Развилка, где они повернули не туда, была легко заметна издали. Казалось, невозможно не заметить высокую пирамиду из камней, отмечавшую ее, а главная дорога к Красному морю, по которой проезжало великое множество торговых караванов, была сильно утоптана и более заметна, чем едва видная колея, которая увела их в долину зыбучих песков.

– Иштар ослепил нас, – пробормотал Нефер, когда они подъехали к перекрестку, – но на этот раз обмануть нас будет не так легко. – Затем он тревожно посмотрел в небо и сотворил знак против зла.

– Если боги будут к нам добры.

Именно Хилто с его глазами воина, заметил впереди тучу пыли. До сих пор ее затеняло низкое, затянутое облаками небо, и вот теперь она оказалась совсем близко. Хилто галопом догнал колесницу Таиты и крикнул:

– Маг! Впереди нас колесницы, их очень много.

Они остановились и стали смотреть вперед. Пыльная туча двигалась, даже когда они смотрели на нее.

– Как далеко они от нас? – спросил Таита.

– В половине лиги или меньше.

– Думаешь, у Трока есть второй отряд, который едет вслед за ним?

– Вам лучше знать, Маг, что это обычная тактика гиксосов. Помните сражение у Даммена? Как Апепи поймал нас там между двумя отрядами?

– Сможем ли мы достигнуть перекрестка раньше, чем они отрежут нас? – спросил Таита, и Хилто прищурился.

– Может быть. Но надо очень поспешить, чтобы успеть.

Таита обернулся и поглядел назад.

– Трок скоро будет на дороге позади нас. Мы не можем повернуть назад, иначе окажемся в его руках.

– Если мы оставим дорогу и поедem в пески, всему конец. Мы оставим ясные следы, и они смогут преследовать нас. Наши лошади ослабеют еще до конца дня.

– Неудивительно, что Трок смеялся над нами, – сказала Минтака горько.

– Мы снова между молотом и наковальней, – согласился Мерен.

– Следует ехать вперед, – решил Нефер.

– Следует попытаться достигнуть перекрестка и выехать на главную дорогу раньше их. Это наше единственное спасение.

– Тогда полный вперед – даже если мы загоним в гонке лошадей, – согласился Хилто.

Три колесницы шеренгой помчались вперед. Они подскакивали и рыскали, когда колеса попадали в колеи на дороге, но лошади шли хорошо. Туча пыли впереди становилась все более угрожающей: они подъезжали к ней все ближе. Пирамида из камней, казалось, не приближалась. Их все еще отделяло от поворота более пятидесяти локтей, когда показались первые колесницы приближающегося подразделения, тускло видные в пыли и жутком желтом свете.

Колесницы остановились, как если бы не были уверены, кто находится в трех мчащихся к ним колесницах, затем вдруг снова рванулись вперед, прямо к беглецам.

Таита попытался выжать из лошадей все возможное, но почувствовал, что их охватила усталость. Они продолжали гонку до последнего, но враг мчался прямо на них, и постепенно стало ясно, что им никак не достичь перекрестка первыми. Наконец Таита поднял сжатый кулак, объявляя остановку.

– Достаточно! – крикнул он. – Нам не выиграть эту гонку.

Они остановили на дороге взмыленных и тяжело дышащих лошадей. Все были бледными от пыли, покрывавшей лица, во взглядах читалось отчаяние.

– Куда ехать, фараон? – крикнул Хилто. Они уже начинали обращаться к Неферу как к повелителю.

– Есть только один свободный путь. Назад, туда, откуда мы приехали. – И он тихо добавил, так, чтобы не слышала Минтака: – В руки Трока. Но, по крайней мере, это даст мне последний шанс поквитаться с ним.

Таита согласно кивнул и первый круто развернул колесницу. Он повел беглецов обратно к зыбучим пескам. Остальные развернулись и последовали за ним в облаке пыли, поднятом его колесницей. Сначала пыль закрывала преследователей, но затем порыв горячего ветра быстро унес ее в сторону, и они увидели, что преследователи догоняют.

Они рванулись вперед, но Нефер почувствовал, что его лошади слабеют. Они шли тяжело, с трудом, их ноги хлопали, копыта начало выбрасывать в стороны. Нефер понял, что все почти закончилось, и одной рукой обнял Минтаку за талию.

– Я люблю вас с первого мгновения, как увидел. И буду любить вас вечность.

– Если вы действительно любите меня, то никогда не позволите мне снова попасть в руки Трока. Наконец вам представилась возможность доказать вашу любовь.

Нефер повернулся и озадаченно поглядел на нее.

– Не понимаю, – сказал он, и Минтака коснулась захваченного меча, висевшего у него на боку.

– Нет! – Он почти выкрикнул это и крепко прижал ее к себе.

– Вы должны сделать это для меня, сердце мое. Вы не можете отдать меня Троку. Мне не хватит храбрости сделать это самой, поэтому вам следует быть сильным – ради меня.

– Я не могу, – крикнул он.

– Это будет быстро и безболезненно. Иначе...

Он был в таком отчаянье, что чуть не врезался на полном скаку в задний борт колесницы Таиты, когда та резко вильнула и остановилась поперек дороги перед ними. Таита указал вперед.

Там был Трок. Даже издалека можно было разглядеть во главе двигающейся колонны, направляющейся прямо к ним, медведеподобную фигуру. Они оглянулись: оттуда быстро приближался другой враг.

– Один последний бой! – Хилто ослабил меч в ножнах.

– Первое худшее. Второе ничем не лучше. Последнее самое плохое. – Это была одна из поговорок Красной Дороги, и он проговорил ее с искренним ожиданием.

Таита посмотрел в небо цвета желчи, когда очередной порыв горячего ветра всколыхнул его волосы, как поле серебряной травы. Минтака потянула Нефера за руку.

– Обещайте! – прошептала она, и его глаза наполнились слезами.

– Обещаю, – сказал он, и эти слова обожгли его рот и горло. – А потом убью Трока собственными руками. И тогда сразу последую за вами в темное путешествие.

Таита не повысил голоса, но его услышали все:

– Сюда. Смотрите на следы моей колесницы и следуйте по ним без сомнений.

К их удивлению, Таита повернул лошадей под прямым углом к дороге, в пески, на север, в непроходимые блуждающие барханы. Нефер ожидал, что колеса колесницы Мага сразу же провалятся по ступицы, но тот, вероятно, как-то нашел твердую корку под мягкой поверхностью и продолжал ехать уверенной трусцой. Тогда они не медля поехали за ним, хотя понимали, что это последняя, обреченная попытка.

Оглянувшись, Нефер увидел оба облака пыли, поднятые вражескими отрядами, сходящимися к ним с востока и запада. Не было ни малейшего шанса на то, что они не найдут место, где оставили след три их колесницы, когда доедут до него. Если, конечно, Таита не произнесет укрывающее заклинание, чтобы обмануть Иштара, но это было маловероятно. Иштар доказал, что не восприимчив к такому простому колдовству, а Трок, должно быть, собственными глазами видел, как они свернули с дороги.

И все же, посмотрев вперед, он увидел, что Таита держит в правой руке золотой амулет Лостры и вокруг его запястья обернуто ожерелье – дар Бэя. Он не оглядывался на преследователей – нет, его лицо было поднято к угрожающему небу и выражало сосредоточенность.

Их положение казалось безнадежным, но Нефер почувствовал, как в душе затеплился безрассудный огонек беспочвенной надежды. Он понял, что дар Бэя таинственным образом увеличил и без того могучие силы старика.

– Посмотрите на Таиту, – прошептал он Минтаке. – Возможно, это еще не конец. Возможно, до окончания игры нам остался еще один ход камнем бао.

Трок мчался галопом по дороге, пока не достиг места, где три колесницы у него на глазах свернули в барханы. Следы так глубоко отпечатались в песке, будто их оставила всего одна пара колес. В этот миг с противоположной стороны подъехал Зандр во главе второй колонны.

– Молодец! Ты повернул добычу. Теперь они наши, – крикнул ему Трок.

– Это была хорошая погоня, – проревел в ответ Зандр. – Какое место мне занять в строю?

– Встань снова замыкающим. В колонне по четыре. Следуй за мной. – Когда Трок повернул, чтобы преследовать беглецов, два отряда его колесниц последовали за ним. Он смотрел вперед. Таита и его крошечная группа уже исчезли в коридоре между высоких песчаных холмов с фиолетовыми и синими вершинами. Впадины между ними были темными и затененными под низким небом. Он не проехал и двухсот локтей: колесницы по бокам колонны завязли в мягком песке. Тогда он понял, почему Таита ехал такой узкой колонной. Земля была достаточно твердой, чтобы выдержать колесницу, только по центральной линии.

Два объединенных отряда, следуя за Троком в неотмеченную на карте пустыню,

растянулись более чем на половину лиги, и солдаты с растущим трепетом смотрели на вздымающиеся стены песка и ужасное небо над ними. Троку не мог постоянно гнать лошадей на одной изматывающей скорости, и они перешли на шаг, но по следам, оставленным Таитой, он мог видеть, что тот тоже стал двигаться более медленно.

Так они ехали еще почти лигу, а потом земля впереди вдруг изменилась. Из мягких песчаных волн поднялся темный каменный остров. Он походил на маленький корабль, затерянный в океане барханов. В течение тысячелетий его склоны были испещрены отверстиями и изъедены насыщенными песком ветрами, но пик был острым, как клык сказочного чудовища.

На пике стояла очень знакомая фигура, крошечная на расстоянии, одинокая и высокая, с пышной серебряной шевелюрой, поблескивавшей, будто шлем, в странном, жутком свете.

— А вот и Маг, — злорадно сказал Троку Иштару. — Они нашли убежище в камнях. Надеюсь, они попытаются сразиться там с нами. — И приказал трубачу: — Труби сигнал к бою.

Когда Нефер и Минтака увидели, что впереди появилась скала, оба удивились.

— Таита знал, что она там? — спросила Минтака.

— Откуда он мог знать? — ответил Нефер.

— Вы сказали мне однажды, что он знает все.

И Нефер замолчал. Он оглянулся, чтобы скрыть неуверенность, и недалеко позади увидел поднятую преследователями пыль, смешивающуюся с желтым светом неба без солнца.

— Неважно. Как это может помочь нам? — спросил он. — Мы могли бы защищать ту скалу очень недолго, ведь у Трока сотни солдат. Это почти верная гибель. — Он коснулся мехов, висевших на перекладине рядом с ним. Они были почти пусты. Оставшейся воды не хватало даже на то, чтобы лошади прожили еще день.

— Нам следует верить Таите, — сказала Минтака, и он горько засмеялся.

— Кажется, боги покинули нас. Кому же еще нам верить?

Они продолжали двигаться вперед. Лошади с трудом шли шагом. Позади слышалось слабые звуки преследования: крики старших командиров, приказывающих солдатам держаться центра дороги, звон незакрепленного снаряжения, стоны и скрип сухих ступиц.

Наконец они подошли к горе, сложенной из черного и охристого камня. Она была сто футов высотой, и от нее, будто от костра, веяло накопленным жаром. Ни одно растение не закрепилось на ней, лишь ветер вырезал расселины и трещины в ее утесах.

— Подведите колесницы к самой скале, — приказал Таита, и они повиновались.

— Теперь распрягите лошадей и ведите их сюда. — Таита показал на собственном примере, что делать, отведя собственную упряжку за выступ. Там в скалу врезалась глубокая расселина с крутыми краями.

— Сюда. — Он вел их, пока они могли продвигаться вперед по песчаному полу глубокой вертикальной расселины.

— Теперь заставьте лошадей лечь.

Все лошади конницы были обучены этому трюку. По приказу Таиты они опустились на колени и затем с фырканьем и ржанием легли на бок на полу расселины.

— Делайте вот так! — сказал Таита. Он прихватил из колесницы походную постельную скатку. Полосками, оторванными от нее, он завязал глаза лошадям, чтобы те были спокойными и покорными. Затем глубоко воткнул копье в рыхлый песок и использовал его для того, чтобы привязать обмотанные головы лошадей и не дать им подняться снова. Остальные последовали его примеру.

— Теперь принесите остатки воды. Жаль, ее недостаточно, чтобы в последний раз напоить лошадей, но каждая капля понадобится нам для себя.

Будто зная о его существовании, Таита повел их к низкому уступу в скале. Уступ располагался так низко, что любому, кто попытался бы пробраться под него, пришлось бы

ползти на четвереньках.

– Несите камни от подножия утеса, чтобы закрыть его стеной.

– Палисад? – Нефер глядел озадаченно. – Мы не сможем защитить это место. В пещере нельзя даже встать, не то что взмахнуть мечом.

– Спорить некогда. – Таита сердито поглядел на него.

– Делайте, как я вам говорю.

Нефер изводился страхом за Минтаку и был утомлен трудностями, которые они пережили за минувшие дни. Он гневно поглядел на Таиту. Другие смотрели на это с интересом: молодой бык бросал вызов старому быку. Прошло несколько секунд, прежде чем Нефер вдруг осознал собственную глупость. Только один человек мог спасти их сейчас, и он сдался. Он наклонился, подобрал большой камень из груды каменной осыпи и, пошатываясь, понес его к маленькой пещере. Он положил его на место и побежал за другим. Остальные присоединились к работе. Даже Минтака принесла свою долю грубых глыб кристаллического сланца. Когда они закрыли стеной тесное пространство под уступом, ее руки были поцарапаны и покрыты ссадинами.

– Что нам делать сейчас? – спросил натянуто Нефер, все еще страдая из-за своего столкновения с Магом.

– Пить, – сказал Таита.

Нефер налил воду из меха в кожаное ведро и передал его Минтаке. Она сделала несколько глотков и предложила воду Таите.

Он покачал головой.

– Пейте и напейтесь как следует.

Когда все выпили столько, сколько могли вместить их животы, Нефер снова обратился к Таите.

– Что теперь?

– Ждите здесь, – приказал Таита, поднял длинный посох и начал взбираться по неровному склону горы.

– Для чего этот палисад? – крикнул ему вслед Нефер. – Для чего он нужен?

Таита остановился на узком уступе в тридцати футах над ними и посмотрел вниз.

– Великий узнает, когда придет время. – И продолжил подъем.

– Убежище? Может быть, могила? – саркастически воскликнул Нефер ему вслед, но Таита не ответил и не оглянулся.

Он поднимался без отдыха и остановки, пока не достиг вершины. Там он встал, пристально глядя назад, туда, откуда должен был появиться Трох.

Маленькая группа в лощине у подножия горы глядела на него – кто озадаченно, кто с надеждой, а один сердито.

Нефер очнулся.

– Принесите копья и остальное оружие с колесниц. Будьте готовы защищаться. – Он побежал туда, где они оставили колесницы, и вернулся с охапкой копий. Мерен и Хилто шли за ним с таким же грузом.

– Что делает Таита? – спросил он Минтаку. Она показала на вершину.

– Он не двигался.

Они сложили оружие и сели у входа в примитивное убежище. Все взгляды вновь обратились к Таите.

Они видели его силуэт на фоне ужасного серно-желтого неба. Никто не говорил, никто не двигался, пока они снова не услышали этот ужасный звук. Они повернули головы и слышали тихий стук и визг колес колесниц, сотен колесниц, и голоса солдат, иногда приглушаемые барханами, а иногда ясные и угрожающие.

Таита медленно воздел обе руки к небу. Все наблюдали за его движениями. В правой руке он держал посох, в левой амулет Лостры, а на шее у него был дар Бзя.

– Что он делает сейчас? – спросил Хилто испуганным тоном. Никто ему не ответил.

Таита стоял неподвижно, будто высеченный из камня. Его голова была запрокинута,

волосы серебром падали на плечи. Одежда была подпоясана, так что виднелись тощие голени. Он походил на старую птицу на насесте.

В небе неслись по кругу тяжелые низкие облака. Свет менялся, ослабевая, когда скрытое солнце закрывал новый слой плотных облаков, и вспыхивая, когда облачный покров становились тоньше.

Таита все еще не двигался, его посох был нацелен в беременное брюхо небес. Шум приближающейся колонны стал еще более ясным, и вдруг вдали прозвучал рев бараньего рога.

– Это сигнал к бою. Трок увидел Таиту, – спокойно сказала Минтака.

Трок крикнул своему трубачу:

– Труби атаку! – но воинственный звук, казалось, поглотили пространство пустыни и низкое, грозное небо.

– Подождите! – сказал Иштар Мидиец. Он смотрел на крошечную фигуру Таиты на вершине скалы. – Подождите!..

– Что такое? – спросил Трок.

– Пока я не могу понять, что это, – Иштар не сводил пристального взгляда с Мага, – но оно мощное и распространяется повсюду. – Колонна не трогалась с места, каждый солдат в ней со страхом глядел на фигуру на вершине скалы. Ужасная тишина пала на пустыню, не нарушаемая никаким звуком. Даже лошади замерли, не было слышно ни стука, ни звона снаряжения.

Только небо двигалось. Над головой Мага образовался водоворот, огромное вращающееся колесо раскаленных туч. Затем центр водоворота медленно открылся подобно единственному глазу пробуждающегося чудовища. Из небесного ока вырвался столб ослепительного солнечного света.

– Глаз Гора! – выдохнул Иштар. – Он обратился к богу. – Он сделал знак защиты. Трок рядом с ним молчал, оцепенев от суеверного страха.

Блестящий столб света ударил в гору и озарил фигуру Мага, как вспышка ослепительной молнии. Вокруг головы Таиты высветился нимб серебряного сияния.

Маг сделал медленное круговое движение длинным посохом, и гиксосские колесничие съезжились, как злые псы под кнутом. Облака разошлись шире; небо в вышине было ясное. Солнечный свет плясал на барханах и, отражаясь от них, бил в глаза, будто отраженный от листа полированной бронзы, ослепляя. Гиксосы подняли щиты или руки, чтобы защитить глаза от странного сияния, но не издали ни звука.

На вершине скалы Таита медленно описал посохом еще один круг, и наконец послышался звук: тихий, как вздох любовника, он, казалось, шел из самих небес. Головы людей вопросительно повернулись в поисках его источника.

Новое движение Таиты, и вздох превратился в шелест, тихий свист. Он шел с востока, и все головы медленно повернулись на звук.

В этом странном безоблачном спокойствии они увидели, что к ним приближается сплошная серовато-коричневая стена, которая начиналась от земли и уходила под высокий купол небес.

– Хамсин! – прошептал Трок страшное слово.

Стена летящего песка надвигалась с ужасающей неторопливостью. По ней шли волны, она пульсировала, будто живое существо, и ее голос изменился. Это больше не был шепот, он превращался во все более громкий вой, в голос демона.

– Хамсин! – Крик летел от одной колесницы к другой. Воины, желающие войны, перед лицом этого губителя людей, городов и цивилизаций, этого поедателя миров, вдруг превратились в маленькие испуганные существа.

Строй колесниц рассыпался на фрагменты: погонщики разворачивали упряжки и пытались убежать от него.

Едва колесницы съехали с узкой полосы твердой земли, песок поглотил их колеса.

Солдаты выпрыгивали из колесниц, бросая их вместе с упряжками. Лошади, чуя опасность, вставали на дыбы, ржали, рвались убежать, лягаясь и стараясь вырваться из упряжи.

Хамсин неумолимо приближался. Его вой перешел в рев. Солдаты в бессмысленной панике бежали перед ним. Они скользили и падали в рыхлом песке, поднимались и бежали дальше. Оглядываясь назад, они видели, что огромная буря мчится, ревя будто взбешенное чудовище, крутя и вздымая завесу песка, медно-желтого там, где солнечный свет освещал его, и серовато-коричневого, темного там, где его затеняли ее собственные похожие на горы вершины.

Таита стоял, вытянув руки и посох, и наблюдал, как войско под ним поглощает буря. Он видел Трока и Иштара, все еще недвижных, напоминающих в ярком солнечном свете изваяния, и затем, когда передний край бури настиг их, с волшебной стремительностью исчезли вместе со всеми своими солдатами, колесницами и лошадьми в кружащихся лавинах хамсина.

Таита опустил руки, повернулся спиной к чудовищу и не спеша стал спускаться со скалы. Его длинные ноги перешагивали трудные места, и, шагая с выступа на выступ, он опирался на посох.

Нефер и Минтака стояли, взявшись за руки, у подножия утеса. Они со смущенными лицами приветствовали его, и Минтака тихо, недоверчиво спросила:

– Вы вызвали бурю?

– Она назревала все прошедшие дни, – уклончиво ответил Таита с невозмутимым выражением. – Вы все заметили жару и болезненный желтый туман.

– Нет, – сказал Нефер. – Природа тут ни при чем. Это сделал ты. Ты все время знал и понимал это. Ты вызвал бурю. А я сомневался в тебе.

– Идите-ка в убежище, – велел Таита. – Она почти над нами. – Его слова заглушил громкий рев хамсина. Минтака первая вползла в низкую, узкую пещеру через отверстие в грубой стене. Другие последовали за ней, набившись в тесное пространство. Перед тем как войти, Хилто передал внутрь почти пустые водяные мехи.

В конце концов только Таита остался вне убежища, словно бы буря была его творением. Когда она нависла над ним, его лицо было сосредоточено. Она ударила с такой силой, что скальная порода вокруг них, казалось, затряслась и задрожала, и высокая фигура Таита исчезла. Первый порыв длился всего несколько секунд, а когда он прошел, Таита все так же стоял у пещеры, спокойный и неподвижный. Буря усиливалась и ревела, будто неистовое чудовище, и когда она во всем своем ужасном величии обрушилась на них, Таита наклонившись вошел через отверстие и сел спиной к внутренней стене.

– Закройте его, – велел он, и Мерен с Хилто заложили вход камнями, которые они положили под рукой.

– Закройте ваши головы, – сказал Таита и обмотал лицо головным платком. – Держите глаза закрытыми, не то ослепнете. Дышите осторожно через рот, или задохнетесь песком.

Буря была столь сокрушительной, что ее первый порыв подхватил колесницу Трока и перевернул ее вместе с лошадьми, пронзительно заржавшими, когда удар дышла сломал им спины.

Трока подбросило в воздух. Он с трудом поднялся на ноги, но буря свалила его снова. Ему удалось, используя всю свою грубую силу, прийти в себя, но он начисто потерял чувство направления. Когда он попытался открыть глаза, его ослепил песок. Он не знал, в какую сторону смотрит или где искать спасения. Буря кружила, казалось, дует со всех сторон сразу. Трок больше не смел открывать глаза. Хамсин обдирает ему лицо, и резкие порывы ветра с песком стесывали кожу с его щек и губ, пока он не закрыл их головным платком.

В вихре песка и ветра Трок закричал:

– Спаси меня! Спаси меня, Иштар, и я награжу тебя сверх предела твоей алчности.

Казалось, никто не сможет услышать его крик в оглушительном шуме. Затем он почувствовал, что Иштар схватил его за руку и сильно сжал ее, давая Троку знак крепко

держаться.

Они спотыкались, иногда по колени проваливаясь в песок, который бежал будто вода. Трок наткнулся на препятствие и потерял Иштара. Когда он в панике ошупью искал его, он коснулся какого-то предмета и понял, что это одна из брошенных колесниц, лежащая на боку.

Он закричал, призывая Иштара, кружась на одном месте, и вот рука Иштара схватила его за бороду и потянула. Обожженный песком, ослепленный песком, Трок тонул в песке.

Он упал на колени, и Иштар снова поднял его, вырвав клочок волос из его бороды. Трок попробовал заговорить, но, когда открыл рот, песок влетел туда, и он задохнулся. Он знал, что гибнет и что никому не пережить ужасную бурю, которая держала их в своей власти.

Оно казалось бесконечным, это их мучительное путешествие в никуда. Затем Трок вдруг почувствовал, что ветер утихает. На минуту ему подумалось, что буря уже прошла мимо, но рев не уменьшился – наоборот, казалось, он нарастает. Они с трудом шли вперед, покачиваясь и натываясь друг на друга, будто пьяницы, пытающиеся довести друг друга домой из харчевни. Тем не менее сила ветра пошла на убыль Троку смутно подумалось, что Иштар, наверное, прочитал защитное заклинание, но тут внезапный порыв ветра едва не сбил его с ног и вырвал руку Иштара из его бороды. Трок врезался в каменную стену с такой силой, что сломалась ключица.

Он упал на колени и вцепился в скалу, будто ребенок в материнскую грудь. Как Иштар привел их сюда, он не знал и не хотел знать. Имело значение только то, что утес над ними умерял силу бури. Трок почувствовал, как Иштар встал на колени рядом с ним и натянул тунику ему на голову. Затем Иштар толкнул Трока ничком в убежище за утесом и лег рядом с ним.

В крошечной пещере Нефер подполз к Минтаке и обнял ее. Он попробовал заговорить с нею, чтобы успокоить и ободрить, но и их головы были обмотаны тканью, а ветер заглушал все звуки. Она положила голову ему на плечо, и они прильнули друг к другу. Ревущая темнота поглотила их, оглушила, ослепила и чуть не удушила. Каждый глоток горячего воздуха проходил через ткань, и им приходилось вдыхать понемногу, чтобы задержать влетающую в рот тончайшую песчаную пыль.

Время шло, и вот рев ветра оглушил их и притупил все чувства. Он дул, не утихая, без перерыва. Они не могли судить о ходе времени и только слабо различали сквозь закрытые веки свет и тьму. Приход дня знаменовал слабый розовый свет; когда наступала ночь, он сменялся полной темнотой. Нефер никогда не видел такой полной и бесконечной темноты. Если бы к нему не прижималось тело Минтаки, он бы подумал, что сошел с ума.

Время от времени она шевелилась и отвечала на пожатие его обнимающих рук своим пожатием. Возможно, он спал, но не видел снов, был только рев хамсина и темнота.

Очень нескоро он попробовал пошевелить ногами, но не смог. В слепой панике он подумал, что потерял власть над своим телом, что ослаб и умирает. Он повторил попытку, собрав все силы, и сумел пошевелить ступней и пальцами ноги. Затем он понял, что засыпан песком, который проникал в их убежище сквозь щели в палисадной стене. Песок поднялся уже до его талии. Их медленно погребало живьем. Мысль о такой коварной смерти наполнила его страхом. Руками он отгреб песок так, что смог двигать ногами, а затем сделал то же самое для Минтаки.

Он почувствовал, что другие в переполненной пещере делают то же самое, пытаясь бороться с песком, но тот сочился внутрь подобно воде, сыпался на них из плотных облаков клубящейся пыли.

Буря продолжала бушевать.

Два дня и три ночи ветер не ослабевал. За это время Неферу удалось сохранить незасыпанными только голову и руки. Всю нижнюю часть его тела поглотил песок. Начать откапываться он не мог – не было места, куда бы он мог передвинуть песок.

Он протянул руку вверх и коснулся каменного потолка в нескольких сантиметрах над

своей головой. Пробежав по нему пальцами, он понял, что тот слегка куполообразной формы. Их головы оставались в этом маленьком пространстве, а ветер занес вход в пещеру, так что песок больше не мог проникать внутрь. Но Нефер продолжал слышать бесконечный рев бури.

Он ждал. Время от времени он чувствовал, как Минтака рядом с ним начинает тихо всхлипывать, и пытался успокоить ее, нежно сжимая объятье. Воздух, пойманный в ловушку вместе с ними в маленьком пространстве, где были их головы, стал зловонным и спертым. Он подумал, что такой воздух скоро не сможет поддерживать в них жизнь, но, должно быть, немного свежего воздуха проникало через песок, поскольку, хотя каждый вдох давался им с трудом, они все еще были живы.

Они выпили почти всю воду из мхов, оставив только ничтожное количество на дне. Затем пришла жажда. Даже при том, что они были неспособны шевелиться, а значит, расходовать влагу, горячий сухой песок и воздух высасывали ее из них. Нефер чувствовал, что его язык медленно прилипает к нёбу. Затем язык начал распухать, так что дышать стало не просто трудно, а почти невозможно из-за огромной «губки», заполнившей рот.

От страха и жажды он потерял счет времени, и ему казалось, что прошли годы. Нефер стряхнул оцепенение, медленно охватывавшее его. Он понял: что-то изменилось. Он попытался понять, в чем дело, но его ум оцепенел и погрузился в безразличие. Минтака рядом с ним была странно неподвижной. Он испуганно сжал ее и в ответ почувствовал легкую дрожь движения. Минтака все еще была жива. Они оба были живы, но погребены и способны двигать только небольшой частью своих тел.

Он почувствовал, что снова впадает в угрюмое оцепенение, в непрерывные мечты о воде, о прохладных зеленых водах великой реки, водопадах и прозрачных ручьях. С усилием он вынырнул из темноты и прислушался. И не услышал ничего. Именно это разбудило его. Не было слышно ни звука. Рев хамсина сменила глубокая тишина. «Тишина запечатанной гробницы», – подумал Нефер, и ужас охватил его в полную силу.

Он снова завозился, стараясь выбраться из песка, сумел наконец освободить правую руку, протянул ее и нащупал покрытую платком голову Минтаки. Он погладил ее и в тишине услышал ее плач. Нефер хотел заговорить, успокоить ее, но распухший язык не позволил ему сказать ни слова. Вместо этого он потянулся рукой дальше, проверяя, не удастся ли дотянуться до Хилто, сидевшего за Минтакой. Хилто то ли отодвинулся, то ли его было не достать рукой, поскольку пальцы Нефера ничего не коснулись.

Он немного отдохнул, затем вновь заставил себя пробудиться и попытался отодвинуть песок от входа в пещеру. Но сдвигать то, что он отгребал от входа, было почти некуда. По горстке он загребал песок и подталкивал в узкое пространство их крошечной кельи. Скоро он работал, вытянув правую руку до предела, сгребая понемногу песок. Это была отчаянная попытка, но он знал, что надо продолжать – или отказаться от надежды.

Вдруг он почувствовал, как песок посыпался под его пальцами, и даже через складки головного платка ощутил, как свежий воздух, не испорченный дыханием, стал просачиваться в пещеру. И заметил слабое мерцание света сквозь закрытые веки. Нефер с трудом потащил ткань со своего лица. Свет становился ярче, и воздух был сладок для его пересохшего рта и жаждущих легких. Когда лицо освободилось от ткани, Нефер приоткрыл один глаз и был почти ослеплен светом. Когда глаза привыкли, он увидел, что отрыл наружу отверстие не больше окружности, составленной из большого и указательного пальцев, но снаружи было тихо. Буря миновала.

Взволнованный, он с новой надеждой потянул ткань, закрывавшую голову Минтаки, и услышал, что девушка вдохнула свежий воздух. Он снова попробовал заговорить, но голос опять не повиновался ему. Он попытался двинуться, вырваться из смертельной хватки тяжелого песка, но его тело по-прежнему было засыпано до подмышек.

Собрав остаток сил, он молча пытался освободиться, но усилия скоро изнурили его, а горло горело и болело от жажды. Он подумал, как жестоко было бы умереть, так близко от воздуха и света, дразнящих его сквозь крошечную щель.

Он снова устало закрыл глаза, сдавшись. Ощувив следующее изменение света, он вновь открыл глаза. И с недоверием увидел, как через отверстие к нему тянется рука. Старая рука, с иссохшей кожей, покрытая темными возрастными пятнами.

– Нефер! – прозвучал голос, такой странный, такой хриплый и изменившийся, что на мгновение он засомневался – Маг ли это? – Нефер, ты слышишь меня?

Нефер хотел ответить, но не смог. Он протянул руку и коснулся пальцев Таиты. Немедленно пальцы старика обхватили их с удивительной силой.

– Держись. Мы раскопаем вас.

Затем Нефер услышал другие голоса, грубые и слабые от жажды и напряжения, и чьи-то руки стали отгребать заваливший его песок, пока наконец не смогли схватить Нефера и вытянуть на свободу из мягких смертельных объятий песка.

Нефер проскользнул сквозь узкую щель, как если бы скала родила его. Затем Хилто и Мерен опять протянули руки и вытащили из мягкой темной утробы на блестящий солнечный свет Минтаку.

Их подняли на ноги и поддерживали, чтобы не дать упасть снова, поскольку в ногах совсем не было силы. Нефер отбросил руки Мерена, качнулся к Минтаке и осторожно обнял ее. Она дрожала, будто в лихорадке. Вскоре он отстранился на расстояние вытянутой руки и с ужасом и жалостью посмотрел ей в лицо. Волосы у нее были белыми от песка, он плотно набился и в брови. Глаза глубоко запали в фиолетовые глазницы, а губы распухли и почернели, а когда Минтака попыталась заговорить, треснули, и капли яркой как рубин крови потекли по ее подбородку.

– Воды, – сумел наконец выговорить Нефер. – Ей нужна вода.

Он встал на колени и начал отчаянно рыть песок, все еще заполнявший пещеру. Мерен и Хилто работали рядом с ним, и они вместе откопали мех. Вытащив его, они обнаружили, что большая часть воды, которая в нем оставалась, испарилась или ее выдавило. Оставалось лишь по несколько глотков на каждого, но и этого количества хватило, чтобы жизнь вернулась к ним. Нефер почувствовал, как сила возвращается в его обезвоженное тело, и впервые осмотрелся.

Была середина утра. Какого утра или сколько дней они были погребены, он не знал. В неподвижном воздухе, будто золотая пыль, еще висела дымка из мелкого песка.

Нефер прикрыл глаза ладонью, поглядел на пустыню и не узнал ее. Пейзаж полностью изменился: высокие барханы отодвинулись, их сменили другие, иной формы, расположенные иначе. На месте гор появились долины и лощины там, где стояли холмы. Даже краски изменились: мрачные фиолетовый и темно-синий сменились оттенками красного и золотисто-желтого.

Он с удивлением покачал головой и посмотрел на Таиту. Маг, облокотившись на посох, глядел на Нефера блеклыми, старыми, но нестареющими глазами.

– Трок? – сумел выговорить Нефер. – Где?

– Захоронен, – ответил Таита, и теперь Нефер заметил, что сам Маг также иссушен, будто хворост, и испытывает те же мучения, что и другие.

– Вода? – прошептал Нефер, прикоснувшись к своему распухшему и кровоточащему рту.

– Пойдем, – сказал Таита.

Нефер взял за руку Минтаку, и они медленно пошли вслед за Магом в медного цвета пески. Теперь наконец жажда и жара навалились и на Таиту, и он двигался медленно и скованно. Другие, пошатываясь, брели за ним.

Таита как будто бы бесцельно брел по новым долинам из тонкого песка, струящегося под ногами. Он держал посох перед собой и водил им из стороны в сторону. Один или два раза он опускался на колени и касался земли лбом.

– Что он делает? – прошептала Минтака. Воды, которую они выпили, было недостаточно, чтобы поддержать ее силы, и она снова слабела. – Молится?

Нефер только покачал головой: он не хотел тратить свои скудные силы на досужую

болтовню. Таита продолжал медленно идти, и то, как он водил посохом, напомнило Неферу действия водоискателя.

Таита опять встал на колени и приблизил лицо к земле. На этот раз Нефер наблюдал за ним с большим вниманием и увидел, что Маг не молился, а понюхал воздух у поверхности песка. Тогда он понял, что делает Таита.

– Он ищет засыпанные колесницы Трока, – прошептал он Минтаке. – Его посох – прут для поиска, и он вынюхивает под песком гниение.

Таита с трудом поднялся и кивнул Хилто.

– Ройте здесь, – приказал он.

Они все прошли вперед и принялись ладонями отгребать в стороны рыхлый песок. Им не пришлось копать глубоко. На глубине вытянутой руки они наткнулись на что-то твердое, удвоили усилия и быстро откопали обод колеса лежавшей на боку колесницы. Еще несколько минут неистового рытья, и они вытащили водяной мех. И уставились на него в отчаянии, потому что он был разорван, возможно, когда опрокинулась колесница. Хотя они отчаянно давили на него, им не удалось получить ни капли драгоценной жидкости.

– Должен быть второй, – проговорил Нефер сухими распухшими губами. – Ройте глубже.

Они стали царапать песок в последнем отчаянном приливе сил, и, чем глубже становился раскоп, тем сильнее и тошнотворнее делалась вонь, идущая от мертвых лошадей упряжки. Все эти дни лошади лежали на жаре.

Нефер сунул руку глубже в яму и вдруг нащупал что-то мягкое и податливое. Он нажал, и все услышали бульканье и плеск воды. Он еще раз отодвинул в сторону рыхлый песок, и они вместе достали раздутый водяной мех. Они бормотали и стонали от жажды, пока Таита, вытащив пробку, лил воду в кожаное ведро, лежавшее около мехов на дне раскопа.

Вода была теплая как кровь, но, когда Таита поднес ведро к губам Минтаки, она закрыла глаза и с тихим наслаждением стала пить.

– Не слишком много для начала, – предупредил Таита, забрал у нее ведро и передал его Неферу. Они пили по очереди, затем Минтака снова попила, и ведро вновь прошло по кругу.

Тем временем Таита оставил своих спутников, чтобы продолжить поиски. Немного погодя он снова позвал их рыть. В этот раз им повезло: колесницу занесло меньшим количеством песка, в ней было три меха, и ни одного поврежденного.

– Теперь для лошадей, – сказал им Таита, и они виновато переглянулись. В своей отчаянной заботе они забыли о животных. Взяв мехи, они потащились по песку обратно к подножию утеса.

Узкий овраг, где они привязали лошадей, вероятно, лежал так, что избежал всей мощи хамсина. Начав копать деревянной лопатой, найденной среди снаряжения засыпанной колесницы, они почти сразу отыскивали первую лошадь. Однако сильный запах предупредил их, чего ожидать. Животное было мертво, и его живот раздули газы. Они оставили его и стали откапывать следующую лошадь.

На этот раз им повезло больше. Это была кобыла, самая послушная и крепкая из тех лошадей, которых они захватили около зыбучих песков, живая – но только едва. Они обрезали повод, удерживавший ее, но кобыла была слишком слаба, чтобы подняться на ноги без посторонней помощи. Все вместе они подняли ее. Она стояла, слабая и дрожащая, покачиваясь и едва не падая, но жадно пила из ведра, которое держала перед ней Минтака, и казалось, что ей становится лучше.

Тем временем другие откапывали остальных лошадей. Еще две погибли от жажды или от удушья, но две другие были еще живы и тоже сразу ожили, когда им дали воду.

Оставив Минтаку заниматься тремя ослабевшими лошадьми, они вернулись к откопанным колесницам, чтобы найти корм для лошадей. Назад они вернулись с мешками зерна и еще одним мехом.

– Ты хорошо обращаешься с ними, – сказал Нефер Минтаке, поглаживая шею

кобылы, – но, боюсь, они слишком ослабли, чтобы тянуть колесницу.

Она сердито накинута на него:

– Я выхожу их всех, клянусь богиней. Там, под песком, должны быть еще сотни мешков корма и мехи. Нам, наверное, придется еще долго пробыть здесь, но, когда нам придет пора уезжать, эти прекрасные животные повезут нас.

Нефер засмеялся сквозь растрескавшиеся, покрытые струпьями губы.

– Меня очень пугает ваша страстность.

– Тогда больше не искушайте меня, – предупредила она, – или получите тому еще больше доказательств. – Она улыбнулась, впервые с тех пор, как прошел хамсин. – Ну, возвращайтесь, чтобы помочь другим. Вряд ли у нас слишком много воды.

Он оставил ее и отправился в пески, где Таита продолжал поиски колесниц. Не все гиксосские колесницы были засыпаны песком так же неглубоко, как те, что они нашли вначале. Многие были скрыты навсегда под высокими новыми барханами.

Продолжая поиски, они все дальше отодвигались от скалы. Под песком они нашли много раздувшихся зловонных тел.

Вскоре они оказались там, где их не было слышно оттуда, где Минтака ухаживала за лошадьми, будто конюх.

* * *

Исчезновение всех звуков пробудило Трока, и он со стоном попробовал пошевелиться. Песок удушающе давил на него. Казалось, он сокрушал ребра и выдавливал воздух из легких. Однако Трок знал, что место, которое Иштар выбрал для них, чтобы пережить бурю, случайно или по замыслу оказалось хорошим. В любом другом месте их, возможно, похоронило бы навсегда. Здесь он смог держаться близко к поверхности. В прошедшие дни, когда над ним выросли слои нанесенного песка и их вес стало невозможно выдержать, он сумел выползти повыше, оставив над собой только слой, достаточный для защиты от могучей обдирающей силы хамсина.

Теперь Трок стал пробиваться к свету и воздуху, будто ныряльщик, поднимающийся из глубин бездонной заводни. Он с трудом всплывал через песок, а его поврежденное плечо мучительно горело. Он продолжал пробиваться наверх, пока его голова, все еще обмотанная складками ткани, не вырвалась на свободу. Он размотал повязку и замигал на слепящем свете. Ветер улегся, но воздух светился от мелких частиц висящей в нем пыли. Некоторое время Трок оставался в таком положении, пока боль в плече немного не уменьшилась. Затем он отодвинул слой песка, по-прежнему покрывавший нижнюю часть его тела, и попытался позвать:

– Иштар! Где ты?

Но его голос оказался невнятным хрипом. Он медленно повернул голову и увидел Мидийца, сидящего рядом с ним спиной к утесу. Он походил на выкопанный труп человека, умершего много дней тому назад. Затем Иштар открыл здоровый глаз.

– Вода? – Голос Трока был едва слышен, но Мидиец покачал головой. – Значит, мы пережили бурю лишь для того, чтобы умереть в этой же могиле, – хотел сказать Трок, но из его пересохшего горла и рта не вырвалось ни звука.

Он полежал еще немного и почувствовал, что все инстинкты выживания исчезают под медленным наплывом истощения и смирения. Было бы намного легче просто закрыть глаза и уплыть в сон, чтобы никогда не проснуться вновь. Эта мысль подстегнула его, и он заставил себя разлепить покрытые коркой веки, оцарапав песчинками глазные яблоки.

– Воды, – сказал он. – Найди воду.

Используя утес как опору, он с трудом поднялся и стоял, покачиваясь, прижав бесполезную руку к груди.

Иштар смотрел на него, и его слепой глаз походил на глаз рептилии или трупа. Трок как пьяный пошел вперед, через каждые несколько шагов ударяясь об утес, двигаясь вдоль

основания скалы, пока не смог взглянуть на пустыню. Барханы, чистые и без изъянов, были изящно изогнуты, как тело прекрасной молодой девушки.

Не было ни следа людей или колесниц. Его боевые подразделения, лучшие во всем Египте, исчезли без следа. Трок попробовал облизнуть губы, но в пересохшем рту не было слюны. Он почувствовал, как подкашиваются ноги, и понял, что если упадет, то никогда не поднимется снова. Опираясь о каменную стену, он пошел дальше, пошатываясь, не зная, куда идет, и не думая ни о чем, кроме одного: не останавливаться.

Затем он услышал человеческие голоса и понял, что у него галлюцинации. Снова наступила тишина. Он прошел еще несколько шагов, остановился и прислушался. Голоса зазвучали снова. На этот раз они были ближе и звучали более ясно. Трок неожиданно ощутил, как сила вновь потекла в его тело, но когда попробовал крикнуть, из выжженного горла не вырвалось ни звука. Снова наступила тишина. Голоса затихли.

Он опять двинулся вперед, но внезапно остановился. Он услышал женский голос, в этом не было никакой ошибки. Мелодичный, чистый голос.

Минтака, тихо сорвалось с его распухших губ. Затем послышался другой голос. На этот раз мужской. Трок не смог разобрать слова или узнать говорящего, но если тот был с Минтакой, это наверняка был один из беглецов, которых преследовал Трок. Враг.

Трок посмотрел на себя. Портупея пропала вместе с мечом. Он был безоружен, одет только в тунику, в ткань которой набилось так много песка, что она терла кожу, будто власяница. Он огляделся в поисках оружия, палки или камня, но ничего не увидел. Осыпавшиеся сверху камни скрывал песок.

Он стоял в нерешительности, и голоса послышались снова. Минтака и мужчина были в овраге среди камней. Пока он продолжал колебаться, он услышал, как песок скрипит, будто кристаллы соли, под чьими-то ногами. Человек шел по оврагу туда, где стоял Трок.

Трок прижался спиной к каменной стене, и из устья оврага, в двадцати шагах от того места, где прятался Трок, появился мужчина. Незнакомец решительным шагом направился в барханы. Он явно был ему знаком, но узнавание ускользало от Трока, пока мужчина не повернулся и не крикнул в овраг:

– Не слишком утомляйтесь, Минтака. Вы прошли через суровое испытание. – Затем он продолжил путь.

Трок разинул рот, глядя на него. «Он мертв, – подумал он. – Это не может быть он. Наг недвусмысленно передал...» Наблюдая за тем, как молодой человек уходит в пустыню, он обдумал, не мог ли джинн или какой-нибудь злой дух принять обличье молодого фараона Нефера Сети? Затем, замутненными песком глазами он увидел, как тот присоединился к трем другим, среди которых была мгновенно узнаваемая фигура Мага, который, как понял Трок, и воскресил каким-то странным и удивительным способом Нефера Сети. Но сейчас он не имел ни времени, ни желания обдумывать это. В его мозгу вертелась только одна мысль – мысль о воде.

По возможности скрытно, он пополз вперед к ложбине, где слышал голос Минтаки, и выглянул из-за скалы. Сначала он не узнал жену: она была грязная, как крестьянка. Волосы и изодранная туника – жесткие от песка, и глаза ввалились и налились кровью. Она стояла на коленях перед табунчиком лошадей, держа ведро с водой для питья.

Трок не мог думать ни о чем, кроме воды. Он слышал ее запах, и жаждал ее всем своим существом. Пошатываясь, он пошел к Минтаке. Он подходил сзади, а мягкий песок глушил звук его шагов, и Минтака заметила его, только когда он схватил ее за руку. Она обернулась, увидела его и закричала. Он выхватил из ее рук ведро и сбил ее на песок. Так как его рука была бесполезна, он встал коленями ей на поясницу, чтобы придавить, пока пьет.

Он выхлебал воду большими глотками, прополоскал горло, рыгнул и стал пить снова. Минтака корчилась под ним, крича:

– Нефер! Таита! На помощь!

Трок снова рыгнул, вдавил ее лицо в песок, чтобы заглушить крики, и проглотил последние капли из ведра. Затем огляделся, все еще присев над ней, будто лев над добычей.

Он увидел мех у стены оврага и копья и мечи, сложенные около него.

Он быстро встал и направился к ним. Минтака тотчас попыталась вскочить, но он сбил ее пинком.

– Не надейся, сука, – прохрипел он, схватил прядь ее густых, забитых песком волос, и поволок ее за собой по песку. Когда он смог наконец дотянуться до мехов, ему пришлось отпустить Минтаку. Он опять поставил огромную обутую в сандалию ногу ей на спину, взял мех и зажал его между коленями, вытаскивая деревянную пробку. Затем поднял горлышко к губам, и в его горло потек теплый, солоноватый поток.

Хотя Минтака лежала ничком на песке, она поняла, что Троку поглощен удовлетворением жажды. Ей следовало действовать, прежде чем он придет в себя и перенесет свое полное внимание на нее. Она знала, что он слышал больше оскорблений, чем мог перенести, и сейчас убьет ее, не позволив ей сбежать от него снова.

В отчаянии она потянулась к оружию, собранному у каменной стены. Ее пальцы сомкнулись на древке копья. Троку все еще пил, запрокинув голову, но он почувствовал ее движение и опустил мех как раз тогда, когда Минтака изогнулась, чтобы нанести удар ему в живот или в пах коротким, но смертельным оружием. Однако она целилась, распростертая под ним, и удару не доставало силы.

Троку увидел яркий короткий блеск бронзового острия и, испуганно вскрикнув, отскочил.

– Подлая предательница! – Он бросил мех и кинулся на нее, но в тот миг, когда он перестал придавливать ее, Минтака вскочила. Она попыталась проскользнуть мимо Трока и выбежать из оврага в открытую пустыню, но он преградил ей путь, протянул длинную руку и схватил за полу туники. Однако девушка отпрыгнула в сторону. Полотно в его пальцах порвалось, и она увернулась от него, но оставалась запертой в овраге как в ловушке.

Он тяжело двинулся к ней, но Минтака подбежала к стене утеса и полезла на него, гибко и быстро, как кошка. Прежде чем Троку сумел поймать ее, она оказалась вне его досягаемости. Она поднималась быстро, и нечего было надеяться догнать ее. Подобрав оброненное Минтакой копье, он швырнул его в жену, но левой рукой, поэтому в броске было мало силы.

Минтака пригнулась, и копье пролетело над ее головой и ударилось в камень перед ее лицом. Она полезла быстрее, подгоняемая страхом. Троку пошел туда, где было сложено остальное оружие, и схватил другое копье. И бросил снова. Копье ударило в скалу в ладони от нее.

Троку взревел от ярости и разочарования и схватил третье копье, но Минтака уже достигла выступа на утесе и вползла на него, скрывшись из вида. Она лежала на уступе, прижавшись к скале, и слушала, как Троку бранится. Даже в ее бедственном положении грязные слова, которые он кричал ей, вызывали у нее отвращение.

Затем над уступом, где она лежала, мелькнуло другое копье и загремело о камень над ней. Оно упало вниз, на уступ, и Минтака схватила его, прежде чем оно свалилось на землю в овраг. Она выглянула за край уступа, готовая отпрыгнуть.

Троку смотрел на нее нерешительно, поврежденная рука висела. Когда он увидел Минтаку, его лицо исказилось от гнева и боли, причиняемой раной, и он двинулся вперед, будто намереваясь подняться наверх, к ней.

Она показала ему острие копья.

– Да, поднимайся, – прошипела она, – и дай мне воткнуть его в твоё брюхо, боров!

Он остановился. Ему предстояло подниматься и защищаться, пользуясь только одной рукой. Он видел, что ее угроза не пустая болтовня. Пока он колебался, Минтака снова начала кричать:

– Нефер! Таита! Хилто! Помогите!

Ее голос отражался от утеса и разносился по оврагу. Троку боязливо оглянулся, как будто ожидая увидеть бегущих к нему вооруженных врагов. Внезапно он принял решение и вскинул мех на плечо.

– Не думай, что всякий раз сможешь ускользнуть от меня. Однажды я отведаю все прелести твоего тела, а потом отдам тебя для забавы солдатам, – крикнул он. Затем он попытался сесть на кобылу, но та была все еще слишком слаба, чтобы выдержать его вес, и рухнула.

Трок поднялся на ноги и тяжело зашагал к выходу из оврага.

Минтака боялась, что его уход – уловка. Не осмеливаясь спуститься с уступа, она отчаянно кричала:

– Нефер! На помощь!

Она продолжала кричать, когда Нефер примчался к ней по скалистому оврагу с мечом в руке. Хилто и Мерен бежали следом.

– Что случилось? – спросил Нефер, когда она соскользнула с утеса в его объятия.

– Трок! – Она рыдала от облегчения, ощутив, что он крепко держит ее. – Трок жив. Он был здесь.

Она торопливо рассказала о том, что случилось, и, прежде чем она закончила, Нефер отдал приказ вооружиться и приготовиться к преследованию Трока.

Вернулся Таита. Он остался с Минтакой, а трое мужчин пошли по следам Трока в песке так осторожно, будто выслеживали раненного льва. Они шли вдоль основания утеса, пока не достигли расселины, где Трок переждал ярость хамсина. Нефер осмотрел истоптанный песок и расшифровал следы.

– Их двое, – сказал он. – Их занесла песком буря, как и нас. Затем они откопались. Один ждал здесь. – Он подобрал шерстяную нить, зацепившуюся за скалу, и посмотрел на нее на свету.

– Черный. – Одежду такого цвета египтяне носили редко. – Почти наверняка Мидиец.

Хилто соглашаясь кивнул.

– Иштар мог применить колдовство, чтобы пережить бурю. Очевидно, это он спас Трока, как Таита – нас.

– Вот. – Нефер остановился и указал на след. – Взяв мех с водой, Трок вернулся, чтобы найти Мидийца, и они пошли здесь.

Они немного прошли по следам в пустыню.

– Они ушли на запад. Назад к Аварису и Нилу. Удастся ли им дойти?

– Нет, если я догоню его, – сказал мрачно Нефер и поднял копье.

– Великий. – Хилто был почтителен, но тверд. – У них есть мех, и они вышли раньше. Сейчас они далеко отсюда. Вы не должны преследовать их без воды.

Нефер колебался. Хотя он понимал здравость сказанного Хилто, его очень сердило, что он позволит Троку спастись. Из того, что рассказала ему Минтака, он знал, что Трок ранен и не будет слишком опасным противником, пусть даже сам Нефер все еще был слаб.

Наконец он повернул в сторону и вбежал на вершину ближайшего бархана. Прикрыв глаза рукой, он стал смотреть на запад, вдоль вереницы шагов на чистом, подметенном ветром песке, пока в половине лиги или больше не разглядел две крошечные фигуры, увереннодвигающиеся на запад. Он с яростью глядел на них, пока они не исчезли в дрожащем мареве жары.

– Будет другой случай, – прошептал Нефер. – Я приду за тобой. Клянусь сотней священных имен Гора.

Они нашли и раскопали еще шестнадцать из захороненных колесниц. Благодаря такому изобилию воды и продовольствия лошади и люди стремительно поправлялись. Кроме того, они раскопали еще много погибших солдат Трока. С них они могли снять одежду. Нефер подобрал Минтаке, чьи стертые ступни почти полностью зажили, пару сандалий, почти подходящих по размеру.

На десятый день они были готовы отправиться в путь. Четыре выживших лошади не были достаточно сильны, чтобы тянуть колесницы по рыхлому песку, поэтому Нефер решил

использовать их как вьючных животных, и их нагрузили таким количеством воды, какое они могли нести.

В сумерках, ведя лошадей, они вышли в барханы. Хотя кобыла не могла нести вместе с грузом еще и Минтаку, Нефер обвязал ей спину кожаным ремнем и настоял, чтобы Минтака держалась за него, помогая себе идти по мягкому песку.

Хамсин изменил пейзаж так сильно, что Таите пришлось выбирать дорогу по звездам. Они продолжали уверенно идти всю ночь и следующую тоже. На рассвете второго дня они достигли старой караванной дороги. Она была местами занесена хамсином, но свет быстро прибывал, и они увидели пирамидку из камней, отмечавшую перекресток впереди.

Они обнаружили, что после бури кто-то уже побывал на дороге. Две пары следов тянулись по ней на запад, обратно к Нильской долине и Аварису. Следы одной пары ног были больше, другой – меньше. Таита и Нефер тщательно осмотрели их.

– Это следы Трока. Ни у кого больше нет таких ног размером с нильскую барку. Минтака была права. Он ранен, в правую сторону. Он оберегает ее во время ходьбы, – читал Таита следы. – Пока я еще не могу точно сказать, кто был второй. Давайте посмотрим, не оставил ли он какую-нибудь подсказку насчет того, кто он. – Они дошли по следам до пирамиды из камней.

– А! Вот! – На песке рядом с пирамидой кто-то недавно составил сложный узор из камней. – Теперь сомнений нет, это – Иштар Мидиец. – Таита сердито разбросал камни. – Это было обращение к его грязному Мардуку – Пожирателю. – Он запустил один из меньших камней вдоль дороги, по которой ушли Трок и Иштар. – Будь у Иштара с собой младенец, он, вероятно, принес бы его в жертву. Мардук жаждет человеческой крови.

Здесь, у пирамиды из камней, Неферу следовало принять трудное решение.

– Если мы отправимся в долгое путешествие на восток, нам понадобятся припасы и золото. Нам не пристало прибывать ко двору ассирийца нищими изгоями.

Таита кивнул.

– В Египте есть много могущественных людей, которые предоставили бы нам полную поддержку, если бы только могли убедиться, что их фараон все еще жив.

– Хилто и Мерен должны возвратиться в Фивы, – сказал Нефер. – Я бы пошел сам, но весь мир будет искать Минтаку и меня. – Он снял с пальца одно из своих царских колец и вручил его Хилто.

– Это будет твоим опознавательным знаком. Покажи его нашим друзьям. Вы должны вернуться с людьми и золотом, колесницами и лошадьми. К царю Саргону нам следует прибыть с некоторой пышностью, чтобы показать ему, какой поддержкой мы все еще пользуемся в Египте.

– Я сделаю, как вы приказываете, великий.

– Почти так же жизненно необходима для нас разведка. Нужно собирать новости. Мы должны знать о каждом шаге ложных фараонов.

– Я отправлюсь, когда стемнеет, фараон, – согласился Хилто.

Они провели этот долгий жаркий день, лежа в тени шатра, взятого с одной из занесенных песком колесниц, и обсуждая свои планы. Когда солнце спустилось к горизонту и начало ослаблять свой жар, они расстались. Хилто и Мерен отправились на запад, к Фивам, а Таита, Нефер и Минтака пошли на восток.

– Мы будем ждать вас в руинах Галлалы, – на прощание сказал Нефер Хилто. Провожаемые взглядом троих остающихся, Хилто с Мереном вышли на главную дорогу и исчезли в надвигающемся сумраке.

Таита, Минтака и Нефер пошли по караванной дороге к Галлале. Двенадцать дней спустя, когда в мехах оставалось лишь несколько капель воды, они вышли к пустынным руинам.

Недели превратились в месяцы, а они продолжали ждать в Галлале. Таита проводил все дни в холмах, окружающих город. Нефер и Минтака мельком видели его вдалеке – он

бродил по долинам и крутым оврагам. Часто они видели, как он постукивал посохом по камням и тыкал в них. В другое время он сидел около почти высохших колодцев за городскими стенами, вглядываясь в их глубину.

Когда Нефер спросил, что он делает, ответ Таита дал сдержанный и уклончивый.

– Войску нужна вода, – вот все, что он сказал.

– Воды здесь едва хватит для нас, – возразил Нефер, – какое уж тут войско. – Таита кивнул, поднялся и ушел в холмы, постукивая посохом о камни.

Минтака устроила для них среди руин жилище, и Нефер поставил над ним изодранный шатер. Наследницу царского рода гиксосов, Минтаку никогда не заставляли готовить пищу или подметать в комнате, поэтому ее первые попытки на этом поприще были неудачны. Жуя подгоревшую еду, Таита заметил:

– Самым действенным способом уничтожить войско Трока было бы подослать вас в качестве повара.

– Если вы так искусны, тогда, возможно, вы могли бы удостоить нас плодов своего великого кулинарного искусства.

– Делать нечего – не то придется голодать, – согласился Таита и занял место у очага.

Нефер вернулся к своей прежней роли охотника, и, проведя день в пустыне, вернулся с жирной молодой газелью и четырьмя большими яйцами дрофы, покрытыми удивительными узорами и лишь слегка испорченными. Минтака понюхала свою долю омлета, приготовленного Таитой, и отодвинула.

– Это приготовил тот самый человек, что жаловался на мои блюда? – Она посмотрела через огонь на Нефера. – Вы виноваты не меньше, чем и он. В следующий раз я пойду с вами, чтобы точно знать: вы принесете что-то съедобное.

Они лежали рядом в одной из мелких вад, прорезавших холмы, и наблюдали за стадом пасущихся газелей, двигавшимся в их сторону.

– Они изящны как феи, – прошептала Минтака. – Такие красивые.

– Буду стрелять я, если вас мучает совесть, – сказал Нефер.

– Нет. – Она покачала головой. – Я не говорила, что отказываюсь стрелять. – Ее голос звучал решительно, а Нефер уже знал ее достаточно хорошо, чтобы не сомневаться в ее решимости.

Стадо вел самец. Его спина была нежного оттенка корицы, низ живота – серебристо-белый, как у грозовой тучи, поднимающейся над горизонтом. Рога, повторявшие форму лиры, с внутренней стороны были отполированы стоящими, воронкообразными ушами. Он повернул голову на длинной изогнутой шее и пристально поглядел на свое маленькое стадо. Один из ягнят начал подпрыгивать на негнущихся ногах, почти касаясь носом своих копыт с пучками шерсти над ними. Это был сигнал тревоги.

– Малыш просто упражняется и хвастается, – улыбнулся Нефер.

Самец потерял интерес к этой юношеской затее и двинулся дальше, туда, где они лежали в засаде. Он выбирал дорогу на каменистой земле с обычным изяществом, останавливаясь каждые несколько шагов, чтобы осторожно осмотреться, нет ли опасности.

– Он не увидел нас, но скоро заметит, – прошептал Нефер. – С нами нет Таиты, чтобы обмануть его.

– Стрела не долетит, – шепнула в ответ Минтака.

– Пятьдесят шагов, не больше. Стреляйте, или он сейчас убежит.

Минтака ждала. Вот самец снова повернул голову в сторону. Минтака медленно поднялась на колени и натянула лук. Это был один из коротких выгнутых луков, которые они забрали с засыпанных колесниц. Она пустила стрелу, и та по пологой дуге взлетела в бледное небо пустыни.

Самец газели своими огромными темными глазами немедленно углядел еле заметное движение вверх. Повернув голову, он уставился на стрелу, стоя на линии полета. Услышав звон тетивы, он прыгнул вперед. Стрела все еще была в воздухе. Он убегал, крошечные

клубы пыли поднимались там, где его копыта коснулись земли. Стрела звякнула о камне там, где он стоял мгновение назад. Минтака вскочила и, глядя, как самец бежит, засмеялась, не выказывая никакого огорчения из-за того, что промахнулась.

– Смотрите, как бежит, будто ласточка полетела.

Таита учил Нефера, что истинный охотник любит и почитает свою добычу, и теперь фараон еще больше восхищался Минтакой из-за ее сострадания существам, на которых она охотилась. Она повернулась к нему, продолжая смеяться:

– Мне жаль, сердце мое. Этой ночью вы ляжете спать голодным.

Они наперегонки побежали за упавшей стрелой. В самом начале Минтака вырвалась вперед и добежала до цели первой. Она наклонилась, чтобы поднять ее, и подол ее короткого изодранного набедренного взлетел вверх. Ее бедра были гладкими и коричневыми, а ягодицы – совершенно круглыми, с бледной незагорелой кожей там, где солнце никогда не касалось их, блестящими, как драгоценный восточный шелк.

Она выпрямилась и, быстро обернувшись, заметила выражение его глаз. Хотя она была девственницей и несведущей в чувственности, ее женские инстинкты уже полностью расцвели. Она увидела, какую страсть разбудило в Нефере ее невинное движение, и это взволновало и ее. Увидев, как он желает ее, она сама захотела его с такой силой, что ей стало больно. Она ощутила, как ее чресла тают от любви к нему, истекают душистым и вязким соком, будто соты, оставленные на жаре полуденного солнца.

Минтака робко качнулась к нему, но Нефер почувствовал горячий стыд от чувственного желания, вновь почти поглотившего его. Он помнил данное ей обещание.

– Я скорее умру, чем нарушу свою клятву и навлеку на вас позор, – сказал он и, вспомнив это, заставил себя отвернуться. Руки у него дрожали, а голос был хриплым, когда он сказал, отведя глаза: – Я знаю, где есть другое стадо, но нам нужно поспешить, если мы хотим найти его засветло. – Он пошел не оглядываясь, и Минтака почувствовала себя брошенной. Она больше всего на свете хотела ощутить его объятие, крепкое молодое тело, прижавшееся к ней.

Быстро успокоившись, она пошла за ним, пытаясь прогнать странные чувства, которые почти поглотили ее, но это оказалось не так легко. Догнав его, она быстро пошла в нескольких шагах позади.

Разглядывая его спину, любуясь тем, как густые темные кудри подрагивают на плечах, она задавалась вопросом, насколько шире стали его плечи с тех пор, как она встретила его впервые. Затем ее взгляд скользнул ниже, и она почувствовала, как запылали ее щеки, когда она стала смотреть на его ягодицы,двигающиеся под тонким материалом короткой туники. Она наслаждалась восхитительным чувством стыда, вызванного собственной похотью.

Очень быстро они дошли до края длинной вад, рассекавшей горы. Нефер обернулся, чтобы посмотреть на Минтаку, и чуть не увидел, как она рассматривает его тело. Она подняла глаза как раз вовремя.

– Здесь в нижней части утеса есть сотни старых гробниц. Я впервые увидел их, когда мой отец привез меня по этому пути, прямо перед тем, как его... – Он замолчал, опечаленный памятью о последнем дне, проведенном с Тамосом.

– Чьи это гробницы? – спросила она, желая отвлечь его от чего-то столь болезненного.

– Таита говорит, им тысяча лет, они времен Хеопса и Хефрена, тех, кто построил великие пирамиды в Гизе.

– Тогда они, должно быть, почти ровесники самому Магу. – Она улыбнулась, и Нефер засмеялся.

– Вы когда-нибудь осматривали их? – спросила она.

Он покачал головой.

– С тех пор, как мы впервые приехали сюда, я часто думал об этом, но никак не удавалось.

– Давайте посмотрим сейчас, – предложила Минтака.

Он заколебался.

– Нам понадобятся веревки и лампы. – Но она уже спускалась с утеса, и ему пришлось последовать за ней.

У подножия утеса они скоро обнаружили, что большинство гробниц – вне их досягаемости. Они помещались высоко на крутом боку утеса, а под ними зияла грозная гибелью пропасть.

Через некоторое время Нефер заметил отверстие, до которого, похоже, они могли добраться. Они влезли на участок, где утес обрушился, и добрались до узкого выступа. Затем осторожно пошли по нему, Нефер впереди. Он достиг темного отверстия и наклонился, чтобы заглянуть внутрь.

– Конечно, ее охраняют духи мертвых. – Он хотел притвориться, что шутит, но Минтака почувствовала его тревогу, и это подействовала на нее.

– Конечно! – пошутила она в ответ, но за спиной сделала знак против зла.

– Здесь очень темно, – задумчиво проговорил Нефер. – Нужно вернуться завтра с масляной лампой.

Минтака поглядела за его плечо. Короткий коридор под небольшим углом уходил вверх в твердую скалу. Даже по прошествии столетий на стенах все еще были ясно видны гравюры.

– Посмотрите. – Минтака коснулась одной из них. – На этой картине жираф, а на этой – мужчина.

– Да, – Нефер усмехнулся, – и очень дружелюбный при этом. Тут невозможно ошибиться.

Она притворно выразила негодование, но не смогла скрыть улыбку. Древний художник снабдил фигуру огромным напряженным членом.

– Вот. – Она продвинулась дальше в проход. – Здесь письма. Интересно, что они означают.

– Никто никогда не узнает, – сказал Нефер и шагнул мимо нее. – Ключ к этому древнему письму давно утерян. Нам пора возвращаться.

Пол был покрыт слоем нанесенного ветром мягкого песка. В двух шагах от них глубины шахты скрывались в зловещей темноте.

– Мы можем заглянуть немного дальше, – заупрямилась Минтака.

– Вряд ли это хорошая мысль.

– Вот. – Она протиснулась мимо Нефера. – Позвольте мне идти первой.

– Подождите! – Он попытался задержать ее, но она засмеялась и вырвалась. Он положил руку на рукоятку кинжала и пошел за девушкой, пристыженный ее храбростью и собственным сопротивлением.

Мрак сгущался с каждым шагом, и наконец даже Минтака остановилась и тревожно поглядела вперед. Нефер наклонился, подобрал с песчаного пола кремневый осколок и бросил его ей за плечо в темное пространство шахты. Кремень загремел о каменные стены.

– Пусто, – сказала Минтака в наступившей тишине, но прежде чем успела сделать еще шаг вперед, в темноте впереди что-то зашевелилось. Они услышали шелест, усиливающийся в узком пространстве, замерли и устали в темноту. Послышался пронзительный визг, на который немедленно ответил целый хор, шелест превратился в стремительно надвигающийся шум, и из темноты прямо на них вылетело пищащее, трепещущее облако быстрых силуэтов, чьи крылья которых стегали по их испуганным лицам.

Минтака закричала, развернулась, бросилась к Неферу и обеими руками обхватила его за шею. Он обнял ее, крепко прижал к себе и потянул на песчаный пол.

– Летучие мыши, – сказал он. – Это всего лишь летучие мыши.

– Я знаю! – сказала она, чуть дыша.

– Они не могут навредить вам.

– Я знаю. – Ее голос прозвучал более спокойно, но она не сделала никакой попытки снять свои руки с его шеи. Он прижался лицом к ее густым, пружинящим волосам. От них

шел сильный аромат свежескошенной травы.

У нее вырвался тихий стон; она уткнулась лицом в шею Нефера и стала нежно тереться об нее.

– Минтака, – он попытался осторожно отодвинуть ее, – я дал вам слово, что это не повториться.

– Я освобождаю вас от этого обещания. – Голос Минтаки был едва слышен. Она подняла свое лицо к лицу Нефера. Ее дыхание было теплым и душистым, а губы, нежные и полные, дрожали, как будто она собиралась заплакать. – Я хочу быть вашей женой так, как никогда ничего не хотела в жизни.

Он подался вперед и прижался губами к ее губам. Они были влажными и такими горячими, что, казалось, обжигали. Он потерялся в них. Минтака чувствовала только его объятия. Все еще целуя ее, он обследовал кончиками пальцев выступы, округлости и равнины ее спины. И прощупал линию позвоночника, будто нить жемчуга, лежащую между крепкими мускулами.

Положив руку ей на пояс, Нефер почувствовал изгиб ее талии, вызывающий в памяти драгоценную керамическую вазу. Затем он протянул руки ей за спину и обоими руками сжал ягодичы, удивляясь их симметрии и упругой крепости.

Она подалась бедрами вперед, навстречу его бедрам, и Нефер плотнее прижал ее к себе. Он почувствовал, что его чресла набухли и напряглись, и попытался выгнуть спину, чтобы скрыть это от Минтаки. Она издала слабый звук протеста, запрещая ему отодвигаться, и пошевелилась над ним, радуясь этому доказательству его возбуждения, тому, как сильно он хотел ее.

Она мимолетно вспомнила о Троке, старающемся впихнуть в нее свою чудовищную покрытую синими жилами штуку, но этот неприятный эпизод не имел никакого отношения к тому, что происходило здесь. Без всяких усилий это воспоминание было вычеркнуто из ее памяти.

Она почувствовала, как пальцы Нефера медленно бегут вниз по расселине между ее ягодичами, и сосредоточилась на этом ощущении, изумляясь своим чувствам и тому, как это отозвалось в набухших сосках ее груди и в ее тайных глубинах.

– Трогайте меня, – проговорила она ему в губы. – Да! Трогайте меня. Прижмите меня. Гладьте меня. Любите меня.

Ощущения смешались так, что казалось, будто они окутали каждое ее волокно, каждую частицу ее мозга и тела. Наконец Нефер прервал поцелуй, и Минтака почувствовала, как его губы прижались к ее голому плечу. Она инстинктивно поняла, что ему нужно, раскрыла переднюю часть туники и достала одну грудь. Она была тяжелой в ее руке, с набухшим болезненным соском. Она вплела пальцы другой руки в густые вьющиеся волосы на затылке Нефера и поднесла сосок к его губам. Когда он стал сосать, будто голодный младенец, она почувствовала, как глубоко в ее животе что-то сократилось и сжалось, и с удивлением поняла, что это была ее матка.

Она осторожно заменила одну грудь на другую, и чувство не только ослабло, но стало еще сильнее.

Ошеломленная удовольствием, Минтака почувствовала, что его пальцы поднимают переднюю часть ее набедренник и возятся с завязкой. Она раздвинула ноги, чтобы ему было легче дотянуться до нее, и свободной рукой помогла развязать узел на своем бедре. Ткань упала, и воздух гробницы опал прохладой ее голые ягодичы и живот.

Нефер погладил жесткие кудри, покрывавшие ее лоно, нашел разбухшие губы, которые выступали из щели, и осторожно раздвинул их дрожащими пальцами. Минтака вскрикнула, будто от боли, неосознанно раздвинула полы его набедренника и протянула руку, чтобы найти его. Пораженная его толщиной, она обхватила его большим и указательным пальцами. Он дернулся в ее руке будто живое существо, и она захотела посмотреть на него. Не отпуская, она отодвинула его назад так, чтобы увидеть внизу, между их телами.

– Он такой красивый, – выдохнула она, – такой гладкий, такой сильный.

Затем она снова поцеловала Нефера и, прижимаясь губами к его губам, упала на спину и потянула его к себе на живот, раздвинув бедра, приглашая, ощущая недостаток его опыта. Ею владело материнское чувство – и чувство обладания. Неопытная сама, она вела его, ощущая, как он скользит по ней, переполненный желанием, исследуя вход в нее саму. Она изменила наклон бедер, и он глубоко вошел в нее, животом прижавшись к ее животу, наполнил ее, и наконец она ощутила, что он может расколоть ее на части, и торжествующе закричала от сладостно-горькой боли.

Он скакал на ней, будто мчащийся жеребец, а она подгоняла, двигая бедрами навстречу ему, двигаясь вместе с ним все быстрее, пока не поняла, что достигла предела. Невероятно, но они продолжили и ушли далеко за этот предел. Они оторвались от земли, преодолев ее тяготение, и, под самым куполом небес, ощутив хлынувший в ее лоно и затопивший ее горячий поток, наполнивший ее, она откликнулась – и сравнялась с ним, и их прежде отдельные сущности слились, стали единым целым, а голоса слились в едином ликующем крике.

Много позже, когда они вместе вернулись с заоблачных высот и лежали в объятиях друг друга, а их пот и дыхание смешивались и остывали, они все еще были соединены его плотью, глубоко в ней.

– Я не хочу, чтобы это когда-нибудь кончилось, – прошептала она наконец. – Я хочу оставаться так с вами всегда.

Но по прошествии еще некоторого времени он расслаблено сел и посмотрел на выход из шахты.

– Уже начинает темнеть, – сказал он удивленным тоном. – Так быстро прошел день.

Она встала на колени, пригладила набедренник, и он коснулся свежих пятен на полотне.

– Ваша девственная кровь, – благоговейно прошептал он.

– Мой дар вам, – ответила Минтака. – Доказательство моей любви к вам одному.

Он протянул руку и оторвал от подола ее набедренника испачканный красным клочок величиной с ее маленький ноготь.

– Что вы делаете? – спросила она.

– Я сохраню его навсегда как память об этом замечательном дне. – Нефер открыл медальон, который носил на шее, и положил кусочек ткани рядом с локоном ее темных волос, который уже был внутри.

– Вы действительно любите меня, Нефер? – спросила она, глядя, как он закрывает медальон.

– Каждой каплей крови, что течет в моих жилах. Больше, чем вечную жизнь.

Когда они вошли в комнату в древнем здании, восстановленную ими и сделанную пригодной для жилья, Таита у очага помешивал что-то в горшке на углях. Он взглянул на Минтаку, стоявшую в дверном проеме на фоне гаснущего дня. Ее набедренник был все еще влажным там, где она обмыла его в скудной воде колодца, и прилипал к ее бедрам.

– Жаль, что мы так поздно вернулись, Таита, – сказала она застенчиво. – Мы преследовали газелей в пустыне.

Прежде она никогда не извинялась за их поздние возвращения, и Таита посмотрел на обоих. Нефер возвышался над Минтакой, и лицо у него было нежное, ошеломленное. Оба так сильно излучали любовь, что, казалось, она образовала вокруг них мерцающую ауру, и Таита почти ощущал в воздухе ее запах, подобный аромату дикого цветка.

«Итак, неизбежное наконец случилось», – размышлял он. Удивительно только, что это произошло так поздно. Он уклончиво проворчал:

– Вижу, вы не догнали их. Они бежали слишком быстро, или вы отвлеклись? – Молодые люди мялись, охваченные смущением и виной, зная, что он видит их насквозь.

Таита повернулся к горшку с пищей.

– Хорошо по крайней мере, что среди нас есть один добытчик. Мне удалось поймать в

силки пару диких голубей. Мы не ляжем спать голодными.

Следующие дни прошли для обоих в золотой дымке наслаждения. Они полагали, что в присутствии Таиты держатся скрытно и осторожно, стараясь не смотреть друг на друга, и касались друг друга только когда думали, что он не видит.

Минтака устроила себе спальню в пустой комнатке рядом с главной комнатой их жилища. Каждую ночь Нефер ждал, пока Таита тихо захрапит, тихо поднимался и полз к ее спальному коврику в этой каморке. Каждое утро она будила его перед рассветом и отсылала на его коврик в главной комнате, думая, что Таита все еще спит.

На третье утро Таита объявил загадочно:

– Кажется, в этих комнатах живут крысы или другие странные существа, поскольку мне мешает спать их беготня и шепот. – Они оба смотрели удивленно, и он продолжил:

– Я нашел более спокойный уголок.

Он перенес собственный спальный коврик и имущество в маленький разрушенный дом на другой стороне площади и удалялся туда каждый вечер после того, как они вместе поужинают.

В течение дня влюбленные бродили в пустыне и коротали время в беседах, занимались любовью и составляли тысячи планов на будущее, решая, когда и как они могли бы пожениться, сколько сыновей и дочерей она ему родит, и подбирали имена для каждого.

Они были так поглощены друг другом, что забыли о мире, лежавшем за пределами безлюдных пространств пустыни. Наконец однажды утром на рассвете они вышли из разрушенного города, неся свернутую веревку и две масляные лампы, полные решимости обследовать древние гробницы более тщательно. Окольным путем они поднялись на вершину утеса и сели, чтобы отдышаться и посмотреть на великолепный рассвет, разгорающийся над дальними синими холмами.

– Посмотрите! – вдруг воскликнула Минтака, вырвавшись из его объятий и указывая на запад, вдоль старой торговой дороги, ведущей в Египет. Нефер вскочил, и они стали пристально смотреть в долину на странный караван, приближавшийся к ним. Он состоял из пяти ветхих повозок, за которыми следовала беспорядочная колонна людей.

– Там по меньшей мере сто человек, – воскликнула Минтака. – Кто это может быть?

– Не знаю, – мрачно ответил Нефер, – но хочу, чтобы вы сбегали и предупредили Таиту об их приближении. А я пойду и понаблюдаю за ними.

Она не стала спорить и немедленно побежала по противоположному склону горы в Галлалу, прыгая с камня на камень с ловкостью дикой козы. Нефер спрятал веревку и лампы, натянул на лук тетиву и проверил стрелы в колчане, а потом пополз вдоль гребня горы, держась ниже линии обзора и вне поля зрения, пока не достиг точки, откуда мог смотреть сверху на медленно двигавшийся караван.

Это было жалкое зрелище. Когда он приблизился, Нефер увидел, что первые две повозки – это побитые боевые колесницы, которые тянули худые усталые лошади. Они предназначались для того, чтобы везти двух человек, но на каждой ехало четверо или пятеро. За ними двигалась череда повозок и телег не в лучшем состоянии, чем колесницы. Нефер видел, что они загружены больными или ранеными, которые сидели прижавшись друг к другу или лежали на самодельных носилках. За повозками шла в беспорядке длинная череда людей, некоторые из них шли прихрамывая на костылях или опирались на посох. Другие несли носилки, на которых тоже лежали больные или раненые.

– Клянусь Гором, они похожи на бежавших с поля боя, – пробормотал Нефер, напряженно вглядываясь, чтобы разобрать черты людей в ведущей колеснице.

Внезапно он встал из-за скалы, скрывавшей его, и закричал с волнением.

– Мерен! – Он наконец узнал высокого человека, державшего поводья первой колесницы. Мерен остановил лошадей и прикрыл рукой глаза, чтобы смотреть против поднимающегося солнца. Затем он тоже закричал и замахал рукой, увидев на горизонте Нефера. Нефер побежал вниз по склону, оступаясь и скользя по каменной осыпи, и наконец обнялся с Мереном. Оба смеялись и говорили одновременно:

– Где вы были?

– Где Минтака и Таита?

Затем к Неферу поспешил Хилто и сделал жест приветствия. Позади него столпилась группа истощенных и израненных солдат. Их лица были худыми и изможденными, кровь и гной сочились сквозь грязные бинты и засыхали коркой. Даже солдаты в повозках и на носилках, которые были не в силах встать, поднялись и с волнением смотрели на Нефера.

Быстрый взгляд сказал Неферу, что это воины, но воины, потерпевшие поражение в битве, с израненными телами и сломленным духом.

После того как Хилто приветствовал Нефера, он повернулся к солдатам и закричал:

– Вот, что я обещал вам! Перед вами ваш истинный фараон, Нефер Сети. Фараон не мертв! Фараон жив!

Они безразлично молчали, больные и падшие духом, и неуверенно смотрели на Нефера.

– Великий, – шепнул ему Хилто, – пожалуйста, встаньте на этот камень, чтобы они могли ясно видеть вас.

Нефер вскочил на камень и с интересом оглядел пришедших. Они смотрели на него в молчании. Большинство никогда прежде не видело своего царя. Даже те немногие, что видели его во время официальных процессий во дворце, видели его издалека. Тогда он был похожей на куклу фигурой, от шеи до пят скрытой роскошной одеждой и драгоценностями, его лицо было белой раскрашенной маской, и он неподвижно сидел на царской колеснице, которую тянули белые воны. Они не могли связать ту далекую, неестественную фигуру с этим рослым молодым человеком, зрелым и крепким, с загорелым лицом и живым выражением. Он не был ребенком-фараоном, о котором они знали только понаслышке.

Пока они продолжали смотреть на него с непониманием или обмениваясь сомневающимися взглядами, другой человек, казалось, материализовался из воздуха. Подобно джинну, он появился на камне рядом с Нефером. Этого человека они хорошо знали как по слухам, так и в лицо.

– Маг Таита, – выдохнули они с трепетом.

– Я знаю, что вы перенесли, – сказал им Таита голосом, ясно слышным каждому, даже больным и раненым в повозках. – Я знаю, какую цену вы заплатили, чтобы дать отпор тирании убийц и узурпаторов. Знаю, вы пришли сюда, чтобы узнать, жив ли ваш истинный царь.

Они бормотали слова согласия, и внезапно Нефер понял, кто это. Перед ним были те, кто уцелел после восстаний против Нага и Трока. Было загадкой, где Хилто нашел их, но эти жалкие остатки разбитого воинства были когда-то отборными колесничными и воинами.

– Это начало, – тихо сказал Таита в его сторону. – Хилто привел тебе семена твоих будущих легионов. Поговори с ними.

Нефер, стоя перед ними, величественный и высокий, смотрел на них еще некоторое время. Он выбрал в рядах солдата, который был старше других, с первой сединой в волосах, с острыми глазами и умным лицом. Несмотря на изорванную одежду и истощенное тело, у него был властный вид командира.

– Кто ты, солдат? Каковы твоё звание и отряд?

Солдат поднял голову и пожал исхудавшими плечами.

– Я – Шабакко. Лучший из Десяти тысяч. Прошедший Красную Дорогу. Командир центра отряда Мут.

«Человек-лев!» – подумал Нефер, но сказал только:

– Я приветствую тебя, Шабакко. – Он поднял полу хитона и обнажил татуированный картуш на своем бедре. – Я – Нефер Сети, истинный фараон Верхнего и Нижнего Египта.

Вздых и ропот пронеслись по рядам потрепанных людей, когда они узнали царский картуш. Все как один человек они почтительно пали ниц.

– Бак-хер, божественный, возлюбленный богов!

– Мы – ваши преданные подданные, фараон. Ходатайствуйте за нас перед богами.

Минтака пришла вместе с Таитой и теперь стояла ниже его. Нефер потянулся вниз, взял ее за руку и поднял на камень рядом с собой.

– Это царская принцесса Минтака из Дома Апепи. Она будет моей царицей и вашей повелительницей.

Ее приветствовали новым криком одобрения.

– Хилто и Шабако будут командовать вами, – приказал Нефер. – Галлала будет нашим оплотом, пока мы не вернемся с победой в Фивы и Аварис.

Они поднялись на ноги, и даже серьезно раненные попытались приподняться на носилках, чтобы приветствовать его. Их голоса были слабыми и едва слышными в великой тишине пустыни, но их звук наполнил Нефера гордостью и укрепил его решимость. Он поднялся на ведущую колесницу, взял у Мерена поводья и повел маленькое потрепанное войско в свою разрушенную столицу.

После того как солдаты устроили себе бараки среди руин, Нефер послал за Шабако, Хилто и другими бывшими среди пришедших военачальниками. В ту первую ночь и много следующих ночей он сидел с ними и слушал рассказы о восстании, боях и об окончательном поражении в битве против объединенных сил двух фараонов. Ему рассказали и об ужасном наказании, которое Трок и Наг обрушили на мятежников, попавших в их когти.

По распоряжению Нефера они до мелочей описали боевой порядок новых египетских войск, упомянув имена командиров, номера и названия отрядов и общее количество солдат, колесниц и лошадей, что были в распоряжении Нага и Трока. Среди беглецов было три войсковых писца, и Нефер нашел им работу: записывать на глиняных табличках все эти подробности и вести списки вражеских военных лагерей и укреплений.

Тем временем Таита с Минтакой, помогавшей ему, устроили лечебницу, куда были помещены все раненые и больные. Хилто привел с собой около дюжины женщин, жен беглецов или просто живших в военных лагерях. Таита использовал их для ухода за больными и в качестве кухарок. Таита работал все светлое время дня, скрепляя сломанные кости, вырезая из ран при помощи своих золотых инструментов зазубренные наконечники стрел, сшивая раны, нанесенные мечом, и даже один раз произвел трепанацию разбитого и вдавленного черепа солдата, получившего удар боевой дубинкой из твердого дерева.

Когда свет гас и он утрачивал возможность работать с больным, он присоединялся к Неферу и его командирам, при свете масляных ламп внимательно изучавшим карты, нарисованные на дубленых овечьих шкурах, и строившим планы. Хотя Нефер считался их главнокомандующим, в действительности он был в искусстве войны учеником, а эти опытные старые солдаты – его учителями, и уроки, которые они давали ему, были бесценны.

Обычно лишь после полуночи Нефер мог прервать эти серьезные совещания и тайком прокрасться к Минтаке, терпеливо ждавшей его на овчинном коврике. Они занимались любовью и шептались. Хотя оба были утомлены своими трудами, часто по тихой пустыне уже полз рассвет, когда они наконец засыпали в объятиях друг друга.

В общем в Галлале собралось менее ста пятидесяти человек и пятьдесят лошадей, но за первые несколько дней стало ясно, что горькие колодцы города не могут дать воды даже этой горстке. Каждый день они вычерпывали их, и каждую ночь требовалось все больше времени, чтобы они вновь наполнились. Даже качество воды начало ухудшаться: с каждым днем она делалась все горше и солонее, пока не стала едва пригодной для питья, и ее пили, смешивая с молоком кобылиц.

Приходилось экономить даже эту воду. Лошади стали хворать, кобылицы перестали давать молоко. А струйка подземной воды продолжала оскудевать.

Наконец Нефер созвал чрезвычайный совет. После часа серьезного разговора Хилто мрачно подвел итог:

– Если Гор не совершит для нас чудо, колодцы окончательно высохнут, и нам придется оставить город. Куда мы сможем бежать?

Они смотрели на Нефера. Тот с надеждой повернулся к Таите.

– Когда высохнет вода, куда мы пойдем, Маг? – спросил он.

Таита открыл глаза. В течение долгого спора он не проронил ни слова, и все думали, что он дремлет.

– Я хочу, чтобы завтра на рассвете все солдаты, способные ходить и держать лопату, собрались перед воротами города.

– Для чего? – спросил Нефер, но Таита лишь загадочно улыбнулся.

Пятьдесят шесть человек ждали перед древними воротами в прохладе рассвета, когда из них вышел Таита. На нем были все его символы власти, амулет Лостры, и дар Бэя, и другие его ожерелья, браслеты и амулеты. Он вымыл волосы, так что теперь они сверкали, и Минтака заплела их. Он нес посох с вырезанной головой змеи. Нефер шел рядом с ним, скрывая за серьезным выражением лица свою озадаченность. Таита оглядел собравшихся. Как он приказал, все они держали в руках инструменты для рытья – деревянные обычные и совковые лопаты и копательные шесты с металлическими наконечниками. Он с удовлетворением кивнул, спустился по ступеням и направился в долину.

По команде Нефера солдаты взвалили инструмент на плечи и последовали за стариком, сразу образовав военную колонну на марше.

Однако идти пришлось недалеко, поскольку Таита остановился у подножия холмов и посмотрел на вершины.

Нефер вспомнил, что именно здесь Таита проводил так много времени в прошедшие несколько месяцев. Они с Минтакой часто видели, как он сидел здесь и дремал на солнце с закрытыми глазами, будто синеголовая ящерица, или тыкал в камни и постукивал о них посохом.

Впервые Нефер оглядел скалы этой части холмов и понял, что они отличаются от других. Скала была рыхлая, и кристаллический сланец пронизывали жилы серого известняка. Глубокий разлом по диагонали пересекал поверхность голых, обожженных холмов, соединяя пласты различных цветов. Затем он заметил кое-что еще. Кто-то недавно сделал на некоторых камнях отметки, тайные иероглифы, написанные белой пастой, вероятно, из раздробленного известняка, смешанного с колодезной водой. Там также были пирамидки из камней, размещенные на земле в особом порядке.

– Нефер, людей нужно разделить на пять команд, – сказал Таита, и Нефер отдал распоряжения. Когда все было готово, Таита приказал первой команде выйти вперед.

– Начните бить штольню в склон вот здесь. – Он указал на иероглифы, отмечавшие вход в горизонтальную шахту. Он хотел, чтобы они начали рыть здесь.

Солдаты озадаченно и с сомнением переглянулись, но когда Таита, не говоря ни слова, свирепо поглядел на них, Шабako как ни в чем не бывало скомандовал:

– Вы слышали Мага. Принимайтесь за дело, сейчас же, и не ленитесь!

Это была тяжелая работа, хотя основная скала была разрушена по линии, на которую указал Таита. Им приходилось выламывать каждую глыбу, затем выкапывать рыхлую землю, лежавшую под ней. Вокруг них поднимались облака пыли, и скоро тела копавших покрылись ей. Хотя их руки заскорузли от дубинок и мечей, ладони покрылись волдырями, которые рвались и кровоточили. Они обертывали их льняными полосами и работали без жалоб. Жара нагрелась стремительно, вместе с встающим солнцем, и Шабako вывел из раскопа первую команду и отправил следующую.

Они отдыхали в течение часа в полдень, когда было жарче всего. Таита вошел в неглубокую пещеру и внимательно осмотрел поверхность скалы. Он вышел на солнечный свет, не сказав ни слова, и Шабako приказал продолжать работу. Когда стало слишком темно, чтобы видеть, что они делают, Шабako отпустил их и послал вниз с холма, на скромный ужин. Запасы проса дурра истощались почти так же быстро, как вода в колодцах.

Используя преимущество прохлады, они опять начали копать на рассвете. К сумеркам они углубили штольню в склон всего на двадцать локтей. Там они наткнулись на пласт твердой синей кристаллической скалы. Шесты с бронзовыми наконечниками не оставляли на ней следа, и солдаты начали роптать.

– Мы воины или рудокопы? – вопрошал один старый ветеран, глядя на свои покрытые синяками и волдырями ладони.

– Что мы роем? Собственные гробницы? – спросил другой, перевязывая глубокий порез на голени, полученный в результате неосторожного удара копытельным шестом.

– Как можно рыть твердую скалу? – Еще один вытер с налитых кровью глаз пот, смешанный с пылью.

Таита послал их по долине туда, где, как безмолвный памятник давно высохшей воде, стояла густая роща мертвых акаций. Они нарезали сухих веток и принесли вязанки к раскопу. Под руководством Таиты они сложили дрова на несокрушимой скале и зажгли. Огонь поддерживали в течение ночи, время от времени подбрасывая дрова, и на следующее утро, когда скала пылала от жара, залили его из мехов, наполненных в иссякающих колодцах. В облаках шипящего пара скала затрещала и взорвалась.

Один солдат был ранен острым осколком и потерял правый глаз. Таита удалил остатки глаза и зашил закрытое веко.

– Боги дали нам два глаза как раз на случай такого несчастья, – уверил он своего пациента. – Ты будешь видеть одним глазом так же хорошо, как видел двумя.

Они подождали, пока разрушенная скала остыла, и выломали из нее большие почерневшие глыбы камня. За ними скала была такой же твердой и непроходимой. Они вновь сложили на нее связки веток, повторили трудный и опасный процесс с тем же результатом и, потратив несколько дней тяжелейшего труда, прошли несколько локтей.

Даже Нефер был обескуражен и сказал об этом Минтаке, когда ночью они лежали вместе в темноте.

– Есть многое, чего мы не понимаем, сердце мое, – шептала она, баюкая его голову.

– Мы даже не знаем, зачем он заставляет нас рыть это отверстие, а когда я спрашиваю его, он глядит на меня разъяренно, будто древняя черепаха. Солдатам это скоро надоест, и мне тоже.

Она захихикала.

– Древняя черепаха! Вам бы лучше удостовериться, что он не слышит. Он мог бы превратить вас в жабу, а мне это ни чуточки не понравится.

На следующее утро, ни свет ни заря, команды усталых рассерженных людей приплелись к верхнему концу долины и, собравшись у входа в шахту, стали ждать прихода Мага.

Полагаясь на свое обычное артистическое чувство, Таита поднялся на склон с первыми лучами восходящего солнца, которые сияли позади него, насыщая светом его серебряные волосы. На одном плече он нес скатанную льняную ткань. Нефер и другие военачальники встали, чтобы приветствовать его, но он, не обращая внимания на их приветствия, отдал Шабакко распоряжение повесить полотно над входом в шахту как занавеску. Когда это было сделано, он один вошел в занавешенную шахту, и люди снаружи замерли в тишине.

Казалось, они ждали долго, но в действительности прошло меньше часа, потому что солнце поднялось над горизонтом только на ширину ладони, когда льняной занавес был отдернут в сторону и Таита встал во входе в пещеру. Случайно или по плану Мага солнечный свет падал прямо в шахту. Чистую поверхность стен шахты заливало солнце, и ряды людей сгрудились, с надеждой заглядывая вперед. Они увидели, что на синей скале появилось изображение раненного oka великого бога Гора.

Лицо Таиты выражало волнение, когда он начал декламировать обращение к Золотому Горы. Ожидавшие люди упали на колени и хором подхватили:

Золотой Гор, могучий бык!
Непобедимый в силе!
Учитель своих врагов!
Святой в его восхождении!
Раненный глаз вселенной!

Приди к нам в наших стремлениях.

Окончив последний стих, Таита повернулся и, провожаемый взглядами всех присутствовавших, смотревших на него с надеждой, пошел назад в шахту и оказался перед сине-серой стеной недавно открытой скалы в ее конце. Крошечные кристаллы полевого шпата, вкрапленные в нее, искрились на солнце.

– Кидаш! – прокричал Таита и ударил в стену посохом. Люди у входа пригнулись, поскольку это было одно из слов власти.

– Менсаар!

Они с трепетом вздохнули, и он ударил снова.

– Нкуб! – Он ударил в третий и последний раз и шагнул назад.

Ничего не произошло, и Нефер почувствовал нарастающее разочарование. Таита стоял неподвижно, солнце медленно поднималось все выше, и тень закрыла скальную стену.

Вдруг Нефер почувствовал мурашки от волнения, и солдаты вокруг него задвигались и зашептались. В центре поверхности скалы, под нарисованным глазом, появилось темное влажное пятно. Оно постепенно увеличивалось, и наружу просочилась капля влаги, искрясь в солнечном свете будто крошечный драгоценный камень.

Затем она медленно потекла вниз по стене и образовала шарик в пыли внизу.

Таита повернулся и вышел из шахты. У него за спиной раздался резкий звук, похожий на треск ломающейся сухой ветки, и тонкая трещина расколола скалу сверху донизу. Вода потекла на пол, капля за каплей, все чаще и чаще. Затем раздался новый звук, будто глиняный черепок лопнул в огне, и из стены выпала каменная глыба. Из открывшегося отверстия вытекла вялая струйка желтой грязи. Затем вся поверхность скалы с ревом обрушилась, хлынула грязь и фонтан кристально-чистой воды. Она натекла по колено и устремилась вдоль шахты, вырвалась из проема и потекла вниз по склону, огибая камни и бурля.

В пыльных рядах солдат раздался крик изумления, хвалы и недоверия. Внезапно Мерен выбежал вперед и упал плашмя в мчащийся поток. Он поднялся, тряся влажными волосами, прилипшими к его лицу, сложил ладони, зачерпнул воду и выпил:

– Пресная! – закричал он. – Сладкая как мед.

Солдаты стали скидывать одежду и бросаться голыми в поток, поднимая тучи брызг, швыря друг в друга горсти грязи, уворачиваясь со смехом и крича. Нефер не мог долго сопротивляться искушению. Он позабыл всякое достоинство, прыгнул на спину Мерену и утопил его под водой.

Таита стоял на берегу потока и ласково смотрел сверху на эту суматоху. Затем он повернулся к Минтаке.

– Отринь эту мысль, – велел он.

– Какую мысль? – Она притворилась, что не понимает.

– Принцесса Египта, прыгающая в толпе грубых голых солдат, возмутительное зрелище. – Он взял ее за руку и повел вниз с холма, но она с тоской оглядывалась на веселье.

– Как вы сделали это, Таита? – спросила она. – Как заставили источник появиться? Что за волшебство это было?

– Волшебство здравого смысла и наблюдения. Вода скрывалась там на протяжении многих столетий, ожидая, чтобы мы откопали ее.

– А как же молитвы и слова власти? Они не подействовали?

– Иногда люди нуждаются в поддержке. – Он улыбнулся и коснулся кончика своего носа. – Немного волшебства – лучшая поддержка ослабленному духу.

Много месяцев после этого все были заняты рытьем канала, чтобы провести пресную воду вниз по склону холма в старые колодцы. Они теперь стали для поселения цистернами для хранения воды. Когда они переполнились, Таита осмотрел старые поля в нижнем конце долины, которые сейчас были каменистыми пустошами. Однако очертания древних

оросительных каналов все еще были видны. Их наклон был установлен старыми обитателями, и потребовалось немного усилий, чтобы очистить их русла и направить в них вытекающую воду.

Пустынная земля была плодородна; ее богатство не было вымыто сильными ливнями. Обилие солнечного света и щедрый полив привели к удивительным результатам. Они посадили семена проса, привезенные из Египта. Все египтяне по своей природе и традиции были земледельцами и садоводами и в полной мере применили свои навыки в работе с землей и растениями. Через несколько месяцев они собрали свой первый урожай дурры. Затем они посадили поля травы на корм животным, которые процветали, обеспеченные едой намного выше их действительных потребностей. Женщины присоединились к срезанию, сушке и укладке корма, и через год у них было достаточно фуража, чтобы прокормить конную войско, хотя здесь все еще испытывали недостаток в лошадях.

Почти каждый день в город приходили беглецы, осмелившиеся пересечь пустыню, чтобы бежать от тирании ложных фараонов. Они приходили поодиночке или маленькими группами, утомленные, умирающие от жажды и голода. Стражники, расставленные вдоль холмов, перехватывали их и отправляли к Хилто. Он приказывал им дать клятву верности фараону Неферу Сети, затем выдавал им питание и, в зависимости от пригодности, отправлял их в учебные отряды или отправлял на работу в поля или на восстановление полуразрушенных зданий старого города. Однако эти бродяги и найденыши не были единственными новобранцами. Когорта дезертиров с копьями из войск ложных фараонов пришла и прокричала в виду стен города хвалу Неферу Сети. Затем приехал вооруженный отряд из двадцати колесниц, управляемых первоклассными солдатами отряда Анк, с командиром по имени Тимус во главе, и с радостью присягнули фараону Неферу Сети. Тимус принес важную новость о том, что Наг и Трок наконец были готовы начать объединенное нападение на царя Вавилона и Ассирии Саргона.

За прошедшие несколько месяцев эти два фараона собрали в Аварисе экспедиционный отряд в три тысячи колесниц и сейчас почти закончили приготовления к тому, чтобы пересечь участок земли, связывающий Египет с восточными странами к северу от Большого Горького озера и озера Тимс. Сначала они послали колонну снять вавилонские заставы вдоль границы, а затем, когда дорога была свободна, отправили в телегах и повозках десятки тысяч кувшинов с водой и поместили их на складах, стратегически расположенных на пути через безводные земли. Страна за ними была плодородна и многоводна.

Они планировали пересечь этот участок земли при полной луне, используя ее свет и прохладные ночи, чтобы проехать мимо Исмаилии и по Проходу Хатмии на Беер-шебу, собирая по пути силы подчиненных им правителей.

Нефер и Таита готовились защищать Галлалу от неизбежного нападения ложных фараонов. Они знали, что их присутствие в древнем городе к настоящему времени наверняка известно повсюду в двух царствах. Они с уверенностью ожидали, что Наг и Трок сначала выступят против них, в уж потом начнут месопотамскую авантюру. Поэтому они удивились, получив отсрочку.

– Они не приняли всерьез угрозу, которую создает наше присутствие так близко к их границам, – радовался Нефер. – Если бы они напали на нас сейчас, когда мы все еще так слабы, нам бы оставалось только бежать.

– Возможно, они учитывают эту возможность в своих расчетах, – согласился Таита.

– Возможно, они намерены завоевать Месопотамию и лишить нас любой поддержки, какую мы могли бы получить на востоке. Тогда они смогут окружить нас. Думаю, они просчитались, поскольку позволяют нам копить силы в течение по меньшей мере еще одного года.

– Можем ли мы быть уверены, что это не отвлекающий маневр? – задумчиво спросил Нефер. – Возможно, восточный поход – обман? Возможно, их настоящее наступление будет направлено против нас, после того как они убаюкают нас до ощущения ложной безопасности.

– Такая возможность, конечно, есть. Трок – бык, но Наг на редкость хитер и коварен. Он может попытаться использовать такой обман.

– Нам следует держать экспедиционное войско под наблюдением, – решил Нефер. – Я отправлюсь на север с разведывательным отрядом, понаблюдать за дорогой через Исмаилию и убедиться, что они прошли там.

– Я поеду с вами, – согласился Таита.

– Нет, Маг, – возразил Нефер. – Тебе лучше всего остаться здесь, чтобы держать наготове нашу оборону и гарантировать, что если Наг приведет сюда три тысячи колесниц, народ будет готов к немедленному бегству. Есть и еще одна служба, которую я поручаю тебе... – Он заколебался. – Это забота о Минтаке. Полагаю, она может быть недовольна здесь другими женщинами и может попытаться сделать что-нибудь неблагоприятное.

Таита улыбнулся.

– Решительные действия со стороны принцессы, конечно, всегда возможны. Однако я твердо знаю, каков мой главный долг. Я поеду с вами. – И хотя Нефер спорил долго и упорно, Таита был непреклонен. В конце концов Нефер втайне ощутил облегчение, зная, что старик будет рядом с ним, как всегда.

Даже после прибытия последнего отряда в город они могли собрать только тридцать две готовых к бою колесницы и меньше сотни лошадей, способных тянуть их.

Они оставили половину колесниц под командой Шабакко, чтобы защищать Галлалу. Взяв с собой Хилто и Мерена, они выехали на шестнадцати боевых колесницах, чтобы обогнуть по восточному берегу Большое Горькое озеро и выйти на главную дорогу к северу от Исмаилии. Прошло лишь несколько дней после полнолуния, ночи были темные, но приятно прохладные, поэтому они двигались быстро и завершили поездку через неотмеченную на карте пустыню прежде, чем луна вошла во вторую четверть.

На рассвете в пятнадцатый день после отъезда из Галлалы они лежали в укрытии на холме к востоку от Исмаилии, там, откуда был виден город. Главная дорога проходила ниже их наблюдательного пункта; войско двух фараонов должно было пройти по ней. Исмаилия была пограничной египетской крепостью и естественной начальной точкой их кампании.

– Кажется, разведка удалась, – крикнул Нефер Таите. Он взобрался на один из высоких кедров на переднем склоне холма и оттуда получил прекрасный обзор на многие лиги вперед. – Город бурлит. Перед стенами крепости у коновязей стоят лошади и вырос целый город шатров. – Он прикрыл глаза рукой. – Вижу облака пыли,двигающиеся по дороге из дельты. Кажется, что все повозки и колесницы Египта – на марше.

Он кричал вниз Магу о своих наблюдениях всю остальную часть утра, пока не стало так жарко, что всякая деятельность вокруг города и на дорогах прекратилась, наступил усыпляющий полдень. Тогда он спустился и, по примеру остальной части отряда, отправился искать тень, чтобы переждать жаркие часы.

Ближе к вечеру, когда воздух охладился, они пробудились, чтобы накормить и напоить лошадей. Затем Нефер вновь поднялся на свой наблюдательный пункт.

Сразу стало очевидно, что они прибыли как раз вовремя. Дорога на восток превратилась в артерию, пульсирующую жизненной силой могущественного войска. Отряд за отрядом, по пятьдесят колесниц в каждом, выезжали из ворот Исмаилии в сопровождении крытых повозок, везущих их вещи и фураж, и устремлялись по дороге в сторону убежища Нефера и Таиты. Передовой отряд проехал так близко от того места, где на верхних ветках кедра сидел Нефер, что ему удалось разглядеть отдельных людей.

Войско текло, будто бесконечная река, сверкая бронзовым оружием, и пыль поднималась над ним густым облаком, пока чуть не закрыла солнце.

Четыре когорты составляли передовой отряд, затем следовал промежуток. Очевидно, для того чтобы пыль немного осела и царю с сопровождением было легче следовать за ним.

Дальше бок о бок ехали две колесницы, обе такие массивные, покрытые золотым листом, что каждую тянули шесть лошадей. Горькая как желчь ненависть поднялась в

Нефере, подкатив к горлу, когда он узнал возниц.

Трок держал поводья ближней к Неферу колесницы. Невозможно было не узнать эти широкие плечи и темный, с вплетенными лентами куст бороды. Голову Трока украшал золотой шлем в форме пчелиного улья, украшенный гребнем из пушистых белых перьев страуса. На плече позвякивал двойной щит, каждый лист которого был толщиной с большой палец, такой тяжелый, что говорили, будто Трок единственный во всех войсках мог держать его, как и большой боевой лук в стойке справа.

В другой большой колеснице ехал фараон Наг Киафан. Подобно его тезке кобре, он отличался большей стройностью и изяществом. На нем было нагрудное украшение из золота и драгоценных камней, сверкавших в красном солнечном свете, который проникал сквозь тучи пыли. Голову венчала синяя военная корона Египта, а на боку висел вложенный в ножны из серебра и электрума, усыпанные бирюзой и лазуритом, легендарный синий меч, снятый им с тела отца Нефера.

Странно, но хотя и не столь могучий, как Трок, Наг выглядел более грозно.

Золотые колесницы проехали и скрылись в поднятых ими тучах пыли, но Нефер по-прежнему лежал вытянувшись на главной ветке кедра, так как под ним все еще двигались фаланги войска.

Солнце скользнуло за горизонт, но света еще хватало, чтобы разглядеть следующую часть бесконечной процессии. Нефер выпрямился с вновь вспыхнувшим интересом и вниманием.

Раскачиваясь и переваливаясь по дороге, уже изрытой колеями после проехавших перед ними сотен колесниц и повозок, двигались две повозки с паланкинами, запряженные волами. Они были такими просторными, с шелковыми занавесками, украшенными золотыми звездами и розетками, что Нефер понял – ехать в них должны женщины из царского дворца. Неферу и в голову не приходило, что Трок возьмет в поход своих жен или наложниц – он слышал, что Трок получал удовольствие за счет пленных, захваченных в захваченных вражеских городах и наслаждался мальчиками и девушками в равной степени. Поэтому, если они не принадлежали Троку, это наверняка были женщины Нага. Нефер задался вопросом, не устал ли Наг от Гесерет и не взял ли других жен.

Затем занавеска второго паланкина резко отдернулась, и на пыльную дорогу спрыгнула девушка и побежала вприпрыжку рядом с волами. Хотя она заметно изменилась с тех пор, как Нефер в последний раз видел ее, он не сомневался, что этим прекрасным созданием была Мерикара, его младшая сестра. Она больше не носила детскую прическу с локонами на боку, ее волосы были подстрижены так, что доходили до плеч и заканчивались густой прямой челкой на уровне бровей. Потеря боковых локонов означала, что Мерикара увидела свою первую красную луну. Нефер ощутил острую боль оттого, что его забавная маленькая обезьянка больше уже не ребенок. Затем ему пришло в голову, что у Нага исчезло последнее препятствие к тому, чтобы взять Мерикару на супружеское ложе. Нефер слышал, что Наг – сладострастник и развратник, и мысль о том, что он надругался над его младшей сестрой, вызвала в нем такое отвращение, что он почувствовал в горле вкус гнилой рыбы.

Он ощутил непреодолимое желание поговорить с Мерикарой, узнать, счастлива ли она и не может ли он как-нибудь облегчить ее участь. Затем ему пришло в голову спасти ее и забрать в Галлалу. Он знал, что такие мысли опасны и что его товарищи попытаются отговорить его от такой пагубной затеи.

Следом за паланкином везли сундуки полевой казны ложных фараонов. Повод, который должны были понять другие! Это были повозки без украшений, выкрашенные в унылый синий цвет, но построенные прочно и с укрепленными колесами, чтобы выдерживать большой груз. Колеса с металлическими ободьями глубоко врезались в поверхность дороги. Двери в задней части кузова были обмотаны цепями и заперты на замок, а рядом шли вооруженные стражники. Это была обычная перевозка казны, без которой не выступало в поход ни одно войско. Нефер знал, что в сундуках: слитки золота в виде брусков и прутков, колец и бус. Ими платили солдатам и покупали преданность царьков и сатрапов,

подрывали союзнические связи Вавилона и Ассирии и вознаграждали шпионов и осведомителей в рядах врага.

Нефер съехал по стволу кедра на землю. Там спокойно дремал Таита, но он открыл глаза прежде, чем Нефер коснулся его руки.

– Полевая казна ложных фараонов, – прошептал Нефер ему в ухо. – Там достаточно, чтобы заплатить войску или купить трон.

В течение многих следующих ночей Нефер и Маг при лунном свете следили за колонной из тени, двигаясь параллельно повозкам, на которых везли казну, наблюдая за распорядком и поведением стражников. Они сразу поняли, что невозможно захватить повозки и увезти столько слитков так, чтобы все войско не обрушилось на них.

– Эти волы тащатся так медленно, что колесницы Нага догонят нас сразу, мы и на лигу отъехать не успеем, – с сожалением заметил Нефер.

– Нам нужно быть немного хитрее, – согласился Таита. – Единственное время, когда мы могли бы заняться сундуками, – когда они встанут лагерем на день.

– А как же стражники?

– А! – сказала Таита. – Стражники – не велико препятствие.

Каждый день, когда солнце поднималось высоко и жара делалась невыносимой, все войско устраивало привал. Паланкины с царскими женами и повозки с казной обычно вставали отдельным лагерем поодаль от главного войска. Сначала там начиналась большая суматоха: животных распрягали, кормили и поили, расставляли часовых и устанавливали шатры для царских жен. Затем разводили костры, готовили и поедали пищу, запивая пивом. После этого Гесерет, Мерикура и их служанки удалялись в свои шатры. Солдаты, которые были не на посту, ложились во временных укрытиях отдохнуть после долгой ночной езды. Постепенно вялая тишина охватывала огромное сборище людей и животных, и лагерь засыпал.

Нефер и Таита оставили свой отряд в густых зарослях терновника в долине и подползли к лагерю. Им удалось подобраться на несколько сотен шагов к часовым, и в течение часа они лежали там незамеченными, разговаривая шепотом, и старались найти способ добраться до полевой казны так, чтобы их не обнаружили часовые.

– Нельзя ли как-нибудь отвлечь их? – спросил Нефер.

– Для этого нам понадобится помощь изнутри лагеря, – ответил Таита.

– Мерикура? – быстро взглянул на него Нефер.

– Мерикура, – согласился Таита.

– Как с ней связаться? – Нефер глядел озадаченно, но Таита с улыбкой коснулся амулета Лостры, висевшего на его ожерелье, и закрыл глаза. Через некоторое время Нефер подумал, что он заснул. Старик точно знал, как привести его в бешенство.

«Его возраст наконец настиг его», – подумал он с досадой и уже почти решил потрясти и разбудить его, когда услышал в лагере голоса и поглядел туда.

Из своего шатра вышла Мерикура. Очевидно, она спала, потому что ее лицо покраснелось и на нем виднелись следы подушки. Она потянулась и зевнула. На ней была только синий льняной набедренник, складками спускавшийся ниже колен. Верхняя часть тела Мерикуры была обнажена. Нефер невольно изумился тому, как расцвели ее груди: они стали грушевидными, а соски – розовыми и выпуклыми. Мерикура спорила со стражником у входа в ее шатер, и ее голос властно повысился, так что Нефер слышал каждое слово.

– Я не могу спать и иду прогуляться. – Часовой попробовал пойти вместе с ней, но она закачала головой так, что волосы разлетелись по плечам. – Нет, я не позволю тебе сопровождать меня. Я хочу быть одна. – Часовой настаивал, и она набросилась на него: – Отойди в сторону, наглец, или я пожалуюсь мужу. – Часовой неохотно подчинился ее приказу и опустил копье. Вслед ей он с тревогой воскликнул: – Пожалуйста, великая, не ходите слишком долго и слишком далеко. Если фараон узнает, это будет стоить мне больше,

чем моя несчастная жизнь.

Мерикара, не обращая на него внимания, поднырнула под коновязи и вышла через проход в изгороди из колючего кустарника, окружавшей лагерь. Она оглянулась только раз, чтобы убедиться, что ни один часовой не видит ее. Затем, будто по договоренности, она направилась напрямик туда, где среди пустынного кустарника лежали Нефер и Таита.

Нефер видел в ее зеленых глазах волнение, а на хорошеньком личике напряженное выражение, будто она слушала музыку, звучащую только для нее.

Мерикара вздрогнула, будто пробудившаяся сомнамбула, и уставилась на него. Затем ее лицо осветилось безграничной радостью, и она прыгнула вперед, чтобы обнять брата.

– Подожди! – приказал Нефер. – Не выдай нас стражникам.

Он ощутил гордость за нее, потому что она тотчас послушно остановилась. Она всегда была умницей. Мерикара быстро поглядела вокруг, и дрожащим голосом тихо сказала:

– Я крепко спала, но вдруг проснулась и поняла, что должна пойти в пустыню. Как если бы голос в моей голове звал меня. – Она посмотрела на Таиту. – Это был ваш голос, Маг? – Затем ее взгляд вернулся к Неферу. – Дорогой брат, ты никогда не узнаешь, как я тосковала без тебя. Сначала я думала, что ты умер, и оплакивала тебя в похоронной процессии, с пеплом на голове. Смотри, вот шрамы, где я порезала руки, чтобы для тебя текла кровь.

– Я жив, Мерикара. Поверь мне, ты видишь не тень.

– Я знаю, Нефер. Весь мир теперь знает, как ты увез Минтаку из Авариса в пустыню, и в глубине души я знала, что однажды ты приедешь и за мной. – Она улыбнулась сквозь слезы радости. – Я знала, что ты приедешь.

– Да, – сказал Нефер, – мы заберем тебя с собой. Но сначала тебе нужно кое-что сделать, чтобы помочь нам.

– Все что угодно для тебя и Таиты, – с готовностью согласилась она.

Быстро и торопливо Таита объяснил, что ей следует сделать, и заставил ее повторить. Она повторила без ошибок.

– Ты – умная девушка, моя дорогая, – сказал Таита. – Именно это нам от тебя и нужно. – Он дал ей маленький сверток. – Вот порошок. Помни, достаточно того, что помещается на ногте, в каждый кувшин.

– Сначала ты называешь меня умной, а затем обращаешься со мной, будто я глупая, – фыркнула она.

– Простите меня, великая. – Таита сделал жест раскаяния.

– Не называй меня так. Мне нестерпима мысль, что я замужем за этой скользкой змеей, а сейчас, когда я знаю, что он собирается сделать со мной, она ненавистна мне вдвойне.

– Тебе не легко угодить, Мерикара. Теперь возвращайся в лагерь, не то стражники пойдут искать тебя.

Она быстро наклонилась и поцеловала Нефера в губы.

– Тогда до завтра, мой любимый брат.

* * *

В следующий полдень могучее войско Египта разбило лагерь под высоким плато, там, где заканчивались песчаная пустыня и сухие земли. Они почти закончили переход и завтра должны были удалиться в более прохладные земли, где оазисы отделял друг от друга всего день езды, где росли леса, были поля и виноградники и горные потоки текли весь год.

Когда охранники царских жен взялись устраивать дневной лагерь, они обнаружили, что молодая царица Мерикара стала капризной и властной, несколько не похожей на себя прежнюю, приятную и добрую. Она хотела, чтобы ее личный шатер поставили в стороне от шатра ее сестры, царицы Гесерет, а когда это было сделано, настояла, чтобы телеги с полевой казной войска передвинули в узкую вади в двухстах шагах от главной лагерной стоянки. Напрасно командир стражников твердил, что дно вади мягкое и песчаное и колеса тяжелых колесниц глубоко провалятся в песок.

– Да пускай хоть совсем, – сказала она. – Меня тошнит от вида этих уродливых повозок и слушания мычания волов. Уберите их с моих глаз.

Командир подумал, не обратиться ли к фараону Нагу Киафану за подтверждением этого неблагоразумного приказа его самой молодой жены. Затем он подумал, что колонна растянулась в пустыне больше чем на четыре лиги. Потребовался бы час тяжелой поездки, чтобы добраться до фараона в ее голове, и поездка назад была бы не менее трудна. День был даже еще жарче, чем предыдущие, и кроме того у него было назначено свидание с одной из рабынь Мерикары, очаровательной маленькой черной нубийкой, знающей больше штучек, чем дрессированная обезьяна. Он передвинул телеги на дно вади и для успокоения совести удвоил число стражников около них.

Добившись своего, Мерикара снова стала милой девушкой, которая всем так нравилась.

– Я так сожалею, что была груба с вами, Морам. Наверное, эта ужасная жара так действует на всех нас, – мило сказала она командиру стражников перед его солдатами. – Чтобы искупить свою вину, я пошлю Мишу принести вам пять кувшинов лучшего пива из моих личных припасов. Но прошу разделить его поровну со всеми вашими солдатами, поскольку я задала им дополнительную работу.

Миша, статная высокомерная нубийка с превосходной парой ягодич, принесла пиво в шатер Морама. Солдаты встали в очередь за своей долей, благословляя богов и царицу Мерикару и произнося тосты за ее здоровье после того, как выпивали первый глоток пенящейся жидкости.

Пиво было такого превосходного качества, что несмотря на данное Мерикаре обещание, Морам выпил больше своей доли. Едва они с нубийкой остались в шатре одни, он набросился на Мишу, которая стала визжать и притворно сопротивляться и наконец позволила ему задрать на ней одежду и обнажить ее огромные ягодицы. Они выпрыгнули из-под подола ее короткого льняного набедренника, черные и блестящие, как только что добытый антрацит, большие дрожащие шары, темные полные луны, которых не могли обхватить его растопыренные пальцы.

В порыве страсти он взобрался на нее, но, не сделав и дюжины мощных толчков, медленно упал, крепко заснув прежде, чем достиг пола. Миша смотрела на него с удивлением. Ничего подобного с ней не случалось за всю ее короткую, но беспокойную жизнь. Морам раскатисто захрапел, словно загремел далекий гром, и она вскочила, натянула набедренник, разъяренно пнула спящего и, выскочив из шатра, бросилась назад к хозяйке. Стражник у входа в шатер царицы тоже спал мертвецким сном.

– Все мужчины – свиньи, – сказала Миша на своем диком наречии и изо всех сил пнула его длинной и красивой ногой.

Нефер вел маленькую группу солдат вниз по сухому руслу реки. Они держались близко к берегу, и мягкий песок приглушал их шаги.

Четыре повозки с казной были поставлены в ряд, а их колеса соединены цепями, чтобы разбойники или грабители не могли их быстро увезти.

Восемь вооруженных солдат охраны лежали на мягком песке как мертвые в ожидании бальзамировщиков. Таита подошел к каждому из них, пощупал пульс на шее и поднял веко, чтобы посмотреть на зрачок. Наконец он кивнул Неферу и пошел к задней двери первой повозки.

Он достал из своего мешочка длинный бронзовый стержень и стал сосредоточенно работать с массивным бронзовым замком. Тот открылся, дужка со щелчком отскочила. Таита распахнул тяжелую металлическую дверь, за которой четыре маленьких ящика были прикреплены болтами к днищу повозки. Крышки сундуков с казной были запечатаны глиняной табличкой с картушем фараона Нага Киафана.

Таита лезвием кинжала снял печати и опустил их в свой мешочек, чтобы те не стали свидетельством их вторжения, когда позже двери повозок откроют. Острием кинжала он отвинтил крепления, удерживавшие крышку, и поднял ее. Сундук заполняли маленькие

кожаные мешочки. Таита взвесил один из них в руке и улыбнулся. Он открыл мешочек и увидел в нем блеск драгоценного металла, который ни с чем не спутать.

Пока он был занят этим, Нефер и Мерен вырыли в мягком песке под кузовом повозки неглубокую яму. Таита передал кожаный мешочек Неферу, и тот положил его на дно ямы. Всего Таита выбрал пятьдесят самых тяжелых кожаных мешочков из первого сундука. Затем он прикрутил крышку обратно и комком свежей влажной глины, принесенной с собой, вновь запечатал ее. При помощи гравированного рубинового кольца, которое Наг подарил ему перед тем как он покинул Фивы, Маг нанес на глиняную печать оттиск царского картуша. Затем он прошел к следующему сундуку из четырех.

– Мы берем мало, – роптал Мерен. – Оставляем больше половины для Нага и Трока.

– Жадность может нас погубить, – проворчал Таита, снимая крышку с последнего сундука. – А так они не узнают, что часть слитков пропала, пока казначей не откроет сундуки вновь и не посчитает их, а это произойдет, может быть, через несколько месяцев.

Из каждого сундука на четырех повозках они взяли по пятьдесят кожаных мешочков и закопали их в рыхлом песке на дне вади. Хотя они работали так быстро, как позволяла осторожность, солнце в западной части неба клонилось к горизонту, когда они вновь запечатали последний сундук и заперли задние дверцы последней повозки. Один из спящих стражников пошевелился, забормотал и попытался сесть. Таита подошел и осторожно положил руку ему на лоб. Солдат вздохнул и снова лег. Таита открыл ему рот, высыпал под язык щепотку белого порошка, и солдат затих.

– Нам теперь следует поспешить. Они начинают приходить в себя.

Они засыпали ряды мешочков на дне ямы под последней повозкой песком, сделали поверхность неровной и оставили на ней следы, так чтобы не было видно гладкого песка.

– Во сколько ты оцениваешь то, что мы взяли? – спросил Нефер.

– Невозможно сказать, пока не взвесим, – ответил Таита, – но, предполагаю, по меньшей мере три лакха.

– Достаточно, чтобы набрать и вооружить войско, – пробормотал Нефер, продолжая работать.

Они в последний раз быстро, но тщательно осмотрели повозки и землю вокруг них, желая удостовериться, что ничего не пропустили. Затем, оставив стражников лежать в тяжелом лекарственном сне, ушли вниз по вади.

Они вновь поднялись к подножию плато, где оставили Хилто с колесницами, и с этой удобной позиции продолжили наблюдение за местом, где зарыли похищенное золото. Они не заметили в вади никаких признаков необычной деятельности или криков. Возможно, стражники, очнувшись, чувствовали себя чересчур виноватыми, чтобы доложить о своем нарушении долга.

Когда уже смеркалось, они увидели, как воловьи упряжки тяжело потянули эти четыре повозки с песчаного дна реки и побрели за царскими паланкинами, поскольку воинство ложных фараонов возобновило ночной марш.

Еще пять дней и ночей огромное египетское войско текло мимо их укрытия. Друг за другом следовали отряды на колесницах, отряды пращников, лучников и копейщиков. Их сопровождали марширующие колонны рабов, которых намеревались использовать для тяжелого труда при строительстве укреплений и подрыве стен осажденных городов. За ними следовали ремесленники, строители колесниц и плотники, оружейники и изготовители стрел, а за ними – обитатели военных лагерей, жены, любовницы и шлюхи с их рабами, слугами и детьми. Дальше ехали торговцы с повозками, груженными товарами и всевозможными предметами роскоши для продажи солдатам, когда те разбогатеют за счет награбленной добычи.

Однако наблюдатели на холмах видели, что из всего этого множества никто не вошел в высохшую вади, где было захоронено золото, и хотя каждый день поблизости разбивали лагерь группы и отряды, никто не приблизился к вади, чтобы использовать ее в качестве уборной или как место для лагеря.

Когда последняя колесница этого могущественного воинства прокатилась мимо и поднялась по скалистому проходу Хатмия и последний отставший прохромал мимо, Нефер и Таита уверились, что недостаток слитков в повозках казны не был обнаружен войсковыми казначеями, и почти не сомневались, что никто случайно не наткнулся на тайник в русле реки.

Когда восточная дорога наконец опустела, они ночью спустились с холмов и оставили на высоком берегу вادي колесницы, запряженные лошадьми, готовыми к мгновенному бегству. Нефер и Мерен спустились на песчаное дно; в лунном свете следы повозок с казной и волами все еще были хорошо видны. Несколько раз копнув деревянной лопатой, Мерен ликующе свистнул и достал первый мешочек золота. Поднимая мешочки из ямы, они считали их, чтобы точно знать, что не пропустили ни одного. Затем, пошатываясь под их тяжестью, они перенесли мешочки на берег вادي и сложили возле ожидающих колесниц. Восемьсот кожаных мешочков, заполненных чистейшим золотом, образовали внушительную груду.

– Слишком много! Нам не увезти все это, – проговорил Нефер с сомнением.

– Вот один из естественных законов этого злого мира, – покачал головой Таита. – Золота никогда не бывает слишком много.

Легкие боевые колесницы не были предназначены для перевозок, но они загрузили их, так что оси просели и корпус закрипел. Тем не менее, они не погрузили на них и половину всего. Уговаривая лошадей и ведя их за поводья, они завели перегруженные колесницы в холмы и вернулись за следующей частью груза. Потребовалось еще две поездки, чтобы перевезти все.

Они разделили казну на пять равных частей и захоронили их в четырех отдельных тайниках на достаточном расстоянии друг от друга, очень стараясь не оставить никаких следов, чтобы, если бы один тайник был обнаружен, не потерять все. Пятую часть они погрузили на тринадцать колесниц, и Нефер отправил их под командой Хилто назад в Галлалу. Сразу по приезде в город Хилто должен был вернуться в сопровождении тяжелых крытых повозок, чтобы привезти остальное.

Нефер оставил у себя три колесницы. Их должны были вести он сам, Таита и Мерен. Два отряда разъехались, Хилто с груженными колесницами снова отправился на юг, а Нефер повел свою меньшую группу на восток, вслед за войском двух фараонов.

Нефер двигался днем, зная, что войско, за которым они следуют, отдыхает, встав лагерем, и что при дневном свете, имея обзор впереди, они вряд ли столкнутся с какими-либо неожиданностями.

Они поднялись по проходу на плато, где обнаружили обилие воды, хотя по большей части – загрязненной тысячами животных и людей, прошедших там до них. Лошади хорошо отдохнули, и они в легко груженных колесницах ехали быстро. Они проезжали мимо сотен покинутых лагерных стоянок, отмеченных кострищами и покосившимися остовами навесов, носилками и валяющимися повсюду отбросами. Там были и торопливо выкопанные могилы, потому что войско на марше всегда постоянно уменьшается. Гиены и шакалы уже разрыли часть их, вытащили из них тела и съели.

– Нам она понадобится, – сказал Нефер, сойдя с колесницы и встав над телом молодой женщины, вероятно, одной из маркитанток. Непонятно было, отчего она умерла, – стервятники почти завершили то, что начали гиены. У мертвой не было глаз и губ, и ее череп усмехался им покрытыми черной кровью зубами.

– Благие боги, – воскликнул Мерен. – Ты утратил обоняние? Она воняет до небес.

– Помогите мне завернуть ее. – Нефер не обратил внимания на его протест. Он нашел выброшенное длинное полотно, до того изорванное и грязное, что даже кочевники, рывшиеся в остающемся за войском мусоре, не нашли способа его использовать. Они вместе положили на него останки мертвой женщины и аккуратно обернули. Затем, несмотря на громко выражаемое Мереном отвращение, они привязали ее сзади к его колеснице.

Хотя с рассвета они ехали в завесе пыли, только к середине утра они догнали арьергард войска. Все экспедиционное войско уже встало лагерем на день, и дым кухонных костров отмечал места сотен отдельных лагерных стоянок на дороге впереди.

Нефер съехал с дороги, и они сделали круг, чтобы обогнуть обоз, держась вне поля зрения людей на дороге. Рассматривая местность впереди, они осторожно покатались вперед. В конце концов они догнали отряд повозок с казной и высокими паланкинами царских жен, остановившийся в роще оливковых деревьев. Было далеко за полдень, когда Нефер подполз к ним поближе и взобрался на тамаринд, откуда мог подглядывать через колючий терновник, окружавший лагерь.

Шатер царицы Мерикары стоял в стороне от шатра Гесерет, но сестры сидели рядом под льняным навесом, защищенные от солнца, и вкушали от обильных яств, принесенных от костров их девушками-служанками.

Нефер был недостаточно близко, чтобы подслушать их беседу. Гесерет сидела лицом к нему, болтая и весело смеясь, и была еще красивее, чем помнил Нефер. Даже в этих обыденных обстоятельствах она тщательно наносила косметику, предназначенную для того, чтобы сделать ее похожей на статую Хатор в Мемфисе. Она украсилась набором великолепных драгоценностей, а ее густые темные волосы были недавно уложены маслом и завиты. Миша, высокая черная девушка-рабыня с превосходным задом, наклонилась через ее плечо, чтобы вновь наполнить золотую чашу царицы. Брызнувшая капля красного вина упала на платье Гесерет. Царица вскочила и ударила Мишу по голове тяжелым веером из серебра и перьев страуса. Девушка упала на колени и закрыла голову обеими руками, но между ее пальцами выступила кровь. Мерикара попыталась остановить старшую сестру, но Гесерет обрушила на голову Миши град ударов и била до тех пор, пока крепление веера не разломилось, затем швырнула обломок в Мерикару и бросилась прочь, выкрикивая через плечо угрозы и ругательства.

Мерикара подняла девушку-рабыню и увела в свой шатер. Нефер терпеливо ждал, скрытый в верхних ветвях тамаринда. Некоторое время спустя Миша вышла из шатра с перевязанной головой. Всклипывая, она исчезла среди деревьев. Нефер не шевелился, пока Мерикара не появилась у входа в шатер.

Когда они говорили в последний раз, Нефер велел сестре быть настороже и ждать, когда он придет к ней. Теперь она внимательно осмотрелась, болтая со стражником у входа в шатер, и начала без определенной цели прохаживаться по краю лагеря. Было ясно, что она серьезно отнеслась к наставлениям Нефера и внимательно оглядывала окрестности в поисках своих спасителей. Она была единственным деятельным человеком: большинство остальных прятались от жары и солнца, и даже часовые не выказали к ней никакого интереса.

Нефер достал из мешочка маленькое полированное серебряное зеркальце, поймал солнце и послал луч света в лицо Мерикаре. Она тотчас остановилась, прикрыла рукой глаза и поглядела в его сторону. Он послал луч еще три раза – условный знак – и даже с такого расстояния увидел, что ее улыбка стала сияющей, как солнечный зайчик, пляшущий на ее красивом лице.

Мерикара лежала в качающемся и трясущемся паланкине на подушках и матрасе из лебяжьего пуха. Миша свернулась у нее в ногах, будто спящий щенок, но Мерикара не спала и была настороже. Занавески в паланкине были раздвинуты, чтобы впускать прохладный ночной воздух, и царица слышала звуки войска на марше: стук копыт, скрип и грохот повозок, мычание тягловых волов, крики погонщиков и топот стражников рядом с паланкином.

Внезапно впереди поднялась суматоха, послышались свист и щелканье кнутов, стук колес по камням, журчание и плеск воды под копытами и колесами. Затем Мерикара услышала раздраженный голос сестры:

– Эй там! Что случилось?

– Великая, мы пересекаем небольшой поток. Мне придется попросить вас спуститься,

на случай если паланкин опрокинется. Безопасность вашей божественной особы – наша главная забота.

Мерикара слышала, как Гесерет резко выражала свое недовольство этим неудобством, и использовала это время в своих интересах, чтобы прошептать Мише последние распоряжения. Затем они вышли из паланкина. Рабы с фонарями ждали Мерикару, чтобы повести к берегу реки, где уже стояла Гесерет.

– Они разбудили меня, – сказала она Мерикаре. – Я расскажу об этом чурбане-караванщике моему мужу, фараону Верхнего Египта.

– Уверена, для твоего здоровья будет полезно, если его выпорют так, что кожа слезет со спины, – с легкой иронией согласилась Мерикара. Гесерет вскинула голову и отвернулась.

В этот миг выше по течению просвистел соловей, и Мерикару взволновал этот звук. Когда они были детьми, Нефер пробовал научить ее подражать этим негромким трелям, но у нее никак не получалось. Птица пропела три раза, но только она заметила это. Другие были поглощены переправой неудобного паланкина и тяжелых повозок с казной через ненадежное русло реки. Тысячи проехавших раньше повозок разбили колесами берег у брода и превратили его в болото. Только после полуночи переправа завершилась, и под громкие крики волам: «Вперед!» и щелканье кнутов, последнюю повозку с казной вытянули на противоположный берег.

Затем караванщик приказал принести для царских жен носилки с креслами. Царицам помогли усесться, и команда рабов перенесла их. Когда они достигли противоположного берега, произошла очередная заминка и суматоха: одна из повозок с казной, потеряв колесо, преградила дорогу. В довершение этих неприятностей, рабы, которые перенесли Гесерет, допустили, чтобы вода потекла по ее ногам и намочила сандалии. Гесерет настояла, чтобы их тотчас наказали, и удары кнутов надсмотрщиков и вопли негодяев добавили шума.

Но за всем этим гамом Мерикара вновь слышала свист соловья, на этот раз близко и на этой стороне реки.

– Не подведи, – сказала она Мише.

– Моя жизнь принадлежит вам, госпожа, – ответила девушка, и Мерикара поцеловала ее.

– Ты это часто доказывала, и я никогда не забуду этого. – Она отвернулась от Миши и спокойно пошла в темноту.

Только Гесерет обратила на нее внимание.

– Куда ты, Мерикара?

– Утопить злых духов, – ответила Мерикара словами из их детства. Гесерет пожала плечами, поднялась в свой паланкин и задернула занавески.

Как только Мерикара отошла от дороги, она остановилась и сама кое-как изобразила птичий свист.

Почти сразу же крепкая рука сомкнулась на ее предплечье, и брат прошептал ей на ухо:

– Умоляю, перестань, малышка, ты распугаешь всех соловьев отсюда до Беер-шебы.

Она обернулась, обхватила руками его шею и крепко обняла, слишком взволнованная, чтобы говорить. Он осторожно разжал ее объятия, взял за руку и повел по темному берегу реки. Он шел быстро и, казалось, видел в темноте не хуже леопарда, поскольку не спотыкался и шел уверенно. Он не разговаривал, а лишь шептал предупреждения, когда впереди на тропинке была яма или препятствие. Мерикара шла с ним вслепую. Когда, как ей показалось, прошла половина ночи, Нефер остановился, чтобы дать ей отдохнуть.

– Миша знает, что делать? – спросил он.

– Она будет держать занавески в паланкине закрытыми и говорить всем, кто спросит, что я сплю и не хочу, чтобы меня тревожили. Никто не узнает, что я ушла.

– До завтрашнего привала, – сказал он. – Времени у нас ровно столько, чтобы бежать. Ты готова? Нам нужно перейти реку здесь.

Он легко поднял ее и понес, и Мерикару поразило, каким сильным он стал. Она была в его руках как кукла. Нефер поставил ее на противоположный берег, и они пошли дальше.

Через некоторое время Мерикара потянула его за руку.

– Откуда этот ужасный запах? – Она закрыла рот рукой.

– Это – ты, – сказал он. – Или, по крайней мере, та, что займет твое место.

Прежде чем он договорил, в звездном свете на тропинку перед ними вышли две темные фигуры, и Мерикара тихо охнула от испуга.

– Это всего лишь Таита и Мерен, – заверил Нефер. Они повели ее в рощицу, где их скрывала плотная завеса покрытых листвой веток, и Мерен открыл дверцу фонаря, который нес. Мерикара вновь охнула, увидев в слабом желтом свете нечто ужасное, растянувшееся на земле. Это был труп, но так страшно искалеченный, что было трудно сказать, мужчина это или женщина.

– Теперь быстрее! – сказал Нефер. – Отдай мне все свои драгоценности и одежду.

Мерикара разделась донага и все отдала Неферу. Таита дал ей небольшой узел запасной одежды – тунику, набедренник и сандалии – взамен ее собственных.

Нефер встал на колени рядом с трупом и надел на шею мертвой девушке нити ожерелий, а на кости ее пальцев и запястья кольца и браслеты. Он не мог надеть набедренник Мерикары на толстые ноги, поэтому разорвал его в клочья и выпачкал в грязи, затем уколол себе большой палец острием кинжала и накапал на тонкую ткань свежей крови. Совсем близко раздались визг и смех стаи голодных гиен.

Мерикара содрогнулась.

– Они почуяли труп.

– Они оставят достаточно свидетельств, чтобы убедить Нага: тебя съели дикие звери. – Он поднялся. – Теперь нам пора.

Колесницы ждали их чуть выше по течению. Нефер не хотел оставлять следы слишком близко к телу мертвой девушки. Втянув сестру на площадку рядом с собой, он посмотрел на восток.

– Утренняя звезда, – сказал он спокойно. – Через час будет светло. Нам следует наилучшим образом использовать оставшиеся часы темноты.

Когда в небе позади них забрезжил рассвет, подобный букету роз и мимозы, они уже были на полпути к краю плато, и впереди внизу расстилалась пустыня.

Это был столь величественный вид, что они невольно остановили лошадей и с благоговением стали смотреть на океан золотых песков. Все кроме Мерена. С видом паломника, прошедшего полмира, чтобы достигнуть храма богини, которой поклонялся, он глядел на Мерикару, стоявшую рядом с братом в ведущей колеснице. В течение долгой ночной поездки ее скрывала от него темнота, но теперь раннее солнце осветило царицу, и он рассмотрел ее. Большую часть своей жизни он знал ее как веселую, озорную младшую сестру своего лучшего друга, но сейчас увидел ее впервые после двухлетнего перерыва. Время произвело чудесные перемены. Теперь каждое сделанное Мерикарой движение, каждый жест и поворот ее головы были образцом изящества. Каждый изгиб и каждая плоскость ее лица, все изгибы и линии ее стройного тела были изящны. Ее кожа была цвета сливок и перламутра, глаза – зеленее и ярче любого изумруда, голос и смех звучали самой пленительной музыкой, какую он когда-либо слышал.

Таита заметил выражение его лица и про себя улыбнулся. «Даже в самых тяжелых обстоятельствах люди находят поводы для радости», – подумал он, но вслух сказал:

– Великий, нам не следует задерживаться здесь дольше. Лошадям нужна вода.

У подножия холмов они съехали с дороги и поехали в южном направлении, к Большому Горькому озеру. Они ехали, пока не достигли первого тайника с водяными кувшинами, который приготовили к своему возвращению, и обнаружили, что Хилто побывал там до них. По его следам они могли судить, что колесницы тяжело загружены золотыми слитками: они двигались медленно и были недалеко впереди.

Они с облегчением увидели, что Хилто не израсходовал всю воду, а оставил нетронутыми четыре кувшина. Этого им было достаточно, чтобы напоить лошадей и добраться до следующего оазиса Зиналла.

Хотя Мерикара оживленно болтала и шутила с Нефером и Таитой, она почему-то не узнала Мерена и даже не глядела в его сторону, кроме тех случаев, когда знала, что этого не заметят. Хотя совсем недавно он относился к ней с высокомерным пренебрежением, сейчас Мерен был чересчур взволнован, чтобы открыто приблизиться к ней. Ведь она была царицей, хотя и женой ложного фараона, и в его глазах почти богиней.

В сотый раз с тех пор, как они остановились, он встал перед ней, отдохавшей в скудной тени большой цветущей акации. На сей раз Мерикара подняла глаза и чуть наклонила голову. Он почтительно поклонился.

– Поздравляю вас, великая. Очень рад видеть вас в безопасности. Я ужасно беспокоился о вас.

Она долго смотрела на него, вспоминая и обдумывая, оценивая его рост и уверенный, мощный разворот плеч. Она видела, какими длинными и густыми стали его волосы, и не в первый раз за день ощутила, как в ее груди что-то странно сжимается.

– Мерен Камбизес, – сказала она серьезно, – в прошлый раз, когда я общалась с вами, вы испортили мой любимый бумажный змей. Могу ли я доверять вам сейчас?

– Даже саму вашу жизнь, – сказал он пылко.

Когда лошади были накормлены и отдохнули и пришло время снова ехать, Мерикара небрежно сказала брату:

– Твои лошади везли дополнительную тяжесть – меня – всю ночь. Я думаю, что сейчас должна облегчить их.

– Как это? – Он глядел озадаченно.

– Я поеду в другой колеснице, – и она пошла туда, где ее ждал Мерен.

На следующий день они достигли оазиса Зиналла и обнаружили там отряд Хилто. Нефер перераспределил вес людей и слитков поровну на пятнадцать колесниц, и они поехали к Галлале куда быстрее.

* * *

Минтака была на крыше храма Хатор, который она и несколько женщин и стариков делали пригодным для обитания богини, так чтобы можно было возобновить служение ей в ее присутствии. Зданию была добрая тысяча лет, сказать точно было невозможно, но многие фрески изумительно сохранились и нуждались только в небольшом подновлении. Крыша – другое дело. Однако ее опоры были целыми и такие крепкими, что огромные дыры в ней значили мало. Требовалось только убрать гнилые стропила, представлявшие смертельную опасность для молящихся внизу. Минтака следила за выполнением этой работы. Она была одета как другие женщины в простую поношенную одежду, и, подобно им, загорела до коричневого цвета. Эта жизнь невероятно отличалась от закрытого существования на женской половине дворца в Аварисе, и она упивалась своей новой свободой, дружбой и обществом новых, простых, друзей.

Она выпрямилась и расправила ноющую спину, легко удерживая равновесие на высокой стене. Затем сощурилась и поглядела на зеленые поля молодой дурры и узоры оросительных каналов, заполненных искрящейся водой из источника Таиты. Стада рогатого скота и курдючных овец паслись в загонах с сочной травой, но лошадей было очень мало. Как каждый человек в Галлале, Минтака остро ощущала их недостаток.

Затем – она делала так каждый час в течение прошедших долгих и одиноких дней с тех пор как Нефер покинул город, – она подняла глаза и окинула взглядом долину и голые, неприступные холмы, которые резко контрастировали с зелеными полями, раскинувшимися вокруг города. С той стороны приедет Нефер. Она глядела в синеву без особой надежды, поскольку в последнее время слишком часто разочаровывалась.

Внезапно она прищурилась от яркого света, и ее сердце застучало быстрее. Там что-то было, крошечное на фоне высокого необъятного неба, иллюзорное и эфирное, как перо, летящее на ветру. Возможно, пыльный смерч, один из вихрей, рожденных горячим воздухом

пустыни.

Минтака отвела взгляд и вытерла пот с густых темных бровей, давая отдых глазам. Когда она посмотрела туда снова, облако пылило ближе, и она позволила себе надеяться. В этот миг бараний рог прогудел один длинный сигнал. Дозорные на вершине холмов также увидели ее. Все прекратили работу и стали вглядываться вглубь долины. На улицах под ними раздались взволнованные крики детей, конюхи побежали к конюшням, колесничие туда, где возле рынка стояли их колесницы. Воцарилась общая радостная суматоха.

Минтака не могла больше сдерживаться. С ловкостью воришки, пойманного за кражей плодов в саду, она спустилась по лесам, оплетавшим внешнюю стену храма. Шабako повел свою колесницу через площадь, мимо памятника битве Тана, к воротам.

– Шабako! – Она побежала, чтобы перехватить его. Он отклонился в сторону, чтобы встретить ее, и, как только остановил упряжку, Минтака прыгнула на площадку позади него. Они помчались через ворота и вдоль по изрытой колеями дороге. Впереди туча пыли быстро приближалась.

– Это они, Шабako? Скажи, что это они.

– Я действительно думаю, что это они, великая, – крикнул он в шуме ветра.

– Тогда почему ты едешь так медленно? – Через подъем впереди переехала одна колесница, и Минтака вцепилась в передний щит, пытаясь разглядеть колесничего, но тот все еще был слишком далеко.

– Посмотрите, госпожа! На ней синий флаг. – Шабako указал на лоскут окрашенной ткани, трепещущий на длинном бамбуковом шесте над колесницей.

«Это Нефер! О, все восхваления богине, это он!» – Она сорвала с головы платок и замахала им, а Нефер, подстегивая упряжку, мчался вперед, как в атаку.

– Дай мне сойти! – Она била Шабako по плечу, подкрепляя свой приказ, и возница перевел лошадей на рысь. Минтака спрыгнула с двигающейся колесницы и грациозно приземлилась, не потеряв равновесия. И, широко раскинув руки, побежала навстречу приближающейся колеснице.

Едущий следом Таита подумал, что Нефер в своем рвении рискует сбить ее, но в последний миг тот отвернул в сторону и, когда колесница потеряла скорость, далеко наклонился из колесницы и дотянулся до Минтаки. Она доверчиво бросилась к нему в руки. Если бы она поколебалась или уклонилась, она могла попасть под мчащуюся галопом упряжку или под обитые металлом колеса, но он поймал ее, высоко подбросил, и она засмеялась в его руках.

Нефер приказал своему совету собраться на старой городской площади и сообщил обо всем, что им было сделано. Он подробно описал, как они доставали слитки золота из повозок с казной, и все взволнованно слушали. Затем он представил Мерикару и поведал о ее спасении из-под самого носа у Трока и Нага. Все закричали:

– Бак-хер! – и встали, чтобы приветствовать его.

Затем Нефер послал за писцами, и те взвесили золотые слитки перед членами совета. Последнее взвешивание показало, что привезли более половины лакха.

– Господа, это всего лишь пятая часть того, что мы добыли. Хилто возьмет повозки и поедет за остальным. Он выедет завтра, но ему нужно взять с собой людей.

Казалось, все здоровые мужчины в Галлале наперебой просят в поездку, и когда Шабako и наиболее умелых и опытных из его воинов не взяли, те отчаянно возражали:

– Фараон желает, чтобы мы сидели здесь, в Галлале, и спали у очагов, будто старухи? – спросил Шабako.

Нефер улыбнулся.

– У меня для вас есть более серьезная работа. А сейчас солнце почти село, и для нас приготовлен пир победы. Мы скоро снова встретимся на военном совете, клянусь, – уверил он и закрыл собрание. Они разошлись ворча, но повеселели после того, как были выставлены первые кувшины свежесваренного пива.

Нефер приказал зарезать двух волов и дюжину жирных овец, и все время после его возвращения женщины готовили праздничный пир. Были приглашены все мужчины и женщины города, и даже гарнизонам фортов и сторожевых башен на вершинах гор посылали их долю. Подобно рытью источника, завоевание золота было достижением, которое еще сильнее сплотило их сообщество.

Таита сочинил в честь этого события героическую поэму, и, как все его творческие достижения, она получила мгновенный и ошеломляющий успех. Ему не позволили сесть, когда он закончил, и все кричали и ударяли по своим чашам на столах, пока он не прочитал вновь все шестьдесят строф. К тому времени они запомнили всю эпопею, и музыканты подобрали музыку. Все присутствовавшие с удовольствием исполнили поэму в третий и заключительный раз.

Затем Нефер воззвал к своим подданным: любой, кто хочет высказаться, может встать и говорить. Некоторые речи были несвязными, но их хорошо принимали, другие – веселые или такими острыми, что большинство женщин и многие мужчины смеялись до слез. В этой эмоциональной атмосфере Мерикара наклонилась через Минтаку, чтобы поговорить с братом. Вокруг стоял такой шум, что ей пришлось повисить голос, чтобы он ее услышал.

– Царственный и божественный брат! – поддразнила она, поскольку также попробовала пива. – У меня есть к вам просьба.

– Сестрица, ты уже не маленькая, проси, чего пожелаешь, и, если это в моей власти, ты это получишь.

– Это полностью в вашей власти. – Она остановилась, посмотрела над столом на Мерена, поймала его жаждущий взгляд, потупилась и мило порозовела.

– Вы знаете, что ребенком меня выдали замуж без моего согласия и против моей воли. Тот брак не осуществился. Я хочу, чтобы вы объявили о моем разводе с Нагом. Хочу, чтобы вы освободили меня и я могла бы найти мужа по собственному выбору. Вот что было бы самым драгоценным подарком, который вы в силах мне сделать.

– Это возможно? – Нефер мгновенно протрезвел и посмотрел на Таиту. – В моей ли власти развести мужа и жену перед лицом богов?

– Вы – фараон, – отрезала Мерикара, прежде чем Таита успел ответить. – Как Трок развелся с Минтакой, так вы можете развести меня с Нагом.

– Трок развелся с Минтакой? – спросил Нефер так резко, что все, кто слышал это, затихли.

– А вы не знали? – спросила Мерикара. – Простите, что сообщила вам это столь бестактно и бездумно. Я думала, такие важные новости доходят даже сюда.

Нефер взял руку Минтаки и склонил голову, слишком взволнованный, чтобы говорить. Мерикара беспечно продолжала:

– О да! В собственный священный праздник, в собственном новом храме фараон Трок принес в жертву барана и объявил три раза: «Я развожусь с ней». – Мерикара хлопнула в ладоши. – И – бах! – ужасное дело было сделано.

Нефер притянул Минтаку чуть ближе к себе и посмотрел на Таиту. Старик знал законы лучше любого храмового писца в Египте и теперь, в ответ на немой вопрос Нефера, торжественно кивнул.

Мерикара продолжала болтать:

– Конечно, сразу после развода он принес в жертву другого барана и вынес Минтаке смертный приговор за прелюбодеяние и святотатственное оскорбление бога.

Нефер повернул голову и глубоко заглянул в глаза Минтаке. Она ответила на его взгляд, и они обдумали значение откровений Мерикары. Лицо Нефера медленно приобрело странное выражение, подобное тому, какое бывает у осужденного, услышавшего об отсрочке казни.

– Вы свободны, моя единственная истинная любовь, – сказал он. – И ваша свобода освободила меня.

На следующее утро перед рассветом, покуда большая часть города все еще спала под действием хорошего крепкого пива, Нефер пришел к Таите в его жилище в одном из старых зданий. Таита поглядел на него, оторвавшись от свитка папируса, который читал в мерцающем желтом свете масляной лампы.

– Ты занят каким-то важным делом? – спросил Нефер со странной робостью.

– Ты же видишь, – но Таита покорно начал скатывать свиток, наворачивая его на деревянную ось. Некоторое время Нефер бесцельно ходил по комнате, останавливаясь, чтобы осмотреть некоторые предметы, собранные стариком с тех пор, как они прибыли сюда, в Галлалу: сохранившееся оперение пестрых птиц, скелеты маленьких млекопитающих и рептилий, куски дерева и растения странной формы и разные бесформенные предметы в чашах, или бутылках, или мешках, сложенных грудками на скамьях и по углам. Таита терпеливо ждал, когда юноша объяснит причину своего прихода, хотя достаточно хорошо знал, какова она.

Нефер взял в руки окаменелые останки какого-то ракообразного и поднес к свету лампы.

– Минтака больше не замужем за Троком, – сказал он, не глядя на Мага.

– Может быть, я глух как пень на оба уха, но даже я услышал это.

Нефер положил на место окаменелость и взял медную статуэтку Исида, кормящей грудью младенца Гора, сидящего у нее на коленях, которую Таита выкопал из-под городской стены. Она была покрыта толстым слоем зеленой патины.

– Какие ограничения наложены на брак царя согласно уставам Хефрена? – спросил он небрежно.

Таита глубокомысленно поковырял в носу и исследовал то, что осталось на кончике его указательного пальца.

– Как любая другая невеста, его будущая жена должна быть свободна для вступления в брак: девственница или вдова, – сказал он.

– Или разведенная с мужем.

– Или разведенная с мужем по его желанию или по указу правящего фараона, – кивнул Таита. – Но прежде обожествления или женитьбы царь должен быть облечен своей верховной властью.

– Для этого фараон должен достичь совершеннолетия, которого я не достиг, или поймать свою божественную птицу, которую я пытался поймать, но неудачно, или проехать по Красной Дороге. – Нефер примолк, затем продолжил: – Чего я не сделал. Пока. – Он подчеркнул последнее слово, и Таита моргнул, но ничего не сказал.

Нефер поставил статуэтку на место и с решимостью посмотрел на Таиту.

– Я намерен проехать по Красной Дороге.

Таита молча смотрел на него.

– Ты еще не достиг полного роста и силы.

– Я достаточно вырос и достаточно силен.

– Кто с тобой поедет?

– Мерен, – сказал Нефер твердо.

– Есть другие, более сильные и опытные, от кого было бы больше толку. Будет много таких, кто с великим удовольствием захочет взять заплетенные в косу волосы фараона династии Тамоса.

– Я обещал Мерену, – упрямо повторил Нефер.

«Два большешлапых щенка, бегущие вприпрыжку, полные восторга и невежества», – подумал Таита, но сказал совсем другое:

– В Галлале нет необъезженных лошадей, по крайней мере таких, которые подошли бы для этой цели.

– Я знаю, где их найти. Наг и Трок оставили все уцелевшие табуны Египта без охраны.

Таита не потрудился указать на ошибочность этого утверждения. Ложные фараоны оставили охранять Египет больше отрядов старых солдат, чем взяли с собой в

месопотамскую авантюру, но он знал, что Нефер не склонен выслушивать доводы, противоречащие его твердому намерению.

– Если ты потерпишь неудачу, то потеряешь намного больше, чем свои волосы. Ты так осрамишься, что твое притязание на трон также может не иметь успеха.

– Я не осрамлюсь, – спокойно сказал Нефер. Таита ожидал именно такого ответа.

– Когда ты намереваешься проехать по Красной Дороге? – спросил он.

– Сначала мне нужно раздобыть лошадей.

После того как они отрыли источник и получили возможность использовать Галлалу как постоянную базу, Нефер по совету Таиты приказал устроить для города систему очистки. Человеческие отходы, навоз из загонов с рогатым скотом и лошадьми собирали на телеги и разбрасывали на полях как удобрение, в то время как все остальное вывозили на свалки в конце долины, скоро ставшие постоянным прибежищем для множества ворон и коршунов, стервятников и питающихся падалью аистов марабу с их неприлично голыми головами. С холмов спустились бабуины; сотни шакалов и бродячих собак рылись в кучах мусора.

По приказу Нефера на свалках каждый вечер ставили ловушки и на следующее утро пойманных животных увозили в клетках.

Тем временем Шабак и самых доверенных людей выслали на разведку в города и деревни нильской долины. Они пили в харчевнях и расспрашивали путешественников, которых встречали на дороге. Они разведали каждую крепость и военный лагерь и сосчитали солдат, которых видели входящими, выходящими и тренирующимися. Когда несколько недель спустя они вернулись, данные произведенной ими разведки были подробными и точными.

Они сообщили, что ложные фараоны оставили по меньшей мере половину пехоты, копейщиков, пращников и лучников, чтобы противостоять любой угрозе с тыла. Все пограничные крепости были полностью укомплектованы солдатами и охранялись, а их гарнизоны – наготове и бдительны.

– Трок взял большую часть колесниц в Месопотамию. Он оставил в Египте резерв из двух неполных отрядов. Однако все войсковые мастерские напряженно работают, продолжая строить колесницы.

– Лошади? – спросил Нефер.

– Они реквизировали в обоих царствах всех лошадей, на которых смогли наложить свои воровские лапы. Даже послали войсковых закупщиков в Ливию, чтобы скупить то, что удастся найти. Кажется, запасные части в Тане и Манаши набраны полностью. Однако большинство этих животных молодые и необученные. Побывавших в боях лошадей забрали с главным войском на восток.

– Тане, – решил Нефер. – Это намного ближе к краю пустыни, чем Манаши. – Он вспомнил, что в Тане, когда они ехали спасать Минтаку из Авариса, Таита использовал указ о реквизиции, выданный Нагом, чтобы получить свежих лошадей и колесницы от Сокко, старого товарища по оружию Хилто. Он стал вспоминать, стараясь вспомнить расположение военного лагеря и местность вокруг, но все это было давным-давно.

– Расскажи все, что можешь, о Тане. Там все еще командует Сокко?

– Мы пили пиво в местном «веселом доме» с сержантом военного лагеря. Он сказал мне, что Сокко так хорошо там поработал, что Трок провозгласил его «Лучшим из десяти тысяч».

Десять дней спустя Нефер и Таита сидели на густой зеленой траве и притворялись, что следят за стадом коз, пасущихся вокруг. Хотя земля в окрестностях военного лагеря в Тане орошалась на славу и была хороша для выпаса, местность была плоской и на ней не росли деревья. Холмов, с которых они могли бы наблюдать за лагерем, не было. Самые ближние холмы стояли на краю пустыни, в лиге на восток.

Оба, Маг и фараон, в изорванной, пыльной черной одежде кочевников. В этом облике они легко могли раствориться на местности, как пара зайцев или ворон. Время от времени

они вставали, перегоняли коз чуть ближе к военному лагерю и снова садились на корточки в характерной манере пастухов-кочевников.

Недалеко от того места, где они сидели, паслись резервные табуны лошадей, охраняемые вооруженными и одетыми на один манер пастухами.

– Мне кажется, там больше двух тысяч лошадей, – предположил Нефер.

– Вероятно, поменьше, – покачал головой Таита. – Ближе к пятнадцати сотням, и столько нам не забрать.

Они наблюдали и ждали в течение долгого, пустого дня. За оградой вдоль коновязей работали конюхи, занимающиеся обездкой молодых животных для запрягания в колесницы. Туда, где сидели Нефер и Таита, слабо доносились приказы и шелканье пастушьих кнутов. Ближе к вечеру стада лошадей погнали с полей и из загонов к длинным коновязям за крепостью. Двое издалека наблюдали, как животных привязывали и устраивали на ночлег.

На закате Нефер и Таита собрали своих коз и медленно погнали назад в пустыню. В сумерках они увидели мчащийся по дороге из Авариса небольшой отряд из четырех колесниц. Поводья головной колесницы держал грузный воин с серебряным нагрудным украшением «Лучшего из десяти тысяч». Когда он подъехал, они оба узнали его.

– Будь он проклят Сетом, – пробормотал Нефер. – Это Сокко, старый сослуживец Хилто. Что если он узнает нас?

Они наклонили головы, смиренно опустили плечи и побрели вслед за козами. Сокко съехал с дороги и направился прямо к ним.

– Вы, вонючие отбросы! – закричал он. – Сколько раз я должен говорить: держите вашу грязную больную скотину подальше от моей травы и моих лошадей? – Он наклонился и стегнул Нефера поперек спины. Кнут свистнул и ожег его тело, и яростный гнев ослепил Нефера. Однако он не успел стянуть Сокко с колесницы: Таита сделал запрещающий жест, приковавший его к месту. Этот жест, казалось, подействовал и на Сокко, потому что его голос немного смягчился, когда он, смотав кнут, сказал: – Поймаю здесь снова, отрежу яйца и засуну в зад. – Он вывел колесницу на дорогу и умчался к крепости.

Шесть ночей спустя в темноте, слабо освещенной молодой луной, они вернулись в Тане с солдатами. С ними были все воины из Галлалы, способные ехать верхом, сорок всадников в окрашенной в черный цвет одежде и с намазанными сажей лицами. Каждый всадник вез большой мешок, привязанный позади него к спине лошади. Содержимое мешков корчилось, приглушенно таякая и повизгивая, потому что в каждом из них было два или три живых шакала. Их лапы были связаны, а морды обмотаны бечевками из льняной пряжи, чтобы закрыть рты.

На копыта лошадей были надеты кожаные чулки, поэтому они ступали без звука, когда Нефер повел их колонной по одному далеко в обход западной стороны крепости, держась вне видимости от коновязей, чтобы не встревожить часовых.

Каждый солдат знал, что ему следует делать, потому что они выполняли этот маневр много раз, и отряд тускло освещенных луной темных всадников тихо продвигался между Тане и рекой. Они ехали так близко друг к другу, что по колонне можно было передать тихую команду. Нефер был в центре, Мерен на левом крыле и Шабакко справа.

Когда Нефер остался доволен занятой ими позицией, он три раза просвистал соловьем, и увидел в темноте красную линию светящихся точек, поскольку его солдаты сняли крышки с глиняных горшков с огнем, которые были у каждого, и раздули пламя. Он сделал то же самое, затем открыл горловину одного из мешков на спине своей лошади и сунул туда руку. Наружу он вытащил за загривок жирную самку. Она извивалась в его руке.

От нее исходил резкий смолистый запах, достаточно сильный, чтобы заглушить естественный запах животных. Шерсть шакалов и хвосты покрывала черная вязкая жидкость. Таита собрал это липкое вещество в известном ему одном естественном источнике в пустыне. Оно струилось из земли, и Таита сказал, что оно поднялось с большой глубины. Это вещество легко горело, но он смешал его с другим, желтым кристаллическим

порошком, сделавшим черную жидкость еще более горючей. Все пойманные шакалы были вымазаны этой смесью.

Нефер разрезал кинжалом бечевку, удерживавшую вместе четыре лапы самки. Когда шакалика почувствовала свободу, то стала лягаться и биться в его руке. Он поднес горшок с огнем к ее пушистому хвосту, и тот с треском вспыхнул дымным пламенем. Самка удвоила усилия убежать, но прежде чем освободить ее, Нефер просунул кончик кинжала между ее губами и разрезал бечевку, связывавшую ее морду. Самка широко открыла пасть и испустила ужасающий, неземной визг. Нефер бросил ее на землю, и маленькое существо бросилось прочь, оставляя за собой поток огня и искр, воя и визжа так, что даже ему стало вконец не по себе, а волосы на затылке встали дыбом. Он вытянул из мешка другого шакала. Везде вдоль колонны в темноте вспыхивали огненные шары. Они неслись через открытые поля, и ужасный отчаянный вой делал ночь страшной. Некоторые из мучающихся существ внезапно повернули назад к речной долине, но остальных инстинкт повел к их дому в пустыне, а военный лагерь в Тане был прямо у них на пути. Всей стаей они устремились к коновязям.

Как только Нефер выпустил последнего визжащего шакала, он выхватил меч и, ударив пятками лошадей, пустил ее в галоп. Он мчался вслед за горящими животными, и с обеих сторон вместе с ним скакали его солдаты. Они все вопили будто демоны, добавляя свои голоса к шуму.

Некоторые из шакалов протаскивали свои пылающие хвосты по сухому корму и подстилке для лошадей, и те тоже вспыхнули. Всю местность озарял жуткий мерцающий свет, придающий темным всадникам вид чудовищ.

Нефер видел, как первые часовые побросали оружие и побежали, крича так же громко, как горящие шакалы.

– Джинны! – вопили они.

– Спасите нас! Темные легионы Сета напали на нас!

– Адские воинства! Бегите! Бегите!

Привязанные лошади вставали на дыбы и вырывались. Когда стойка была вытянута из земли или одна из длинных коновязей сломалась под напором, двадцать лошадей сразу освободились и помчались перед цепью вопящих и гикающих наездников, ворвавшихся в лагерь.

Нефер наклонился с лошади и ударил мечом одного из бегущих стражников. Меч глубоко вошел между лопатками, и обмякшее тело соскользнуло с лезвия. Затем Нефер повернул туда, где у коновязи, сопротивляющейся их объединенным усилиям вырваться на свободу, бились несколько испуганных лошадей. Одним ударом меча он разрубил веревку и заорал, чтобы кони присоединились к охваченному паникой табуну, затем повернул к другой группе бьющихся, сбитых с толку животных и прогнал их от коновязей в открытое поле. Шабако и его солдаты ехали с ним, крича и стегая кнутами лошадей, – стремительный поток людей и животных, сжатых в единую массу и освещенных лишь пламенем горящего позади них лагеря. Последний из шакалов сгорел, и их черные тлеющие тела остались на траве позади всадников, с топотом мчащихся к холмам.

Шабако появился из тьмы и поехал рядом с Нефером.

– Клянусь потом и семенем Сета! – крикнул он. – Это было здорово! – Он обернулся и посмотрел назад. – Пока никаких признаков преследования, а жаль. Хорошая рубка сейчас стала бы славным окончанием интересного вечера.

– Обещаю вам новые развлечения, – засмеялся Нефер, – но сейчас надо остановить стадо, пока лошади не вытрясли свои кишки.

Они изо всех сил погнали своих лошадей, рассекая мчащуюся галопом массу, пока не достигли первого ряда, и поехали ей наперерез, переводя бег угнанных коней с галопа на рысь и затем на шаг, после чего повернули их в направлении пустыни и Галлалы.

Рассвет застал длинный табун лошадей в длинной скалистой долине. Лошади двигались легким, но ровным шагом за Нефером и Шабако, а сзади Мерен и его погонщики подгоняли отставших.

Нефер искоса посмотрел на первые лучи солнца и крикнул Шабакко:

– Веди их вперед. Я вернусь посмотреть, не едут ли за нами Сокко и его солдаты.

Скача назад, Нефер разглядел Мерена и трех других солдат; все они хорошо владели копьем и мечом. Он сделал им знак, и они галопом помчались к нему.

– Если за нами погоня, то стоит попробовать переубедить их.

Нефер повел их обратно по следу лошадей, и там, где скалистая долина сужалась, они с Мереном оставили трех солдат держать их лошадей, а сами поднялись на крутой усыпанный камнями склон.

К тому времени, как они достигли вершины, солнце поднялось над горизонтом, но еще не рассеяло прохладу ночи, а пыль и туманная дымка зноя еще не поднялись. Земля светилась особенным блеском рассвета в пустыне. Каждая черточка далеких скал и барханов, утесов и узловатых деревьев вырисовывалась так красиво, что захватывало дух.

– Там! – сказал Нефер. У Мерена были острые глаза, но у него еще острее.

– Десять всадников. – Мерен пытался скрыть огорчение от того, что не заметил их первым.

– Одиннадцать, – поправил Нефер, и он не стал спорить. Вместо этого он с удовольствием усмехнулся.

– Хорошая разница в сравнении с нашей пятеркой.

– Мы встретим их там. – Нефер указал в ущелье. – Там, где оно сужается. Нам не нужно, чтобы они принесли новость о нашем набеге в Аварис. Никто не должен уцелеть.

– Это подходит мне больше всего, – засмеялся Мерен.

Они ждали среди валунов, стоя возле голов своих лошадей, зажав им ноздри руками, чтобы не дать им заржать или фыркнуть и преждевременно выдать засаду. На середине проезда Нефер положил кожаный мешок, в котором ранее были пойманные шакалы. Теперь в нем лежали их накидки, в которых теперь не было нужды.

Услышав далеко в ущелье щелканье копыт о камни и скрежет разлетающегося щебня, они вскинули головы. Нефер посмотрел через открытое пространство туда, где на другой стороне ущелья прятались Мерен и один из солдат. Он поднял левую руку с растопыренными пальцами: «Тише! Быть начеку!» Отец учил его, что сигналы рукой всегда предпочтительнее команд голосом, особенно в пылу сражения, когда их могут не услышать в шуме, или в обстоятельствах, когда главное скрытность.

Теперь он слышал другие незначительные звуки, громко звучавшие в великой тишине песков: скрип снаряжения и постукивание стрел в колчанах. Нефер выглянул из-за валуна, скрывавшего его и двух из солдат. Скучная поросль хвоща скрывала очертания его головы.

Всадник появился в узком месте ущелья и остановил лошадь, увидев кожаный мешок, лежащий на дороге. Он внимательно огляделся. Остальная часть отряда собралась позади него. Нефер узнал Сокко даже в шлеме из крокодиловой кожи, и его спина зачесалась там, где кнут оставил кровавый след.

«Время ответить любезностью на любезность», – подумал он мрачно. Сокко, старый солдат, осторожный и подозрительный, не спешил. Затем он повел свою лошадь шагом вперед, другие последовала за ним. Они остановились тесной группой; все наклонялись и рассматривали мешок. Сокко пробурчал:

– Теперь осторожно! Прикройте меня сзади, – и спрыгнул с лошади. Он наклонился к мешку, и Нефер рубящим движением поднятой левой руки дал команду.

Вокруг их правых запястий были обернуты ремни для метания, расстояние до цели было небольшое. Они дружно метнули копья, и так как Хилто и Шабакко обучили их до совершенства, никто не выбрал одну и ту же цель. Пять копий прогудели, будто рассерженные пчелы, и ударили туда, где никакие доспехи не могли отразить их: три в горло и два в затылок. Пятеро солдат свалились под копыта своих испуганных коней.

Нефер и его солдаты галопом вылетели из засады, с мечами наголо, с боевым кличем: «Гор и Сети!» Оставшиеся в живых после первого убийственного полета копий невольно повернулись, чтобы встретить их, но не успели вытащить мечи из ножен, прежде чем

нападавшие врезались в них. Их лошади были обучены нападать грудь в грудь. Две из лошадей отряда Сокко потеряли равновесие и упали, сбросив наездников. Нефер выбрал самого ближнего солдата, который все еще сидел на лошади, и убил его уколом в горло. Сокко наконец выхватил меч и ткнул Нефера в живот. Нефер отбил удар, и его лошадь встала на дыбы и с силой ударила Сокко копытами, зацепив одним. Сокко сбросило с лошади, и он растянулся на песке. Прежде чем Нефер смог прикончить его, новый враг налетел на него с высоко поднятым мечом. Нефер подъехал под удар и вступил в схватку, нанося и отбивая удары. Они обменивались ударами и кричали, сражаясь на близком расстоянии.

Солдаты Сокко едва оправились от первого потрясения, когда Мерен, точно выбрав момент, яростно бросился вместе со своим солдатом в схватку. Он ударил мечом в сердце и торжествующе закричал. Затем он мгновенно выдернул клинок и убил снова, нанеся удар по шее. Его жертва осела на землю с наполовину отрезанной головой, дрожа и дергаясь всем телом.

Сокко потерял шлем и меч и отчаянно полз на коленях, пытаясь вернуть оружие. Он единственный из всех его солдат все еще был способен сопротивляться. Нефер наклонился со спины лошади и нацелился в открытое место, туда, где между лопатками крепился нагрудник из крокодиловой кожи, но в последний момент не смог заставить себя довести дело до конца. Он плавно изменил удар, повернув запястье так, чтобы серповидное лезвие развернулось плоскостью, и ударил Сокко по седому затылку. Сокко упал лицом в песок.

Нефер поглядел вокруг, желая убедиться, что Мерену не нужна помощь, и спешился – в тот миг, когда Сокко застонал, потряс головой и попробовал сесть. Нефер ударил противника пяткой в грудь, и тот повалился на спину. Тогда Нефер приставил острие меча к его горлу.

– Сдавайся, Сокко, или я пошлю новость о твоей смерти твоей матери и всей сотне стад вонючих козлов, принявших участие в твоём зачатии.

На лице Сокко ошеломление сменилось вызовом.

– Дай мне дотянуться до меча, щенок, и я научу тебя, как задира лапу, когда мочишься. – Он собирался добавить еще большее оскорбление, когда вдруг воинственное выражение исчезло из его глаз. Он запнулся и замолчал, уставившись на картуш на бедре Нефера.

– Великий, – выдохнул он. – Простите! Ударьте! Возьмите мою ничего не стоящую жизнь во искупление всех моих грубостей и глупостей. Я слышал, будто вы живы, но плакал на ваших похоронах и не мог поверить в такое чудо.

Нефер с облегчением улыбнулся. Он не хотел убивать этого обаятельного старого плута, о котором Хилто сказал, что он один из лучших объездчиков лошадей во всех египетских войсках. Хилто можно было верить.

– Ты принесешь клятву верности мне как фараону? – спросил он серьезно.

– С радостью, ибо вся земля трепещет перед вашим именем Нефер Сети, возлюбленный всех богов и свет Египта. Мое сердце бьется только для вас, моя душа будет петь о моем долге перед вами до моего смертного часа.

– Тогда, Сокко, я назначаю тебя Главой тысячи колесниц, а Таите следует опасаться за свой титул придворного поэта, ты говоришь красиво и складно.

– Позвольте поцеловать вашу ногу, фараон, – молил Сокко.

– Дай лучше руку, – сказал Нефер, сжал жесткий кулак старого воина и поднял его на ноги. – Мне жаль твоих людей. – Нефер поглядел на тела. – Если они разделяли твою преданность, то не должны были умереть.

– Они пали от руки бога, – сказал Сокко. – Нет большей чести. Кроме того, Маг Таита, может быть, спасет тех немногих, кто еще стонет и шевелится.

Три дня спустя, въезжая в Галлалу, они гнали почти четыреста лошадей, и Сокко в шлеме, высоко сидящем на бинтах, обмотанных вокруг его раненой головы, гордо ехал справа от своего нового фараона.

Сокко не только заведовал снабжением войска ложных фараонов (в ранге Лучшего из десяти тысяч), но был адептом Красной Дороги. Он мог назвать Неферу точное число боевых колесниц и крытых повозок для перевозки и сказать, где они были размещены. Он по памяти цитировал список поголовья лошадей и волов в лагерях в Дельте и последнюю опись оружия, хранящегося на оружейных складах.

– Трок и Наг взяли с собой в поход на восток почти все пригодные колесницы. В Египте, в Верхнем и Нижнем Царствах, осталось меньше пятидесяти. Военные мастерские в Аварисе, Фивах и Асуане работают день и ночь, но все колесницы, которые они выпускают, немедленно отправляются к Беер-шебе, на Месопотамию.

– Благодаря смелому удару фараона в Тане у нас появились лошади, хотя по большей части молодые и необъезженные, но мы не сможем вести кампанию без колесниц, – уныло сказал Хилто.

– Нельзя захватить то, чего не существует, а на все золото, лежащее теперь в царской казне, не купить и одного-единственного отряда на колесницах.

Пока они уезжали из Галлалы в набег за лошадьми, Хилто привез из тайников у дороги на восток остальное золото. Теперь в древних цистернах под городом Галлала хранилось более трех лакхов драгоценного металла. Он продолжил:

– Скоро Трок непременно услышит о наших успехах. И поймет, что мы стали реальной угрозой. Как только он захватит Вавилон, он отправит часть своего войска напасть на нас здесь. Даже если он пошлет всего сто колесниц, мы не сможем противостоять им в нашем нынешнем положении.

Когда все остальные высказали свое мнение, Нефер встал, чтобы обратиться к совету. Он долго молчал.

– Сокко, обучай для меня лошадей, – сказал он. – Мы с Таитой найдем колесницы.

– Это, великий, будет небольшое чудо, – уныло сказал уныло Сокко.

– Не будь таким скупым, Глава тысячи колесниц, – улыбнулся Нефер. – Как нам подтвердить твой титул при помощи небольшого чуда? Давайте верить в большое чудо.

Таита стоял на черной скале. Вокруг до горизонта тянулись песчаные барханы. От подножия скалы на него озадаченно, но с интересом, смотрели сто солдат. Слава Мага была безгранична, как пустыня, в которой они оказались. Все здесь были воинами, прибывшими в Галлалу по собственному желанию, покинув ложных фараонов, чтобы предложить свою верность Неферу Сети. Эта верность понемногу таяла, потому что они оказались без оружия и без колесниц и каждый день приходили новые слухи о том, что либо Трок, либо Наг, либо оба вместе отправились покарать дезертиров.

Фараон Нефер Сети стоял возле Мага на вершине скалы. Они были поглощены спором. Иногда один или другой принимался жестикулировать или указывал на запад, где не было видно ничего, кроме песка и только песка.

Они терпеливо ждали в дневной жар. Никто не выразил разочарования или недоверия, поскольку все трепетали перед Таитой. Когда тени между барханами полиловели, эта странная пара, молодой монарх и старый Маг, спустилась с вершины и вышла в пески. Маг бродил туда и обратно вдоль одного из барханов без какой-либо определенной цели. Время от времени он останавливался и делал длинным посохом странные, непонятные движения, затем продолжал идти, а фараон и его воины шли за ним.

Наконец в сгущающемся сумраке Маг воткнул посох в мягкий песок и начал спокойный разговор с фараоном Нефером Сети. Вдруг всех подстегнули грозные команды военачальников.

Двадцать человек побежали с выданными им инструментами для рытья. Под руководством Хилто и Мерена и под устрашающими взглядами царя и Мага они начали копать. Когда яма стала глубиной по плечо, рыхлый песок посыпался обратно почти с той же скоростью, с какой его выгребали, и пришлось удвоить усилия, чтобы продвигаться дальше. Головы копавших медленно опускались ниже уровня окружавшей их земли, пока вдруг со

дна ямы не донесся взволнованный крик. Нефер прошел вперед и встал на краю.

– Здесь что-то есть, божественно великий. – Солдат стоял на коленях на дне ямы и глядел вверх. Его лицо и тело покрывал пот, смешанный с песком.

– Дай взгляну. – Нефер спрыгнул вниз и отстранил солдата. На дне виднелась часть шкуры, все еще покрытой шерстью, но твердой, как древесина кедра.

Нефер поглядел на Таиту.

– Это лошадь! – воскликнул он.

– Какого цвета? – спросил Таита. – Вороная?

– Как ты узнал? – Нефер искренне удивился.

– На поводе есть золотой картуш фараона Трока Урука? – ответил вопросом на вопрос Таита.

– Ройте дальше! – приказал Нефер потным солдатам. – Но теперь осторожно. Не повредите.

Они работали с большой осторожностью, отгребая песок голыми руками. Постепенно показалась голова черной лошади, на лбу которой был картуш Трока, выбитый на золотом диске, как и предсказал Таита.

Они раскопали всю тушу. Животное чудесным образом сохранилось в горячем сухом песке. Бальзамировщики в Фивах едва ли смогли бы достичь того, что сотворила пустыня. Рядом лежала его пара в упряжке, другой жеребец. Нефер вспомнил, как в последний раз видел этих великолепных животных: они везли колесницу Трока под хмурыми пыльными тучами хамсина.

Тем временем стемнело, и рабочие зажгли масляные лампы и поставили их на край раскопа.

Они продолжали работу всю ночь. С мертвых лошадей сняли упряжь и подняли их на поверхность. Их высохшие туши были такими легкими, что четверо солдат легко смогли поднять их.

Затем достали упряжь. Она была в отличной сохранности, и Нефер приказал конюхам немедленно приняться за работу: смазать кожу маслом и отполировать золотые и бронзовые части.

Теперь стали откапывать саму колесницу, и копавшие ахнули, очистив от песка передний щит: он был покрыт золотым листом и мерцал в свете ламп, отбрасывая блики, слепившие им глаза. Метательные и обычные копья по-прежнему были в стойках на бортах колесницы, под рукой колесничего. Каждый вид оружия сам по себе был произведением искусства; древки копий для крепости были изготовлены из нескольких слоев дерева, а металлические наконечники были острыми, как скальпели хирурга. У стрел, сделанных Гриппой из Авариса, древки были прямые и правильные, оперение – окрашено в темно-красный, желтый и зеленый цвет, с царским картушем, вырезанным на древках.

Большой военный лук Трока по-прежнему оставался в стойке, и только тетиву требовалось заменить. Нефер согнул лук руками и задался вопросом, хватило бы ему силы, чтобы натянуть его в бою.

Когда всю колесницу откопали, под ее основание пропустили веревки и подняли повозку из раскопа. Золотой лист был откован так тонко, что добавлял не больше двух телей к весу колесницы; чтобы выдержать этот вес, основание колесницы было вырезано из твердого черного дерева, срубленного в зловещих дождевых лесах гораздо южнее границ Египта. Эта порода дерева была более упругой, чем самая лучшая бронза, но легкой и прочной. Можно было уменьшать ее толщину, чтобы уменьшить вес, не жертвуя прочностью.

Было утро, и солнце вставало над горизонтом. Нефер и Таита ходили вокруг колесницы, блестящей на свету, такой гладкой и изящной, что, казалось, она уже была в движении. Ее единственное дышло словно бы в любовной истоме ожидало прикосновения двух гордых коней. Нефер погладил золотую пластину. Она была гладкой, как кожа прекрасной женщины, и теплой под его руками.

– Она похожа на живое существо, – выдохнул он. – Я уверен, что никогда не создавали более великолепного оружия войны.

– Пятьдесят лет назад я построил колесницу для господина Тана, – фыркнул Таита и покачал головой. – Видел бы ты ее! Но она покоится вместе с ним в гробнице в далекой Эфиопии.

Нефер скрыл улыбку – старик никогда не согласится быть вторым среди лучших.

– Тогда мне придется удовольствоваться этой скверной рабочей телегой, – сказал он серьезно. – Теперь мне нужен только синий меч, украденный Нагом у отца.

За следующие недели и месяцы Таита точно определил положение других засыпанных колесниц и их снаряжения. Рабочие откапывали их и отправляли к изготовителям колесниц, которые устроили под защитой скалы мастерскую, покрыв ее крышей из пальмовых листьев. Пятьдесят мастеров и почти сто оружейников трудились в течение светового дня, не останавливаясь даже во время яростного полуденного зноя. Оружейники полировали и затачивали мечи, метательные и обычные копья. Они заново перевязали древки и насадили наконечники. Над слабым огнем выправили погнутые стрелы. Изготовители колесниц разбирали каждую колесницу, как только ее извлекали из-под песка, проверяли каждую деталь, красили и покрывали лаком основание и боковые щиты, проверяли балансировку и смазывали оси колес, чтобы они хорошо крутились. Затем заново собранные колесницы отсылали в Галлалу с грузом восстановленного оружия, чтобы оснастить войско, которое обучали Хилто, Шабако и Сокко.

Многие из колесниц были так глубоко захоронены под горячим желтым песком, что были утрачены навсегда или до тех пор, пока следующая великая буря не раскроет их, но в конце концов люди Нефера откопали сто пять колесниц. Достаточно, чтобы оснастить пять отрядов.

Когда Нефер въезжал в ворота Галлалы на царской колеснице, Мерен стоял на площадке рядом с ним.

Минтака и Мерикара стояли на крыше фронтона храма Хатор и сыпали на них лепестки олеандра, когда они проезжали внизу.

– Он такой красивый. – Голос Мерикары был хриплым от благоговения. – Такой высокий и красивый.

– Очень высокий, красивый и сильный, – согласилась Минтака. – Он будет самым великим фараоном в истории Египта.

– Я имела в виду не Нефера, – сказала Мерикара.

К этому времени между городом и Египтом образовался процветающий контрабандный путь, и в город регулярно приходили караваны из порта Сафага на восточном море. После захвата казны Трока и Нага Галлала превратилась в город, богатый золотом. Подобно гиенам, торговцы издалека учуяли аромат желтого металла и повезли в город товары со всех концов света. В настоящее время не было такой роскошной вещи или потребности, которую нельзя было бы купить в лавках города, поэтому Минтаке для пира в честь встречи удалось получить повозку самого лучшего красного вина с виноградников храма Осириса в Бусирисе, и она приберегла его на вечер того дня, когда вернулись колесничие.

По ее распоряжению мясники насадили на вертела и целиком зажарили десять волов и сотню кур и гусей. Быстро доставили с побережья, меняя, для скорости, колесницу, свежую рыбу и корзины омаров в морских водорослях. Длинноусые омары все еще были живы и пищали, когда их опускали в кипящие горшки. Охотники обыскали окрестную пустыню и вернулись с газелью, сернобыком и мясом и яйцами страуса.

Пир был радостным празднованием их достижений и маленьких побед над ложными фараонами. Вино текло рекой, когда Нефер поднялся, чтобы приветствовать гостей и объявить о том, что из-под песка откопано пять отрядов.

– С лошадьми, которых мы освободили от тирании Трока... – при этих словах раздались крики и громкий смех, – ...с оружием и колесницами, которые у нас сейчас есть,

мы сможем защититься от Трока и Нага. Вы знаете, что каждый день к синему знамени приходят новые солдаты. Скоро речь пойдет не просто о защите, а о возврате того, что было у нас украдено, о воздаянии за страшные дела этих двух чудовищ. На их руках кровь истинных и благородных царей. Они – убийцы царя Апепи, отца благородной женщины, сидящей рядом со мной, и моего родного отца, фараона Тамоса.

Гости замолчали и озадаченно смотрели друг на друга в ожидании объяснения. Затем поднялся Хилто. Нефер подготовил его, попросив задать вопрос.

– Божественно великий, простите мое невежество, поскольку я – лишь простой человек, но я не понимаю. Весь мир знает, что царь Апепи погиб по несчастной случайности, когда его барка загорелась во время стоянки на якоре в Баласфура. А вы сейчас возлагаете вину за его смерть на лжефараонов. Отчего?

– Среди нас есть свидетель истинных событий той трагической ночи. – Нефер протянул руку и помог Минтаке подняться. Присутствующие приветствовали ее, поскольку все полюбили ее за красоту и добрый нрав. Когда Нефер поднял руку, они затихли и стали внимательно слушать ее рассказ об убийстве ее отца и братьев. Она подбирала простые слова и говорила с жителями Галлалы как с друзьями и товарищами, и ей удалось разделить с ними собственный ужас и горе. Когда она закончила, они рычали, как голодные львы в клетке во время кормления.

Теперь Шабакко поднялся и задал заготовленный вопрос:

– Однако, божественный фараон, вы говорили и о смерти вашего отца, благословенной памяти царя Тамоса. Как он был убит и кем?

– Чтобы ответить на этот вопрос, мне следует призвать Мага, господина Таиту, от которого нельзя скрыть тайны, какими бы замысловатыми и ужасными они ни были.

Таита повернулся к ним и заговорил шепотом, приковавшим общее внимание. Каждое его слово доносилось до слуха даже сидевших с краю, и эти тихие слова так сильно контрастировали с ужасными событиями, о которых шла речь, что мужчины дрожали, а женщины плакали.

Наконец Таита поднял сломанную стрелу с темно-красными, зелеными и желтыми перьями.

– Вот причина смерти фараона Тамоса. Стрела с печатью Трока, но выпущенная Нагом, человеком, которого фараон любил и которому доверял как брату.

Они выкрикивали в звездное небо над Галлалой слова возмущения и требования справедливости. Таита бросил стрелу в ближайший костер, на котором жарился вол. Она не выдержала бы более близкого осмотра, поскольку это была не стрела, убившая фараона, а одна из тех, что он взял из засыпанной песком колесницы. Он сел и закрыл глаза, как будто успокаиваясь перед сном.

Нефер позволил гостям дать полный выход их чувствам, и когда они начали понемногу успокаиваться, дал знак принести еще кувшины с вином.

Оставалось сделать последнее заявление, и он подождал, пока настроение у всех не смягчилось, после чего встал снова. Все затихли и смотрели на него с ожиданием, усиленным хорошим вином из Бусириса. Ночь принесла уже множество чудес, и они задавались вопросом, что это могло быть теперь.

– Прежде чем царь поведет свои войска против врагов священной земли наших предков, он должен стать настоящим царем, истинным и подлинным. Я намерен повести вас против узурпаторов, но я еще не облечен властью фараона. Я могу пройти это посвящение, если дождусь совершеннолетия, но оно все-таки еще далеко, и я не хочу ждать так долго. Да и мои враги не окажут мне такой любезности. – Он примолк. На него смотрели с обожанием – он был так молод и, однако, высок и прям, в точности как его отец. Но вот Нефер поднял правую руку жестом, каким дается клятва.

– Перед людьми и богами объявляю: я проеду по Красной Дороге, дабы доказать, что я ваш царь.

Одни гости вздохнули и покачали головами, другие вскочили на ноги с криком:

– Нет! Фараон, мы не хотим увидеть вашу смерть!

Некоторые закричали:

– Бак-хер! Если он потерпит неудачу, то умрет храбрецом.

В ту ночь Минтака со слезами допрашивала его:

– Почему вы не сказали об этом первой мне?

– Потому что вы попытались бы остановить меня.

– Но зачем вам это?

– Этого требуют мои боги и мой долг.

– Даже если это убьет вас.

– Даже если это убьет меня.

Она долгим взглядом посмотрела в его зеленые глаза и поняла, каким твердым было его решение. Тогда она поцеловала его и сказала:

– Я горжусь, что буду женой такого человека.

Астрологи из числа жрецов Гора при помощи Мага заглянули в календари и установили, что испытание Красной Дорогой состоится в день новой луны бога. Поэтому, как заметил Таита, у Нефера оставалось мало времени, чтобы подготовиться. Он оставил все свои другие обязанности, передав даже ведение государственных дел Таите и совету, а сам все внимание направил на первую задачу, которую ему необходимо было решить. Новичок мог явиться на испытание только объездив и обучив собственную упряжку, что повезет его по Красной Дороге.

Неферу следовало выбрать лошадей из табуна, захваченного ими в Тане, и приучить их к дышлу колесницы. Ему хотелось попросить Сокко помочь с выбором лошадей для упряжки: тот не только был знаменитым конником, но и знал каждое из захваченных животных. Однако Сокко был одним из пяти воинов в Галлале, проехавших по Красной Дороге, и одним из тех, кому предстояло экзаменовать Нефера. Он не мог помогать ему готовиться к испытанию.

Был другой человек, к кому Нефер мог обратиться: знания Таиты, опыт обращения с лошадьми и в тактике езды на колесницах превосходили даже опыт Сокко. Однако Таита не был воином Красной Дороги. Физический изъян исключил его из этого братства; к этому добавлялись и религиозные соображения. Он никогда не отказался бы от Гора и других богов пантеона, чтобы обратиться к таинственному Красному Богу войны, чье имя знали только его адепты.

Они вдвоем провели первый день на склоне холма над зелеными полями, где паслись необъезженные лошади. Они сидели и смотрели на животных внизу, обсуждая тех, что попадались на глаза. Нефер указал на красивого белого жеребца, но Таита покачал головой.

– Серые смотрятся хорошо в упряжке, но я всегда остерегаюсь их. Я обнаружил, что им недостает выносливости и отваги. Давай поищем черных или гнедых, одинакового цвета.

Нефер выбрал молодую кобылу с белой звездочкой на лбу, но Таита снова покачал головой.

– Кочевники говорят, что белая отметина – след прикосновения дьявола или джинна. Я хочу, чтобы на выбранных нами животных не было белого цвета.

– Ты веришь их болтовне?

Таита пожал плечами.

– Звездочка или белый носок нарушают симметрию. Тебе следует выглядеть фараоном, когда ты будешь выезжать, и твоя упряжка должна быть достойна фараона.

Таита и Нефер оставались на склоне холма до сумерек и на следующее утро, как только достаточно рассвело, чтобы разглядеть тропинку, снова пришли туда вместе с Мереном и тремя конюхами. Они начали сортировать лошадей, выводя всех животных с изъяном на смежное поле. К полудню они уменьшили поголовье до двадцати трех животных; все они были стройные и сильные, без шрамов, пятен и без видимых неправильностей в походке. Ни на одном не было ни единого белого волоска.

Они подождали, пока лошади успокоятся, и когда те стали спокойно пастись, сели на траву и стали смотреть на них.

– Мне нравится тот черный жеребец, – сказал Нефер.

– Он хромой. У него почти наверняка треснуло левое переднее копыто.

– Он не хромает, – возразил Нефер.

– Смотри на его левое ухо. Он дергает им при каждом шаге. Вели Мерену увести его.

Чуть позже Нефер отметил черную кобылу.

– У нее красивая голова и умные глаза.

– Она слишком пуглива. Глаза скорее возбужденные, чем умные. Она испугается шума сражения. Пусть Мерен уведет ее.

– А как тот черный жеребец с длинными хвостом и гривой?

– Длинный хвост скрывает то, что сзади конь ниже на половину длины пальца.

К исходу дня на поле осталось лишь шесть лошадей. По молчаливому согласию они избегали говорить об одном из жеребцов. Слишком ясно было – его им и придется выбрать. Это было изумительное животное: не слишком высокий и не слишком тяжелый, хорошо сложенный, с сильными ногами и спиной. Длинную шею венчала благородная голова. Они смотрели на него дольше, чем на прочих.

Наконец Маг заговорил.

– Я не могу найти в нем никакого изъяна. В его глазах – искры, рожденные огнем в его сердце.

– Я назову его Крус, – решил Нефер. – Кочевники называют так огонь.

– Да, имя очень важно. Я никогда не видел хорошую лошадь с плохим именем. Как будто боги слышат. Пусть Крус будет справа. Но теперь тебе нужен второй конь.

– Другой жеребец... – начал Нефер, но Таита остановил его.

– Нет, слева нам нужна кобыла. Женское влияние, чтобы обузывать Круса и успокаивать его в пылу боя. Благородное сердце, чтобы поддержать его, когда дорога будет тяжела.

– Ты уже выбрал, не так ли? – спросил Нефер.

– Ты тоже, – кивнул Таита. – Мы оба знаем, кто это должен быть.

Их взгляды вновь обратились к кобыле, спокойно пасущейся около главного оросительного канала, чуть поодаль от Круса и остальной части табуна. Будто понимая, что говорят о ней, она подняла голову и посмотрела на них большими блестящими глазами под густыми ресницами.

– Она прекрасна, – прошептал Нефер. – Я хочу забрать ее, не накидывая веревку. – Таита промолчал, и еще через минуту Нефер решительно сказал:

– Попробую. – Он встал и крикнул Мерену. – Уведи всех с поля. Оставь только гнедую кобылу.

Когда Нефер и кобыла остались на поле одни, он отошел от изгороди и спокойно двинулся в ее сторону, шагая не прямо к ней, а под углом к ее голове. Как только она выказала первые признаки волнения, Нефер сел на корточки на зеленую траву и стал ждать. Кобыла продолжала щипать траву, но то и дело косилась на него. Нефер тихо запел песню об обезьяне, и кобыла подняла голову и снова посмотрела на него. Он вынул из мешочка на поясе лепешку из дурры и, не вставая, протянул ее лошади. Та раздула ноздри и шумно втянула воздух.

– Ну, моя дорогая.

Лошадь сделала неуверенный шаг в его сторону, остановилась и вскинула голову.

– Милая, – тихо говорил он, – моя чудная красавица.

Она медленно подошла, до отказа вытянула шею и шумно понюхала лепешку. Испуганная собственной смелостью, она отскочила и умчалась прочь галопом, сделав широкий круг по полю.

– Летит как ветер, – воскликнул Мерен.

– Дов. – Нефер произнес слово, которым кочевники называли северный ветер, мягкий

прохладный ветер зимней поры. – Дов, вот ее имя.

Показав свою женскую капризность, Дов кокетливо вернулась к нему по кругу и подошла с другой стороны. На этот раз она с готовностью приняла угощение, и, когда начала жевать, из ее рта потекла слюна. Она провела бархатистой мордой по открытой ладони Нефера в поисках крошек, и не найдя ни одной, потянулась к мешочку и толкнула его так требовательно, что опрокинула Нефера на спину. Он поднялся и достал другую лепешку.

Пока кобыла ела, он коснулся ее шеи другой рукой. Ее темная коричневато-красная шкура задрожала, показывая ее страх, но она не отпрянула. В ее ухе сидел клещ, и Нефер вытащил его, раздавил между ногтями и протянул кровавые остатки ей понюхать. Она вздрогнула от отвращения и повела глазами от такого оскорбительного запаха, но позволила осмотреть и поласкать другое ухо. Когда Нефер пошел с поля, Дов последовала за ним к ограде, будто собака, перевесила голову через перекладину и заржала ему вслед.

– Меня снедает ревность. – Минтака наблюдала за их встречах с крыши храма. – Она уже любит вас почти так же, как я.

На следующее утро Нефер пришел на поле один. Таита и Мерен наблюдали за ним с крыши храма. То, что происходило, было делом Нефера и Дов, и никому не следовало вмешиваться.

Нефер свистнул, подойдя к ограде, и Дов вскинула голову и галопом поскакала через поле, ему навстречу. Она подскакала к нему и сразу толкнула мордой принесенный им мешочек.

– Ты – типичная женщина, – побранил ее Нефер. – Интересуешься только подарками, которые я приношу тебе.

Она ела лепешку, а он поглаживал ее, пока наконец не обнял одной рукой за шею. Затем он повел Дов вдоль ограды и обратно, и она опиралась на его плечо. Он скормил ей еще одну лепешку, и когда лошадь наслаждалась ей, попятился вдоль ее левого бока, поглаживая ее и рассказывая, какая она красивая. Затем одним плавным движением он подпрыгнул и сел ей на спину. Она шарахнулась под ним, и он приготовился к ее первому сильному прыжку, но Дов не двигалась с места, дрожа, чуть расставив ноги. Затем она повернула голову и посмотрела на Нефера с таким смешным удивлением, что он не удержался и захохотал:

– Все в порядке, моя дорогая. Это то, для чего ты рождена.

Она топнула передним копытом и фыркнула.

– Ну, ну, – сказал он. – Разве ты не попробуешь сбросить меня? Давай сразу решим это. – Она потянулась назад и понюхала палец его ноги, будто никак не могла поверить, что Нефер так ужасно покусился на ее достоинство. Она задрожала и опять топнула копытом, но осталась на месте.

– Ну, поехали! – сказал Нефер. – Давай попробуем легкий галоп. – Он коснулся пятками ее боков, и Дов вздрогнула от неожиданности, но затем пошла вперед. Они спокойно прошли вдоль ограды, и он снова тронул ее пятками. Она пустилась трусцой, затем перешла на спокойный легкий галоп. Мерен радостно кричал на крыше храма, а мужчины и женщины, работавшие в полях, разогнули спины и с интересом наблюдали за происходящим.

– Теперь давай посмотрим, что ты действительно умеешь. – Нефер легко хлопнул ее по шее и подстегнул толчком бедер. Она увеличила шаг и будто поплыла над землей, как легкий ветер, в честь которого ее назвали; изящные копыта, казалось, едва касались земли. Дов бежала так быстро, что ветер жег ему глаза, и слезы струились по вискам, увлажняя густые локоны.

Они мчались и мчались вокруг загона, а на крыше храма хлопала в ладоши и кричала от удивления Минтака.

Рядом с ней сдержанно улыбнулся Таита.

– Царская пара, – сказал он. – Их трудно будет догнать на Красной Дороге.

Весь город услышал о любви, мгновенно вспыхнувшей между фараоном и его кобылой. Теперь по всей Галлале быстро распространилась весть, что Нефер собирается заарканить Круса. Все конюхи знали, что жеребец – с норовом. Их волновала грядущая первая попытка Нефера объездить его. Никто не вышел на поля в то утро, и вся работа в мастерских по изготовлению колесниц и на стройках остановилась. Даже отрядам новобранцев дали отпуск на день, чтобы посмотреть на эту попытку. Поэтому вспыхнули жесткие споры из-за лучших мест на городских стенах и крышах, откуда можно было смотреть на поле ниже источника Гора.

Нефер и Мерен вышли через ворота под иронические приветствия и непристойные советы, выкрикиваемые со стен шутниками из толпы. Крус был в центре табуна. Он выделялся среди других животных совершенной головой и тем, что был выше на целую ладонь. Все лошади ощутили настроение зрителей и были пугливыми и возбужденными, когда двое мужчин остановились у ворот и повесили на изгородь свернутые льняные веревки.

- Попробую сначала подойти к нему с лепешкой, – сказал Нефер, и Мерен засмеялся.
- Посмотри на его глаза. Думаю, он сначала съест тебя, а потом лепешку.
- Однако я попытаюсь. Жди здесь.

Нефер зашел в ворота и стал медленно подходить, как делал это с Дов. Крису не понравилось это внимание. Он выгнул длинную шею и завращал глазами. Нефер остановился и дал ему успокоиться, так что жеребец снова принялся пастись. Нефер достал из своего мешочка лепешку из дурры и протянул коню, но когда двинулся вперед, Крус вскинул голову, лягнул задними копытами воздух и понесся галопом вдоль изгороди. Нефер с сожалением усмехнулся.

- Так он принимает на мои подарки. С ним будет не легко.
- Посмотри, как бежит, – воскликнул Мерен. – Милосердный Гор, если Дов – северный ветер, то этот – хамсин.

Крус бежал сейчас вместе с другими лошадьми, ведя их. Нефер и Мерен вошли на поле вместе и вдвоем осторожно согнали табун в угол изгороди из тяжелых жердей. Там лошади нервно кружились в пыли, когда они подошли. Затем они рванулись в другую сторону, помчавшись галопом обратно к верхнему концу поля, прежде чем Нефер смог преградить им путь. Еще два раза Крус выводил лошадей из западни, но затем Нефер послал Мерена, отсесть его от табуна на дальнем конце поля, и Крус сделал первую ошибку. Он с топотом вернулся к Неферу.

Нефер размахивал петлей на конце длинной льняной веревки, которую нес смотанной на плече, и ждал, когда жеребец пробежит по узкому промежутку между ним и деревянными перекладинами забора. Выжидая, Нефер поднял петлю в воздух, вращая ее над головой, и, когда Крус галопом промчался мимо, вытянув шею, бросил петлю. Та аккуратно упала ему на голову и опустилась со плеч. Витки веревки один за другим соскакивали с плеча Нефера – Крус уносился прочь. Нефер крепче уперся в землю ногами, расставив их шире, и отклонился назад. Конец веревки был полдюжины раз обмотан вокруг его запястья.

Веревка, на которой бежал жеребец, сильно дернулась, Нефера сбило с ног и потащило на животе. Жеребец почувствовал хват веревки и натяжение, запаниковал и понесся. Он тащил за собой Нефера, который подскакивал и крутился на другом конце веревки, будто волокуша.

Толпы людей на крышах и стенах взорвались истеричной радостью и приветствиями. Минтака закусила пальцы, чтобы не закричать, а Мериара закрыла глаза рукой и отвернулась.

- Не могу смотреть на это! – воскликнула она.

Жеребец достиг изгороди в конце поля и помчался вдоль нее. На миг натяжение веревки ослабло, и Нефер воспользовался этим, чтобы перекатиться на ноги. Его живот и ноги были исцарапаны и покрыты зелеными пятнами от травы, но веревка крепко держалась вокруг запястья. Она снова сильно дернулась, и его сильно рвануло вперед, но он устоял на

ногах. Используя силу тяги, он устремился вслед за Крусом размашистыми шагами, держась за веревку.

Сделав круг по полю, Крус замедлил бег, и Нефер закрепил свое достижение, глубоко втыкая в землю пятки окованных бронзой сандалий. Затем, когда они затормозили, он резко потянул конец веревки, застав жеребца врасплох. При изменении направления тяги жеребец споткнулся, а как только он выправился, Нефер снова дернул веревку. Жеребец проволоком Нефера по земле еще дважды, но всякий раз тому удавалось вновь подняться на ноги и заставлять жеребца считаться с ним.

Тем временем Мерен открыл ворота и вывел остальную часть табуна на смежное поле, после чего закрыл ворота, предоставив человеку и лошади пустое поле для единоборства.

Нефер для опоры втыкал в землю пятки и поворачивал голову жеребца к изгороди, вынуждая его сопротивляться тяге или врезаться в тяжелые жерди. Он выбрал слабину веревки и бросился вперед. Прежде чем Крус смог оправиться, Нефер намотал три витка веревки на тяжелый угловой столб изгороди и остановил жеребца. Крус вставал на дыбы и метался, трясая головой и кося глазами, пока не показались белки.

– Теперь попался, – выдохнул Нефер и стал, перебирая руками веревку, продвигаться к коню. Крус встал на дыбы и дернул веревку, пронзительно заржав.

– Тише, тише. Ты хочешь убить нас обоих?

Крус снова встал на дыбы и поднял в воздух Нефера. Затем он опустился, и они встали друг против друга. Жеребец сильно дрожал, по его спине и плечам тек пот. Неферу было не лучше: его грудь и живот покрывали царапины и порезы от травы, из которых сочились кровь и бледная лимфа. По его телу тоже струился пот, а лицо было перекошено от усилия удержать жеребца.

Они оба отдохнули, и Нефер снова начал медленно подбираться к Крусу, сматывая веревку. Он добрался до головы жеребца и закинул руку ему за шею. Крус снова встал на дыбы и высоко поднял Нефера, но тот держался крепко. Снова и снова Крус пытался вырваться, но Нефер не отставал.

Наконец жеребец встал дрожа, и прежде чем он мог оправиться, Нефер набросил на его заднюю ногу веревочную петлю и крепко затянул. Когда Крус снова хотел побежать, его нос почти коснулся его правого бока. Жеребец мог поворачиваться только в узком круге. Нефер завязал на веревке узлы, так чтобы они не соскользнули и не удушили Круса, и пошатываясь отошел назад.

Он так устал, что едва держался на ногах. Крус попробовал побежать, но смог только следом за своим носом пройти еще один узкий круг. Он бежал и бежал по кругу в правую сторону, все медленнее и медленнее, пока наконец беспомощно не остановился в замешательстве, с носом, повернутым к задним ногам.

Нефер оставил его и, весь избитый, поплелся к воротам.

На следующее утро, когда Нефер вышел из ворот и направился к полю, крыши и стены снова были запружены мужчинами и женщинами. Фараон старался не хромать. Благодаря бальзамам и мазям, которые смешал Таита и нанесла Минтака, его раны к вечеру запеклись. Крус стоял в том же положении, в каком Нефер оставил его накануне вечером, нос к хвосту.

Войдя через ворота на поле, Нефер тихо запел. Крус не шелохнулся, но плотно прижал уши и злобно ощерил зубы.

Нефер медленно пошел вокруг него, напевая и тихо разговаривая с ним, и Крус заволновался и попробовал убежать, но был вынужден продолжать двигаться по кругу. Нефер схватил накиннутую на шею жеребца веревку, и осторожно завязал на ней узлы так, чтобы их можно было одним движением развязать и сбросить веревку.

Затем он спокойно перешел к левому боку Круса, где жеребец его не видел. Нефер гладил его спину и продолжал говорить, собираясь с духом. Затем одним легким движением подпрыгнул и сел на спину Крусу. Жеребец вздрогнул всем телом и замер от страха и оскорбления. Он хотел бежать, но его голову что-то удерживало внизу. Он с трудом сделал

еще один круг и попытался встать на дыбы, но веревка сильно сдавила ему шею. Он снова остановился, но его уши были прижаты.

Нефер дернул за веревку, развязывая скользящие узлы – сначала тот, что удерживал заднюю ногу Круса, затем петлю вокруг его шеи. Вербка упала, и Крус поднял голову и выгнул шею. В следующий миг ничего не произошло. Затем жеребец понял, что свободен. Будто чайка, бросающаяся в полет, Крус, казалось, взмыл в воздух на четырех выпрямленных ногах, коснувшись носом передних копыт. Он опускался вниз и снова подпрыгивал, крутясь на месте, бросаясь из стороны в сторону. Нефер держался на его спине, будто врос в нее. Крус начал брыкаться, злобно лягая воздух задними ногами. Во время этих неистовых скачков он перебежал с одного края поля на другой.

Затем он высоко поднялся на «свечку» и упал на спину с глухим ударом, ясно донесшимся до зрителей на стенах, стараясь раздавить своего всадника между собой и землей.

Минтака вскрикнула, ожидая услышать треск ломающихся костей, но Нефер вскочил невредимый, приземлившись будто кот, и присел рядом с жеребцом. Крус лежал на спине и бил ногами в воздухе.

– Только умная и воинственная лошадь может попытаться вот так убить человека, – хладнокровно заметил Таита.

Потерпев поражение, Крус поднялся на передние ноги, но прежде чем он смог снова встать на все четыре копыта, Нефер прыгнул ему на спину. Жеребец замер под ним, дрожа и трясая головой, затем бросился в яростный галоп. Он мчался через поле огромными скачками прямо к изгороди. Нефер лежал, прижавшись к его шее, и кричал ему:

– Да! Так быстро, как ты хочешь!

Крус летел к высокой изгороди не останавливаясь, и Нефер переместил свой вес, чтобы помочь ему. Они вместе поднялись на огромной волне силы и, перелетев точно над верхним брусом, приземлились, не потеряв равновесия.

Нефер смеялся от радости и подгонял жеребца толчками бедер.

– Вперед! Давай посмотрим, насколько ты хорош.

Крус помчался вверх по склону голых холмов, будто дикий сернобык, и исчез за горизонтом, направляясь в пустыню. Приветствия и гвалт на городских стенах замерли, и наступила глубокая тишина.

– Нам следует послать кого-нибудь за ними, – воскликнула Минтака в тишине. – Он может сбросить Нефера. Возможно, он лежит там, в пустыне, со сломанной спиной.

Таита покачал головой.

– Сейчас это дело их двоих. Никто не должен вмешиваться.

Они ждали на стенах и крышах домов, а солнце тем временем достигло зенита и начало опускаться к горизонту, но никто не покидал своих мест – они не могли пропустить кульминацию этого поединка силы и выдержки человека и животного.

– Они убили друг друга, – волновалась Минтака. – Эта лошадь – чудовище. Если она поранила Нефера, я уничтожу ее, – клялась она неистово.

Медленно, как капает мед, прошел еще час и по гребню стены пробежало движение. Люди, вскочив, смотрели на гребень холмов, и приглушенный шум голосов медленно перерос в возбужденный хор криков и смеха.

На горизонте появилась жалкая пара. Жеребец шел, повесив голову, его шкура потемнела от пота и была покрыта высохшей на ней солью. Его чрезвычайная усталость сквозила в каждом его медленном шаге. На его спине устало согнулся Нефер, и когда Крус пошел вниз по склону, все увидели, как сильно побито и покрыто синяками тело фараона.

Крус достиг подножия холмов. Он слишком устал, чтобы снова перескочить через забор, и покорно шел по пыльной дороге к городским воротам.

Минтака закричала:

– Бак-хер! Отлично, великий!

И ее крик немедленно был подхвачен и полетел от человека к человеку, пока не

отразился эхом от холмов над источником Осириса.

– Бак-хер! Бак-хер!

Нефер выпрямился на спине жеребца и высоко поднял кулак в победоносном приветствии. Радостные клики удвоились.

Под стенами он показал свою власть, заставив Круса сделать несколько поворотов, сначала в одну, затем в другую сторону. Затем он остановил его, хлопнув рукой по холке, и поднял на дыбы. Его приказы были почти незаметны: легкое нажатие коленей, или палец ноги, упревший под переднее колено Круса, или малозаметный перенос веса, – но лошадь отвечала покорно.

– Я боялся, что он сломит дух жеребца, – сказал Таита Минтаке, – но Крус – из тех редких существ, что нуждаются в суровом обращении, а не в доброте. Нефер должен был установить свою власть, и, Гор свидетель, я никогда не видел, чтобы это делалось так быстро и бесспорно.

Нефер въехал в городские ворота и помахал Минтаке, затем поехал по длинной улице к коновязям. Он привязал Круса и протянул ему кожаное ведро, чтобы напоить. Как только жеребец утолил жажду, фараон горячей водой смыл с него пыль и засохший пот и отвел в конюшню, чтобы конь мог покататься в песке. Он наполнил его торбу раздробленным просом, подслащенным медом, и, пока Крус жадно ел, вытер его, рассказывая, каким тот был храбрым, как они поскачут вместе по Красной Дороге, а Крус двигал ушами, слушая его.

Когда солнце село, Нефер толстым слоем расстелил на полу конюшни солому. Крус понюхал ее, набрал полный рот, пожевал, а затем устало опустился и растянулся на боку. Нефер лег на солому рядом и положил голову на шею Крусу. Они заснули вместе, и Минтака той ночью лежала одна.

На следующий день Нефер познакомил Круса с Дов. Лошади осторожно закружились друг перед другом, понюхали друг друга рты и закружились вновь. Когда Крус сунулся носом под хвост Дов, та притворилась оскорбленной и лягнула его задними ногами, а затем кокетливо убежала, и Крус поскакал вслед за ней. Нефер позволил им пастись вместе остаток дня, а на следующее утро показал им колесницу, не великолепную царскую, а более старую, обшарпанную. Он позволил им обнюхать дышло, гладко отполированное боками многих других лошадей. Когда обе лошади потеряли интерес к такому обычному предмету, Мерен увел Круса, а Нефер провел Дов через следующий этап.

Поглаживая и лаская лошадь, он осторожно поместил упряжь на ее плечи и закрепил ремни. Она сильно волновалась, но позволила ему надеть на себя эти непривычные узы. Он взобрался ей на спину и проехал два круга по полю. Когда он вернулся, Мерен уже приготовил дышло. Оно не было присоединено к колеснице, хотя имело кольцевое крепление на конце. Нефер нацепил на нее упряжь, и Дов нервно завращала глазами, почувствовав груз, повисший сбоку. Она повернула голову, чтобы осмотреть дышло, и как только удовлетворила свое любопытство, Нефер взял ее под уздцы и повел вперед.

Дов фыркала и раздражалась, поскольку дышло следовало за ней, но Нефер успокоил ее. После того как они сделали несколько кругов по полю, она больше не кидалась в стороны. Теперь предстоял решающий шаг. Нефер позаимствовал у Хилто спокойную старую кобылу и поставил ее в упряжке справа. Она стояла спокойно. Он запряг Дов слева. Спокойствие старой кобылы передалось Дов, и она стояла смирно. Нефер надел на них торбы и покормил раздробленной дуррой. Когда кобыла насытилась и успокоилась, он обмотал задние ноги Дов льняными полосами, чтобы она не навредила себе, если бы, почувствовав позади полный вес колесницы, начала лягаться.

Ему не стоило волноваться. Он взял Дов под уздцы и повел вперед, и она легко пошла рядом со старой кобылой. Нефер коснулся ее плеча, и она, точно опытная тяговая лошадь, наклонилась в упряжи и приняла свою долю тяжести. Нефер бросился бежать, и Дов побежала рысью рядом с ним. Он вскочил в колесницу, взял поводья и провел упряжку через ряд поворотов. Каждый следующий был круче предыдущего, и хотя Дов прежде никогда не

чувствовала поводьев, она преданно подражала своей партнерше справа. К концу первого дня она узнавала команды и немедленно выполняла их, не дожидаясь, пока старая кобыла покажет ей, что делать. В течение следующих пяти дней он управлял этими двумя кобылами, и Дов быстро училась.

Пришло время провести Круса через то же самое. Прошло три дня, прежде чем он прекратил убегать, едва почувствует тяжесть дышла. Нефер почти разочаровался в нем, но Таита настоял на продолжении занятий.

– Дай ему сейчас свое терпение, и после он вознаградит тебя тысячу раз, – советовал он. – У него есть ум и сердце. Ты никогда не найдешь ему замену.

В конце концов Крус покорился жерди, скользившей вслед за ним и, к его тревоге, повторявшей каждое его движение. Нефер наконец смог поставить его в упряжку с Дов. Она повернула голову и коснулась носом его шеи, будто мать беспокойного ребенка. Крус успокоился и съел свою порцию дурры. Когда Нефер повел их вперед, жеребец попробовал поворачивать в стороны и лягаться, но Нефер крепко шлепнул его по ляжке. Он выправился и пошел рядом с Дов, но не хотел тянуть. Еще шлепок, и Крус натянул постромки и принял положенную ему по справедливости долю тяги. Это ощущение, должно быть, понравилось ему, потому что вскоре он тянул с охотой. Единственная трудность состояла в том, чтобы заставить его остановиться.

Мерен распахнул ворота загона и вскочил на колесницу, когда она проезжала мимо. Они выехали на торговую дорогу и в облаке красной пыли помчались в холмы.

Той же дорогой они в течение следующих месяцев каждый день отправлялись на рассвете. Каждый вечер, когда они возвращались в Галлалу, лошади бежали быстрее и правильнее, плечом к плечу, будто единое животное с двух головами и восемью ногами. Два молодых воина на площадке колесницы становились все более крепкими и более выносливыми и загорели до черноты под солнцем пустыни.

Минтака узнала, как надлежит себя чувствовать вдове.

В городе-крепости Галлале было всего пять воинов Красной Дороги: Хилто, Шабакко, Сокко, Тимус и Торан. Многие другие пробовали проехать по ней, но при попытке потеряли свои косы.

Хилто и Шабакко были адептами третьей и самой высокой ступени ордена, поклонниками безымянного бога, Быка Небес, шумерского бога войны. Только его адепты знали его истинное имя; от всех остальных оно было скрыто именем «Красный Бог». У него не было ни храмов, ни святилищ, посвященных ему. Он появлялся, когда двое или более его адептов называли его имя на любом поле, где в сражении погибли люди. Таким местом была и Галлала, поскольку здесь господин Тан победил врагов Египта и сложил их отрубленные головы на городской площади.

Тайные катакомбы пронизывали известняк под центральной площадью, что делало их самым подходящим храмом для поклонения безымянному богу.

После полуночи, когда весь город спал, Хилто повел вниз по узкому туннелю, что был входом в катакомбы, превосходного белого вола и принес его в жертву на каменном алтаре, построенном в темной глубине главной цистерны. В дрожащем свете факела кровь хлынула струей и растеклась лужей по мощеному полу. Затем пять воинов ордена погрузили мечи в кровь и стали молить тайного бога благословить их обсуждение, упрашивая помочь им выбрать мудрое решение. Затем они стали обсуждать испытание, которое будет определено для фараона Нефера Сети и его спутника.

– Для фараона не должно делать никаких уступок. Пусть его испытание будет столь же безжалостным, сколь для любого другого новичка, – сказал Хилто.

– Поступить иначе значило бы нанести обиду могущественному и воинственному. – Даже в этом избранном обществе он не решался называть истинное имя бога.

– Это бы уязвило тех воинов, что проехали по Красной Дороге до Нефера Сети, – согласился Шабакко.

Их тайное совещание продолжалось почти до утра. Завернувшись в шерстяные накидки, у входа в туннель, ведущий в катакомбы, ждали два новичка. Они говорили мало, поскольку отлично сознавали, что в темной пещере под тем местом, где они сидели, решались самые их судьбы этими пятью воинами. Лучи рассвета еще не смыли с восточного горизонта булавочный укол утренней звезды, когда прибыл Шабакко, чтобы вызвать их на тайный совет.

Они последовали за ним по выстланному камнем туннелю. Факел, который нес их провожатый, освещал ниши, в которых лежали раскрашенные ящики с мумиями мужчин и женщин, умерших пятьсот или более лет тому назад. Воздух был сухой и прохладный. Пахло землей и грибами, гниением и древностью. Их шаги зловеще отзывались эхом, и в воздухе слышался тихий шепот, возможно голоса мертвых, или шелест крыльев летучих мышей.

Затем они услышали запах свежей крови, хлюпающей под ногами, когда прошли мимо тела жертвенного вола. В скобы на стенах гулкой пещеры, где их ждали воины, были вставлены факелы.

– Кто приближается к тайнам? – воскликнул голос Хилто, но его лицо было скрыто в складках накидки.

– Я – Нефер Сети.

– И я – Мерен Камбизес.

– Вы желаете проехать по Красной Дороге?

– Да.

– Вы оба настоящие мужчины, телом и духом?

– Да.

– Вы убили первого человека в справедливом бою?

– Да.

– Есть ли воин, что поручится за тебя, Нефер Сети?

– Я поручитель, – ответил за него Шабакко.

– Есть ли воин, что поручится за тебя, Мерен Камбизес?

– Я поручитель, – ответил Сокко.

Когда с ответами на вопросы было покончено, Нефера и Мерена посвятили в первую ступень ордена.

– Кровью Быка и огнем его мощи вы приняты богом как новопосвященные. Вы еще не имеете права ни сидеть на тайном совещании вместе с посвященными воинами второй и третьей ступени, ни поклоняться Красному Богу, ни даже узнать его скрытое имя. Вам принадлежит лишь право попытки проехать по той дороге, что бог изберет для вас. Зная, что это может грозить гибелью, принимаете ли вы вызов?

– Да.

– Тогда знайте, что на дороге есть пять стадий, и первая из них...

Каждый из посвященных воинов говорил в свою очередь, объясняя, с каким испытанием столкнутся Нефер и Мерен, и излагая правила, которых им следует придерживаться. Эти пять стадий назывались копье, борец, лук, колесница и меч. Новички ощутили, что их дух поколебался.

Под конец снова заговорил Хилто.

– Вы услышали, что предопределил бог. Вы тверды в своем решении?

– Да. – Их голоса, противоестественно громкие, дрожали от напускной храбрости, потому что теперь они полностью осознали, что их ждет.

– Тогда отныне возврата нет, – сказал Хилто.

– Колесница – главная дисциплина, – сказал Таита.

– Помните, что это гонка. Вас будут преследовать десять колесниц. Скорость – это все. Научитесь выжимать лучшее из своей упряжки.

Они работали без усталости. К тому времени, как новая луна Осириса стала бронзовой скобкой на горизонте, Дов и Крус знали все, чему Нефер и Мерен могли научить их. Они

бежали как одна лошадь, одинаковым шагом, чувствуя равновесие и устойчивость колесницы позади них, используя свои вес и силу, чтобы успешно проходить самые крутые повороты, обрывая галоп резкой остановкой, тормозя на дистанции в длину своего корпуса, немедленно откликаясь на самые тонкие команды.

Минтака в собственной колеснице привезла Мерикару в пустыню, чтобы наблюдать за их упражнениями. В полдень, когда они остановились напоить лошадей и дать им отдохнуть, Минтака непроизвольно крикнула:

– Это совершенство! Вы больше ничему не можете их научить. Им нечему больше учиться.

Нефер напился воды из кувшина, вытер рот тыльной стороной руки и взглянул на гребень черных каменистых холмов.

– Есть человек, который не согласился бы с вами.

Девушки прикрыли глаза ладонями и проследили за его пристальным взглядом. И увидели там фигуру такую неподвижную, что она казалась частью скалы.

– Таита. Долго он наблюдал?

– Иногда мне кажется, что он там всегда.

– Есть ли что-нибудь еще, что он может показать вам? – спросила Минтака. – Если есть, то почему он еще не сделал этого?

– Ждет, чтобы я попросил, – сказал Нефер.

– Идите к нему сейчас же, – приказала Минтака. – Если вы не сделаете этого, то пойду я.

Нефер поднялся на холм и сел рядом с Таитой. Некоторое время они молчали, затем Нефер сказал:

– Ты снова нужен мне, отец.

Таита ответил не сразу, только моргнул будто сова, которую встающее солнце застало вне ее гнезда. У него никогда не было сына, и никогда еще никто не называл его отцом.

– Ты можешь помочь. Что еще мне нужно сделать?

После долгой паузы Таита тихо заговорил.

– Крус чует, когда ты собираешься бросить копье или пустить стрелу. В этот миг он высоко поднимает ноги и бьет передней правой. Дов чувствует это и вздрагивает.

Нефер подумал.

– Да! Я чувствовал сбой в их шаге в этот момент.

– Это может сместить твою цель на ширину большого пальца. Тебе следует научить их пятому аллюру.

– Есть только четыре. Шаг, рысь, легкий галоп и галоп.

– И еще один. Я называю его скольжением, но ему нужно учить. Большинство лошадей никогда не смогут ему научиться.

– Помоги мне научить их.

Они выпрягли лошадей, и Нефер сел на спину Дов. Он немного проехал на ней легким галопом, затем повернул туда, где стоял Таита. Старик заставил кобылу поднять переднее правое копыто и обвязал кожаным ремнем щетину над копытом. К ремню была привязана совершенно круглая, обкатанная водой галька, обернутая в кожу. Дов опустила голову и с любопытством понюхала ее.

– Сделай еще круг, – приказал Таита.

Нефер толкнул пальцами ноги лошадь в плечо, и та пошла вперед. Галька свисала с ее ведущей ноги, и Дов инстинктивно пыталась избавиться от помехи, легонько ударяя при каждом шаге ведущим копытом. Это изменило все ее движение. Ее спина больше не поднималась и не хлопала его по ягодицам, качающее движение, проваливание исчезли.

– Она словно бы течет подо мной рекой! – с восхищением воскликнул Нефер. – Будто сам Нил!

Через два дня он смог снять гальку, и она могла переходить с легкого галопа или галопа в скольжение по его команде. Слово команды было «Нил».

Когда в первый раз принесли гальку, Крус повел себя так, как если бы это была кобра. Он вставал на дыбы и бил копытами воздух. Увидев, как Нефер несет камень к нему, он стал вращать глазами и задрожал всем телом.

Три дня они с Нефером боролись друг с другом, а потом, на четвертый день, Крус вдруг правильно ударил правым копытом и заскользил. На следующий день он по команде переходил на скольжение с такой же готовностью, как Дов.

На десятый день Таита смотрел с вершины холма, как они скачут галопом вдоль линии мишеней. У Нефера вокруг запястья был намотан ремень для копьеметания. Крус посмотрел на раскрашенные деревянные круги на треногах и нервно наставил уши, но прежде чем он успел сбить шаг и ударить копытом, Нефер воскликнул:

– Нил!

Дов и Крус одновременно сменили шаг, колесница выровнялась и заскользила вперед, будто боевая галера под парусом. Первое копьё Нефера попало точно в красное центральное кольцо мишени.

Таита смотрел, как Нефер кладет стрелу на тетиву, натягивает лук и целится. Он наблюдал за желтым флагом на древке позади ряда мишеней, установленных в двухстах шагах перед ними. Флаг трепетал и хлопал, взлетал на мгновение и медленно опадал, когда горячий легкий ветер замирал. Нефер пустил стрелу, и та поднялась по ленивой параболе полета. Она достигла высшей точки, а когда начала снижаться, ветер снова подул в щеку Таите.

Стрела также почувствовала ветер и ощутимо отклонилась в полете. Она снизилась к цели и ударила с подветренной стороны в трех ладонях от красного центра мишени.

– Сет блюет этим предательским ветром! – выругался Нефер.

– Легкая стрела чувствует его сильнее, – сказал Таита и пошел к маленькой телеге, где лежали запасные луки и колчаны. Он вернулся с длинным предметом в кожаном чехле.

– Нет! – проговорил Нефер, когда Маг достал большой боевой лук Трока. – Мне с ним не совладать!

– Когда ты пробовал натянуть его? – спросил Таита.

– В тот день, когда мы его откопали, – ответил Нефер. – Ты знаешь. Ты там был.

– Это было шесть месяцев назад, – сказал Таита и со значением поглядел на обнаженную грудь и руки Нефера. Мускулы юноши стали твердыми, как резная древесина кедра. Таита вручил ему лук.

Нефер неохотно взял его и покрутил в руках. Он увидел, что лук недавно вновь оплели тонкой проволокой из электрума и покрыли лаком. Тетива была новая – сухожилия передних лап льва, обработанные и скрученные, так что стали твердыми и неподатливыми, как бронза.

Отказ снова закрутился у него на языке, но не сорвался с него, потому что на Нефера смотрел Таита. Фараон поднял лук без стрелы, наставил его и попробовал натянуть. Тот согнулся на половину локтя, затем руки Нефера остановились. И хотя мышцы на его груди напряглись и затвердели, дальше лук не двинулся. Нефер осторожно отпустил тетиву, и лук принял исходное положение.

– Верни его мне. – Таита протянул руки, чтобы взять у него оружие. – У тебя нет ни силы, ни желания.

Нефер отдернул лук; его губы сжались и побелели, глаза сверкнули.

– Ты не знаешь всего, старик, даже если думаешь, что знаешь.

Он запустил руку в телегу и выхватил длинную тяжелую стрелу из колчана с картушем Трока, выдавленным на полированной коже. Как и лук, колчан раскопали вместе с засыпанной колесницей. Нефер большими шагами вернулся на линию стрельбы и принял стойку. Затем положил стрелу на тетиву. Полной грудью вдохнул. Стиснул губы и начал натягивать лук. Сначала тот сгибался медленно и достиг срединной линии. Нефер зарычал; его дыхание с шипением выходило через горло, мышцы рук напряглись и затвердели, и он натянул лук до отказа, поцеловав тетиву, будто влюбленный. Тем же движением он отпустил

тетиву, и тяжелая стрела прыгнула вперед и запела в синеве, достигла высшей точки и стала снижаться, высоко пролетела над линией мишеней и продолжала лететь, пока не покрыла двойное расстояние. Затем кремневый наконечник выбил яркую россыпь искр из дальней скалы, и древко сломалось от ужасной силы удара.

Нефер следил за стрелой с удивлением, а Таита пробормотал:

– Возможно, ты прав.

Нефер опустил лук и обнял его.

– Ты знаешь достаточно, отец, – сказал он. – Достаточно для всех нас.

Таита повез Нефера и Мерена в пустыню. Путешествие по суровой красивой земле длилось три дня. Он привез их в скрытую долину, где на поверхность через глубокую расселину в скале просачивалась черная жидкость. Это было то самое густое, смолистое вещество, которое они использовали, чтобы поджечь мех шакалов во время ночного набега на Тане.

Они наполнили привезенные с собой глиняные горшки и вернулись в Галлалу, в мастерскую. Таита очистил черную жидкость, нагревая ее на медленном огне, пока она не стала скользкой, как тонкий шелк между пальцами.

– Она будет смазывать ступицы колес более гладко и дольше, чем очищенное свиное сало или любая другая смесь. И даст вам преимущество в пятьдесят шагов на тысячу. Возможно, это разница между успехом и неудачей или даже между жизнью и смертью.

Нефер был склонен ехать по Красной Дороге на царской колеснице, но Таита спросил:

– Вы действительно хотите ехать в золотом саркофаге?

– Золото будет весить всего два тэля. Ты сам взвешивал.

– Когда вы будете ехать там, вам покажется, что оно весит двести.

Таита изучил каждую из ста пяти колесниц, выкопанных ими из песков, выбрал десять и разобрал. Он взвесил основания колесниц и проверил крепость соединений корпуса. Он крутил колеса на их ступицах, внимательным глазом отмечая малейшие колебания во вращении. Наконец он сделал окончательный выбор.

Он изменил конструкцию ступицы на выбранной колеснице так, чтобы колеса удерживала одна бронзовая чека, которую можно было выбить ударом молотка. Вновь собирая колесницу, он отбросил передний и боковые щиты, избавляясь от последнего тэля лишнего веса. Без опоры на стойки и боковые щиты всадникам, чтобы удерживаться даже на самой неровной дороге, приходилось полагаться на собственное чувство равновесия и единственную веревочную петлю, привязанную к площадке. Наконец Таита смазал ступицы колес черным жиром из пустынного источника.

Под наблюдением Таиты они осмотрели упряжь, сантиметр за сантиметром; Минтака, Мерикара и их служанки сидели до поздней ночи, сшивая и снова сшивая соединения и стыки.

Затем они выбирали оружие, которое повезут с собой, катая копья и стрелы, чтобы обнаружить любой недостаток, помещая их на специальную балансировочную доску, придуманную Таитой, добавляя бусинку свинца в древко или наконечник, пока оружие не становилось совершенным. Они заточили острия так, чтобы те цепко впивались в мишени. Они сменили подметки на сандалиях и заточили бронзовые гвозди так, что те превратились в шипы. Они вырезали новые кожаные нарукавники, чтобы защитить предплечья от удара тетивой или ремнем метательного копья. Каждый выбрал три меча, потому что бронзовые лезвия часто ломались в пылу битвы. Они заточили клинки и отполировали их порошком из пемзового камня, так что в конце концов могли сбрасывать ими волосы со своих предплечий.

Они обработали и скрутили запасные тетивы, чтобы носить их на поясе, обвязав вокруг талии. Кроме кожаных шлемов и безрукавок, в дорогу они не надели никаких других доспехов, чтобы облегчить бремя Дов и Круса. Работали за запертыми дверями мастерской, так чтобы никто не узнал об их приготовлениях.

Но прежде всего они бесконечно упражнялись, наращивая силу и выносливость и

завоевывая доверие лошадей.

Для Дов и Круса худшим испытанием был бы огонь. Нефер с Мереном сами разводили костры в пустыне, складывая вязанки дров и связки сухой соломы. Они давали лошадям увидеть огонь и вдохнуть запах дыма и завязывали им глаза. Хотя поначалу Крус артачился и тихо ржал от страха, в конце концов он, доверяя человеку на своей спине, пробежал с завязанными глазами так близко от потрескивавшего пламени, что оно опалило ему гриву.

В эти дни ожидания Минтака и Мерикара проводили долгие часы в недавно отремонтированном храме Хатор, принося жертвы за своих мужчин и моля богиню о защите и поддержке.

За тридцать пять дней до полной луны Гора в Галлалу прибыл странный караван. Он пришел с побережья, из порта Сафага. Его возглавлял одноглазый и однорукий огромный человек по имени Аартла. Пять воинов Красной Дороги вышли встречать его, когда он был еще в трех лигах от городских стен, и с честью привезли его в Галлалу, поскольку он был братом, воином третьей ступени, проехавшим по Красной Дороге почти тридцать лет назад. Двадцать лет назад во время ливийской кампании фараона Тамоса стрела выбила ему глаз, а пять лет спустя нубийский воин одним ударом топора отрубил ему руку ниже локтя.

Аартла был теперь богатым человеком. Он владел бродячей труппой артистов, мужчин и женщин особенных талантов и умений. Одна артистка из его труппы считалась самой сильной женщиной в мире. Она могла поднять в воздух двух лошадей, по одной в каждой руке, и откусить от бронзового прута, а затем согнуть металлический обрубок, сжав свое влагище. Другая из его женщин слыла первой красавицей мира, хотя немногие видели ее лицо. Она прибыла из земли, лежащей так далеко на севере, что в некоторые времена года реки там превращаются в белый камень и прекращают течь. Аартла требовал десять тэлей серебра за возможность увидеть ее лицо без вуали. Говорили, что у нее золотые волосы, достающие до земли, и глаза разного цвета, один золотой, другой синий. Цена, которую Аартла назначил за то, чтобы осмотреть остальные ее прелести, росла пропорционально, и только богатый человек мог познать всю ее сладость.

Кроме того, Аартла владел черной девушкой-рабыней, которая глотала огонь, покрывала себя с головы до пят плащом из живых скорпионов и надевала на шею огромного питона. В самом разгаре представления она соблазняла змею заползти в укромное отверстие ее тела, и та целиком исчезла в ее лоне.

Эти чудеса предназначались только для того, чтобы раздражить публику, прежде чем показать ей главные приманки цирка Аартлы, его чемпионов: команду бойцов, борцов и фехтовальщиков, которые могли противостоять в бою любому сопернику. Аартла предлагал кошелек с сотней тэлей чистого золота любому, кто сможет победить одного из его непобедимых. Ставки на этих состязаниях были баснословны и служили источником огромного богатства Аартлы. Хотя в настоящее время он не сражался, в сердце он все еще оставался воином и приверженцем Красного Бога.

Когда до него дошел слух, что фараон династии Тамоса решил проехать по Красной Дороге, он привез своих чемпионов за полмира, чтобы они выступили против Нефера. Ему так нравилась эта игра, что он не назначил цену за свою услугу.

Его братья-воины приготовили для Аартлы и его труппы один из древних дворцов города.

В ночь после его прибытия в его честь для него устроили большой пир, на который не были приглашены только Нефер и Мерен.

— Нас не могли пригласить, — объяснил Нефер Минтаке. — Мы — не братья ордена. Кроме того, сидеть рядом с теми, кто будут нашими соперниками, против обычаев и традиций.

На следующий после пира день непобедимые возобновили свои бесконечные упражнения и обучение под зорким оком Аартлы. Они работали во внутреннем дворе древнего дворца, куда не мог попасть никто чужой. Аартла был слишком проницателен,

чтобы позволить другим игрокам оценить состояние и стиль его непобедимых, не заплатив за такую возможность хорошую цену золотом.

Однако Таита не был чужаком. Когда Аартла потерял руку, Таита подрезал и зашил культю, чем спас его от газовой гангрены, возникшей из-за раны и угрожавшей жизни Аартлы. Аартла провел его в тренировочный внутренний двор и усадил на груды подушек со стороны своего зрячего глаза. Самая красивая женщина в мире подала ему приправленный медом шербет в золотой чаше и улыбнулась из-за вуали удивительными разными глазами.

Вначале Аартла рассказал Таите последние новости о египетской кампании в Месопотамии, откуда он прибыл. Казалось, царь Саргон с его разгромленными и рассеянными войсками отступил за стены Вавилона, своей столицы. Итог не вызывал сомнения. Войска ложных фараонов скоро должны были освободиться и вернуться в Египет, чтобы заняться другой угрозой своему господству – маленьким войском Галлалы. Говоря об этом, он выразительно посмотрел на Таиту: своевременное предупреждение старому другу.

Пока они сидели на подушках и говорили о многом другом – о политике, власти и войне, медицине, магии и богах – Таита, как будто бы увлеченный беседой, едва глядел на атлетов, борющихся и потеющих на солнце. Но его выцветшие старые глаза не пропустили ни одного броска или удара мечом.

Непобедимые жили своим убийственным мастерством. Они были приверженцами Красного Бога, и их старания были формой поклонения. Когда Таита в тот вечер вернулся в свою келью, где его ждали Нефер и Мерен, он был серьезен.

– Я видел ваших противников в деле, и предупреждаю вас: нужно еще много работать, – сказал он, – а осталось всего несколько дней.

– Расскажи, отец, – попросил Нефер.

– Во-первых, там есть Полиос, борец... – начал Таита и обрисовал характер и силу каждого непобедимого, его стиль боя и особенно сильные стороны. Затем они обсудили все слабости противника, которые он заметил, и как ими лучше всего воспользоваться.

* * *

Пять воинов ордена с помощью Аартлы начали прокладывать путь, по которому нужно было проехать. Они день за днем проводили в пустыне, осматривая широкую круговую дорогу, начинавшуюся у центральной площади Галлалы, поднимались на холмы и скалистые участки, тремя лигами дальше спускались в длинную долину около источника Таиты и, въехав через городские ворота, возвращались на площадь. Как только путь был проложен, они послали рабочих воздвигнуть на пути препятствия.

За десять дней до состязания Хилто и Шабак прочитали вслух объявление для жителей города. Они подробно описали путь и правила испытания. Затем назвали непобедимых, которые должны были выступить против новичков.

– В испытании по борьбе фараон Нефер Сети выступит против Полиоса из Ура. – Толпа вздохнула – Полиос был известным борцом. Его прозвище было Спинолом. Недавно в Дамаске он убил человека, это была его семнадцатая жертва на ристалище.

– Мерен Камбизес выступит против Сигассы из Нубии. – Этого знали почти также хорошо. Его прозвали Крокодилом из-за странной болезни, сделавшей его кожу жесткой, бугорчатой и черной, как у огромной рептилии.

– В испытании мечом фараон Нефер Сети встретится с Камой из Тавра.

– Мерен Камбизес встретится с Дроссой из Инда.

Той ночью Минтака и Мерикара принесли в жертву богине белого ягненка и плакали, моля ее защитить их возлюбленных.

В течение семи дней перед выездом на Красную Дорогу пять воинов проводили испытания, чтобы отобрать преследователей. В желающих оспорить честь принять участие недостатка не было. Любого человека, который сорвал бы косу в головы царя, могло ожидать

бессмертие. Хилто пообещал, что, дабы увековечить его подвиг, в храме его бога или богини будет установлена на возвышении резная стела высотой в пять локтей. Он получил бы тысячу тэлей золота – довольно для покупки отличного имения, когда они наконец вернутся на родину. Кроме того, он получил бы в качестве трофея все оружие и снаряжение новичка, которого победит.

Пять воинов провели окончательный выбор путем отсева и объявили об этом с каменной платформы в центре площади.

– Они взяли десять лучших и самых опытных людей из всех находящихся здесь и позволили им выбрать колесницы и лошадей. Вас ожидает большая опасность и впереди, и позади, – предупредил Таита молодых людей и вновь огласил перечень.

– Возьмите вот этого, Даймиоса. Он – начальник над командирами колесниц. Он знает, как выжать все возможное из пары лошадей.

– Все будет зависеть от старта, – сказал Нефер. – И это решит только сам Красный Бог.

За семь ночей до испытания Минтака не пустила Нефера на свое ложе.

– Моя любовь ослабляет вашу решимость и иссушает силу. Но мне будет недоставать вас в сто раз больше, чем вам меня, – сказала она, когда они вместе заплетали длинную гриву Круса.

В день перед полной луной Гора Таита приказал им всем отдыхать. Дов и Крус спокойно паслись вместе на поле ниже источника. Мерикара собрала корзинку инжира, апельсинов и просяных лепешек, и вместе с Мереном уселись близ истока ручья, глядя на лошадей на зеленой траве под ними. Когда простая пища была съедена, Мерикара опустила на колени позади Нефера и заплела его волосы в косу, доходившую до середины спины.

– Она такая толстая и блестящая, – проговорила она и спрятала в ней лицо. – И так хорошо пахнет. Не дайте никому забрать ее у вас, принесите вашу косу мне.

– Как вы вознаградите меня, если я сделаю это? – Он повернул голову и улыбнулся.

– Вы получите такую награду, о какой никогда не мечтали. – И она покраснела.

– Мечтал, – уверил он ее пылко, – и мечтаю об этом каждую ночь.

Утром Таита пришел разбудить Нефера. Фараон спал, одной рукой закрывая лицо. Когда Таита дотронулся до него, он сел, потянулся и зевнул. Толстая коса, заплетенная Минтакой, свисала вдоль его спины. Он посмотрел на Таиту, и его взгляд прояснился и в нем появилась сосредоточенность, когда он вспомнил, что его ожидает в этот день.

Пока Нефер пил из чаши кислое молоко и ел горсть инжира, Таита подошел к окну и посмотрел вверх крыш на рощу молодых пальм, посаженных над колодцами. Он увидел, что их самые верхние листья раскачивает легкий ветер. Вся Галлала молилась о безветренном дне, а этот ветер нес с собой угрозу неудачи. Теперь Неферу следовало больше чем когда-либо полагаться на большой боевой лук, чтобы противостоять ему.

Таита ничего не сказал Неферу о своих предчувствиях. Вместо этого он повернулся и бросил взгляд на улицу. Солнце еще не встало, но казалось, что половина населения Галлалы устремилась за городские ворота.

– Они стремятся занять лучшие места вдоль пути и наблюдать за гонкой так долго, как только возможно, – сказал он Неферу.

Никому кроме участников и судей не разрешалось ехать по нему. Все остальные должны идти за преследователями пешком. Некоторые полагали, что удастся посмотреть на метание копья и борьбу, а затем перейти через холмы, чтобы сблизиться посмотреть на сражение на мечах. Менее легкие на ногу поднимались на вершину Орлиной Горы, чтобы посмотреть, как испытуемые пересекут ущелье под ними, и затем бежать обратно, чтобы увидеть завершение.

Несмотря на великий исход из города, многие сотни людей хотели увидеть начало и столпились на площади. Другие сидели на стенах и балконах высоко над ней. Даже в этот

ранний утренний час атмосфера была праздничная, царило общее лихорадочное возбуждение. Некоторые из сидевших на стенах принесли с собой завтрак и теперь перекусывали, а объедки сыпались на тех, кто сидел ниже. Другие выкрикивали свои ставки Аартле и его писцам. Аартла предлагал равные деньги за то, что Нефер и Мерен пересекут ущелье, два к одному за то, что они не пройдут испытание сражением на мечях, и четыре к одному, что они беспрепятственно закончат гонку.

Когда солнце поднялось над стенами города, на площадь одна за другой въехали десять колесниц преследователей. Зазвенели гонги, загремели барабаны, загрохотали систрумы, женщины завизжали и стали бросать цветы, дети запрыгали вокруг них, но колесничие были мрачны и сосредоточенны, выстраиваясь в линию вдоль стартовой черты.

Последовало напряженное ожидание, затем со стороны коновязей послышались приветствия, они становились все громче и приближались. Затем под гром криков «Бак-хер!» колесница новичков со снятыми щитами въехала между изъеденными ветром колоннами входа на площадь.

Дов и Крус были вычищены так, что их шкуры блестели в первых лучах солнца, будто полированный металл. Гривы были заплетены, украшены разноцветными лентами, а хвосты подвязаны.

На Нефере и Мерене были лишь легкие кожаные доспехи, тела молодых людей были натерты маслом для борьбы. Они спустились с площадки колесницы и опустились на колени, держа руки на рукоятках мечей. Таита вышел и встал перед ними. Он прочитал молитвы Гору и Красному Богу, прося их благословения и защиты. Наконец он снял со своей шеи амулет и надел его на склоненную голову Нефера.

Нефер взглянул на предмет, повисший на его груди, и ощутил потрясение: от него струился странный поток силы. Это был золотой амулет Лостры, медальон его бабушки, которого никогда не касался никто, кроме Таиты.

Затем Хилто, на чьей голове красовалась красная шапка третьей ступени ордена, поднялся на каменную платформу в центре площади и прочитал вслух правила. Закончив, он строго спросил:

– Понимаете ли вы и будете ли соблюдать правила ордена Красной Дороги?

– Во имя Красного Бога! – подтвердил Нефер.

– Кто отрежет косы? – спросил Хилто, и сзади к стоящим на коленях воинам подошли Минтака с Мерикарой. Глаза Минтаки обвело красными кругами: накануне ночью она не спала. Обе были бледны и вне себя от беспокойства. Нефер и Мерен склонили головы, и женщины с любовью подняли косы и остригли их. Они передали их Хилто, и тот привязал их к вершинам высоких шестов, укрепленных по обеим сторонам площадки колесницы. Это были трофеи, за которыми предстояло начать охоту преследователям и которые Неферу и Мерену следовало защищать любой ценой.

– Поднимитесь на колесницу, – приказал Хилто, и Нефер с Мереном поднялись на площадку. Нефер взял поводья. Дов и Крус выгнули шеи, затопали копытами и сдвинули колесницу на один оборот колес.

– Принесите птиц! – приказал Хилто.

На покрытую песком арену поднялись два человека, каждый с бойцовым петухом под мышкой. Бородки и гребешки у обеих птиц были обрезаны, поэтому головы у них были гладкие, почти как у ящериц, без складок плоти или кожи, чтобы не подставить вражеской птице слабого места. Их перья радужно блестели в солнечных лучах как масло, разлитое на воде.

Напряженная тишина ожидания повисла над переполненной людьми площадью. Два человека с петухами встали на колени лицом друг к другу в центре песчаной арены и поставили перед собой своих птиц. К ногам птиц не были привязаны искусственные шпоры: длинные металлические шипы привели бы к слишком быстрому и неотвратимому убийству, – но их естественные шпоры были заточены и отполированы.

– Стравливайте! – крикнул Хилто, и петухов толкнули вперед, не позволяя им

коснуться друг друга. Глаза петухов угрожающе сверкали, их хохолки начали раздуваться от ярости, голая кожа на головах и шеях стала темно-красной. Они били крыльями, стараясь вырваться из рук людей и налететь друг на друга.

Обнаженным мечом Хилто указал через площадь на разрушенную крышу храма Бес, богини-покровительницы Галлалы, где горячий ветерок лениво колыхал синий флаг.

– Новички начнут гонку, когда будут отпущены птицы. Флаг опустится, когда одна из птиц будет убита, и только тогда начнется преследование. Красный Бог в его бесконечной мудрости определит, как долго будут жить птицы и какова будет фора. А теперь приготовиться.

Все взгляды, даже Нефера и Мерена, обратились к рвущимся в бой петухам. Хилто поднял меч. Птицы, взъерошенные, темно-красные от ярости, вырывались, чтобы броситься друг на друга.

– Отпускай! – крикнул Хилто, и птиц отпустили. Они устремились вперед по песку, размахивая яркими крыльями, высоко подскакивая и колотя когтями и шпорами.

– Но, Дов! Но, Крус! – крикнул Нефер, и лошади рванулись вперед, так что из-под копыт полетели гравий и пыль. В толпе раздался громкий крик, колесница объехала площадь и выехала на улицу. Когда они промчались через ворота и повернули на дорогу, ведущую в холмы, приветствия стихли позади. Через каждые двести шагов дорога была размечена белыми льняными флагами, которые колебались и лениво хлопали на раннем ветерке, дующем из пустыни.

– Держи флаги справа! – напомнил Мерен Неферу. Если бы они миновали флаг не с той стороны, судьи вернули бы их, чтобы объехать его правильно.

Пока Нефер ехал, щадя лошадей, сдерживая их бег до рыси, когда склон круто поднялся перед ними, он оценил ветер по флагам и пыли, отметив его силу и направление. Обжигающе горячий, он дул с запада, достаточно сильный, чтобы сносить в сторону тучу пыли позади них. Это был худший ветер из возможных. Он будет иссушать лошадей и искажать расстояние до цели, когда начнется испытание в метании копья и стрельбой из лука. Он прогнал от себя эту мысль, чтобы сосредоточиться на подъеме на холмы.

Уклон резко поднялся вверх, и по команде Нефера они спрыгнули с площадки и побежали рядом с лошадьми, чтобы облегчить колесницу. Дов и Крус мчались вперед так быстро, что молодым людям пришлось схватиться за упряжь, чтобы бежать наравне с ними. Когда они достигли вершины, Нефер остановил лошадей и дал им отдохнуть в течение трехсот ударов своего сердца.

Он оглянулся на городские стены внизу и услышал то нарастающий, то стихающий рев голосов, похожий на далекий ропот прибоя на коралловом рифе, особый шум петушиного боя, когда толпа приветствует каждое нападение птиц. Но флаг на разрушенной вершине храма Бес все еще реял – знак того, что бой еще не завершен. Нефер отвернулся, посмотрел на ровную долину, простирающуюся впереди, и разглядел линию из древков копий. Их было пять, разделенных расстоянием в двести шагов. Низкие заросли терновника шли параллельно им, что должно было удерживать колесницу на расстоянии в пятьдесят шагов.

Нефер вскочил на площадку и воскликнул:

– Вперед! – и кони зашагали вперед. Он оглянулся и увидел: синий флаг все еще развевался на башне Бес.

Пока они подъезжали к линии мишеней, Нефер намотал ремень на запястье и сосредоточился, представив себе мишень и воображая, как копье летит от его руки к внутреннему красному кругу, не задевая внешний, желтый. Он глядел, как ветер колышет флаги.

Шабакко уже стоял на низком холмике около середины линии. Ему полагалось показать красный флаг в случае попадания во внутренний круг и желтый в случае промаха. У них всего пять копий, и позволен только один желтый флаг. Если они потерпят неудачу в первом пробеге, им придется вернуться, поднять брошенные копья и проехать снова, пока они не получат четыре красных флага.

Нефер передал поводья Мерену, и тот повел колесницу близко к отделяющей от мишеней изгороди, чтобы обеспечить Неферу лучшее положение для броска. Первая мишень приблизилась быстро, и Нефер на подскакивающей и рыскающей площадке колесницы собрался.

– Нил! – приказал он, и тотчас Дов и Крус сменили бег на удивительное скользящее движение. Колесница под ним выровнялась, и, легко пружиня ногами, он метнул копье. И всякие сомнения исчезли с того мгновения, как копье вылетело из его руки, дополнительно разогнанное метательным ремнем, – он учел ветер. Копье пролетело пятьдесят шагов, мчась наперерез ветру в середину красного круга, и краем глаза Нефер увидел, как Шабакко махнул красным флагом, признавая попадание. Он выхватил из стойки другое копье и намотал метательный ремень, чувствуя высшую, почти божественную уверенность: он знал, что следующие четыре копья будут пущены так же точно, как первое. Глядя, как приближается вторая мишень, он бросил снова. Это был еще один совершенный бросок. Неферу даже не понадобилось глядеть на флаг: Мерен рядом с ним закричал:

– Бак-хер, брат! – и повел колесницу к третьей мишени.

Они ехали вдоль самого кустарника, и пролетающий мимо правого колеса терновник казался размытым. Нефер прицелился и резко отвел правую руку для броска, и именно в этот миг колесо задело кустарник, колесница резко отскочила от него и на мгновение показалось, что она вот-вот опрокинется. Лошади своим объединенным весом тянули ее прямо вперед, но копье было уже в полете. С отчаянием в сердце Нефер увидел, что оно летит мимо, совсем не попадая в мишень. Поднялся желтый флаг.

– Это из-за меня, – посетовал Мерен. – Я ехал слишком близко.

– Теперь правь как следует, – оборвал его Нефер. – Нам нужно еще два точных попадания.

Приближалась четвертая цель, но Нефер почувствовал, как движение под ним изменилось. Крус вел другой ногой, столкновение с кустарником сбilo его.

– Но, Крус, – крикнул Мерен и попытался выправить шаг жеребца, натягивая поводья. Затем Дов слегка наклонилась к Крусу, он ощутил ее ритм и перенял ее шаг как раз тогда, когда приблизилась четвертая цель.

Нефер метнул копье, и Мерен воскликнул рядом с ним:

– Красный! Точное попадание. Получилось!

– Нет, – ответил Нефер и выхватил из стойки последнее копье. – Осталось еще одно.

Они быстро приближались к последней мишени, и все жилки у обоих были натянуты, как тетива лука. Каждый мускул был крепок, каждый нерв туго натянут. Крус чувствовал это через поводья в правой руке Мерена. Правым глазом жеребец видел приближавшуюся мишень. Они точно знал, когда Нефер должен метнуть копье, и, инстинктивно уступая старой, плохой, привычке, сбил шаг. Колесница накренилась и покачнулась как раз тогда, когда Нефер метнул копье. И все же оно могло бы попасть в цель, если бы не ветер. Горячий порыв пронесся над ними, такой сильный, что тяжелые косы на шестах с флагами затрепетали. Копье уже немного отклонилось, и ветер увеличил ошибку. Оно полетело еще правее, ударило на ширине двух пальцев за красным внутренним кругом и задрожало во внешнем кольце. Шабакко поднял высоко над головой черный флаг и замахал им, так что складки ткани громко хлопали, оповещая о неудаче.

Их первый пробег не был засчитан. Полагалось собрать копья и снова ехать мимо мишеней.

Мрачно, без единого слова Нефер выхватил поводья у Мерена, круто развернул колесницу у оконечности терновой изгороди, и они поехали назад. Он гнал лошадей во весь опор, не думая теперь беречь их силы. Нефер был уверен, что один из боевых петухов уже убит и десять колесниц начали преследование.

Они мчались обратно вдоль линии мишеней, проезжая около них так близко, что Мерен мог вырывать копья из набитых соломой мишеней, не останавливая колесницу. Четвертое копье, то, что пролетело мимо мишени, лежало на открытом месте, но даже издали Нефер

увидел, что от удара о каменистую землю древко расколосось надвое. У них осталось только четыре копыя, чтобы выиграть четыре красных флага. Единственный промах означал бы, что им придется остаться здесь вдвоем против десяти вооруженных воинов: сдаться или биться не на жизнь, а на смерть.

Всего с четырьмя копыями в стойке они выехали к началу линии, и Нефер остановил колесницу и спрыгнул на землю. Он подбежал к Крису и погладил его по лбу.

– Беги сейчас правильно, мой дорогой. Не подведи меня.

Издалека донеслись долгие, приглушенные крики радости. В этот раз они не стихали.

– Одна из птиц мертва! – воскликнул Мерен. – Преследование началось.

Нефер знал, что это правда. Один из петухов погиб, и преследователи пустились в погоню за ними. Они потеряли свое преимущество. Преследователи на колесницах не должны были проходить испытание метанием копий. Им предстояло промчатся мимо мишеней без остановки. Даже если на сей раз им удастся пройти мишени чисто, с четырьмя красными флагами, впереди Нефера и Мерена ждали борцы.

Минтака и Мерикара стояли, глядя на арену. Хотя для них были поставлены табуреты, им не сиделось, потому что их лихорадило от беспокойства, когда они наблюдали заключительные сцены кровавого боя внизу.

Бойцовых петухов отбирали тщательно. Это были ветераны многих эпических битв, и оба доказали храбрость и стойкость. Длинноногие, но с плотными бедрами, бугрившимися мускулами, они умели вонзать свои страшные черные шпоры глубоко в плоть, до самых костей противника. Втянув змеиные шеи, увенчанные головами с массивными крючковатыми клювами, они вырывали ими перья и плоть и, обескровив и ослабив противника, брали его смертельной хваткой, прижимая к земле, и гвоздили клювом его наиболее важные органы.

У птицы, что постарше, перья были цвета золота и меди, яркие, точно восход солнца, хвост – гордым водопадом с сапфировым блеском. Другая птица была черной, но черные перья блестели и искрились, а голая голова была багрово-красной.

Теперь они кружили друг перед другом. Они бились долго и неистово, выдранные перья, усыпавшие песок, кружили горячие порывы западного ветра. Обе птицы истекали кровью, жирные тяжелые капли искрились на оперении. Их сила иссякала, и лапы плохо держали их. Однако глаза горели так же ярко и жестоко, как в начале боя.

– Прошу, обожаемая и милостивая Хатор, дай им обоим силу жить, – шептала Мерикара, сильно сжав руку Минтаки. – Позволь им биться до захода солнца. – Но она сознавала, сколь тщетной была ее мольба.

– И защити от беды Нефера и Мерена.

Внезапно черный петух подпрыгнул на высоту своего роста, а затем, мощно взмахнув крыльями, метнулся вперед, во всю длину вытянув вперед обе лапы. Красный петух подскочил, чтобы встретить его, но сил у него почти не оставалось, и его ответный удар вышел чересчур слабым. Он слишком медленно поднял лапы, чтобы встретить нападение. Птицы сшиблись в облаке перьев, покатались клубком, а когда разделились, красный петух волочил крыло. Теперь завершение битвы было не за горами.

Мерикара громко рыдала:

– О, Хатор, не дай ему умереть! – Она схватила руку Минтаки и впилась в нее ногтями, оставив ярко-красные следы на коже, но Минтака едва ли чувствовала это. Она с ужасом смотрела, как красный петух зашатался от слабости и толпа громко заулюлюкала.

Черный петух знал, что победил, и к нему вернулась сила. Он вновь высоко подскочил на длинных, жестких лапах, широко раскрыв ярко блестящие крылья. Он опустил вниз и ударил красного петуха, прежде чем тот сумел восстановить равновесие, сбил его, ослабевшего и трепещущего. Он нанес ему смертельный клювок в глаз, схватил за складку сморщенной щеки и вцепился в нее.

Красный петух поднялся, но черный не отпускал. Красный петух мучительно побежал,

таща своего противника, и девушки в общем шуме закричали:

– Отпусти его, черная тень Сета. Дай ему жить!

Красный протащил черного полный круг по арене, но каждый следующий шаг давался ему тяжелее, и наконец он упал под тем самым местом, где у барьера стояли девушки.

– Он мертв! – завопил кто-то. – Бой окончен. Отправляйте преследователей.

– Нет! Он еще живой, – отчаянно закричала Минтака.

Черный петух отцепился от головы красного и встал над ним. Собрав остатки сил и храбрости, красный с трудом поднялся. Он стоял, качаясь, свесив оба крыла на песок, и кровь лилась из глубокой раны в щеке.

Черный петух, казалось, измерил расстояние между ними, снова высоко подпрыгнул и на мгновение завис над своей жертвой. Затем он упал на красного и на всю длину вонзил шпоры в его сердце и легкие. Красный петух рухнул под ним, опрокинулся на спину, широко разинув в тихом предсмертном крике клюв и судорожно трепеща крыльями.

Черный петух встал над телом, запрокинул голову и, торжествуя, хрипло прокукарекал. Этот звук будто расколол позвоночник Минтаки и заставил ее содрогнуться.

– Бог сказал свое слово! Бой окончен. – Хилто поднял истерзанное окровавленное тело за шею, и флаг на башне Бес опустился. Он повернулся к колесничим, сидевшим на корточках рядом со своими упряжками.

– Можете выехать на Красную Дорогу! – крикнул он.

– Вперед, к смерти или славе! – Щелкнули длинные кнуты, лошади вскинули головы, потряхнув гривами, и десять боевых колесниц описали стремительный круг по площади, а толпы зевак разбегались перед их колесами, женщины визжали, а мужчины выкрикивали приветственные возгласы. Затем колесницы выехали за городские ворота и помчались к холмам вдоль линии флагов.

Нефер потратил еще немного времени, чтобы приласкать и успокоить лошадей; он стоял, обняв их за шеи, и что-то шептал. Затем он побежал обратно и вскочил на площадку. Он пустил коней сначала шагом, затем осторожно перевел на легкий галоп. Только когда они побежали в образцовом согласии и стали тянуть одинаково, он изменил их ход командой:

– Нил!

Они плавно понеслись к мишеням для второй попытки, и он передал поводья Мерену, не сделав ему никакого замечания, поскольку знал, что Мерен все еще страдает после первой неудачи.

Обертывая метательный ремень вокруг запястья, Нефер наблюдал за ушами Круса, пытаясь заметить признаки того, что жеребец снова засбоит, но тот держал их торчком, наставив вперед, и бежал правильно. Они подъехали к первой мишени; Нефер прицелился совершенно точно и копьё вонзилось прямо в красный внутренний круг. Ему показалось, что почти сразу приблизилась вторая цель, и он повторил бросок – плавно, приложив силу только в заключительной его части, – и острие копья глубоко вонзилось во внутреннее кольцо. Рядом с ним Мерен молча правил упряжкой, с великим тщанием и осторожностью.

В воздухе, будто луч солнца, сверкнуло третье копьё, и Шабакко махнул красным флагом, отмечая очередное попадание.

Нефер держал в руке последнее копьё, метательный ремень плотно обвивал его запястье, и он напевал лошадям, делая свой голос твердым, но ободряющим:

– Еще один раз. Всего один, для меня!

Крус, казалось, сосредоточился и, нагнув голову, тянул правильно, поэтому, метнув копьё, Нефер знал, что оно должно попасть в самый центр красного круга. Он крикнул лошадям, когда оно все еще было в полете:

– Но! Но! Вперед! – И они помчались вперед, перейдя со скольжения в полный галоп, да так быстро, что Неферу пришлось упереться ногами и ухватиться за веревку, чтобы не вылететь назад.

Шабакко махнул над головой красным флагом, и они ясно слышали его голос:

– Бак-хер, великий! Вы выполнили все и полностью!

Но Нефер знал, что им уже не наверстать потерянного, и преследователи уже быстро и неумолимо настигали их.

Линия флагов повела их широким кругом на север, вдоль края глубокой пропасти с крутыми обрывами, и вверх по ряду естественных террас, где голая земля была нежного персикового цвета, противоречившего ее жесткой и бесплодной природе.

На ступени третьей и последней террасы стояло более пяти десятков самых выносливых зрителей, поднявшихся наверх из Галлалы. Когда колесница Нефера подъехала, они разразились приветственными возгласами и расступились, пропуская колесницу. Поверхность террасы была плоской и ровной. В центре этого открытого пространства их ждали борцы.

Каждый стоял в собственном круге из окрашенных в белый цвет камней. Нефер подъехал к ним, и толпа побежала следом, выкрикивая одобрительные возгласы и смеясь от волнения. Прямо перед каменными кольцами Нефер остановил лошадей, и два конюха, стоявшие наготове, побежали вперед, чтобы взять их под уздцы.

– Проследите, чтобы они выпили только по одному ведру каждая, – приказал Нефер, прыгнув вниз. Здесь им впервые разрешалось напоить лошадей, но Нефер не хотел, чтобы их животы раздулись от воды.

Нефер и Мерен быстро сбросили кожаные доспехи и короткие хитоны и остались совершенно голыми в солнечном свете. Толпа загудела от восхищения, увидев их крепкие молодые тела, доведенные тренировками до атлетического совершенства, и кое-кто из женщин низкого происхождения и сомнительной нравственности заулюлюкали и непристойно заплясали от возбуждения.

С каждой прошедшей секундой колесницы преследователей приближались. Нефер даже не бросил взгляд на танцующих женщин и вместе с Мереном быстро пошел вперед. Каждый направился к тому кольцу, где его ждал назначенный противник. Нефер остановился перед кольцом из белых камней и посмотрел на Полиоса из Ура, который стоял в центре.

Он не был исключительно крупным или высоким, не больше и не тяжелее Нефера – судьи подобрали фараону соперника тщательно и справедливо. Однако на Полиосе не было ни капли жира или лишней плоти. Было видно, что он разминался, потому что его кожа блестела от пота и масла, а мышцы вздувались, наполненные кровью. Все в нем было крепким: плечи в совершенной пропорции к талии, плоский живот, длинные и гибкие руки и ноги. Он стоял, сложив руки на груди, и буравил Нефера жестким и прямым пристальным взглядом.

Нефер глубоко вздохнул и вновь услышал слова Таиты так ясно, будто тот вновь сам сказал это:

– Левое колено. Вот его единственное слабое место.

Он опустил глаза к ногам Полиоса, но левое колено борца казалось таким же крепким, как правое, твердым и непоколебимым, точно главный ствол оливы.

Нефер коснулся золотого амулета у своего горла и ступил в кольцо камней. В толпе заулюлюкали, завизжали и закричали. Полиос уперся ладонями в колени и согнул плечи, в упор глядя на противника непримиримым пристальным взглядом змеи. Нефер знал, что ему следует подойти первым, потому что Полиос не спешил. Его задача состояла в том, чтобы удерживать Нефера здесь, пока колесницы преследователей не догонят его. Нефер обошел вокруг него. Полиос медленно поворачивался к нему лицом.

– Да, – сказал Нефер сам себе, – это так. Он подволакивает левую ногу. – Но это был такой крошечный недостаток, что он никогда бы не заметил его без Таиты.

– Старая рана, – сказал ему Таита. – Здесь! – и он нажал большим пальцем на колено Нефера, чтобы указать точное место. Но затем продолжил: – И все равно нельзя недооценивать его. Он – убийца. Вот его любимый бросок, и от него почти нет спасения. –

Таита продемонстрировал его.

Нефер сделал круг в обратную сторону, и Полиос повернулся вместе с ним. Теперь Нефер видел ее, небольшую неестественную ямку под выпуклостью коленной чашечки. Он не мог позволить себе потратить еще мгновение и шагнул к Полиосу.

Оба встали в классическую начальную позицию, обхватив друг друга обеими руками и пытаясь найти захват для броска, меняя захват, перемещая вес, толкая друг друга вперед и отступая, проверяя устойчивость соперника. Затем вдруг Полиос прыгнул вперед ниже защиты Нефера, и хотя Нефер ожидал этого, он не смог помешать длинной руке обхватить его за пояс. Внезапно его подняли так высоко, что лишь кончики его ног касались земли. Полиос закружился, не отпуская его, поворачивая его назад так, чтобы он не мог сохранять равновесие. Затем внезапно Полиос опустил на правое колено и потянул Нефера с собой. Его другая нога крепко упиралась в землю, левое бедро было параллельно земле, будто скамья плотника. Нефер упал на него и ударился поясницей, областью почек. Это должно было сломать ему позвоночник, но Нефер сотню раз отрабатывал противодействующий прием с Мереном. Он выгнул спину, чтобы уменьшить напряжение, и в то же время стукнул обеими пятками в землю, чтобы погасить силу удара. Однако и после этого он почувствовал, как его хребет закрипел там, где позвонки оказались напряжены до предела.

Полиос навалился на него всей тяжестью своего торса, но Нефер просунул руки ему под спину и правой стиснул колено Полиоса. Таита заставлял его часами укреплять правый большой палец, сжимая кожаный мячик, пока он не начал оставлять на его поверхности глубокую вмятину. Но и это не удовлетворило Таиту. Он заставил Нефера продолжать эти упражнения, пока тот не смог сломать раковину каури, зажав ее между большим и указательным пальцами. Затем снова и снова Таита показывал ему точное место под коленной чашечкой, где была рана, и куда надо приложить давление, чтобы разорвать ее. Нефер теперь нашел ее и вдавил большой палец в пустоту между головкой большой берцовой кости и незакрепленной коленной чашечкой.

Все мышцы правой руки Нефера напряглись от усилия, и глаза, казалось, вышли из орбит. Затем он вдруг почувствовал, как под кончиком его большого пальца что-то подалось, и предпринял еще одно заключительное усилие. Его большой палец вошел глубже, ослабленный хрящ и сухожилия трещали и хрустели, отрываясь, и коленная чашечка в руке Нефера сдвинулась, оторванная.

Полиос закричал, и этот крик выражал такую чрезвычайную муку, что рев зрителей, столпившихся вокруг кольца, притих. Полиос отпустил Нефера и попытался оттолкнуть его от себя, но Нефер легко уклонился от его рук, не выпуская искореженной коленной чашечки, отрывая ее еще больше. Внезапно, став беспомощным, как младенец, Полиос зарыдал, задыхаясь от боли.

Нефер навалился на него сверху, вдавил его лицо в землю и начал пригибать его левую ногу к спине, и Полиос не мог сопротивляться. Нефер сгибал поврежденное колено назад, пока пятка не коснулась ягодиц Полиоса, и надавил на нее всем весом. Полиос издал ужасающий, нечеловеческий крик.

– Сдавайся! – приказал Нефер, но Полиос был оглушен и парализован страданием. Судья выбежал вперед и коснулся плеча Нефера, чтобы сообщить ему о его победе.

Нефер вскочил на ноги и оставил Полиоса корчиться и рыдать в грязи. Зрители тихо расступились перед ним, ошеломленные стремительностью и законченностью его победы.

Нефер слышал, как кто-то в толпе сказал:

– Эта нога никогда уже не будет ходить, – но не оглянулся, потому что побежал к другому кольцу, отталкивая с дороги зрителей.

Мерен и Сигасса, Крокодил, обхватили друг друга, прижавшись грудью к груди. Они катались по кольцу, по очереди оказываясь сверху. Нефер сразу увидел, что Мерен ранен. Больная кожа Сигассы была толстой и ороговевшей, непроницаемой для боли, и сейчас он использовал ее будто оружие, терся о Мерена, разрывая его плоть, так что кровь сочилась из мелких разрывов на груди и руках. Таита предупреждал их об этом, но было невозможно

избежать этого отвратительного обьятия, и Мерен поддавался ему. Нефер прибежал вовремя.

Правила Красной Дороги были специально направлены против новичков. Однако они позволяли одному новичку приходить на помощь другому, но только после того, как он победит своего противника. Это была одна из немногих льгот, которые им предоставлялись. Нефер воспользовался ей сполна.

В тот миг, когда Нефер вошел в кольцо, он наклонился и подобрал белую гальку, формой и размером напоминающую голубиное яйцо. Кинувшись на помощь Мерену, он положил камень в ладонь, обхватил пальцами и сжал так крепко, что суставы побелели от напряжения. Он превратил свой кулак в оружие, действенное, как молоток плотника.

Толпа закричала, предупреждая Крокодила, и тот отпустил Мерена и одним быстрым движением вскочил. Пригнув голову, он бросился на Нефера. Таита предупредил их, что его лысый шишковатый череп был смертельным тараном. Сигасса уже сломал Мерену два ребра во время первой атаки и сейчас намеревался проделать то же самое с Нефером.

Нефер позволил ему приблизиться, выбирая момент, крепко поставил ноги и правым кулаком ударил сбоку в челюсть Сигассы, точно в то место, которое показал ему Таита. Собственные вес и скорость броска Сигассы прибавились к полной силе плечевых мышц Нефера.

Огромная чешуйчатая голова запрокинулась, и ноги Сигассы стали под ним мягкими, как каша. Но инерция влекла его вперед, и он во весь рост растянулся поперек линии ограничивающих камней.

Никто в толпе никогда не видел, чтобы голый кулак использовали как оружие. Все открыли рты от изумления. Даже Нефер был поражен результатом: Сигасса лежал без движения. В следующее мгновение Нефер оправился и закричал судье:

– Сигасса оставил кольцо! Его следует лишить права бороться!

Судья закричал, соглашаясь:

– Нефер Сети – победитель. Сигасса утрачивает право на поединок. Вы выполнили все и полностью, Нефер Сети!

Нефер подбежал к Мерену и поднял его на ноги.

– Ты ранен?

– Мои ребра! Этот негодяй добрался, – пропыхтел тот.

– Нам надо продолжить.

– Конечно. – Мерен выпрямился и расправил плечи. От боли лицо у него было пепельно-серым. – Это ничего. – Но он держался за бок, когда они бежали к колеснице. Они торопливо надели сброшенные хитоны и привязали кожаные доспехи.

– Мы потеряли слишком много времени. Расстояние уменьшается с каждой секундой. – Взираясь на площадку колесницы, оба огляделись на террасный склон холмов и мишени для копий на равнине внизу.

– Вот они, – проворчал Мерен, и молодые люди увидели тучу пыли, бледной и прозрачной в солнечном свете. Колесницы преследователей все еще были только темными пятнышками под летящей пылью, но, казалось, увеличивались прямо на глазах.

Сказать было нечего. Преследователей не будут проверять борьбой. Они минуют кольца из камней. Нефер и Мерен знали, сколь невелико их преимущество и как стремительно можно потерять даже его. Для этого требовался всего один неправильный шаг или просчет с их стороны.

Нефер тряхнул поводьями и прикрикнул на лошадей. Пока молодые люди боролись, Дов и Крус отдохнули. Теперь они, с новыми силами налегая полным весом на упряжь, мчались вперед. Там линия флагов, отмечающих путь, начала плавно поворачивать обратно на юг, туда, откуда они приехали.

– Мы проехали половину пути! – Мерен хотел сказать это весело, но его голос звучал сдавленно от боли в сломанных ребрах, и каждый вдох был мучителен. Они пересекли плато и достигли другой его стороны, где террасы чередой гигантских ступеней спускались к краю пропасти. Они посмотрели вниз, на загоны и пастбища, где орошаемая земля была

поразительно зеленой рядом с охристыми и серовато-коричневыми оттенками окружающей местности и полуразрушенными башнями и крышами Галлалы, имеющими цвет земли, так что с этого расстояния они казались не построенными человеком, а естественными образованиями пустыни.

Они посмотрели вперед, и пропасть открылась перед ними, будто утроба чудовища. Ее края, крутые и неприступные, обрывались в покрытые тенью фиолетовые глубины. На тропе, идущей к вершинам утесов, стояли кучки людей. Это зрители, наблюдавшие испытание с копьями, срезая путь, спешили посмотреть испытание в стрельбе из лука.

Нефер помчался по террасе, принуждая лошадей бежать во весь опор, пытаясь отыграть у преследователей хотя бы несколько ярдов. Здесь Крус в полной мере искупил свои ошибки у мишеней для копий: его огромная сила несла их и вдохнула новое дыхание в Дов. Они достигли края пропасти и помчались вдоль него, так близко, что мелкие камешки, подброшенные колесами, вылетали в пустоту. Хотя Крус был с краю, ближе всех к пропасти, он не сбился с шага, но, натягивая упряжь, мчался во весь дух. Нефер приободрился.

– Мы все еще успеваем проехать мост, прежде чем они догонят нас, – крикнул он на ветру.

– Вперед, Крус! Вперед, Дов.

Нефер посмотрел вперед и увидел на краю пропасти высокую, сразу узнаваемую фигуру Таиты. Он смотрел через пропасть на цели для стрельбы из лука на другой стороне и не оглянулся, когда они подъехали сзади и спрыгнули с колесницы.

Накануне вечером Таита предсказал: «Если будет дуть западный ветер, стрельба из лука и пересечение пропасти определят заключительный результат. Я буду ждать вас там».

Они взяли с полок луки и колчаны со стрелами и, оставив лошадей на попечении ожидавших конюхов, поспешили присоединиться к Таите на краю утеса.

– Мы потеряли время на метании копий, – мрачно сказал ему Нефер, натягивая тетиву на большой военный лук: уперев один конец в землю между ногами и всем весом налегая на другой, он старался согнуть его.

– Крус был слишком нетерпеливым, – сказал Таита, – и вы тоже. Но нет никакого прока оглядываться. Смотрите вперед! – Он указал через глубокую пустоту туда, где были установлены мишени на легких бамбуковых стойках.

Как и для метания копий, мишеней было пять – пять надутых свиных пузырей, привязанных к крестовинам стоек льняной бечевкой. Их разделяло достаточное расстояние, чтобы стрела, пущенная в одну мишень, не могла случайно поразить другую. Бечевка, удерживавшая их, длиной в два локтя, что позволяло им свободно двигаться. Легкие как воздух, они подскакивали на западном ветру, непредсказуемо взлетая и ныряя.

Огромное открытое пространство между испытываемыми и мишенями едва позволяло точно оценить расстояние до цели, а западный ветер кружил и вихрился по утесам. Сила и направление ветра, которые они чувствовали на этой стороне пропасти, на другой стороне были другими, и это влияло на полет стрелы ни меньше, чем на мишени.

– Каково здесь расстояние, отец? – спросил Нефер, вытягивая из колчана длинную стрелу. Рано поутру Таита уже отмерил шагами на этом краю пропасти одну сторону прямоугольного треугольника. Затем при помощи странного устройства и колышков и веревочек на доске он измерил угол, противолежащий мишеням на другой стороне. Он использовал эти измерения, чтобы непостижимым для Нефера образом вычислить ширину пропасти.

– Сто двадцать семь локтей, – сказал сейчас Таита. Эти сведения Нефер добавил к собственным вычислениям скорости и направления ветра, когда занял позицию на осыпающемся краю утеса. Мерен пошел вслед за ним с более легким кавалерийским луком в руке.

– Именем Гора и богини, – помолился Нефер, – начнем! – Они выстрелили одновременно.

Стрела Нефера пролетела над крестовиной стойки, слишком высоко и далеко. Стрела

Мерена взлетела против ветра под более крутым углом. Когда в верхней части своего пути она замедлила полет, ветер подхватил ее и отклонил влево, и почти на пределе дальности она достигла зыбкой линии свиных пузырей. Она точно ударила в среднюю мишень, и они услышали хлопок, когда пузырь лопнул и исчез будто по волшебству.

Послышался радостный крик зрителей, и судья громко возвестил попадание, но Мерен пробормотал, накладывая на тетиву другую стрелу:

– Просто повезло.

– Я приму любое везение, сколько его есть в твоём колчане, – сказал ему Нефер. – Бак-хер, брат. Бак-хер.

Они натянули луки и вновь выстрелили, и на этот раз стрела Мерена упала, не долетев, и загремела о камни утеса. Нефер на половину локтя промазал по пузырю справа и проклял Сета за насланный им ветер.

В отличие от копий правила Красной Дороги не ограничивали число стрел, которые разрешалось использовать. Единственным условием было то, что испытуемым предписывалось с самого начала везти их на колеснице, поэтому возникала зависимость между весом и количеством. Они привезли по пятьдесят стрел, но каждая длинная стрела Нефера весила как полторы стрелы Мерена.

Они стреляли и промахивались, стреляли вновь и снова промахивались. Таита наблюдал за ветром и полетом каждой стрелы. Он собрал вокруг себя все свое могущество, чтобы ощутить силу и стремительность предательского ветра. Он почти видел его, его ток и силу, будто струи в чистом потоке воды.

– Целься в одну точку мишени! – приказал он Неферу. – Но жди моей команды.

Нефер до отказа натянул лук, и хотя каждый мускул его правой руки дрожал от напряжения, он удерживал его.

Таита читал ветер, стал частью его, чувствовал его в глубине своего существа.

– Сейчас! – прошептал он, и стрела высоко прыгнула через пустоту и покачнулась в капризном воздухе. Затем, будто парящий сокол, она, казалось, собралась с силами и устремилась по наклонной к цели. Пузырь хлопнул, когда она ударила, и толпа завопила.

– Следующая! – приказал Таита, и Нефер натянул лук и удерживал прицел выше и правее второго пузыря.

– Давай! – прошептал Таита. Старик, казалось, управлял полетом стрелы силой своего ума. В самый последний миг перед тем, как она ударила в мишень, западный ветер злобно попробовал отклонить ее, но она удержала направление, и пузырь с резким треском взорвался.

– Следующая. Натяни лук! – прошептал Таита. – Удерживай! – и через один удар сердца: – Ну! – В этот раз стрела почти коснулась пузыря, но в последний миг шар отпрыгнул в сторону. Нефер по команде Таиты выстрелил снова и промахнулся на полную длину стрелы выше и левее. Напряжение при работе с большим луком было чересчур велико, его правая рука болела и мышцы сами собой судорожно сжимались и подергивались.

– Отдохни! – приказал Таита. – Возьми амулет Лостры в правую руку и отдохни.

Нефер отложил лук и встал, склонив голову в позе молящегося, с золотым амулетом в правой руке. Он ощутил, как сила вновь потекла в его правую руку. Мерен все еще продолжал стрелять из меньшего лука, но боль в сломанных ребрах почти согнула его, и пот страдания бежал по его бледному лицу.

В этот миг толпа на вершине утеса задвигалась и обернулась, глядя на террасу. Кто-то закричал: «Подъезжают!» Крик подхватили, и в конце концов он превратился в оглушительный рев.

Нефер поднял голову и увидел на горизонте первую мчащуюся колесницу. Она была достаточно близко, и в вознице он узнал Даймиоса, его золотые волосы развевались на ветру. Вслед за ним растянувшись в колонну ехали другие колесницы преследователей. Нефер расслышал, как колесничие кричат на лошадей и колеса грохочут по неровной земле.

– Не смотри на них, – приказал Таита. – Не думай о них. Думай только о мишени.

Нефер повернулся спиной к приближающейся колонне колесниц и поднял лук.

– Натяни и удерживай! – сказал Таита. Ветер резко подул и прекратился. – Давай! – Стрела безошибочно полетела через пропасть, и четвертый пузырь лопнул.

Нефер вытащил из колчана следующую стрелу и замер, сжимая древко в руке и ощутив в сердце отчаянье. Из пустыни к линии мишеней, кружась, прилетел смерч. Серовато-коричневая завеса из пыли, песка и мусора затенила воздух, и единственный оставшийся пузырь исчез в ее глубинах.

Высоко на холме позади них колесничие-преследователи торжествующе кричали, Нефер слышал над ревом вихря голос Даймиоса:

– Теперь тебе придется встать и биться со мной, Нефер Сети.

– Еще одна мишень, и путь будет свободен, – мрачно крикнул Сокко, судья. – Займите место.

– Цели не видно, – возразил Нефер.

– Воля Неназываемого Бога, – сказал ему Сокко. – Вы должны покориться ей.

– Посмотри туда! – крикнул Таита. – Вот проявление воли более великой и могущественной богини. – Он указал через глубокое ущелье на непроницаемое облако желтой пыли.

Будто пробка, всплывающая из глубин мутного озера, пузырь с тянувшейся за ним оборванной бечевкой, поднялся на вершину пылевой тучи и быстро полетел в горячем воздухе.

– Сейчас, во имя богини Лостры! – убеждал Нефера Таита. – Она – единственная, кто теперь может тебе помочь.

– Именем богини! – крикнул Нефер, вскинул большой лук и выстрелил в крошечный воздушный шар в яростном объятии бури. Стрела взмыла ввысь – выше, выше – и казалось, ей суждено пролететь мимо, левее, но вдруг пузырь дернулся в сторону и опустился ей навстречу. Острый как бритва кремневый наконечник стрелы вспорол его, он взорвался, и ветер унес его прочь, будто тряпку.

– Вы выполнили все и полностью, – криком отпустил их Сокко. Нефер бросил лук и побежал к колеснице. Мерен побежал за ним, оберегая свои сломанные ребра; толпа подгоняла Дов и Круса, вместе рванувшихся вперед. Позади раздались разочарованные сердитые крики преследователей, но Нефер не оглянулся.

В тысяче шагов впереди над ущельем между утесами был перекинут подвесной мост, а под ним ужасная пропасть, но прежде чем достичь его, им нужно было проехать по огню.

Шабако был судьей для перехода через мост. Верхом на лошади он галопом примчался со своего места у мишеней для метания копий, как только Нефер и Мерен прошли испытание. Сейчас он занял следующее место, у моста. Это был самый решающий этап Красной Дороги.

Здесь новичкам предоставляли выбор. Им было необязательно пробиваться к мосту сквозь стену огня. Вместо этого они могли отправиться в обход и пересечь долину в другом месте, дальше, там, где утесы постепенно становились ниже. Однако это добавляло к пути почти две лиги.

Шабако стоял у моста и наблюдал, как колесница Нефера покинула стрельбище, когда преследователи уже догоняли их, и помчалась к нему вдоль края пропасти.

Шабако от души сочувствовал своему фараону. Однако его преданность Красному Богу была нерушима. Хотя он всем сердцем желал увидеть успех Нефера, он не смел оказать ему поддержку. Это было бы нарушением священной клятвы и подвергло бы опасности бессмертную душу.

Он осмотрел изгородь. По всей ее длине расселись его люди с горящими факелами. Изгородь была высотой в два человеческих роста и сделана из связок высушенной травы, которая должна была гореть как трут на этом горячем, сухом ветру. Изгородь образовывала полукруг, так что оба ее конца доходили до края утеса, и окружала вход на мост. Не было

никакой возможности миновать ее. Чтобы попасть на мост, новичкам следовало прорваться сквозь нее.

Шабакo неохотно приказал зажечь огонь. Люди с факелами побежали вдоль изгороди, поджигая ее у основания. Она загорелась сразу, взметнулась высокая стена зловещего темно-красного пламени и черного дыма.

Нефер увидел, как перед ними выросла стена пламени, и хотя это не было неожиданностью, тем не менее он помрачнел, испугавшись за лошадей, потому что те перенесли уже очень много. Он посмотрел на уши Круса и заметил, как они застригли в тревоге, когда жеребец слышал запах дыма и увидел пляшущее и трепещущее на ветру пламя.

Сзади доносились иронические насмешки Даймиоса:

– Езжай длинной дорогой, Нефер Сети. Огонь слишком горяч для твоей нежной кожи.

Нефер, не обращая на него внимания, изучал стену огня, пока они подъезжали к ней. Он не замечал в ней никаких брешей, но ближний конец зажгли раньше, и там пламя пожирало траву быстрее и яростнее. Пока он наблюдал, тяжелая связка сухой травы выпала из стены и оставила узкую брешь, через которую он разглядел размытые жаром очертания входа на мост.

Он подъехал к брешу и сказал Мерену:

– Закрой голову! – Они обмотали головы накидками и облили себя водой из меха, чтобы намочить накидки на голове и хитоны.

– Приготовь повязки на глаза, – сказал Нефер Мерену.

Они были теперь так близко от изгороди, что ощущали впереди пышущий жар, и Крус сбил шаг и начал упираться, когда перед ним выросла стена скачущего пламени.

– Верхом! – приказал Нефер, и они на полном ходу пробежали по дышлу между лошадьми и, прыгнув им на спины, поехали верхом. Нефер потянулся к шее Круса и спокойно заговорил с ним.

– Все в порядке, мой дорогой. Ты знаешь повязку на глаза. Ты знаешь, что я не причиню тебе вреда. Верь мне, Крус! Верь! – Он закрыл жеребцу глаза толстой шерстяной тканью и коленями направил в узкий промежуток в горячей стене. Жара обрушилась на них волной. Их мокрая одежда задымилась, и Нефер почувствовал, как кожа на тыльной стороне его рук вздулась волдырями. Кончики волос в гриве Круса почернели и стали твердыми. Но обе лошади уверенно продолжали бежать.

Они вломились в стену пылающей травы, и та взорвалась вокруг них. Нефер почувствовал, что глаза жжет, плотно закрыл их и подстегнул Круса. Они прорвались сквозь дальний конец, волоча за собой шлейф искр и пламени.

Нефер оглянулся из-под руки и увидел, что Даймиос направил колесницу в брешь, которую они пробили в горячей стене. Глаза у лошадей Даймиоса не были завязаны, и они видели пламя. Они свернули в сторону и начали вставать на дыбы и рваться вперед, стараясь избежать ужаса, который видели перед собой.

– Лошади Даймиоса отказались идти! – крикнул Нефер Мерену, сидевшему на спине Дов. – Теперь у нас есть шанс.

Они помчались к входу на мост, отпустив поводья и лишь слегка сдерживая лошадей.

– Не убирай повязку! – приказал Нефер. – Они не должны увидеть обрыв.

Мост намеренно был построен слишком узким для колесниц и не мог выдержать их вес. Им следовало разобрать колесницу и перенести ее по частям. Покуда Мерен отвязывал упряжь и стреноживал лошадей, Нефер схватил деревянный молоток и выбил бронзовую чеку из ступиц обоих колес. Затем снял колеса. Он взял одно, Мерен – другое, и побежали к мосту.

Мост легко покачивался и изгибался волнами под порывами ветра. Он был недостаточно широк, чтобы оба молодых человека перешли его плечом к плечу. Нефер не колеблясь выбежал на узкий пролет, Мерен последовал за ним. Мост раскачивался под их ногами, будто палуба, но они шагали размеренно, упираясь взглядами в противоположный

берег, не глядя в ужасную бездну и на дно ущелья, покрытое острыми камнями.

Они достигли противоположной стороны, бросили колеса и побежали назад. Пламя горящей изгороди было все еще слишком высоким и яростным, чтобы позволить Даймиосу пройти, хотя они видели, как он стегал и проклинал лошадей.

Они выбросили водяной мех, последние стрелы и прочее лишнее снаряжение, вдвоем подняли основание колесницы и понесли его к мосту, где ветер подхватил их косы, висящие на концах длинных шестов, и торжествующе захлестал ими. Каждый осторожный шаг, который делали Нефер и Мерен, казалось, длился целую жизнь, но наконец они достигли противоположной стороны, опустили на землю основание колесницы и побежали назад. Нефер поднял дышло и уравновесил его на своих плечах. Мерен взял упряжь и мечи, и они снова пошли через мост. Теперь оставалось только перевести лошадей.

Когда они отправились обратно, то увидели, что огонь затихает, но там, где изгородь обрушилась, образовался толстый слой золы, все еще пылавшей печным жаром. Растафа, один из преследователей, кнутом и угрожающими криками погнал своих лошадей вперед, но через несколько шагов шкура на их ногах сгорела до сырого мяса. Кони с ржанием повернули назад, не обращая внимания на возницу и лягаясь от боли.

Нефер и Мерен бегом бросились назад по мосту, раскачивающемуся под ними. Они подбежали к лошадям. Дов и Крус терпеливо стояли, стреноженные, с повязками на глазах. Они сняли с них путы.

– Веди сначала Дов, – приказал Нефер. – Она спокойная.

Пока Нефер ждал на этой стороне, обняв рукой шею Круса, Мерен вывел Дов на мост. Она почувствовала, что опора под ней двигается, подняла голову и встревоженно захрапела. Мерен тихо заговорил с ней. Она осторожно сделала еще шаг и опять остановилась.

– Не торопи ее, – крикнул Нефер. – Пусть пойдет сама. – Шаг за шагом Дов продвигалась по высокому мосту. Дойдя до середины, она замерла, расставив дрожащие ноги. Мерен погладил ей лоб, что-то пошептал, и кобыла пошла. Она добралась до другой стороны, сошла с моста и, ощутив под копытами твердую землю, тихо заржала и с облегчением затрясла головой.

Все еще сдерживаемый горячей преградой, Даймиос закричал:

– Они перевели через мост одну из своих лошадей. Нужно остановить их сейчас. Растафа, дай мне твоих лошадей. Они уже ранены. Я проеду на них, даже если это убьет их.

Нефер оглянулся и увидел, как Даймиос верхом въезжает в пылающую грудку золы. Ноги его лошади проваливались в нее по колени, и искалеченное животное споткнулось и чуть не упало, но Даймиос гнал его вперед в потоке искр и зловонии горящих волос и плоти. Тяжело раненное животное провезло его через золу и упало, едва достигнув земли за преградой. Даймиос прыгнул со спины лошади, вытащил меч и бросился к Неферу.

Нефер выхватил меч и крикнул Мерену через пропасть:

– Возвращайся и переведи Круса. Я задержу этого ублюдка. – Он шагнул вперед навстречу бросившемуся на него Даймиосу, задержал его удар высоко на естественной линии, и лезвия мечей задребезжали и заскрипели по всей длине. Даймиос сменил направление удара и снова рубанул фараона по голове. Нефер отразил нападение и ударил сам, вынудив противника отскочить.

У Нефера было всего мгновение, чтобы оглянуться и увидеть, что Мерен уже выводит Круса на раскачивающийся мост. Крус почувствовал его движение, вскинул голову и попятился.

– Ступай, Крус! – строго крикнул Нефер, и при звуке его голоса жеребец успокоился и осторожно ступил на настил.

Даймиос напал снова, и Неферу пришлось сосредоточить все внимание на нем. Враг нанес несколько быстрых уколов, целясь в горло и грудь Нефера, и, когда Нефер отбил, сменил направление удара и полоснул низко, по лодыжкам. Нефер перепрыгнул через блестящий круг лезвия и направил клинок в открытое плечо Даймиоса. Он задел его – и увидел, как яркая кровь брызнула на загорелые, натертые маслом мускулы.

Но Даймиос, казалось, не почувствовал мелкую рану. Он атаковал с прежней силой. Они обменялись уколами и ударами, затем Даймиос шагнул назад и двинулся налево, пытаясь подобраться к Неферу сзади и отрезать от входа на мост, но Нефер опять атаковал и вынудил его отойти.

Это была небольшая отсрочка. Нефер увидел, что огонь погас и травяная изгородь сгорела почти дотла. Другие преследователи сошли с колесниц, перепрыгнули через груды пылающей золы и бегом кинулись в бой.

– Встаньте вокруг него кольцом и зарубите! – крикнул им Даймиос, когда они подбежали.

Нефер оглянулся и увидел Мерена с Крусом далеко на мосту. Жеребец дрожал и потел, ощущая под копытами колеблющийся настил, но не видел под собой ужасную пустоту.

Тут подбежали другие преследователи, размахивая мечами и глумясь над Нефером:

– Сейчас мы затолкаем твою косу в твою нежную царскую задницу.

Нефер быстро отступил к самому мосту. Теперь на него могли нападать только по одному, и насмешки затихли. Преследователи сгрудились у входа на мост.

– Он задел меня, – сказал Даймиос. – Займись, Растафа, пока я перевязываю рану. – Он оторвал зубами от подола туники полоску ткани и перевязал свою незначительную рану. Пока он занимался этим, Растафа побежал к мосту. Это был бородатый и смуглый здоровяк с темными, злыми пристальными глазами, быстрый, как хорек. Он легко балансировал на качающемся настиле и ткнул Нефера мечом в горло с такой силой, что Неферу снова пришлось отступить.

Крус услышал недалеко за собой звон мечей и крики и протестующе взвился на дыбы. Мост под ним вздрогнул и заколебался, и на одно ужасное мгновение Мерену показалось, что жеребец потеряет равновесие и упадет с моста, но благодаря какому-то удивительному совпадению он опустился на все четыре ноги и встал, дрожа, на ходившем ходуном мосту.

В этот миг Растафа споткнулся и зашатался на краю. Он замахал руками, пытаясь восстановить равновесие. Нефер сделал к нему один быстрый шаг и нанес укол под его поднятую руку. Бронзовое лезвие скользнуло между ребер и вошло глубоко. Растафа посмотрел на него с легким удивлением и сказал:

– Больно. Клянусь Сетом, больно!

Нефер вырвал лезвие, и из сердца Растафы струей ударила кровь. С темно-красной струей крови, бьющей из груди, он опрокинулся назад и, вращаясь, полетел в пропасть, растопырив руки и ноги, будто спицы колеса. Его громкий хриплый крик затихал по мере падения, а затем резко оборвался, когда его доспехи с грохотом ударились о камни на дне ущелья.

Его спутники у входа на мост заколебались, потрясенные ужасом этого гибельного падения, внезапно утратив желание ступить на узкий путь.

Нефер воспользовался этим, чтобы обернуться и погладить дрожащие бедра Круса.

– Спокойно, Крус. Я здесь, мой дорогой. Иди! – Крус успокоился, услышав его голос, и затем, когда сильные колебания моста прекратились, сделал шаг вперед, затем другой.

– Иди Крус, иди.

Они были почти на полпути, когда Мерен предостерегающе крикнул:

– Сзади, брат!

Нефер развернулся назад как раз вовремя, чтобы встретить другого противника, знакомого ему по описанию. Это был ливийский раб, и он сражался за свою свободу. Он бесстрашно бежал по узкому мосту прямо к Неферу и использовал для нападения весь разгон, так что Неферу удалось лишь отклонить этот первый удар. Они уперлись лезвиями и встали грудь к груди, обхватив друг друга свободными руками в убийственном объятии, приподнимая друг друга, толкаясь и пихаясь в борьбе за преимущество.

Крус услышал позади звуки борьбы, и это подстегнуло его. Он вновь устремился вперед, преодолев последние несколько шагов до безопасного берега.

Нефер стоял лицом к лицу с противником, чьи зубы были черны и остро заточены, а

дыхание смердело гнилой рыбой. Раб вознамерился вонзить грязные клыки в лицо Неферу, щелкая ими как пес, но Нефер отпрянул и боднул ливийца лбом, сбив козырек кожаного шлема ему на переносицу. Он почувствовал, как сломались кость и хрящ, и ливиец ослабил хват и отшатнулся. Он потерял равновесие и схватился за веревку-перила, чтобы выпрямиться, отчаянно цепляясь, выгибая спину над пропастью. Нефер обрубил его сжатые пальцы, и веревка выскользнула из окровавленных обрубков. Раб свалился в пропасть, пронзительно крича и крутясь в воздухе. Казалось, он падал очень долго, прежде чем с глухим стуком ударился о камни далеко внизу.

На мосту позади Нефера осталось трое во главе с Даймиосом. Он перевязал свою рану и казался невредимым. Но он видел, что случилось с двумя его товарищами, и теперь был более осторожен. Нефер вступил с ним в бой, удерживая его на расстоянии полной длины лезвия, отступая только по мере того как Крус медленно и нерешительно продвигался к противоположному краю пропасти.

Внезапно Мерен торжествуя крикнул:

– Мы перешли, Нефер. – Фараон услышал стук копыт Круса на скалистом берегу. – Крус перешел.

Нефер не мог оглянуться: меч Даймиоса мелькал и вспыхивал перед его глазами, – но он крикнул:

– Руби мост, Мерен, руби основные канаты, и пусть он упадет.

Даймиос услышал этот приказ и встревоженно отскочил назад. Он бросил взгляд через плечо и увидел, как далеко прошел по мосту и сколько оставалось до противоположного берега.

Мерен стоял над двумя толстыми веревками, которые удерживали всю тяжесть моста. Он ударил мечом по одной из них, и его первый удар разрубил ее до половины, волокна с резким хлопком разделились и начали разматываться, будто раскручивающиеся змеи.

Потное лицо Даймиоса побледнело от ужаса; он развернулся и вместе со своими товарищами побежал по узкому мосту обратно. Нефер ринулся туда, где над веревками стоял Мерен. Он добежал до конца моста и перепрыгнул в безопасное место. Мерен тотчас ударил мечом по другой веревке, рубя ее ударами плеча. Одна из веревок разошлась, а весь мост задрожал, и затем резко накренился. Даймиос бросился вперед и вылез на твердую землю в тот миг, когда вторая веревка была обрублена и мост осел и упал в провал.

Даймиос выбрался на скалу и встал на краю, свирепо глядя на них через пропасть. Нефер вложил меч в ножны и насмешливо помахал ему:

– Перед вами долгий путь.

Затем он кинулся помогать Мерену вновь собрать колесницу. Они занимались этим десятки раз под внимательным взглядом Таиты. Мерен поднял основание колесницы за один край, а Нефер тем временем насадил колеса на оси и вбил молотком в каждую ступицу бронзовую чеку. Затем они подняли дышло и при помощи шкворня прикрепили его к площадке.

Нефер потратил несколько секунд, чтобы посмотреть назад через ущелье. Он увидел, что Даймиос и уцелевшие преследователи уже поднимались на свои колесницы, и сквозь последние струйки дыма, поднимавшиеся от тлеющей травяной изгороди, разглядел, как они колонной помчались вперед вдоль ущелья по дороге, которая в конечном счете должна была привести их туда, где утесы становились пологими, давая им возможность перевезти свои колесницы с лошадьми через ущелье и возобновить преследование.

– Мы выиграли довольно времени. – Мерен старался говорить уверенно, но на то, чтобы перевести через мост возбужденных лошадей, ушло слишком много сил, и он прижал руку к раненому боку.

Нефер опасался за него.

– Возможно, но все во власти Красного Бога, – и он коснулся амулета Лостры у себя под горлом.

Они впрягли лошадей и привязали их к длинному дышлу. Затем взобрались на

площадку и поехали вдоль линии флагов, отмечающих путь. Они не боялись гнать лошадей на предельной для этого участка скорости, потому что в конце пути их ждали Кама из Тавра и Дросса из Инда. Лошади действительно могли бы долго отдыхать, ведь их возницам предстояло вступить в бой с двумя самыми умелыми фехтовальщиками из труппы Аартлы.

Нефер ускорил бег; флаги проносились мимо быстро, через равные промежутки времени. Они въехали на последний подъем и увидели впереди, в дальнем конце длинной узкой долины, город Галлалу, широко распахнувший ворота в ожидании.

Но в начале долины, между ними и городом, на участке, окруженном низкими холмами, стояла толпа из многих сотен людей. Казалось, что все до единого горожане вышли из города, чтобы посмотреть на испытание мечом.

Они быстро подъезжали, а шум толпы, будто рев штормовых волн, нарастал от приветственных криков.

Через толпу шел проход, ограниченный деревянными перилами; он привел испытуемых к двум кольцам из белых камней в гуще толпы. Когда молодые люди спрыгнули на землю и вперед выбежали конюхи, чтобы забрать лошадей, Нефер обнял Мерена.

– Ты сильно ранен, брат, – прошептал он. – Тут нечего стыдиться, поскольку ранение получено в честном бою, но оно будет мешать тебе. Не пытайся противостоять Дроссе и отвечать ударом на удар. Он проворен и силен и одет в полный доспех. Отступай от него и продолжай отступать, пока я не смогу прийти к тебе на помощь.

Затем они разошлись, каждый к кольцу, определенному ему судьями. Нефер остановился у окрашенных белой краской камней и посмотрел на воина в центре.

На Каме из Тавра был полный доспех: шлем, нагрудник и наколенники. Если бы Нефер и Мерен захотели взять с собой такие же доспехи, им пришлось бы везти их в колеснице от начала пути, но вес двух наборов мог истощить даже силы Круса.

Стоя у края каменного кольца, Нефер изучал противника. Шлем Камы был страшной маской с расprostертыми над ушами крыльями, с клювом орла на месте носа. Глаза в отверстиях блестели жестоко и непримиримо. Грудь защищал бронзовый панцирь. Перчатки были покрыты золотыми пластинками в виде рыбьих чешуек. В левой руке он держал маленький круглый щит.

– Горло, запястье, подмышки, лодыжки и глаза, – учил Таита Нефера. – Все остальное закрыто.

Нефер снял с шеи амулет Лостры и намотал длинную золотую цепь на левое запястье. Затем он прижал крошечную золотую фигурку к губам и поцеловал ее, после чего перешагнул через белые камни и пошел вперед, чтобы встретиться с Камой из Тавра.

Они закружились сначала вправо, затем обратно, и внезапно Кама обрушился на него сверкающим рядом уколов и ударов, таких быстрых, что они были почти незаметны для глаз. Нефер не ожидал от противника такого проворства, учитывая вес надетых на него доспехов. Ему следовало применить все свои навыки и силу, чтобы отбиться, и тем не менее он получил порез на ребрах сквозь кожаные доспехи. Когда они разошлись и закружились снова, он почувствовал, как горячая струйка крови потекла вниз по его боку.

Толпа вокруг кричала и ревела, будто штормовое море, но во внезапной тишине, когда они разошлись, Нефер услышал крик боли, донесшийся из другого кольца, и узнал голос Мерена. Мерен пропустил удар, и, судя по крику, серьезный. Он нуждался в помощи Нефера; вероятно, от этого зависела его жизнь. Но и собственная жизнь Нефера была в страшной опасности, поскольку он никогда прежде не сталкивался с таким противником, как Кама.

Даже Таита не нашел у Камы никаких слабостей, но когда противники снова сошлись в водовороте ударов и звоне металла о металл, Нефер заметил крошечный недостаток. Выполняя низкий удар под руку, Кама на мгновение открыл правый бок и боднул головой воздух. Это был неуклюжее движение, выбивающееся из его быстрой и изящной манеры.

Нефер знал, что долго не протянет. Кама был для него слишком умелым и сильным.

– Все на один бросок костей. – Он начал игру, открыв правое бедро, и, будто жалящая

гадюка, Кама тотчас нанес низкий удар, открыв грудь и выставив голову вперед. Готовый к этому, Нефер убрал бедро из-под удара, и лезвие рассекло подол его хитона, не задев его.

Нефер размотал цепочку – блеснул золотой амулет Лостры – и метнул его, будто из пращи, используя цепь для ускорения броска, так что он сверкнул, точно летящий луч света. Он влетел в отверстие для глаза в шлеме Камы, и острый металлический край глубоко врезался в глазное яблоко.

Кама отшатнулся, и по его золотой маске потекла смесь крови и густой прозрачной жидкости из глаза. Он был ослеплен, ошеломлен болью и попытался стянуть шлем, чтобы добраться до выколотого глаза. Как только край его шлема поднялся и открылось горло, Нефер вонзил острие меча на ширину большого пальца выше его кадыка. Острие было направлено вверх и вошло в заднюю часть мозга. Кама широко раскинул руки и упал, умерев еще до того, как его доспехи грянулись о высушенную солнцем землю.

Нефер поставил подбитую бронзой сандалию на его горло и был вынужден приложить немалую силу, чтобы извлечь острие меча, застрявшее между металлом шлема и костью черепа.

Нефер оставил тело лежать и, снова намотав цепочку амулета на запястье, выбежал из кольца. Он рвался к другому кольцу, где находился в смертельной опасности Мерен, но толпа мешала ему. Он принялся размахивать мечом, расчищая дорогу, и зрители с криками разбегались перед ним. Он прорвался сквозь толпу и увидел, что во втором кольце Мерен потерял оружие и из ужасной глубокой раны на правом боку и разреза, наполовину отсекшего ухо, обильно течет кровь. Ухо свисало на щеку на полоске ткани. Каким-то образом Мерену удавалось оставаться вне досягаемости Дроссы, отчаянно отступая от него.

От радости убийства Дросса громко гоготал, и этот звук устрашающим эхом отдавался внутри его военного шлема с гребнем. Растягивая время, он загонял Мерена в положение для смертельного удара и наслаждался этим.

Дросса стоял к Неферу спиной. Нефер прыгнул к нему, нацелив острие меча в шнуровку панциря. Чутьем дикого животного Дросса ощутил опасность и повернулся, чтобы встретить ее. Меч Нефера ударил в металлический нагрудник и отскочил, а Дросса направил сильный удар фараону в голову. Нефер увернулся и отскочил, и они закружились друг перед другом.

Мерен увидел свой шанс и наклонился поднять меч, который уронил, но Дросса прыгнул на него. Мерен был так слаб, что споткнулся и упал. Дросса пинком выбил упавший меч из кольца, поставил ногу Мерену между лопатками и придавил его.

– Смотри, могущественный фараон, которого боится весь мир, твой прихвостень в моей власти. – Он изобразил удар палача, но остановил клинок у затылка Мерена. – Дать тебе его голову? Поистине царский дар.

Нефера захлестнул яростный гнев. Он бросился на Дроссу, желая прогнать его от распростертого тела Мерена, и почувствовал, что клинок полоснул по его бедру. Это отрезвило фараона. Он отскочил назад, и по глазам Дроссы в прорезях шлема увидел, что тот играл с ним, выщепывая из боя последнюю каплю садистского удовольствия. Дросса был актером, и зрителям нравилось его представление. Они одобрительно улюлюкали.

Внезапно Мерен бросился вперед и, схватив Дроссу за лодыжку обеими окровавленными руками, попытался опрокинуть его. Дросса покачнулся, выругался и выдрал ногу, но на мгновение потерял равновесие, и Нефер воспользовался возможностью и атаковал. Он целился в горло, в промежуток между нижним краем шлема и верхним краем нагрудника. Дросса увернулся, и острие меча Нефера звякнуло о металл.

Нефер упустил шанс убить Дроссу, но прогнал его от жертвы, и Мерен поднялся на ноги и встал, пошатываясь, позади Нефера, используя его как щит.

Они закружили снова, и Нефер почувствовал, как первый холодок отчаяния поднимает волоски на его предплечьях. Он знал, что нельзя ожидать второго шанса от такого человека, как Дросса. В отчаянии он снова попробовал метнуть амулет на длинной золотой цепочке в прорезь для глаза в шлеме Дроссы. Дросса наклонил голову, и золотой амулет отскочил от

его шлема. Не будь он на цепочке, Нефер лишился бы его, но амулет вернулся, и цепочка сама намоталась вокруг левого запястья Нефера.

– Это не оружие, а детская игрушка, – засмеялся Дросса презрительно.

Они кружились и делали ложные выпады. Дросса двигался легко, Неферу мешала необходимость оберегать Мерена. Он не мог напасть и оставить Мерена без защиты.

Дросса работал с ними двумя как пастушеская собака с ягнятами, отгоняя их назад, к линии белых камней. Он хотел сделать убийство захватывающим, чтобы потешить толпу и приумножить свою славу.

– Преследователи! – крикнул кто-то в толпе, и все головы качнулись и поднялись к вершине холма в начале длинной долины.

На горизонте мчалась колесница Даймиоса. Отчаянно желая отомстить за свое унижение у входа на мост, он мчался изо всех сил и, обогнав остальную часть своего отряда, приближался к ним во весь опор.

– Ты принадлежишь мне, могущественный Египет! – дразнил Дросса Нефера. – Я не позволю выскочке вроде Даймиоса забрать у меня твою косу.

Он угрожающе приближался, и Нефер видел ледяную решимость в бледных глазах за прорезями шлема.

Нефер шепнул Мерену:

– Если я погибну, спасайся. Выйди из кольца.

– Нет, фараон, я поеду с тобой копыеносцем по дороге в рай, – сказал Мерен тихо, и силы оставили его. Ноги под ним подогнулись, и, истекая кровью, он осел на землю. Дросса воспользовался моментом и налетел на Нефера будто лавина. Его меч ударял и звенел о клинок отчаянно защищавшегося Нефера, будто молоток кузнеца по наковальне.

Каждый удар вызывал в правой руке Нефера дрожь и онемение до плеча, и он знал, что долго ему так не выдержать. Однако он смотрел Дроссе в глаза, чтобы предвидеть каждый удар, и заметил, как они сузились и заблестели, когда тот приготовился нанести смертельный удар.

Это был удар сверху, подобный удару молнии с небес, и Нефер сумел только поднять собственный меч над головой, чтобы встретить его. Он знал, что не сможет отбить или отклонить его одной рукой: тот был слишком сильным. Поэтому он укрепил правую руку, схватившись за запястье левой рукой, в которой держал золотой амулет.

Мечи сшиблись с такой силой, что бронза не выдержала. Оба клинка сломались и, вращаясь и поблескивая, вылетели за пределы круга из белых камней.

Противники, неожиданно разоруженные, мгновение смотрели друг на друга в изумлении. Нефер пришел в себя первым и швырнул рукоятку меча в голову Дроссе. Дросса инстинктивно зажмурился и увернулся, Нефер бросился на него, и они столкнулись грудь в грудь.

Будто пара храмовых танцовщиц, они кружились сначала в одну сторону, затем в другую и пытались бросить соперника наземь.

Дросса неумолимо пропихнул свои руки под мышки Неферу и сомкнул бронированные кулаки между его лопатками.

Браслетами из серебра и позолоченными перчатками он начал прижимать Нефера к своему бронзовому панцирю. Нефер ничем не мог ответить, поскольку Дросса оторвал его от земли. У него не было никакого оружия, чтобы защититься, кроме амулета Лостры.

Из последних сил он сумел набросить петлю золотой цепочки на шлем Дроссы. Он обвязал ее вокруг обоих своих запястий и оттянул вниз, пока она вдруг не нашла щель ниже шлема и прильнула к шее Дроссы. Нефер натянул цепочку и, начав двигать ею пилящими движениями, почувствовал, как золотые звенья глубоко вгрызаются в живую плоть.

Дросса, задыхаясь, разорвал хват и обеими руками попытаться освободиться. Он схватил Нефера за запястья и попробовал оттянуть их от своего горла, но это увеличило режущую силу звеньев цепочки. Глядя в прорези в шлеме, Нефер увидел, как глаза Дроссы полезли из орбит и налились кровью. Он еще раз обернул цепочку вокруг правого запястья и

стал двигать ею взад-вперед. Дросса издал булькающий звук, и в одном из его глаз лопнула жила. Он выкатился из гнезда как перезрелая ягода, и, все еще сжимая запястья Нефера, Дросса упал на колени. Нефер стоял над ним и крутил запястьями, натягивая цепь, пока внезапно не почувствовал, как она прорезала хрящ. Дыхание Дроссы вырвалось из разрезанной трахеи. Нефер сделал еще один оборот цепи и потянул снова, чувствуя, как золото пилит кость. Кровь широкими струями вырвалась из-под края шлема, и Нефер собрался и напряг остаток сил. Цепь вошла в соединение между двумя позвонками в шее Дроссы и разрежала ее. Голова Дроссы отделилась от плеч и, все еще упрятанная в тяжелый шлем, покатила по земле.

Когда Нефер, пошатнувшись, шагнул назад, он услышал крик судьи:

– Вы выполнили все и полностью, – и опять надел окровавленную золотую цепочку на шею. После этого он посмотрел поверх голов обезумевшей толпы на склон холма. Колесница Даймиоса была уже на полпути по склону и галопом мчалась прямо к нему.

Нефер наклонился к Мерену.

– Можешь стоять? – спросил он, но, когда Мерен сделал усилие, его ноги подогнулись, и он растянулся на утоптанной земле. Нефер за руку потянул его вверх, затем перекинул ее себе на шею. Приняв Мерена на плечи, он поднял его на ноги, затем подхватил под колени и взвалил неподвижное тело на себя, так что голова Мерена свисала ему на спину, а ноги – на грудь.

Мерен был тяжелым, а Нефер изнурен почти до предела. Он пошел пошатываясь к ожидавшей их колеснице и опустил товарища на площадку. На мгновение он прислонился к колесу, чтобы отдышаться, и оглянулся.

Даймиос доехал до конца склона и – меньше чем в четырехстах шагах от них – мчался стрелой. Он был так близко, что Нефер видел торжествующее выражение его лица. Даймиос наклонился вперед, длинным черным кнутом ударил по спинам лошадей, и те словно рванулись вперед и поскакали еще быстрее. Колесницы других преследователей катили по склону за ним; всего их было шесть. Если у Нефера и были какие-то мысли остаться и дать бой, он мигом выбросил их из головы. В своем нынешнем состоянии он не смог бы противостоять Даймиосу даже в честном бою. Следовало бежать.

Нефер обвязал двумя витками веревки тело Мерена, связал их у него подмышками и затянул узел, притянув Мерена к площадке. Затем вскарабкался на площадку и встал, расставив ноги, над телом Мерена.

– Отпускайте! – крикнул он конюхам, державшим лошадей, и те отпустили их и отскочили с пути.

– Вперед, Дов! Вперед, Крус! – крикнул Нефер и хлестнул поводьями по их спинам. Лошади вместе рванулись вперед, и толпа разбежалась перед ними. Он погнал их по долине к открытым воротам города и пустил бегом.

Внизу между его ногами Мерен невольно стонал, когда колесница подсакивала и тряслась, и Нефер старался по возможности объезжать неровные участки. За собой он слышал шелканье кнута и, оглянувшись, увидел, что Даймиос догоняет их. Он стегал коней и гневно кричал на них, но между ними и Дов с Крусом расстояний не сокращалось, несмотря на жестокие удары кнутом, которыми Даймиос осыпал своих лошадей. Нефер посмотрел вперед и оценил, сколько им еще осталось проехать.

До ворот Галлалы оставалось меньше половины лиги. Он уже различал венки из пальмовых листьев, украшающие стены и колонны из красного камня по краям ворот.

И тотчас был наказан за ротозейство. Их правое колесо ударило об островок голого камня на краю дороги, отчего колесница высоко подскочила и сильно вильнула. Она чуть не опрокинулась, но, пока Нефер старался удержать колесницу, Крус налег на упряжь и помог выправить ее.

Теперь, оглянувшись, Нефер увидел, что ошибка дорого им стоила: Даймиос приблизился к ним на сто шагов. Он был от них в броске копья, и Нефер увидел, как он потянулся, достал копье из стойки и намотал метательный ремень на запястье.

Нефер не мог ответить тем же. Он израсходовал все свои копы на первом этапе, лук бросил у пропасти, а свой последний меч сломал в схватке с Дроссой. У него даже не было кнута. Его единственной защитой была скорость.

Он крикнул лошадям:

– Вперед, Дов! Вперед, Крус!

Услышав, как он выкрикнул их имена, лошади прижали уши, копыта застучали по твердой земле, а ступицы колес пронзительно закрипели, потому что даже черное масло Таиты почти высохло.

Затем со стуком копыт упряжки Нефера смешался звук других копыт, и когда юноша оглянулся, Даймиос был еще ближе, он стегал лошадей так, что их спины и бока были покрыты кровавыми рубцами. Даймиос держал в руке поднятое копьё и теперь метнул его. Нефер смотрел, как оно покинуло его руку и полетело, будто ядовитое насекомое. Он инстинктивно пригнулся, когда копьё вонзилось в доски площадки рядом с его правой ногой, и выпрямился, дрожа.

– Вперед, мои дорогие. – Его голос прозвучал резко, и лошади услышали это. – Дайте мне все, что можете! – Крус нашел в своем большом сердце еще каплю сил и увлек за собой Дов. Они начали удаляться от исхлестанных в кровь лошадей Даймиоса.

– Тяните, свиньи! – кричал Даймиос. – Тяните, или я сниму шкуру с ваших спин. – И под хлопанье его длинного кнута они ехали вместе, будто невидимая веревка связала обе колесницы.

Даймиос схватил другое копьё и намотал метательный ремень. Когда он отвел назад руку для броска, Нефер, мастерски рассчитав время, щелкнул поводьями. Копьё было уже в воздухе, когда Дов наклонилась на плечо Круса, и они взяли чуть в сторону, ровно столько, чтобы копьё пролетело мимо плеча Нефера. Но этот поворот стоил им потери дистанции, и Даймиос схватил последнее копьё из стойки и намотал метательный ремень на запястье. Теперь он был близко, очень близко.

Нефер с отчаянием смотрел на него, натягивая поводья, чтобы лошади ждали его команды. Даймиос выставил правое плечо вперед в броске, и Нефер опять подал свою упряжку в другую сторону, изменив направление их бега на полном галопе. Но копьё не вылетело из руки Даймиоса: выпад был ложным. Он снова поднял копьё в исходное положение, выровнял его и приготовился бросить.

Неферу пришлось вернуться обратно, иначе ему не миновать было бы покинуть дорогу и выехать на неровную землю с рассеянными по ней валунами. Он изменил направление, и на сей раз Даймиос прицелился не в Нефера, а в Дов, чей бок открылся при повороте.

Копьё попало ей высоко в плечо, пробило шкуру и связку мышц, ударилось в кость и не проникло к жизненно важным органам. Удар был не смертельный, а только выводящий из строя, потому что из-за наконечника с зазубринами копьё повисло на боку кобылы, мешая каждому шагу.

Она старалась, старалась изо всех сил, но больше не могла идти вровень с Крусом; кровь побежала по ее боку, забрызгивая ноги Нефера. Он чувствовал, как колесница под ним замедляет ход, и хотя он кричал на Дов, копьё хлопало ее по боку при каждом шаге и путалось у нее в передних ногах.

Даймиос устремился вперед, и Нефер краем глаза увидел, что головы его мчащихся лошадей поравнялись с его колесом, и голос Даймиоса, хриплый от напряжения и торжества, прозвучал над самым его ухом:

– Все кончено, Нефер Сети. Теперь ты мой.

Нефер повернул голову и посмотрел. Губы Даймиоса раздвинулись, образовав ужасное отверстие, будто у человека, умершего от вывиха челюсти. Он бросил последнее копьё и отшвырнул кнут, но вытянул меч.

Как далеко до ворот, думал Нефер. Меньше пятисот шагов. Очень близко, совсем близко. И все-таки слишком далеко.

Он невольно поглядел на крышу храма. На ней вплотную стояли крошечные

человеческие фигурки, и среди них, как раз там, где он ожидал ее увидеть, он различил алую тунику Минтаки: девушка махала над головой зеленой ветвью, а ее длинные темные волосы развевались на северном ветру, будто флаг.

«Награда больше всех прочих», – подумал он, и его рука наткнулась на копьё Даймиоса, вонзившееся в настил возле его ноги. Наконечник глубоко впился в дерево, но он собрался с силами и, крутя и дергая, вытянул его из доски.

У него не было метательного ремня, но он взял копьё в руку и посмотрел на противника. Глаза Даймиоса сузились, когда он увидел оружие в руке Нефера, и он встал в защитную стойку с мечом. Он неумолимо нагнал Нефера и атаковал. Нефер отбил удар древком копья. Колесницы разъехались в стороны, затем снова съехались и столкнулись с такой силой, что Нефера чуть не выбросило через край и ему пришлось изо всех сил вцепиться в поводья, чтобы удержаться.

Даймиос ударил мечом по длинному шесту, на котором развевалась коса Нефера, но не разрубил твердый бамбук. Нефер восстановил равновесие и ткнул в Даймиоса копьем, отгоняя его. Теперь колесницы ехали колесо к колесу, ступица к ступице.

Нефер и Даймиос наклонились вбок, нанося друг другу рубящие и колющие удары. Бронзовый меч ударил по груди Нефера, и хотя он отклонился назад, держась за поводья, лезвие прорезало кожу его нагрудника, и он почувствовал боль. Но ткнул острием копья в лицо Даймиоса и вынудил его отклониться в сторону.

Дов бежала с трудом, зубцы наконечника все еще держались в ее коже, древко било ее по ногам при каждом шаге.

Нефер слышал множество голосов, сначала тихих и почти тонущих в стуке копыт и визге и грохоте колес, но они становились громче с каждым шагом. Он поглядел вперед и сквозь пот, разъедавший глаза, прямо впереди увидел ворота. Городские стены и крыши были запружены толпами. Сквозь их приветственные крики ему почудился голос Минтаки:

– Для меня, сердце мое, сделай это для меня!

Возможно, это ему лишь показалось от усталости, но это укрепило его, и он прикрикнул на лошадей и подстегнул их поводьями. Но Дов пошатывалась и слабела.

Даймиос снова приблизился, и в этот раз, когда Нефер ткнул в него копьем, нанес сильный удар не по нему, а по древку копья. Его меч рассек древко в нескольких сантиметрах от руки Нефера, оставив в ней бесполезный обрубок. Нефер швырнул его в голову Даймиоса, но тот увернулся и снова нанес удар Неферу, вынудив его отклониться к дальней стороне площадки, чтобы избежать блеснувшего лезвия.

Даймиос мгновенно воспользовался преимуществом и увеличил скорость, чтобы обогнать Нефера. Проезжая мимо его колесницы, он протянул руку и схватился за шест, на котором развевалась на ветру коса Нефера. Он попытался отломить шест, но тот, хотя согнулся почти вдвое, сопротивлялся его усилиям. Удерживая шест одной рукой, Даймиос протянул другую руку к толстой косе из темных волос. Она развевалась и трепетала у кончиков его пальцев, но он одновременно удерживал той рукой рукоятку меча, и ему не удавалось схватить трофей. Он бросил меч, схватился за косу и попытался сорвать ее, но бамбук был гибким и крепким, а коса надежно привязана.

Крус и одна из лошадей Даймиоса мчались галопом плечом к плечу. Даймиос был полностью поглощен попыткой сорвать трофей с бамбукового шеста. Он знал, что Нефер обезоружен и не представляет никакой опасности, и не обращал внимания на каменные ворота впереди, которые все приближались.

– Навались! – крикнул Нефер Крису. – Толкни его плечом! – Нефер хлестнул поводьями. Этому они учили жеребца все те месяцы в пустыне. Вместе с Таитой, правившим другой упряжкой, Нефер приучил Круса любить это соревнование в силе, и теперь тот повернул большое правое плечо, толкнул им другую лошадь и вывел ее из равновесия. Сцепившиеся колесницы отклонились вправо; ворота быстро приближались. По обеим сторонам ворот стояли колонны, высеченные из красного камня, и хотя песчаные ветры в течение столетий истачивали и стирали их, они все еще оставались массивными и

неприступными.

– Обгони их! – крикнул Нефер Крису и сильно подстегнул его поводьями. Крус на локоть обогнал упряжку соперника, и теперь она мчалась прямо в крепкую красную каменную стену.

В самый последний миг Даймиос осознал, что происходит, и, с громким встревоженным криком отпустив бамбуковый шест, попытался справиться с мчащейся колесницей, но Крус бежал, обгоняя другого жеребца, и вел его прямо к каменным воротам.

Даймиос понял, что не сможет остановить мчащуюся колесницу и избежать столкновения. Он попробовал выпрыгнуть, но опоздал. Обе его лошади на полном скаку врезались в каменную колонну. Это мгновенно их убило. Нефер услышал их последнее испуганное ржание, когда они врезались в камень, удар, треск их ломающихся костей и раскалывающегося дерева. Одно колесо оторвалось и мгновение катилось, подпрыгивая, рядом с колесницей Нефера. Даймиоса швырнуло, будто одно из его собственных копий, в стену. Он ударился головой, и его череп взорвался, как перезрелая дыня. Его крепкие белые зубы вонзились в поверхность красного камня, и впоследствии их, извлеченные оттуда мальчишками, надевали на золотые цепочки и продавали на рынке.

Нефер направил Круса и Дов в ворота, и хотя ступица их колеса чиркнула по красному камню, они ворвались на главную улицу города, с обеих сторон запруженную радостными толпами. Мостовую устилали пальмовые ветви и цветы, даже платки и головные повязки, и другие предметы одежды.

Больше всего Нефер беспокоился о Дов. Он остановил лошадей, спрыгнул и подбежал к раненой кобыле. Зазубренный наконечник копья глубоко вонзился в ее плечо. Удалить его он доверил бы только Таите, но отломил древко, чтобы оно больше не свисало с бока лошади. Затем он опять поднялся на площадку колесницы и взял поводья.

Люди толпились на улице и бежали рядом с колесницей, лошади двигались шагом. К победителям тянули руки, чтобы коснуться Нефера, головными платками вытирали кровь, текущую по ногам из его ран. Кровь бога, фараона и воина Красной Дороги превращала ткань в священную реликвию. Горожане взволнованно выкрикивали восхваления.

– Помолись за нас, могущественный Египет. Истинный фараон!

– Веди нас, великий фараон. Позволь нам разделить твою славу.

– Да здравствует божественный брат Красного Бога!

– Живи тысячу и тысячу лет, Нефер Сети, истинный фараон!

У входа на площадь толпа была такой плотной, что городским стражникам пришлось выбежать перед колесницей и дубинками разогнать людей, прежде чем Нефер смог проехать.

В центре площади на каменном возвышении стояли Хилто и Шабак, чтобы приветствовать новых братьев-воинов.

Нефер остановил побитую, запыленную и забрызганную кровью колесницу около возвышения, и два воина спустились и помогли ему поднять Мерена. Они вместе понесли его в храм Хатор, где ждал Таита. Они положили Мерена на подставку, которую приготовил Таита, и старый Маг немедленно занялся раненым, начав с глубокой раны на его боку, нанесенной мечом. Слезы Мерикары падали на истерзанное, окровавленное тело Мерена и омывали его раны.

Воины Красной Дороги повели Нефера назад на площадь. Затем Нефер спустился по ступеням, снял косы с колесницы и поднес их к жаровне на треноге в центре каменного возвышения, в которой горел огонь. Он опустил их на колени перед жаровней и объявил:

– Никакой враг не завладел этими знаками нашей чести и доблести. – Он высоко поднял их, чтобы увидели все, и сказал, отчетливо и гордо: – Посвящаю их Красному Богу. – Затем он бросил косы в огонь. Они ярко вспыхнули. Нефер поднялся на ноги и, ослабев от ран, покачнулся. – Я проехал по Красной Дороге! Хотя мне недостает лет, я подтвердил свое право на двойную корону Египта. Объявляю себя фараоном. Я один истинный фараон. Пусть страшится любой другой притязавший на корону.

Толпа разразилась приветственными криками, а воины Красной Дороги опустились перед ним на колени, поцеловали его правую руку и ногу и поклялись в преданности до самой смерти и после нее.

Нефер поднял правую руку, требуя тишины, но ноги у него подкосились, и он упал бы, если бы Минтака, бросившись вперед, не поддержала его. Обняв ее одной рукой за плечи, он посмотрел ей в глаза и прошептал:

– Все, что я сделал, я сделал для Египта и для вас, любовь моя.

Его голос был таким хриплым и тихим, что лишь она услышала его. Она потянулась и поцеловала его в губы, и народ понял это как открытое провозглашение помолвки. Все закричали так, что эхо вспугнуло стаи голубей с утесов за стенами города.

Плывя на водах двух великих рек, город лежал перед ними, будто цветок лотоса, готовый к тому, чтобы его сорвали. Его стены, сложенные из обожженного кирпича, были двадцать семь локтей толщиной и выше, чем самые высокие пальмы этой плодородной и достаточно орошаемой земли.

– Какова их окружность? – спросил Трок Иштар Мидийца. – Сколько времени уйдет на то, чтобы объехать этот город?

– Десять лиг, великий, – ответил ему Иштар. – Полдня езды.

Трок вытянулся на площадке своей колесницы и прикрыл ладонью глаза.

– Это там легендарные Синие Ворота? – спросил он. Он знал, что Иштар жил в этом царском городе в течение пятнадцати лет и большей части своей магии научился здесь, в храме Мардука.

Даже на таком расстоянии ворота мерцали, будто огромный драгоценный камень. Они были так широки, что десять выстроившихся в ряд колесниц могли въехать в них одновременно, а резные ворота из кедра были выше десяти человек, поставленных на плечи друг другу.

– Они действительно синего цвета, – изумился Трок. – Я слышал, они покрыты лазуритом.

– Это не так, великий. – Иштар искривился в снисходительной гримасе. – Это керамические плитки. На каждой плитке изображен один из двух тысяч десяти богов Вавилона.

Трок бросил взгляд полководца вдоль стен, тянувшихся на мили с обеих сторон от Синих Ворот. Через каждые двести шагов в них стояли сторожевые башни, и через равные промежутки массивную стену подпирали тяжелые контрфорсы. Иштар угадал, о чем он думает:

– По верху стены проходит дорога, достаточно широкая, чтобы по ней проехали две колесницы в ряд. В течение часа Саргон может переместить по ней пять тысяч солдат в любое место, которому будет угрожать осада.

Трок хмыкнул, показав, что это не произвело на него впечатления.

– Как бы там ни было, любую стену можно подрыть и обрушить. Нам нужна только одна брешь.

– За ней есть внутренняя стена, божественный фараон, – вкрадчиво проговорил Иштар. – Она почти так же неприступна, как первая.

– Если мы не можем пройти напрямик, то найдем обход, – пожал плечами Трок. – А это там дворцовые сады Саргона? – Он качнул бородой с вплетенными в нее лентами, указывая на огромные террасы, ярусами поднимавшиеся в небо. Они были так искусно подняты одна над другой, что напоминали парящую перевернутую пирамиду, которая, казалось, парила точно могучий орел с распростертыми крыльями, свободная от притяжения земли.

Иштар ткнул жилистой, покрытой синей татуировкой рукой.

– Есть шесть террас, построенных вокруг обширного внутреннего двора, каждая следующая шире предыдущей. Только на женской половине – пять тысяч комнат, по одной для каждой из жен Саргона. Его казна скрыта в глубокой темнице под дворцом и заполнена

золотом на высоту в рост человека.

– Ты видел эти чудеса собственными глазами? – усомнился Трок.

– Кроме женской половины, – признался Иштар, – но я входил в главное хранилище казначейства и скажу вам прямо, царь и бог, что во всем вашем войске не найдется достаточно повозок, чтобы увезти столько сокровищ, сколько находится перед нами.

– А я скажу тебе прямо, Иштар Мидиец, что всегда могу построить новые повозки. – И Трок запрокинул голову и весело загоготал.

Марш к Вавилону был долгим триумфом, неразрывной вереницей побед. На берегах Бахр-аль-Мильха они встретились с Раном, старшим сыном Саргона: колесницы Трока и Нага размолотили его войско будто дурру и смели мякину в озеро, так что вода стала красной от крови и вздутые тела плавали от одного берега до другого.

Они послали отрубленную голову Рана его отцу, насадив ее на копье. Обезумевший от горя Саргон угодил в западню, которую они приготовили ему. В то время как Наг отступал перед ним, заманивая, Трок обошел его с юга и напал с тыла с тысячей колесниц. Когда Саргон повернул назад, чтобы защитить свой обоз, они окружили его блестящим кольцом из бронзы.

Саргону удалось вырваться с пятьюдесятью колесницами, но он оставил за собой две тысячи колесниц и одиннадцать тысяч солдат. Трок оскотил пленных – на это два дня. Он лично присоединился к работе и, по локоть в крови, будто мясник, грубо подшучивал над каждой из своих жертв и размахивал перед их глазами отрезанными гениталиями. Затем он оставил своих жертв истекать кровью – она была жертвой Сеуету, голодному богу, который любил такую пищу. Отрезанные трофеи Трок послал Саргону, засыпав их солью, в ста сундуках из кедра. Тонкий намек на то, что ожидает царя, когда Трок и Наг придут в Вавилон.

Вавилон был построен на узкой полосе земли между двумя реками, Евфратом на западе и Тигром на востоке. Во время панического отступления Саргон не уничтожил мосты. Однако в любом случае потребовалось бы целое войско, чтобы разрушить массивные быки из обожженного кирпича, на которых они покоились. У Саргона больше не было войска. Он оставил один потрепанный отряд пехоты, чтобы защищать мосты, но у солдат, чей дух был сломлен, не было колесниц для поддержки. Они не могли долго противостоять двум фараонам.

Трок приказал связать по рукам и ногам и бросить их с центрального пролета моста в широкую бурю, и египетские отряды выстроились вдоль парапета, чтобы полюбоваться на корчи тонущих пленных.

Теперь, через год с небольшим с тех пор как они вышли из Авариса, Вавилон лежал перед ними.

– Ты знаешь укрепления, Иштар. Ты участвовал в проектировании некоторых из них. Сколько пройдет времени, прежде чем город падет? – нетерпеливо спросил Трок. – Сколько времени у меня уйдет, чтобы пробить брешь в стенах?

– Стены неприступны, великий, – ответил Иштар.

– Мы оба знаем, что это не так, – возразил Трок. – Если достаточно времени, людей и решимости, не существует такой возведенной стены, которую нельзя разрушить.

– Год, – задумчиво проговорил Иштар. – Или два, а возможно и три. – Но выражение его татуированного лица было лукаво, и глаза бегали.

Трок засмеялся и шутя зажал в кулаке покрытую лаком остроконечную бороду Иштара. Он стал крутить ее, пока покрытое синими кольцами лицо колдуна не исказилось от боли, а глаза не увлажнились.

– Ты хочешь играть со мной, колдун. Ты знаешь, как я люблю хорошую игру, не так ли?

– Пощадите, могущественный Египет, – захныкал Иштар. Трок оттолкнул его с такой силой, что мидиец чуть не упал с площадки колесницы и был вынужден ухватиться за край переднего щита, чтобы удержаться.

– Ты говоришь год? Два? Три? У меня нет этого времени, чтобы сидеть здесь и рассматривать красоты и чудеса Вавилона. Я спешу, Иштар Мидиец, и ты знаешь, что это значит, верно?

– Знаю, бог, не имеющий равных. Но я всего лишь человек, бедный и склонный ошибаться.

– Бедный? – закричал Трок ему в лицо. – Клянусь Сеуетом, гнусный шарлатан, ты выдоил у меня уже лакх золота, и что я получил за это?

– Город и царство. Самое богатое в мире после Египта. Я положил его к вашим ногам. – К этому времени он хорошо знал Трока, и знал, как далеко тот мог зайти.

– Мне нужен ключ к этому городу. – Трок посмотрел ему в лицо и обрадовался тому, что там увидел. Он знал Иштару почти так же хорошо, как колдун знал его.

– Это наверняка будет ключ из золота, – размышлял Иштар. – Возможно, три лакха золота?

Трок громко захохотал и ударил колдуна в голову бронированным кулаком. Он не собирался причинить ему вред, и Иштар легко увернулся от удара.

– На три лакха я могу купить другое войско. – Трок покачал головой, и ленты в его бороде запорхали, как облако бабочек.

– Вон там, в казне Саргона, лежит сто лакхов. Три из ста – небольшая цена, чтобы заплатить.

– Дай мне город, Иштар. Дай мне его в течение трех полных лун, и ты получишь два лакха золота из казны Саргона, – пообещал он.

– А если я дам вам его до следующей полной луны? – Иштар потер руки, будто торговец коврами.

Когда Трок услышал такое предложение, его усмешка исчезла и он серьезно сказал:

– Тогда ты получишь свои три лакха и повозки, чтобы увезти их.

Войско двух фараонов встало лагерем перед Синими Воротами, и Трок отправил к Саргону посланника с требованием немедленной сдачи города – «чтобы спасти такие чудесные постройки от огня, а вас, вашу семью и народ от меча», как, забавляясь, выразился Трок. В ответ Саргон, уверенный в себе и дерзкий за своими стенами, послал Троку отрубленную голову гонца. Готовясь к штурму, Трок и Наг объехали вокруг стен города, чтобы дать вавилонянам увидеть их полную мощь и великолепие.

Они ехали на золотых колесницах. Колесницу Трока везли шесть черных жеребцов, колесницу Нага шесть белых. Гесерет, блистая драгоценностями, ехала рядом с Нагом. Ее высоко уложенные локоны украшал золотой урей. Вслед за золотыми колесницами шли пятьдесят пленных вавилонянок, захваченных в отдаленных городах и деревнях между двумя реками. Все они были беременные, некоторым почти пришел срок рожать.

Перед ними ехал авангард в пятьсот колесниц, а следом за ними арьергард из еще пятисот. Медленный, величественный объезд города занял весь день, и к Синим Воротам они возвратились на закате. Саргон и его военный совет собрались за парапетом над сверкающими воротами.

Саргон был высок и худ, с копной седых волос. В юности он был могущественным воином и, чтобы расширить свои владения, захватил земли на севере до самого Черного моря. За все свои кампании он потерпел поражение только однажды, а именно от фараона Тамоса, отца Нефера Сети. Теперь другая пара египтян стояла у его ворот, и он не обманывался в отношении того, что эти двое будут так же милосердны, как первый. Чтобы он утвердился в этом, Трок приказал раздеть беременных женщин и выводить вперед по одной. Затем, на глазах всего города, их раздутые животы вспарывали и вырывали оттуда нерожденных младенцев. Крошечные тела бросали в кучу перед Синими Воротами.

– Добавь их к своему войску, Саргон, – ревел Трок внизу. – Тебе понадобятся все люди, каких ты сможешь найти.

Для Гесерет это был долгий и захватывающий день. Она удалилась в свой шатер со

всеми своими девушками-рабынями, оставив мужа и Трока внимательно изучать при свете ламп карту города. Она представляла собой произведение искусства. Карта была нарисована на тонко выделанной овечьей коже, стены, дороги и каналы нарисованы в масштабе, каждое из главных зданий изображено с расцвеченными деталями.

– Как она попала к тебе? – спросил Наг.

– Двенадцать лет назад по приказу царя Саргона я осмотрел город и нарисовал эту карту собственными руками, – ответил Иштар. – Никто другой не смог достичь такой точности и красоты.

– Если Саргон приказал сделать ее, почему ты не доставил ее царю?

– Доставил, – кивнул Иштар. – Я отдал ему худший набросок, но тайно сохранил чистовик, который вы видите перед собой. Я знал, что однажды кто-то заплатит мне более щедро, чем когда-то Саргон.

В течение следующего часа они изучили карту, время от времени бормоча замечания, но большей частью молча и сосредоточенно. Закаленные в боях полководцы с профессиональным взглядом на те или иные особенности поля битвы, они были способны восхищаться толщиной и крепостью стен, башен и укреплений, выстроенных слой за слоем в течение столетия.

Наконец Трок встал у стола.

– Здесь нет никаких слабых мест, которые я заметил бы, колдун. Впервые ты прав. Потребуется три года тяжких трудов, чтобы пробиться сквозь эти стены. Тебе придется сократить этот срок, чтобы заработать свои три лакха.

– Вода, – прошептал Иштар. – Посмотрите на воду.

– Я смотрел на воду, – улыбнулся Наг, но это была улыбка змеи, холодная, тонкогубая. – Есть каналы, снабжающие водой каждый квартал города. Воды довольно, чтобы выращивать сад Саргона на шести террасах, которые поднимаются в небо, и поить и кормить город в течение ста лет.

– Фараон всевидящ и всемудр, – поклонился Иштар, – но откуда поступает вода?

– Из двух могучих рек. После Нила это самые могучие реки в мире. Поступление воды в этом тысячелетии не прерывалось.

– Но где вода входит в город? Как она проходит, через или под этими стенами? – настаивал Иштар, и Наг с Троком обменялись взглядом растущего понимания.

В половине мили к северу от Вавилона, за городскими стенами, на восточном берегу Евфрата, там где река расширялась и замедляла течение, стоял храм Нинурты, крылатого, львиноголового бога Евфрата. Он был воздвигнут на каменном пирсе, который выдавался в реку. На фризе, обегавшем все четыре внешние стены, было вырезано множество изображений бога. На каменной балке над входом на аккадском языке было высечено предупреждение всем, кто намеревался вторгнуться в святилище, – предостережение, призывающее на них гнев божества.

Иштар Мидиец, чтобы отвести проклятие, совершил на пороге колдовской обряд, перерезав горло двум пленникам и обрызгав их кровью двери. Едва путь был очищен, Трок с двадцатью солдатами за спиной прошел во внутренний двор храма, где собрались все одетые в пурпурные мантии жрецы Нинурты. Они пели гимны и жестикулировали, махали руками в сторону вторгнувшегося, плескали водой из Евфрата на его путь, призывая Нинурту создать невидимую стену волшебной силы и прогнать Трока.

Трок не останавливаясь шагнул сквозь стену и убил старого верховного жреца одним уколом в горло. Стеная от такого кощунства, прочие жрецы пали перед ним ниц.

Трок вложил меч в ножны и кивнул начальнику стражников.

– Убейте их всех. Удостоверьтесь, чтобы никто не сбежал.

Работа была проделана стремительно, и, когда внутренний двор усыпали одетые в пурпур тела, Трок приказал:

– Не бросайте их в реку. Нельзя, чтобы городские стражники увидели, как они плывут

мимо, и догадались, что мы задумали.

Затем он обернулся и посмотрел на Иштар, который, как только избавились от всех жрецов, вошел во внутренний двор, чтобы совершить еще один колдовской обряд для противодействия губительному влиянию призванного ими бога. В четырех углах он зажег пучки трав, от которых повалил густой, жирный дым, противный Нинурте и, как весело заметил Трок, всем богам и обычным смертным в равной мере. Закончив очищение, Иштар не медля направился в святилище храма. Трок и его солдаты последовали за ним с обнаженными мечами, покрытыми засохшей кровью.

Их подбитые медью сандалии звенели в пустоте высокого и мрачного, похожего на пещеру зала, и даже Трок ощутил священный трепет, когда они подошли к статуе бога на постаменте. Голова льва оскалилась в немом рычании, а каменные крылья были широко расправлены. Иштар прочитал еще одну длинную молитву богу, чтобы умиротворить его, и повел Трока в узкое пространство между задней стеной и спиной идола. Там он указал на дверь из толстой решетки, встроенную в тело Нинурты. Трок схватился за прутья решетки и зашатал их изо всех своих медвежьих сил. Она не двигалась.

– Есть более легкий путь, многомудрый фараон, – ележно сообщил Иштар. – Ключ – на теле верховного жреца.

– Принеси его! – рявкнул Трок начальнику своей стражи, который сразу убежал. Когда он вернулся, на его руках была кровь, но он нес связку тяжелых ключей, среди них – длиной с его предплечье. Трок стал вставлять их один за другим в замок на решетке, и второй ключ повернулся в древнем механизме. Дверь распахнулась на скрипящих петлях.

Трок поглядел на уходившую в темноту спиральную лестницу. Поднимающийся из глубокой шахты воздух был холодным и сырым, и фараон слышал далеко внизу журчание воды.

– Принесите факелы! – приказал он, и начальник стражи послал четверых солдат вынуть из скоб горящие факелы.

Держа факел над головой, Трок стал спускаться по узкой лестнице без перил. Он шел осторожно, потому что каменные ступеньки обросли слизью и были скользкими. Шум бегущей воды становился тем громче, чем ниже он спускался. Иштар шел следом.

– Этот храм и туннель под ним построены почти пятьсот лет назад, – сказал он Троку. Наконец под ними заблестела вода и стало слышно журчание потока, стремительно бегущего в темноте. Наконец Трок достиг дна и ступил на каменную площадку. В неверном свете факела он увидел, что они стояли в широком туннеле с вогнутым сводом, акведуке внушительных размеров. Его крыша и стены были выложены керамическими плитками, образующими геометрические узоры. Оба конца туннеля скрывались в полной темноте.

Иштар оторвал со стены кусочек гриба и бросил его в поток. Гриб понесло вдоль туннеля, и он исчез из вида.

– Глубина здесь больше, чем рост человека, – сказал колдун, и Трок задумчиво посмотрел на начальника стражи, словно обдумывая, не проверить ли это утверждение. Тот отступил в тень, пытаясь сделаться незаметным.

– Пешеходная дорожка, на которой мы стоим, идет по всей длине акведука, – объяснил Иштар. – Жрецы, которые следят за туннелем и ремонтируют его, пользуются ей.

– Где она начинается и где кончается? – спросил Трок.

– На дне реки, под пирсом храма, есть колодец куда стекает вода. Дальний конец акведука доходит до другого храма Нинурты внутри стен Вавилона, около Синих Ворот, – объяснил Иштар. – Только жрецы знают о существовании этого туннеля. Все прочие считают, что вода – великодушный дар бога. После того как вода выливается из источника около храма, она поднимается водяными колесами-шадуфами к дворцовым садам, а также течет по каналам в каждый квартал города.

– Я действительно думаю, Иштар Мидиец, что ты близок к получению своих трех лакхов. – Трок смеялся от удовольствия. – Тебе остается только провести нас по этой кроличьей норе в город чудес и к казне, особенно к казне.

Трок рассудил, что у жрецов в главном храме Нинурты в пределах городских стен должно быть исправное сообщение со жрецами речного храма. Они почти наверняка использовали этот акведук для связи между общинами. Им не потребуется много времени, чтобы обнаружить, что с их братьями в речном храме произошло нечто неблагоприятное. Следовало быстро составить план.

Трок выбрал двести своих лучших и самых надежных солдат; все они были членами его собственного клана леопарда. Затем он разделил их на две группы. Как только они доберутся по акведуку в город, первая группа должна будет захватить Синие Ворота и держать их открытыми, пока фараон Наг Киафан не введет сквозь них главные силы. Вторая, намного меньшая, группа должна пробиться во дворец и захватить казну Саргона прежде, чем тот сумеет избавиться от золота.

– Потребуется тысяча повозок, чтобы вывезти все золото, – уверил его Иштар.

Отобранные две сотни оделись как войско Саргона, сняв вещи с пленных и погибших солдат, оставленных на поле битвы. Воины Саргона носили туники из полосатого материала длиной до лодыжек, с поясом на талии, и высокие шлемы в форме улья. Иштар научил их завивать бороды и волосы кольцами, как принято в Месопотамии. Они только надели красные пояса, чтобы отличаться от противника. Войсковые писцы спешно нарисовали и выдали начальникам обоих отрядов грубые копии городской карты, так чтобы они знали расположение улиц и зданий. К вечеру каждый солдат точно знал, что от него потребуется, когда он войдет в город.

Едва стемнело, Наг тихо выдвинул наступательный отряд на позицию около Синих Ворот, готовый ворваться в город, как только солдаты Трока распахнут их. Во внутреннем дворе речного храма Нинурты Трок собрал свой отряд. Пока было еще светло, они с Иштаром провели воинов колонной по одному вниз по спиральной лестнице в акведук. Никакой спешки не было, потому что впереди у них было много часов, чтобы совершить долгое подземное путешествие. Они надели на обитые бронзой сандалии кожаные носки, поэтому их тяжелые шаги не отзывались эхом в мрачном туннеле. Они шли в тишине, каждый десятый солдат нес факел, дающий достаточно света для идущих следом, чтобы те различали, куда ступать на слизистых камнях дорожки. Слева от них журчал в темноте бесконечный поток воды. Через каждую тысячу шагов Иштар останавливался, чтобы умиротворить божественную Нинурту дарами и заклинаниями и очистить путь впереди от магических препятствий и барьеров, расставленных мертвыми жрецами.

Однако тихий марш казался Троку бесконечным, и для него стало полной неожиданностью, когда Иштар резко остановился и указал вперед. Слабое мерцание света отражалось от блестящих керамических стен. Трок дал идущим за ним солдатам сигнал остановиться и пошел вперед с Иштаром. Поверх своей одежды они надели пурпурные мантии, снятые с тел убитых жрецов, и водрузили на головы их шапки.

Подойдя к источнику света, они увидели новую решетку поперек туннеля и искаженные тени, отбрасываемые людьми на стены в свете факелов в скобах над дверью. Подойдя ближе, они увидели за решеткой двух жрецов в мантиях; сидя на табуретах, с доской бао между ними, они были поглощены игрой. Иштар тихо позвал, и они взглянули на него. Толстый жрец встал и покачиваясь пошел к двери.

– Вы от Синны? – спросил он.

– Да! – уверил Иштар.

– Вы опоздали. Мы ждем с сумерек. Вам следовало быть здесь несколько часов назад. Верховный жрец будет недоволен.

– Простите, – в голосе Иштара звучало раскаяние, – но вы знаете Синну.

Толстый жрец хихикнул.

– Да, я знаю Синну. Он учил меня моим обязанностям тридцать лет назад.

В замке двери забренчал ключ, и она распахнулась.

– Вам следует поспешить, – сказал он.

Трок в капюшоне, закрывающем его лицо, выбежал вперед, держа меч в складке мантии. Жрец отступил к стене, чтобы дать ему пройти. Трок остановился перед ним, прошептал:

– Нинурта вознаградит тебя, брат, – и убил его уколom под подбородок и в мозг.

Второй жрец с испуганным криком вскочил, опрокинув доску бао и рассыпав камни по дорожке. Двумя большими шагами Трок подскочил к нему и обрубил половину головы. Не издав больше ни звука, жрец упал спиной в темный поток и, поддерживаемый на плаву раздувшейся мантией, был унесен по туннелю.

Трок тихо свистнул, и его солдаты с приглушенным топотом вошли с обнаженными мечами в свет факела. Иштар шел перед Троком, пока они не достигли основания другой крутой каменной лестницы. Они быстро поднялись по ней и подошли к тяжелому занавесу, преграждавшему им путь. Иштар заглянул за его край и кивнул.

– Храм пуст.

Трок шагнул в проем и огляделся. Этот храм был еще больше и внушительнее, чем речной. Потолок был таким высоким, что свет пятидесяти факелов поглощала тень. Под ними над устьем шахты, из которой с огромной силой, как из гигантского источника, струей била вода и втекала в глубокий водоем с белым мраморным парапетом, находилось изваяние сидящего бога.

Тело жреца, которому Трок почти отрубил голову, плавало в бассейне, откуда вода переливалась в канал, несущий ее в город. Хотя в воздухе стоял густой запах благовоний, огромный зал храма оказался пуст.

Трок дал солдатам сигнал продвигаться вперед. Выходя из туннеля, они в тишине сразу выстраивались позади своих командиров. Трок сделал знак рукой, и они побежали вперед. Иштар повел меньший отряд через боковую дверь из зала в коридор, соединяющийся с дворцом Саргона. Трок вывел солдат в узкий переулок позади храма и, пользуясь только памятью о карте, повернул во второй переулок и вышел на широкую дорогу, ведущую, как он знал, к Синим Воротам. Все еще было темно, над спящим городом сверкали звезды.

По пути они встретили несколько человек в накидках, одного или двух пошатывающихся пьяных, но прочие убегали с их пути, пропуская темную колонну вооруженных воинов. Женщина с ребенком на руках крикнула им вслед:

– Пусть Мардук улыбнется вам, смелые воины, и спасет нас от Трока, египетского варвара. – Трок достаточно знал аккадский, чтобы понять ее, и улыбнулся в бороду.

Переодетых в чужую одежду, их никто не окликнул до самого конца дороги, но когда показались ворота, из помещения охраны прозвучал голос.

– Стой! Скажите пароль на сегодняшний вечер. – Сотник охраны ворот с пятью солдатами за спиной вышел на свет факела. Но эти шестеро были плохо подготовлены, без шлемов и доспехов, с опухшими глазами и сонными лицами.

– Благородный посланник царя Саргона к фараонам Египта, – проговорил Трок на отвратительном аккадском и махнул рукой своему отряду: атаковать. – Откройте ворота и встаньте в сторону! – Он бежал прямо на сотника.

Мгновение солдат колебался. Затем, увидев блеск мечей, он торопливо крикнул:

– К оружию! Вызвать караул! – Но было поздно. Трок уже оказался рядом с ним, и сотник опрокинулся, сраженный первым же ударом. Солдаты Трока толпой напали на других стражников, прежде чем те смогли защититься, но шум услышали часовые у парапета над воротами. Заревели тревогу бараньи рога, и в нападавших полетели копьа.

– Выбейте их оттуда! – приказал Трок, и половина его солдат бросилась на стену по пандусам с обеих сторон ворот. Там они сразу же вступили в отчаянный ближний бой со стражниками. Половину своих солдат Трок оставил при себе.

Иштар описал комнату при воротах, в которой помещался сложный механизм, система тяжелых лебедок и шкивов, открывающая массивные ворота. Трок привел солдат к входу в эту комнату, прежде чем стражники смогли закрыть двери изнутри, и через несколько минут яростного боя большинство стражников были убиты или ранены. Оставшиеся в живых

побросали оружие, некоторые упали на колени и тщетно молили о пощаде. Их, коленопреклоненных, закололи или убили ударами дубинок. Другие сбежали сквозь заднюю дверь, и Трок подвел своих солдат к массивным лебедкам. По два человека, тянущих свою рукоятку вертикальной лебедки, они начали открывать ворота.

Но рев бараньих рогов разбудил городских стражников, и те высыпали из своих бараков, некоторые без доспехов и толком не проснувшись, и бросились на защиту ворот.

Трок закрыл на засов тяжелую дверь в комнату с лебедкой и поставил у входа солдат, чтобы оборонять ее. У парапета над воротами его солдаты убили или сбросили со стены защитников и сейчас сражались на пандусах, сдерживая нападающих вавилонян.

Дверь в комнату с лебедкой дрожала и прогибалась под ударами вавилонян, отчаянно пытавшихся ворваться, но благодаря усилиям солдат Трока лебедки медленно вращались и массивные ворота поднялись со своей опоры, щель под ними неуклонно расширялась.

Дорогу к воротам теперь заполнили защитники Вавилона, но им мешало их собственное число. Только четыре человека в ряд могли подниматься по пандусам на стену, и солдаты Трока встречали и отбрасывали их назад. Другие все еще пытались ворваться в комнату с лебедками, но двери оказались крепкими. Когда их наконец разбили, на пороге ждал Трок со своими солдатами.

За стенами города воины Нага столпились перед воротами с ломами и рычагами. Они поднимали тяжелые ворота выше и выше, так что наконец в них мог пройти отряд колесниц. Тогда они отошли в сторону, и Наг повел колонну боевых колесниц в ожесточенную атаку через ворота. Колесницы помчались, сметая защитников города с дороги. Египетское войско двинулось вслед за ними. Трок принял командование и яростно повел ее через город к дворцу.

Разграбление Вавилона началось.

Дворец обороняли упорно, защитниками командовал сам Саргон. Однако к вечеру Трок пробил брешь во внешней стене первой террасы. Он ввел сквозь нее сильный отряд, и защита оказалась сломлена.

Когда они ворвались в опочивальню Саргона, тот стоял на коленях перед статуей Мардука, месопотамского бога-пожирателя, с окровавленным мечом в руках. Рядом с ним лежало тело его любимой жены, седовласой женщины, проведенной с ним тридцать лет.

Он даровал ей смерть, милосердную в сравнении с тем, что постигло бы ее в руках солдат Трока. Однако самому Саргону не удалось упасть на свой меч. Трок выбил оружие из его руки.

– Нам многое следует обсудить, великий, – пообещал он. – Разве не вы называли меня Черным Зверем Сеуета? Я надеюсь убедить вас, что вы раскрасили меня неправильным цветом.

Гарем выгнали из дворца. Женщин оказалось только пятьсот, а не пять тысяч, как сулил Иштар. Трок выбрал двадцать самых молодых и красивых для себя лично, а остальных отдал своим военачальникам. После того, как они наслаются пленницами, тех отдадут солдатам.

Потребовалось еще два дня, чтобы пробиться к казне, скрытой глубоко в земле под дворцом, потому что ее охраняли множество хитроумных приспособлений и устройств. Без совета и знаний из первых рук Иштара Мидийца, возможно, потребовалось бы еще больше времени, чтобы проникнуть в главную палату сокровищницы.

Когда путь был очищен, Трок, Наг и вслед за ними Гесерет, спустились по лестнице и вошли в палату. Иштар осветил ее изнутри сотней масляных ламп, их лучи, отражаясь от хитроумно расставленных полированных медных зеркал, полностью освещали добычу.

Даже оба фараона и Гесерет замолчали, ошеломленные великолепием сокровищ. Серебро лежало в брусках, золото было отлито в конические слитки, которые входили друг в друга для простоты хранения. На всех были отметки ювелиров и царское имя Саргон.

Гесерет, на сей раз безмолвной, пришлось прикрыть ладонью глаза, защищая их от

ослепительного блеска скоплений драгоценного металла. Наг медленно пошел вперед между штабелями, возвышавшимися над его головой, через каждые несколько шагов останавливаясь, чтобы погладить слитки. Наконец к нему вернулась способность говорить, и он прошептал:

– Они теплые и гладкие, как тело девственницы.

Трок взял по тяжелому слитку в каждую руку и засмеялся от удовольствия.

– Сколько? – спросил он Иштар.

– Увы, великолепно и божественно великий, у нас еще не было возможности пересчитать. Но мы посмотрели свитки Саргона. Его писцы обозначили полный вес серебра в пятьдесят пять лакхов, золота в тридцать три. – Он осуждающе развел татуированными руками. – Но кто поверит подсчету вавилонянина?

– Саргон – еще больший грабитель, чем я считал. – В устах Трока это прозвучало как похвала.

– По крайней мере, здесь довольно, чтобы заплатить малую долю, которую вы обещали мне? – вкрадчиво спросил Иштар.

– Пожалуй, мы обсудим это позднее, – радушно улыбнулся Трок. – Я – добрый и щедрый человек, Иштар, ты отлично это знаешь. Однако сверхщедрость – своего рода глупость. А я не глуп.

На этом он закончил ликуя любоваться содержимым казны, потому что в городе оставалось еще очень много такого, что можно было посмотреть и на что подивиться. Трок и Наг обошли дворец и поднялись на верхнюю террасу с ее фонтанами, садами и рощами. С этой высоты их взорам открылись обе великие реки и вид на поля, болота и заросли тростника за городскими стенами.

Затем они посетили все храмы, поскольку эти величественные здания также были наполнены слитками золота, красивой мебелью, скульптурами, мозаиками и иными произведениями искусства. Забирая их, Наг и Трок говорили с божеством храма как братья и ровня. Трок объяснял, что Вавилон больше не столица, а просто часть Египта. Поэтому бог должен сменить место своего земного пребывания на Аварис, где Трок обеспечит его подходящим помещением. Изъятие богатства бога следовало рассматривать как заем, который позже обязательно будет возмещен.

Самым большим из вавилонских храмов был храм Мардука Пожирателя. Трок обнаружил, что это не только источник драгоценных металлов и камней, но и место, полное безграничного очарования.

Иштар был поклонником Мардука и в молодости изучал тайные науки в этом самом храме под руководством верховного жреца. Не получив еще свою награду, он пристал к Троку, как клещ к животу льва. Он объяснил Троку, как поклоняться Мардуку, и Трок заметил:

– Вкусы Мардука очень похожи на знакомые мне вкусы Сеуета. Вполне возможно, они родные братья.

– Вы проницательны как всегда, великий. Однако Мардук куда более охоч до человеческих жертв, чем Сеует. И требователен к тому, как ему подается жертва.

Он провел Трока по лабиринту проходов и коридоров, через сады, внутренние дворы и гулкие залы в святую святых глубоко в сердце храма, который сам по себе был маленьким городом. Наконец они пришли к помещению с печью.

Когда они встали над главной жертвенной печью, Трок зачарованно поглядел в ее жерло. Он был поражен конструкцией и постройкой.

– Опиши ее мне, – приказал он Иштару.

– Здесь две печи, а не одна, по одной за каждой из тех стен. – Иштар указал вниз, на стены из сверкающей меди. – После того как зажгут древесный уголь, огромными мехами раздувают огонь, пока металлические стены не засветятся от жара, будто встающее солнце. Эти стены можно передвигать. При помощи шкивов жрецы могут выкатывать их вперед или откатывать назад...

Когда Иштар закончил объяснение, Трок ударил бронированным кулаком в ладонь другой руки.

– Клянусь Сеуетом и Мардуком, я никогда не слышал ничего подобного. Мне надо увидеть, как она работает. Если все так, как ты описываешь, я прикажу соорудить такое же хитрое устройство в моем собственном храме в Аварисе. Прикажи, чтобы жрецы разожгли их адские печи. Мы отпразднуем мою победу жертвоприношением Мардуку.

– Потребуется несколько дней, чтобы печи раскалились как следует, – предупредил его Иштар.

– У меня есть несколько дней, – сказал Трок. – Я должен проследить за погрузкой добычи, а также позаботиться о довольстве и благополучии двадцати молодых жен Саргона. – Он закатил глаза. – Это самая трудная задача. В любом случае, мои головорезы все еще заняты разграблением города. Пройдет некоторое время, прежде чем я смогу привести их в чувство.

Три дня спустя Трок устроил на верхней террасе огромного дворца пир для своих военачальников в честь победы. Гости расселись среди рощи растущих в огромных глиняных горшках апельсиновых деревьев в полном цвету, отчего воздух был напоен их сладким ароматом. Вокруг журчали и булькали фонтаны. Пиршественный стол покрывал шелк. Чаши и посуда были из серебра и золота и украшены драгоценными камнями – их взяли из комнат с пожертвованиями храму. В качестве табуретов использовались жены Саргона, стоявшие на коленях голышом, но в золотых цепях. Позднее, когда сказались осушенные кувшины пенящегося пива и сладкого вина, женщин использовали как живые подушки и матрацы.

Посреди этого пира Иштар подполз к Троку под бок и прошептал на ухо:

– Божественный фараон, поглощающий моря и поедающий звезды, печи готовы.

Трок пошатываясь поднялся на ноги и хлопнул ладонями.

– Благородные братья! – обратился он к своим военачальникам, и те заревели от смеха. – Я хочу предложить вам развлечение. Идите за мной! – И он покачиваясь направился к лестнице вместе с окружившими его воинами.

Они столпились на галерее вдоль парапета и посмотрели в жертвенную камеру. Из двух труб над их головами поднимался дым, и они взмокли от жара, пышущего от раскаленных металлических стен.

– Мы собрались здесь сегодня, чтобы принести жертву великому богу Мардуку, который отдал нам свой город как военный трофей, – сказал Трок, подражая распевному, неискреннему голосу верховного жреца. Все с восторгом разразились одобрительными возгласами.

– Какую лучшую жертву можем мы предложить, чем царь и его семейство? – Снова раздались одобрительные возгласы.

Трок махнул Иштару, и тот бросился вниз по лестнице в палату, где у вуротов стояли сто рабов, готовые привести в действие механизм. По сигналу верховного жреца они запели гимн Мардуку.

Жрец вышел на выступ над открытой камерой с пышущими жаром стенами. Он поднял руки и под песнопения рабов пронзительным фальцетом запел молитву богу.

По его знаку в неподвижной каменной стене печной камеры открылась маленькая дверь, и другой жрец ввел идущих гуськом людей. Они были одеты в простые белые туники, и у каждого на шее была веревочная петля.

Это были люди обоих полов и всех возрастов – и грудные младенцы, которых несли на руках их матери, и малыши, и совсем юные отроки. Самым высоким был худой седовласый человек с осанкой царя и воина.

– Приветствую тебя, Саргон, могущественный правитель небес и священной земли между двумя великими реками, – издевательски крикнул Трок. – Я сделаю для тебя то, на что у тебя самого не хватило храбрости. Я отправлю тебя посланцем в любящие руки твоего бога, Мардука Пожирателя. Поскольку я сострадателен, и не хочу, чтобы твои жены,

маленькие сыновья и дочери оплакивали тебя, я пошлю их с тобой, пусть составят тебе компанию в пути. – Он подождал, пока затихнет смех его военачальников, и продолжил: – Передай Мардуку, когда встанешь с ним лицом к лицу. Скажи ему, что Трок, его божественный брат, приветствует его и требует его доброго расположения.

Саргон, собравший вокруг себя сыновей, не соизволил взглянуть на Трока или ответить на его слова.

Трок посмотрел на верховного жреца.

– Теперь, жрец, покажи, как работает этот ваш механизм.

Верховный жрец снова запел, но другую молитву, суровую и простую. В комнате позади него рабы запели вместе с ним, и в такт молитве шагнули вперед, притопнув босыми ступнями по каменным плитам пола со звуком, подобным удару грома. С каждым шагом ворота проворачивались.

Сначала, казалось, ничто не изменилось, но затем Иштар прошептал:

– Посмотрите на пылающие стены, могущественный Трок, величайший из всех царей-героев. Смотрите, они начали медленно сближаются. Чрезвычайно медленно. Наконец они встретятся, и жертвы захрустят и почернеют, будто мотыльки в пламени лампы.

Трок наклонился вперед, его лицо сияло от пота и предвкушения.

– Мардук доволен, – объявил Иштар, подняв взгляд от чаши. – Жертва, которую вы принесли ему в печи, была для него самой желанной.

Трок кивнул.

– Скажи моему брату Мардуку, что я доволен тем, что он доволен.

Трок преклонил колена на груди расправленных леопардовых шкур, лежащей на каменном полу во внутреннем святилище храма перед алтарем Мардука Пожирателя. Золотая статуя бога имела вид миловидного юноши с улыбающимся лицом. Статуя была в три или четыре раза больше натуральной величины. Единственными особенностями, которые отличали бога от смертного, кроме его размера, были маленькие, похожие на козлиные рога с боков его покрытой локонами головы и раздвоенные копыта вместо ступней.

– Ты говорил, Мардук ужасный бог, более жестокий и яростный, чем любой другой в пантеоне, даже более свирепый, чем Сеует, – упрекнул Трок Иштар, когда впервые увидел статую, – а это всего лишь хорошенький мальчик.

– Божественный фараон, не обманитесь! – предупредил Иштар. – Это – лицо, которое Мардук показывает миру людей. Его истинный вид так ужасен, что любой человек, посмотревший на него, немедленно превратится в слепого и слюнявого дрожащего безумца.

Отрезвленный этим, Трок опустился на колени перед статуей и молчал. Жрецы внесли двух новорожденных младенцев и предложили их богу. Иштар перерезал им горло так умело, что они едва вскрикнули, и кровь потекла в золотую чашу предсказания, стоявшую внизу.

Когда маленькие обескровленные тела были брошены в мраморный колодец, ведущий к печи под святилищем, Иштар поставил золотую чашу перед алтарем и зажег жаровни с благовониями. Распевая и бормоча заклинания, он бросал в огонь горсти трав, пока святилище не наполнилось клубами синего дыма, а воздух не стал ароматным и расслабляющим. Через некоторое время Трок обнаружил, что ясно думать ему трудно и перед глазами все колеблется так, что тени, казалось, дрожали и плясали; он услышал где-то вдалеке издевательский смех. Он закрыл глаза и прижал пальцы к векам. Когда он вновь открыл их, то увидел, что сладкая улыбка на лице бога превратилась в хитрый взгляд, такой похотливый и пугающий, что по спине у Трока побежали мурашки, будто поползли ядовитые насекомые. Он хотел отвести взгляд, но обнаружил, что не может.

– Великий бог Мардук доволен, – повторил Иштар, читая предзнаменования, отраженные на поверхности наполненной кровью чаши. – Он изволил ответить на ваши вопросы.

– Скажи Мардуку, что я отношусь к нему, как к равному. Я пошлю еще тысячу жертв в его печь.

– Мардук слышит вас. – Иштар поднял чашу и вгляделся в нее. После долгой тишины он начал медленно раскачиваться с чашей на коленях. Наконец он поднял глаза от чаши. – Смотри, Мардук, великий бог Вавилона! Говори с нами, ужасный бог, мы молим тебя!

Он раскрыл руки навстречу золотой статуе, и бог заговорил голосом ребенка, лепечущим и приятным.

– Приветствую тебя, мой брат Трок, – сказал этот странный голос. – Ты желаешь узнать о неоперившемся соколе, который расправляет крылья и острит когти в пустынном месте.

Трока изумил не только бестелесный голос, но и точность этого утверждения. Действительно, он намеревался спросить совета насчет своего замысла напасть на Нефера Сети и уничтожить его. Он хотел ответить, но его горло сжалось и пересохло, как пелены древней мумии.

Мелодичный детский голос продолжил:

– Ты получал хорошие советы от моего преданного слуги Иштар Мидийца. Хорошо, что ты следовал им. Если бы ты не слушал его, если бы пошел на Галлалу, ты столкнулся бы с бедствием еще большим, чем ветер хамсин, который уничтожил и похоронил твои легионы. – Трок с горечью вспомнил, как Иштар отговорил его отправить еще одно войско в восточную пустыню, чтобы напасть на Нефера Сети и схватить Минтаку, его сбежавшую женщину. Его лазутчики давно сообщили ему о точном местонахождении пары в Галлале. Он собрал для этой экспедиции особый отряд колесниц и пеших воинов, зная, что если не избавится от этой угрозы своему трону, если не сокрушит фараона-мальчика прежде, чем тот войдет в полную силу, то скоро бунты и восстания распространятся по всему его царству. Он знал, что тогда основанная им династия, разрушится и исчезнет. И, несмотря на жажду избавиться от дерзкой угрозы со стороны Нефера Сети, куда больше он стремился снова схватить ту единственную, что оскорбила его и пренебрегла им. Его ненависть к ней заглушала любые другие его чувства.

Иштар предотвратил этот поход. Предсказаниями страшных последствий, предупреждениями о бедствии и смерти Иштар убедил его отправить его войска в совместную с Нагом кампанию, поход к легендарному городу Вавилону. Однако, хотя к настоящему времени поход оказался победоносным, хотя добычу и жертв резни было не сосчитать, Трок все-таки чувствовал неудовлетворенность.

Он – обращаясь к себе и золотому богу – прорычал:

– Я должен получить Нефера Сети. Двойная корона будет шатко держаться на моей голове до тех пор, пока я не убью его и не брошу его тело в огонь, так чтобы он никогда не воскрес. Я уже приказал стереть его имя и имя его родителя со всех зданий и памятников в Египте, но мне нужно уничтожить его и память о нем навсегда.

В гневе и ненависти он вскочил и крикнул Иштару и его богу:

– Ты однажды отговорил меня от того, что мне следовало сделать, страдая дурными предзнаменованиями и мрачными предостережениями. Теперь я обращаюсь к тебе как равный, а не с мольбой. Я требую, чтобы ты предоставил мне тело и душу Нефера Сети для суда и возмездия. И не приму от тебя и твоего приспешника очередной отказа.

В ярости и разочаровании Трок собрался пнуть Иштару. Мидиец заметил это и откатился в сторону. Обитая бронзой сандалия Трока задела чашу для гадания, и кровь младенцев выплеснулась на плиты и на переднюю часть алтаря.

Даже Трок был потрясен тем, что сделал. Он застыл перед статуей, ожидая ответа бога.

– Святотатство! – завопил Иштар. – Трок Урук, теперь ваше предприятие несомненно обречено. – Затем он пал ниц в лужу крови, до того перепуганный, что не мог поднять глаза к статуе.

Ужасная тишина пала на святилище. Слабый шум огня в жертвенной печи под каменным полом, на котором они стояли лишь подчеркивал ее.

Затем раздался звук, тихий, но не узнать его было нельзя. Это было дыхание,

походившее вначале на дыхание спящего ребенка, но постепенно – более грубое и сильное. Теперь это было дыхание дикого животного, затем чудовища, эхом отзывавшееся в храме. Наконец оно превратилось в разъяренный рев оскорбленного бога, ревущий как все бури в небе, гремящий будто штормовые волны в океане. Он был так ужасен, что даже Иштар Мидиец захныкал, будто ребенок.

– Бог теперь никогда не позволит вам преуспеть. Вы не осмелитесь выступить против Таиты и его подопечного, пока Маг не умрет, – прошептал Иштар.

Затем послышался ужасный голос, такой грубый и неземной, что потрясенный Трок задрожал.

– Слушай меня! Трок Урук, ты – смертный! – утверждаешь, что принадлежишь к сонму богов! – Гром гулко грохотал в темном святилище. – Тебе известно, что ты вовсе не бог. Слушай меня, богохульник! Если ты отправишься в поход против Галлалы вопреки моей воле и советам моего пророка, Иштара Мидийца, я уничтожу тебя и твоё войско так же, как похоронил твоё другое войско в песках пустыни. На сей раз тебе не избежать моего гнева.

Даже одурманенный ядовитым дымом жаровен с благовониями и напуганный голосом разгневанного Мардука, заполнившим храм, Трок все еще был достаточно восприимчив, чтобы ощутить что-то неправильное в интонации и заявлениях Иштара, что-то недостаточно убеждающее в силе ярости Мардука.

Собрав храбрость, поколебленную сверхъестественными проявлениями бога, он попробовал точно понять, что вызвало его замешательство, и понял, что дыхание зверя и грохочущий голос исходили из живота золотой статуи. Он стал внимательно разглядывать изваяние и увидел на месте пупка бога темную прорезь. Он шагнул к статуе, и Иштар встревожено поднял голову и воскликнул:

– Берегитесь, фараон! Бог разгневан. Не приближайтесь к нему.

Трок, не обращая на него внимания, сделал еще шаг вперед, уставившись на пупок бога. Он увидел в глубине отверстия слабый отблеск и движение в темноте. Часто во время битвы он точно ощущал миг, когда удача поворачивалась к нему, и почувствовал это сейчас. Он ожесточенно закричал, перекрывая ужасный звук дыхания бога:

– Я вызываю тебя, Мардук Пожиратель! Порази меня, если можешь. Метни в меня свое пламя!

Подозрение превратилось в уверенность, когда в прорези в животе бога вновь блеснул слабый свет, и дыхание поколебалось. Трок выхватил меч и, ударив клинком плашмя, столкнул Иштара со своего пути. Затем он бросился вперед, заглянул за золотую статую и быстро осмотрел ее сзади, постукивая о металл кончиком лезвия. Звук был полый, как у барабана, и, взглянув поближе, Трок обнаружил снимаемую пластину, почти точно пригнанную к телу статуи.

– Люк! – проревел он. – Кажется, в животе Мардука есть кое-что побольше того, что он когда-либо глотал.

Он метнулся обратно и поглядел в прорезь в животе бога. В ней он увидел глядящий на него человеческий глаз. Зрачок расширился от удивления, и Трок громко крикнул:

– Выходи оттуда, мерзкая скотина! – Он уперся плечом в идола и стал толкать его, напрягая все силы. Статуя пошатнулась на каменном постаменте, и Трок толкнул ее снова. Статуя медленно накренилась и с грохотом упала на каменные плиты. Иштар закричал и отпрыгнул в сторону, когда она стала падать на него.

Голова бога при падении изогнулась под углом, и в тишине после грохочущего удара из нутра упавшего идола раздалось царапанье, будто там копошились испуганные крысы. Люк распахнулся, и из него вылезла маленькая фигурка. Трок схватил ее за густые локоны.

– Помилуйте, великий царь Трок, – взмолилась девочка уже знакомым медово-сладким голосом. – Я не хотела обмануть вас. Мне приказали. – Она была так прекрасна, что на мгновение гнев Трока утих. Затем он схватил девочку за лодыжки и поднял вверх тормашками одной рукой. Она рыдала и извивалась.

– Кто приказал? – спросил Трок.

– Иштар Мидиец, – прорыдала она.

Трок дважды раскрутил ее над головой, чтобы набрать скорость, и ударил о колонну храма. Ее крики мгновенно оборвались. Трок бросил ее покалеченное тело на алтарь.

Он вернулся к золотому идолу и стал тыкать мечом в люк, ища в животе Бога еще кого-нибудь. Опять послышался визг, и из отверстия выскочило уродливое создание. Вначале Трок подумал, что это огромная жаба, и испуганно отскочил. Затем он разглядел, что это горбатый карлик, еще ниже и меньше, чем девочка, которую он только что убил. Карлик оглушительно ревел, точно бык, не вязавшимся с его маленьким ростом голосом. Это был самый безобразный человек, какого когда-либо видел Трок: глаза разного размера косили; из ушей, ноздрей и огромных бородавок, свисавших на его лице, торчали пучки черных волос.

– Простите, что пытался обмануть вас, могущественный бог и царь Египта! – Трок ударил его мечом, но существо пригнулось, увернулось и проворно запрыгало по святилищу, ревя от страха тем самым потусторонним голосом. Трока рассмешили его ужимки. Карлик метнулся за занавес в задней части палаты и выбежал через потайную дверь.

Трок позволил ему сбежать, вернулся к Иштару и схватился рукой за его жесткие от лака волосы как раз вовремя, когда тот пытался сбежать из палаты. Он бросил его в полный рост на каменный пол и стал пинать в ребра, в живот и спину.

– Ты солгал мне. – Трок больше не смеялся, и его лицо побагровело от гнева. – Ты преднамеренно ввел меня в заблуждение. Ты уводил меня от моей цели.

– Пожалуйста, хозяин, – вопил Иштар, катаясь по полу, чтобы уклониться от сильных пинков, – это только для вашей пользы.

– Это для моей пользы ты позволил отродью Тамоса беспрепятственно процветать в Галлале и распространять восстания и мятежи повсюду в моем царстве? – ревел Трок. – Ты думаешь, я безумен и так глуп, что поверю?

– Это правда, – зарыдал Иштар, когда носок Трока ударил его в ребра и перевернул на спину. – Как мы могли выступить против Мага, который приказывает буре, как если бы это была его любимая собака?

– Ты боишься Таиты. – Трок остановился, чтобы перевести дух. – Против Мага? – спросил он недоверчиво.

– Он видит нас. Он может обратить мои собственные заклинания против меня! Мне не одолеть его. Я лишь стремился спасти вас от него, великий фараон.

– Ты лишь стремился спасти собственную синюю татуированную шкуру, – прорычал Трок и вновь бросился пинать свернувшегося в комок Иштара.

– Прошу вас, первого из всех богов, – Иштар обеими руками закрыл голову, – отдайте мне мою награду и отпустите. Таита рассеял мои силы. Я не смогу противостоять ему снова. Не смогу больше быть вам полезным.

Трок замер с отведенной для очередного пинка ногой.

– Награду? – спросил он удивленно. – Да ведь не думаешь же ты, что я вознагражу тебя за предательство тремя лакхами золота?

Иштар поднялся на колени и попытался поцеловать ступню Трока.

– Я дал вам Вавилон, великий господин. Вы не можете отказать мне в том, что обещали.

Трок сердито засмеялся.

– Я могу отказать тебе, в чем мне заблагорассудится. Даже в самой жизни. Если желаешь дожить до завтра, веди меня в Галлалу и воспользуешься случаем для магического поединка с Чародеем.

Казалось, весь Египет прослышал о том, что Нефер Сети проехал по Красной Дороге и теперь венчан на царство. Каждый день в Галлалу прибывали гости со всей страны. Среди них были военачальники и полководцы из войск, оставленных Троком и Нагом охранять Египет в их отсутствие, и посланники старшин больших городов на Ниле – Авариса и

Мемфиса, Фив и Асуана, – и верховных жрецов храмов в этих городах. Уставшие от тирании, полные неприязни к ней и к крайностям Нага и Трока и ободренные отбыванием тиранов в Вавилон, лежащий так далеко на востоке, они стеклись в Галлалу, чтобы принести клятву верности Неферу Сети.

– Народ Египта готов принять вас, – сказали ему посланники.

– Войска провозгласят вас фараоном, как только вы вновь ступите на священную землю и они увидят ваше лицо и убедятся, что слухи о том, что вы выжили, верны, – заверили полководцы.

Нефер и Таита тщательно расспросили их, стараясь узнать, каковы численность их войск и боеготовность. Скоро стало ясно, что Трок и Наг собрали для месопотамского похода лучшие войска и оставили только резервные отряды, состоявшие главным образом из новобранцев, очень молодых и неиспытанных в бою, или пожилых солдат, приближавшихся к окончанию своего военного поприща, усталых и непригодных к службе по состоянию здоровья, уже нетерпеливо ожидавших отставки и маленького участка земли около реки, где они смогут сидеть на солнце и играть с внуками.

– Как насчет колесниц и лошадей? – задал Нефер главный вопрос.

Полководцы покачали седыми головами и помрачнели.

– Трок и Наг забрали у нас чуть ли не все. Почти все колесницы отправились вместе с ними по дороге на запад. Они оставили едва достаточно для объезда восточных границ, чтобы противостоять налетам кочевников из пустыни.

– Как насчет мастерских в Мемфисе, Аварисе и Фивах? – хотел знать Нефер. – Каждая из них может выпускать по меньшей мере пятьдесят колесниц в месяц.

– Едва лошадей обучат возить их, их посылают на восток присоединиться к войску двух фараонов в Вавилоне.

Таита оценил эту информацию.

– Ложные фараоны полностью отдают себе отчет в том, какую угрозу мы несем их тылу. Они хотят быть уверены, что если войска, оставленные в Египте, восстанут и провозгласят истинного фараона, Нефера Сети, недостаток в коннице и колесницах не позволит мятежникам стать серьезной силой.

– Вы должны вернуться в войска, – приказал Нефер военачальникам. – Нас в Галлале уже слишком много, а продовольствия и воды уже почти в обрез. Не позволяйте больше отправлять из Египта колесницы и лошадей. Продолжайте обучать солдат и снабдите лучших из них новыми колесницами, как только они появятся. Я скоро, очень скоро приду к вам, чтобы повести вас против тиранов. – Они уехали, восхваляя его имя и беспрестанно заверяя в своей преданности.

– Тебе не следует выполнять данное им обещание до срока. Ты можешь вернуться в Египет только с мощным войском, хорошо обученным и хорошо оснащенным, – посоветовал Таита Неферу. – Полководцы, что приехали к тебе, – хорошие, преданные люди, и я знаю, что ты можешь рассчитывать на них. Однако будет много других, по-прежнему верных Троку и Нагу – или из-за боязни последствий, когда ложные фараоны вернутся, или потому что они верят в их божественное право управлять. Будет и много тех, кто не решил, как поступить, но повернет против тебя, заметив любую слабость.

– Тогда нам нужно многое сделать. – Нефер принял совет Мага. – Мы все-таки должны объездить всех лошадей, которых взяли в Тане, и закончить ремонт откопанных колесниц. Затем надо закончить обучение солдат, так чтобы они могли противостоять ветеранам Нага и Трока. Сделав это, мы вернемся в Египет.

Поэтому маленькое войско Галлалы удвоило усилия стать способным бросить вызов мощи ложных фараонов. Воинов вдохновлял их молодой полководец, поскольку Нефер работал больше, чем любой из них. Он выезжал с первыми отрядами задолго до рассвета и вместе с другими воинами Красной Дороги и Таитой, дающим ему советы, постепенно сколачивал свои отряды в единое целое. Когда он вечером возвращался в город, то, утомленный и запыленный, шел в мастерские, где высказывал одобрение или спорил со

старшинами оружейников и строителей колесниц. Затем, после ужина, сидел при свете ламп с Таитой, обсуждая планы сражений и размещение сил. Обычно после полуночи он спотыкаясь брел к своей опочивальне. Минтака пробуждалась и без ропота поднималась с ложа, чтобы помочь Неферу снять доспехи и сандалии, вымыть ему ноги и натереть его ноющие мышцы благовонными маслами. Затем она нагревала чашу вина с медом, чтобы помочь ему заснуть. Часто чаша выпадала из его руки прежде, чем он допивал ее, и его голова падала на подушку. Затем Минтака скидывала хитон, прижимала его голову к своей груди и держала, пока он не пробуждался с первым обещанием рассвета.

Каждый день Мерен все больше слабел от ран, полученных на Красной Дороге. Таита обвязал ремнями его сломанные ребра, и они достаточно быстро зажили. Он пришил отрубленное ухо так аккуратно, что теперь оно сидело только чуть криво, и Мерикара считала, что полулунный шрам вдоль щеки делал Мерена старше и привлекательнее. Однако укол мечом под его рукой волновал даже Таиту: исследовав наклон и глубину раны, он решил, что оружие, должно быть, проникло в легкое Мерена. Дважды уже казалось бы зажившая рана открывалась снова, и из нее вытекали отвратительно пахнущая жидкость и гной. Иногда Мерен был в сознании и мог садиться и есть без посторонней помощи. Затем, когда отвратительные жидкости вновь начинали вытекать, он опять впадал в горячее полузабытие.

Мерикара оставалась у его кровати, меняя повязки и смазывая рану мазью, которую приготовил Таита. Когда Мерену становилось лучше, она пела ему и сообщала все новости города и войск. Она играла с ним в бао и составляла стишки и загадки, чтобы развлечь его. Когда рана опять открывалась, она кормила и купала его будто ребенка и гладила по пропитанным потом волосам, пока он не успокаивался. Ночью она спала на полу у его кровати, немедленно просыпаясь всякий раз, как он начинал метаться или говорить в бреду.

Она узнала его тело так подробно, будто он был ее ребенком. Она чистила ему зубы зелеными ветками акации, разжевывая их концы в жесткую щетку собственными маленькими белыми зубами. Она укладывала ему волосы, расчесывая их, пока они не выросли достаточно, чтобы их снова можно было заплести в косу. Она подрезала ему ногти, и узнала и полюбила форму его пальцев, покрытых мозолями от рукоятки меча и поводьев колесницы. Без малейшего отвращения она вычищала серу из его ушей и засохшую слизь из ноздрей. Пользуясь своим гребешком из слоновой кости, она расчесывала мягкие темные волосы, росшие густыми кустами у него под мышками, выходящие на его груди и в низу его живота.

Каждое утро она обмывала все части его тела, каждую складку, плоскость и выпуклость его крепких мускулов – и горевала, когда его плоть начала стаять с него в лихорадках и сквозь нее проступили кости.

Сначала она отводила глаза от его мужских частей, когда мыла их, но скоро это стало казаться ей ханжеством. Тогда она взяла их в ладони и рассмотрела. Их вид вызвал в ней нежность и сострадание. Они были такие мягкие и теплые, кожа на них такая гладкая и безупречная. Затем ее чувства изменились, когда она осторожно отодвинула кожу назад, как научила ее Минтака, и показался розовый кончик, шелковистый, словно лепесток олеандра. Он стал напрягаться и раздуваться в ее руке, и вот уже она едва могла обхватить его большим и указательным пальцами. Когда это произошло, она ощутила странное замирание дыхания и тепло в самых неожиданных частях собственного тела.

Однажды ночью ее разбудил лунный свет из окна, который лежал на каменном полу палаты будто брусок серебра. На мгновение ей показалось, что она в своей спальне в речном дворце в Фивах, но затем она услышала затрудненное дыхание Мерена и несвязные крики, вызванные кошмаром, и с волной страха все вернулось к ней. Она нагишом вскочила со своего тюфяка у ложа больного и бросилась к нему.

Когда она зажгла лампу, то увидела, что глаза Мерена широко открыты, но незрячи, и что лицо у него пепельно-серое и перекошенное, на губах белая пена, а тело блестит от

испарины. Он так сильно метался на смятых льняных простынях, что она испугалась, не поранится ли он еще больше. Она поняла, что это кризис, о приближении которого ее предупредил Таита.

– Таита! – закричала она. – Пожалуйста, ты нам срочно нужен. – Келью Таиты отделял от них внутренний двор, и Маг всегда спал с открытой дверью, так что мог услышать ее зов.

– Таита! – снова крикнула она и бросилась Мерену на грудь, чтобы удержать его. Затем она вспомнила: Маг вместе с Нефером и отрядом колесниц уехал в пустыню с какой-то таинственной целью и маловероятно, что они быстро вернутся. Она подумала позвать Минтаку, но ее комната была в другом конце древнего дворца, и она не осмелилась оставить Мерена.

Она была одна. Она поняла, жизнь Мерена в ее руках, и при этой мысли почувствовала, что паника утихла. Ее место заняла холодная решимость. Она легла рядом с ним и крепко удерживала его, шепча слова поддержки и успокоения. Через некоторое время он успокоился, и она смогла ненадолго оставить его. Она пошла к сундуку около окна, нашла в нем пузырек, который оставил для нее Таита, смешала его жгучее содержимое с вином и нагрела на жаровне, как научил ее Маг.

Когда Мерикара поднесла кубок к губам Мерена, тот попробовал отказаться, но она заставила его пить. Когда чаша опустела, она нагрела воду и смыла пот с его лица и пену с губ и собиралась обмыть его тело, но тут внезапный приступ обрушился на него, и он начал дрожать и стонать. Ее страх вернулся с полной силой. Она бросилась к Мерену и отчаянно вцепилась в него.

– Не умирай, мой дорогой, – взмолилась она и произнесла более твердо: – Я не позволю тебе умереть. О Хатор, помоги мне. Я вытяну его назад из подземного мира собственными руками. – Она знала, что попала на поле сражения, и билась вместе с Мереном, собрав все силы и добавляя их к его силам. Когда она почувствовала, что он обмяк в ее руках и его залитое потом тело начинает остывать, она закричала: – Нет, Мерен, вернись! Вернись ко мне. Ты не можешь уйти без меня.

Она прижала рот к его губам и попыталась вдохнуть в него собственную жизнь. Внезапно он шумно выдохнул, освобождая легкие, и она подумала, что все кончилось. Она обняла обеими руками его исхудавшую грудь, а когда ослабила объятие, он сделал шумный вдох, затем другой, и еще один. Трепет его сердца превратился в сильные, размеренные удары, которые Мерикара ощущала своим телом.

– Ты вернулся, – прошептала она. – Ты вернулся ко мне.

Он все еще был холоден, и, когда задрожал, она обхватила обеими руками его грудь, а обеими ногами – бедра, согревая его своим телом. Мало-помалу дыхание Мерена стало глубоким и размеренным, и она почувствовала, как теплая кровь вновь потекла в его жилы. Она лежала с ним, испытывая глубокое чувство завершенности, поскольку знала, что спасла его и что начиная с этой ночи он будет принадлежать только ей.

На рассвете произошло другое чудо. Она почувствовала, что его тело пробудилось, и то, что когда-то лежало мягким и маленьким в ее ладонях, теперь вновь раздувалось, прижавшись к ней, становилось огромным, твердым как кость, давило между раздвинутыми бедрами.

Она вгляделась в его лицо и увидела, что он в сознании, его глаза были темными, провалившимися в орбиты, но в них читалось такое благоговение, такая нежность, что сердце в ее груди переполнилось, и она почувствовала, что задохнется от силы собственных нахлынувших чувств.

– Да? – спросил он.

– Да, – ответила она. – Это – то, чего я хочу больше всего на свете. – Она раздвинула ноги и, полная ноющей боли внутри от потребности в нем, протянула руку, направляя его, принимая в глубины своего существа, поднимаясь с ним будто на крыльях туда, где она никогда прежде не была, и вскрикнула, когда почувствовала, что он наполнил ее горячим потоком, будто она вытянула из него в свое тело весь жар, боль и страдание, – и ощутила в

Мерене глубокий покой, когда он тяжело опустился на нее и уснул.

Она тихо лежала рядом с ним, стараясь не потревожить, упиваясь звуком его дыхания и теплом худого, изможденного тела, наслаждаясь болью в том месте, где он глубоко проник в нее.

Она почувствовала, что он просыпается, и нежно поцеловала его в губы, приветствуя его возвращение. Он открыл глаза и поглядел ей в глаза, сначала с замешательством, а потом с возрастающей радостью, когда вспомнил события ночи.

– Будьте моей женой, – сказал он.

– Я уже ваша жена, – ответила она, – и хочу остаться ею до дня моей смерти.

* * *

Нефер оглянулся на колонну колесниц. Они мчались полным галопом, по четыре в ряд. Командиры звеньев ждали его сигнала. Он посмотрел вперед и увидел на равнине цепь вражеских пеших воинов, искаженную маревом от жары, так что она казалась извивающейся змеей, плывущей в мерцающем озере там, где не было никакой воды. Он правил в центр цепи. Заботами Таиты, Дов полностью оправилась от раны и сейчас бежала в полную силу, поспевая за размашистым шагом Круса.

Когда они подъехали ближе, Нефер увидел изменение вражеского строя – подобно гигантскому ежу, цепь свернулась в шар, плотный круг в два ряда глубиной, солдаты внешнего ряда выставили перед собой длинные копья, а второй ряд просунул копья между воинами первого ряда, так что образовалась блестящая стена из бронзовых наконечников копий. Нефер мчался прямо в центр двойного ряда копий и, когда они были только в двухстах шагах от врага, дал знак выполнить «крылья Гора».

Строй колесниц раскрылся, будто цветок на солнце, колонны одновременно разъехались направо и налево, расправив крылья Гора, чтобы окружить ежа из присевших пеших воинов. Колесницы закружили вокруг них, будто обод колеса вокруг ступицы, и в воинов темным облаком полетели стрелы из коротких загнутых луков конницы.

Нефер дал сигнал прервать атаку и отойти. Колесницы вновь четко выстроились в колонну по четыре и поехали прочь. Последовал новый сигнал; колонна раскололась посередине, и колесницы помчались обратно, копейщики подняли метательные копья и намотали на запястья метательные ремни.

Проносясь мимо круга пехоты, Нефер поднял правый кулак в приветствии и крикнул:

– Молодцы! Теперь намного лучше!

Пешие воины подняли копья, принимая его похвалу, и закричали:

– Нефер Сети и Гор!

Нефер замедлил бег лошадей, развернул их, рысью поехал назад и остановил свой отряд перед рядами пехоты. Таита вышел из защитного круга, чтобы приветствовать его.

– Есть ранения? – спросил Нефер. Даже при том, что наконечники учебных стрел, которыми стреляли в ежа, были обернуты кожей, они все-таки могли выбить глаз или причинить другое повреждение.

– Несколько ушибов, – пожал Таита плечами.

– Они все сделали хорошо, – сказал Нефер и крикнул сотнику, командовавшему пехотой: – Прикажи своим парням разойтись. Я хочу поговорить с ними. Потом они могут поесть и попить. Затем мы снова будем заниматься отработкой ложного отступления.

Рядом находилось скальное обнажение, представлявшее собой естественное возвышение, и Нефер поднялся на его вершину, а все солдаты, пешие воины и колесничие собрались ниже.

Таита сел на корточки у подножия скалы, наблюдая и слушая. Нефер очень напоминал ему фараона Тамоса, своего отца, в том же возрасте. Он держался свободно и говорил просто, но доходчиво на разговорном языке, который его солдаты понимали лучше всего. В случаях, подобных этому, он становился одним из них, и о теплом, уважительном отношении

к нему говорило то, как они отвечали, улыбаясь и собираясь ближе, чтобы поймать каждое его слово, смеясь над его шутками, мрачняя от стыда в ответ на его упреки и расцветая от его похвал.

Нефер вспомнил утренние упражнения и дал им достойную оценку, но безжалостно отметил все изъяны и промашки.

– Я думаю, вы почти готовы очень сильно удивить Трока и Нага, – закончил он. – А сейчас перекусите. Мы на сегодня еще не закончили – по-настоящему мы только начали. – Все засмеялись и начали расходиться.

Нефер спрыгнул со скалы, и Таита тотчас вскочил на ноги и сказал спокойно, но быстро:

– Стой, Нефер! Не двигайся! – Нефер замер.

Должно быть, кобра устроила гнездо в груде камней, но шум и топот ног и копыт потревожили ее. Она выскользнула из трещины в темной скале, как раз когда Нефер спрыгнул – почти ей на голову. Змея поднялась у него за спиной, почти ему до пояса. Ее капюшон был раздут, между тонкими усмехающимися губами мелькал раздвоенный черный язык. Глаза, бусинки полированного оникса с искрами света в черных зрачках, были устремлены на длинные голые ноги Нефера, стоявшего перед ней на расстоянии короткого броска.

Стоявшие ближе солдаты услышали предупреждение Таиты и обернулись. Теперь вокруг Нефера стояло около пятисот человек, но ни один не смел двинуться. Они в ужасе смотрели на фараона, которому грозила смертельная опасность.

Кобра широко раскрыла пасть, готовясь к нападению, из бледного неба выдвинулись тонкие клыки. Капли яда сверкали на остриях игольчатых зубов.

Таита стал раскачивать амулет Лостры на длинной цепи, как маятник, и тот заблестел в солнечном свете. Маг заставил его пролететь мимо поднятой головы кобры. Отвлеченная этим змея отвела глаза от Нефера и поймала взглядом блестящий амулет. Таита с посохом в другой руке придвинулся ближе.

– Когда я ударю, сразу прыгай, – прошептал он, и Нефер кивнул. Таита медленно двинулся в сторону, и кобра стала поворачивать голову, привлеченная золотым амулетом.

– Вперед! – сказал Таита и ткнул в кобру посохом. В тот же миг Нефер отпрыгнул, и змея ударила в посох. Таита отдернул посох, кобра промахнулась и на мгновение растянулась на голой земле. Невероятно быстрым движением Таита придавил ее за головой изогнутым концом посоха, и у всех вырвался крик облегчения.

Кобра развертывалась и свивалась в блестящий чешуйчатый шар вокруг конца посоха. Таита потянулся вниз, пробрался рукой сквозь вздымающиеся кольца и наконец схватил змею позади головы. Затем он поднял ее, показал солдатам, и те вздохнули от ужаса. Они инстинктивно отшатнулись, когда змея обмоталась вокруг длинной тонкой руки Таиты. Они ожидали, что он убьет ее, но Таита с извивающейся змеей прошел сквозь их ряды в открытую пустыню.

Там он отбросил змею от себя. Ударившись о землю, она развернула кольца и заскользила прочь по каменистой земле. Таита сосредоточенно смотрел на нее.

Внезапно в небе над ними раздался пронзительный крик. Все были так поглощены поимкой кобры, что никто не заметил, как высоко в небе появился сокол. Теперь он кинулся к земле, падая прямо на кобру. В последний миг змея почуяла опасность и вновь подняла голову, широко расправив капюшон. Сокол с лету вонзил когти в раскрытый капюшон, в паре сантиметров позади головы, и, тяжело хлопая крыльями, взлетел с извивающейся коброй в когтях.

Таита смотрел на птицу, уносящую змею. Удаляясь, сокол уменьшался и наконец исчез в синевато-серой туманной знойной дымке, окутавшей горизонт. Таита долго стоял, глядя ему вслед. Когда он пошел обратно, туда, где стоял Нефер, его лицо было серьезно и весь остаток того дня он был молчалив. Вечером он все так же молча ехал в Галлалу в колеснице рядом с Нефером.

– Это было предзнаменование, – сказал Нефер и поглядел на Мага. По лицу Таиты он увидел, что это действительно так. – Я слушал солдат, – продолжил Нефер спокойно. – Они встревожены. Никто из них никогда не видел ничего подобного. Кобра – не естественная добыча царского сокола.

– Да, – сказал Таита. – Это было предзнаменование, предупреждение и обещание от бога.

– Что оно означает? – Нефер внимательно смотрел ему в лицо.

– Кобра угрожала тебе. Это означает большую опасность. Царская птица со змеей в когтях улетела на восток. Это означает великую опасность с востока. Но в конце сокол победил.

Оба посмотрели на восток.

– Завтра при первом свете утра мы отправим разведывательную экспедицию, – решил Нефер.

В холодной предрассветной темноте Нефер и Таита ждали на вершине горы. Разведывательный отряд расположился лагерем на склоне с другой стороны. Всего их было двадцать. Ради скрытности они оставили колесницы в Галлале и поехали верхом. Колеса поднимали больше пыли, чем копыта, и кроме того, верхом они могли подняться на эти высокие, крутые горы, идущие вдоль берега, где невозможно проехать в повозке.

Хилто и Шабак повели другие отряды на разведку местности к югу; вместе они смогли охватить все восточные подходы к Галлале.

Нефер повел свой отряд от Гебель-Нагары вдоль западного берега Красного моря, заглядывая по пути в каждый порт и рыбацкую деревню. Они не обнаружили ничего, кроме нескольких торговых караванов и групп кочевников, никакого признака опасности, предвещаемой предзнаменованием. Сейчас они стояли лагерем над портом Сафага.

Таита и Нефер пробудились в темноте и вышли из лагеря, чтобы подняться на вершину для наблюдения. Они сидели рядом в понимающем молчании. Наконец Нефер заговорил.

– Возможно, предзнаменование было ложным?

Таита хмыкнул и сплюнул.

– Сокол с коброй в когтях? Это против природы. Без сомнения это предзнаменование, но, возможно, ложное. Иштар Мидиец и другие способны устроить такую ловушку. Это возможно.

– Но ты не думаешь, что это так? – настаивал Нефер. – Ты бы не гнал нас изо всех сил, если бы думал, что оно ложное.

– Скоро рассветет. – Таита уклонился от ответа и посмотрел на темное небо на востоке, где низко над горизонтом, будто фонарь висела утренняя звезда. Небо светлело и меняло цвет, как созревающий плод, от янтаря хурмы до рубина зрелого граната. На освещенном небе горы на противоположном берегу казались черными, острыми и зубчатыми, как клыки старого крокодила.

Внезапно Таита встал и облокотился на посох. Нефер не уставал удивляться остроте его выцветших старых глаз. Таита что-то увидел. Нефер встал рядом с ним.

– Что там, отец?

Таита положил руку ему на предплечье.

– Предзнаменование не было ложным, – сказал он просто. – Опасность здесь.

Море было серым, как живот дикого голубя, но свет прибывал, и стало видно, что поверхность воды пестреет белыми точками.

– Ветер поднял волны с белыми бурунами, – сказал Нефер.

– Нет. – Таита покачал головой. – Это не буруны. Это – паруса. Флот под парусами.

Над вершинами далеких гор показался край солнечного диска, и осветились крошечные белые треугольники. Будто огромная стая белых цапель возвращалась к гнездовьям: множество лодок доу шли к порту Сафага.

– Если это войско Трока и Нага, то почему они плывут по морю? – спокойно спросил

Нефер.

– Это самый короткий и прямой путь из Месопотамии. Переправа по морю убережет лошадей и солдат от трудной дороги по пустыне. Если бы не змея и сокол, мы не ожидали бы опасности с этой стороны, – ответил Таита. – Это хитроумный шаг. – Он с одобрением кивнул. – Кажется, они собрали торговые суда и рыбацкие лодки со всего Красного моря, чтобы организовать переправу.

Они спустились с горы к лагерю в ущелье. Солдаты не спали и были настороже. Нефер окликнул часовых и отдал распоряжение. Двое должны были во весь опор скакать обратно в Галлалу и передать его приказы Сокко, которого он оставил командовать городом. Большую часть других солдат он разбил на пары и послал юг, чтобы найти разведывательные отряды Хилто и Шабакко и привести их назад. При себе он оставил пять солдат.

Нефер и Таита посмотрели, как уехали гонцы, сели на лошадей и отправились через холмы к Сафаге вместе с пятью wybranнми Нефером солдатами. К середине утра они достигли вершины холмов над портом. Таита повел их к брошенной сторожевой башне, с которой открывался вид на порт и подходы к нему. Оставив лошадей на попечение солдат, они поднялись по шаткой лестнице на верхнюю площадку башни.

– Первые лодки входят в залив. – Нефер указал на них. Лодки были тяжело нагружены, но благодаря попутному ветру они стремительно приближались, вздымая носами буруны, белые как соль на солнце, и раздувая треугольные паруса.

Они останавливались напротив пляжа и бросали тяжелые коралловые якоря. С вершины башни Нефер и Таита отлично видели открытые палубы, переполненные солдатами и лошадьми.

Едва доу становились на якорь, солдаты снимали деревянные планширы с бортов и гнали лошадей в воду. Их крики слабо доносились до полуразрушенной сторожевой башни. Лошади ударялись о воду, высоко поднимая брызги. Солдаты, раздевшись до набедренных повязок, прыгали следом. Они хватались за гривы лошадей и плыли рядом с ними к берегу. Лошади выходили на берег, отряхиваясь от воды, так что туман из мелких капель играл всеми цветами радуги в солнечном свете.

Через час берег был запружен солдатами и лошадьми, а вокруг сложенных из земляных кирпичей зданий маленького порта выставлены сторожевые заставы.

– Будь у нас отряд колесниц, – сетовал Нефер, – сейчас можно было напасть. Мы могли бы порубить их в клочья, когда на берегу только половина их войска и у них нет колесниц. – Таита не ответил на эти мечты вслух.

Теперь залив заполнили лодки с грузом. Лодки с колесницами и багажом бросили якоря у самого берега, и, когда отлив увел от них воду, сели на дно и накренились. Скоро воды вокруг них осталось только по колено. Солдаты с берега шли к ним вброд и начинали разгрузку. Они по частям переносили на берег разобранные колесницы и вновь собирали их там.

Солнце над западными горами клонилось к закату, когда в залив вошла последняя доу. Она была больше прочих, а на вершине ее короткой мачты развевались флаг с рычащей головой леопарда и яркий флаг Дома Трока Урука.

– Он там. – Нефер указал на безошибочно узнаваемую фигуру на носу.

– А рядом с Троком – Иштар, собака и ее хозяин. – Блеклые глаза Таиты горели таким гневом, какой Нефер редко видел прежде. Они смотрели, как странная пара вброд идет к берегу.

Поперек прибрежного песка тянулся каменный причал. Трок поднялся на него, заняв возвышение, чтобы наблюдать за высадкой остального своего войска.

– Ты видишь на каком-нибудь судне флаг Нага? – спросил Нефер, и Таита покачал головой.

– Трок один ведет войско. Он, должно быть, оставил Нага удерживать Вавилон и Месопотамию. Он прибыл, чтобы позаботиться о личном деле.

– Откуда ты знаешь? – спросил Нефер.

– Вокруг него аура, похожая на багровое облако. Я вижу ее даже отсюда, – тихо сказал Таита. – Вся его ненависть сосредоточена на одном-единственном человеке. Он никогда не позволил бы Нагу или кому-нибудь другому разделить с ним жажду мести, которая привела его сюда.

– Я – предмет его ненависти? – спросил Нефер.

– Нет, не ты.

– Тогда кто?

– Прежде всего он прибыл за Минтакой.

Когда солнце село, Нефер и Таита оставили пятерых солдат наблюдать за продвижением Трока и на полной скорости всю ночь ехали в Галлалу.

Наутро после высадки Трок схватил двух кочевников, ведущих вереницу ослов по дороге к Сафаге. Ничего не подозревая, они вышли из пустыни прямо в руки его заставе. Слухи о нраве Трока проникли даже в эту пустынную местность, поэтому едва кочевники узнали, кто их схватил, они отчаянно залебезили. Они дали Троку подробный отчет о восстановлении древнего города. Они рассказали ему об источнике пресной воды, которая теперь вытекала из пещеры в холмах, и о лугах с пышной травой, окружающих Галлалу. Они также назвали ему примерное количество колесниц под командой Нефера Сети, и Трок понял, что превосходит своего врага численностью пять к одному. Но, что важнее всего, они подробно рассказали ему, как добраться от Сафаги до древнего города. До сих пор Трок лишь приблизительно знал путь подхода к Галлале, и, похоже, его сведения были неверны. Ему говорили, что даже при большой скорости поездка займет три или четыре дня, и он намеревался везти с собой от побережья запас воды и повозки с фуражом. Это было бы долгое и трудное дело. Новые сведения изменили все. Кочевники уверили его, что он сможет достичь Галлалы за день и ночь быстрой езды.

Он взвесил риск, обдумал опасности и решил совершить бросок через пустыню к Галлале, чтобы захватить город врасплох. Конечно, это означало, что им придется въехать прямо в сражение с лошадьми, изнуренными длинным переходом и с пустыми водяными мехами. Однако имея на своей стороне численный перевес и неожиданность, они смогут захватить источник и пастбища, которые описали кочевники. Как только они их захватят, победа будет обеспечена.

Ему потребовалось еще два дня, чтобы выгрузить все войско и собрать колесницы. На второй вечер он был готов начать ускоренный марш на Галлалу.

С заполненными водяными мехами головные отряды выехали из Сафаги, как только на закате жара опала. За каждой колесницей бежали две запасные упряжки, привязанные поводьями. Они не собирались останавливаться в течение ночи, чтобы дать отдохнуть лошадям, намеренные менять уставших лошадей. Всех загнанных лошадей следовало отвязывать и оставлять, чтобы их потом собрали в резервные стада.

Трок вел авангард, навязав всем убийственную скорость, то переходя на шаг на подъемах, то подстегивая лошадей и переходя на рысь или легкий галоп при спуске по склону и на ровной земле. Как только водяные мехи опустели, возврата назад быть не могло. К середине следующего утра жара стала невыносимой, и они использовали большинство запасных лошадей.

Проводники-кочевники продолжали уверять Трока, что Галлала недалеко впереди, но каждый раз поднимаясь на возвышенность, они видели впереди все ту же пугающую перспективу скал и высохшей земли, дрожащую в жарком мареве.

Поздно днем проводники-кочевники сбежали. С ловкостью джиннов они растаяли в жарком мареве, и хотя Трок послал пару колесниц им вслед, больше их не видели.

– Я предупреждал вас, – самодовольно сказал Троку Иштар Мидиец. – Вам следовало послушать моего совета. Те богопротивные твари были, вероятно, на жалованье у Чародея Таиты. Он почти наверняка спрятал дорогу и сбил нас с пути. Мы не знаем, как далеко до этой мифической Галлалы, если она действительно существует. – За это непрошеное

высказывание Трок ударил колдуна по татуированному лицу. Это ничуть не смягчило ощущение гибели и отчаяния, которое уже охватывало Трока. Он вновь стегнул лошадей и заставил их подняться по следующему длинному каменистому склону. Он задавал себе вопрос, сколько еще таких впереди. Лошади почти выбились из сил, и он сомневался, смогут ли они идти ночью.

Так или иначе, они продолжали кое-как плестись вперед, по крайней мере большая часть войска. Пятьдесят или шестьдесят колесниц загнали свои последние упряжки, и Трок оставил их вдоль дороги.

На второй день взошло солнце, после холода ночи теплое, как поцелуй, но это был предательский поцелуй. Скоро оно жалило и слепило их налитые кровью глаза. Впервые Трок подумал о возможности умереть здесь на этой ужасной дороге в никуда.

– Еще один холм, – крикнул он своей последней упряжке и попробовал подстегнуть их, чтобы погнать трусой, но кони ковыляли по пологому склону с опущенными головами, давно высохший до соли пот белел на их боках. Перед самой вершиной Трок посмотрел назад на нестройную колонну своего войска. Даже не пересчитывая он видел, что потерял половину колесниц. Сотни сошедших с колесниц солдат брели вслед за колонной, но даже пока он смотрел, он увидел как двое или трое из них упали и лежали у дороги как мертвые. По небу вслед за ними летели стервятники, сотни темных пятнышек, кружащих высоко в синеве. Он увидел, как некоторые из них летят к земле, на пир, приготовленный им.

– Есть только один путь, – сказал он Иштару, – вперед. – Он ударил кнутом по спинам лошадей своей упряжки, и те с трудом пошли дальше.

Когда они достигли вершины холма, Трок удивленно раскрыл глаза. Долина внизу представляла собой нечто невообразимое. Перед ним поднимались руины древнего города. Их очертания казалось, были призрачны, но вечны. Как ему и обещали, город окружали поля свежей зелени и сеть сверкающих водных каналов. Его лошади почуяли запах воды и натянули поводья с новой силой.

Даже в отчаянной спешке Трок потратил время, чтобы оценить тактическую ситуацию. Он сразу увидел, что город беспомощен и незащищен. Из распахнутых настежь ворот выливалась охваченная паникой толпа бегущих людей. Неся своих детей и жалкие узлы с пожитками, они стремились прочь вверх по узкой, но обрывистой долине на запад от Галлалы. Несколько пеших воинов смешались с беженцами, но они несомненно бежали и были бесполезны. Никаких следов конницы или боевых колесниц. Это было стадо овец перед волчьей стаей, только волки ослабели от иссушающей жажды.

– Сеует отдал их в наши руки! – с торжеством закричал Трок. – Сегодня до заката солнца вы получите больше золота и женщин, чем сможете употребить!

Солдаты, ехавшие следом за ним через вершину, разразились криками и быстро, насколько хватало сил у их изнуренных лошадей, поскакали вниз к первому оросительному каналу. Они рассыпались вдоль канала, и лошади стали пить благословенную жидкость, пока их животы не раздулись, как у беременных.

Солдаты плашмя бросались в прибрежную воду, погружая в нее лица или наполняя шлемы и выливая ее себе на голову и в горло.

– Надо было позволить мне отравить оросительные каналы, – категорично сказал Нефер, наблюдая за этим с другой стороны долины.

– Ты же очень многое знаешь. – Таита покачал седой головой. – Такое преступление боги никогда бы не простили. На этой скудной земле только Сет или Сеует могут задумать столь отвратительное дело.

– В этот день я был готов стать Сетом, – мрачно улыбнулся Нефер, но он сказал это просто из желания позлить Мага. – Двое твоих мошенников преуспели. – Он поглядел на оборванных кочевников, стоявших на коленях рядом с Таитой. – Заплати им и отпусти на все четыре стороны.

– Они совсем не ценят золото, – объяснил Таита. – Когда я жил в Гебель-Нагаре, они

принесли ко мне своих детей и я вылечил их от болезни Желтых Цветов. – Он сделал знак благословения над припавшими к земле людьми и проговорил на их диалекте несколько слов благодарности за то, что рисковали жизнью, чтобы ввести в заблуждение Трока, и пообещал им свое покровительство в будущем. Они поцеловали его ноги и исчезли среди валунов. Таита и Нефер полностью сосредоточились на разворачивающемся внизу в долине сражении. Лошади и солдаты Трока напились так, что их животы раздулись, и теперь поднимались на колесницы. Даже потеряв столько колесниц на марше, войско Трока все еще превосходило численностью войско Нефера по меньшей мере втрое.

– Мы не можем встретиться с ним в открытом поле, – размышлял Нефер, глядя на толпы беженцев, поднимающихся из долины под ними. Во-первых, в городе проживало очень мало женщин – Нефер преднамеренно сдерживал их приток, чтобы сберечь продовольствие для солдат войска – и даже их, включая Минтаку и Мерикару, вместе со всеми детьми, больными и ранеными, эвакуировали из Галлалы два дня назад. Мерен уехал на одной из повозок, везущих казну – золото, отнятое у ложных фараонов. Нефер послал их всех в Гебель-Нагару, где Трок никогда не нашел бы их, а крошечный источник воды поддерживал бы их жизнь, пока не закончится сражение.

Теперь в Галлале не осталось ничего ценного: ни колесниц, ни оружия или доспехов. Нефер с удовлетворением смотрел на беженцев. Даже с такого близкого расстояния трудно было рассмотреть, что это не женщины и мирные жители, а замаскированные пешие воины. Многие из этих здоровяков шли, спотыкаясь, в платках и длинных набедренниках. Свертки, которые они несли в руках, были не спеленытыми младенцами, а луками и мечами, завернутыми в накидки. Их длинные копья были спрятаны среди камней над долиной, где скрывались главные силы.

Все лошади и колесничие Трока вволю напились и продолжили движение через пастбища плотными и правильными рядами, волна за волной боевых колесниц. Вода чудесным образом оживила их, а впереди ждал обещанный грабеж.

– Молись Гору, чтобы нам удалось вовлечь Трока в преследование и войти в долину, – прошептал Нефер. – Если он не клонет на приманку и захватит незащищенный город, то отрежет нас от воды и пастбищ. Тогда нам придется принять битву на открытом месте, где у него будут все преимущества.

Таита промолчал. Он стоял, прижав к губам золотой амулет, возведя очи горе – эту его манеру Нефер знал очень хорошо.

Враги были теперь достаточно близко от Нефера, и он смог разглядеть среди двигающегося скопления колесниц колесницу Трока, катившую по направлению ко входу в долину, переполненному спешащими беженцами. Трок ехал в центре первого ряда, с обеих сторон от него было по десять колесниц. Их фронт был достаточно широк, чтобы перекрыть долину от края до края. Позади ехали строем остальные колесницы. Поднятая ими пыль оседала на них в зловещей тишине. Единственным звуком был слабый шум и гвалт убегающей толпы в узкой долине перед ними.

– Ну, Трок Урук! – прошептал Нефер. – Прикажи атаковать! Скачи в историю!

В переднем ряду сильного войска в ведущей колеснице рядом с массивной одетой в доспехи фигурой Трока присел Иштар Мидиец. Он был так взволнован, что потянул за ленты в бороде Трока.

– Запах Чародея висит в воздухе, будто вонь от десятидневного трупа. – Его голос звучал пронзительно, слюна пенилась на его губах и вылетала облаком брызг – так он волновался. – Он ждет вас наверху, как зверь-людоед. Я чувствую его присутствие. Берегитесь, могущественный фараон!

Трок отвлекся, чтобы поглядеть на небо. Стервятники опустились ниже.

– Да! Да! – Иштар использовал небольшую возможность. – Это – цыплята Таиты. Они ждут, когда он накормит их вашей плотью.

Трок снова посмотрел на лежавшую перед ним долину, которую предстояло захватить, но по земле перед ним мелькали тени стервятников, и он заколебался.

Скрытый среди валунов на крутом склоне долины Нефер наблюдал за ним – в такой близи, что казалось, он вот-вот различит выражение лица Трока.

– Вперед, Трок! – пробормотал Нефер. – Командуй атаку. Веди свое войско в долину. – Он уловил сомнение в том, как Трок играл поводами, и повернул голову, чтобы посмотреть на худую фигуру Иштара рядом с ним.

Разрисованное синим лицо Мидийца было настойчиво повернуто к лжефараону, и он касался Трока и тянул его за доспехи, чтобы усилить свои мольбы.

– Это – ловушка, устроенная для вас Чародеем. Если вы не верили мне прежде, то поверьте сейчас. В воздухе веет смертью и смердит предательством. Я чувствую, как заклинания Таиты бьют по лицу, будто крылья летучих мышей.

Трок почесал бороду и оглянулся через плечо на ряды колесниц, стоявших колесо к колесу, и на своих солдат, хищно подавшихся вперед в ожидании приказа.

– Поверните назад, могущественный Трок. Захватите город и водный источник. Нефер Сети и Чародей погибли в пустыне, как едва не погибли мы. Этот путь верен. Другой путь – безумие.

Нефер на склоне сощурился, глядя, как его замаскированные солдаты бегут вверх по долине, и понимая, что решающий миг проходит.

– Что удерживает Трока? Он не будет наступать? – воскликнул Нефер вслух. – Если он не станет наступать сейчас...

– Посмотри в верхнюю часть долины. – Таита не открыл глаз. Забыв о своем волнении, Нефер взглянул вверх по долине и застыл в смятении. Его кулак сжал рукоятку меча так, что побелели костяшки пальцев.

– Это невозможно! – простонал он.

У начала долины, в ее верхней части, полностью видной оттуда, куда подъехали колесницы Трока, лежала каменная плита. Квадратная, желто-рыжая, она лежала около дороги, будто рукотворный памятник. На ней, над потоком бегущих беженцев, появилась одинокая фигура. Это была женщина, молодая и стройная, с длинными темными волосами до пояса. Ее хитон темно-красного цвета царского Дома Апепи ярким пятном выделялся на блеклом фоне голых скал и песка.

– Минтака! – выдохнул Нефер. – Я приказал ей отправиться вместе с Мереном и Мерикарой в Гебель-Нагару.

– Мы знаем, что она никогда не нарушила бы твой приказ. – Таита открыл глаза и иронически улыбнулся. – Поэтому, кажется, она не расслышала тебя.

– Это все ты, – горько проговорил Нефер. – Ты использовал ее как приманку для Трока. Ты подверг ее смертельной опасности.

– Возможно, я могу управлять хамсином, – ответил Таита, – но даже я не могу управлять Минтакой Апепи. То, что она делает, она делает по своей воле.

Внизу под ними Трок повернулся, чтобы отдать своим колесницам приказ развернуться и, позволив толпе убежать, захватить источник и город Галлалу, как убеждал его Иштар. Но он не успел заговорить, ощутив, как Иштар рядом с ним замер и прошептал:

– Это какое-то колдовство Таиты.

Трок резко обернулся и посмотрел. Он увидел крошечную фигурку в темно-красном платье, стоящую высоко на желтой каменной плите, и мгновенно узнал предмет своей ненависти и яростного гнева.

– Минтака Апепи, – прорычал он, – я приехал за тобой, бесстыжая прелюбодейка. Я заставлю тебя молить о смерти.

– Это – иллюзия, фараон. Не дайте Чародею обмануть вас.

– Это не иллюзия, – проговорил Трок мрачно. – Я докажу это тебе, когда воткну свой зубец в ее теплую плоть и буду втыкать, пока не потечет кровь.

– Чародей ослепил вас, – простонал Иштар. – Повсюду вокруг нас – смерть.

Он хотел спрыгнуть с площадки и убежать, но Трок схватил его за покрытые лаком локоны и втащил назад.

– Нет, останься со мной, Иштар Мидиец. Я позволю тебе попробовать ее сладкую шелку, прежде чем брошу моим громилам, чтобы они покончили с ней. – Он поднял сжатый кулак высоко над головой и крикнул: – Вперед! Марш!

С обеих сторон от него колесницы разом покатались вперед, и ряды воинов последовали за Троком в долину. Солнце сверкало на наконечниках копий, пыль поднималась из-под колес, будто дым. Последние беженцы были в трехстах шагах впереди, когда Трок дал следующую команду:

– Вперед галопом! В атаку!

Лошади рванулись вперед, и под грохот копыт и колес войско ворвалось в узкую долину.

– Трок ввязался в бой, – проговорил тихо Нефер. – Но какой ценой? Если он схватит Минтаку... – Он не мог продолжать, с болью глядя на ее ясно видную высокую гибкую фигуру, стоящую на пути бури.

– Теперь тебе есть за что сражаться, – тихо сказал Таита.

Нефер почувствовал, как вся его любовь и смертельное беспокойство о Минтаке превращаются в боевую ярость. Это была холодная жестокая ярость, обострившая все его чувства и заполнившая все его существо, исключив все остальное.

Когда ряды колесниц внизу промчались мимо того места, где он стоял на краю долины, он вышел из-за камня, за которым скрывался. Все внимание Трока и его солдат было направлено на беспомощных жертв впереди. Они не увидели высокую фигуру, неожиданно появившуюся сбоку от них. Но солдаты Нефера видели врага ясно. Они прятались среди валунов внизу по обоим склонам долины. Нефер поднял меч над головой и, когда последняя колесница промчалась мимо, резко опустил его.

На крутых склонах стояли крытые повозки, их колеса были подперты клиньями и привязаны ремнями, чтобы удерживать повозки на месте. Они были скрыты из вида сухой травой, в точности подходящей по цвету к окружающей местности, и так нагружены камнями, что оси прогнулись. По сигналу Нефера возчики выбили деревянные подпорки и разрубили ремни, удерживавшие колеса. Повозки покатались вниз со склонов долины, набирая скорость, мчась прямо на скопление колесниц внизу.

Когда рядом с ним пронзительно закричал Иштар, Трок оторвал взгляд от Минтаки в дальнем конце долины и увидел тяжелые повозки, мчащиеся на его отряды.

– Назад! – закричал он. – Уезжайте, – но даже его бычий рев утонул в шуме. Начавшуюся атаку было не остановить, и на узком дне долины совсем не оставалось пространства для маневра.

Первые повозки врезались в головную часть атакующих. Раздались треск дерева, крики раздавленных солдат и лошадей, грохот переворачивающихся и опрокидывающихся повозок, из которых сыпались камни.

Внезапно дорогу Троку перекрыла одна из тяжелых телег, и его лошади шарахнулись в сторону и ударились о колесницу, едущую рядом. В мгновение ока великолепная атака превратилась в сумбур разбитых и опрокинутых колесниц и искалеченных лошадей.

Повозки перекрыли долину с обеих сторон. Даже те колесницы, что не были разбиты и опрокинуты, попали в затор из обломков и сбитых солдат. Все назначение колесницы, ее грозная сила, состоят в способности ехать и поворачивать, мчаться в атаку и быстро отступать. Теперь их остановили завалы из камня, а над ними на склонах стояли лучники Нефера. Первые залпы выкосили незащищенных колесничих. За несколько минут долина превратилась в бойню.

Некоторые из солдат Трока спрыгнули с попавших в ловушку колесниц и бросились на склоны долины. Но они были истощены изнурительным маршем и отягощены доспехами и медленно двигались по крутому неровному склону. Из-за укрытий за валунами и наспех построенных каменных палисадов появились солдаты Нефера и встретили их длинными пиками и градом копий. Большинство были сражены прежде, чем достигли первого ряда оборонявшихся.

Трок ошеломленно огляделся, ища какой-нибудь выход из западни, но одна из его лошадей была мертва, раздавленная высыпавшимся из повозки грузом камней, и путь вперед оказался перекрыт. Позади него другие колесницы были так скучены, что не было места развернуться или сдать назад. Стрелы и копья жужжали вокруг, стучали в борта его колесницы, со звоном ударялись о его шлем и нагрудник.

Прежде чем Трок сумел удержать его, Иштар воспользовался неразберихой в своих интересах, прыгнул с площадки и быстро удрал, лавируя между разбитыми колесницами и мечущимися, пронзительно ржущими лошадьми. Затем Трок вновь посмотрел вперед и с удивлением увидел Минтаку, все еще недвижно стоявшую на вершине охряной каменной плиты прямо перед ним. Она смотрела на него холодным взглядом, с отвращением на красивом лице, и это превратило его ярость в безумие.

Он выхватил из стойки сбоку свой боевой лук и полез за стрелой в колчан, но передумал, отбросил лук и закричал поверх голов своих встающих на дыбы мечущихся лошадей.

– Нет! Стрела слишком хороша для блудливой суки. Я приду и возьму тебя голыми руками, я хочу почувствовать, как ты будешь биться, когда я выдавлю из тебя последнее дыхание, грязная девка!

Он выхватил меч, прыгнул на землю, пробежал под копытами вставшей на дыбы лошади и перелез через опрокинутую повозку. Два солдата Нефера выскочили из-за камней, чтобы сразиться с ним, но он зарубил их и перешагнул через дергающиеся тела. Его глаза были с жадностью нацелены на девушку в темно-красном платье, высоко и гордо стоящую впереди, и он стремился к ней, как мотылек к пламени.

Нефер увидел, что Трок вырвался из западни, и побежал вниз по склону, прыгая с камня на камень.

– Беги, Минтака! Уходи от него, – громко кричал он, но она то ли не слышала его, то ли не хотела слышать.

Его услышал Трок, остановился и обернулся.

– Ну давай, милый мальчик, клинка хватит и для тебя, и для твоей шлюхи.

Нефер на бегу швырнул копье, но Трок принял его точно в центр легкого, маленького круглого щита, который носил на плече. Копье отскочило, ударилось о камни и упало у ног Минтаки. Та не обратила на него внимания.

Бросок копья на мгновение отвлек Трока, и Нефер прыгнул на ровное место перед ним. При виде юноши Трок встал в защитную позицию, и его лицо исказила свирепая усмешка. Он пригнулся за бронзовым щитом и махнул мечом.

– Ну, щенок, – сказал он, – давай проверим твои притязания на двойную корону.

Нефер, используя разгон, набранный на склоне, наскочил на Трока. Тот отразил первый удар бронзовым щитом. Нефер отскочил: Трок ударил через край маленького круглого щита. Нефер напал снова, сменив удар на укол.

Солдаты Нефера видели, как он бросился вниз по склону. Они последовали его примеру и, оставив каменные укрытия, помчались вниз, прыгая по камням. Через несколько секунд вся долина была от края до края заполнена сражающимися, рубящими и колющими солдатами.

Нефер провел обманный удар в бедро Трока, целясь в соединение в его доспехах. Когда Трок закрылся, юноша нанес обратный удар ему в лицо. Трока удивило изменение направления и скорость удара. Хотя он дернул рукой в обратную сторону, острие клинка Нефера рассекло ему щеку, и на его бороду хлынула кровь. Рана подстегнула его, Трок взревел и бросился на Нефера. Он наносил удары под всеми углами с такой скоростью, что его меч, казалось, образовал вокруг него непроницаемую стену из сверкающей бронзы. Под его натиском Нефер был вынужден отступать, пока не почувствовал, что прижался спиной к каменной плите, на которой стояла Минтака.

Лишенный возможности отступать или маневрировать, он был вынужден выдерживать напор всей бычьей силы Трока и парировать каждый удар. Очень мало кто мог

противостоять Троку в таком поединке. Казалось, он нисколько не слабеет, и он смеялся, когда Неферу удавалось отбить тот или иной его удар.

– Давай посмотрим, долго ли ты сможешь сопротивляться, мальчик. Я готов продолжать так весь день, а ты? – спросил он, не пропуская ни одного удара. Металл звенел о металл, а Трок тем временем постепенно сдвигался вправо, перекрывая единственный путь, по которому Нефер мог бы выскользнуть из его когтей.

Сила Трока походила на злую стихию. Нефер чувствовал, что подхвачен сильнейшим ураганом и так беспомощен, будто его уносило океаническое течение. Как бы ни укрепили его годы военного обучения, они не подготовили его ни к чему подобному. Он почувствовал, что его правая рука стала уставать и замедляться, когда он пытался противостоять Троку.

Трок задел мечом его шею и несколько мгновений спустя разрубил кожаные латы Нефера и оставил рану на ребрах. Нефер знал, что его единственный шанс выжить в буре в том, чтобы противопоставить свою скорость и проворство грубой силе Трока, но он был прижат к скале. Следовало вырваться.

Он принял следующий удар своим мечом высоко и отклонил его ровно настолько, чтобы открылось пространство, через которое он мог убежать, но когда он прыгнул туда, то открыл свой левый бок. Трок не пропустил этого и нанес низкий укол мечом, который рассек Неферу бедро как раз над татуированным картушем. Кровь потекла в сандалию и хлюпала при каждом шаге.

Последние силы Нефера убывали, и Трок отбил его клинок и захватил своим, поднимая его все выше. Нефер знал, что если он попытается отойти, то откроет грудь для смертельного укола. К тому же рана на бедре все больше ослабляла и замедляла его. На лице Трока сияла торжествующая ухмылка.

– Смелее, мальчик! Скоро все закончится. Тогда ты сможешь отдыхать вечно, – злорадствовал он.

Нефер слышал, как Минтака что-то кричала, но не мог разобрать, что, и к тому же не мог позволить себе отвлечься. Постепенно Трок отжал в сторону меч Нефера и навис над юношей, так что они встали грудь к груди, затем внезапно переместил свою тяжесть влево, на раненую ногу Нефера. Нефер попробовал сопротивляться, но его нога подогнулась. Трок поставил ногу за пятку Нефера и толкнул его назад.

Меч вылетел из ослабшей руки Нефера, и, когда он растянулся на выжженной солнцем земле, Трок обеими руками поднял свой меч над головой для смертельного удара. Но вдруг выражение его лица изменилось на удивленное и недоумевающее. Не завершив удара, он потянулся себе за шею. Потом поднес руку к своему лицу. Она была мокрой от его крови. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но из уголков его рта потекли две струи яркой крови, и он медленно отвернулся от Нефера. Трок глядел на Минтаку, стоявшую на вершине скалы над ним. С бесстрастным недоверием Нефер увидел древко копья, торчащее из затылка Трока.

Увидев, как Нефер упал, Минтака схватила копье, лежавшее у ее ног, то самое, что Нефер бросил в начале схватки, и метнула в спину Трока. Острие вошло ниже края его бронзового шлема и глубоко вонзилось чуть в стороне от позвоночника, но разрезав сонную артерию.

Стоя будто чудовищная статуя с широко открытым ртом, фонтаном изрыгая кровь, Трок бросил меч и вытянул руки вперед. Он обхватил кричащую Минтаку вокруг талии, стянул с ее места над ним и хотел что-то сказать, но кровь лилась потоком из его рта и заглушала слова.

Минтака закричала, когда он притиснул ее к своей груди, и Нефер с трудом встал на ноги. Он подобрал меч Трока, который тот уронил, и хромя подошел к нему сзади.

Крики Минтаки придали новую силу его руке. Он нанес первый укол глубоко в спину сквозь завязки доспехов Трока. Трок замер и отпустил Минтаку. Она уползла прочь, Нефер выдернул лезвие и нанес второй удар. Покачиваясь, Трок медленно повернулся к нему лицом. Он шагнул к Неферу, протянув к нему окровавленные руки. Нефер воткнул меч ему в горло, и Трок упал на колени, схватившись руками за лезвие. Нефер вырвал клинок, глубоко

разрезав пальцы и ладони Трока и обрезав сухожилия и нервы.

Трок повалился ничком, и Нефер нанес ему удар сквозь шнуровку, между лопатками в сердце. Он оставил в нем клинок и повернулся к Минтаке. Та стояла, прижавшись к скале. Она бросилась к Неферу и обняла его, крепко-крепко. Теперь, когда опасность миновала, Минтака потеряла все свое ледяное спокойствие и, всхлипывая, невнятно проговорила:

– Я думала, он убьет вас, любовь моя.

– Убил бы, если бы не вы, – тяжело дыша проговорил Нефер. – Я обязан вам жизнью.

– Это было ужасно. – Голос Минтаки дрожал. – Я думала, он никогда не умрет.

– Он был богом. – Нефер попробовал засмеяться, но смех прозвучал неестественно. –

Их непросто убить.

Он услышал, что шум битвы в долине изменился. По-прежнему обнимая Минтаку одной рукой, он обернулся и посмотрел назад. Солдаты Трока видели, как их фараон был убит, и прекратили сражаться. Бросая на землю оружие, они кричали:

– Хватит! Хватит! Мы сдаемся. Все хвалы фараону Неферу Сети, единственному истинному царю.

С осознанием победы Нефер почувствовал, что последние остатки сил покидают его разбитое кровоточащее тело. Их хватило только чтобы громко крикнуть:

– Пощадите их. Они – наши братья египтяне. Пощадите их!

И Нефер стал тяжело оседать. Рядом с ним появился Таита и помог Минтаке опустить его на землю. Пока они вдвоем перевязывали его раны и останавливали кровотечение из глубокой раны на бедре, прибыли полководцы с докладом.

Не обращая внимания на ранения, Нефер потребовал доложить, кто уцелел в битве, а кто ранен и убит. С радостью и благодарностью Гору и Красному Богу Нефер увидел, что его верные военачальники, Хилто, Шабако и Сокко, были среди солдат, толпившихся вокруг: они торжествовали победу, гордясь собой и своими солдатами, полные радости оттого, что видят его живым.

Соорудив носилки из длинных копий, они понесли Нефера по долине к Галлале, но путешествие вышло длинное, потому что плененные полководцы и солдаты Трока сгрудились на обочине, стоя на коленях, без оружия, с непокрытой головой, моля его о пощаде, выкрикивая слова сожаления и раскаяния в том, что подняли оружие против истинного фараона.

Прежде чем они достигли ворот города, Нефер трижды командовал, чтобы его носилки опускали, и позволял пленным сотникам и более старшим командирам выходить вперед, чтобы поцеловать его ноги.

– Я не стану казнить вас как предателей, хотя вы вполне того заслуживаете, – говорил он сурово, – но вы все разжалованы до минимального командирского звания, и вам предстоит доказать свою преданность Дому Тамоса.

Они восхваляли его милосердие, но Нефер хмурился и качал головой, когда к нему обращались как к богу.

– Я – не один из пантеона, кем объявляли себя нечестивцы Трок и Наг. – Но их было не переубедить, и они возобновили хвалы и мольбы, и воины Нефера во главе с его братьями-воинами Красной Дороги присоединили свои голоса к голосам побежденных, упрашивая его объявить о своей божественности.

Чтобы отвлечь их, Нефер хмуро распорядился:

– Тело Трока Урука, незаконно притязавшего на двойную корону Египта, сжечь без церемонии здесь, на поле битвы, чтобы его душа блуждала вечность напролет и никогда не нашла дом.

Послышались приглушенные возгласы благоговейного ужаса: страшнее наказания нельзя было придумать.

– С телами других мертвых врагов следует обращаться со всем уважением, их допускается бальзамировать и прилично похоронить. Имя Трока Урука должно быть удалено со всех памятников и зданий в стране, а храм, построенный им для себя в Аварисе, будет

посвящен крылатому Гору в память о победе, которую он даровал нам в этот день у города Галлалы.

Все одобрительно закричали, услышав этот указ, и Нефер продолжил:

– Все имущество Трока Урука, все его сокровища и поместья, его рабы и здания, его склады и товары любого рода, надлежит передать государству. Пошлите обратно к Сафаге повозки с водой, с конюхами и хирургами, чтобы собрать всех лошадей, колесницы и солдат, которых Трок Урук оставил на пути во время самонадеянного наступления на нашу столицу в Галлале. Если означенные воины отрекутся от ложных фараонов и принесут клятву верности Дому Тамоса, они будут прощены и зачислены в наше войско.

Когда в этот день Нефер отдавал последние приказы и обнародовал свой последний указ, он охрип, был бледен и едва держался. Когда его внесли в городские ворота, он тихо спросил Минтаку:

– Где Таита? Кто-нибудь видел Мага?

Но Таита исчез.

Таита со склона холма над полем битвы наблюдал, как створки западни смыкались вокруг войска Трока и как заполненные камнями повозки разбивали его колесницы, а стрелы и копья полетели, будто стаи саранчи, на оставшихся в живых, когда в хаосе ему на глаза попала странная фигура.

Между камнями бежал Иштар Мидиец. Как улепетывавший заяц он то исчезал из вида, то вновь появлялся выше по склону, пригибаясь и уворачиваясь. Случайно или благодаря магическому заклинанию он избежал стрел и копий солдат Нефера и наконец нырнул за гребень горы и скрылся из глаз.

Таита позволил Мидийцу уйти. Для него найдется время позже. Он наблюдал за решающим моментом сражения, напрягая все силы, чтобы создать щит вокруг Нефера во время его поединка с Троком у подножия скалы. Даже на таком расстоянии ему удалось отвести многие из ударов Трока, которые были бы смертельны, а когда Трок наносил последний укол в бедро Нефера, его меч мог задеть большую бедренную артерию, если бы Таита не использовал все свое влияние, чтобы отклонить острие.

С того раза, когда Таита (уже много времени тому назад) спас Минтаку от опасности во время встречи с коброй богини, она легко поддавалась его влиянию. Она обладала рассудком и воображением которые открывали ему ее сознание. Невозможно влиять на глупца. Таита вызвал ее назад в Галлалу, чтобы она показалась Троку у верха долины и заманила его в западню. Затем, когда она стояла застыв от ужаса на скале над поединщиками, Таита вновь подчинил ее своей воле и поместил в мозг мысль поднять копье, лежавшее у ее ног. Он поддержал правую руку Минтаки, когда она прицелилась и метнула копье. Затем, когда жизнь покинула Трока, Маг бросился вниз по склону, чтобы помочь Неферу и перевязать рану, нанесенную в опасной близости от пульсирующей артерии в его бедре.

Когда его братья-воины Красной Дороги подняли молодого фараона на носилки, сооруженные из копий, исполнивший до времени свои обязанности Таита ускользнул в толпу. Никто не обратил внимания на то, что он ушел.

Он искал следы, которые оставил Иштар, убегая из узкой долины, и шел по ним, пока возможно было различать их на земле, высушенной солнцем так, что она растрескалась и стала походить на мозаику.

Таита остановился и присел. Из мешочка он вынул кусочек высушенного корня и положил его в рот. Пережевывая его, он раскрыл и простер сознание, чтобы обнаружить ауру Мидийца, след, который тот оставил. Когда корень обострил его чувства, Таита на краю поля своего видения узрел искомую ауру. Это была тень, грязно-серая, призрачная, исчезающая под прямым взглядом. Каждый человек обладал собственной аурой. Нефер Сети по причине благородной и божественной внутренней сущности испускал розовое свечение, которое Таита легко обнаруживал. Именно по этому слабому розовому свечению Таита нашел Нефера после того, как того ранил лев, когда вместе с Минтакой фараон заблудился в

пустыне около Даббы.

Аура Иштара Мидийца была темной и грязной. Таита встал и пошел дальше по этому призрачному следу, поторапливаясь и постукивая посохом по камням. Очень часто в расплывчатом отпечатке ноги на участке более мягкой земли или недавно сдвинутой с места гальке он видел подтверждения того, что на правильном пути.

Иштар повернул на юг, затем снова двинулся по направлению к Галлале. Таита встревожился и ускорил шаг. Если Иштар попытается подобраться к Неферу, чтобы снова навредить, Таита должен перехватить его. Однако преследование привело его к одной из колесниц, которые Трок бросил во время марша от побережья. Иштар что-то достал из разбитой колесницы, и Таита закрыл глаза и попытался увидеть, что это было.

– Водяной мех, – пробормотал Таита и увидел, где колдун отгреб в сторону землю, чтобы извлечь мех из-под борта опрокинутой колесницы. Еще один сухой и пустой мех все еще висел там. Иштар оставил его, вероятно поняв, что сможет унести только один полный мех. Таита подобрал пустой мех и повесил на плечо. Он покинул колесницу с мертвыми лошадьми в упряжи, уже начавшими смердеть, и продолжил преследование.

Забрав мех, Иштар направился обратно к Галлале. Поднявшись на вершину холма над городом, он затем ползком спустился к берегу ближайшего оросительного канала. На влажной глине, где он становился на колени, чтобы напиться и наполнить мех, который принес с собой, был ясно виден их отпечаток. Таита напился сам и тоже наполнил свой мех. Затем поднялся и пошел по следам, которые Иштар оставил, направившись обратно на восток по дороге к Сафаге и побережью. Таита пошел вслед за ним.

Наступила ночь, а Таита не останавливался. Иногда аура Мидийца полностью исчезала, но Таита шел по дороге. Иногда она проступала яснее, и Таита ощущал ее запах, слабый, неприятный запах плесени. Когда она показалась отчетливо, он смог понять сущность Мидийца, понять его мстительный характер. Маг определил, что Иштар напуган и потрясен неблагоприятным поворотом своей судьбы, но его силы все еще огромны. Он представлял большую и реальную опасность не только для Нефера и Минтаки, но и для самого Таиты. Если позволить ему бежать и восстановить иссякшие силы, он станет угрозой будущему Дома Тамоса и Апепи. Иштар был одним из высших адептов, но при этом злодеем, что делало его еще более опасным. Совершенно ясно, что он мог издалека читать мысли выбранных им жертв и наколдовать какие угодно мерзости, чтобы наслать бедствие на Нефера и Минтаку. Он мог вызвать в них пресыщение и охлаждение любви друг к другу, наслать страдания, неудачи и чуму, огорчения и болезнь без причины, умственные отклонения, безумие и в конечном счете смерть.

Даже Таита не был защищен от злобного духа Мидийца. Если позволить Иштару бежать, он сможет постепенно подорвать силы Таиты и расстроить его способности. Если только Таита не станет действовать сейчас, когда у него есть возможность уничтожить колдуна.

Над голыми холмами поднялась почти полная луна и осветила путь Таиты. Он шел широким ритмичным шагом, которым мог передвигаться почти так же быстро, как всадник. Он чуял – впереди Иштар не знает о преследовании и идет намного медленнее Таиты. С каждым прошедшим часом Таита все сильнее и ближе ощущал его ауру. «Я настигну его до восхода солнца», – подумал он и в тот же миг согнулся пополам и изверг на каменистую дорогу сильную струю рвоты. Ошеломленный внезапной ужасной тошнотой, Таита чуть не упал, но восстановил равновесие и выпрямился, вытирая с губ горький вкус желчи.

– Растяпа! – сердито упрекнул он себя. – Так близко от преследуемого мне следовало быть осторожнее. Мидиец заметил меня.

Он выпил воды из меха и осторожно пошел вперед. Нацелив посох перед собой, он стал медленно водить им из стороны в сторону. Внезапно посох в его руке потяжелел. Таита пошел в том направлении и увидел перед собой блестящий в лунном свете круг бледной гальки, выложенный на обочине дороги.

– Подарок Мидийца, – сказал он вслух.

Его вновь охватила тошнота, но он подавил ее, ударил в землю посохом и выговорил одно из слов власти:

– Нкуб! – Тошнота отступила, и он смог приблизиться к кругу.

«Недостаточно будет нарушить его чары, – мрачно подумал он. – Нужно обратить их против Мидийца».

Наконечником посоха он сдвинул один камешек из круга, разрушив его силу. Теперь он мог сесть на корточки около круга, не чувствуя вреда. Не прикасаясь ни к одной гальке, он низко наклонился и понюхал их. От них исходил сильный запах Мидийца, и Таита с холодным удовлетворением улыбнулся.

– Он касался их голыми руками, – прошептал Таита. Иштар оставил на камнях следы своего пота. Таита мог использовать это слабое истечение его соков. Осторожно, чтобы не повторить прежнюю ошибку, он передвигал камешки концом посоха, создавая другой рисунок: наконечник стрелы, указывающий в ту сторону, куда ушел Иштар. Таита набрал полный рот воды из меха и выплюнул ее на гальку, которая влажно заблестела в лунном свете. Затем он нацелил посох как копье вдоль той же линии, что и наконечник стрелы из гальки.

– Кидаш! – крикнул он и почувствовал, как возросло давление на его барабанные перепонки, словно он глубоко погрузился под поверхность океана. Но давление не стало невыносимым и медленно уменьшилось. Таита ощутил облегчение и удовлетворение. Дело было сделано. Он повернул чары против Мидийца.

В лиге впереди по дороге спешил Иштар Мидиец. К этому времени он совершенно точно знал о преследовании. Он не сомневался, что преграда, установленная им на дороге, остановит большинство людей, но знал, что она не задержит надолго того, кого он боялся пуще всех прочих.

Внезапно он покачнулся на ходу и сжал уши обеими руками. Боль ослепляла, как если бы в его барабанные перепонки глубоко вонзили раскаленный докрасна кинжал. Иштар застонал и упал на колени.

– Это – Чародей. – Он всхлипнул. Боль была такой острой, что мешала думать ясно. – Он обратил заклятье против меня.

Трясущимися руками Мидиец дотянулся до мешочка на поясе и достал свой самый мощный талисман, сухую забальзамированную руку одного из детей фараона Тамоса – ребенок умер вскоре после рождения во время поветрия Желтых Цветов. Иштар ограбил гробницу маленького принца, чтобы получить ее. Рука была темная и скрюченная, будто лапа обезьяны.

Он поднес ее к голове, в которой стучало от боли, – и почувствовал, что страдание уменьшается. Пошатываясь, он поднялся и начал шаркающий танец с пением и воплями. Боль в ушах прекратилась. Он сделал заключительный прыжок и встал, глядя вдоль дороги туда, откуда пришел. Иштар чувствовал близкое присутствие Чародея, как приближение летней грозы за день до нее.

Он задумался, не устроить ли другую западню, но знал, что Таита обратит и ее действие против на него. Нужно свернуть в сторону и идти тайно, решил он и побежал по дороге, выискивая, где свернуть. Он нашел место, где дорога пересекала язык серого кристаллического сланца, такого твердого, что даже войско Трока не оставило на нем никакого следа.

Указательным пальцем левой руки Мидиец легко нарисовал на камне священный символ Мардука, плюнул на него и произнес три тайных имени бога, которые должны были призвать его.

– Скрой меня от моих врагов, могущественный Мардук. Благополучно доставь меня в твой храм в Вавилоне, и я принесу тебе жертву, которую ты так любишь, – пообещал он. Больше всего Мардук любил, когда в печи сжигали маленьких девочек.

Иштар встал на одну ногу и прыгнул назад пятьдесят пять раз, тайное число Мардука,

известное только adeptам. Затем он резко свернул с дороги и пошел под прямым углом к ней, направляясь в северную пустыню. Он шел быстро, пытаясь увеличить расстояние между собой и человеком, который его преследовал.

Таита достиг точки, где дорогу пересекала полоса серого кристаллического сланца, и резко остановился. Аура, которую он ощущал так явственно лишь мгновение назад, растаяла, будто туман в тепле встающего солнца. Не осталось ни ощущения, ни запаха, ни следа Мидийца. Пройдя по дороге чуть дальше, Таита обнаружил, что путь холоден и пуст. Он быстро вернулся назад, к точке, где потерял след. Иштар не стал бы попусту тратить время на простое укрывающее заклинание. «Мидиец знает, что Пепел, Вода и Кровь едва ли остановят меня», – подумал он.

Он взглянул на небо и на покрытом звездами небесном своде у самого горизонта нашел красную звезду, звезду богини Лостры. Он взял амулет и запел восхваление Богине, но едва закончил первую строфу, когда ощутил злое чужое присутствие. Другой бог был призван в это место, и, зная Иштара, Таита достаточно точно мог предположить, кто именно. Он начал вторую строфу восхваления, и на голой скале перед ним возникло свечение, похожее на свечение медных стен печи в храме Мардука, когда горели жертвенные огни.

«Мардук оскорблен и показывает свой гнев», – подумал Таита с удовлетворением. Он подошел, встал на слабо светящемся месте и заговорил нараспев:

– Ты далеко от твоей земли и твоего храма, Мардук печи. Немногие поклоняются тебе в Египте. Твои силы рассеяны. Я призываю богиню Лостру, и ты не сможешь противостоять ей.

Он поднял подол хитона.

– Я потушу твой огонь, Мардук, – сказал он и, по-женски присев на корточки, помочился на скалу. Моча зашипела, поднялся пар, как если бы брусочек металла из кузнечного горна опустили в корыто с водой.

– Именем богини Лостры, Мардук Пожиратель, позволь мне пройти.

Скала быстро остыла, и когда пар рассеялся, Таита снова различил едва заметные следы Мидийца там, где тот свернул с дороги и направился на север. Завеса, которую установил Иштар, была пробита и разорвана. Таита прошел сквозь нее и вновь направился вслед за ним.

Горизонт бледнел, свет усилился до золотого сияния на востоке. Таита знал, что неуклонно нагоняет колдуна, и напряг глаза, вглядываясь вперед в пребывающем свете и стараясь разглядеть фигуру Иштара. Вдруг он остановился. У его ног зияла ужасная пропасть, ее крутые края опускались в темноту далеко внизу. Никакой человек не смог бы измерить эту глубину, и не было никакого пути, чтобы обойти это препятствие.

Таита взглянул на противоположный край. Тот был по меньшей мере в тысяче шагов от него, и пропасть казалась еще более устрашающей, если смотреть на нее под этим углом. Над бездонной пропастью парили стервятники. Одна из отвратительных птиц сделала круг и села на свое неряшливое гнездо из палочек и прутьев, построенное высоко на уступе на другой стороне каменного обрыва.

Таита с восхищением покачал головой.

– Замечательно, Иштар! – пробормотал он. – Даже стервятники. Мастерский штрих. Я бы не сделал лучше... но такое старание потребовало большой траты сил. Должно быть, это дорого тебе стоило.

Таита шагнул за край утеса и вместо того, чтобы провалиться вниз, в воздух, ощутил под ногами твердую землю. Утесы, ущелье, и даже кружащие стервятники задрожали и пропали, как это бывает с миражем, когда пройдешь сквозь него.

Пропасть исчезла, и на ее месте появилась ровная поверхность, каменистая земля с низкими холмами вдалеке, еще синими от теней. Посреди этой равнины, в пятидесяти шагах впереди, стоял Иштар Мидиец. Он стоял лицом к Таите, держа обе руки над головой, отчаянно пытаясь сохранить созданную им иллюзию. Увидев, что потерпел неудачу и Таита

идет к нему, будто мстительный джинн, он опустил руки жестом безнадежного смирения, повернулся к известняковым холмам на противоположном конце каменистой равнины и неуклюже побежал, путаясь в своей черной мантии.

Неутомимый Таита последовал за ним размашистым шагом, и когда Иштар оглянулся, на покрытом синими кругами лице колдуна читалось отчаяние. Мгновение он со страхом смотрел на высокую седовласую фигуру, повернулся и побежал быстрее. Некоторое время он отдалялся, увеличивая расстояние между ними, затем замедлил бег. Таита неумолимо догонял его.

Иштар сбросил с плеча бурдюк, и бежать стало легче, но он обгонял Таиту всего на несколько сотен шагов, когда достиг низких холмов, в раннем свете серо-синих от обнажений известняка. Он исчез в одном из оврагов.

Достигнув спуска в овраг, Таита увидел, что следы Иштара тянутся по песчаному дну и исчезают за углом, там, где овраг резко поворачивал направо. Таита двинулся по ним, но, подойдя к повороту за бледные известняковые столбы, услышал грозное рычание и рев дикого зверя. Свернув, он увидел, что овраг впереди сужается, а прямо перед ним стоит огромный лев, бьющий хвостом.

Черная грива льва стояла дыбом, как огромный куст, дрожавший будто трава на сильном ветру при каждом рыке, вырывавшемся из разверстой пасти. Глаза зверя были золотого цвета, а зрачки – непримиримыми черными отверстиями. Отвратительный густой звериный запах стоял в горячем воздухе: зловоние гниющих тел, убитых этими длинными желтыми клыками.

Таита посмотрел вниз на песчаную землю, и увидел массивные лапы с выпущенными когтями. Он по-прежнему видел на песке следы Иштара, но лапы льва не оставили никакого следа.

Таита не замедлил шаг. Он поднял амулет на его цепочке и пошел прямо на истекающее слюной животное. Вместо того чтобы усилиться, рев притих, голова зверя стала прозрачной, и Таита увидел сквозь нее каменные стены оврага. Затем, как речной туман, лев поблек и исчез.

Таита прошел по тому месту, где он стоял, и свернул за выступ. Впереди овраг стал еще уже, его края были еще круче. Он заканчивался каменной стеной.

Иштар стоял спиной к скале, глядя на Таиту безумными глазами. Белки его глаз пожелтели и налились кровью, зрачки были черные и расширенные. Запах его страха был отвратительнее, чем зловоние призрачного льва. Он поднял правую руку и наставил длинный костлявый палец на Таиту.

– Назад, Чародей! – закричал он. – Предупреждаю!

Таита шел, и Мидиец закричал снова, на этот раз на гортанном языке, и сделал такой жест, будто бросил в голову Таиты невидимый предмет. Таита быстро поднял амулет Лостры перед глазами и почувствовал, как возле его головы что-то просвистело, точно стрела.

Иштар повернулся и юркнул в узкое отверстие в каменной стене позади него, которое закрывал от Таиты своим телом. Таита остановился перед входом и постучал по каменным краям посохом. Камень отзывался правильно, и он услышал долетающее из темного входа эхо неуверенных шагов Иштара. Таита был почти уверен, что это не иллюзия, а подлинный вход в пещеру в известняковом утесе.

Таита шагнул в проем и обнаружил, что находится в низком каменном проходе, слабо освещенном солнечным светом, падавшем через вход у него за спиной. Пол пещеры впереди медленно поднимался, и Таита продолжил путь, ступая более осторожно. Теперь он был уверен, что проход настоящий, а не что-то, созданное колдовством Мидийца, чтобы отвлечь его и увести в сторону.

В туннеле впереди он слышал эхо шагов Иштара, искаженное и усиленное. Таита считал шаги с тех самых пор, как шагнул в темноту. Через сто двадцать шагов свет вновь стал разгораться, исходя из какого-то яркого источника в глубине склона.

Внезапно туннель резко повернул, и, шагнув за поворот, Таита оказался в большой

пещере с высоким сводом. В центре свода было отверстие, выходившее во внешний мир, на открытый воздух, и из него на пол пещеры падал луч яркого солнечного света.

С пола поднимались остроконечные сталагмиты, мерцающие кристаллами, будто клыки акулы-людоеда. С высокого свода свисали парные им сталактиты; некоторые напоминали наконечники копий, другие – сияющие крылья богов.

Иштар стоял, прижавшись к противоположной стене пещеры. Оттуда нельзя было бежать. Увидев Таиту, появившегося во входе в туннель, он пронзительно закричал, рыдая:

– Смилуйся, могущественный Маг! Между нами есть связь. Мы – братья. Пощади меня, и я открою тебе такие тайны, о которых ты и не мечтал. Я предоставляю все мои силы в твоё распоряжение. Я буду твоим преданным псом. Я посвящу мою жизнь служению тебе.

Его мольбы и обещания были так жалки, что Таита невольно почувствовал, как его решимость колебалась. Это было лишь сомнение, мелькнувшее в уме Таиты, но Иштар нашел крошечную щель в его защите и немедленно воспользовался этим. Он выбросил руку вперед, сложив большим и указательным пальцем круг, знак Мардука, и крикнул что-то на том же странном гортанном языке.

Таита ощутил, как невыносимо тяжкое бремя придавило его плечи и будто невидимые щупальца гигантского осьминога опутали его тело, придавили руки к бокам, обернулись вокруг горла удушающим захватом. Он ощутил запах горячей человеческой плоти, ауру Пожирателя, душащего его. Но не мог пошевелиться.

На другой стороне пещеры подпрыгивал и подскакивал Иштар, его татуированное лицо было страшно перекошено, язык, высунутый между синими губами, лакал воздух, как лакают кошки. Он поднял полы своей мантии и выпятил бедра в сторону Таиты. Его член был полностью выпрямлен, крайняя плоть скатилась назад с раздутой фиолетовой головки, как с непристойного плода.

– Твоя хилая богиня не защитит тебя здесь, глубоко в земле, Таита. Тебе больше не пересилить Мардука Пожирателя и его слугу Иштара, – завопил он. – Наше состязание закончено. Я победил тебя и всю твою хитрость, Чародей! Теперь ты умрешь.

Таита поднял глаза к высокому темному своду пещеры и сосредоточил все внимание на длинном поблескивающем сталактите, свисавшего с него будто огромный мерцающий кинжал. Он собрал все силы, поднял правую руку с посохом и указал им вверх. И, выдохнув остатки воздуха, прокричал слово власти:

– Кидаш!

Раздался треск, будто в глубинах ледника лопнул лед, сталактит отломился от свода и обрушился. Увлекаемый собственным огромным весом, он ударил острием в плечо Иштара возле шеи, пронзил его грудь и живот и вышел через задний проход. Длинный каменный шип приколол колдуна к полу пещеры, как выпотрошенную рыбу к сушильной полке.

Когда Иштар задержался, задрожал и стал судорожно сучить ногами в смертельных муках, Таита почувствовал, что тяжесть исчезла с его плеч и давление на его горло прекратилось. Мардук отступил, и Таита смог дышать снова. Запах горелой плоти исчез. Воздух опять был древний и чистый, прохладный и лишь слабо припахивающий грибами.

Маг подобрал посох и пошел назад по туннелю, на открытый воздух и солнечный свет. У входа в известняковый туннель он обернулся и ударил посохом по камню один, второй, третий раз.

В недрах холма раздался грохот падающего камня, и из входа в туннель пахнуло пыльным воздухом: внутри скалы рухнул свод пещеры.

– Из-за каменного шипа, прошедшего сквозь твоё сердце, даже твой грязный бог не сможет освободить тебя из твоей могилы. Лежи в ней всю вечность, Иштар Мидиец, – сказал Таита и отвернулся. Постукивая посохом по камням, он направился по дороге к Галлале.

Трое посыльных достигли Вавилона весной, когда снег еще лежал толстым слоем на вершинах дальних гор на севере, откуда текли две великих реки.

Фараон Наг Киафан принял их на самой высокой террасе сада Вавилонского дворца.

Царица Гесерет сидела рядом с его тронem. На ней были самые великолепные драгоценности из тех, что имелись в казне царя Саргона. Ее высоко уложенные темные волосы покрывала шелковая сетка, на которой искрились драгоценные камни, будто звезды на небесном своде. Ее запястья и предплечья украшали браслеты, пальцы – кольца с изумрудами, рубинами и сапфирами, и груз этот был так тяжел, что она едва могла поднять руки. На ее шее висел камень размером с незрелый инжир, прозрачный как вода в горном источнике, и такой крепкий, что им можно было резать стекло или обсидиан. Этот изумительный драгоценный камень был привезен из земли за рекой Инд, и когда солнце падало на него, отражавшиеся от него лучи слепили глаза.

Все гонцы были военачальниками отрядов, которые фараон Трок повел на запад четыре месяца назад. Они вошли, не на шутку страшась за свою жизнь, поскольку принесли плохие вести. Ехали они так долго и так быстро, что похудели и загорели дотемна под солнцем пустыни и высоких гор. Теперь они пали ниц перед тронem, на котором сидел в великолепии и блеске Наг, затмевавший даже свою жену.

– Приветствуем вас, фараон Наг, самый могущественный из богов Египта, – обратились к нему гонцы. – Мы принесли ужасные вести. Пощадите нас. Хотя наш рассказ вызовет ваше неудовольствие, будьте милосердны и отведите от нас ваш гнев.

– Говорите! – сурово приказал Наг. – Я один буду судить, достойны ли вы пощады.

– Весть, которую мы принесли, касается фараона Трока Урука, вашего божественного брата и соправителя Египта, – сказал тот, что возглавлял передовой отряд, имел звание Лучшего из Десяти Тысяч и носил на груди Золото Доблести.

– Говори! – снова приказал Наг, поскольку говоривший запнулся.

– В пустыне, окружающей древний город Галлалу, произошло большое сражение между войсками фараона Трока Урука и узурпатора Нефера Сети. – Он опять замолчал.

– Продолжай! – Наг поднялся и наставил царскую плеть в лицо говорившему – угроза пытки и смерти.

Гонец поспешно продолжил:

– Посредством трусливого обмана и злого колдовства войско вашего брата и нашего фараона Трока Урука было уничтожено. Фараон убит, его войско разгромлено. Те его солдаты, что выжили, перешли на сторону врага и сплотились под знаменами самозванного фараона Нефера Сети, пусть Сет посетит его с ужасной местью и уничтожит его имя и все его деяния. Этот злой узурпатор со всей своим войском теперь идет маршем на Аварис и оба египетских царства!

Наг вновь опустился на свой трон и глядел на гонца с изумлением. Гесерет рядом с ним улыбнулась. Когда она делала так, жестокие линии в уголках ее рта исчезали и она преображалась, вновь становясь невыразимо красивой. Она коснулась руки Нага пальцем, унизанным кольцами, и когда он наклонился к ней, прошептала ему на ухо:

– Хвала богам и приветствия единственному фараону Верхнего и Нижнего царств, могущественному Нагу Киафану!

Наг попытался сохранить на лице суровое и невозмутимое выражение, но слабая улыбка на мгновение скользнула по его тонким и красивым чертам. Ему потребовалось мгновение, чтобы подавить ее, и он снова поднялся. Его голос звучал тихо, почти как шепот, но был страшен, как скрежет клинка о точильный камень.

– Вы принесли вести о смерти фараона и бога. Горе вам, ибо теперь вы заражены страданием и неудачей. – Он сделал знак страже, стоявшей вокруг трона. – Уведите их и передайте жрецам бога Мардука – пусть принесут их в жертву в печи для успокоения гнева бога.

Когда гонцов связали и увели, чтобы принести в жертву, Наг снова встал и объявил:

– Бог и фараон Трок Урук мертвы. Мы поручаем его душу богам. Я заявляю перед всеми, что теперь есть только один правитель обоих царств, и всех земель, и всех завоеванных стран и владений Египта. Я заявляю далее, что править буду я, фараон Наг Киафан.

– Бак-хер! – закричали все придворные и военачальники, стоявшие вокруг его трона.

Они выхватили мечи и забили ими о щиты. – Бак-хер! Хвалы царю-богу Нагу Киафану!

– Сообщите об этом всем моим командирам и полководцам всех моих войск. Встретимся на военном совете сегодня в полдень.

В течение следующих одиннадцати дней с рассвета до сумерек фараон Наг заседал во главе своего совета в тронном зале дворца Саргона. Поставив у дверей стражу, чтобы защититься от чужих ушей и шпионов, они составляли планы и порядок сражения. На двенадцатый день Наг назначил смотр своих войск в Месопотамии и отправил послов к подвластным царям и правителям во все завоеванные земли между Вавилоном и границами Египта с приказом подготовить все их отряды к войне и встать под его командование для похода против Нефера Сети.

В следующее полнолуние войска собрались перед Синими Воротами города Вавилона. Они насчитывали сорок тысяч человек и, будучи хорошо оснащенными лошадьми и колесницами, луками и мечами, состояли из ветеранов и опытных солдат.

Гесерет стояла рядом с мужем, единственным истинным фараоном Египта, на городской стене, и осматривала их строй.

– Какой величественный вид, – сказала она мужу. – Я уверена, что вся летопись войн не знает такого смотра.

– Когда мы двинемся маршем на запад, на родину, наша численность возрастет за счет шумеров и хеттов, гурриев и войск завоеванных стран, через которые мы пройдем. Мы вернемся в Египет с двумя тысячами колесниц. Щенок не осмелится выйти против нас. – Он взглянул на нее. – Вы не чувствуете никакой жалости к вашему брату Неферу?

– Никакой! – Гесерет покачала головой, так что ее драгоценности заблестели и заискрились в солнечном свете. – Вы – мой фараон и муж. Кто бы ни выступил против вас – предатель и заслуживает смерти.

– Смерти он не минует, и предатель Чародей разделит с ним погребальный костер. Они сгорят вместе, – мрачно пообещал Наг.

Они издали ощутили запах реки, запах прохладной пресной воды в воздухе пустыни. Лошади поднимали головы и ржали. Пешие воины ускорили шаг и пристально вглядывались вперед, стремясь увидеть реку, в это время года широкую и темную от обилия ила, плоть и кровь их родины.

Нефер и Минтака ехали в колеснице во главе длинной колонны, ползущей по караванной дороге из Галлалы. Мерен и Мерикура ехали справа от них во второй по счету колеснице. Несмотря на протесты Мерикуры, считавшей, что он все еще слишком слаб и болен, Мерен настоял на поездке.

– Я пропустил сражение у Галлалы, но клянусь, что не пропущу другого. Пока в моем теле есть дыхание, я буду ехать рядом с моим царем и моим самым дорогим другом. – Худой и бледный, как белая цапля, он, тем не менее, гордо стоял на площадке колесницы с поводьями в руках.

Ведущие колесницы въехали на возвышенность, и внизу открылась зеленая долина Нила, с могучей рекой, блестящей, как струя расплавленной меди из печи, реки, алеющей в первых лучах солнца. Нефер повернулся и улыбнулся Мерену, едущему в колеснице рядом.

– Мы возвращаемся домой!

Минтака запела, сначала тихо, а затем громче, когда Нефер присоединил к ее пению свой голос.

Храм Богов,
Родина десяти тысяч героев,
Самый зеленый на всей земле,
Наша самая дорогая любовь.
Наш самый милый дом.
Наш Египет!

Затем запели Мерен и Мерикара, а потом, мало-помалу, вся колонна. Отряд за отрядом радостным хором подхватывали песню, начиная съезжать вниз по склону.

Другое войско прибыло встретить их: вооруженные солдаты в колесницах, полководцы и командиры отрядов, ведущие их войска, а за ними отряды пеших воинов. За ними следовали старшины, жрецы и правители номов, все в мантиях, с цепями и знаками отличия, некоторые в повозках, другие в паланкинах, которые несли рабы. Были и всадники, и пешие. За ними, смеясь и танцуя, шла густая толпа народа. Некоторые из женщин несли своих младенцев и начинали плакать от радости, увидев своих мужей, возлюбленных, братьев и сыновей в рядах войска беглецов, возвращающегося домой.

Эти две процессии встретились и смешались. Старшины и полководцы пали ниц перед колесницей фараона. Нефер сошел с колесницы, поднял тех, кого узнал, и обнял самых могущественных и наиболее влиятельных из них, призывая расположение богов на всех своих людей.

Когда он вновь поднялся на колесницу и поехал вперед, шествие последовало за ним к берегу Нила. Там Нефер опять сошел с колесницы и полностью одетый погрузился в воду. В то время как все стояли вдоль берега, кричали приветствия и пели, он совершил ритуальное омовение и выпил илистой коричневой воды.

Вновь поднявшись на колесницу и облачившись в свежую льняную одежду, с синей военной короной на голове, Нефер повел огромную толпу людей вдоль берега реки к Аварису. В лиге от города вдоль дороги стояли толпы приветствующих. Они осаждали пыль, обрызгивая дорогу водой из Нила, и устилали путь фараона пальмовыми листьями и цветами.

Когда они достигли города, ворота оказались широко открыты, и на городских стенах стояли люди. Со стен свешивались знамена, благоухающие букеты, связки плодов. Люди пели гимны преданности, восхваления и приветствия, когда Нефер с Минтакой проехали под аркой ворот.

Красивые, как юные боги, они поехали сначала к прекрасному храму на берегу реки, который Трок Урук построил, чтобы отпраздновать собственное обожествление. Нефер распорядился заранее, и каменщики работали уже много недель. Они сбили зубилами все портреты ложного фараона и удалили его имя со стен и высоких колонн, поддерживавших крышу, и все еще были заняты вырезыванием изображений и титулов крылатого Гора и фараона Нефера Сети вместе с описанием его победы в сражении у Галлалы.

Нефер приехал туда, поскольку первым его долгом было поблагодарить бога и принести в жертву перед каменным алтарем пару прекрасных черных быков. Когда обряд завершился, он объявил неделю праздника, торжества и пиров с раздачей просяного хлеба, говядины, вина и пива всем подданным и с устройством игр и театральных представлений.

– Вы – хитрец, сердце мое, – восхищенно сказала ему Минтака. – Они прежде любили вас, а теперь будут обожать.

Долго ли? – задавался вопросом Нефер. Едва весть о нашем восшествии на трон достигнет Нага в далеком Вавилоне, он пойдет на нас, если уже не пошел. Простые люди будут любить меня, пока он не постучит в ворота.

Фараон Наг Киафан поставил царем Вавилона, подвластным себе, полководца Асмора, которому доверял. Он оставил ему пятьсот колесниц, две тысячи лучников и пехоты для защиты своих завоеваний, а сам с большей частью войска начал марш на Египет, чтобы отобрать у захватчика корону и трон.

Как снежный ком, катящийся по склону горы, войско фараона Нага Киафана набирало вес и силу, продвигаясь на запад по равнине к горному перевалу и границе Египта. По мере его продвижения подвластные Нагу цари стекались под его знамя, и к тому времени, как он остановился на возвышенности у прохода Хатмия, его войско почти утроилось.

Наг смотрел на запад, через широкую песчаную пустыню в сторону Исмаилии, города,

стоящего неподалеку от Большого Горького озера у границы его родины. Он ни на миг не забывал, что в этой точке марша ему будет мешать сильно возросшая численность его воинства. Перед ним лежало огромное пространство пустыни, где не было ни единого источника или оазиса, чтобы поддержать его войско на пути к Исмаилии. Ему вновь пришлось расположить на пути впереди запасы воды. Напрягая глаза в ярком свете, он различал колонны загруженных глиняными горшками с водой повозок, растянувшиеся вдоль изрытой колеями дороги под склоном, будто темные черви, которые ползли извиваясь по серовато-коричневой и желтой равнине. В течение многих месяцев они создали запасы воды в пустыне. Они зарывали наполненные водой горшки в песок и, оставив для их охраны отряд пехоты, возвращались за следующей партией.

Его войску потребуется на переход почти десять дней и ночей. В течение этого времени воины будут получать строго определенное количество воды, как раз достаточное, чтобы выдерживать долгие ночные переходы и пережить жаркие дни, когда все лягут отдыхать, пережидая жару, в любом клочке тени, какую дают льняные шатры или навесы из травы и веток терновника.

– Я поеду с вами в авангарде, – проговорила Гесерет рядом с ним, ворвавшись в ход его мыслей.

Наг поглядел на нее.

– Мы уже обсудили это. – Он нахмурился. За несколько лет брака ее очарование и красота начали ему надоедать, их затмевали раздражительность, ревность и требовательный характер. Теперь Наг все больше времени проводил со своими наложницами, снося ревнические упреки, когда возвращался на ложе Гесерет.

– Вы поедете с другими женщинами в обозе, под охраной Пренна, сотника арьергарда.

Гесерет надулась. Прежде ее голос звучал просительно, теперь же был попросту недовольным.

– Чтобы вы могли наградить Лассу ребенком, как ее сестру, – пожаловалась она. Речь шла о двух принцессах, отданных Нагу в качестве заложниц правителем Шумера как свидетельство его верности короне Египта. Обе принцессы были молодыми и стройными, достигшими половой зрелости, большегрудыми. Они красили соски и по бесстыдному шумерскому обычаю везде ходили обнажив груди и ничем их не прикрывая.

– Вы становитесь утомительны, жена. – Наг поднял верхнюю губу в улыбке, больше походившей на рычание. – Вы знаете, что это – политическая целесообразность. Мне был нужен сын хотя бы от одной из этих распутных девок, чтобы возвести его на трон, когда старик умрет.

– Поклянитесь дыханием и сердцем Сеуета, что не возьмете Лассу с собой в авангард, – настаивала Гесерет.

– Я охотно клянусь в этом. – Наг вновь улыбнулся той же убийственной улыбкой. – Я возьму Синнал из Гуррии. – Она тоже была заложницей, даже моложе, чем шумерки, всего четырнадцати лет, но с яркими волосами цвета меди, зелеными глазами и большими и округлыми ягодицами. Гесерет по опыту знала, что Наг так же охотно входит в цитадель через задние ворота, как и через передние.

– Мне нужен сын и от нее, – резонно объяснил Наг, – чтобы посадить его на трон Ассирии. – Затем он тихо насмешливо захихикал. – Царские обязанности поистине обременительны.

Гесерет разъяренно поглядела на него и крикнула, чтобы подали ее паланкин, с занавесками и шелковыми подушками – пусть увезет ее в хвост колонны, где Пренн командовал арьергардом.

По совету Таиты Нефер выставил по берегам Красного моря разведывательные заставы, чтобы они сообщали о любом вторжении на лодках доу, однако Таита был уверен, что главное войско Нага вторгнется через Большую Песчаную пустыню. Наг и Трок шли этой дорогой в свой месопотамский поход. Наг хорошо знал этот путь, а его войско было

слишком велико, чтобы перевезти его через Красное море на лодках, как это сделал Трок с меньшим числом отрядов.

Благодаря удивительному новшеству Мага Нефер и его военные советники знали точную численность и состав войска Нага. Один из сотников, занимавший у Нага высокий командный пост, был старым другом Таиты и в долгу перед ним. Он известил Таиту о своей преданности фараону Неферу Сети и намерении дезертировать и присоединиться к войску Нефера. Через другого своего друга, торговца дорогими коврами, который вел караван в Беер-шебу, Таита послал сотнику ответ с приказом остаться во главе своего отряда.

«Ты ценнее для нас как источник сведений, чем как просто воин», – говорилось в нем. Торговец коврами привез Таите два необычных дара: корзину живых голубей и свиток папируса, на котором был записан секретный шифр.

Когда сотник выпускал голубей, они немедленно летели в Аварис, в клетки, где вылупились, и приносили с собой привязанное к лапке шелковой нитью зашифрованное сообщение, написанное на крошечном свитке очень тонкого и легкого папируса. Благодаря этим сообщениям Нефер знал точную численность и расположение войск Нага. Он точно знал день, когда Наг вышел из Вавилона, и количество солдат, оставленных им для Асмора. Нефер имел возможность следить за его продвижением на запад через Дамаск, Беер-шебу и все прочие города и военные лагеря на его маршруте.

Очень скоро стало очевидно, что Таита оценил ситуацию правильно и Наг не станет внезапно переплывать Красное море. Он действительно намеревался атаковать из Большой Песчаной пустыни.

Нефер снял заставы с побережья Красного моря и немедленно перевел военный совет и большую часть своего войска в военный лагерь Исмаилии на краю пустыни. Здесь были многоводные пресные колодцы и обширные пастбища для лошадей.

Пока они ждали в Исмаилии, возвращавшиеся голуби продолжали приносить сообщения. Поэтому Нефер знал не только численность войска Нага, но и имена командиров каждого из его отрядов.

Минтака сидела на военном совете в крепости Исмаилия. Ее вклад в работу был неоценим: гиксоска по рождению, она хорошо знала полководцев Нага, которые когда-то входили в военный совет ее отца. Еще ребенком она слышала, как отец оценивал каждого из них, и у нее была прекрасная память, отточенная игрой в бао. Она могла рассказать Неферу о сильных и слабых сторонах и особенностях характера каждого из этих людей. Она просмотрела полученные ими списки.

– Теперь вот этот, сотник Пренн, командующий арьергардом Нага. Он мой родственник, один из двоюродных братьев моего отца. Я хорошо знаю его. Он учил меня ездить верхом. Я обычно называла его дядя Тонка, что означает на моем языке «Медведь». – Минтака улыбнулась этим воспоминаниям. – Мой отец говорил, что Пренн предан как пес, осторожен и медлителен, но, единожды вонзив зубы в горло врага, не отпустит до самой смерти.

К этому времени Мерен почти выздоровел от ран, и к нему вернулась сила. Он попросил Нефера дать ему какое-нибудь полезное дело, и Нефер послал его вперед с отрядом колесниц следить за дальнейшим продвижением Нага, как только тот спустится с возвышенности в пустыню.

Разведчики Мерена наблюдали за водными повозками Нага, везущими вперед глиняные кувшины и создающими запасы воды в сухих землях, через которые Нагу предстояло пройти, чтобы достичь границ Египта. Мерен попросил разрешения напасть и рассеять колонны водовозок, но Нефер послал ему приказ не вмешиваться, а просто наблюдать и тщательно отмечать места, где размещались водные запасы.

Затем Нефер приказал привести последние резервы, которые он держал на реке, и когда те встали лагерем вокруг Исмаилии, созвал на совет всех своих военачальников.

– Даже с колесницами Трока, захваченными в Галлале, мы уступаем Нагу по их числу почти втрое, – сказал он. – Все его солдаты закалены в сражениях, лошади обучены и в

прекрасном состоянии. Нельзя позволить ему пересечь границу и достичь реки. Мы должны встретить его и сразиться с ним здесь, в пустыне.

Всю ту ночь они сидели на совете. Нефер объяснил свой план сражения и отдал приказы. В течение пяти дней они должны были позволить Нагу продвигаться вперед, не оказывая сопротивления. Затем, когда он заметно углубится в пустыню, им предстояло совершить набег и уничтожить его водные склады, как впереди, так и в тылу его колонны. Так он попадет в ловушку среди песков.

— Я знаю Нага достаточно хорошо и уверен, что он в своем высокомерии и чрезвычайной убежденности в своем боевом искусстве решится на битву. Я уверен, что даже после того, как мы лишим его запасов воды, он не повернет назад, а будет рваться вперед. Его войско достигнет Исмаилии после вынужденного многодневного сухого марша через пустыню. Пусть на поле битвы, которое мы выберем сами, его встретят хорошо отдохнувшие и не стражающие от жажды солдаты и лошади. Это отчасти компенсирует недостаток наших сил.

В ходе долгого совета Таита тихо сидел в тени позади походной скамьи Нефера. Казалось, он дремлет, но время от времени Маг открывал глаза, а затем, помигав будто сонная сова, закрывал их снова и его подбородок опять падал на грудь.

— Наш самый большой недостаток — число и состояние наших колесниц, — продолжил Нефер, — но мы почти сравнялись с Нагом в численности лучников, пращников и копейщиков. Я уверен, что как только Наг узнает о нехватке воды, он со всеми своими колесницами бросится вперед, обогнав пеших воинов. Мы с Таитой разработали план, как заманить его колесницы в западню, где мы сможем воспользоваться небольшим преимуществом, которое у нас будет.

Перед городом и колодцами мы установим ряд низких каменных стен, за которыми смогут укрыться наши лучники и пехота. Этих сооружений будет достаточно, чтобы остановить продвижение колесниц. — Кусочком древесного угля Нефер нарисовал план на листе папируса, развернутом на столе перед ним. Хилто, Шабако, Сокко и остальные его советники вытянули шеи, чтобы разглядеть его.

— Стены будут построены в форме ловушки для рыбы. — Он нарисовал перевернутую воронку с вершиной, направленной в сторону крепости Исмаилия.

— Как вы заманите его в воронку? — спросил Шабако.

— Обманым отступлением после атаки наших колесниц, вы это часто отрабатывали, — объяснил Нефер. — Наши лучники и пращники будут скрыты за стенами, пока Наг не последует за нами в воронку. Чем глубже они проникнут, тем сильнее его войско будет сжато между стенами. Подъехав близко, они будут прекрасными мишенями для наших пращников и лучников.

Даже Шабако выглядел пораженным.

— Вы намереваетесь закрыть их в загоне, как коров, как сделали это с Троком.

Они с воодушевлением обсуждали этот план, выдвигая предложения и внося улучшения. В итоге Нефер назначил Шабако ответственным за постройку стен. Таита провел минувшие пять дней, осматривая местность и размечая ее, поэтому работа могла начаться с рассветом.

— У нас осталось мало времени, — предупредил Нефер. — Мы знаем, что силы Нага уже собрались на возвышенности Хатмия. Его повозки, доставляющие воду, почти закончили устройство складов. Я ожидаю, что через несколько дней он начнет спуск с возвышенности.

Совет наконец закончился, и военачальники поспешно разошлись выполнять задачи, которые поставил перед ними Нефер. Наконец в башне старой крепости Исмаилии осталось только три человека, Нефер, Таита и Минтака.

Первой нарушила молчание Минтака.

— Мы уже говорили о Пренне, моем дяде Тонке, — сказала она, и Нефер кивнул, но взглянул на нее с недоумением. — Если бы я могла встретиться с ним, если бы могла поговорить с ним лицом к лицу, уверена, я убедила бы его выступить против Нага и увести

своих солдат в наше войско.

– Что ты имеешь в виду? – Голос Нефера был резким, выражение лица – суровым.

– Одетаая юношей, с небольшим отрядом хороших солдат и быстрых лошадей, я смогу объехать вокруг главного войска Нага и проникнуть в тыл к дяде Тонке. Риск невелик.

Нефера побледнел от гнева.

– Безумие! – сказал он спокойно. – Совершеннейший бред, вроде того, что вы продемонстрировали в Галлале, когда явились приманкой для Трока. Я не желаю больше слышать ни слова об этом. Вы представляете, что сделает с вами Наг, если вы попадете к нему в руки?

– Вы представляете, что сделает Наг, если в решающий миг сражения дядя Тонка и его отряды нападут на него с его собственного тыла? – возразила она Неферу.

– Мы больше не будем говорить об этом. – Нефер поднялся и ударил кулаками по столу. – Вы с Мерикарой останетесь здесь, в крепости, до окончания кампании. Если вы не дадите мне слово выбросить эту глупость из головы, я прикажу закрыть дверь вашей палаты и поставить к ней охрану.

– Вы не можете обращаться со мной как с вещью. – Ее голос был хриплым от гнева. – Я даже не ваша жена. Я не подчинюсь никаким вашим приказам.

– Я – ваш царь и требую от вас честного слова, что вы не поставите себя в опасное положение этим своим сумасбродством.

– Это – не сумасбродство, и я не дам вам никакого слова.

Таита невозмутимо наблюдал за молодыми людьми. Это был их первый серьезный спор, и Маг знал, что он будет очень ожесточенным из-за глубины их чувств друг к другу. Он с интересом ждал, как этот спор разрешится.

– Вы преднамеренно не повиновались моему приказу в Галлале. Я не верю, что сейчас вы не поступите так же. Вы не оставляете мне выбора, – мрачно сказал Нефер и крикнул стражнику за дверью, чтобы послали за Зуггой, главным евнухом царского гарема.

– Я не могу доверять и Мерикаре. – Он снова повернулся к Минтаке. – Она полностью под вашим влиянием, и если вы расскажете ей о своих замыслах, то вовлечете ее в это безумное предприятие. Я отсылаю вас обеих в Аварис на женскую половину дворца. Вы должны оставаться там на попечении Зугги. Развлекайтесь игрой в бао до тех пор, пока не произойдет сражение и война не будет выиграна. – И Зугга увел Минтаку. В дверях она оглянулась на Нефера, и Таита улыбнулся, увидев выражение ее лица. Нефер встретил более упрямого противника, чем оба ложных фараона вместе взятые.

В тот вечер Таита пошел навестить Минтаку в новом жилище, служившем когда-то домом начальнику крепости, которое принцесса делила теперь с Мерикарой. Двое больших, спокойных евнухов стояли у двери, и еще один у зарешеченного окна.

Минтака все еще кипела от гнева. Мерикара была ничуть не меньше разгневана таким обращением брата с ней и с ее дорогой Минтакой, и особенно этим унижительным лишением свободы.

– По крайней мере вы узнали, что не стоит перечить царю, даже если он любит вас, – осторожно сказал Таита.

– Я не люблю его, – ответила Минтака со слезами гнева и разочарования в глазах. – Он обходится со мной как с ребенком, и я его ненавижу.

– Я ненавижу его даже больше, – объявила Мерикара, стараясь не уступать. – Если бы только Мерен был здесь!

– Вам не приходило в голову, что поступки Нефера свидетельствуют о его любви и о том, что ему небезразлична ваша безопасность? – спросил Таита. – Он знает, как страшна будет ваша судьба, если вы попадете в руки Нага Киафана и Гесерет. – Они так накинулись на него, что он поднял обе руки, дабы защититься от их гнева, и вежливо удалился, но их опровержения и обвинения все еще продолжали звенеть у него в ушах.

На следующее утро Нефер и Таита увидели со стены крепости, как маленький караван в сопровождении евнухов и отряда колесниц вышел из Исмаилии и направился в Аварис.

Минтака и Мерикара вместе сидели за шелковыми занавесками паланкина в центре колонны. Они не показались наружу и не попрощались с Нефером и Таитой.

– Лично я предпочел бы ворошить улей короткой палкой, – проговорил Таита. – Возможно, если бы ты выказал чуть больше учтивости, обстановка была бы более спокойной.

– Они должны понять, что я – фараон и что мое слово закон даже для них. Кроме того, в настоящее время у меня есть другие заботы, помимо женских истерик, – ответил Нефер. – Переживут. – Но он оставался на стене и продолжал смотреть вслед покачивающемуся паланкину и каравану, пока те не исчезли в далекой дымке.

Таита и Нефер выехали осмотреть каменные стены, которые под руководством Шабako торопливо складывали вдоль восточных подступов к оазису Исмаилия.

– Сооружению Шабako не занять места среди великих архитектурных достижений века, – высказал свое мнение Таита, – но это к лучшему. С той стороны, откуда приедет Наг, они будут выглядеть естественными образованиями и не вызовут никакого подозрения, пока он не въедет в воронку и не обнаружит, что его фронт постоянно сужается.

– Выдающееся достоинство твоего плана состоит в том, что он позволяет нам выбрать поле битвы по нашему усмотрению, – кивнул Нефер. – С помощью Гора мы превратим это поле в бойню. – Затем он положил ладонь на тощую руку Таиты. – Я вновь оказываюсь в неоплатном долгу перед тобой, отец. Это все твоя работа.

– Нет. – Таита покачал головой. – Я дал тебе только легкий толчок. Остальное – твоя заслуга. Ты унаследовал воинский дар твоего отца, фараона Тамоса, и достигнешь величия, которого мог бы достичь он, не срази его так безжалостно рука врага, противостоящего теперь нам.

– Пришло время отомстить за эту смерть, – сказал Нефер. – Давай сделаем все, чтобы не дать кобре ускользнуть снова.

В течение следующих дней Нефер обучал свое войско и подробно отрабатывал план и тактику обороны. Каждое утро отряды лучников и пращников выходили и занимали позиции за грубо сложенными неровными стенами. Перед стенами они поставили маленькие пирамидки из камней, чтобы отметить дальность стрельбы, так чтобы можно было точно определить миг, когда выскакивать из-за укрытия. Они положили связки запасных стрел под рукой, так чтобы не испытывать нехватку в них во время сражения. Пращники лепили глиняные шары и обжигали в огне, пока они не становились твердыми как камень. Затем они укладывали эти убийственные снаряды в груды под стенами.

Во время упражнений Нефер и его командиры играли роль отрядов Нага и выезжали из пустыни, оглядывая расположение войска критическим взглядом и стараясь убедиться, что оно полностью скрыто за стенами.

Затем, пока они ждали, Нефер отрабатывал перед стенами свою тактику, бросаясь в атаку, поворачивая назад и отступая, проезжая по полю, так чтобы его солдаты узнали каждую ямку, каждое ровное место и овраг, даже расположение звериных нор и других небольших препятствий на нем. Он тщательно выбрал за стенами безопасные места, где можно будет поить лошадей во время сражения и где будут стоять его резервы, пока не понадобятся.

– Я сомневаюсь, что кто-либо когда-либо изучал доску, на которой будет разворачиваться игра, так же тщательно, как я, – сказал Нефер Таите и снова приказал своим отрядам уехать, чтобы проделать те же упражнения.

Вечером он ехал обратно в крепость во главе своего войска. Пыль, смешавшись с потом, покрыла лицо и тело твердой коркой. Он был утомлен до крайности, но доволен: он сделал все, что в его власти, чтобы подготовить свои войска к тому, что ждет впереди.

Его ощущение благополучия испарилось, когда он натянул поводья, остановил Круса и Дов и, бросив поводья конюхам, прыгнул на спекшуюся землю поля для выездки. Его ждал Зугга, главный евнух царского гарема. Он ломал жирные руки, его глаза были красны от

слез, и он пронзительно выл от страха.

– Великий фараон, простите. Я старался изо всех сил, но она хитра как лиса. Она провела меня.

– Кто эта лиса? – спросил Нефер, хотя понял, о ком речь.

– Принцесса Минтака.

– Что с ней? – Голос Нефера прозвучал резко от тревоги.

– Она убежала и взяла с собой принцессу Мерикару, – рыдал Зугга, с уверенностью ожидая удушения удавкой.

Почти всю дорогу до Аварис Минтака и Мерикара провели, прижавшись друг к другу в занавешенном паланкине и шепотом планируя побег. Они быстро отвергли идею захвата одной из колесниц сопровождения. Они знали, что в том маловероятном случае, если им удастся обмануть или победить одного из колесничих, через час за ними в погоню пустятся все египетские войска во главе с разгневанным фараоном. Постепенно в результате обсуждения сложился лучший план.

Главная задача Минтаки состояла в том, чтобы понравиться Зугге, их охраннику и тюремщику, и убедить его в смиренной покорности его власти. К тому времени, как четыре дня спустя они достигли дворца в Аварисе, она полностью его одурачила, заставив думать только лучшее о ее нежном, невинном характере. Там она самым милым и убедительным образом обратилась к Зугге – нельзя ли ей и Мерикаре посетить храм Хатор, чтобы помолиться о безопасности Нефера и его победе в грядущей битве? С некоторым нехорошим предчувствием Зугга согласился, и обе женщины получили возможность провести почти час наедине с верховной жрицей в святилище храма. Зугга в тревоге ждал у двери: ни одному мужчине, даже еврею, не позволялось входить в святилище.

К огромному облегчению Зугги, все его подозрения улеглись, когда Минтака и Мерикара наконец появились вновь, обе красивые, скромные и невинные, как любая из девушек храма. Несколько дней спустя, когда они снова попросили разрешения помолиться в храме и принести жертву богине, Зугга согласился на это и вперевалку пошел рядом с паланкином, беспечно болтая с девушками через занавеску и пересказывая самые занимательные подробности дворцовых скандалов.

Верховная жрица вновь ждала в переднем дворе храма, чтобы приветствовать Минтаку и Мерикару и повести их в святилище. Без всяких предчувствий Зугга уселся ждать возвращения прекрасных царственных красавиц. Верховная жрица послала двух служительниц принести ему полное блюдо жареных цыплят и рыбы и большой кувшин превосходного вина. Зугга съел все это и осушил кувшин, а затем заснул в тени статуи богини в обличье коровы. Когда он пробудился, солнце уже село и он был один. Он увидел, что носильщики ушли. Он поднял вертикально свое огромное тело и ощутил в животе боль, вызванную не расстройством желудка, а давящим чувством тревоги. Он закричал, привлекая внимание, и стал стучать в двери храма посохом. Очень скоро к нему вышла жрица с известием:

– Обе принцессы попросили убежища в храме. Верховная удовлетворила их просьбу и взяла их под свою защиту.

Голова у Зугги пошла кругом. Войти в святилище храма нельзя. Он не мог потребовать возвращения своих подопечных, даже при поддержке фараона. Единственным возможным для него выходом было вернуться в Исмаилию и сознаться в своей промашке, но это опасно. Молодой фараон еще не показал свой истинный нрав, и его гнев вполне мог оказаться губительным для Зугги.

В тот миг, когда двери храма закрылись за ними, Минтака и Мерикара отбросили притворную покорную невинность.

– Вы сделали приготовления, Верховная? – нетерпеливо спросила Минтака.

– Не беспокойся, дочь. Все готово. – Карие глаза жрицы искрились весельем. Она явно

наслаждалась этим приключением, разнообразившим спокойную размеренную жизнь храма. – Я взяла на себя смелость добавить в вино евнуху слабый снотворный настой, – хихикнула она. – Надеюсь, вы не сочтете, что я превысила свою власть, и простите меня.

Минтака поцеловала ее в гладкую бледную щеку.

– Я уверена, Хатор будет гордиться вами, как я.

Жрица повела их в келью, где их ждали все вещи, какие попросила Минтака. Они торопливо оделись в грубое крестьянское платье и покрыли головы шерстяными накидками. Затем, с кожаными мешками за плечами, они пошли за верховной жрицей через лабиринт коридоров. Храм стоял задней частью к Нилу, и они слышали, как впереди все громче становится тихий шум реки, текущей за внешними стенами. Наконец они вышли сквозь низкую дверь на свет и увидели пришвартованную к причалу большую лодку доу.

– Кормчему заплатили золотом, которое вы мне дали, и он знает, куда плыть. Все другие вещи, о которых вы просили, сложены в вашей каюте на борту, – сказала верховная жрица.

– Вы знаете, что сказать Зугге, – сказала Минтака, и старуха снова захихикала.

– Я уверена, что Хатор простит мне такую незначительную ложь. Для этого есть очень веская причина.

Когда пара спрыгнула на палубу доу, команда, дремавшая в тени, поднялась и бросилась поднимать треугольный парус. Не ожидая приказа, кормчий вывел лодку в главный поток реки и развернул нос вниз по течению, направляясь в дельту. Остаток дня Минтака и Мерикара провели в крошечной каюте, избегая любой возможности того, что их узнают с берега или с проходящего речного судна. Ближе к вечеру доу ненадолго пристала к восточному берегу, и на борт поднялись два вооруженных человека с тяжелыми мешками. Сразу после этого кормчий доу снова приказал поднять парус, и они резво поплыли вниз по реке. Двое вновь прибывших вошли в каюту и пали ниц перед Минтакой.

– Пусть все боги любят вас, великая, – сказал более рослый и крупный из двоих, бородатый гиксос с большим носом и грубыми чертами. – Мы – ваши псы. Мы прибыли, как только получили ваш вызов.

– Лок! – Минтака улыбнулась от удовольствия, увидев его хорошо знакомое лицо, и повернулась к другому человеку. – И, конечно, это твой сын, Локка. – Тот казался таким же большим и отважным, как его отец. – Добро пожаловать обоим. Ты, Лок, хорошо служил моему отцу. Будешь ли ты со своим сыном служить мне? – Она говорила на гиксосском.

– Наши жизни твои, госпожа! – сказали они ей.

– У меня для вас будет трудное поручение, когда мы причалим, но до той поры отдыхайте и готовьте свое оружие.

Кормчий доу вошел в одно из многочисленных устьев дельты, где течение замедлялось и вода текла по болотам и лагунам, над которыми летали тучи водоплавающей птицы. Стемнело прежде, чем они достигли открытого моря, но кормчий доу безошибочно вел судно сквозь лабиринт мелей и скрытых водой наносных островов, пока наконец миазмы болот не унес прочь чистый соленый воздух Средиземного моря. Девушки вышли на палубу.

– Примерно сейчас Зугга поймет, что мы сбежали. – Минтака улыбнулась Мерикаре. – Интересно, что он скажет Неферу. Что мы в безопасности заперты в храме под крылом верховной жрицы? Надеюсь.

При свете висящей в небе половинки луны они выплыли из стесненных водных путей и почувствовали, как волны открытого моря вздымают палубу под их ногами. Едва лодка вышла в глубокие воды открытого моря, кормчий повернул на восток и шел вдоль берега всю ночь.

На рассвете Минтака и Мерикара стояли на носу лодки, закутавшись для тепла в накидки. Они смотрели на юг, на низкий мрачный пустынный берег по правому борту.

– Подумать только, Нефер всего в нескольких лигах от нас, – прошептала Минтака. – Мне кажется, будто я могу протянуть руку и дотронуться до него.

– Мерен тоже там, только чуть восточнее. Как они удивились бы, узнав, что мы так

близко.

– Мое сердце тоскует по Неферу. Я каждый час молюсь Гору и Хатор, чтобы они уберегли его.

– Значит, ты больше не ненавидишь его? – спросила Мерикара.

– Этого никогда не было, – горячо запротестовала Минтака, затем запнулась. – Хорошо, возможно, только мгновение и только чуть-чуть.

– Я хорошо понимаю, что ты чувствуешь, – заверила Мерикара. – Иногда они бывают такими упрямыми, и несговорчивыми, и... – Она подыскивала слово, чтобы объяснить это, – и такими мужиками.

– Да! – согласилась Минтака. – Вот именно. Будто дети. Я думаю, нужно простить их, потому что они не в силах сдержаться.

Остаток этого дня и следующую ночь они плыли на восток вдоль берега, мимо Халиг-эль-Тины, мимо вереницы островов и песчаных мелей, замыкающих обширную лагуну Сабхет-эль-Бардавилъ. На следующее утро доу приблизилась к пляжу у эль-Ариша, и как только глубина стала до пояса, два телохранителя, Лок и Локка, перенесли женщин на берег и пошли назад к лодке за вещами. Маленькая группа стояла и смотрела, как команда доу отгребает от берега и, подняв парус, уходит в море, чтобы вернуться в дельту и Египет.

– Ну вот, – неуверенно сказала Мерикара. Несмотря на общество Минтаки, она чувствовала себя одинокой и уязвимой. – Но что мы будем делать теперь? – В ее голосе слышались близкие слезы.

– Я пошлю Лока найти нам повозку, – сказала Минтака и, желая немного утешить ее и вселить в нее уверенность, продолжила объяснять Мерикаре: – Нефер мог перехватить нас по пути на юг через пустыню, если бы мы вздумали искать моего дядю Тонку, но мы перехитрили его. – Она улыбнулась – веселее, чем требовало ее настроение, поскольку еще яснее, чем Мерикара сознавала их незавидное положение. – Только подумай, как разъярились бы Нефер и Мерен, если бы узнали! – Обе засмеялись, и Минтака продолжила: – Сейчас мы в тылудвигающегося войска Нага, и дорога от Беер-шебы к Исмаилии лежит всего в нескольких лигах к югу от нас. Когда Лок найдет для нас телегу или повозку, мы сможем затеряться в обозе Нага, спрятаться среди идущих вслед за войском, пока не достигнем штаба дяди Тонки.

Найти повозку оказалось совсем не так просто, как говорила Минтака. Отряды снабжения войска Нага прошли перед ними и забрали у местного населения повозки, лошадей, а так же продовольствие. В конце концов принцессам пришлось довольствоваться вереницей из пяти дряхлых ослов, и за которых пришлось заплатить дорого, двумя тяжелыми золотыми и двумя серебряными кольцами. Животные едва выдерживали даже вес женщин, не говоря уже о телохранителях, поэтому они большей частью шли пешком по неровной тропе на юг, до тех пор пока на третий день после высадки не поднялись на возвышенность и не увидели внизу в долине тыловую колонну войска фараона Нага. Огромное воинство заполняло эту главную дорогу с востока на запад в обе стороны, насколько хватал глаз, и поднятая им пыль закрывала небо, будто дым от лесного пожара.

Они спустились, чтобы присоединиться к нему, и попали в обоз. Они оказались в длинном караване крытых повозок и вьючных животных. Минтака и Мерикара держали головы покрытыми и закрывали лица и в своей пыльной, потрепанной одежде привлекали мало внимания. Лок и Локка следовали рядом с ними и пресекали попытки проявить внимание со стороны любых других путешественников. Шли медленнее некуда, поэтому даже на худых ослах они передвигались немного быстрее, чем остальные, и, подобно обломкам в могучей реке, дрейфовали к голове колонны. Продвигаясь вперед, они проезжали мимо людей всех сословий и состояний, нищих и сводниц, торговцев и водоносов, брадобреев, медников и плотников, артистов и жонглеров. Они видели военачальников, носящих на плечах роскошное Золото Доблести, которые ожесточенно вели свои колесницы сквозь толпу, стегая ковыляющих перед ними калек на костылях, солдатских девок с их ублюдками у груди, кормящих на ходу, и малышей, хнычущих у их

набедренников.

Минтака и Мерикара упрямо гнали несчастных ослов во весь опор, и в первую ночь они разбили лагерь под звездами, окруженные походными кострами, гвалтом и зловонием этого огромного скопления людей.

На рассвете, как только стало достаточно светло, чтобы видеть дорогу под ногами, они снова отправились в путь. К полудню они догнали арьергард главного войска: марширующие соединения копейщиков, ряды лучников с ненатянутыми луками и отряды пращников, поющих походные песни на варварском языке западных островов. Затем они проехали мимо длинной колонны лошадей резервного подразделения, по двадцать в веренице, идущей вслед за повозками с фуражом и водовозками. Минтаку поразило их число: казалось невозможным, чтобы в Египте было так много лошадей.

Солдаты поглядывали на двух женщин, но даже их дешевые платья и широкие накидки, намотанные вокруг голов, не могли скрыть от таких пронизательных глаз их молодость и изящество. Когда девушки проезжали мимо, им выкрикивали неприличные одобрительные возгласы и непристойные предложения, но страх перед начальством и суровый вид Лока и Локки удерживали ратников от дальнейших шагов.

В тот вечер они продолжали ехать и после того, как главное войско встало лагерем, и после заката увидели рядом с дорогой длинный палисад из шестов и терновых ветвей. Он был установлен в легко обороняемой ложбине между низкими холмами. Вход тщательно охранялся, и внутри палисада было много движения: ходили навстречу друг другу часовые, бегали слуги и посыльные и подъезжали и уезжали колесницы, управляемые военачальниками Красных. Над воротами в ограде развевался флаг, который Минтака сразу узнала: с изображением головы дикого кабана, выступающего из угла клыкастого рта язык.

– Там тот, кого мы ищем, – прошептала Минтака Мерикаре.

– Но как мы войдем, чтобы встретиться с ним? – с сомнением спросила Мерикара, глядя на часовых.

Они устроили собственный маленький лагерь чуть дальше по дороге, но так, что был виден вход в шатер, где собирается военный совет полководца Пренна, сотника Красных и командира арьергарда войска фараона. Из кожаной переметной сумы Минтака достала драгоценную масляную лампу, которая чудом пережила путешествие, и в ее свете написала на кусочке папируса короткое сообщение. Оно было адресовано «Дяде Медведю» и подписано «от твоего маленького сверчка».

Женщины смыли пыль с лиц, заплели друг другу волосы и отряхнули хитоны. Затем, взявшись за руки, чтобы придать друг другу храбрости, они приблизились к воротам в ограде. Стражник увидел, как они подходят, и вышел навстречу, чтобы прогнать прочь.

– Ну-ка, два сочных куса приманки для зубца. Идите отсюда в другое место щеголять своими щелями радости. Убирайтесь отсюда.

– Ты, кажется, добрый и хороший человек, – чопорно сказала ему Минтака. – Позволил бы ты какому-нибудь негодю так грубо разговаривать с твоими дочерьми?

Стражник остановился и уставился на нее. Она говорила на гиксосском языке с произношением образованного человека и в манере знати. Он поднял фонарь и осветил женщин. На них была простая одежда, но, разглядев их черты лиц, он резко выдохнул. Это явно были молодые женщины высокого положения. В действительности их лица были волнующе знакомы, даже при том, что он не мог немедленно узнать их.

– Простите меня, госпожа, – пробормотал он. – Я принял вас за... – Он запнулся, и Минтака милостиво улыбнулась.

– Конечно, ты прощен. Передашь от нас весточку сотнику Пренну? – Она протянула скатанный в трубку папирус.

Сержант немного поколебался, прежде чем взял его.

– Сожалею, но должен просить вас подождать здесь, пока я не получу от него указания.

Он очень скоро прибежал назад.

– Моя госпожа! Очень жаль, что заставил вас ждать. Пожалуйста, следуйте за мной.

Он повел их к шатру из цветного полотна в центре лагеря, и там последовала новая короткая задержка, пока он шептал что-то младшему стражнику, отвечающему за вход. Затем их провели в шатер. Внутри он был скудно обставлен, пол покрыт шкурами животных – сернобыков, зебр и леопардов. На них, скрестив ноги, сидел человек, вокруг него были рассыпаны карты и свитки папируса, а на деревянном блюде у него на коленях лежало жаренное на костре мясо на ребрах и кусок хлеба из дурры. Он взглянул на вошедших девушек. Лицо у него было худое, щеки ввалились, и даже ленты в его бороде не могли скрыть того, что она больше седая, чем черная. Кожаная повязка закрывала один глаз. Он хмуρο смотрел на них.

– Дядя Тонка! – Минтака шагнула на свет лампы и скинула свою накидку. Человек медленно поднялся и уставился на нее. Затем внезапно усмехнулся, и его единственный глаз блеснул.

– Не думал, что такое возможно! – Он обнял ее и поднял в воздух. – Я слышал, ты покинула нас и перешла к врагу.

Когда он снова поставил Минтаку и она немного оправилась от этой демонстрации любви, она выдохнула:

– Я приехала, чтобы поговорить с тобой как раз об этом, дядя Тонка.

– Кто это с тобой? – Он поглядел на Мерикару, затем мигнул здоровым глазом. – Клянусь грязным дыханием Сета, я знаю вас.

– Это принцесса Мерикара, – сказала ему Минтака.

– Сбежавшая жена Нага. Он будет рад получить вас обратно. – Пренн хохотнул. – Вы обе ели? – Затем, не ожидая ответа, он крикнул своим слугам, чтобы принесли еще мяса, хлеба и вина. Обе девушки вновь закрыли лица, когда слуги подавали им пищу, но как только они ушли, Минтака под села к Пренну со стороны его хорошо слышащего уха и понизила голос, так чтобы их нельзя было подслушать за стенами шатра.

Он слушал молча, но выражение его лица изменилось, едва она подробно описала ему события той ужасной ночи, когда ее отец и все братья погибли в горящей галере на реке у Баласфуры. Минтаке показалось, что она увидела блеск слезы в уголке его глаза, когда она продолжила, но она знала, что сотник Красных не мог проявить такую слабость. Пренн отвернулся, а когда поглядел на нее снова, слеза исчезла и она поняла, что ошиблась.

Когда наконец она закончила говорить, Пренн сказал просто:

– Я любил твоего отца, почти так же, как люблю тебя, маленький сверчок, но то, что ты предлагаешь, – измена. – Он некоторое время молчал, затем вздохнул. – Мне нужно обдумать все это. Но сейчас вы не можете вернуться туда, откуда прибыли. Это слишком опасно. Вам придется остаться под моей защитой, обеим, пока это дело не разрешится.

Когда они стали возражать, он отрубил.

– Это – не просьба. Это – приказ. – Он на мгновение задумался. – Я одену вас, как пару моих симпатичных мальчиков. Это не приведет к разговорам, потому что все мои солдаты знают, я наслаждаюсь куском огузка почти так же, как отрезком грудинки.

– Могу я по крайней мере послать весточку Неферу Сети? – попросила Минтака.

– Это тоже чересчур большой риск. Имейте терпение. Это не затянется надолго. Наг стоит на возвышенности Хатмия. Через несколько дней он начнет марш на Исмаилию. Сражение состоится до того, как начнет убывать полная луна Осириса. – Его голос понизился до рычания. – И мне придется принять решение.

Мерен издали увидел, как огромное воинство фараона Нага начало спускаться по склону Прохода Хатмия в сухие земли, и выпустил пару голубей из тех, что дал ему Таита. Двух птиц, чтобы если одну поймает сокол или другая хищная птица, вторая все же принесла весть. На лапку каждой птице была намотана в один оборот красная нить, сигнал того, что продвижение началось.

Мерен наблюдал за величественным движением вражеских войск через пустыню, а ночью подползал ближе к лагерям, смотрел, как берут воду из запасенных кувшинов, и

подслушивал все громкие разговоры вокруг походных костров.

К пятой ночи все войско Нага спустилось в пустыню и начало переход, а головные отряды прошли полпути между Хатмией и Исмаилией. Мерен смог выехать на дорогу позади арьергарда и обследовать опустевшие теперь водные склады, оставшиеся позади войска. Он обнаружил, что кувшины почти полностью опорожнены или унесены. Наг был так уверен в своей победе, что не оставил никаких запасов на случай непредвиденных обстоятельств при возможном отступлении. Из неиспользованных кувшинов, найденных Мереном, он наполнил свои мехи, которые уже опустели, и разбил несколько кувшинов, оставшихся нетронутыми.

Теперь он ехал обратно, параллельно линии марша Нага, но дальше к югу и вне поле зрения его разведчиков, затем сделал круг перед тяжело груженным, медленно движущимся воинством. Он вернулся туда, где оставил в укрытии большую часть своего отряда, состоявшего из пятидесяти колесниц, которыми управляли первоклассные солдаты и которые тянули самые лучшие лошади во всем войске Нефера. Он остановился только для того, чтобы напоить лошадей и заменить флаги на колесницах с синих на красные – флаги войска Нага, утешая себя, что это законная военная хитрость. Затем во главе своего отряда он снова выехал перед авангардом Нага и во весь опор помчался вдоль намеченной линии марша.

Солдаты, оставленные охранять водные склады, видели колесницы, приближавшиеся оттуда, откуда они ожидали прибытие своих товарищей. Когда они узнавали поддельные флаги, развевающиеся над ними, то теряли бдительность. Солдаты Мерена не давали им времени на долгие размышления, мчались на них и рубили всех, кто пробовал сопротивляться. Оставшимся в живых давали выбор: смерть или переход на сторону победивших. Большинство перешло на сторону Нефера Сети. Каждому глиняному кувшину хватало одного удара молотком, и драгоценная жидкость выливалась в песок. Отряд Мерена вновь садился на колесницы и ехал к следующему складу.

Когда наконец они подкатили к Исмаилии, Нефер выехал навстречу и обнял Мерена, когда услышал, что тот выполнил порученное: Наг был сейчас без воды в пустыне.

– Ты только что заслужил свое первое Золото Доблести, – сказал он Мерену, – а еще я присваиваю тебе звание Лучшего из Десяти Тысяч. – Он с облегчением увидел, что Мерен, похоже, оправился от раны и был теперь худым, энергичным и загорел дотемна под солнцем пустыни. – В предстоящем сражении я передаю тебе командование правым крылом.

– Фараон, если тебе понравилось, как я выполнил задание, я прошу награды.

– Конечно, старый друг. Если это в моей власти, ты ее получишь.

– Мое законное место – рядом с тобой. Мы проехали вместе по Красной Дороге, давай же и битву встретим вместе. Позволь мне снова поехать с тобой копыеносцем. Вот вся награда, о которой я прошу.

Нефер схватил его за руку и сильно сжал.

– Ты опять поедешь в моей колеснице. И это будет наградой для меня. – Он отпустил Мерена. – Но у нас больше нет времени на разговоры. Наг ненамного отстает от тебя. Как только он обнаружит, что вы сделали с его водными запасами, ему придется мчаться вперед полным ходом.

Они оба инстинктивно посмотрели назад, в пустыню, откуда должен был появиться враг, но знойное марево было серым и плотным, и мало что можно было различить на этой страшной равнине. Однако ждать оставалось не долго.

Фараон Наг остановил свою колесницу и пристально поглядел на то, что осталось от его водного склада. Хотя разведчики предупредили его, он все-таки ужаснулся разрушениям. Он медленно спустился с колесницы и отправился на покрытое обломками поле. Черепки разбитых глиняных кувшинов хрустели под его сандалиями, и внезапно он утратил обычное ледяное самообладание. В ярости и разочаровании он пнул один из разбитых кувшинов, выпрямился, сжав руки в кулаки, и свирепо уставился на запад. Медленно восстановив

контроль над собой, он задышал ровнее. Повернувшись, он пошел назад, туда, где его ждал военный совет.

– Вы дадите приказ возвращаться? – неуверенно спросил один из старших командиров.

Наг холодно посмотрел на него.

– Следующего труса, который предложит это, я прикажу раздеть донага и привязать за ноги к моей колеснице. Именно так он отправится в Египет. – Все опустили глаза и разошлись по песку.

Наг снял с головы синюю военную корону, и когда копьеносец подал ему квадратный лоскут льняной ткани, вытер пот с обритой головы. С короной под мышкой он отдал новые приказы.

– Соберите все водяные мехи со всего войска. Отныне снабжение водой – под моим прямым надзором. Никакой человек или животное не будут пить без моего разрешения. Никакого поворота назад, никакого отступления не будет. Всем боевым колесницам передвинуться в переднюю часть колонны, даже колесницам Пренна из арьергарда. Другие повозки и пешие воины должны положиться на удачу и следовать за нами, как смогут. Я поведу конницу вперед и захвачу колодцы в Исмаилии...

Гесерет высунула голову из отверстия в своем шатре и окликнула начальника своей стражи:

– В чем дело? Это – царское священное место. Что эти негодяи делают в моем лагере? – Она указала на солдат, забиравших водяные мехи с ее личных телег с багажом, поставленных возле ее шатра. – Они понимают, что делают? Как они смеют забирать нашу воду? Я еще не искупалась. Прикажите им сейчас же положить мехи на место.

– Это приказ фараона, вашего божественного мужа, великая, – объяснил командир, хотя тоже был взволнован и встревожен мыслью о том, что они останутся без воды в этой ужасной пустыне. – Они говорят, что вся вода необходима для передовых отрядов конницы.

– Такие приказы не могут относиться ко мне, божественной царице Египта! – закричала Гесерет. – Положите мехи назад.

Солдаты заколебались, но сержант коснулся мечом вершушки своего кожаного шлема.

– Простите меня, великая. У меня приказ – взять всю воду.

– Ты смеешь возражать мне? – закричала ему в лицо Гесерет.

– Пожалуйста, простите и поймите мое затруднительное положение, великая, но у меня приказ. – Солдат стоял на своем.

– Клянусь сладким именем Исиды, я прикажу удавить тебя, а тело сжечь, если ты будешь перечить мне.

– Мой приказ...

– Чума на тебя и твои приказы! Я сейчас пойду к полководцу Пренну, а когда вернусь, у меня будут новые приказы для тебя. – Затем она обратилась к одному из своей охраны: – Приготовь мою колесницу и сопровождение в десять солдат.

Стоянка военного совета Пренна на плоской и открытой равнине была ясно видна из шатра Гесерет. Колеснице потребовалось несколько минут, чтобы доставить ее туда, но стражник у ворот в частоколе загородил ей путь.

– Божественно великая, полководца Пренна здесь нет, – сказал он.

– Не верю, – накинулась на него Гесерет. – Там висит его флаг. – Она указала на знамя с головой кабана.

– Великая, полководец час назад уехал со всей его конницей. Он получил приказ фараона присоединиться к авангарду.

– Мне нужно видеть его. Дело чрезвычайно срочное. Я знаю, что он не уехал бы, не сообщив мне. Отойди, и я сама посмотрю, здесь ли он. – Она повела колесницу прямо на стражника, и тот поспешно отскочил с ее пути. Солдаты сопровождения тяжело затопали вслед за ней.

Гесерет подъехала прямо к желто-зеленому полосатому шатру командира и бросила

поводья конюху. В своем раздражении она не следовала церемониям, а просто спрыгнула и побежала ко входу в шатер. Он не охранялся, и она начала верить, что ей сказали правду и Пренн действительно уехал. Однако она наклонилась и, заглянув в дверной проем, замерла на пороге.

На грудах шкур животных в центре шатра сидели два мальчика. Они ели руками с деревянных блюд и испуганно поглядели на нее.

– Кто вы? – спросила Гесерет, хотя она знала по репутации Пренна, кто и что они были. – Где полководец?

Никто из них не ответил, и они продолжали молча смотреть на нее. Внезапно глаза Гесерет сузились, и она шагнула к ним.

– Вы! – закричала она. – Гнусные твари! Изменницы! – Она дрожащим пальцем указала на девушек. – Стража! – пронзительно крикнула Гесерет. – Стража, сюда, сейчас же!

Минтака очнулась, схватила за руку Мерикару и поставила ее на ноги. Вдвоем они бросились через шатер и выскочили наружу через заднюю дверь.

– Стража! – снова завопила Гесерет. – Сюда! – Ее охранник вбежал через дверной проем позади нее.

– Беги за ними! – Она кинулась вслед за убегающей парой, охранник бежал следом. Когда они выбежали из шатра, Минтака и Мерикара были на полпути к воротам в ограде.

– Остановите их! – закричала Гесерет. – Не дайте им сбежать. Они – шпионы и предатели.

Ее охранник бросился вслед за девушками, крича стражникам у ворот:

– Остановите их. Схватите. Не дайте им убежать. – Стражники выхватили мечи и выбежали, чтобы перекрыть ворота.

Минтака остановилась, как только увидела, что путь к бегству отрезан. Она испуганно осмотрелась, а затем, продолжая тянуть Мерикару за руку, ринулась к ограде из терновника и попыталась перелезть через нее. Но охранник подбежал к ним, схватил за ноги и стащил со стены. Шипы разодрали им руки и ноги, из царапин текла кровь, но девушки отчаянно боролись, пинаясь, царапаясь и кусаясь. Солдаты наконец справились с ними и потащили их назад к шатру военного совета, где стояла Гесерет. Она мстительно улыбалась.

– Свяжите их крепче. Я уверена, что мой муж, единственный правитель Египта, придумает подходящую кару за их преступления, когда вернется. Я буду наслаждаться их криками, когда они будут наказаны по заслугам. А до тех пор их следует держать в клетках как диких животных, у двери моего шатра, где я смогу приглядывать за ними.

Охранник поднял Минтаку и Мерикару, связанных в запястьях и лодыжках, бросил в колесницу и повез в стоянку Гесерет. На одной из телег обоза Гесерет перевозили ее запас домашней живности в клетках – цыплят, свиней и козлят для ее кухни. Клетка, в которой держали молочных поросят, пустовала – те были уже зарезаны и съедены. Сделанная из длинных бамбуковых шестов, связанных ремнями из сыромятной кожи, она воняла свиным навозом, покрывавшим пол. Стражники впихнули двух девушек в узкую дверь. Внутри клетка была недостаточно высокой, чтобы они могли встать в полный рост. Они были вынуждены сидеть, прижавшись спинами к бамбуковой стене, привязанные за запястья ремнями из сыромятной кожи к одной из стоек за спиной. У них не было никакой защиты от солнца.

– У вашей клетки день и ночь будут стоять стражники, – предупредила Гесерет. – Если вздумаете бежать, я прикажу отрубить вам одну ступню, чтобы удержать от дальнейших попыток.

Глядя ей в лицо, они поняли, что Гесерет намерена осуществить свою угрозу. Мерикара расплакалась, но Минтака стала шептать ей:

– Не надо, дорогая. Держись. Не доставляй ей удовольствия видеть, что ты сломлена.

Со сторожевой башни над крепостью Исмаилия часовой прокричал предупреждение:

– Фараон! Подъезжают сторожевые заставы!

Нефер вскочил из-за стола под навесом во внутреннем дворе, где они с Таитой обедали и вновь обсуждали предстоящую оборону. Он быстро поднялся по лестнице на площадку и, прикрыв глаза ладонью, посмотрел на восток. В ярком желтом свете он различил подъезжающие колесницы своих передовых застав. Когда они съехали вниз по берегу вади, стражники распахнули ворота и впустили их в крепость.

– Враг продвигается быстро! – крикнул Неферу, стоявшему высоко на площадке, начальник застав.

– Молодец, воин, – крикнул ему Нефер и громко приказал трубачу на стене над воротами: – Труби «к оружию»!

Бараний рог зазвучал над равниной, и все войско, стоявшее лагерем на дне длинной и широкой вади, пришло в движение. Голос рога был услышан и подхвачен и полетел от отряда к отряду по всему войску. Из шатров и из-под навесов выбегали солдаты, хватали оружие и спешили присоединиться к своим отрядам. Скоро колонны солдат и колесниц двинулись вперед на подготовленные позиции.

Таита взобрался на высокую площадку, и Нефер улыбнулся ему.

– Итак, даже лишенный воды, Наг не повернул назад.

– Мы и не думали, что он повернет, – тихо проговорил Таита.

Горизонт на востоке начал темнеть, как если бы преждевременно надвинулась ночь. Широкая полоса пыли, поднятой надвигающимся вражеским войском, клубилась как грозовая туча.

– До конца дня еще много времени. – Нефер поглядел на безжалостное солнце. – Хватит, чтобы решить исход битвы до ночи.

– Лошади Нага в течение трех дней пили мало, и их, должно быть, быстро гнали, если они настигли нас так скоро. Он знает, что должен победить и достичь колодцев в этот день, или следующий день для него не наступит.

– Ты поедешь, чтобы встретить его вместе со мной, отец? – спросил Нефер, повязывая портупею, поданную ему слугой.

– Нет! – Таита поднял левую руку. На втором пальце блестело золотое кольцо, украшенное огромным рубином цвета голубиной крови. Когда солнечный свет попал на камень и он заискрился, Нефер узнал в нем тот талисман, который Наг снял с собственного пальца и дал Таите в Фивах много лет назад, полагая, что Маг убил для него молодого фараона. Нефер понял, что это талисман почти такой же мощный, каким был бы локон волос Нага, кусочек его высушенного кала или обрезки ногтей. – Я буду наблюдать за сражением отсюда. Возможно, собственными слабыми силами я смогу помочь тебе больше, чем если бы поднял копье или натянул лук.

Нефер улыбнулся.

– Твое оружие острее и летит точнее, чем любое из того, что я когда-либо держал в руке. Пусть тебя любит и защитит Гор, отец.

Они смотрели, как батальоны лучников и пращников выходят из вади, чтобы занять позиции за стенами. Ряды двигались целенаправленно и стремительно, потому что каждый солдат знал, что ему следовало делать, и отработал этот маневр много раз. Когда последний из них скрылся в засаде, поле показалось опустевшим.

Туча пыли, сопровождавшая приближавшееся войско Нага, была уже меньше чем в лиге от них, когда наконец Нефер обнял Таиту и спустился по лестнице. Когда он проходил через ворота крепости, в плотно стоящих отрядах колесниц раздался рев. Когда он шел вдоль их рядов, то находил взглядом своих военачальников и сотников и кричал им:

– Смелее, Хилто! Сделай это еще раз для меня, Шабакко! Сегодня вечером мы выпьем победную чашу вместе, Сокко.

Мерен держал в руке поводья Дов и Круса, когда фараон прыгнул на площадку колесницы. Нефер взял у него поводья, и Дов, узнав его руку, заржала и оглянулась на него огромными блестящими глазами с длинными темными ресницами. Крус выгнул шею и ударил в землю передним копытом.

Нефер высоко поднял правый кулак и приказал:

– Марш! Вперед!

Бараний рог дал сигнал к началу движения, и фараон повел колесницу вперед, а другие двинулись за ним, ряд за рядом. Они величественной процессией двигались между низкими стенами, из-за которых не показался ни один лучник, на открытую равнину.

Нефер дал следующий сигнал рукой, и строй развернулся. Колесо к колесу передний ряд ехал вперед, чтобы встретить огромную тучу пыли, катившуюся к ним. На месте, отмеченном камнями за недели до этого, Нефер остановил свой головной отряд и дал лошадям отдохнуть, а сам тем временем смотрел на приближающегося врага.

Теперь там, где над серой пустыней поднимались серовато-коричневые тучи пыли, он видел в горячем воздухе линию темных пятен и бесчисленные покачивающиеся вспышки отраженного от металла света. Они приближались, и колесницы в переднем ряду войска Нага в жарком мареве колыхались и меняли форму, будто головастики в глубине пруда.

Затем их очертания обрели четкость и устойчивость, и он разглядел лошадей и на колесницах – солдат в доспехах.

Мерен пробормотал:

– Хвала милосердному Горы. Кажется, он бросил в атаку все свои колесницы. Он не оставил дополнительных колесниц в запасе.

– Должно быть, они отчаянно нуждаются в воде. Его единственный шанс выжить – в том, чтобы лобовой атакой пробиться сквозь наши ряды и прорваться к колодцам.

Ближе и ближе подъезжало войско врага, и вот они уже различали лица воинов в переднем ряду, и по флагам и флажкам могли определить каждый отряд, и узнавали командиров.

В двухстах шагах от них могущественное воинство остановилось. Глубокая тишина опустилась на замершую пустыню, нарушаемая только беспокойным шепотом ветра. Пыль осела, будто упавший занавес, и стали четко видны все части обеих войск.

Из центра вражеского строя выехала одна колесница. Хотя пыль покрывала отделку колесницы, золотой лист блестел сквозь нее, и царский флаг трепетал над головой ездока. Наг остановился менее чем в ста шагах от переднего ряда колесниц, и Нефер разглядел под синей военной короной его холодное, красивое лицо.

– Приветствую тебя, Нефер Сети, щенок пса, которого я убил собственной рукой! – крикнул Наг своим звучным голосом. Нефер напрягся, услышав, как он так открыто признался в цареубийстве. – На моей голове корона, которую я снял с Тамоса, когда он умирал. В моей руке, – он поднял могучий синий меч, – меч, который я взял из его трусливой руки. Хочешь забрать его у меня, щенок?

Нефер почувствовал, как его держащие поводья руки задрожали, и гнев красным облаком застилал ему глаза.

– Спокойно! – прошептал рядом Мерен. – Не позволяй ему рассердить тебя.

Огромным усилием Нефер сдвинул в сторону занавес гнева. Ему удалось сохранить лицо безучастным, но голос прозвенел как удар металла о камень.

– Приготовиться! – и он высоко поднял меч.

Наг беззвучно засмеялся, развернул колесницу и поехал на свое место в центре противоположного строя.

– Марш! Вперед! – Наг поднял синий меч. Его передние ряды стали набирать скорость, катясь к рядам войска Нефера. – Галопом! В атаку! – Они устремились вперед плотными рядами.

Нефер стоял на месте, позволяя им приближаться. Насмешки Нага все еще звенели в его ушах, и его так и подмывало забыть свой хорошо разработанный план и ринуться вперед, чтобы встретиться с Нагом лицом к лицу и пронзить мечом сердце предателя. Огромным усилием он отогнал это искушение и поднял меч. Он описал им над головой три блестящие дуги. Его легионы ответили немедленно. Они повернули назад, как если бы ими управлял единый разум, будто стая птиц, меняющая направление в быстром полете, или косяк рыб,

уплывающих от нападающей барракуды, и помчались прочь по равнине, той же дорогой, какой приехали.

Передний ряд колесниц Нага приготовился к бою, но не встретил сопротивления, и как человек, споткнувшийся на пороге, которого не было, потеряли скорость. К тому времени, как они оправились, Нефер оторвался от них еще на сотню шагов. Теперь его войско постепенно меняло боевой порядок и перестраивалось из широкого строя в колонну по четыре.

Наг мчался вслед за ними, но через триста шагов его фланги натолкнулись на низкую каменную стену, которая шла наискосок перед их рядами. Теперь они не могли остановиться, поэтому поворачивали левее и правее в сторону собственного центра. Будто струи широкой реки, внезапно вошедшей в устье узкого скалистого ущелья, их прижимало друг к другу. Колесо налетало на колесо, и упряжки лошадей были вынуждены уступать друг другу дорогу. Атака дрогнула и замедлилась: колесницы и лошади сбились в плотную массу.

В этот роковой миг над полем заревели бараны рога, и по этому сигналу из-за стен по обе стороны поднялись головы и плечи лучников и пращников. Стрелы были уже положены на тетивы, и теперь лучники натягивали короткие изогнутые луки. Они быстро прицеливались, тщательно выбирая цели. Первый залп всегда был самым впечатляющим.

Пращники закрутили пращами над головой, держа их двумя руками, чтобы удерживать вес обожженных глиняных шаров в кожаных мешочках на концах длинных ремней. Те жужжали в воздухе, набирая страшную скорость.

Передовые отряды Нага оказались глубоко в воронке между стенами, когда трубы запели снова и лучники дали единый общий залп. Им было приказано целиться в лошадей и во вражеских командиров. Стрелы полетели в воздух почти неслышно, только тихо шуршало оперение, но расстояние было небольшое, и удар наконечников в живую плоть прозвучал подобно шуму, произведенному горстью гравия, брошенного в береговую грязь. Первый ряд войска Нага был сражен, и когда лошади падали, колесницы громоздились на их телах, наезжали, неуправляемые, на каменные стены с обеих сторон или опрокидывались и перекатывались.

Затем пращники с ужасающей точностью выпустили свои снаряды. Твердые шары из обожженной глины были размером со зрелый гранат, но тяжелые, как слоновая кость. Они могли разбить череп человека или лошади, сломать ногу или ребра, будто сухие палки. С глухим стуком они ударили по следующему ряду наступающих колесниц, и произведенное ими опустошение было ужасно. Колесницы, следовавшие за ними, не могли остановиться и врезались в завалы впереди. Корпуса колесниц трескали и ломались, как трещат зеленые ветви в пылающем лесном пожаре. Некоторые длинные дышла раскалывались, и смертоносные обломки протыкали лошадей, тянувших их. Колеса ломались и срывались с осей. Солдат выбрасывало из колесниц, и их затаптывали обезумевшие, встающие на дыбы и молотящие копытами воздух лошади.

Нефер во главе своего отряда махнул рукой, подавая сигнал, который ожидали ехавшие за ним солдаты, и толпы пеших воинов выскочили из укрытий и раздвинули колючий кустарник, скрывавший проходы, специально оставленные в каменных стенах с обеих сторон. Одна за другой колесницы Нефера быстро выехали по ним на открытое место за стенами. Больше не ограниченные стенами, они могли свободно маневрировать по равнине. Они повернули назад и, обойдя сзади пойманные в ловушку отряды Нага, напали на тыловые части его войска.

Теперь оба войска сцепились, будто боевые быки, рог с рогом. Не все колесницы Нага попали в западню между стенами. Там просто было не достаточно пространства, чтобы они могли въехать туда все сразу. Эти свободные колесницы теперь мчались вперед, чтобы напасть на Нефера, и быстро завязалось традиционное сражение колесниц. Бегущие колесницы поворачивали, атаковали и отступали, затем атаковали снова. Отряды распались на меньшие группы, и по всей равнине отдельные колесницы яростно нападали друг на друга, колесо на колесо и солдат на солдата.

Несмотря на ужасные потери, понесенные врагом в начале боя, войско Нага все еще намного превосходило численностью войско Нефера. Когда его положение становилось шатким, Нефер был вынужден вводить в бой все больше резервов, которые он держал скрытыми в вади позади крепости. Наконец он дал сигнал последнему из них. Теперь все войска оказались введены в бой. Он бросил в бой последние резервные колесницы. Но их было мало. Его лошадям и солдатам мало-помалу приходилось отступать перед явно превосходящими силами врага.

В пыли, шуме и суматохе Нефер отчаянно искал на поле боя золотую колесницу Нага и царский красный флаг. Он знал, что если бы удалось вынудить Нага принять поединок и убить его, он все еще мог бы победить. Но Нага нигде не было видно. Возможно, его убили в засаде между стенами, возможно, он лежал раненый или мертвый – где-нибудь в неразберихе сражения.

Рядом с собой Нефер увидел колесницу Хилто, окруженную двумя колесницами врага. Старый воин был ранен и сброшен на землю. Отряд Хилто увидел, что командир сражен, и в замешательстве распался. Холодная рука отчаяния сжала сердце Нефера. Они проигрывали сражение.

Он видел, как ряд колесниц Красных обошел стены, и помчался с их тыльной стороны, убивая его лучников и пращников стрелами и копьями. Пешие воины рассеялись и побежали кричащей толпой; их отчаяние было заразительно. Нефер мрачно вспомнил, что Таита называл это «поведением маленькой птички» – куда летит одна, туда летят все.

Нефер понимал, что его войско скоро обратится в бегство, и кричал слова поддержки тем колесничим, которые были достаточно близко, чтобы услышать его. Пытаясь ободрить их, он напал на следующую вражескую колесницу и дюжиной ударов меча зарубил солдат на ней. Затем он отъехал прочь, преследуя другую колесницу Красных, но теперь Дов и Крус почти выдохлись, и враг бежал от них.

Вдруг рядом с ним Мерен крикнул:

– Посмотри, фараон! – и указал на восток в пустыню. Тыльной стороной ладони Нефер вытер с лица пот и брызги вражеской крови и взгляделся в яркий свет.

И тут понял, что вне всякого сомнения все кончилось и они проиграли сражение. Новое множество вражеских колесниц мчалось к ним. Нефер не мог понять, откуда они так внезапно появились. Он полагал, что Наг ввел в бой все свои колесницы. Хотя теперь это не имело значения: сражение было проиграно.

– Сколько их? – спросил Нефер, чувствуя, как черное отчаяние заполняет его душу.

– Двести, – предположил Мерен. – Возможно, больше. – В его голосе звучало смирение. – Все кончено, фараон. Мы погибнем в бою.

– Одна последняя атака. – Нефер крикнул ближайшим колесничам: – Ко мне, Синие! Умрем со славой.

Они приветствовали его хриплыми голосами и подъехали к нему с обеих сторон. Даже Дов и Крус, казалось, ощутили прилив новых сил, и тонкий строй колесниц Синих помчался на нового врага, намереваясь встретить его лицом к лицу. Постепенно они увидели, что над ведущей вражеской колесницей развевается флаг полководца.

– Клянусь Гором, я знаю его, – крикнул Мерен. – Это – Пренн, старый любитель мальчиков.

Они были теперь так близко, что Нефер тоже узнал худую фигуру с черной повязкой на глазу. Он видел его в штабе царя Апепи, в храме в Перре, когда они встретились для переговоров о договоре Хатор. В тот самый чудесный день, когда он впервые увидел Минтаку.

– Он прибыл невовремя, – сказал Нефер мрачно, – но, возможно, нам удастся спасти следующее поколение мальчиков от его любовного внимания.

Он направил Дов и Крус прямо на Пренна, пытаясь вынудить его отвернуть, чтобы метнуть в него сбоку копье. Но когда они подъехали ближе, пораженный Мерен закричал:

– У него синий флаг! – Флаг Пренна относил ветром назад, в противоположную от

них сторону, вот почему Нефер до этого момента не замечал его, но Мерен был прав: над колесницей Пренна и над всеми его колесницами развевались синие флаги Дома Тамоса.

Пренн замедлил бег своей упряжки и, прижав правую руку к груди в приветствии Неферу, закричал громким голосом, перекрывшим грохот колес:

– Приветствую вас, фараон! Живите десять тысяч лет, Нефер Сети.

В изумлении Нефер опустил копье, которое собирался метнуть, и остановил лошадей.

– Какие будут приказы, фараон? – крикнул Пренн.

– Как это понимать, полководец Пренн? Почему вы просите приказов? – крикнул в ответ Нефер.

– Принцесса Минтака передала мне ваше сообщение, и я прибыл, чтобы встать под ваше знамя и помочь вам отомстить за убийства царя Апепи и фараона Тамоса.

– Минтака? – Нефер пришел в замешательство, потому что она несомненно все еще была заперта в святилище храма в Аварисе. Но затем его инстинкт воина взял верх, и он отринул эти мысли. Время размышлять об этом наступит позже. – С прибытием, Пренн. Вы явились не слишком скоро. Подведите вашу колесницу к моей, и мы очистим это поле от края до края.

Они вместе бросились в атаку, и разбитые и рассеянные отряды Нефера, увидев приближающиеся синие флаги и услышав клич: «Гор и Нефер Сети!» – и рев бараньих рогов, вновь воспрянули духом. Красные отряды Нага Киафана были едва ли в лучшем состоянии и могли оказать только небольшое сопротивление, когда свежие войска Пренна напали на них. Некоторое время они отбивались, но их решимость сопротивляться была подорвана. Некоторые стали выбираться из колесниц и, встав на колени в пыли, поднимали руки, сдавались, прося пощады и громко восхваляя Нефера Сети. Их поведение было заразительно и распространилось по полю боя, и колесничие Красных принялись бросать мечи и преклонять колени.

Нефер рыскал по полю, разыскивая Нага. В своем сердце он сознавал, что победа не будет полной, пока он не отомстит за убийство отца. Он вернулся к каменным стенам, где последний раз видел Нага во главе его атакующего войска. Он ехал среди разрухи, разбитых и опрокинутых колесниц, раненых и умирающих людей и лошадей и разбросанных трупов. Хотя большинство вражеских солдат были убиты или сдались, оставались маленькие разрозненные отряды, продолжавшие сражаться. Солдаты Нефера были беспощадны к ним и убивали, даже когда те пытались сдаться. Нефер вмешивался где мог, чтобы остановить резню, и защищал пленных, но его солдаты обезумели от боевой ярости, и множество погибло, прежде чем он смог спасти их.

Он достиг каменных стен и остановил Круса и Дов. С высоты своей колесницы он смог заглянуть за низкую стену в узкий коридор, куда заманил в ловушку передовые отряды войска Нага. Разбитые колесницы громоздились друг на друга, как обломки кораблей, выброшенных на скалы могучей морской бурей. Некоторые лошади поднимались на ноги и стояли, привязанные упряжью к разбитым колесницам. Он увидел державшуюся на трех копытах прекрасную гнедую кобылу с правой ногой, сломанной пущенным пращником глиняным шаром, а рядом с ней – черного жеребца со свисающими из распоротого живота внутренностями. Вокруг каждой колесницы лежали мертвые и раненые. Некоторые еще двигались и плакали, взывая к богам и своим матерям, прося воды и помощи. Другие ошеломленно сидели с раскрытыми ртами, мучимые ранами. Один из них ослабевшими руками пытался вытащить стрелу, вонзившуюся ему глубоко в живот. Нефер искал тело Нага среди мертвых, но все было перемешано, многие солдаты оказались под обломками. Затем он разглядел отблеск золотого листа и царский флаг Нага Киафана, лежащий в пыли среди луж засыхающей крови.

– Мне необходимо найти его, – сказал Нефер Мерену. – Я должен знать, что он мертв. – Он спрыгнул с колесницы.

– Я помогу тебе искать. – Мерен подошел к головам лошадей и привязал их к стене. Нефер перепрыгнул через стену и перелезал через разбитые колесницы, пока не достиг

золотой колесницы. Она лежала на боку, но пустая. Одна из лошадей была все еще жива, но обе ее передние ноги сломаны, и она подняла голову и жалобно посмотрела на Нефера. Он взял из стойки в колеснице копье и убил животное ударом за ухо. Вдруг Мерен закричал и наклонился, чтобы поднять что-то из обломков. Он высоко поднял свой трофей, и Нефер увидел, что друг нашел синюю военную корону Нага.

– Тело этой свиньи должно быть неподалеку, – крикнул ему Нефер. – Он бы не бросил ее. Она слишком много значит для него.

– Поищи под колесницей, – крикнул в ответ Мерен. – Его могло придавить. Я помогу тебе поднять ее. – Он пошел к Неферу, карабкаясь через разбитые колесницы, и в этот момент Нефер краем глаза заметил движение. В то же мгновение Мерен выкрикнул срочное предупреждение:

– Берегись! Сзади!

Нефер пригнулся и повернулся. Наг встал там, где прятался, за передним щитом колесницы. Его обритая голова была бледной и блестящей, как яйцо страуса, а в глазах сверкала ярость. В его руках по-прежнему был синий меч Тамоса и, держа клинок обеими руками, он наносил удар по голове Нефера, но тот, предупрежденный Мереном, нырнул под свистнувшее лезвие. Его собственный меч все еще оставался в ножнах на бедре, но Нефер держал копье, которым нанес удар милосердия искалеченной лошади. Он инстинктивно ткнул им в горло Нага, но тот, быстрый как кобра, его тезка, отскочил в сторону. Это дало Неферу время дотянуться до своего меча, но Наг шагнул назад и огляделся. Он увидел, что Мерен, обнажив меч, идет на помощь Неферу, и заметил привязанную к стене пустую колесницу, запряженную Дов и Крусом. Он отогнал Нефера назад очередным уколом синего лезвия, повернулся и быстро побежал прочь. Нефер метнул в него копье, но у него не был намотан метательный ремень, и он промахнулся. Наг достиг стены. Перепрыгнув через нее, он ударом синего меча обрубил привязной ремень и вскочил на колесницу. Он не взял поводья, а схватил кнут из стойки и стегнул Круса и Дов по бедрам. Испуганная пара рванулась вперед, и через полдюжины шагов обе лошади мчались галопом.

Позади них Нефер вскочил на стену и увидел, как Наг уносится прочь по равнине. Он набрал побольше воздуха и издал высокий пронзительный свист, который Дов и Крус так хорошо знали. Он увидел, как они подняли головы, и подняли и повернули к нему уши. Затем Крус сменил аллюр и сделал крутой поворот; Дов гладко повернула вместе с ним. Колесницу сильно занесло на крутом повороте, и Нагу пришлось схватиться за передний щит, чтобы не вылететь за борт. Пара лошадей с топотом мчалась туда, где, балансируя на стене, стоял Нефер. Наг восстановил равновесие и вытянул вперед синий меч, готовый ударить Нефера, как только тот окажется в пределах досягаемости. Нефер знал, что его собственный бронзовый меч не мог противостоять этому ужасному лезвию. Было бы верной смертью напасть на такого мастера фехтования, как Наг, когда у того в руках такое оружие.

Когда лошади пробежали мимо него, Нефер прыгнул на спину Крусу и коленями направил его в открытое поле все так же на полном скаку. Оглянувшись, он увидел, что Наг вылезает из колесницы. Он продвигался по дышлу, чтобы добраться до Нефера.

Нефер наклонился со спины Круса и мечом разрубил узел на сплетенной из кожи веревке, которой лошади были привязаны к дышлу. Колесница без лошадей повернула в сторону. Дышло под весом Нага опустилось, и его конец воткнулся в мягкую землю. Мчащаяся колесница перевернулась, и Нага выбросило. Он ударился о землю плечом, и даже сквозь шум копыт и треск кузова колесницы Нефер услышал, как сломалась его кость.

Нефер повернул Круса назад, и они поскакали к Нагу. Тот с трудом поднялся на ноги и стоял покачиваясь, прижав поврежденную правую руку к груди. Падая, он выпустил рукоятку синего меча. Тот выскочил из его руки и воткнулся в землю в десяти шагах от места, где стоял лжефараон. Меч еще колебался от удара, и удивительный синий металл отблескивал синевой, а украшенная драгоценными камнями рукоятка качалась из стороны в сторону.

Наг пошатываясь пошел к оружию, но увидел, что на него надвигается Крус, и с

выражением чрезвычайного страха на лице побледнел, став серо-пепельным. Повернувшись, он бросился наутек.

Нефер свесился со спины Круса и, вырвав меч из песка, пустил Круса в погоню за Нагом. Наг услышал нарастающий частый стук копыт позади и оглянулся. Тушь потекла по его щекам, будто черные слезы, и страх искажил лицо. Он понимал, что не сможет избежать ужасной мести, которая надвигалась на него. Упав на колени, он поднял обе руки в мольбе. Ударом по холке и пронзительным свистом Нефер резко остановил Круса перед стоящей на коленях фигурой, прыгнул вниз и встал над Нагом.

– Пощади! – рыдал Наг. – Я отдаю тебе двойную корону и все царство. – Он униженно пополз к ногам Нефера.

– У меня уже есть это. Мне не хватает только одного. Отмщения!

– Пощади, Нефер Сети, именем богов и ради твоей сестры, богини Гесерет, и младенца, которого она носит в своем чреве. – Внезапно в его правой руке оказался кинжал, и он злобно ударил им Нефера в пах. Он почти достал Нефера, но тот вовремя отклонился, и острое кинжала зацепило край его хитона. Нефер выбил оружие из руки Нага ударом синего клинка.

– Я восхищен твоим постоянством. До самого конца ты остаешься верен своей основной природе. – Нефер холодно улыбнулся. – Я дарю тебе ту же милость, какую ты оказал моему отцу, фараону Тамосу. – Он вонзил острое синего меча в центр груди Нага, и оно вышло между лопатками. Выражение отчаянного недоверия появилось на лице Нага.

– Ты осквернил это священное лезвие. Теперь я омою его в твоей крови, – сказал Нефер, выдернул клинок и вновь глубоко вонзил.

Наг сначала упал лицом в пыль, затем еще раз отрывисто вздохнул, но воздух из его легких вышел пузырячатой пеной из раны между его лопатками, он задрожал и умер.

Нефер привязал его тело за пятки к постромкам из упряжи Круса и, взбравшись жеребцу на спину, потащил тело назад через поле. Приветствия следовали за ним волна за волной, когда он подъезжал к воротам крепости. Он обрубил веревку и оставил окровавленное тело Нага лежать в пыли.

– Разрежьте узурпатора на отдельные части и пошлите их показать в каждый ном этой страны. Пусть каждый житель Египта посмотрит на плоды цареубийства и предательства.

Затем он поглядел на того, кто стоял высоко на сторожевой башне крепости, и поднял покрытый кровью синий меч, приветствуя его. Таита поднял в ответ правую руку, и на его пальце блеснула темно-красная вспышка – драгоценный рубин в кольце Нага.

«Он провел на башне весь день. Какую роль Маг сыграл в сражении? – спросил себя Нефер. Победили бы мы без его влияния?» Ответа не было, и он прогнал эту мысль. Он поднялся по лестнице на вершину башни и встал рядом с Таитой. Оттуда он стал говорить со своими солдатами. Он поблагодарил их за службу и за храбрость. Он пообещал наградить их всех долей добычи и присвоил звания, золотые цепи доблести и почетные титулы командирам отрядов и сотникам.

К тому времени, как он перечислил их всех, солнце стало садиться в низкую гряду фиолетовых грозных туч у горизонта. Нефер закончил свою речь призывом к молитве:

– Я посвящаю эту победу золотому Горы, соколу богов, – крикнул он, и когда он читал молитву, появилось странное предзнаменование. Последний мимолетный луч солнца прорвался сквозь гряду облаков и озарил башню крепости. Свет вспыхнул на синей военной короне на голове Нефера и на синем мече в его руке.

В тот же миг вверх раздался громкий крик: все подняли головы и обратили глаза к небу. Послышался громкий шепот и вздох множества людей. В воздухе над головой фараона парил царский сокол, и пока они удивленно смотрели на это, он повторил свой странный, настойчивый крик, сделал три круга в вышине и наконец устремился прочь напрямик в темнеющее восточное небо, быстро и резко взмахивая крыльями. И исчез во мраке.

– Благословение бога, – стали выкрикивать солдаты. – Приветствуем вас, фараон! Даже боги приветствуют вас.

Но как только они остались одни, Таита заговорил тихо, так чтобы никто другой за пределами комнаты не смог расслышать его слова.

– Сокол принес предупреждение, а не благословение.

– Предупреждение о чем? – спросил Нефер спокойно, но с глубоким беспокойством.

– Когда птица крикнула, я услышал крик Минтаки, – прошептал Таита.

– Минтака! – Нефер забыл о ней в пылу сражения. – Что Пренн сказал мне о ней? – Он повернулся ко входу в шатер и крикнул стражникам: – Пренн! Где сотник Пренн?

Пренн явился сразу и встал на колени перед фараоном.

– Ты заслужил нашу самую глубокую благодарность, – сказал ему Нефер. – Без тебя мы не смогли бы победить. Твоя награда превзойдет награды всех других моих военачальников.

– Фараон милостив.

– В начале сражения ты говорил о принцессе Минтаке. Я думал, она в безопасности, в храме Хатор в Аварисе. Когда и где ты видел ее в последний раз?

– Фараон, вы ошибаетесь. Принцесса Минтака не в храме. Она прибыла ко мне и доставила ваше послание. Я не мог взять ее с собой в сражение, поэтому оставил два дня тому назад в моем лагере в пустыне, на дороге отсюда в Хатмию.

Ужасное предчувствие охватило Нефера.

– Кого еще ты оставил на той же лагерной стоянке?

– Других женщин царской крови: принцессу Мерикару, которая сопровождала Минтаку, и ее величество царицу Гесерет.

– Гесерет! – Нефер вскочил на ноги. – Гесерет! Если Минтака и Мерикара – в ее власти, что она сделает с ними, когда услышит, что я убил ее мужа? – Он шагнул к двери шатра и крикнул Мерена. – Минтака и Мерикара в ужасной опасности, – сказал он ему.

– Откуда ты знаешь? – Мерен встревожился.

– От Пренна. А Таита услышал предупреждение в крике сокола. Мы должны ехать сейчас же.

Гесерет проснулась в темноте и холоде того ужасного предрассветного часа, когда весь мир тонет в непроницаемом мраке и человек падает духом, проваливаясь в бездну уныния. Сначала она не поняла, что ее разбудило, но затем услышала слабый звук множества голосов, который был еще далеко, но становился все громче. Она села, так что меховые одеяла упали до пояса, и попыталась разобрать в отдаленном шуме слова. Теперь ей удалось различить «побежден», «убит» и «бегите прямо сейчас».

Она крикнула своих девушек, и две из них спотыкаясь пришли, полусонные и нагие, неся маленькие масляные лампы.

– Что происходит? – спросила Гесерет, и темные глаза девушек широко и непонимающе открылись.

– Мы не знаем, госпожа. Мы спали.

– Глупые девчонки! Идите и узнайте сейчас же, – сердито приказала Гесерет. – И убедитесь, что пленницы все еще в их клетке, не удрали. – Девушки убежали.

Гесерет вскочила с ложа. Она зажгла все лампы, подвязала волосы, надела хитон и набросила на плечи накидку. Тем временем шум за оградой ее лагеря становился все громче, теперь она слышала крики, и мимо по дороге проезжали повозки, но она по-прежнему не могла понять, что произошло.

Две служанки прибежали назад в шатер. Старшая из них задыхалась, и ее было почти невозможно понять:

– Говорят, была большая битва в месте под названием Исмаилия, великая. – Гесерет захлестнула волна радости. Наг одержал победу – в глубине души она была уверена в этом.

– Каков итог битвы?

– Мы не знаем, госпожа. Мы не спрашивали.

Гесерет схватила ближайшую к ней девушку за волосы и дернула так яростно, что в ее руках остались пряди.

– У вас в ваших толстых черепах есть хоть капля мозгов? – Она ударила рабыню по лицу, так что девушка упала и осталась лежать на полу шатра. Схватив лампу, Гесерет поспешила к двери.

Стражников не было, и она ощутила первый приступ страха. Она побежала к телеге и подняла лампу, вглядываясь в клетку для свиней. Ее беспокойство немного унялось, когда она увидела, что две истерзанные фигуры по-прежнему привязаны к стойкам в задней части клетки. Пленницы обратили к ней бледные, измазанные грязью лица.

Гесерет оставила их и побежала к воротам в изгороди. В свете звезд она различила темную колонну, проезжающую мимо. Она увидела очертания телег и повозок, которые тянули упряжки волов. На одних лежали высокие груды узлов и ящиков, другие были заполнены женщинами, крепко обнимающими своих детей. Сотни солдат спешили мимо пешком, и Гесерет видела, что большинство их бросили оружие.

– Куда вы идете? – крикнула она им. – Что происходит? – Никто не ответил ей, если вообще заметил ее присутствие. Гесерет выбежала на дорогу и схватила за руку одного из солдат. – Я – царица Гесерет, жена фараона всего Египта. – Она потрясла его руку. – Да слушайте же, мошенник!

Солдат издал странный лающий смех и попытался вырваться. Но Гесерет держалась за его руку с отчаянной силой, и тогда он нанес ей сильный удар и оставил лежать в пыли на дороге.

Она поднялась и выбрала в проходившей толпе другого воина, у которого был воротник сержанта. Она подбежала к нему; из носа капала кровь.

– Какие новости о битве? Скажи мне. О, пожалуйста, скажи, – взмолилась она. Он поглядел в ее лицо. Было уже достаточно светло, и он смог узнать ее.

– Самые страшные, великая. – Его голос был груб. – Была ужасная битва, и враг победил. Наше войско разбито, все колесницы поломаны. Враг продвигается быстро и скоро настигнет нас. Вы должны немедленно бежать.

– Как фараон? Что с моим мужем?

– Говорят, что битва проиграна и фараон убит.

Гесерет уставилась на него, неспособная двигаться или говорить.

– Вы уйдете, великая? – спросил воин. – Пока не поздно. Прежде чем придут победители и начнутся грабежи. Я буду охранять вас.

Но Гесерет покачала головой.

– Это неправда. Нага не могли убить. – Она отвернулась. Когда взошло солнце, она одиноко стояла на обочине дороги, а разбитое войско текло мимо. Эта беспорядочная толпа не имела никакого сходства с гордым воинством, собравшимся перед Синими Воротами Вавилона всего несколько месяцев назад.

Среди них было несколько военачальников, и Гесерет крикнула одному из них:

– Где фараон? Что произошло?

Боевой командир не узнал ее, с окровавленным лицом и в растерзанной одежде, покрытой пылью. Он крикнул в ответ:

– Наг Киафан убит в поединке самим Нефером Сети, и его тело разрублено на части, которые, чтобы показать всему народу, разсланы во все номы Египта. Вражеское войско продвигается быстро и придет сюда, вероятно, к полудню.

Гесерет издала пронзительный вопль. Эти подробности были слишком яркими, чтобы сомневаться дольше. Она зачерпнула ладонями пыль и высыпала себе на голову. Продолжая вопить, она расцарапала себе лицо ногтями, так что показалась кровь, которая потекла по щекам и закапала на хитон.

Ее служанки и начальник ее личной охраны вышли из-за ограды, чтобы увести царицу назад, но она, вне себя от горя, стала выкрикивать несвязные ругательства. Подняв лицо к небесам, она стала выкрикивать богохульства, обвиняя богов в том, что они не защитили ее мужа, бога намного более великого, чем любой другой в пантеоне.

Ее рыдания и крики звучали все громче, а поведение становилось все более неистовым

и безумным. Она рассекла себе грудь маленьким украшенным драгоценными камнями кинжалом, который всегда носила с собой, помочилась стоя и, упав в получившуюся грязь, принялась кататься в ней. Затем она внезапно вскочила и помчалась внутрь ограды лагеря. Подбежав к клетке для свиней на телеге, она завизжала Мерикаре сквозь прутья:

– Наш муж мертв. Убит нашим родным братом. Чудовищем.

– Хвала Хатор и всем богам, – воскликнула Мерикара.

– Ты богохульствуешь! – Гесерет набросилась на нее. – Наг Киафан был богом, а ты была его женой. – Она впадала во все более глубокое безумие. – Тебе следовало быть почтительной женой, но ты бросила его. Опозорила и оскорбила.

– Мой муж – Мерен, – сказала Мерикара. – Я презираю то существо, которое ты называешь мужем. Он убил нашего отца и вполне кару, какую понес от рук Нефера.

– Мерен – простой солдат, а Наг был и есть бог.

Хотя губы Мерикары распухли от жажды и были обожжены солнцем, она заставила себя улыбнуться.

– Мерен больше бог, чем Наг когда-либо был. И я люблю его. Он приедет сюда очень скоро, и тебе лучше освободить нас с Минтакой раньше, чем он прибудет, иначе они с Нефером заставят тебя дорого заплатить за это.

– Тише, милая подруга, – прошептала Минтака. – Она безумна. Посмотри ей в глаза. Не раздражай ее. Она сейчас способна на любое злодейство.

Гесерет была далека от здравомыслия или сдержанности.

– Ты любишь рядового? – спросила она. – Ты смеешь сравнивать его с моим мужем, фараоном Египта? Тогда ты получишь много солдат!

Она обратилась к командиру стражников.

– Вытащите свинью из ее грязной клетки. – Тот заколебался. Предупреждение Мерикары звучало в его ушах: Нефер и его военачальники скоро будут здесь.

Гесерет, казалось, справилась с чувствами и опомнилась.

– Приказываю тебе повиноваться, или тебе несдобровать. – Он неохотно отдал приказ своим солдатам, и те разрезали кожаные ремни, которыми запястья Мерикары были привязаны к стойкам, затем открыли дверь и вытащили ее за ноги.

Руки и ноги Мерикары посинели и опухли в тех местах, где ремни препятствовали току крови, и она едва держалась на ногах. Незащищенную кожу лица, рук и ног докрасна обожгло солнце, а волосы свисали на лицо спутанными прядями.

Гесерет быстро осмотрелась, и ее внимание привлекло колесо, снятое для ремонта с одной из повозок. Оно было прислонено к ограде.

– Принесите сюда то колесо! – приказала она, и два солдата прикатили его туда, куда она указала. – Привяжите к нему эту суку. Нет, не так. Распните ее! Чтобы руки и ноги были широко расставлены, приглашая солдат любить ее.

Они повиновались и за запястья и лодыжки привязали Мерикару к ободу колеса, как морскую звезду. Гесерет встала перед ней и плюнула ей в лицо. Мерикара засмеялась потрескавшимися губами.

– Ты сошла с ума, сестра. Горе помutilо твой разум. Мне жаль тебя, но ничто не сможет вернуть Нага. Когда его грязные преступления будут взвешены на весах справедливости, чудовище у врат рая пожрет его черное сердце и он будет предан забвению.

Гесерет чиркнула по обеим щекам сестры острием кинжала, нанеся мелкие поверхностные раны, из которых, тем не менее, обильно потекла кровь, заливая хитон на груди Мерикары. Гесерет кинжалом разрезала льняную ткань. Затем обеими руками разорвала ее от шеи до подола, обнажив Мерикару.

Ее тело, нетронутое солнцем, было белым и нежным, груди – маленькими, с ярко-розовыми сосками, живот – плоским и белым, а волосы внизу живота – шелковистыми.

Гесерет шагнула назад и посмотрела на своих стражников.

– Кто из вас будет первым?

Они глазели на стройное обнаженное тело на колесе.

Минтака крикнула из клетки:

– Поберегитесь! Нефер Сети будет здесь очень скоро, и это – его сестра.

Гесерет повернулась к ней.

– Закрой свой ядовитый рот. Ты станешь следующей. Там десять тысяч мужчин, и до исхода дня ты доставишь удовольствие многим из них. – Она снова повернулась к солдатам. – Ну, посмотрите на эту сладкую плоть. Не хотите попробовать ее? Я вижу, ваши зубцы под одеждой твердеют.

– Это безумие, – прошептал командир, но не мог оторвать глаз от бледного тела. – Она – принцесса царского Дома Тамоса.

Гесерет выхватила из руки ближайшего солдата длинное копьё и ударила его по спине древком.

– Ну, воин, у тебя нет яиц? Дай нам поглядеть, как ты глубоко вонзишься в эту полную меда дырку.

Солдат попятился, потирая след удара на спине.

– Вы сошли с ума. Какую кару обрушит на мою голову Нефер Сети? – Он внезапно повернулся и выбежал из ограды, чтобы присоединиться к потоку идущих по дороге беженцев. Его товарищи колебались лишь мгновение, затем один из них пробормотал: – Она безумна! Я не стану ждать, когда Нефер Сети придет и найдет свою сестру в таком виде. – Он помчался к воротам; его товарищи побежали следом.

Гесерет метнулась за ними.

– Вернитесь! Я приказываю! – Но они смешались с толпой и исчезли. Гесерет подбежала к высокому лучнику-нубийцу, который спешил мимо, схватила его за руку и попыталась увести в свой лагерь. – Пойдем со мной. Я знаю вас, черных скотов, зубцы у вас большие, как у слона, и вы любите ими пользоваться. У меня есть кое-что, что понравится тебе.

Лучник с силой оттолкнул ее.

– Отстань, шлюха! Сейчас не до тебя.

Она смотрела, как он шагает прочь по длинной запруженной людьми дороге, и крикнула вслед:

– Речь не обо мне, животное. Как ты смеешь оскорблять царицу Египта?

Рыдая и бессвязно бормоча, она побежали обратно в ограду лагеря. Минтака крикнула ей из клетки:

– Все закончилось, Гесерет. Успокойся. Освободи Мерикару, и мы защитим тебя. – Она говорила тихим успокаивающим голосом, поскольку поняла, что Гесерет перешла границы разума и блуждает в пустыне безумия.

– Я – царица Египта, а мой муж – бессмертный бог, – кричала Гесерет. – Смотрите на меня и страшитесь моей красоты и моего величия. – Она была покрыта кровью и грязью и неистово размахивала копьём.

– Пожалуйста, Гесерет, – добавила свою просьбу Мерикара: – Нефер и Мерен будут здесь очень скоро. Они позаботятся о тебе и защитят тебя.

Гесерет впиалась в нее взглядом.

– Я не нуждаюсь ни в какой защите. Разве ты не понимаешь, что я тебе говорю? Я – богиня, а ты – солдатская девка.

– Дорогая сестра, ты расстроена. Освободи меня, и я помогу тебе.

Лицо Гесерет приобрело коварное выражение.

– Думаешь, я не смогу найти для тебя мужской зубец? Ошибаешься. У меня найдется. – Она подняла длинное копьё и перевернула так, что тупой конец древка был направлен на Мерикару. – Вот идет твой воин-любовник. – Она угрожающе надвинулась на Мерикару.

– Нет, Гесерет! – настойчиво воскликнула Минтака. – Оставь ей жизнь.

– Ты будешь следующей, подлая предательница. Я займусь тобой после того, как обслужу эту.

– Гесерет, нет! – умоляла ее Мерикара, корчась в путях. Но Гесерет, казалось, не

слышала ее и вставила древко копья между ее разведенными бедрами.

– Сестра, ты не можешь! Разве ты не помнишь...

Мерикара замолчала, и ее глаза широко открылись от шока и боли.

– Вот так! – сказал Гесерет, глубоко заталкивая в нее древко. – Вот так! – кричала она. – И так! – Древко с каждым толчком входило все глубже, пока не погрузилось почти на длину руки в живот и вышло, покрытое кровью Мерикары.

Теперь обе девушки кричали:

– Прекрати! Пожалуйста прекрати! – но Гесерет продолжала впихивать древко в свою сестру.

– Так! Это утолило твою похоть?

Мерикара истекала кровью, но Гесерет всей своей тяжестью налегла на оружие и втокнула его в сестру на всю длину. Мерикара пронзительно закричала в последний раз и ослабла в путах. Ее подбородок упал на голую грудь.

Гесерет оставила копье воткнутым в ее стройное бледное тело и отошла. Она ошеломленно смотрела на дело рук своих.

– Ты сама виновата. Я не при чем. Это был мой долг. Ты вела себя как шлюха. Я обошлась с тобой как со шлюхой. – Она снова начала рыдать и ломать руки. – Это не имеет значения. Ничто больше не имеет значения. Наг мертв. Наш нежно любимый муж мертв...

В полубессознательном состоянии, как лунатик, Гесерет пошла в свой шатер, роскошно обставленный, но пустой. Сняв пропитанный кровью и мочой хитон, она уселась посреди пола, затем наугад выбрала из груды в углу другую одежду и натянула на ноги сандалии.

– Пойду искать Нага, – сказала она с внезапной решимостью. Быстро собрав кое-какие вещи, она затолкала их в кожаную заплечную сумку. Затем решительно направилась к двери.

Когда она вышла на ранний солнечный свет, Минтака крикнула ей из клетки:

– Пожалуйста, освободи меня, Гесерет. Я должна позаботиться о твоей младшей сестре. Она страшно ранена. Прошу, будь милосердна, позволь мне пойти к ней.

– Ты не понимаешь. – Гесерет резко замотала головой. – Я должна идти к мужу, фараону всего Египта. Он нуждается во мне. Он послал за мной.

Не взглянув на Минтаку, она поспешила из ограды, качая головой и что-то бессвязно бормоча себе под нос. Она повернула на запад, в направлении, противоположном течению потока испуганных людей, и побежала в сторону Исмаилии и Египта.

Минтака еще раз услышала:

– Жди меня, Наг, моя единственная истинная любовь. Я иду. Жди меня! – и безумные крики Гесерет стихли вдалеке.

Минтака боролась со своими путами, крутила и тянула руки, прижав босые ноги к стойкам клетки, чтобы лучше упереться. Она чувствовала, как кожа слезала с запястий и теплая кровь потекла по ладоням и пальцам, но кожаные ремни были завязаны туго и крепко, и она не могла ни растянуть, ни разорвать их. Ее руки стали неметь от недостатка крови. Всякий раз, когда она отдыхала от этой борьбы, ее взгляд возвращался к обмякшему телу Мерикары на колесе. Она звала ее:

– Я люблю тебя, моя дорогая. Мерен любит тебя. Не умирай. Ради нас, пожалуйста, не умирай. – Но глаза Мерикары были широко открыты, а взгляд неподвижен. Скоро ее глаза стали сохнуть и стекленеть под тонким слоем пыли, и мухи назойливо зароились над телом и стали пить из лужи крови между ее ногами.

Затем Минтака услышала звуки драки, доносившиеся от входа в шатер, и, повернув голову, увидела двух служанок Гесерет, выползающих из шатра. Каждая несла большой мешок, набитый украденными ценностями. Минтака крикнула им:

– Пожалуйста, освободите меня. Вы получите свободу и большую награду, – но они испуганно и виновато поглядели на нее и выбежали из ограды на дорогу, чтобы присоединиться к отступающему в беспорядке побежденному войску, идущему на восток.

Позднее у ворот раздались голоса, и Минтака хотела закричать, но вовремя узнала

грубую речь и успела сдержаться. Четыре человека осторожно вошли в лагерь. По их лицам, одежде и разговору она поняла, что это негодяи самого низкого пошиба, вероятно, из шаек шакалов и падальщиков, следующих за любым войском, чтобы грабить и воровать. Она опустила голову и притворилась мертвой.

Негодяи остановились посмотреть на тело Мерикары. Один засмеялся и сделал такое непристойное замечание, что Минтака крепко зажмурилась и с большим трудом заставила себя смолчать.

Затем они подошли к клетке и поглядели на нее. Она лежала совершенно неподвижно и старалась не дышать. Понимая, как ужасно она выглядит, она попробовала притвориться мертвой.

– Воняет, как от свиньи, – заметил один из них. – Лучше займусь этим с Госпожой Ладонью и ее пятью дочерьми. – Они дружно загоготали над этой шуткой и разошлись по лагерю в поисках добычи. Они ушли, унося все, что могли, Минтака смотрела на удлиняющиеся на утопанной земле лагеря тени, а тем временем снаружи звуки проезжающих повозок, телег и идущих пешком людей медленно стихли. Перед самым закатом прошли последние из них, и тишина пустыни и смерти опустилась на лагерь.

Ночью Минтака иногда погружалась в сон, побежденная истощением и охватившим ее отчаянием. Всякий раз, просыпаясь, она видела в серебряном свете луны распятое бледное тело Мерикары, и ужасное горе охватывало ее вновь.

Наступил рассвет и взошло солнце, но единственным звуком, который она слышала, был шорох ветра пустыни в ветвях хилого тернового дерева у ворот и время от времени собственные рыдания. Но они звучали все тише и слабее – еще один день прошел без воды.

Затем Минтака услышала что-то еще, отдаленный шум, превратившийся в тихий рокот, и поняла, что это колеса, катящиеся на большой скорости. Это были колесницы, поскольку теперь она слышала топот копыт и мужские голоса, которые становились все громче и громче – и наконец она узнала один из них.

– Нефер! – Она хотела крикнуть его имя, но ее голос прозвучал тихим шепотом. – Нефер!

Затем она услышала вопли ужаса и, медленно повернув голову, увидела вбегающего в ворота Нефера и Мерена с Таитой позади него.

Нефер увидел ее сразу и подбежал к клетке. Он голыми руками сорвал ворота с петель, а затем, вынув из ножен кинжал, обрезал кожаные ремни, удерживавшие ее запястья. Осторожно вытащив ее из зловонной клетки, он прижал ее к груди. Он плакал, неся ее в шатер.

– Мерикара! – прошептала она потрескавшимися распухшими губами.

– Таита позаботится о ней, но боюсь, что уже слишком поздно. – Минтака посмотрела назад через плечо Нефера и увидела, как Таита и Мерен вместе разрезали путы Мерикары и вытащили покрытое свернувшейся кровью копье из ее тела. Сейчас они расправляли чистую белую льняную ткань на ее теле, закрывая ужасные увечья.

Минтака закрыла глаза.

– Я изнемогаю от горя и печали, но, мой дорогой, я никогда не видела ничего красивее и долгожданнее вашего лица. Теперь я немного отдохну. – И она потеряла сознание.

Минтака просыпалась медленно, как если бы поднималась из глубин темной ужасной ямы, где обитают демоны.

Когда она открыла глаза, демоны, преследовавшие ее во сне, скрылись, и она с огромным облегчением увидела два самых любимых лица. Таита сидел с одной стороны от ее ложа, Нефер с другой.

– Сколько? – спросила она. – Сколько я лежала без чувств?

– День и ночь, – ответил Таита. – Я дал тебе цветы красного шепенна.

Она поднесла руку к лицу и увидела на ней толстый слой бальзама. Повернув голову к Неферу, она прошептала:

– Я уродлива.

– Нет! – ответил он. – Вы – самая красивая женщина, какую я видел, и я люблю, вас несмотря на это.

– Вы не сердитесь на меня из-за того, что я не повиновалась вам?

– Вы подарили мне корону и страну. – Он покачал головой, и на лицо Минтаки упала его слеза. – Кроме того, вы подарили мне любовь, которая для меня более драгоценна, чем все остальное. Как я могу сердиться на вас?

Таита тихо поднялся и вышел из шатра, и остаток дня они провели вдвоем, тихо беседуя.

Вечером Нефер послал за остальными. Когда они собрались вокруг ложа Минтаки, Нефер печально посмотрел на их лица и увидел, что все здесь: Таита и Мерен, Пренн, Сокко и Шабакко, с трудомдвигающийся из-за боли в ранах, полученных на поле битвы у Исмаилии.

– Вы пришли, чтобы увидеть, как свершится правосудие, – сказал он и повернулся к стражникам у двери.

– Введите женщину по имени Гесерет, – приказал он.

Минтака вздрогнула и попыталась сесть, но он мягко вернул ее назад на изголовье.

– Где? Как вы нашли ее?

– Наши заставы обнаружили ее блуждающей в пустыне на дороге в Исмаилию, – объяснил Нефер. – Сначала они не узнали ее и не поверили заявлениям, что она царица. Они сочли ее безумной.

Гесерет вошла в шатер. Нефер позволил ей искупаться и дал свежую одежду, а Таита обработал порезы и царапины на ее лице и теле. Теперь она отбросила руки стражников и поглядела вокруг, по-царски вздернув подбородок.

– Падите ниц передо мной, – приказала она собравшимся. – Я – царица.

Никто не шелохнулся, а Нефер сказал:

– Принесите ей табурет.

Когда Гесерет усадили, он посмотрел на нее так холодно, что она закрыла лицо и расплакалась.

– Вы ненавидите меня, – рыдала она. – Почему вы ненавидите меня?

– Минтака расскажет тебе почему, – ответил он и повернулся к ложу: – Пожалуйста, расскажи нам, как умерла принцесса Мерикура.

Минтака говорила почти час, и в течение всего этого времени никто в шатре не пошевелился и не было слышно ни звука, кроме вздохов и восклицаний ужаса в самых страшных частях рассказа. После Нефер посмотрел на Гесерет.

– Ты отрицаешь какую-нибудь часть этого свидетельства?

К Гесерет вернулся ее холодный взгляд.

– Она была шлюхой и навлекла позор на моего мужа, фараона Египта. Она заслужила смерть. Я довольна и горда, что смогла стать орудием справедливости.

– Даже сейчас я мог бы простить тебя, – тихо сказал Нефер, – если бы ты выказала хотя бы крупицу раскаяния.

– Я – царица. Я выше ваших жалких законов.

– Ты больше не царица, – ответил Нефер, и было видно, что Гесерет пришла в замешательство.

– Я – твоя родная сестра. Ты не причинишь мне вреда.

– Мерикура тоже была твоей сестрой. Ты пощадила ее?

– Я хорошо знаю тебя, Нефер Сети. Ты не причинишь мне вреда.

– Ты права, Гесерет. Я не причиню. Но есть тот, кто делает это без колебаний. – Он обратился к собравшимся военачальникам. – Есть древний закон о праве понесшего самый большой ущерб. Выйди вперед, Мерен Камбизес.

Мерен поднялся и шагнул вперед.

– Фараон, я – ваш солдат.

– Ты был обручен с принцессой Мерикарой. Тебе нанесен самый большой ущерб. Я отдаю в твоё распоряжение тело и жизнь Гесерет Тамос, которая была принцессой царского дома Египта.

Гесерет закричала, когда Мерен накинуд золотую цепь на её шею:

– Я – царица и богиня, вы не осмелитесь навредить мне.

Никто не обратил внимания на её крики, и Мерен посмотрел на Нефера.

– Великий, вы ставите мне какие-нибудь условия? Настаиваете или приказываете проявить милосердие и сострадание?

– Я отдаю её тебе без ограничений. Её жизнь принадлежит тебе.

Мерен ослабил меч в ножнах на бедре и поднял Гесерет на ноги, потянув за цепь. Он потащил её, воющую и рыдающую, из шатра. Никто не пошел за ними.

Они сидели в тишине и через льняные стены слышали вопли мольбы и увещания Гесерет. Затем внезапно наступила тишина, и все замерли. Они услышали высокий, пронзительный вопль, который оборвался так же внезапно, как и возник.

Минтака спрянула лицо в ладонях, Нефер правой рукой сделал знак против зла. Другие закашляли и беспокойно задвигались.

Затем занавески на входе раскрылись, и Мерен вошел в шатер. В правой руке он нес обнаженный меч, а в другой нечто страшное.

– Великий, – сказал он, – правосудие свершилось. – Он высоко поднял за густые локоны отрубленную голову Гесерет, жены Нага Киафана, самозванного фараона.

Прошло ещё пять дней, прежде чем Минтака оправилась достаточно для длинной поездки в Аварис. Но и тогда Таита и Нефер настояли на том, чтобы её несли в носилках для ослабления тряски на неровной дороге, лежавшей впереди. Они двигались медленно, и прошло пятнадцать дней, прежде чем они достигли откоса и посмотрели с сухих просторов вниз, на широкую зеленую долину Нила. Нефер помог Минтаке встать с носилок, и они вместе отошли от дороги, чтобы полностью насладиться радостным мгновением возвращения домой. Они пробыли там недолго, и вдруг Нефер встал и приставил ладонь к глазам.

– Что там, сердце мое? – спросила Минтака.

– К нам посетители, – ответил он, но когда она с досадой посетовала на то, что им мешают, он продолжил: – Эти посетители всегда желанны.

Она улыбнулась, узнав две непохожие фигуры, приближавшиеся к ним.

– Таита. И Мерен! Но что за странная одежда?

Оба были в простой одежде и сандалиях, а на ремнях за спиной несли кожаные мешки священников, совершающих паломничество.

– Мы пришли попрощаться и попросить тебя отпустить нас, – объяснил Таита.

– Вы не оставите меня сейчас. – Нефер был встревожен. – Вы не придете на мою коронацию?

– Ты был коронован на поле у Исмаилии, – тихо ответил Таита.

– Наша свадьба! – воскликнула Минтака. – Вы должны остаться на нашу свадьбу.

– Вы уже давно женаты, – улыбнулся Таита, – возможно, со дня вашего рождения, потому что боги предназначили вас друг для друга.

– Но ты, мой брат по Красной Дороге и мой самый дорогой друг, – обратился Нефер к Мерену, – что случилось с тобой?

– Теперь, когда Мерикара ушла, для меня здесь не осталось ничего. Я должен уйти с Таитой.

Нефер понимал, что сказать больше нечего и что долгие проводы – лишние слезы. Он даже не спросил, куда они собрались. Возможно, они сами не знали.

Он обнял и поцеловал их и вместе с Минтакой стоял и смотрел, как их друзья уходят, как фигуры медленно уменьшаются вдалеке в мерцающих просторах пустыни. Молодые люди одинаково ощущали глубокую боль сожаления и тяжелой утраты.

– На самом деле они не ушли, – прошептала Минтака, когда наконец Таита с Мереном исчезли из вида.

– Нет, – согласился Нефер. – Они всегда будут с нами.

С верховной жрицей и пятьюдесятью служительницами храма Хатор впереди, принцесса Минтака Апепи прибыла для заключения брака с фараоном Нефером Сети.

Они стояли вместе на террасе дворца в Фивах, с которой открывался вид на широкий коричневый поток разлившегося Нила, в сезон, наиболее благоприятный для всех живых существ на земле Египта.

Минтака давно оправилась от своих ран и мучений. Ее красота полностью вернулась и в этот радостный час, казалось, возросла десятикратно.

Казалось, весь Египет собрался, чтобы засвидетельствовать их бракосочетание. Толпы людей протянулись по обоим берегам реки насколько хватал глаз. Когда пара обнялась и разбились кувшины с нильской водой, поднявшийся до небес крик, должно быть, испугал даже богов. Затем Нефер Сети вывел свою новую царицу за руку и показал ее красоту народу. Люди падали на колени, плакали и громко выкрикивали слова преданности и любви.

Внезапно тишина объяла это огромное собрание людей, все взгляды поднялись к крошечному пятнышку в небесном своде над дворцом.

В тишине раздался одинокий громкий крик царского сокола, и птица начала падать с синей высоты. В конце падения, когда казалось, что сокол вот-вот ударится о землю, он широко расправил крылья и взлетел над высокой фигурой фараона. Нефер поднял правую руку, вытянул ее, и мягко как перышко величественная птица села на его кулак.

Рев подобный шуму штормового моря вырвался из десяти тысяч ртов, когда люди приветствовали это чудо. Но взгляд Нефера упал на тонкую полоску из чистого золота, прикрепленную на правой лапе птицы выше больших изогнутых когтей. Выгравированный на полоске из драгоценного металла символ заставил сердце Нефера забиться, когда он узнал его.

– Царский картуш! – прошептал он. – Он никогда не был дикой птицей. Это – Нефертем, сокол моего отца. Вот почему он прилетал ко мне так часто во время самой большой опасности, чтобы предупредить и вести меня. Это всегда был дух моего отца.

– И сейчас Нефертем прилетел, чтобы подтвердить перед всем миром, что вы – действительно правитель. – Минтака встала ближе и пристально поглядела ему в лицо, а в глазах ее светились гордость и любовь.